

ОСЕТИНСКИЕ
народные сказки

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОАССР

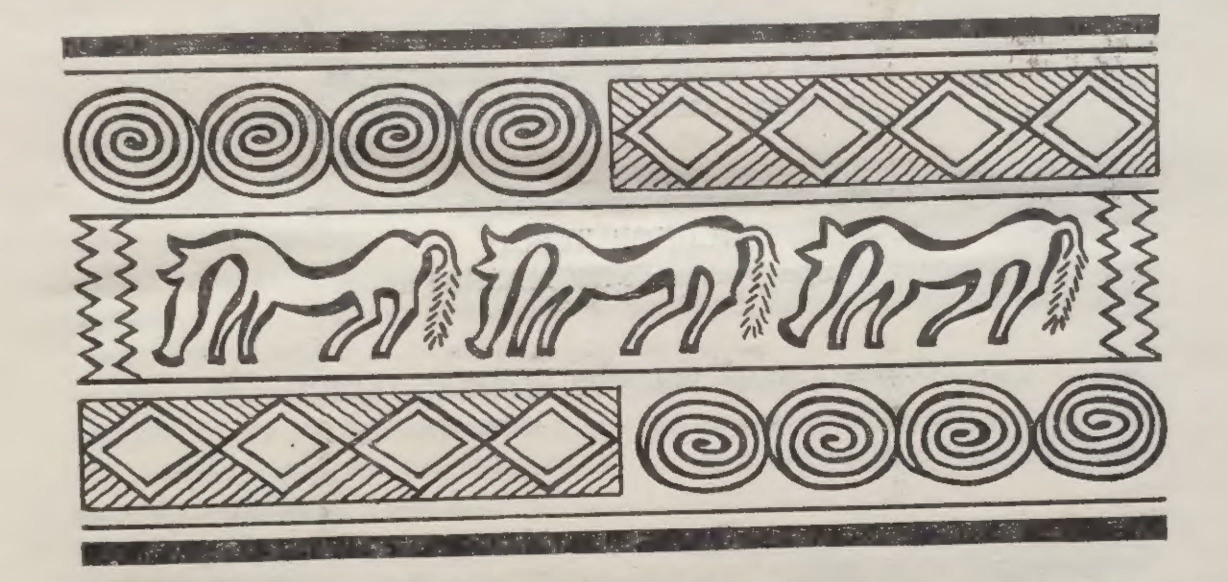

Сказки и мифы народов Востока

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ОСЕТИНСКИЕ
народные сказки

Собрал Г. А. Дзагуров
(Губади Дзагурти)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1973

С (Осет)
О-72

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ

Запись текстов, перевод, предисловие
и примечания Г. А. ДЗАГУРОВА

Автор типологического анализа сюжетов
ИСИДОР ЛЕВИН
при участии УКУ МАЗИНГА

Ответственный редактор ИСИДОР ЛЕВИН

О-72 **Осетинские народные сказки.** Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

598 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора осетинского народа. Сопровождается предисловием, примечаниями и типологическим анализом сюжетов.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

$О\frac{0733-2118}{042(02)-73}$ 210—73

С (Осет)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5
Предисловие 6

ОСЕТИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1. Барс, медведь и волк 17
2. Бедняк, волк и лиса 17
3. Лиса и лисенок 20
4. Волк и семь коз Газза 21
5. Медведь, волк и лиса 25
6. Состарившийся кот 26
7. Баран и заяц 28
8. Барс ищет супротивника 29
9. О лисе и перепелке 30
10. Кот, медведь, волк и лиса 33
11. Мышь, муравей и блоха 36
12. Волк и теленок 38
13. Олень, медведь и два ежа 39
14. Летучая мышь и кузнечик 41
15. Лиса и лисенок 43
16. Человек и еж 43
17. Волк и лиса 43
18. Бедняк, волк и лиса 44
19. Ворона и сова 47
20. Медведь, волк и лиса 47
21. Солнце и лягушка 50
22. Бездомная собака 50
23. Коза и заяц 50
24. Бедняк Цупара и лиса 51
25. Как мышь женилась 54
26. Благодарный человек 55
27. Бедняк и богатей 57
28. Сказка о насильнике 61
29. Мальчик-с-Пальчик, сын бедняка 65
30. Неразумный сын 75
31. Богатырь Домбай 76
32. Алдарский сын 80
33. Единственный сын бедной старухи 91

34. Сын свинопаса 99
35. Вдовий сын 103
36. Фунуктиз, младший из трех братьев 108
37. Три брата 113
38. Девушка-сирота 120
39. Бедный мальчик-батрак 127
40. Царь джиннов и бедняк 131
41. Три сына бедняка 134
42. О насильнике, искателе супротивника 142
43. Единственный сын бедных родителей 146
44. Табунщик Кой, сын алдара 150
45. Сын суки 162
46. Халин-Бараг и три брата 177
47. Бедняк и семь уаигов 193
48. Бедняк и его жена 196
49. Своевольная кривобокая девица Каскатина . . . 202
50. Единственная дочь бедных родителей 213
51. Бедняк и хан-богач 217
52. О бедняке и старике 219
53. Правдивый и в воде не тонет 223
54. Ханский сын 229
55. Матара́, сын Даууая 242
56. Авзонг-Цауайнон, сын бедного охотника 259
57. Мачеха и падчерица 284
58. Алдар и две его жены 290
59. О смуглом юноше 291
60. Алдар и его младший сын 295
61. Три брата и женщина 303
62. Батрак великана 305
63. Две невестки 307
64. Девушка-сиротка 309
65. Младший сын бедняка 311
66. О трех сыновьях хана 315
67. Хан и его батрак 322
68. Дочь вдовы-ведуньи 324
69. Единственный сын бедной женщины Аслан и его жена 325
70. Находчивые гости 330
71. Гунтаспий 331
72. Гость и хозяева 334
73. Ханский сын 335
74. Бедняк и семь его сыновей 336
75. Бык Отуга 340
76. Бедняк и три его сына 347
77. Сын рыбака и девушка-затворница 359
78. Хромой солдат 363
79. Сказка о том, что на свете нет ничего лучше и сильнее любви 368
80. Кто умнее — мужчина или женщина? 379
81. Храбрый сирота Асламбек 381
82. Чиглаз 384

83. Из вопросов алдара 387
84. Три товарища 388
85. О хитростях муллы 392
86. Поп и жена алдара 395
87. Поп, жена бедняка и его дочь 396
88. Как туальский поп отпевал покойника-бедняка . . 396
89. Как туальский поп отпевал грузинского алдара 397
90. Поп и бедняк 397
91. Дурень Сонтхела и его жена 400
92. Глупая семья 401
93. Немой и глухонемой 403
94. Про мужа и жену 403
95. О дураке 405
96. О воре 407
97. Жулики и бедняк 409
98. Ногайский и грузинский воры 412
99. Баев Кази 415
100. Сохити Лох и Коголкин Пах 419
101. Антонико и Дзанболат 421
102. Одинокий, сын Одинокого 428
103. Как бог создал человека 440
104. Уастырджи и земной человек Маргуц 442
105. Бог и бедняк 447
106. Старик-кударец 458
107. Смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага, и сын Фалвара 463
108. Бог, Хуарп-Уацелла, Уасгерги и бедняк 469
109. Бедняк, Уасгерги и черт 476
110. Уасгерги и два брата 479
111. Жизнь и смерть 482
112. Уасгерги и горец-бедняк 483
113. Крым-Саухал и его сын 483
114. Уасгерги и его жена Фатимат, дочь пророка Магомета 493
115. Шашка Уасгерги 496
116. Уасгерги и Татартуп 496
117. Бог, Уасгерги и Никкола 498
118. Дар Фалвара дигорцам 498
119. Жена кумияка 501
120. Искатель жизни 506
121. Бедняк и Барастур загробного мира 510
122. Безрукая девушка 519
123. Сын восточного алдара 527
124. Страна бессмертия 533

Словарь непереводимых слов, собственных имен и терминов 535
Примечания 540
Источники 544
Типологический анализ сюжетов 550

ОТ РЕДАКТОРА

Ценной особенностью настоящего сборника сказок является целостность его происхождения. Все 125 текстов записаны одним компетентным собирателем, известным осетинским ученым, профессором Г. А. Дзагуровым. Записи осуществлялись в период 1904—1963 гг. на основных диалектах осетин со слов разных сказителей.

Все записи были тщательно документированы собирателем и переведены им же на русский язык в той примечательной, ныне весьма редкой манере, которая характерна для стиля классических переводов народной словесности Кавказа.

Единообразие и несомненная достоверность записей и переводов позволяют русскому читателю легче ощутить особенности подлинников.

Хотя, на первый взгляд, эта книга персональная, тем не менее сборник является репрезентативным и составляет крупнейший вклад в осетинское рассказоведение, имеющее славную вековую историю. Тексты были отобраны из огромной частной коллекции, причем основным критерием отбора была типичность содержания и формы.

Топографические и хронологические рамки собрания, из которого составлен настоящий сборник, а также результаты его типологического анализа позволяют считать книгу показательной для сказочного репертуара Осетии конца прошлого — начала нынешнего века. С особым удовлетворением следует отметить, что эти труднодосягаемые тексты публикуются впервые.

Во всем этом немалая заслуга составителя, который не только сумел оградить свою коллекцию от превратностей его нелегкой судьбы, но на старости лет, не щадя своих сил, делает ее, пока частично, достоянием широкого круга любителей народной словесности.

Исидор Левин

Сборник посвящаю
памяти моего дяди
Гамата (Михаила)
Дзагурова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я родился 25 января 1888 г. в дигорском селении Вольно-Христианском (впоследствии Христиановское) в семье народного учителя. Мой отец принадлежал к первому поколению осетинских народных учителей, которые появились с открытием сельских школ в Осетии после присоединения Кавказа к России. Он происходил из бедняцкой семьи дигорских адамихатов, т. е. лично независимого, свободного дигорского крестьянства.

Семья моего отца состояла из шести человек: отец, мать, 80-летняя бабушка и трое сыновей. Бабушка Минат открыла мне глаза на окружающий мир. Она сама была не мастерица рассказывать, но зато страстно любила сказки. Она верила во все то, о чем в них говорилось. Бабушка постоянно твердила: «О глупенький мальчик мой! Слушай сказки, люби их, чтобы, когда подрастешь, разумел что-нибудь в жизни».

Еще больше, чем сказки, бабушка любила сказания о нартах. Их она слушала с особым чувством благоговения и мне внушала такое же отношение к ним. Она не раз мне говорила: «Нарты были нашими предками, мы — потомки их».

Бывало, вечерами к моему отцу являлся кто-либо из родственников или соседей. Обычно они сидели около очага, где висела надочажная цепь с котлом. Чаще всего приходили двое: родной брат отца Санге Цаголов и сосед Самаза Барсагов. Оба они, а в особенности овчар Санге, были от природы наделены необыкновенной памятью и хранили множество самых разнообразных сказок. Бывал у отца и его родич, седобородый старик Сабе Медоев, одаренный народный сказитель, певец, прекрасный знаток осетинского обычного права.

Мать обычно была занята приготовлением ужина. Бабушка этим пользовалась и обращалась с просьбой, скажем, к Санге:

— Санге, солнце мое, пока ужин будет готов, рассказал бы ты нам

какую-нибудь сказку. Ведь ты знаешь, что мы очень любим слушать твои сказки.

И Санге, польщенный словами бабушки, обычно говорил: «А какую же сказку я вам расскажу?». И с этими словами Санге начинал сказывать очередную интересную сказку.

Итак, сказка сопутствовала мне с самого раннего детства.

Но не только дома окружал меня удивительный мир сказки. В каждом квартале нашего селения были свои сказители, певцы и сказочники. Наибольшей известностью среди них пользовался слепой народный сказитель Дзарах Барегович Саулаев (Дзарах Саулати), живший в верхнем квартале.

Вот картина, которая до сих пор стоит у меня перед глазами. Летний вечер. Народ собирается на нихасе, возле кузниц, на берегу реки. Старшие сидят на камнях около кузниц, другие стоят, а третьи растянулись на земле. Разговоры без конца и на всякие темы. Тут же любители состязаются в дигорские шашки. Раздаются голоса: «Что же Дзараха так долго нет?». Все в волнении, в нетерпеливом ожидании и посматривают на восток, в сторону улицы Хаглаевых, где Дзарах живет в бедной хибарке. Вдруг радостные клики: «Идет Дзарах! Тазе ведет его за руку!».

Его быстро окружают и взрослые, и дети. Со всех сторон несутся просьбы. И он, терпеливо выслушав всех, настроив скрипку, начинает хвалебную песню об удалом Амзоре Амзорове. Народ слушает его размеренное повествование сосредоточенно, безмолвно. Только изредка раздаются возгласы восторга или гневные восклицания. Весь нихас переживал сказ Дзараха. Люди готовы были слушать искусного сказителя всю ночь напролет.

Нелегкий труд его оплачивался медяками благодарных слушателей. На эти гроши Дзарах содержал семью — жену и четверых малолетних детей.

О Дзарахе Саулати, как о профессиональном народном сказителе, следует сказать несколько подробнее.

По его словам, он родился в селении Верхний Мизур, Уаллагирского общества. Год рождения его точно не установлен. Предположительно это 1852—1855 гг. Неизвестно также, когда он переселился на плоскость. Он рано лишился родителей и оказался круглым сиротой. В возрасте семи лет Дзарах заболел оспой и ослеп.

По словам самого Дзараха, он с раннего детства проявлял большой интерес к народным сказаниям, сказкам, а после того как ослеп, его родные решили сделать из него профессионального певца-сказителя и отдать на выучку кому-нибудь из известных в те годы осетинских на-

родных певцов-сказителей, сопровождавших свои повествования игрой на фандуре (бандуре), а позже — на европейской скрипке.

Сначала Дзарах учился у жителя Стур-Дигорского общества Баде Гобеева (Баде Гобети), а затем — у жителя селения Урсдон Сослана Лолаева (Соса Лолати). Впоследствии Дзарах отправился в Урс-Туалетию к известному в то время прославленному стадесятилетнему народному сказителю Бибо Томаеву (Бибо Томайти), который, по свидетельству Дзараха, «играл на чудесной двенадцатиструнной арфе». Этой арфе, по словам Дзараха, уже тогда было триста лет. Таких арф в Осетии было две, и одна из них принадлежала Бибо Томаеву. Томаевы получили эту фамильную драгоценность в уплату за кровную месть при примирении со своими кровниками.

Дзарах умер в 1938 г. в возрасте около 70 лет и похоронен на Христиановском верхнеквартальном сельском кладбище.

Таким был один из даровитых и известных осетинских народных сказителей, оказавший на меня могучее влияние *.

* * *

В августе 1900 г. я был принят в первый класс Владикавказского реального училища. Во втором классе нашим наставником был учитель русского языка Павел Константинович Леонтьев. Он меня назначил библиотекарем классной библиотечки, которая помещалась в большом стенном шкафу. Обязанности мои заключались в том, что я должен был выдавать своим товарищам по классу книги для домашнего чтения и следить за их своевременным возвращением. Когда я познакомился с тем, что заключала в себе эта классная библиотека, то был поражен: в ней оказались кроме произведений русских писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др.) такие книги, о существовании которых я до этого даже не подозревал, а именно: «Осетинские этюды» Вс. Миллера (3 тома), «Сборник сведений о кавказских горцах» (10 томов), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1883 по 1900 г.), «Сборник сведений о Кавказе» (2 тома) и др. В них печатались самые разнообразные материалы о кавказских народах, в том числе и об осетинах.

---

* В 1909—1910 гг. и в 1916 г. мною было записано от Дзараха 30 образцов дигорского фольклора. Кроме того, в фольклорном архиве Северо-Осетинского научно-исследовательского института хранятся записи осетинского художника и фольклориста Махарбега Туганова, также сделанные со слов Дзараха.

Библиотекарем классной библиотеки я оставался четыре года и за это время перечитал все эти книги, в первую очередь по кавказоведению и осетиноведению. Имена академика Вс. Миллера и его предшественника по изучению осетин Б. Пфафа стали мне родными и близкими. В кавказских изданиях я нашел много сказок и нартовских сказаний, которые я прочитал с особым увлечением. Мне стали известны имена тех представителей осетинской интеллигенции, которые занялись собиранием памятников фольклора и успели их опубликовать в печати в переводе на русский язык,— Б. Гатиева, братьев Шанаевых, А. Кайтмазова, Ф. Такоева и др.

Уже в то время мне стала ясна необходимость записать те памятники дигорского устного народного творчества, в сказочном мире которых я пребывал в детские годы. Дело осложнялось тем, что я не умел писать по-дигорски (осетинский язык в школах Осетии не изучался).

Самостоятельно овладев осетинской грамотой, я в 1904—1905 гг. записал около двух десятков дигорских сказок, но записи эти не сохранились, кроме одной, которая записана от сказочника С. Б. Барсагова.

В те же годы я окончательно решил получить университетское образование, чтобы стать преподавателем русского языка и литературы в средней школе и одновременно собирать памятники родного дигорского фольклора. Собирание родного фольклора я уже тогда считал долгом служения родному народу.

В 1912 г. я окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. В студенческие годы я, с одной стороны, углубил свои теоретические знания по фольклору, изучив труды виднейших русских ученых, а с другой — познакомился с собирательской деятельностью русских фольклористов. В студенческие же годы я осуществил свое заветное желание и в 1909 г. приступил к собиранию и записи памятников дигорского народного творчества. За две недели пребывания в своем родном селе я успел записать целый ряд нартовских и других сказаний от дигорских народных сказителей и певцов — Дзараха Саулаева (Дзараха Саулати), Сабе Медоева (Сабе Мудойти) и его сына Баззе Медоева (Баззе Мудойти).

Летом 1910 г. на свои скудные студенческие средства я отправился в горную Дигорию, где записал от разных сказителей, певцов и сказочников значительное количество разных фольклорных материалов, составивших отдельный сборник.

Возникает вопрос о том, каких правил я придерживался при собирании и записи фольклорных памятников. Я записывал образцы фольклора дословно, так, как их передавал сказитель или напевал певец. От себя я ничего не прибавлял и ничего не отбрасывал, не старался

улучшить тексты. Мне хорошо были известны требования передовой русской фольклористики, и я ими руководствовался. Мои записи снабжены сведениями о том, когда, кем и от кого записан текст.

* * *

После окончания университета я не смог получить место учителя в средней школе на Кавказе. По семейным обстоятельствам я отказался и от заманчивого предложения остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1912 г. я попал в Забайкальскую область Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и был назначен преподавателем русского языка и словесности в реальном училище в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ).

Только в 1917 г., после свержения самодержавия, я смог вернуться на родину. Время было бурное. Борьба за советскую власть на Тереке (1917—1920 гг.) проходила в условиях классовых, религиозных и национальных противоречий. Казалось бы, что при таком положении многонационального Терека нечего было и думать об организации каких бы то ни было обществ, преследующих цели и задачи изучения жизни осетинского народа. Однако меня и тогда не покидала мысль о собирании, записи и изучении произведений устного народного творчества. В газете «Горская жизнь» была напечатана моя статья «О своевременности образования „Общества любителей осетинской народной словесности"». В своей статье я обращался к осетинской интеллигенции и указывал, что несмотря на переживаемый момент «в деле спасения памятников устного народного творчества осетин тоже нельзя медлить ни одной минуты, что рядом с политическим устройством жизни должна идти, ни на минуту не останавливаясь, и культурно-просветительная работа» *.

На организационном собрании с участием осетинских писателей Д. Короева и Ц. Гадиева, а также бывшего редактора первой осетинской газеты «Ирон газет» А. Бутаева было решено образовать научное «Осетинское историко-филологическое общество», призванное изучать жизнь осетин. Это было первое научное общество среди горских народов Северного Кавказа; по его примеру подобные общества потом были организованы и в других местах Северного Кавказа. Оно просуществовало с 1918 по 1925 г. За эти годы Общество проделало большую работу по собиранию и записи памятников фольклора на всех диалектах осетинского языка. К записи фольклорных материалов были привлечены эн-

* «Горская жизнь», 23.I 1918.

тузиасты фольклора — Цоцко Амбалов, Гагудз Гуриев, Камбулат Дулаев, Петр Гадиев, Дудар Бердиев, Георгий Толасов, Андрей Толасов и др. Народные сказители вызывались в г. Владикавказ, и в течение определенного времени от них записывался их репертуар, полностью или частично, в зависимости от обстоятельств. Общество практиковало и командировки на места для записи фольклорных материалов.

Для того, чтобы записи фольклорных памятников производились с соблюдением научных требований, была разработана особая программа на основе «Программы для собирания произведений народной словесности», изданной комиссией по народной словесности при Этнографическом отделе «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии».

С 1925 г. по моей инициативе на базе Осетинского историко-филологического общества постановлением Президиума Северо-Осетинского облисполкома был организован Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, который состоял из трех отделений: литературно-лингвистического, исторического и естественно-исторического.

В задачи института входило всестороннее изучение осетин, как в прошлом, так и в настоящем. Институт получил возможность издавать свои труды и материалы по фольклору. В основу разработанного мною плана издания фольклорных материалов были положены такие принципы: издавать в хронологическом порядке, по собирателям и сказителям; тексты давать на осетинском языке и в переводе на русский язык; в год выпускать по одному сборнику; сборникам дать название: «Памятники народного творчества осетин» (ПНТО). Первый выпуск вышел в 1926 г. с материалами фольклористов братьев Шанаевых на русском языке, так как рукопись сохранилась только на этом языке; сборник снабжен моим предисловием. Второй выпуск издан с материалами фольклориста-энтузиаста, учителя начальной школы М. Гарданти. В нем даны фольклорные памятники на дигорском языке и мой перевод их на русский; сборник снабжен, кроме того, моим предисловием и примечаниями. III, IV и V выпуски были изданы с материалами фольклориста Ц. Амбалова; III выпуск снабжен предисловием члена Общества Г. Г. Бекоева, ему же принадлежит и перевод на русский язык; IV и V выпуски изданы без перевода материалов на русский язык.

Перед Отечественной войной Институт проделал большую работу по собиранию нартовских сказаний, составлению и изданию свода нартовского эпоса.

Собирание и запись фольклорных материалов на всех диалектах осетинского языка я продолжал также и в 40-е годы.

Позднее, в 50-е годы, я привел в порядок свой фольклорный архив, переписав все материалы по годам и сказителям; большую часть их перевел на русский язык и снабдил примечаниями различного характера. В то же время я продолжал собирание и запись новых фольклорных материалов.

* * *

Осетинская сказка до последнего времени специально не изучалась. Дело ограничивалось изданием уже собранных сказок и переводом их. Из подобных изданий можно назвать следующие: Осетинские народные сказки, составители С. Бритаев и Г. Калоев. Предисловие Г. Калоева, М., 1959, 424 стр. (на рус. яз.); Осетинские народные сказки, составители С. Бритаев и Г. Калоев. Предисловие Г. Калоева, Орджоникидзе, 1960, 436 стр. (на осетинско-иронском яз.); Осетинские народные сказки, т. I, Сталинир, 1959, 720 стр.; т. II, Сталинир, 1960, 410 стр. (на осетинско-иронском яз.); Осетинские народные сказки, составитель А. Бязыров, Сталинир, 1960, 384 стр. (на рус. яз.).

Все эти издания страдают одним общим недостатком: составители сборников не соблюдали элементарных требований записи и издания фольклорных памятников, тексты подвергались стилизации.

Как я отбирал из своего фольклорного архива материалы для настоящего сборника и чем при этом руководствовался? Осетинский фольклор богат и многообразен, это признано давно. Я решил ограничить рамки сборника только сказками и отчасти легендами. Я подобрал из своего фольклорного собрания сказки разного вида и содержания и постарался, чтобы диалекты осетинского языка были представлены достаточно полно. В сборник я включил только собственные записи или такие, которые осуществлялись по моему поручению студентами или учителями. Из них дигорских — 81, иронских — 39 и туальских (южноиронских) — 5.

Все материалы сборника даются в моем переводе. При переводе я следовал той традиции, которая практиковалась в кавказоведческой литературе. Я учел и опыт Вс. Миллера, и таких фольклористов, как Б. Гатиев, А. Кайтмазов, Ф. Такоев и др., а также и свой собственный опыт при издании II выпуска «Памятников народного творчества осетин», в предисловии к которому я писал в 1927 г.: «При переводе на русский язык я старался, по примеру Вс. Миллера, Шифнера и др., как можно ближе держаться дигорского текста с той целью, чтобы перевод мог дать более ясное понятие о характере и строе дигорской речи; так как иной способ передачи текстов извратил бы смысл и значение народ-

вых сказаний. Ясно, что к такому переводу нельзя предъявлять строгих литературных требований» *. Я и теперь нахожу, что такой принцип перевода, имеющий многолетний опыт, оправдал себя в прошлом и оправдывает в настоящем.

* * *

Что представляет собой осетинская сказка со стороны содержания и формы? Научное изучение осетинской сказки — дело будущего. Я ограничусь лишь некоторыми замечаниями общего и частного характера, основанными на моих наблюдениях.

Сказка среди других жанров в осетинском фольклоре занимает главенствующее положение. Правда, в осетинском фольклоре между отдельными жанрами — сказанием, хвалебной песней и песней — нет твердого разграничения; сами сказители зачастую смешивают сказание, хвалебную песнь и песнь, называют их сказкой. Вот, например, свидетельство сказителя-певца Дз. Дедекаева: «„Песня о Мисирби" — одновременно и песня, и сказание. Я воспринял ее от многих больших певцов; знаю и песню; она содержит то же, что и сказание... Пели ее, перехватывая друг от друга; каждый, кто знал песню, мог пропеть столько колен, сколько хотел, а затем песню от него подхватывал другой, тот, кто знал песню; каждую песню вот в таком порядке и пели». То же самое Дедекаев говорит и о «Песне о Гуймане»: «Она и песня, и сказание».

Как правило, осетинская сказка передается устно, без музыкального сопровождения. Для нее характерна устойчивая форма начала: «Давно-давно жили-были бедные муж и жена (или: алдар, хан, и пр.)». Попадается и такое начало сказки: «Было, не было, жили-были...». В длинных сказках через определенный отрезок сказки повторяются слова: «Сказка стремительна», что соответствует формуле русских сказок: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Концовка сказки также стереотипна: «Они стали жить и поживать и сегодня еще живут и поживают», или: «Как вы из всего этого ничего не видели, так да не посетят вас никакие другие напасти, никакие другие болезни».

Если начальная формула такого типа принадлежит только сказке и ни одному другому жанру фольклора, то конечная формула осетинской

* Памятники народного творчества осетин, вып. II. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти. Предисловие, перевод на русский язык и примечания Гр. А. Дзагурова, стр. XIV.

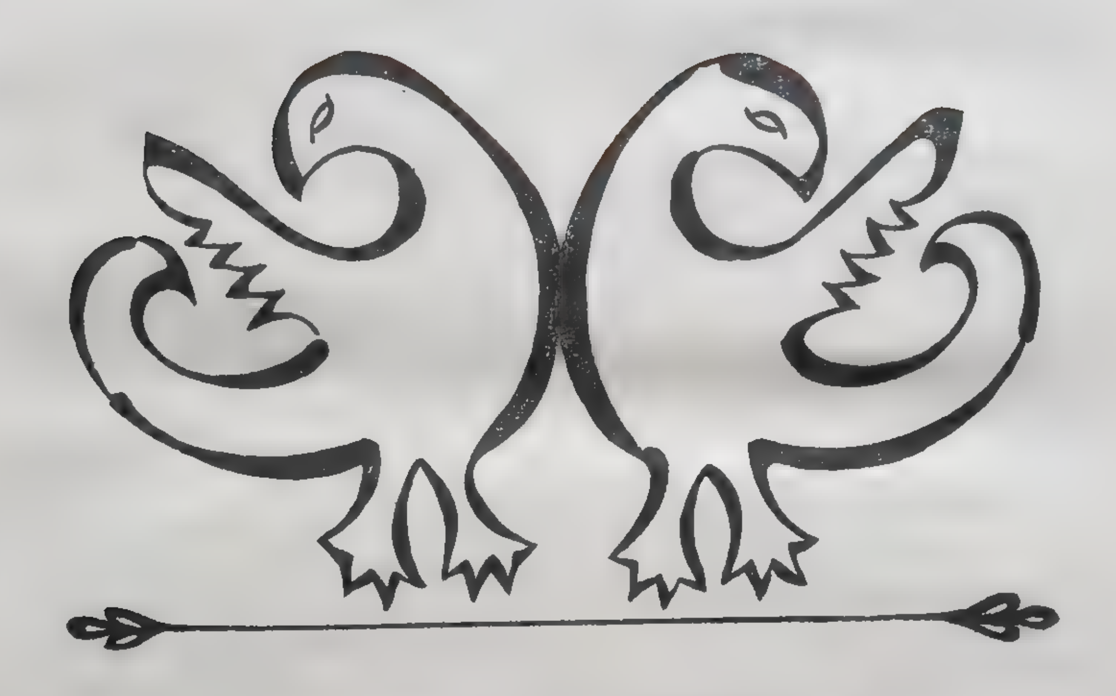
сказки пристегивается и к сказанию, и к хвалебной песне, и к песне, если она не поется, а передается прозой, в виде сказания.

В своем содержании осетинская сказка имеет ряд стереотипных мотивов, которые можно легко проследить при чтении текстов настоящего сборника.

Сказка — поэзия. Вот почему я до сих пор одержим фольклором и продолжаю, несмотря на свои годы, заниматься народным творчеством.

В заключение мне хотелось бы выразить глубокую благодарность проф. И. Г. Левину за его благожелательное отношение и ценные советы и Г. Б. Дзагурову за искреннее участие в судьбе этого сборника.

Губади Дзагурти

осетинские народные сказки

1. Барс, медведь и волк

Повстречались однажды барс, медведь и волк. После взаимных приветствий завязался между ними разговор: кто чего боится в жизни.

— Я ничего в жизни не боюсь! — смело сказал барс.

— И я ничего не боюсь,— поспешил вслед за ним и волк.

Медведь же молвил печально:

— А я боюсь!

— Чего же ты, медведь, боишься в жизни? — в недоумении спрашивают его барс и волк.

— Старости! — коротко сказал медведь.

2. Бедняк, волк и лиса

Жил-был бедняк, и не было у него в хозяйстве ничего, кроме двух быков.

Отправился он однажды пахать у лесной опушки. Пашет он, пашет, вдруг является к нему волк.

— Привет тебе, бедняк! — говорит он.

— Здравствуй, волк! — отвечает бедняк.

— Давай, бедняк, заключим с тобой договор,— предлагает волк.

— А о чем мы будем договариваться?

— Пока ты будешь пахать, я каждый день буду тебе таскать по барану, а ты, когда закончишь пахоту, отдашь мне одного своего быка.

2 Заказ 2079

Задумался бедняк и говорит себе:

— Ну, ладно! Каждый день по барану — это выйдет больше стоимости моего быка, мне выгодно.

Стал волк ежедневно таскать бедняку по барану. Каждый раз они резали его и съедали вместе.

Когда пахота уже подходила к концу, начал бедняк волноваться:

— Что теперь будет со мной? Уведет волк моего быка — с чем я останусь?

Завтрак еще не был готов, и волк еще не пришел, когда появилась откуда-то лиса; прошла она мимо бедняка сторонкой и говорит:

— Привет тебе, молодец!

— Здравствуй, лиса,— отвечает он.

— Чем ты опечален? — спрашивает лиса.

— Как мне не быть печальным? — отвечает он.— Уговорились мы с волком так: пока я буду пахать, он будет мне таскать ежедневно по барану, когда же я кончу, то должен буду отдать ему одного из своих быков. Завтра я кончаю пахоту, уведет он моего быка — на что же я буду существовать, как буду содержать своих детей? Вот потому я и печален.

Говорит ему лиса:

— Если я найду способ избавиться от волка, то что ты мне дашь?

— Кроме своей души да своих быков, отдам тебе все, что попросишь,— отвечает ей бедняк.

— Ладно! Ничего я у тебя не прошу, отдай мне только того белого барашка, что находится у тебя дома.

— У меня дома нет никакого белого барашка.

— Тебе принесут его.

— В таком случае ладно.

— Завтра во время завтрака я буду проходить мимо вас и обращусь к тебе со словами: «Привет тебе, молодец!». А ты мне ответишь: «Позавтракай с нами». Я скажу: «Около тебя собака, она укусит меня». А ты мне на это ответь: «Это не собака, а кожаный мешок». После этого волк попросит тебя: «Замани ее, мы ее съедим». А я скажу: «Если это кожаный мешок, то завяжи-ка его чем-нибудь». И волк сам тоже попросит: «Свяжи меня, но слегка». А ты крепко привяжи его к арбе. После этого ты мне скажешь: «Ну, теперь подойди». А я опять тебе скажу: «Нет, не доверяю я тебе, ударь-ка его чем-нибудь». Волк попро-

сит: «Ударь меня, но слегка, только для видимости». И тогда-то ты наберись мужества, размозжи ему голову ярмом.

На душе у бедняка стало радостно, и он даже запел.

На другой день волк притащил барана, закололи его и стали готовить завтрак.

А тем временем из лесу явилась лиса и обращается к бедняку:

— Привет тебе, герой!

Отвечает ей бедняк:

— Будь здорова, лиса! Позавтракай с нами!

— Твоя собака укусит меня,— говорит ему лиса.

— Это не собака, а кожаный мешок.

— Тогда привяжи-ка его чем-нибудь к арбе.

Тут волк и говорит ему:

— Привяжи меня, но только слегка, для виду.

Бедняк крепко привязал волка веревкой к арбе и говорит лисе:

— Ну, теперь подойди!

А лиса опять:

— Нет, не доверяю тебе! Ну-ка, ударь его чем-нибудь по голове!

И волк тоже говорит:

— Ударь меня чем-нибудь, но слегка, для виду.

Бедняк схватил ярмо, подскочил к волку и размозжил ему голову.

Тут уж лиса подошла к бедняку, а бедняк от радости поднял ее на руки и стал подкидывать вверх.

Хорошо позавтракали, потом бедняк говорит лисе:

— Завтра утром привезу я сюда твоего белого барашка.

Поблагодарили друг друга, и лиса ушла. А бедняк, захватив с собой волчью шкуру, тоже пошел домой. По дороге стал он раздумывать:

— Ну, ладно, волка-то я убил, но надо бы и лису поймать.

Утром спрятал он в кожаный мешок белую гончую собаку и стал на своей пашне дожидаться лисы.

Вот лиса появилась, но пошла она не тем путем, что накануне, а стороной почти на километр.

— Привет тебе, молодец! — говорит она бедняку.

— Здравствуй, лиса! — отвечает бедняк.— Спускайся пониже!

— А привез мне моего белого барашка?

— Привез,— отвечает он.
— Где же он?
— Вот в кожаном мешке.
— А почему он оказался в кожаном мешке?
— Да чтобы не убежал.
— Я — лиса,— говорит та,— неужели барашек может сбежать от меня?
Бедняку ничего не оставалось, как выпустить из мешка собаку. Увидела она лису и бросилась за ней. Но лиса успела добежать до леса, и гончая ее не нашла.
На своей пашне в шесть бонгандов бедняк посеял овес и вернулся домой. Осенью, когда пора было собирать урожай, лиса пришла на поле, осмотрела овес, потом вернулась в лес и созвала всех медведей, какие только там водились. Привела она их к овсяному полю. Медведи сожрали овес и землю разворотили так, как будто ее только что распахали.
Вот посадил бедняк свою жену в арбу и говорит:
— Поедем, проведаем свое овсяное поле.
Приехали на место, где было их поле,— и не узнают его: оно вновь распахано. Стал бедняк бить себя по голове и приговаривать:
— Погубил я сам себя! Лиса извела мое овсяное поле!
И вернулся он с женой к себе в дом с пустыми руками.

3. Лиса и лисенок

Лиса с лисенком лежали на вершине горы Кариу и смотрели оттуда, как на Муртазатинской низине * горит бурьян. Лиса делает вид, будто греется, а лисенок спрашивает ее:
— Что это ты делаешь?
— Вон на Муртазатинской низине горит бурьян, а я греюсь от его огня.
Вдруг лисенок, лежавший рядом с ней, подскочил и упал навзничь.
— Что с тобой такое? — спрашивает перепуганная лиса.
Он отвечает:
— От этого костра упала на меня искра!
Лиса только и сказала:
— Недаром говорят люди: «Лисенок более лжив, чем сама лиса».

4. Волк и семь коз Газза

Жил-был бедняк. Звали его Газза. Имел он только семь коз, ничего другого не было в его хозяйстве. У первой козы было одно брюхо, у второй — два, у третьей — три, у четвертой — четыре, у пятой — пять, у шестой — шесть и у седьмой — семь.

Только около полудня отпускал бедняк всех семерых коз пастись.

Однажды, когда они паслись, говорит однобрюхая коза двубрюхой:

— Я уже сыта, брюхо мое полно. Если и ты сыта, пойдем домой.

А та отвечает:

— У меня одно брюхо еще пустое, подожди пока меня.

— Нет, я иду домой,— отвечает однобрюхая коза.

Идет она по дороге, а навстречу ей волк.

— Ты чья? — спрашивает он.

— Я коза Газза,— отвечает та.

— А что это у тебя на голове и для чего это тебе? — показывает волк на ее рога.

— А это наконечники для вил Газза, если они ему понадобятся.

— А что это болтается у тебя между ног? — показывает волк на ее вымя.

— А это для моего козленка полное молока мягкое вымя.

Тут волк схватил козу и сожрал ее. Потом направился дальше по дороге, растянулся там и караулит, озирается кругом.

Вот двубрюхая коза наполнила оба свои брюха, насытилась и обращается к трехбрюхой козе:

— Пойдем домой!

— Подожди немножко,— отвечает та,— одно брюхо мое еще пустое.

— Не буду я тебя ждать,— отвечает двубрюхая коза.— Пойду домой.

Пошла она по дороге и наткнулась на волка, который сторожил там.

— Чья ты коза? — спрашивает волк.

— Я коза Газза,— отвечает и она.

— А что это у тебя на голове?

— Наконечники для вил Газза.
— А что это у тебя болтается между ног?
— А это для моего козленка полное молока мягкое вымя.
— Должен я и ее съесть! — обрадовался волк.
Подскочил он к козе, схватил ее и сожрал.
Трехбрюхая коза тем временем насытилась и говорит четырехбрюхой:
— Пойдем домой!
— Погоди немножко,— отвечает та,— одно мое брюхо еще не совсем полно.
— Ну, тогда оставайся на здоровье,— отвечает трехбрюхая коза,— а я ухожу.
Пошла она не спеша по дороге. Волк, уже сытый, разлегся там и прислушивается: не покажется ли кто-нибудь еще. Приподнял голову и видит, что идет по дороге коза.
— Вон еще одна коза,— говорит себе волк.— Сегодняшний день с божьей помощью выдался удачным.
Трехбрюхая коза подошла поближе, и волк спрашивает ее:
— Чья ты коза?
— Я коза Газза,— отвечает она.
— А что это у тебя на голове? — спрашивает он ее.
— А это наконечники для вил Газза,— отвечает она так же, как и другие козы.
— А что это у тебя болтается между ног?
— А это для моего козленка полное молока мягкое вымя.
Схватил волк и эту козу, задрал ее и говорит сам себе:
— Везет мне сегодня! И эта коза приятна на вкус.
От трех коз волка совсем раздуло. Тогда он стал кататься по земле, и ему полегчало.
Тем временем четырехбрюхая коза наелась и обращается к пятибрюхой:
— Идем домой, пятибрюхая, наши подруги, наверное, уже отдыхают дома.
Пятибрюхая коза отвечает:
— Одно брюхо мое еще не наполнилось, подожди меня, а потом пойдем домой вместе.
— Нет, я ухожу,— отвечает четырехбрюхая коза.
Пошла она по дороге, а сытый волк спит там. Услышав шаги, он проснулся и поднял голову, увидел козу и обрадовался.
— Вот бог дал мне опять козу,— говорит он себе.— Сама пришла ко мне!

— Чья ты коза? — спрашивает волк.
— Я коза Газза.
— А что это у тебя на голове?
— А это наконечники для вил Газза.
— А что это болтается у тебя между ног? — спросил он ее.
— А это для моего козленка полное молока мягкое вымя.
Волк набросился на козу, схватил ее и сожрал.
Пятибрюхая коза тем временем насытилась и обращается к шестибрюхой:
— Пойдем домой! Пора и нам возвращаться!
— Подожди меня немножко, одно мое брюхо еще не совсем полно,— просит шестибрюхая.
— Нет,— отвечает та,— я ухожу, не буду тебя ждать.
Она направилась домой по знакомой дороге. А сытый волк уже ждет, не идет ли кто-нибудь еще, и думает: «Если никого больше не будет, уйду отсюда».
Видит, идет пятибрюхая коза.
— Еще одну дал бог,— говорит сам себе волк.— Подожду и ее. Сыт-то я сыт, но как мне ее не сожрать? Пусть лучше у меня заболит живот, чем я оставлю ее в живых!
— Чья ты коза? — спрашивает волк, когда она поравнялась с ним.
— Я коза Газза.
— А что за человек Газза?
— Газза — скромный человек, трудолюбивый,— отвечает коза.
Охватил волка страх: вдруг Газза выйдет из села и его убьет. Оглянулся он и спрашивает козу:
— Что это у тебя на голове?
— А это наконечники для вил Газза.
— А что это болтается у тебя между ног?
— А это круглые камни, которыми убивают волков.
— Я тебе покажу, как убивать волков! — говорит волк. Набросился на пятибрюхую козу и сожрал ее.
Вот шестибрюхая коза почувствовала, что сыта, и обращается к семибрюхой:
— Уже свечерело, пора нам возвращаться домой. Если уйду, ты тут останешься одна.
— Подожди немножко! — просит семибрюхая коза.— Сейчас я наполню седьмое свое брюхо и тогда пойдем вместе.
Шестибрюхая коза ей отвечает:

— Я буду идти медленно, ты меня нагонишь по дороге.

Идет она не спеша по дороге, а семибрюхая коза увлеклась и задержалась на пастбище.

Дошла и шестибрюхая коза до волка. Увидел волк ее и призадумался:

— Задрать-то я ее, конечно, задеру, но я ведь сыт уже. Ладно,— говорит он сам себе,— поем немного, а остальное пусть будет назавтра.

Уже свечерело. Задрал волк козу, поел, сколько смог, а остаток отложил назавтра. Растянулся на дороге и размышляет так:

— От такого пресыщения мне трудно будет дойти до дома, отдохну пока здесь, а потом пойду.

Тем временем показалась на дороге и семибрюхая коза.

— Еще одна коза,— говорит волк.— И как мне с ней быть? Ладно, задеру ее, не то она убежит, а завтра утром съем вместе с остатком другой козы.

Дошла семибрюхая коза до волка.

— Чья ты коза? — спрашивает он.

— Я коза Газза.

— А что за человек Газза?

— А Газза — охотник, который избивает волков.

— А что это у тебя на голове? — спрашивает волк.

— А это железные палки, которыми уничтожают волков.

— А что это болтается у тебя между ног? — спрашивает волк.

— А это круглые камни, которыми убивают волков,— отвечает коза.

— А-а,— говорит про себя волк.— Плохо мое дело!

Он решил бежать, оставил козу в живых, насилу отошел на обочину дороги и, тяжелый от пресыщения, растянулся там.

Семибрюхая коза увидела на дороге объедки и сказала:

— А-а, вот что наделал волк! Он сожрал всех моих подруг!

Только в сумерки добралась семибрюхая коза домой. Газза спрашивает ее:

— Почему ты так поздно вернулась домой? А где твои подруги?

Отвечает ему коза:

— Подруг моих растерзал и сожрал волк, я одна спаслась.

— Скажи, где, на какой дороге все это случилось? — спрашивает Газза.

Коза рассказала ему, где находится волк.

Газза схватил ружье и поспешил в дорогу.

А волк себе лежит, не может встать, только смотрит снизу вверх, наблюдает. Газза его пока не видит и видеть не может потому, что волк растянулся на самой обочине.

Дойдя до того места, о котором говорила коза, Газза стал озираться. Он был уверен, что волк где-то тут.

Увидев, что Газза приближается к нему, волк попробовал побежать, но не смог бежать быстро, отяжелев от пресыщения. Газза тем временем заметил его и стал нагонять. Трудно ли нагнать пресыщенного волка! Быстро настиг его Газза, выстрелил из ружья и убил наповал.

Вернулся Газза домой. Осталась у него одна семибрюхая коза с семью козлятами.

Стал он жить-поживать и живет до сегодняшнего дня.

5. Медведь, волк и лиса

Лиса, волк и медведь были друзьями. У них было четыре хлеба. На каждого приходилось по одному хлебу, и один оставался лишним.

Призадумались они, что делать им с этим лишним хлебом.

Медведь, как самый сильный, сказал:

— На каждого из нас приходится по хлебу. Пусть четвертый достанется тому, кому приснится самый чудесный сон.

На этом они и сошлись.

Наступила ночь, и они легли спать. Утром встали, и медведь предложил друзьям рассказать, кому какой сон приснился.

Волк и лиса говорят медведю:

— Ты — старший, скажи первый, какой ты сам видел сон.

Медведь стал рассказывать:

— Во сне я оказался на пчельнике среди сапеток, полных меда, и давай есть на выбор самый белый мед, наелся этого меда доотвала!

— Ну, а ты что видел во сне? — спрашивают медведь и лиса волка.

— Я оказался во сне в хлеву с ягнятами,— говорит волк.— Прогуливался между ними то в одну, то в другую сторону, отрывал у ягнят курдюки и поедал их. И вот теперь от пресыщения изнемогаю.

— Ну, а тебе, лиса, что приснилось, какой сон ты видела?

— А что я могла видеть во сне? — говорит лиса.— Смотрела я на вас и, когда увидела как один поедает мед, а другой — курдюки ягнят, то не смогла спать. Сон уже не брал меня, и я съела лишний хлеб.

Медведь рассвирепел и говорит:

— В таком случае и эти три хлеба не будем делить поровну.

— А как мы их будем есть? — спрашивают волк и лиса.

— А вот так,— говорит медведь.— Пусть каждый из нас расскажет, как он пьянеет, и тому из нас, кто пьянеет скорее, дадим все три хлеба.

— Пусть будет так, как ты говоришь,— отвечают волк и лиса,— но ты, медведь, старший, расскажи ты первый, как и от чего ты пьянеешь.

Медведь стал рассказывать:

— Как только заквашивают сусло и оно начинает бродить да пузырьками подниматься на поверхность, так арачный дух закваски ударяет мне в голову, и я сразу же пьянею.

— Ну, волк, а теперь ты,— говорят медведь и лиса волку.

— Как только перебродившее арачное сусло наливают в котлы и ставят на огонь, чтобы уже гнать араку, и как только из трубы начинает выходить арачный дух, он ударяет мне в голову, и я уже пьянею.

Ничего не промолвив, лиса быстро вскочила на ноги, затряслась и упала без чувств.

Медведь и волк перепугались, бросились к ней и спрашивают:

— Что с тобой случилось?

Смочили ей горло водой. Прошло много времени, а лиса все лежит без чувств. Наконец она пришла в себя. Медведь и волк тревожно ее спрашивают:

— Что, лиса, с тобой случилось?

— От ваших разговоров о пьянстве я опьянела! — слабым голосом отвечает им лиса.

И все три хлеба достались лисе.

6. Состарившийся кот

Когда кот состарился и не мог уже ловить мышей, он сказал ласке:

— Ласка, я нуждаюсь в твоей помощи.

— Какой же помощи ты хочешь от меня? — спрашивает ласка.

— Ты видишь сама, что я уже не могу даже сойти с места,— говорит кот,— силы покинули меня. Поэтому, прошу тебя, извести мышей, которые еще остались, что я состарился и собираюсь совершить паломничество в Мекку, чтобы сделаться хаджи. В свое время я погубил у них у кого отца, у кого мать, у кого бабушку, а у кого — даже все потомство. И я хочу, чтобы они посетили меня и простили мне причиненное им зло.

Ласка согласилась передать мышам эту просьбу. Она явилась к мышам и рассказала им о желании кота. Но мыши сказали:

— Нас немного спаслось от него, а теперь он задумал извести наш род окончательно. Мы боимся даже подойти к нему: он погубит и нас, избежавших его когтей.

Возвратилась ласка к коту и передала ему ответ мышей. Кот заплакал так, как может заплакать старик со слабым сердцем, и стал причитать:

— Почему же мне, ставшему на путь божий, нет доверия даже в моей старости?

И он еще раз послал ласку к мышам с просьбой убедить их, чтобы они поверили ему.

Снова явилась ласка к мышам и начала упрашивать, чтобы они поверили коту, который уже состарился и обращается к ним с просьбой о прощении. Наконец, она уговорила их, и они сказали:

— А куда же мы должны прийти?

— Об этом я спрошу самого кота,— ответила ласка.

Она передала коту слова мышей, и тот с печальным видом, как будто слова еле выходили из его горла, сказал ей:

— Ну, пусть соберутся на каком-нибудь ровном месте, на току каком-нибудь. А я тоже приду туда.

Ласка вернулась к мышам с этой новостью:

— Кот желает, чтобы вы собрались на каком-нибудь ровном месте.

— Пойдемте,— сказали мыши, еще уцелевшие от когтей кота.

Они двинулись в путь, а ласка выступает впереди. Так и пришли на ровный ток на окраине аула. На току они застали кота. Ласка расставила мышей кругом, а затем обратилась к коту:

— Ну вот, кот, мыши собрались.

Старый кот поднял голову и спрашивает:

— Все ли собрались?

— Все,— отвечает ему ласка.— Мы готовы.

Тогда кот обратился к мышам с такой речью:

— Я уже состарился и хочу отправиться в Мекку, чтобы покаяться в своих грехах и преступлениях и сделаться хаджи. Пусть же те из вас, у кого я погубил мать или отца, сегодня простят меня.

Бедняжки-мыши, услышав такие приятные слова, развесили уши.

А кот обращается к ласке:

— Ласка, где ты? Следи хорошенько, никого не выпускай!

Вскочил кот на ноги, уже вовсе не старый, и перебил на месте всех бедных мышей, явившихся к нему по его желанию.

7. Баран и заяц

Давным-давно жил один баран. Он изнемог от несчастий и бед своей жизни. Сердце его изныло, и он сказал себе так:

— В какую сторону направить мне свой путь, как избавиться мне от несчастной своей жизни? Была не была, отправлюсь повидать свет, быть может, мне улыбнется удача, и я найду свое счастье.

Сказал и выступил в путь-дорогу. Покинув свою родину, он шел все вперед и вперед. Через некоторое время дошел он до развилки трех дорог и засомневался, по какой же дороге ему идти. Стал он искать, у кого бы спросить совета. Смотрит — вдруг рядом с ним появился заяц. Баран испугался и ошалело уставился на него.

— Что с тобой случилось, баран? — спрашивает заяц.— Что ты стоишь, подобно истукану?

— Я не знаю, куда мне идти,— говорит баран.— Скажи, по какой дороге мне лучше держать путь?

А заяц ему отвечает так:

— Если ты пойдешь по средней дороге, то тебя ожидает нож. Пойдешь по правой дороге — и былинки не сорвешь, как тебя задерет волк. Если же пойдешь по левой дороге, то попадешь ты в руки фарсаглага. До конца твоей жизни он будет тебя

стричь и твоей шерстью выплачивать алдару свою подать. Если же шерсти не хватит на уплату, то он заплатит твоей тушей да прибавит к ней еще и твою шкуру.

Баран долго раздумывал, потом говорит себе:

— Надо мне идти по левой дороге. Все равно и там, и там меня ожидает смерть, но шерсти моей хватит все-таки на долгое время.

И пошел баран дальше по левой дороге.

8. Барс ищет супротивника

Барс расспрашивал всех встречных, есть ли кто сильнее его и как с ним встретиться. Долго искал он такого и не находил. Наконец, один из встречных сказал ему:

— Мужчина сильней тебя.

— А где его найти?

— По дороге.

— В таком случае я его найду,— сказал барс и пошел дальше.

Встретился ему подросток.

— Ты — мужчина? — спросил он подростка.

— Я — будущий мужчина, но пока еще не мужчина.

— А где же мне найти мужчину?

— Иди по дороге и встретишь его.

Идет барс по дороге, встречает старика и спрашивает его:

— Ты — мужчина?

— Был мужчина, но теперь уже я не мужчина.

— А где же мне найти мужчину?

— Иди по дороге дальше и найдешь его.

Идет, идет барс дальше по дороге, встречает бывалого охотника и спрашивает его:

— Ты — мужчина?

— Да, я мужчина,— отвечает тот.

— В таком случае покажи мне, какова твоя сила?

Слишком близко мы стоим друг к другу; стань немножко подальше! — говорит охотник барсу.

Барс отошел от охотника и стал поодаль. Тогда охотник говорит ему:

— А теперь повернись ко мне лицом и смотри мне прямо в глаза, но не шевелись.

Взял он лук и вогнал барсу стрелу прямо в лоб, сказав:

— Вот тебе моя сила! Большей силы у меня нет!

9. О лисе и перепелке

Каждый исповедует какую-либо одну религию. Узнала про это лиса и призадумалась.

— Ах, боже мой,— говорит она,— люди исповедуют свою религию; надо бы и мне на старости лет выбрать какую-нибудь веру.

Решила она сделаться хаджи; взобралась на курган и принялась совершать намаз.

Слух о том, что лиса отправляется в Мекку, чтобы сделаться хаджи, дошел и до перепелки. Ей тоже захотелось отправиться в Мекку вместе с лисой, и решила она просить ее, чтобы та взяла ее с собой.

Однажды утром, когда лиса совершала утренний намаз, перепелка подошла к ней поближе и обращается с приветствием:

— Эй, лиса, салам алейкум!

— Алейкум салам, перепелка! — отвечает ей лиса.— В добрый час да будет твой приход! Что тебе надо, зачем ты пришла?

Перепелка говорит ей:

— Прошел слух, что ты отправляешься в Мекку. Прошу тебя, возьми и меня с собой.

— Благодарение богу,— говорит лиса,—я возьму тебя с собой, но прежде ты меня накорми, потому что я сильно проголодалась.

— Я накормлю тебя,— отвечает перепелка.— Иди только следом за мной.

Пошла лиса следом за перепелкой по горной тропинке, подобной той, какие есть у нас в горах Дигории; шла-шла, наконец перепелка говорит лисе:

— Теперь притаись у тропинки, чтобы тебя не видно было, и следи за мной.

Лиса притаилась, наблюдает и видит, что идет по тропинке женщина, несет завтрак своему косарю. Перепелка притвори-

лась, будто она хромая и будто бы крыло у нее перебито, и, прихрамывая, заковыляла мимо женщины.

Увидела женщина хромую перепелку, обрадовалась и говорит:

— Вот попалась чудесная перепелка на забаву малышу нашему!

Хотела она поймать ее, да не смогла: в руках у нее был завтрак для косаря — лепешки с сыром в деревянной тарелке и брага в ведре. Она положила тарелку на землю и попыталась схватить перепелку — не получилось. Тарелка с пирогами осталась далеко позади. Лиса подбежала к тарелке и все пироги съела. А перепелка уходит все дальше и дальше и уводит за собой женщину. Испугалась женщина, что перепелка может совсем уйти, бросила она на тропинке и ведро с брагой. Лиса подбежала и к ведру, вылакала из него всю брагу. Когда перепелка убедилась, что лиса насытилась, она вспорхнула и улетела. Осталась женщина ни с чем; подбежала она к своей тарелке и ведру, но ни сырных пирогов, ни браги там уже не оказалось. Горько заплакала женщина:

— Остался мой косарь голодным, без еды!

На другое утро перепелка решила снова встретиться с лисой и спросить ее, когда же они выступят в путь-дорогу.

Она застала лису на том же кургане, где та совершала намаз, и говорит:

— Эй, лиса, салам алейкум!

— Алейкум салам, друг мой! — отвечает ей лиса.— Мы совершим паломничество в Мекку, чтобы сделаться хаджи. Я была голодная, ты накормила меня, а теперь,— говорит она,— сделай так, чтобы я посмеялась вдоволь, умори меня смехом!

— Хорошо,— говорит ей перепелка,— следуй только за мной, и я уморю тебя смехом!

Отправились они в дорогу, перепелка впереди, а лиса следом за ней. Через некоторое время они увидели мужа и жену, которые молотили хлеб на току; незаметно подошли к ним. Перепелка говорит лисе:

— Притаись за соломой так, чтобы тебя не видно было, и наблюдай оттуда!

Лиса притаилась и смотрит, а перепелка подлетела и села на рог крайнего быка, молотящего зерно. Увидев перепелку, муж говорит жене:

— Тихо, тихо, сейчас я ее убью!

Схватил он дубину и размахнулся ею, чтобы ударить перепелку, но та успела вспорхнуть и перелетела на голову жены. Он же ударом дубины разбил рог своего крайнего быка.

Муж увидел перепелку на голове своей жены, сказал: «Тише, тише, хозяйка» и, размахнувшись, ударил по голове жену. Та свалилась, как сноп, а перепелка успела вспорхнуть и улетела.

Лиса же, видевшая все из своего укрытия, от смеха каталась по земле на животе, хохотала до боли в кишках.

На следующее утро перепелка нашла лису на том же кургане, где она молилась, и обращается к ней:

— Эй, салам алейкум, лиса!

— Эй, алейкум салам, друг мой перепелка,— отвечает ей лиса.— Богом клянусь тебе, скоро мы вместе отправимся в паломничество, но прежде ты должна исполнить еще одно мое желание: напугай меня, заставь меня испытать страх!

— Я боюсь тебе это будет неприятно,— говорит озадаченная перепелка.

— Не будет,— говорит лиса.— Прошу тебя, напугай меня так, чтобы я испытала страх!

— Хорошо,— сказала перепелка, и она привела лису на Муртазатинскую низину в Кабарде, заставила ее притаиться под кустом терновника и сказала:

— Лежи тут!

Тем временем из аула выехали трое охотников на лисиц со своими гончими собаками. Перепелка взлетела перед самым носом гончих; собаки пустились за ней. Перепелка летела низко-низко. Когда гончие уже почти настигли ее и собирались схватить, она перелетела через тот куст терновника, под которым лежала лиса. Лиса перепугалась, выскочила из-под куста и пустилась наутек. Собаки увидели ее и бросились вслед.

Гнались они за ней, гнались, и обуял лису страх, что ее схватят; что было сил заспешила она к своей норе. В тот момент, когда она уже хотела было шмыгнуть в нору, гончая схватила ее за хвост и оторвала его. Лиса спаслась, но осталась без хвоста.

— Ах, чтобы твой навоз стал пищей твоих покойников, перепелка! — сказала она в ярости.— Вот что ты натворила со мной!

Утром лиса опять была на своем обычном месте. Перепелка

пришла к ней, но подойти близко боялась. Она остановилась в отдалении и говорит:

— Эй, лиса, салам алейкум!

— Эй, алейкум салам, перепелка! Вот теперь мы можем отправиться в паломничество. Но прежде подойти ко мне поближе, поздоровайся со мной за руку, повяжи мне покрасивей на голову чалму и выступим в дорогу.

Перепелка боялась лисы, но другого выхода у нее не было. Подошла она к лисе, лиса схватила ее и говорит:

— Вот теперь я с тобой разделаюсь! Я покажу тебе, какими путями отправляются в Мекку! Ты лишила меня хвоста, осрамила меня!

Перепелка стала просить ее:

— Ты богомольная, ты отправляешься в паломничество в Мекку, прошу тебя, не съедай меня, как падаль, но прежде, чем съесть, призови имя божье!

Только лиса раскрыла пасть, чтобы призвать имя божье, перепелка и выпорхнула, села на вершину дерева и говорит лисе:

— Вот так наши предки надували твоих предков!

Осталась лиса в сильной злобе и досаде на перепелку.

Вот с того времени лиса и перепелка сделались врагами.

10. Кот, медведь, волк и лиса

Жили-были старик со старухой. Не было у них в хозяйстве ничего, кроме кота. Когда они уходили на работу, то запирали кота в доме, и он голодал.

Но однажды старик со старухой ушли, а кот остался на воле. Принялся он охотиться на мышей и не заметил, как оказался в лесу. Вдруг видит: лежит оленья туша. Он осмотрел находку со всех сторон, но, с какой стороны начать ее есть, не знает. Наконец, рядом с задним проходом он прогрыз себе лазейку внутрь оленьей туши и стал там жить. Каждый день он наедался досыта оленьего мяса, затем растягивался погреться на солнце. Так он прожил несколько дней.

Однажды проходили в тех местах медведь, волк и лиса и набрели на оленью тушу. Они обрадовались находке и стали тя-

3 Заказ 2079

нуть тушу то в одну, то в другую сторону. Кот, который сидел там внутри, испугался, выскочил наружу.

Испугались медведь, волк и лиса:

— Тот, кто поедает оленью тушу, съест и нас самих!

И убежали с перепугу. А потом, немного придя в себя, решили сообща:

— Давайте устроим угощение и пригласим его. Иначе будет нам плохо.

— Но как мы сможем его угостить? — спрашивает медведь.

— Я берусь достать пиво и пироги,— говорит лиса.

— А косарттаг в таком случае мы достанем,— говорят медведь и волк.

Пошла лиса за пивом и пирогами. Дорога вела к пахарям, которые работали на своих участках. Идет она по дороге, смотрит и видит: паренек несет пахарям в одной руке кувшин пива, а в другой — пироги. Лиса притворилась хромой, будто она и ходить не может, с трудом плетется. Как только паренек приближался к ней, она отдалялась от него на большое расстояние. Паренек решил поймать ее. Он положил кувшин и пироги на дороге и устремился за лисой. Лиса увела его далеко от кувшина и пирогов, а потом быстро вернулась к ним. Паренек устал от погони, пока он шел обратно, лиса успела продеть голову в веревку кувшина, пироги схватила зубами и унесла их. Остался паренек ни с чем.

Принесла лиса медведю и волку кувшин пива да пироги и говорит им:

— А теперь отправляйтесь вы и добудьте косарттаг!

Медведь и волк направили свои стопы в сторону отары, которую чабан пас у опушки леса.

Волк говорит медведю:

— Я погоню отару в твою сторону, а ты поймай одного барана и отведи его на наше место.

Так они и сделали. Волк погнал отару в сторону медведя, и тот схватил одного барана. Схватить-то схватил, но так неуклюже, что задушил его.

Волк был этим огорчен.

— Не надо было его душить! — сказал он.— Иди, погони теперь отару в мою сторону, я уж сам поймаю барана.

Волк притаился, а медведь спустился к отаре, напугал ее, и она побежала в сторону волка. Волк выскочил из засады и успел схватить жирного барана. Он ухватил его за шею, заста-

вил бежать рядом с собой и таким образом пригнал в нужное место. А медведь бежал за ним.

— Теперь надо все приготовить,— сказал медведь волку и лисе.

Барана зарезали, сварили, приготовили стол. Медведь и лиса говорят волку:

— А пойти пригласить его должен ты!

Но волк идти приглашать кота на угощение отказался. Тогда медведь и волк предлагают лисе:

— Сходи, пригласи его ты!

— Нет,— говорит лиса,— я не сумею его пригласить. Вот медведь сильнее нас, пусть он и сходит.

Медведь согласился и отправился приглашать кота.

Когда он пришел на место, то кота он не увидел: тот сидел внутри оленьей туши. Медведь боялся кота и не знал, как его вызвать. Наконец он сказал сам себе: «Будь, что будет» и стал слегка шевелить оленью тушу.

Кот вылез оттуда, и медведь ему говорит:

— Прости, я пришел пригласить тебя к нам на угощение.

Кот говорит:

— Пойти-то я к вам пойду, но я не могу идти пешком.

— Садись ко мне на спину,— говорит медведь,— я отнесу тебя.

Посадил он кота к себе на спину и понес его. А кот запустил свои когти в шкуру медведя — тот аж завопил:

— Ох, ох, не наседай на меня всей своей тяжестью!

Кот же понял, что медведь будет его больше бояться, и еще крепче запустил когти в его шкуру.

Когда они приблизились к месту, где ждали волк с лисой, те увидели их и спрятались под опавшей листвой. Кот видит, в листве что-то шевелится. Он подумал, что это мыши, и прямо со спины медведя прыгнул туда. Волк и лиса испугались, что он может их съесть, и пустились наутек. Медведь увидел это и тоже бросился в другую сторону.

Остался кот один и принялся поедать баранью тушу. Поест немного, потом пойдет к оленьей туше и ее поест. Он разжирел, вид у него стал благообразный.

По прошествии некоторого времени он вздумал вернуться домой. Вошел в дом свой, а старуха и говорит:

— Вот кот вернулся!

Старик схватил палку и сказал:

— Чей-то кот, пожиратель цыплят, пришел к нам. Надо его убить!

— Это наш кот! — сказала старуха.— Посмотри на него получше и ты его узнаешь!

Они признали его, стали жить вместе и живут так до сегодняшнего дня.

11. Мышь, муравей и блоха

Мышь, муравей и блоха договорились сварить себе кашу. Ничего у них не было, и, принявшись за розыски, они раздобыли полтора кукурузных зерна. Бросили их в котел и стали варить себе кашу.

Пока каша варилась, они условились так:

— Пусть этот котел каши достанется тому из нас, кто перескочит на другой берег вон той реки.

Блоха прыгнула и оказалась на другом берегу реки. Муравей попытался прыгнуть, но упал в воду, и вода стала его уносить. Блоха и мышь побежали за ним и стали кричать:

— Товарища нашего уносит вода!

Добежали они до дерева и говорят ему:

— Дай нам ветку, мы бросим ее муравью и спасем своего товарища!

Дерево отвечает им:

— А вы запретите ворону гадить на меня!

Стали они просить ворона:

— Ворон, перестань гадить на дерево, чтобы оно нам дало ветку, и мы спасем своего товарища.

— А вы попросите для меня у курицы цыпленка! — отвечает им ворон.

Обратились они к курице:

— Курица, дай ворону цыпленка, ворон перестанет гадить на дерево, а дерево даст ветку, и мы спасем своего товарища.

Курица им в ответ говорит:

— А вы попросите у курту для меня зерна!

Обратились они к курту:

— Дай зерна! Зерно съест курица, курица даст цыпленка, цыпленка съест ворон, ворон больше не будет гадить на дерево, а дерево даст нам ветку, и мы спасем своего товарища.

Курту им отвечает:

— А вы запретите мыши дырявить меня!

Обратились они к мыши.

— Перестань дырявить курту: курту даст зерна, зерно съест курица, курица даст цыпленка, цыпленка съест ворон, ворон больше не будет гадить на дерево, дерево даст ветку, и мы спасем своего товарища.

Мышь говорит им так:

— А вы запретите коту ловить меня!

Они просят кота:

— Кот, не лови больше мышь! Мышь не будет дырявить курту, курту даст зерна, зерно съест курица, курица даст цыпленка, цыпленка съест ворон, ворон перестанет гадить на дерево, дерево даст ветку, и мы спасем своего товарища.

Кот отвечает им:

— А вы попросите у коровы молока для меня!

Пошли они к корове:

— Корова, дай молока для кота! Кот перестанет ловить мышь, мышь не будет дырявить курту, курту даст зерна, зерно съест курица, курица даст цыпленка, цыпленка съест ворон, ворон перестанет гадить на дерево, дерево даст нам ветку, и мы спасем своего товарища.

Корова им говорит:

— А вы попросите у косаря сена для меня!

Обратились они к косарю:

— Дай корове сена! Корова даст молока, молоко полакает кот, кот перестанет ловить мышь, мышь не будет больше дырявить курту, курту даст зерна, зерно съест курица, курица даст цыпленка, цыпленка съест ворон, ворон не будет больше гадить на дерево, дерево даст нам ветку, и мы спасем своего товарища.

Косарь отвечает:

— А вы попросите у хозяйки квасу для меня!

Говорят они хозяйке, которая готовила квас:

— Квасоварка! Дай косарю квасу!

Квасоварка дала для косаря квасу. Косарь дал сена для коровы. Корова дала молока для кота. Кот перестал ловить мышей. Мышь перестала дырявить курту. Курту дал зерна для курицы. Курица дала цыпленка для ворона. Ворон перестал гадить на дерево. Дерево дало им ветку. Мышь и блоха бросили муравью, своему товарищу, ветку и спасли его от гибели.

12. Волк и теленок

Старый волк раскаялся в своих грехах и решил совершить паломничество в Мекку, чтобы сделаться хаджи. Он дал себе слово:

— С сегодняшнего дня никакого греха больше не возьму на душу! Люди могут так жить, и я смогу!

С таким намерением он выступил в путь-дорогу.

Повстречалась ему отара овец, которые паслись в степи без надзора. Он прошел мимо, сказав себе, что не тронет их.

Идет он сторонкой от села и видит телят, ему хотелось есть, но он взял себя в руки и прошел мимо них.

Идет, идет он дальше, и попадаются ему по дороге две лошади и жеребенок. Волк так и уставился на него — ничего он так не любил, как жеребятину. Но, как ни хотелось ему есть, он перетерпел и прошел мимо.

Идет он дальше, и попадается ему группа ягнят. Волк уже сильно проголодался; голод мучил его, и он не знал, как ему поступить. Очень ему хотелось сожрать ягнят, но и нарушить данное слово было ему трудно, потому он и их не тронул.

Вечер застал его в дороге, и голодный волк растянулся в степи. Никакой скотины в степи уже не было, так как вечером вся она возвращалась в село. Волк злился на себя, что никого не сожрал.

Он промучился всю ночь, а когда рассвело, стал сам себя ругать:

— Вот какой я безумец! На что мне хаджи и тому подобное? Я тут помираю с голоду, упустил столько скотины и не накормил себя!

Повернул он обратно. Идет, идет по дороге, озирается кругом: не повстречается ли опять кто-нибудь, чтобы можно было утолить голод.

Но утро было еще раннее, скотина пока не отошла от села, а нападать на нее в ауле он не решился и потому побрел по дороге обратно на то место, откуда он вышел.

Тем часом некий хозяин вывел своих лошадей в степь; там он отпустил их на волю, а сам разлегся на травушке и сторожит их. Волк, увидев лошадей, стал подкрадываться к ним. Лошади почуяли запах волка, испугались и подались в ту сторону, где лежал их хозяин. Хозяин услышал топот, приподнялся и закричал.

Волк убежал, сказав себе:

— От этих лошадей мало проку. Долго я мучил себя голодом, пойду-ка дальше по дороге.

Идет он, идет дальше и видит издали группу коз и козлят. Охранял и пас их мальчик; он увлекся игрой и далеко отошел от своих коз. Озлобившийся от голода волк стал подкрадываться к ним, не спуская глаз с мальчика, одним прыжком напал на коз, схватил одного козленка и утащил. Козы испугались и побежали. Мальчик не знал, что приключилось с козами. Он попытался было задержать их, но не смог.

Пока мальчик возился с своими козами, волк унес козленка и сожрал его.

Идет он дальше. Идет, идет, но никто не попадается ему навстречу.

Наконец встретился ему теленок. Волк поймал его, а теленок ему и говорит:

— Что ты делаешь, волк, отпусти меня!

— Ни за что не отпущу,— отвечает волк,— я голоден, и мне надо покушать.

Теленок стал просить:

— В таком случае разреши мне пропеть в последний раз одну песню!

— Ну, давай,— говорит волк,— а я тебе буду подпевать!

Теленок поднял такой рев, что его слышно было в ауле. А волк во всю мочь стал ему подвывать. Услышав рев теленка и вой волка, из аула выбежали в тревоге люди с дубинками. Бросились они преследовать волка, нагнали его и прикончили на месте.

А теленок спасся и живет поныне.

13. Олень, медведь и два ежа

Жили-были два ежа. Они жили в лесу в дупле дерева.

Как-то раз отправился в лес дровосек и срубил это дуплистое дерево. Привез его домой и разрубил на большие куски, чтобы топить было удобнее. Жена дровосека взяла несколько поленьев и затопила ими печь. Она хотела приготовить еду проголодавшемуся мужу.

Ежи почувствовали жару и обратились с молитвой к богу:

— О боже, спаси нас, а мы вознесем тебе благодарение ахсарфамбалами из легких оленя и медом на груди медведя!

От ежей пошла вонь.

— Что это за вонючие дрова! — сказала хозяйка и выбросила дрова из печи.

Бежать днем ежи побоялись, они притаились, а ночью выбрались из аула. К утру они оказались уже в степи и там условились, что один из них поселится на одном кургане, а второй — на другом, который отстоял от первого на значительном расстоянии.

Так они и сделали. Притаился каждый на своем кургане. Тем временем к первому ежу подошел олень. Еж поговорил с ним и предложил ему пари:

— Давай,— сказал он,— побежим наперегонки с таким условием: кто из нас добежит первым до следующего кургана, тот может зарезать отставшего и съесть его.

И он указал оленю курган, на котором сидел второй еж.

Олень подумал про себя: «Как этот еж может меня обогнать?». И он согласился. Стали они в ряд и сказав: «Бежим!» пустились бежать. Олень изо всех сил устремился вперед, а еж шмыгнул в бурьян и там притаился.

Добежал олень до кургана, а еж говорит ему:

— Где же ты пропал? Я уже тебя дожидаюсь!

Олень очень удивился:

— Давай побежим еще раз! — просит он ежа.

— Хорошо,— говорит тот,— побежим обратно на свой курган!

Пустился олень бежать, а второй еж тоже шмыгнул в бурьян и притаился. Что есть мочи бежал олень, но, добежав до кургана, с удивлением увидел там ежа.

— Что же ты так запоздал,— говорит ему еж,— я давно уже здесь!

Так олень проиграл пари, и ежи его зарезали. Тушу оленя они припрятали, а сами отправились в лес на поиски меда. В высоком дупле они нашли мед, вытащили соты с медом и уселись на дереве.

Тем временем мимо этих мест проходил медведь. Увидев его, ежи принялись уплетать мед.

— Дайте и мне меду! — попросил медведь.

А они ему в ответ:

— Сам достань оттуда!

— Покажите мне, где находится мед! — говорит им медведь.

— Вон, видишь, на дереве, пчелы туда слетаются.

Медведь поднялся на дерево, достал несколько сот с медом и спрашивает ежей:

— А как мне их спустить?

— Ляг навзничь, а соты положи на свою грудь — так ты сможешь доставить их на землю.

Медведь послушался совета ежей. Лег навзничь, слетел с вершины дерева и разбился насмерть.

Зарезали ежи медведя; притащили и тушу оленя. Из оленьих легких изготовили ахсарфамбалы, мед сложили на груди медведя и обратились с молитвой к богу:

— О боже, благодарим тебя! Ты нас спас, и мы исполняем данное тебе слово: возносим благодарение медом на груди медведя и ахсарфамбалами из оленьих легких!

14. Летучая мышь и кузнечик

Кузнечик и летучая мышь, чтобы несколько развлечься, задумали вместе отправиться в балц. Дошли они до берега большой реки. Остановились на берегу большой реки и призадумались, как им перебраться на противоположный берег.

— Я попробую прыгнуть первым,— сказал Кузнечик.

Кузнечик прыгнул первым, но не долетел до противоположного берега и упал в воду. Волна подхватила его и уносит. В страхе кузнечик стал взывать к своему сотоварищу:

— Погибаю! Спаси меня! Попроси у свиньи щетинку, брось ее в реку, и тогда я буду спасен.

Летучая мышь заявилась к свинье и просит ее:

— Волна подхватила моего сотоварища и уносит его. Дай мне щетинку, я брошу ее в реку. Кузнечик схватится за нее и спасется.

Свинья ответила ей:

— От куту попроси для меня зерна, а я тебе дам щетинку.

Летучая мышь предстала перед куту и просит его:

— О куту! Дай зерна, зерно съест свинья, свинья даст щетинку, щетинку я брошу в реку, и мой сотоварищ спасется.

Куту отвечает.

— Пусть мышь перестанет дырявить меня!

Летучая мышь явилась к мыши и просит ее:

— Мышь! Перестань дырявить куту, куту даст зерна, зерно съест свинья, свинья даст щетинку, я сброшу ее в реку, и мой сотоварищ спасется.

Мышь ответила:

— Запрети кошке ловить меня.

Летучая мышь явилась к кошке и просит ее:

— Не лови больше мышь, мышь бросит дырявить куту, куту даст зерна, зерно съест свинья, свинья даст щетинку, я брошу щетинку в реку, и мой сотоварищ будет спасен.

Кошка сказала ей:

— Попроси для меня у коровы молока!

Летучая мышь предстала перед коровой и просит ее:

— Корова, дай кошке молока, кошка перестанет ловить мышь, мышь перестанет дырявить куту, куту даст зерна, зерно съест свинья, свинья даст щетинку, щетинку я брошу в реку, и мой сотоварищ спасется.

Корова ответила ей:

— Попроси травы для меня у земли!

Летучая мышь обратилась к земле:

— Дай травы для коровы! Корова съест траву и даст молока, молоко полакает кошка и перестанет ловить мышь, мышь перестанет дырявить куту, куту даст зерна, зерно съест свинья и даст мне щетинку, а щетинку я брошу в воду, и мой сотоварищ будет спасен.

Земля сказала летучей мыши:

— Пусть туча прольется на меня дождем!

Летучая мышь поднимается к туче и просит ее:

— Туча, пролей дождь на землю! Земля даст травы для коровы, корова даст молока для кошки, кошка перестанет ловить мышь, мышь перестанет дырявить куту, куту даст зерна для свиньи, свинья даст мне щетинку, щетинку я брошу в воду, и мой сотоварищ спасется.

Туча по просьбе летучей мыши пролилась на землю дождем, земля была напоена влагой, трава бросилась в рост, корова съела траву и дала молока, молоко полакала кошка и перестала ловить мышь, мышь прекратила дырявить куту, куту дал зерна, зерно съела свинья, свинья дала щетинку летучей мыши, летучая мышь бросила щетинку в воду. Но кузнечика уже не

было там: не то вода унесла его, не то рыба съела. Летучая мышь не нашла своего сотоварища и ушла восвояси с плачем.

Когда это случилось, ее не было там, я там был.

15. Лиса и лисенок

Лиса вскормила своего лисенка. Когда он подрос и мог уже сам промышлять, чтобы кормить себя, мать сказала ему:

— Послушай, теперь ты можешь сам себя прокормить, счастливого тебе пути!

Лисенок прослезился и спрашивает свою мать:

— А где же мы теперь встретимся?

— Э, солнышко мое,— отвечает ему мать,— если нам суждено еще встретиться, то только на стене еврея-торговца!

16. Человек и еж

Некий человек поймал однажды ежа и поместил его в замок. Там ежа содержали в полном довольстве, ухаживали за ним, обходились с ним вежливо.

Так еж прожил в замке значительное время. И вот его спрашивают:

— Ну, еж, как ты себя чувствуешь? Хорошо ли тебе? Что желательно твоему сердцу?

А еж в ответ:

— Ничего мне не надо, кроме одного: возвратите меня под мой куст!

17. Волк и лиса

Волк состарился и не мог уже прокормить себя. Стал он думать, как ему быть, чтобы не умереть с голоду.

Одному богу известно, сколько времени он судил про себя и так и этак, а затем пустил слух среди лесных обитателей: «Волк состарился, заболел смертельно и теперь валяется в своей пещере».

Звери стали навещать его как больного — одни с положенным в таком случае сайгисгардом, а другие и без него.

К пещере волка вело много следов зверей, обратно же не видно было ни одного следа.

Наконец и лиса пришла навестить больного волка, остановилась она поодаль от пещеры, где лежал волк, и говорит ему:

— Да оставят тебя, волк, твои болезни!

— Живи с веселым сердцем и здравствуй! Подойди ближе,— ответил ей волк.

— Мне давно надо было посетить тебя,— говорит лиса,— это мой долг: ведь ты старейшина нашего рода, и все мы должны тебя уважать.

— Весьма тебе благодарен,— отвечает волк,— но зайди ко мне в пещеру, посиди около меня немножко, ведь я изнемогаю в своем одиночестве!

Лиса смотрит на следы зверей, которые ведут только в пещеру, и говорит:

— Нет, старейшина, извини меня! У меня нет времени, чтобы зайти к тебе в пещеру. Да и удивительно: к тебе ведет много следов, а от тебя ни одного не видно.

Сказала так лиса и ушла к себе домой.

18. Бедняк, волк и лиса

Шел однажды бедняк по дороге. Смотрит: охотники с собаками гонятся за волком.

Волк добежал до бедняка и просит:

— Бога ради, отдаюсь под покровительство твоих матери и отца, спаси меня! Я никогда не забуду твоего благодеяния, отплачу тебе когда-нибудь добром.

У бедняка оказался при себе пустой мешок. Он раскрыл его и говорит волку:

— Залезай в него быстро!

Тем временем подбежали охотники и спрашивают бедняка:

— Не видел ли ты тут волка? Куда он исчез?

Бедняк сказал:

— Он побежал дальше по этой дороге.

Охотники с собаками бросились по дороге догонять его.

Когда они удалились, бедняк снял со спины мешок, выпустил волка и говорит ему:

— Ну как, ловко я тебя спас?

Волк отвечает:

— Я лишних слов не люблю! Сейчас я тебя съем!

Бедняк оторопел:

— Бога у тебя нет! — говорит он.— Я тебя спас, почему же ты теперь хочешь меня съесть?

Волк отвечает:

— Мне хочется есть, так что оставим пустые разговоры!

Бедняк покачал головой:

— Правду говорили наши предки: «Окажи волку добро, и он тебя съест». Ну что ж, сделай мне одну уступку: пойдем по дороге и спросим встречных, если они скажут, что меня надо съесть, то съешь меня.

Волк согласился. Пошли они по дороге. Недалеко от села в поле паслась старая лошадь. Они подошли к ней, и бедняк сказал:

— Извини меня, добрая лошадь, дай ответ на такой вопрос: вот за этим волком гнались охотники, он попросил меня: «Спаси меня, и я отплачу тебе добром!». Я спрятал его вот в этом мешке. Когда охотники удалились, я выпустил его из мешка, а он говорит мне: «Я тебя съем, мне хочется человечьего мяса!». Скажи, за то, что я его спас, нужно меня съесть или нет?

Лошадь сказала так:

— Человеческий род заслуживает уничтожения. Человек — самый злейший враг для всего живого на земле. Пока ты ему нужен, он будет ублажать тебя, когда же увидит, что ему от тебя уже нет пользы, он не останавливается перед тем, чтобы резать, убивать, поедать. И если вы спрашиваете меня, я отвечу: ты, волк, должен съесть его около меня.

Бедняк заплакал и сказал:

— Мне от тебя не уйти, волк. Сделай мне снисхождение: спросим до трех свидетелей.

— Пусть будет так,— сказал волк.

Они расстались со старой лошадью, пошли дальше и увидели у околицы села старую собаку, которая копалась в навозной куче в поисках пищи.

Бедняк обратился к ней:

— Извини, добрая собака, дай нам ответ. Вот за этим вол-

ком гнались охотники. Он добежал до меня и попросил: «Спаси меня, и я отплачу тебе добром!». Я его спас, спрятал его вот в этом мешке. Когда охотники удалились, я выпустил его из мешка, а теперь он мне говорит: «Я тебя съем, мне хочется отведать человечьего мяса!». Скажи нам: за то, что я его спас, надо меня съесть или нет?

Собака сказала:

— Человеческий род на земле заслуживает уничтожения. Человек — самый злейший враг всего живого на земле. Пока ты ему делаешь добро, он будет ублажать тебя, когда же увидит, что ему уже нет от тебя пользы, он не останавливается перед убийством живого существа. Если вы спрашиваете моего мнения, то ты, волк, сейчас же на моих глазах должен съесть его.

Бедняк зарыдал и сказал:

— Пойдем спросим третьего.

Они пошли дальше. Вдруг из кустарника выскочила лиса. Бедняк и волк подошли к ней.

— Пожалуйста, лиса, рассуди нас по правде,— сказал ей бедняк.— Я шел по дороге, и вот этот волк, за которым гнались охотники, добежал до меня и попросил: «Спаси меня от охотников, и я чем-нибудь тебе услужу!» Я спрятал его вот в этом мешке, а когда охотники удалились, выпустил его оттуда. И теперь он мне говорит: «Я тебя съем, мне хочется отведать человечьего мяса!» Рассуди нас, лиса: нужно ли меня съесть за то, что я его спас?

Лиса прикрикнула на бедняка:

— Что за лживые речи ты ведешь! Как ты его спас?! Может ли волк поместиться в этом мешке? Я не верю, чтобы он в нем поместился! Залезай-ка в мешок, волк, посмотрим, поместишься ли ты в нем?

Волк залез в мешок. Лиса говорит бедняку:

— Теперь стяни хорошенько мешок и крепко его завяжи! Бедняк так и сделал.

— А теперь возьми дубину и убей его! Из всех обитателей земли волк — самый злейший наш враг. Из-за волков лисий род все уменьшается и уменьшается в числе. Если бы не это, мы давно стали бы главенствовать над зверями.

Бедняк взял большую дубину, стал бить волка в мешке и прикончил его.

19. Ворона и сова

У вороны умер птенец; она сама не стала его оплакивать, а отнесла его сове и сказала:

— Вот мой умерший птенец, оплакивай его!

— Почему же я должна его оплакивать? Это твой птенец, оплакивай его сама! — сказала сова.

Ворона сказала:

— У тебя голова большая (ты глупа), поэтому ты и должна его оплакивать.

Вот с тех пор пошла поговорка: «У вороны умер птенец, а оплакивать его она заставила сову, так как та глупа».

20. Медведь, волк и лиса

Медведь, волк и лиса жили вместе. У них был полный кувшин сливочного масла.

Осенью медведь, волк и лиса вышли на жатву. Лиса задумала как-нибудь съесть масло.

Вот поработали они как следует, и вдруг лиса подняла крик:

— У-у-уй!

— Что случилось, почему ты кричишь? — спрашивают ее медведь и волк.

— Как же мне не кричать? — отвечает лиса. Алдаровы * — да будет в доме их покойник! — хотят дать мальчику своему имя и зовут по этому случаю меня.

Медведь и волк отпустили лису, а она пришла к себе и поела сливочного масла. Затем вернулась к медведю и волку. Те спрашивают ее:

— Какое имя дали мальчику?

— Далбылта *,— отвечает лиса.

К обеду лиса опять проголодалась и снова подняла крик:

— У-у-уй!

— Что опять случилось? — спрашивают медведь и волк.

А лиса говорит:

— Данное мной имя,— да вынесут из дома их покойника! — им не понравилось. Они меня снова приглашают.

Пошла домой и опорожнила кувшин масла до половины. Затем снова вернулась к жнецам,

— Ну, какое имя ты ему дала? — спрашивают те ее.
Она ответила:
— Астаунараг-Гурвидауц *.
Продолжают они жать дальше. Время стало подходить к вечеру, и лиса снова подняла крик:
— У-у-уй!
— Что такое опять приключилось? — спрашивают медведь и волк.
Лиса отвечает:
— Да будет в их доме покойник! Мальчику Алдаровых не нравится его имя, он капризничает, и они требуют меня обратно.
Пришла лиса к себе и съела все масло дочиста, а кувшин наполнила пеплом. Вернулась к жнецам, те ее спрашивают:
— Как ты его теперь назвала?
— Бынсарфт *,— ответила им лиса.
Наступил вечер, они возвратились домой и решили: «Мы устали и голодны, поедим немножко своего масла».
Медведь подошел к кувшину, смотрит в него, а там только пепел:
— Смотрите, в нем один пепел! — говорит он волку и лисе.
— Это сверху масла осел пепел,— говорит лиса.— Подуй-ка на него!
Медведь подул на пепел и ослеп. Волк и лиса стали его дразнить, а он ничего не видит и только рычит в углу.
— Давай мы подойдем к нему,— предложила волку лиса,— ты впереди, а я за тобой и скажем ему: «Да будет счастье в твоем доме!».
Они подошли к медведю, приговаривая эти слова. А медведь протянул лапу, поймал волка за морду и содрал с нее кожу.
Тут волк понял, что лиса обошла, обманула его, и сказал:
— Да съешь ты свой собственный навоз, если я тебя не убью!
Лиса пустилась наутек, волк за ней следом. Добежала лиса до одного гребня, остановилась и принялась сучить нитки. Волк добежал до лисы и удивился, что она занялась сучением ниток.
— На что тебе эти нитки? — спрашивает он ее.
— Как на что? — отвечает лиса.— Я собираюсь сделать так, чтобы мне не нужно было ежедневно кушать. Этими нитками я крепко зашью свой зернопроход и, покушав один раз, уже не буду нуждаться в еде.

— Зашей и мой зернопроход! — стал умолять лису волк.

Лиса так и сделала. Волку пришла нужда, и он сходил, ободрав края своего зернопрохода.

Волк понял, что лиса опять его перехитрила, и поклялся съесть ее. Она бросилась убегать. Бежит, бежит и добегает до невысокого холмика. Остановилась там, развела костер и сунула в него железки.

Волк нагнал лису и в удивлении спрашивает ее:

— Что это ты, лиса, делаешь, чем ты занята?

Лиса отвечает:

— Ничего особенного, вот собираюсь разукрасить себя железками, чтобы стать пестрой, тогда все люди станут завидовать мне.

Глупый волк стал упрашивать лису, чтобы она разукрасила его. Лиса обожгла волка горячими железками, он и стал пестрым.

Когда солнце пригрело его ожоги и они подсохли, волк от боли стал кататься по земле — чуть не умер.

Он совсем рассвирепел и пригрозил лисе:

— Да съедят навоз твои покойники, если я еще пощажу тебя и оставлю в живых!

Лиса пустилась от него наутек. Добежала до холма, у подножия которого чабаны пасли овец. Увидев их, она присела и принялась плести куту.

— Эй, плутовка,— кричит издали волк,— ты мастерица разукрашивать в пестрые цвета! Мне бы добраться до тебя, и ты не останешься в живых!

Лиса притворилась, будто не боится его, и споро плетет свой куту.

— На что тебе этот куту? — удивленно спрашивает волк.

— Тише! — отвечает лиса.— Я спешу, пока пастухи не погнали своих овец дальше. Я залезу в куту и покачусь в нем отсюда до пастухов. Им меня не будет видно. Я стану затаскивать в куту овец и поедать.

Волку понравилась выдумка лисы.

— Сплети куту для меня,— сказал он,— и я прощу тебе все обиды, которые ты мне причинила.

Лиса притворилась, будто бы просьба волка ей неприятна, и она согласилась будто бы против воли своей. Она заставила волка войти в куту, оплела его крепко, пустила вниз по холму в сторону пастухов и закричала им:

4 Заказ 2079

— Волк катится к вам!

Пастухи подбежали к куту и убили волка на месте, а лиса, невредимая, убежала.

21. Солнце и лягушка

У солнца умер сын, оно горевало и плакало. Со всех сторон приходили к нему люди утешать его, но оно не переставало горевать и плакать.

Дошла весть об этом и до лягушки.

— Пойду и я к солнцу,— решила лягушка,— попробую утешить его, чтобы оно перестало сокрушаться о смерти сына.

Явилась лягушка к солнцу и повела разговор:

— Стыдно тебе! — сказала она.— Разве несчастье, подобное твоему, ни с кем не случалось? Вот у меня умер мальчик мой, ширококостный, пучеглазый, и я ведь перенесла это горе!

Тут-то солнце улыбнулось и молвило:

— Ну, если уж лягушка явилась ко мне в качестве утешительницы, то, действительно, стыдно мне неутешно горевать!

И оно перестало сокрушаться о смерти сына.

22. Бездомная собака

Зимой мороз донял собаку. Когда ей стало совсем невмоготу, она сказала себе:

— Скоро зима кончится, а летом я сплету плетневый дом.

Наступило лето. Собака от жары спряталась под куту и растянулась там. Посмотрела она на себя и увидела, что ногами и хвостом своим заняла большое пространство.

— Ох, ох! — сказала она.— Если мне понадобится плести плетень, то когда же я закончу?

Потому-то и до сих пор собака не имеет дома.

23. Коза и заяц

Давным-давно жили старик со старухой. Была у них дочь. Из скотины имели они одну козу.

Вот однажды отлучился старик из дому и поручил дочери отвести козу в степь и пасти ее досыта.

Девушка погнала козу в степь, попасла ее досыта, а затем пригнала домой. Вечером старик спросил козу, как ее пасли. Коза ответила, что плохо. И тогда старик прогнал дочь из дому.

На другой день старик поручил жене пасти козу. Та погнала козу, попасла ее, а вечером пригнала домой. Старик спросил козу, как ее пасли. Она сказала, что и старуха пасла ее плохо. Старик прогнал из дому и свою жену.

На третий день старик переоделся и сам погнал козу пастись. Он пас ее хорошо, коза наелась травы досыта. Вечером пригнал он ее домой, оделся в старую свою одежду и спрашивает козу, как ее пас старик. Она и про старика сказала, что он пас ее плохо и она не наелась травы.

Тогда старик связал козу веревками, а сам вышел поточить нож, чтобы зарезать ее. Пока он точил нож, коза оборвала веревки и убежала в лес. В лесу она зашла в дом зайца и забралась на печь. Вечером заяц возвратился домой, увидел козу и побоялся войти в дом. Сел у порога и стал плакать.

Мимо проходил медведь, спрашивает его:

— Почему ты плачешь?

Заяц поведал ему свое горе, и медведь присел около него.

Явился волк, спрашивает зайца:

— Что с тобой случилось, почему ты плачешь?

Заяц и ему рассказал о своем горе. Волк посочувствовал и сел рядом,— ничем другим он не мог помочь.

Явилась лиса, и ей поведал заяц свое горе.

Наконец явился петух, тоже спрашивает зайца:

— Что с тобой случилось, о чем ты плачешь?

Когда заяц рассказал ему о своем горе, он стал у дверей и три раза во все горло закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

Коза от испуга слетела с печки, ноги ее подломились, и она рассталась с жизнью.

Заяц и его друзья изрядно угостились. Съели они жирное мясо козы, остались от нее ноги да рога для старухи.

24. Бедняк Цупара и лиса

Давным-давно жил-был один бедняк. Звали его Цупара. Было у него только семь кур.

Однажды пришла к нему лиса и сказала:

— Давай, Цупара, будем жить вместе!

— Нет, ты съешь моих кур!

— Не бойся,— сказала ему лиса.

Стали они жить вместе. Прожили несколько лет, наконец, лиса говорит:

— Ну, Цупара, теперь я должна сосватать тебе невесту.

— Не надо, на что мне жена? — сказал Цупара.

— Нет, давай все-таки женим тебя!

— Хорошо,— сказал Цупара,— но ведь у меня ничего нет. На какие средства ты сосватаешь мне невесту?

— Не беспокойся, я найду средства,— сказала лиса.

Зашла она к алдару и говорит ему:

— Эй, алдар! Дочь твою сватают, не промахнись, не вздумай не выдавать ее. Жених — толковый парень, богатый.

— Хорошо,— отвечает алдар,— давай сговоримся. Калым такой: сто штук от каждой породы зверей.

— Ладно,— сказала лиса,— найдем.

Пришла она в лес и подняла там крик:

— Звери, какие только есть, где вы? Надвигается война, все бегом за мной, я знаю еще одну нору, бежим туда!

Собрала она зверей в хлев к алдару и кричит:

— Эй, алдар! Вот в хлеву твоем калым в избытке, даже не хватает места.

Алдар вышел и говорит:

— Иди и в воскресенье пришли ко мне зятя, хочу познакомиться с ним.

Вернулась лиса домой и говорит Цупаре:

— Алдар зовет тебя, надо ехать.

Она разукрасила его тряпье цветами, и они направились к алдару. Алдар поджидал своего зятя на околице села и увидел издали, что одежда на нем блестит.

Когда лиса и Цупара шли по мосту, лиса столкнула Цупару в воду, и тряпье, что было на нем, унесла вода.

— Эй, алдар! — закричала лиса.— Одежду твоего зятя унесла река! Вышли что-нибудь, во что бы он мог одеться.

Алдар выслал всякой хорошей одежды, Цупару одели и привели в дом к тестю.

Вошел Цупара в дом тестя и стал осматривать самого себя, не веря своим глазам.

— Что это он рассматривает самого себя? — спрашивает алдар.

А лиса ему говорит:

— Собственная его одежда была лучше, потому он себя так рассматривает.

Алдар приказал вынести Цупаре самые лучшие одежды, какие у него только имелись. А лиса говорит Цупаре:

— Ты уж не засматривайся на самого себя.

И Цупара стал смирно за дверью *.

В следующее воскресенье поехали за невестой. На обратном пути лиса обогнала всех. Бежит и видит семерых уаигов.

— Вон за мной гонятся войска,— говорит она.— Разрешите мне спрятаться под соломой.

— Раз так, мы сами спрячемся под ней.

— Хорошо, полезайте сами, и чем теплее будет вам становиться, тем дальше лезьте!

Уаиги полезли в солому, а лиса подожгла ее. Они же лезли все дальше и дальше и сгорели.

Мать уаигов готовила к их возвращению еду. Лиса прогнала ее и привела в дом уаигов жениха с невестой и гостей. Она угостила их едой уаигов — справили чиндзахсав на славу.

Цупара и его жена стали без забот жить в доме уаигов. Сколько они прожили так, знает один только бог, и вот в один из дней лиса говорит им:

— Ну, теперь сосватайте невесту и для меня!

Цупара отвечает ей:

— На какие средства женить тебя? У нас ничего нет.

— Если ты не хочешь сватать мне невесту,— говорит лиса,— то я скажу уаигу, чтобы он отнял у тебя дом.

Пошла она к уаигу и говорит ему:

— Вон в доме твоем поселился какой-то дурной мужчина, прогони его и живи в нем сам!

Уаиг не поверил лисе. Тогда она говорит ему:

— Накинь мне на шею веревку, и если я тебя обману, то убей меня.

Уаиг накинул на шею лисы веревку, и явились они к Цупаре.

А Цупара, увидев их, закричал на уаига:

— Ах ты, дурной, я велел тебе привести самца, а не самку!

Уаиг перепугался, ударил лису об землю, а сам в страхе убежал.

Цупара и жена его остались жить в доме уаига и живут там до сегодняшнего дня.

25. Как мышь женилась

Жила некогда мышь. Пришло ей в голову жениться. Она была очень гордая, и потому все девушки-мыши казались ей недостойными. Она искала себе в жены дочь такого, сильнее которого не было бы на свете.

Поэтому отправилась она к месяцу, про которого говорили, что сильнее его нет никого на свете.

— Месяц! — сказала она ему.— Я ищу себе в жены дочь сильнейшего в мире. У нас на земле говорят, что сильнее тебя никого нет, и мне хотелось бы породниться с тобой.

— Да,— ответил ей на это месяц,— я силен, слов нет, и нет такого места, такого закоулка на земле, куда бы ни проникал мой свет, когда я по ночам хожу по небу. Но всходит к утру солнце, и свет мой начинает постепенно тускнеть и наконец совсем пропадает. Только к вечеру, когда солнце заходит и свет его перестает литься на землю, ко мне опять возвращается сила и я снова освещаю обширную землю. Нет, мышь, солнце будет посильнее меня: иди к нему!

Пошла мышь к солнцу.

— Солнце,— обратилась она к нему,— ищу я себе в жены дочь сильнейшего в мире. Ходят слухи, что ты и есть сильнее всех на свете. Не отдашь ли свою дочь за меня?

— Правда, сильно и могущественно я,— ответило солнце,— и, когда всхожу по утрам, мрак ночной рассеивается бесследно. Звезды и сам месяц не смеют светить при мне, на земле меркнет свет их пред моим светом, и не видно их в то время с земли. Но есть кто-то сильнее меня. Это туча, которая застилает мой свет, закрывает от меня землю. Поэтому иди к туче.

Пошла мышь к туче и обратилась со своим предложением. Подумала туча и сказала:

— Верно говорит солнце: силен его свет, и звезды, и месяц меркнут перед ним, но не может оно светить на землю, когда я большим ковром обложу небо, и не бывает его видно тогда. Но и я не могу устоять против ветра. Когда он подует, разгуляется, то разрывает меня на клочки и разбрасывает по небу... Нет, ветер сильнее меня!

Пошла мышь к ветру. Но и ветер не признал себя сильнейшим.

— Правда,— сказал он,— силен я и одним дуновением уничтожаю тучу. Но найдется кто-то и посильнее меня. Вот быки

на пашне: пусть их только пара, я не могу им ничего сделать. Мерно, спокойно идут они по полосе, будто и не чувствуют меня. Они будут посильнее меня.

Обратилась мышь к быкам. Быки ей сказали:

— Сильны мы, слов нет, но и нас иногда осиливает плуг, когда вдруг зацепится за что-нибудь в земле. И даже когда хозяин припрягает к нам еще пары четыре, то и тогда мы не можем ничего поделать. Плуг сильнее нас.

Пошла мышь к плугу. Плуг ей сказал:

— Правда, силен я и режу сырую землю без всякого труда. Но есть один корень, который часто останавливает меня, я же не могу его перерезать. Иди поэтому, мышь, к нему, он много сильнее меня.

Пришлось мыши обратиться к корню.

— Да, силен я,— ответил корень,— и не может плуг меня другой раз перерезать. Но вот мышь, даже самая маленькая, очень легко перегрызает меня. Так что мыши будут посильнее меня.

— Ага! — воскликнула тогда мышь.— Так, значит, сильнее нас, мышей, нет!

И женилась она на простой мыши.

26. Благодарный человек

Давным-давно жили муж и жена. Однажды муж говорит жене:

— Ну, я отправлюсь в балц!

И выступил он в долгий путь.

Едет он, едет по дороге и видит: наступает со всех сторон огонь, а навстречу по дороге ползет змея. Не слезая с коня, он плетью отбросил змею в сторону, в траву.

Змея стала его просить:

— Не отбрасывай меня в сторону, спаси меня, я боюсь этого огня.

Он поднял змею и спрятал ее за пазуху.

Едут они, едут, и снова обращается к нему змея:

— Я очень боюсь этого огня. Спрячь меня поглубже, иначе душа моя от страха покинет меня.

— А где я еще могу спрятать тебя? — спрашивает он.

— Пропусти меня в свое горло, а когда минуем огонь, я вылезу обратно.

Он пропустил змею в свое горло.

Едут они, едут и миновали огонь.

— Теперь вылезай! — обращается он к змее.

А змея отвечает:

— Я обманула много таких, как ты. Мне и тут неплохо. Езжай и корми меня до тех пор, пока будешь жив.

У человека чуть-чуть сердце не выскочило из груди, стошнило его. «В таком случае,— думает он,— надо мне найти себе хорошее место, чтобы там встретить смерть свою».

Подъехал он к одному дереву, снял с коня седло, подложил его под изголовье и лег под деревом спать. Подошла к нему кошка и спрашивает:

— Почему ты тут спишь?

Он рассказал ей про свои дела, про то, что змея не хочет вылезать из его горла.

— Не бойся! — говорит кошка.— Это дело легкое. Я заставлю ее вылезть из твоего горла.

Кошка ушла. В лесу она встретила соловья и говорит ему:

— Вон там змея не вылезает из горла человека. Ты, соловей, искусен в змеином языке. Пойдем и вместе заставим ее выползти оттуда. Ты сядешь на ветку дерева над человеком и будешь говорить на змеином языке: «Какие тут растут чудесные цветы и какое они распространяют благовоние! Жалок тот, кто в такую хорошую погоду сидит у себя в дыре, в темноте».

Соловей так и сделал. А кошка села под подбородком человека и стала ждать. На пение и речи соловья змея высунула свою голову из горла человека. Кошка схватила змею за голову и вытащила ее оттуда.

Человек был спасен. Он от души поблагодарил кошку и поехал дальше своей дорогой.

Едет он, едет и заезжает в дом к своему побратиму. Побратим очень хорошо принял его, и повели они беседу. В это время к гостю подошла кошка и улеглась на полу длинной черкески, которая была на нем.

Побратимы беседовали долго, затем гость привстал было, чтобы ехать, но увидел спящую кошку на поле своей черкески. Тогда он присел и, чтобы не будить кошку, отрезал кинжалом ту часть полы своей черкески, на которой спала кошка.

Побратим был необычайно удивлен и спросил своего гостя:

— Почему ты так поступил?

Гость рассказал побратиму о том, как он избавился от змеи, и уехал.

А человек этот с того времени стал жалеть кошек, кормил их изысканно, хорошо содержал их.

До их прихода бог да сохранит вас здоровыми! Живите все вы долго!

Дружба же человека и кошки сохранится навсегда.

Этими словами и кончается моя сказка.

27. Бедняк и богатей

Жили-были бедняк со своей женой. Вот каким-то образом раздобыл бедняк десять туманов. Дошли об этом слухи до богатея, и он решил, что бедняк не сумеет ими воспользоваться, поэтому надо его обмануть и забрать у него эти десять туманов.

Он пошел к бедняку домой, вызвал его на улицу и сказал:

— Отдай мне свои деньги.

Бедняк отвечает ему:

— У тебя и так много денег.

— На свои деньги я приобрел скотину,— говорит богатей,— у меня ничего не осталось, поэтому прошу тебя, дай мне свои десять туманов.

Долго вели они разговор. Наконец богатей стал угрожать бедняку. Тот испугался и сказал:

— Ладно, посоветуюсь с хозяйкой.

Жена сказала ему:

— Бедная жизнь нам привычна, а он может убить тебя или нанести тебе какой-либо другой ущерб. Лучше отдай ему свои деньги.

Вынес бедняк свои деньги богатею и сказал ему:

— Отдаю тебе свои деньги, только хорошо бы иметь свидетеля.

— Нет, свидетель совершенно не нужен,— сказал богатей.

— Нужен,— настаивал бедняк.

— Какой тебе нужен свидетель? — прикрикнул богатей на бедняка.

— Возможно, ты не хочешь, чтобы нашим свидетелем был

житель земли, но ты ведь знаешь, кто тебя создал? — спросил бедняк.

— Знаю,— ответил богатей.

— В таком случае пусть он будет первым свидетелем нашим! Затем, знаешь ли ты, что, когда ты умрешь, тебе предстоит уйти в землю?

— Знаю,— сказал богатей.

— В таком случае пусть она будет нашим вторым свидетелем.

— Согласен,— сказал богатей, довольный, что свидетелем не будет никто из людей земли.

Бедняк отдал свои деньги богатею и спросил его:

— Когда же вернешь их мне обратно?

— Через неделю, к тому времени я продам свою скотину и вручу тебе в руки твои десять туманов.

Взял богатей деньги и ушел.

Прошла неделя, прошла другая, а богатей все не возвращает бедняку его денег. Бедняк посовещался с женой, и они решили, нужно пойти к нему, узнать, что он скажет.

Вот отправился бедняк к богатею. Вызвал его из дому; богатей вышел рассерженный и стал кричать:

— Что тебе надо? Какое у тебя тут дело?

Стал он угрожать бедняку, наседать на него, тот все пятится от него назад, а богатей поднимает крик, чтобы слышали люди:

— Вот этот бедняк обвиняет меня в том, что я ему должен десять туманов. Но кто и когда видел у бедняка десять туманов? За такое обвинение надо его убить!

Вернулся бедняк домой, стали они с женой плакать.

— Пропали наши десять туманов да вдобавок он нанес нам оскорбление!

Стали они раздумывать, что же делать, что им предпринять.

До бедняка дошел слух, что в далекой стране заседают судьи; он велел своей жене испечь ему на дорогу кардзын и отправился в эту страну. Много лишений перенес он в дороге, но все-таки достиг этой страны. Явился к судьям и изложил им свою жалобу. Услышав, что он и богатей призвали в свидетели бога и землю, судьи решили между собой, что бедняк совершенно прав.

— Мы принимаем твою жалобу,— сказали они бедняку,— но, чтобы богатей не причинил тебе какого-либо зла, отойди

пока в сторону, чтобы тебя не видно было. Мы призовем его к себе и поговорим с ним.

Вызвали они богатея. Явился он на их вызов.

— Бедняк пришел к нам с жалобой,— сказали судьи богатею.— Но если бы он и не явился к нам, мы и без того знаем, что ты занял у него десять туманов и истратил их. Такие дела не должны иметь места между людьми. Ты должен вернуть бедняку его десять туманов.

Богатей возразил на это судьям:

— Откуда у этого бедняка могли взяться десять туманов? Я так богат, неужели вы верите, что я мог у него занять десять туманов?

Долго убеждали пять членов суда богатея, но он стоял на своем. Наконец, они сказали ему:

— Вот в этом саду есть дорога, иди по ней вперед и вперед и не возвращайся обратно, пока не дойдешь до самого конца дороги.

Пошел богатей по дороге и видит: на одной перекладине висят три котла, под ними горят одинаковые костры; два крайних котла полны воды до краев и кипят, средний котел висит пустой и разогрелся от огня докрасна. Из двух крайних котлов вылетают большие брызги воды и падают из одного в другой, пролетая поверх среднего котла.

Смотрит богатей и удивляется: что за чудо, почему брызги кипящей воды не попадают в средний котел?

Он вспомнил, что ему приказано дойти до конца дороги, и пошел дальше, все время оглядываясь на три котла. Идет он дальше и видит: на обочине дороги, растянувшись, спит сука. Она не проснулась, но щенята из ее утробы принялись громко лаять на богатея.

Он еще больше удивился.

— Вот это совсем чудо! Почему сама сука не просыпается и как узнали меня щенята из утробы своей матери и подняли такой лай?.. Но надо идти дальше,— вспомнил он.

Идет он дальше и видит новое чудо: на одном дереве сидят все пернатые мира, а самая большая из птиц ощипывает их. От пуха под деревом не было уже прохода.

Сильно удивился богатей и говорит сам себе:

— Их ведь больше, почему же они позволяют мучить себя, почему совместно не уничтожат эту птицу? Да, много на свете чудес, ничего подобного я не видел! Для чего мне еще идти до

другого края сада? Не буду больше ни на что смотреть, пойду обратно!

Он прикрыл рукой свои глаза и повернул обратно. Идет обратно с закрытыми глазами. Наконец открыл глаза, чтобы узнать, идет ли он по дороге или сошел с нее, и видит: прямо перед его ртом висит очень красивое краснобокое яблоко. Богатей откусил его, а там внутри оказался конский навоз; он поплевался-поплевался, прикрыл глаза свои и боязливо пошел по дороге обратно, не желая уже видеть ничего больше.

Подошел он к тем судьям, и, не дав им ничего сказать, сам говорит:

— Вы должны объяснить мне, что означают все эти чудеса!

— Какие ты видел чудеса? — спрашивают судьи богатея.— Расскажи-ка нам.

Богатей сказал:

— Три котла висят на одной перекладине; два крайних котла до краев наполнены водой, средний между ними висит пустой. Из одного крайнего котла большие брызги кипящей воды падают в другой поверх среднего котла, который остается раскаленным докрасна. А между тем под тремя котлами разведены костры, и они горят одинаково. Что это за чудо? — спрашивает богатей у судей.

Они отвечают:

— Три дома будут жить рядом. Оба крайних дома — богатые, будут приглашать к себе друг друга, а средний дом бедняцкий, они его не будут приглашать к себе, и бедняк будет охвачен ненавистью к ним... Ну, а каковы другие чудеса? — спрашивают судьи.

— Как сама сука не проснулась и не почуяла меня,— говорит богатей,— а щенята у нее в утробе почуяли и подняли лай? Что это за диво такое?

Судьи отвечают:

— Наступит такое время, когда старики будут лишены права говорить и будут сидеть спокойно, а дела будут вершить молодые. Ну, какое чудо ты видел еще? — спрашивают они богатея.

Богатей говорит:

— Все пернатые сидели на одном дереве, а одна большая птица выщипывала их, и пух под деревом загородил проход. Что же это за чудо?

— Некий царь назовет себя более могущественным,— гово-

рят судьи,— и наступит время, когда он будет изводить бедный народ всякими мучениями.

Судьи знали, что богатей не дошел до самого конца сада, но все-таки спросили его:

— Дошел ли ты до конца или нет?

— Нет, не дошел,— сказал богатей.— Сердце мое было напугано этими чудесами, и я повернул обратно. Я прикрыл глаза, чтобы больше ничего не увидеть. Но через некоторое время я открыл глаза, чтобы узнать, не сошел ли я с дороги, и увидел прямо перед моим ртом яблоко. Я откусил его, но внутри яблока оказался конский навоз, и я, отплевываясь, пошел по дороге дальше. Что это еще за чудо? — спрашивает он судей.

Они отвечают:

— Наступит такое время и будут такие люди, которые будут блистать своей внешностью, но в сердцах своих они будут питать друг к другу скверные чувства. А теперь,— сказали они ему,— верни добровольно бедняку долг. Если же не вернешь, мы заставим тебя жить с подобными людьми.

Богатей перепугался и стал просить судей:

— Вы угодные великому богу судьи, прошу вас, велите привести сюда бедняка!

Привели бедняка, богатей ему говорит:

— Я возвращаю тебе вместо десяти твоих туманов двадцать туманов и называю тебя братом, ибо благодаря тебе я удостоился видеть этих угодных великому богу судей.

Бедняк получил свои деньги и радостный возвратился домой.

— Ну как, муженек, чем кончилось твое дело? — спрашивает его жена.

Бедняк отвечает весело:

— Благодаря мудрости судей я получил обратно свои деньги, и он дал мне вдобавок еще десять туманов.

Вот так испокон веков богатей притеснял бедняка.

А вы, слушатели, благополучно живите до его возвращения!

28. Сказка о насильнике

Жил-был силач. И решил он однажды, что нет на свете никого, кто мог бы сравняться с ним. Стал он странствовать по свету, ища себе супротивника.

И вот попал он в одно село некоей страны и спрашивает людей, которые проводили время на нихасе:

— Кто в этой стране считается сильнейшим насильником?

Люди отвечали, что, сколько они живут, они даже не слыхали о таком, но что у верхнего края села живет одна старуха, которая может знать, кто в этой стране первейший насильник.

Насильник поблагодарил их и направился в дом к этой старухе. Старуха приветствовала его. Он сказал:

— Я хочу узнать от тебя, кто в вашей стране считается непобедимым насильником.

Старуха не хотела отвечать, но тот настаивал, и тогда она его направила к старику, который жил у верхнего края села, сказав:

— Он даст тебе ответ на твой вопрос.

Силач направился к старику, нашел его и рассказал, по какому делу к нему явился. Старик принялся убеждать его, чтобы он бросил свое занятие, так как никто из насильников еще не кончил добром свою жизнь. Долго он упрашивал, но тот не внял его словам. Разговор их перешел в ссору, и тогда старик запальчиво сказал ему:

— Для тебя и Ардаглага * достаточно будет!

Эти слова показались насильнику оскорбительными, и он потребовал, чтобы старик указал ему того, кого он называет Ардаглагом.

— Ардаглаг живет в такой-то стране,— сказал старик,— а остальное — дело твоей силы и мужества!

Прибыл насильник в ту страну и видит: какой-то старик с лопатой в одной руке веет пшеничное зерно.

— Будь радостен, да будет день твой добрый! — приветствовал его силач, приблизившись.

— Будь здоров, гость! — отвечает ему Ардаглаг.

— Кто в этом селе Ардаглаг? — спрашивает силач.

Ардаглаг долго смотрел на него, затем ответил:

— В этом селе, кроме меня, другого Ардаглага нет.

Насильник был поражен, он решил, что старик над ним надсмеялся. «У него и руки нет,— думал он,— как я с ним буду биться?».

— Я пришел, чтобы биться с тобой,— сказал он Ардаглагу,— испытать свою силу.

Ардаглаг долго не давал насильнику ответа, так как он дал клятву, что в жизни не будет больше испытывать свою силу.

Но так как силач приставал к нему, он наконец согласился и право первого удара предоставил гостю, искателю соперника. Насильник выстрелил из кремневки в грудь Ардаглага. Ардаглаг вынул пулю из нагрудного кармана и показал ее насильнику:

— Вот это твоя пуля!

Тогда насильник выхватил свою шашку и нанес удар Ардаглагу, но шашка его переломилась.

Теперь право удара принадлежало Ардаглагу. Одной своей левой рукой он поднял лопату, стал избивать насильника и избил его до полусмерти. Когда насильник почувствовал, что лишится жизни, он стал умолять Ардаглага:

— Не убивай меня! Мне хочется узнать, откуда у тебя такая сила?

Ардаглаг подумал про себя: «И я когда-то ошибался». Он решил не убивать насильника, а наставить его на более правильный путь.

Пригласил он насильника к себе в дом, поставил перед ним, как перед гостем, хлеб-соль и после угощения сказал:

— Я хочу, чтобы твоя сила не была направлена на злые дела. Иди другим путем.

Насильник упросил Ардаглага рассказать, откуда у него такая сила. Они перешли в уединенную комнату, и Ардаглаг поведал ему о себе и своих братьях:

— Нас было шесть братьев,— начал он,— и не было на свете бо́льших злодеев и негодяев, чем мы. Однажды мы оседлали своих коней и во всеоружии выехали на очередной разбой. Мы попали на безлюдную дорогу. Ехали по ней несколько дней и однажды заприметили вдали какой-то черный силуэт. Мы удивились: кто это мог очутиться в такой необитаемой стране? Кони наши были резвы, как соколы, и в мгновение ока мы были на месте. Черный силуэт оказался арбой на волах. В ней сидела древняя старуха и погоняла волов, за ее спиной на арбе лежал старик, которому было лет около ста; подложил седло себе под голову, кремневка лежит рядом, конь его привязан сзади к арбе, а сам спит глубоким сном. Мы, надменные братья, вздумали подшутить над ними.

Мы стали на своих конях наезжать на арбу и сталкивать быков с дороги то с одной стороны, то с другой. Старуха долго упрашивала нас, молодых:

— Перестаньте, молодые люди! Если старик узнает про ваши шутки, он вас покарает.

Мы, братья, переглядывались между собой, усмехаясь: чем, мол, она путает нас.

Наконец старуха коснулась рукой спящего старика и говорит ему:

— Если ты из жалости ко мне не воспользуешься той силой, которой обладал тогда, когда ты меня сватал, то да не будет тебе никогда больше жизни!

Старик проснулся, потянулся и спрашивает жену:

— В чем дело, что с тобой приключилось?

Осмотрелся он кругом и видит: мы, шестеро братьев, едем, окружив его со всех сторон.

— Здравствуйте, гости! — говорит он нам.

А мы в ответ только усмехнулись, переглянувшись друг с другом.

Старик начал расспрашивать, кто мы такие и куда держим путь. Мы ответили ему:

— Мы — шестеро братьев, насильники. Нам хочется немножко над вами подшутить.

— Я старик, а вы молодые,— говорит он,— не стыдно ли вам со мной шутить?

Но мы не оставили своих шуток и затеяли ссору со стариком.

— В таком случае подождите, солнышки мои,— говорит тогда старик.— Я оседлаю своего коня и вооружусь.

Так он и сделал. Сел на коня и занял место посередке между нами. Арба от нас отстала. Мы верхами едем впереди арбы. После долгого разговора старик согласился испытать нашу силу.

Право начать он предоставил нам, братьям, по старшинству. Старший брат выхватил свой меч и на коне наскочил на старика так, что удар мечом и наскок конем пришлись одновременно. Вслед за ним мы все поочереди нападали на старика, но наши мечи оказались изломанными о его меч. Наступила очередь старика. Он повернул своего коня против нас и убил пятерых моих старших братьев, начиная со старшего, вместе с их конями. Оставался я, младший. Увидев гибель своих братьев, я в страхе бежал от него. Старик погнался за мной на своем коне; не успел я спрятаться за деревом в лесу, как старик нагнал меня; он размахнулся своим мечом и одним ударом срубил дерево и правую руку мою. Потом схватил меня и сказал:

— Я мог бы тебя убить, но я щажу тебя для того, чтобы ты понял, что такое жизнь.

После этого он взял с меня клятву, что я брошу путь насилия и буду жить честно, потому что всегда найдется силач, превосходящий другого силача.

Так я остался без правой руки. Потому и называют меня «Ардаглагом».

Насильник выслушал Ардаглага, последовал его совету, вернулся домой и стал жить спокойно, рабочим человеком.

29. Мальчик-с-Пальчик, сын бедняка

Давным-давно жил-был бедняк. Жил он в бедности на краю села. Так как он был очень беден, то сельское общество предложило ему:

— Поручаем тебе пасти наших гусей и телят, а за это будем давать тебе зерна, муки и кое-что еще. И на это ты сможешь жить.

Бедняк согласился. Стал он пасти гусей и телят села. За это ему давали по чаше зерна, муки, и он на это существовал.

Прошло некоторое время, и вот на склоне лет родился у него мальчик. Назвали его Мальчик-с-Пальчик *.

Вечером бедняк пригнал гусей в село, зашел в свой дом и устало опустился на стул.

Жена спрашивает:

— Что с тобой, что ты так устало сел на стул?

— Устал я сегодня потому, что телята разбегались у меня в разные стороны.

Услышав слова отца, мальчик в колыбели вдруг потянулся, сломал стенки своей колыбели и говорит:

— Дада, если бы завтра и я с тобой пошел, то мы их пасли бы вместе.

Отец и мать были поражены:

— Что это? Черт он или человек? Вчера только родился, а сегодня уже сломал стенки своей колыбели и даже заговорил!

— Что вы так испугались? — говорит им мальчик.— Я пока еще маленький! Расскажи, как надо пасти гусей и телят, дада?

Отец говорит ему:

— Их надо держать вместе, чтобы не было пропажи. Нельзя им позволять разбредаться.

5 Заказ 2079

Утром отец и сын его Мальчик-с-Пальчик погнали гусей и телят за село. Там Мальчик-с-Пальчик начал бегом кружить вокруг гусей и телят, не дает им рассыпаться в разные стороны; того, кто отходил хоть немножко дальше, он ударял так, что тот замертво падал на месте. Так пасли они их целый день. Гуси и телята все разбегались в разные стороны, и Мальчик-с-Пальчик перебил их. В село они пригнали только немногих. Вышли сельчане встречать своих гусей и телят, спрашивают старика:

— Куда девались наши гуси и телята?

— Вот этот злополучный молодец был со мной и перебил их,— сказал отец.

— Мы больше тебе не поручим пасти гусей и телят наших,— говорят старику сельчане.— Твой сын перебьет их, ты должен с ним расправиться.

Но сердце не позволяло старику погубить своего сына. Он прожил много дней, не имея что есть и голодая. Наконец решил все-таки погубить своего сына. Одолжил он у соседей арбу и лошадь.

— На что тебе эта лошадь и арба? — спрашивает его Мальчик-с-Пальчик.

— Отправимся с тобой в балц,— ответил отец.

Запряг он лошадь в арбу и вместе с Мальчиком-с-Пальчиком отправился в балц. Долго ехали они по степи, там и застал их вечер.

— Сделаем здесь привал,— сказали они.

Остановились, смотрят и видят: в отдалении мерцает огонь. Мальчик-с-Пальчик говорит своему отцу:

— Я быстро принесу оттуда огня, и мы разведем костер.

— Бегом, да съест дада твои болезни!

Мальчик-с-Пальчик пустился бежать к огоньку. А ночью мерцание огня всегда кажется близким. Наконец он добежал до этого места и видит, что свет идет из кургана. Он ворвался в курган, а там оказался дом семи братьев уаигов. Они все семеро сидели на скамейке.

— Добрый вечер! — громко приветствовал их Мальчик-с-Пальчик.

— Будь здоров, будь здоров, горная пташка! — ответили ему уаиги.

Они усадили его с собой. Перед ними над очагом висит котел с четырьмя ручками, в нем варится оленья туша.

— Разведите под котлом огонь!— говорит старший уаиг.

По этому слову уаиги должны были бросить в котел Мальчика-с-Пальчика, они хотели его съесть. Но Мальчик-с-Пальчик сам вскочил и подбросил под котел целую сажень дров.

Старший брат опять говорит:

— Помешайте мясо в котле!

Мальчик-с-Пальчик вскочил, поднял сваренное мясо наверх, а сырое опустил на дно. Что и говорить, мясо варится. А Мальчик-с-Пальчик сел на свое место. Котел кипит, как же иначе!

— Снимите свой котел! — сердито обращается к своим старший уаиг.

Все семеро уаигов вскочили, чтобы снять котел, а Мальчик-с-Пальчик схватил их руками, не дал даже пошевельнуться и сам встал и один снял котел, который не могли снять семеро уаигов.

Он принялся вынимать из котла куски мяса и бросать их в корыто. Отбирает куски и приговаривает:

— Это — для дада!

Набрал мешочек этих кусков, выхватил из костра головешку и пустился наутек, а уаиги остались в оцепенении.

— Что это за диво было? — сказали они.— Ростом не больше кулака, как же он не дал нам, уаигам, даже возможности встать?

У них была единственная сестра, свои золотые кудри она держала в корзине.

— Да будет вам стыдно! — сказала она.— Вы — великаны, вас семеро и не смогли его задержать, чтоб он стал вашим братом!

А Мальчик-с-Пальчик вернулся к своему отцу и зовет его:

— Дада, дада!

Но ни дада, отца его, и никого другого здесь не было.

Вернулся отец к себе в село и заявил:

— Я погубил своего мальчика!

И принялся он снова за ту работу, которой поддерживал свою жизнь: стал пасти гусей и телят своих односельчан.

Не найдя своего отца, Мальчик-с-Пальчик вернулся обратно в дом уаигов. Они обрадовались ему, и он стал с ними жить. Днем уаиги охотились, вечером возвращались с дичью. Так они и жили.

Однажды посмотрел Мальчик-с-Пальчик в дверь и увидел в степи нечто вроде куска папахи:

— Что это там виднеется? — спрашивает он уаигов.

Уаиги отвечают:

— Около нашего дома была серебряная коновязь. Кто-то у

нас ее утащил и воткнул в землю вот на том месте. Мы давно откапываем ее, но вытащить никак не можем.

Мальчик-с-Пальчик взял уаигов с собой и подвел их к коновязи. Он заставил каждого из них одного за другим попробовать свою силу и вытащить коновязь из земли, но они не смогли этого сделать.

Тогда он сказал:

— Ну-ка, потяните ее вместе!

Но и всемером они не смогли ее вытащить.

Тогда он сам подошел к коновязи и потянул ее, но она не сдвинулась с места. Он потянул ее второй раз — она еле заметно сдвинулась. Тогда он осерчал, набросился на нее и в один миг вытащил. На месте коновязи осталась дыра. Он сунул туда свою руку и вытащил золотое кольцо. Взвалил коновязь на спину семерых уаигов, те принесли ее домой и поставили на старое место.

Очень полюбили его уаиги и заботливо ухаживали за ним.

Однажды Мальчик-с-Пальчик объявил им:

— Я ухожу от вас!

— Куда ты уходишь? Где ты найдешь лучшую жизнь? Чего тебе не хватает? — стали убеждать его уаиги.

— Дада мне предложил отправиться в балц, я и пойду туда.

Уаигам не хотелось, чтобы он покидал их, но делать нечего.

Сестра уаигов опять стала попрекать своих братьев:

— Да будет вам, братья мои, стыд и срам, раз вы не смогли его задержать!

А Мальчик-с-Пальчик шел и шел своей дорогой и набрел на кладбище. Путнику всегда жарко, Мальчик-с-Пальчик присел в тени памятника отдохнуть и задумался:

— Этот покойник, очевидно, недавно здесь.

В этот момент прилетел голубь. Мальчик-с-Пальчик сидит в тени памятника и видит: голубь превратился в красавицу, подобную самой луне. Она достала какие-то щепки, положила их на каменную плиту, разбросала могильную землю, подняла оттуда покойного молодого человека, провела по нему палочками, и тот ожил.

А Мальчик-с-Пальчик все наблюдает, стоя в тени памятника.

Солнце склонилось уже к закату. Девушка снова провела по молодому человеку палочками, и он опять стал мертвецом. Она его вновь закопала, придала могильной земле прежний вид, превратилась в голубку, вспорхнула и улетела.

Мальчик-с-Пальчик остался в удивлении: «Если я расскажу про такое чудо, кто поверит этому?.. Останусь-ка я здесь на ночь и спрячусь,— решил он.— Быть может, голубка прилетит сюда и завтра».

Он подошел ближе к тому месту, где девушка положила палочки, и выкопал себе яму, чтобы спрятаться,— а много ли места нужно для этого Мальчику-с-Пальчику?

Взошло солнце, голубка опять прилетела и превратилась в девушку. Положила свои палочки на каменную плиту. Мальчик-с-Пальчик схватил их и быстро спрятался.

Девушка испугалась, снова превратилась в голубку, вспорхнула и улетела. А покойника оставила незарытым. Мальчик-с-Пальчик провел по нему палочками, и тот ожил. Он провел по нему палочками второй раз, молодой человек вновь стал мертвецом, и Мальчик-с-Пальчик закопал его.

Покинул он кладбище и пошел дальше. Пришел он в большое село. Народу в нем много, а все молчат, не разговаривают друг с другом. У края села жила знахарка, и бог привел Мальчика-с-Пальчика прямо к ней в дом. Он остановился у нее как гость и спрашивает знахарку:

— Что это за диво: село большое, народу в нем много, а между тем даже пения петуха не слышно?

Знахарка отвечает:

— Умер сын алдара, и алдар носит по нему траур. Никто не смеет произнести лишнего звука.

— А если я верну к жизни его сына, чем алдар сможет меня вознаградить?

— Это было бы хорошо! — сказала знахарка.

— В таком случае отправляйся к нему и спроси его!

Знахарка явилась в дом алдара и, представ перед его доверенным человеком, сказала ему:

— У меня есть гость, и он говорит: «Если я оживлю сына алдара, чем он может меня вознаградить?».

Тот доложил об этом алдару. И алдар приказал своим приближенным:

— Идите, сломайте ей ребра! Горе мое исходит из моих глаз кровавыми слезами!

Те вышли к знахарке и избили ее так, что она еле-еле вырвалась от них. Избитая и изувеченная, она вернулась домой к своему гостю и говорит ему:

— Из-за тебя меня избили! Бог да не простит тебя!

— А ну-ка, пойдем вдвоем! — сказал Мальчик-с-Пальчик.

Они явились в дом алдара и просили приближенных алдара доложить ему, что пришел человек, который может вернуть его сына к жизни.

Алдар вышел к Мальчику-с-Пальчику и стал на него кричать:

— Что это ты задумал шутки шутить?

— Кричать на меня не дело,— отвечает он.— Лучше скажи, чем ты меня вознаградишь, если я верну твоего сына к жизни?

Алдар сказал:

— В таком случае идем на кладбище, верни его к жизни!

Весть о том, что Мальчик-с-Пальчик берется воскресить сына алдара, быстро разнеслась вокруг. Народ хлынул за ними толпами на кладбище. Вот вынули покойника из могилы, положили на землю. Мальчик подошел к нему, провел палочками, и сын алдара ожил. С песнями вернулись обратно в алдарский дом. Алдар уступал свое алдарство Мальчику-с-Пальчику, но он отказался от этого.

— Я отправлюсь дальше в свой балц.

— Ты здесь алдар, куда тебе идти? — сказал алдар.

Но Мальчик-с-Пальчик отказался остаться и отправился дальше в путь. Идет он и идет и приходит в один еще аул. Опять бог привел его в дом знахарки. Близ окраины села протекала многоводная, подобно морю, река; на другом ее берегу паслись, как скот, совершенно голые люди.

— Что это за люди? — спрашивает он знахарку.

Знахарка отвечает:

— Алдар переправил их на тот берег реки, чтобы устроить праздник по случаю первого мая *, но когда он переправлял их обратно, каждый раз что-то опрокидывало лодку, и люди погибали. Те, которых ты сейчас видишь, побоялись переезжать на лодке и остались там. Они износили свою одежду и обувь, теперь у них нет ни пищи, ни одежды, и они голые пасутся на траве.

— А если я их переправлю на этот берег, чем алдар вознаградит меня?

Знахарка отвела его с собой к алдару, и Мальчик-с-Пальчик сказал ему:

— Если я переправлю твоих людей на этот берег, чем ты меня вознаградишь?

— Если ты их перевезешь,— сказал алдар,— то я уступлю тебе свое алдарство.

Мальчик-с-Пальчик попросил изготовить такую лодку, чтобы в нее поместились все остававшиеся на том берегу реки. Такая лодка была изготовлена, он сел в нее и погнал ее на тот берег. Там он посадил в нее всех оставшихся и погнал лодку назад. Посреди реки кто-то схватил лодку, но не с той стороны, где сидел Мальчик-с-Пальчик, а с другой и хотел ее опрокинуть. Но Мальчик-с-Пальчик подскочил к этой стороне, и лодка выпрямилась. Затем он быстро опустил руку в воду и вытащил из нее башмак.

Так он благополучно переправил людей алдара на свой берег. Для алдара он стал самым дорогим человеком на свете.

Однако Мальчик-с-Пальчик сказал и ему, что должен держать путь дальше, в далекий балц.

— Куда ты отправляешься? — сказал ему алдар.— Ведь ты будешь алдаром этого народа. Чего тебе не хватает, что ты еще ищешь?

Но Мальчик-с-Пальчик направился дальше по своему пути.

Попал он в пустынную степь. Видит: посреди степи стоит башня высотой до неба. Он достиг этой башни, обошел ее кругом, но входа в нее не было; он удивился этому и сказал:

— Поворотил бы я обратно, но кто мне поверит, если я расскажу, что есть башня такой необыкновенной высоты и что я не сумел войти в нее?

Думал он, думал и придумал: «Намажу-ка я свои руки клеем и песком и попробую забраться на башню!»

Так он и сделал. Взобрался он на вершину башни, заглянул оттуда внутрь и увидел круглую лестницу. Спустился он по этой лестнице в башню и наткнулся на дверь.

«Открыл бы я эту дверь,— думает Мальчик-с-Пальчик,— да вдруг наткнусь на несчастье. Ведь кто-нибудь тут должен жить. Но если я не открою ее и буду об этом рассказывать, кто мне поверит?»

Наконец решил он открыть дверь. Открыл и попал в большую палату; пол ее был из зеленого стекла, стены — из перламутра, потолок блистал, как утренняя звезда. Три кровати в ней, три стола перед кроватями, все три стола полны яств — питья, у каждой кровати стоит умывальник с мылом.

«Поел бы я этих кушаний,— думает Мальчик-с-Пальчик,— да что-нибудь может случиться».

Наконец он решил испробовать яства. Откусил от каждого блюда на каждом столе и говорит сам себе:

— Я должен узнать, что за люди живут в этой палате.

Он подошел к дальней кровати и спрятался за ней — много ли нужно Мальчику-с-Пальчику, чтобы спрятаться так, чтобы его не видно было!

Прислушивается, смотрит: вошла в дверь девушка такой красоты, что палата стала еще краше. Она умылась, поела, затем прилегла на своей кровати.

Пришла за ней другая девушка, еще краше стала палата от красоты той девушки. Она тоже умылась, поела, а затем прилегла на своей кровати.

Мальчик-с-Пальчик наблюдает дальше. И вот явилась третья девушка — их было три сестры,— и прекрасная палата, и те красивые девушки стали еще краше от красоты младшей сестры.

Она тоже умылась, поела и обиженно сказала своим сестрам:

— Вы возвращаетесь раньше меня, разве мало вам своих яств? Зачем вы притрагиваетесь еще к моим кушаниям?

Тогда и вторая сестра говорит:

— И к моим кушаниям кто-то притронулся.

— И к моим,— говорит старшая сестра.

Но кто виноват, не знают, ведь входа в их башню для посторонних не было.

Через некоторое время говорит старшая сестра:

— Можно ли найти более несчастных, рожденных одной матерью, чем мы? Целый день мы не видим друг друга, а когда вечером возвращаемся к себе, то молчим, не разговариваем.

— Ты наша старшая сестра,— отвечают две младшие,— разговаривай с нами, и мы с тобой будем разговаривать.

— Где вы бываете целыми днями? — спрашивает она.

— Расскажи первая нам, где ты бываешь, тогда и мы тебе скажем.

Старшая сестра поведала им, где она бывает:

— У дома семи великанов была серебряная коновязь,— сказала она,— я утащила ее и поставила в степи. Великаны приходили к ней, чтобы вытащить ее и забрать обратно, я же держалась за нее у основания. Они целыми днями, бывало, мучились, изнемогали, а я умирала с хохоту; ни разу не дала им возможности вытащить ее. Однажды они вышли всемером и попытались вытащить коновязь, но я ее удержала. А под конец некто маленький потянул ее и вытащил. Я испугалась его крика, у меня куда-то даже исчезло мое золотое кольцо. Я только успела уви-

деть, что он маленький, но кто это был, так и не узнала. Хоть бы еще раз увидеть его мне!

Вторая сестра говорит:

— Сын алдара скончался и похоронили его. Я прилетала туда, выкапывала и оживляла его, и целый день проводила с ним в играх и удовольствиях. Вечером же я умерщвляла его и вновь хоронила. Так я с ним развлекалась. Но однажды я положила свои палочки на каменную плиту, а кто-то накинулся на них и унес. Я испугалась и улетела, не разобрав, кто это был, только заметила, что он был какой-то маленький.

Обращаются они к своей младшей сестре:

— Ну, теперь ты расскажи!

Младшая сестра сказала:

— Первого мая алдар переправил своих людей на праздник на ту сторону большой реки. Когда они возвращались обратно, я опрокидывала их лодки: подкрадывалась я к ней снизу, и они погибали посреди реки. Когда они, бывало, пытались плыть, чтобы спастись, я умирала с хохоту. Половина людей осталась на той стороне, так как они уже боялись садиться в лодку. Они истрепали свою одежду, изголодались и стали нагими пастись в поле, как скот. Но однажды, когда я хотела было опрокинуть лодку, кто-то подскочил в мою сторону, колени мои подогнулись. Он хотел схватить меня, и мой башмак остался у него в руке. Он был какой-то маленький. Ох, увидеть бы его еще один раз!

Тут Мальчик-с-Пальчик, который спрятался за тюфяками, швырнул кольцо, и оно покатилось по полу палаты.

— Вот мое кольцо! — бросилась к нему девушка.

Стали все трое рассматривать кольцо, а Мальчик-с-Пальчик взял да и выбросил палочки.

— Ах, это мои палочки! — набросилась вторая сестра на них.

Пока сестры рассматривали палочки, Мальчик-с-Пальчик выбросил башмак.

— Ах, вот и мой башмак! — воскликнула младшая сестра.

Удивились они:

— Откуда это попало сюда, когда в башню нашу доступа нет? Ангел, дух-покровитель, явившийся к нам,— стали умолять сестры,— покажись нам, бог судил нас тебе!

Тут Мальчик-с-Пальчик вылез из-за постели. Только он успел поднять свою голову, как сестры его увидели и все трое в один голос сказали:

— Он мой!

Каждая из них называла его своим.

В конце концов сестры успокоились. Мальчик-с-Пальчик стал жить у них. Он прожил у них долго, и — да будет твое благо долговечным! — все три сестры стали его женами.

Но однажды он им говорит:

— Я ухожу!

— Куда ты уходишь? — сказали ему сестры.— Где ты найдешь лучшую жизнь? Чего тебе недостает?

— Нет,— сказал он.— Я покинул старика отца и старуху мать и обязан их проведать.

Так как он стоял на своем, сестры сказали ему:

— В таком случае и мы отправляемся вместе с тобой!

— Вы не выдержите дороги! — сказал он.— Я шел пешком и долго добирался сюда.

— Мы и тебе не дадим идти пешком,— ответили они.

— А какой силой вы обладаете? — удивился Мальчик-с-Пальчик.

Тогда старшая сестра выхватила войлочную плеть, ударила по стене палаты, и палата превратилась в арбу-самокат. Отправились они в дорогу.

Путь их лежал мимо того алдара, которому он помог перевезти людей через реку. Как было алдару не одарить Мальчика-с-Пальчика богатыми подарками!

Проезжали они и мимо другого алдара, у которого он воскресил сына. Тот одарил его еще бо́льшими подарками.

Проезжали они и мимо уаигов. Уаиги хотели задержать его у себя, но он сказал:

— Не могу, я покинул старых родителей.

Уаиги посадили вместе с ним свою сестру. Он распрощался с уаигами. Едет дальше с четырьмя женами. Вот так! Он доехал до своего отца, а тот по-прежнему пасет гусей и телят у околицы. Увидел отец Мальчика-с-Пальчика в арбе-самокате и заплакал.

Мальчик-с-Пальчик остановил арбу-самокат и спрашивает его:

— Почему ты, старик, плачешь?

— Как мне не плакать? — сказал старик.— И у меня был похожий на тебя сын. Он был большой проказник, и я его погубил, потому что от меня потребовали этого сельчане.

— И с тех пор ты пасешь гусей и телят? — спрашивает Мальчик-с-Пальчик.

— Пасу,— отвечает тот.

— Старик, садись около меня,— говорит Мальчик-с-Пальчик.

Тот неохотно сел в арбу-самокат рядом с ним.

Мальчик-с-Пальчик приказывает своим женам:

— Превратите этого старика в молодого человека!

Невестки превратили его в молодого человека, негодную одежду его выбросили и заменили новой.

Подъехали к окраине села, остановили свою арбу. Старшая сестра вынула войлочную плеть, ударила ею арбу-самокат, и она превратилась в еще более красивое здание, чем прежнее.

Мальчик-с-Пальчик открылся отцу и спрашивает старика:

— А куда девалась моя мать?

— От печали по тебе она превратилась около очага нашего в глубокую старуху.

Взял с собой Мальчик-с-Пальчик старшую жену и пошел к старухе. Та ударила ее войлочной плетью, и старуха превратилась в молодую женщину.

Мальчик-с-Пальчик забрал их к себе в свой новый дом. Сестру уаигов он отдал своему отцу как вторую жену, затем пригласил фидиуага и велел ему оповестить село:

— Пусть каждый хозяин теперь сам заботится о своих гусях и телятах!

Они и сегодня еще живут в своем хорошем доме.

Подобно тому, как мы ничего этого не видели, так пусть нас минуют всякие напасти, всякие болезни! Пусть уделом нашим будем такое счастье!

30. Неразумный сын

Был один богатый человек. Умирая, он все свое богатство завещал единственному сыну.

— Сын мой,— сказал богач при этом.— Вот тебе все мои богатства, которые я копил всю жизнь свою. Я умираю теперь, но мне хотелось бы тебе дать совет, как пользоваться наследством. Когда ты станешь полным хозяином всего моего имения, то в каждом селении строй башни, а хлеб ешь не иначе как с медом.

Богач умер. Сын с той же минуты стал выполнять завещание отца своего. В каждом селении он строил башни, а хлеб ел не иначе как с медом. Долго ли жил он так, неизвестно, но вот наконец он обеднел: не хватило ему денег. И вот бедный, голод-

ный, не имея даже угла, где бы мог преклонить голову свою, он стал проклинать своего отца:

— О мой отец! Да не увидишь ты добра на том свете! Ты дал мне богатство и своим же глупым советом расточил его.

— За что ты проклинаешь своего отца? — обратился к нему тут старый друг его отца.— Что он тебе сделал?

— Как что сделал? — воскликнул сын.— Оставляя богатство, отец велел мне в каждом селении строить башни, а хлеб есть только с медом. Я так и поступал, и вот до чего дошел — не имею даже конуры, где бы мог обогреться, и вынужден скитаться.

— Не виноват твой отец в этом, и ты напрасно его проклинаешь... Виновата во всем твоя неразумность. Как ты не мог понять благого завета отца своего? Ведь не башни он велел тебе строить в каждом селении, а приобретать себе везде верных и надежных, как каменная башня, друзей; ведь не с медом велел он есть тебе хлеб, а есть его тогда, когда он покажется тебе медом после работы... Если бы ты выполнил все это, то не сделался бы таким бедняком.

Пошел неразумный сын и стал делать так, как сказал старик: в каждом селении он приобретал себе верных и надежных друзей и ел хлеб, когда он ему казался сладок, как мед. И сделался он вскоре вдвое богаче прежнего.

31. Богатырь Домбай

Был когда-то в Осетии один силач по имени Домбай. Силы он был непомерной. Сильнее его, как говорили, не было никого. Однажды около того селения, где жил Домбай, издох какой-то гигантский буйвол. Время было летнее, и труп буйвола стал разлагаться. Смрад чувствовался за несколько верст. Бедный народ не знал, что делать, и в отчаянии обратился к Домбаю, чтобы тот как-нибудь избавил его от такой беды. Домбай пошел к трупу буйвола, взял его за хвост и бросил с такою силою, что никто даже не видел, где он упал.

Это еще больше возвысило Домбая в глазах народа. О нем говорили все и везде: мужчины на нихасах, дети, когда играли в альчики. Но более всех говорила о силе Домбая жена самого Домбая, баба капризная и гордая.

Раз как-то сидела она со своими товарками и по обыкновению хвалила своего мужа.

— Да будет тебе носиться со своим мужем,— вдруг прервала жену Домбая одна ведьма, которой надоело наконец хвастовство.— На свете есть много сильнее твоего мужа.

Жена Домбая сильно обиделась за это и сейчас же пошла жаловаться своему мужу. Домбай ее выслушал и сказал:

— Не успокоюсь до тех пор, пока не найду того, кто сильнее меня. Сейчас же пойду искать себе супротивника.

Сказав это, Домбай снарядился тотчас же, распростился с друзьями и пошел.

Долго ли, коротко ли он так шел,— неизвестно. Но вот в один прекрасный день увидел он какого-то великана. Великан ловил рыбу удой, которая была величиной с дерево. Когда Домбай увидел этого великана, дух замер в нем. «Вот тебе и на,— подумал он,— а я еще шел искать супротивника; ведь эта гора просто одним духом может уничтожить меня!» — и он хотел было незаметно скрыться. Но великан уже его заметил и закричал:

— Эй, горная пташка, откуда тебя бог несет?

— Иду искать себе супротивника,— сказал, подходя, Домбай,— чтобы силой помериться.

— Слышишь, пташка,— засмеялся великан,— я бы с удовольствием померился с тобой, но не могу без позволения старших своих братьев сделать это. Иди поэтому вверх по реке и скажи о твоем деле моим братьям.

Пошел Домбай, проклиная и жену свою, и ведьму, по милости которых он попал в такую беду. Скоро действительно показался великан. Только этот был вдвое выше первого.

— Откуда это ты, горная пташка, бредешь? — крикнул и этот, завидя нашего Домбая.

Домбай рассказал.

— Ну, так иди к старшему брату, пусть он позволит.

Пошел Домбай к старшему брату. Этот был вдвое выше среднего. Домбай и ему объяснил цель своего прихода.

— Ай-ай, пташечка,— захохотал великан,— мы боимся бороться с тобой. Иди спроси нашу мать, как она посоветует.

Вздохнул бедный Домбай и пошел к матери великанов. Скоро он увидел среди степи женщину вдвое выше старшего великана. Женщина сидела и шила. Один клык ее касался неба, другой уходил под землю, одна грудь лежала на земле спереди, другая была закинута назад. Когда Домбай увидел ее, то совсем струсил. «Ну,— подумал он,— прощайся, милый Домбай, теперь

с белым светом! Эти великаны просто к ужину меня оставили. Надо прибегнуть к хитрости, иначе нечего делать — бежать нельзя!»

И вот Домбай потихоньку подкрался к той груди великанши, которая была откинута назад, схватил ее и стал сосать. Мать великанов оглянулась, а он закричал:

— Ой, мать, спаси меня!

— Ну, сын мой, твое счастье, что ты это сделал, а то не сдобровать бы тебе! * Расскажи теперь, как ты попал в наши края.

Домбай во всем чистосердечно признался.

— Ну, глуп же ты, как я погляжу,— усмехнулась великанша.— Куда тебе с твоей силенкой искать себе супротивников. Знаешь, сын мой, ведь мои сыновья тебя на ужин берегли: мы из человеческого мяса делаем шашлыки. И тебе бы не миновать вертела, но ты оказался хитрее нас. Делать нечего, теперь я спасу тебя.

Сказав это, великанша накрыла Домбая своим наперстком.

К вечеру пришли братья-великаны.

— Ну что,— обратился к великанше старший сын,— где та горная пташка, которую мы послали к тебе? Дай-ка его сюда, мы справим себе шашлычок.

— Оставьте его к завтраку,— сказала великанша,— на ужин и рыбы будет довольно. Я его под наперсток посадила, не убежит ни за что.

Братья согласились и, поужинав рыбой, легли. Когда они заснули, великанша выпустила Домбая из-под наперстка.

— Ну, сын мой,— сказала она Домбаю,— беги, как тебе позволяют твои силы, и постарайся к утру быть подальше. Если же опять попадешься в руки сыновей моих, я едва ли сумею спасти тебя.

Домбай поблагодарил великаншу и пустился бежать.

Всю ночь бежал Домбай. Изредка он останавливался и прислушивался — нет ли погони. Но погони не было. Только к утру, когда солнце показалось на востоке, Домбай заслышал погоню. Несмотря на все усилия Домбая, великаны с каждой минутой приближались. Отчаяние овладело Домбаем.

Вдруг он видит, какой-то старик-великан взбирается на гору, таща за собой одной рукой двадцать арб соли. Последние силы свои напряг Домбай и скоро догнал старого великана.

— Ой, отец, спаси меня! — закричал Домбай.

Великану жалко стало Домбая. Он поднял его и положил в дупло своего испорченного зуба *. Тем временем прибежали братья-великаны и стали требовать выдачи Домбая. Старик долго не обращал на них внимания, но когда они стали надоедать ему, он вырвал из головы волос и перевязал трех братьев. Потом он вытащил из зуба Домбая и стал расспрашивать его, как он попал сюда. Домбай все рассказал. Старик расхохотался.

— Ступай, сын мой, домой. Теперь ты видел, кто сильнее всех.

Домбай поблагодарил старого великана за свое спасение и направился на свою родину. Дорогой он стал размышлять: «Вот этот старик, что спас меня,— думал он,— сильнее всех на земле, если перевязал одним волосом трех великанов. Но я заметил, что он одноглазый. Наверное, другой глаз потерян в драке. Значит, тот, кто выбил ему глаз, сильнее его. Пойду и спрошу, где старик потерял глаз».

— О, чтоб бог тебя покарал! — ответил ему старик.— Старые раны мои ты растравил. Но делать нечего, садись, и я расскажу тебе, как потерял свой глаз: «Было нас двенадцать братьев. Мы были молоды: кровь играла в нас, и вот все двенадцать мы вздумали искать, как и ты, с кем бы помериться силой. Подготовили мы для этого своих боевых коней так, что они вместо зерна ели уже одни гвозди, и отправились в путь. Ночь застала нас, и мы заехали в одну пещеру переночевать. Утром, когда мы проснулись, то, к величайшему своему удивлению, увидели, что мы не в пещере, а в черепе человеческом. Оседлали мы коней и хотели выехать из черепа, но в это время прибежала какая-то громадная черная собака, схватила череп в зубы и побежала. Вблизи каких-то хором она бросила череп на землю и стала было его глодать. В это время из хором вышла девушка-великанша и, увидев кость, вскричала:

— Эта проклятая собака просто надоела, собирает, где попало, кости и тащит сюда!

С этими словами она подошла к черепу и ударила его ногой. Что было потом, я не помню. Когда я очнулся, то увидел, что череп поломан, а все мои братья мертвы. Уцелел только я один. Тогда-то вот и пропал мой глаз.

— Ну, иди теперь,— закончил великан,— и будь доволен, что в твоих краях ты сильнее всех. А на свете сильнее сильных много.

Домбай пошел тогда домой и с тех пор не хвастал силой.

32. Алдарский сын

У одного алдара было трое дочерей, для которых он на вершине неприступного Сайнага устроил железную башню. Три девицы, бывшие чудом красоты, в своем уединенном жилище не нуждались ни в чем: ночью белизна их тела заменяла собою свечу, а пищу и питье подавал им бог по мере надобности. Когда девицы достигли возраста невест, у старых родителей нежданно-негаданно родился сын. Рос маленький алдарский сын Сосланбек, окруженный ласками родителей, не ведая о существовании трех сестер, заключенных в сайнагскую башню. И вот маленький алдар уже стал свободно владеть луком.

Раз — это было на двадцатом году его жизни — он увидел дочь вдовы-ведуньи, шедшую по воду. Юноша пустил стрелу в ее кувшины и разбил их. Девочка, обливаясь слезами, пошла к матери и пожаловалась ей. Та, выслушав дочь, дала ей другие кувшины и сказала:

— Если этот юноша еще раз разобьет твои кувшины, то скажи ему: «Если бы ты был настоящим удальцом и героем, то вместо того, чтобы обижать меня, бедную девочку, разыскал бы своих сестер».

Девочка опять пошла за водой, и, когда сын алдара вторично разбил ее кувшины, она высказала ему слова матери. Юноша, оскорбленный и удивленный, ничего не сказал девочке, а торопливо направился в родительский дом. Здесь он со слезами на глазах и в сильном гневе предстал перед отцом и матерью и спросил их:

— Есть ли у меня сестры? Если есть, то скажите, где они находятся.

— Да не простит бог тому, кто сказал тебе это,— ответили его родители.— Иди в сайнагскую башню и там увидишь своих сестер.

На другой день сын алдара отправился в указанное место и там действительно увидел своих сестер.

Девушки очень обрадовались ему.

— Ах, как хорошо, что у нас есть такой брат! — восклицали они.

Тогда же сестры взялись приготовить брату каждая по одному наряду, стараясь превзойти друг друга в искусстве шитья и кроя. Брат только удивлялся происходившему вокруг него и не

верил своим глазам. Ему казалось, что он во сне и видит ангелов.

Наконец брат простился с сестрами и хотел вернуться домой, но девушки обступили его и стали просить:

— Завтра почти у всех людей мира праздник и потому упроси родителей отпустить нас в церковь.

— Хорошо,— сказал им брат и, возвратившись домой, действительно испросил для них позволение пойти в церковь.

Спустя короткий срок он снова очутился у сестер и передал им радостные слова:

— Отец и мать согласились отпустить вас в церковь, готовьтесь!

До полуночи сестры наряжались, чтобы отправиться в церковь, а от полуночи до утра наряжали брата.

Утром, когда солнышко заиграло на небосклоне и люди потянулись на зов церковного колокола, три дочери алдара со своим братом направились в церковь. Здесь уже было много народу, но толпа из уважения к ангелоподобным богомольцам почтительно расступилась и пропустила их в церковь.

Торжественно совершалось мирное богослужение. Смиренный люд молился усердно... Вдруг в дальней части храма, среди последних молящихся появились три невиданные дотоле существа —с человеческими туловищами и змеиными хвостами вместо ног. До конца службы они простояли тихо и, по-видимому, все свое внимание сосредоточивали на трех дочерях алдара.

Кончилось богослужение. Народ потянулся к выходу; туда же направились тихим, ровным шагом и дочери алдара со своим братом. Как только они поравнялись с тремя удивительными существами, раздались оглушительные раскаты грома, и удалой сын алдара лишился чувств. Тем временем чудовища схватили девушек и вместе с ними исчезли. Алдарский же сын, придя в себя, горько заплакал и отправился домой сообщить родителям печальную весть:

— В дальней части храма, около выхода,— говорил он родителям,— стояли сегодня три существа с человеческими туловищами и змеиными хвостами, и если не они похитили моих сестер, то не знаю, куда они могли еще деться.

— Ты во что бы то ни стало хотел погубить своих сестер и достиг этого,— ответили ему старый алдар и мать.— Иди теперь и сам пропади с ними!

Нечего было делать юному, но удалому Сосланбеку. Взял он

6 Заказ 2079

из конюшни отца лихого коня, надел дедовское оружие и отправился на поиски сестер. Долго бродил он по полям, лесам и горам и наконец вышел на берег одной большой реки. Здесь он сошел с коня, опутал его треножником, сам же, положив седло под голову, лег отдохнуть и заснул крепким, богатырским сном.

Тем временем из реки вышел громадный слон. Он проглотил коня алдарского сына и преспокойно начал расхаживать возле юноши. Между тем алдарский сын, проспав целые сутки, окинул взором окрестности и, не увидев своего коня, горько заплакал.

— Теперь я должен погибнуть, пришел мне конец! — воскликнул он в отчаянии.

Тут слон подошел поближе к нему и проговорил человеческим голосом:

— Не плачь, не плачь, мой милый. Оседлай-ка лучше меня и садись.

Сосланбек повиновался и, оседлав слона, уселся на него.

Слон опять обратился к нему:

— Ударь меня три раза плетью так, чтобы от моих боков отскочили кусочки, а на твоих руках образовались мозоли.

Юноша так исправно исполнил желание слона, что тот сказал:

— Хорошо, парень, ты годишься мне в седоки!

— И ты, слон, можешь служить мне конем,— ответил алдарский сын.

Быстрее стрелы несся слон. В несколько мгновений они пролетели необозримые поля. Долго неслись таким образом и наконец завидели издали одинокий дом.

— Не знаешь ли, кому принадлежит этот дом? — спросил слон алдарского сына.

— Нет, не знаю,— ответил юноша.

— Это дом мужа твоей младшей сестры,— сказал слон.— Чем ближе мы будем подходить к нему, тем все более трудным будет путь. Сначала в нас будут бросать раскаленными кусками железа, потом станут осыпать горячим углем, но ты не падай духом, я довезу тебя до этого дома.

Понеслись они дальше, и все случилось так, как говорил слон. Все же достигли дома. Когда они стали пред воротами, слон напутствовал своего седока:

— Побудь с зятем и сестрой только один час, а затем при-

ходи обратно. Если же ты через час не возвратишься, оставлю тебе твоего коня, а меня уж более не видать тебе.

Зашел сын алдара к сестре и зятю, которые приветливо встретили его. Посидев у них около часа и расспросив сестру обо всем, что случилось с нею, юноша стал прощаться с ними. Зять и сестра удивились и стали его удерживать:

— Если ты ищешь для себя невесту, мы найдем тебе ее, если ищешь богатства, то и это мы тебе добудем, только скажи нам! — говорили ему хозяева.

— Я не ищу ни невесты, ни богатства, но мне нужно торопиться,— ответил гость, как научил его слон.

Все-таки его повели в комнату, увешанную портретами разных красавиц мира.

— Со всеми этими девицами я знаком, но ни одна из них мне не нравится,— ответил юноша, как учил его слон.

Наконец сестра попросила его вырезать шашкой на ее дверях свой облик и подарила ему перстень со словами:

— В случае, если тебя будут осиливать, брось этот перстень на землю и скажи: «Покажите теперь всю вашу силу!»

Вырезав свой облик, Сосланбек возвратился к слону.

— Если ты всегда так будешь слушать меня,— сказал слон,— то никогда не ошибешься, и счастье всюду будет твоим спутником.

Отправились они дальше. Долго, долго странствовали по безлюдным местам и наконец опять завидели одинокий дом среди необъятных полей.

— Вот тебе и дом твоей средней сестры и ее мужа,— проговорил слон.— Раньше, когда мы подходили к дому твоей младшей сестры, нас ожидали незначительные трудности, а теперь их будет больше. Но ты не падай духом, я опять донесу тебя.

Чем ближе они подходили к дому, тем чаще бросали в них раскаленными кусками железа, обливали кипятком и горячей смолой. Все смертоносные средства были пущены в ход, но благодаря слону они достигли цели, и сын алдара добрался до дома средней сестры.

Слон опять предупредил юношу:

— И в этом доме тебя будут заставлять жениться, будут предлагать богатства, но ты ни на что не соглашайся и не оставайся там более часа.

Алдарский сын дал слово поступить по совету слона и сдержал его. Как ни просили его сестра и зять жениться, взять у них

богатства и прочее, он остался непреклонным. Только при прощании с сестрой принял юноша от нее в подарок нож и вырезал на ее дверях свой портрет. Ножик обладал такой же сверхъестественной силой, какою и перстень младшей сестры.

Оставили и дом средней сестры. Долго опять скитались по полям и лугам, пока не заметили одинокий дом.

— Не знаешь ли, кто живет в этом доме? — спросил опять слон седока.

— Откуда я могу знать, когда и во сне мне не приходилось видеть этих мест,— ответил алдарский сын.

— Там живет твоя старшая сестра с мужем,— сообщил слон.

По мере того, как алдарский сын на слоне приближался к дому, препятствия становились все страшнее. Тут уже трудились не люди, а чародеи и колдуны. Но сила и храбрость слона, мужество и отвага молодого героя преодолели и эти препятствия. Алдарский сын и слон добрались до усадьбы целыми и невредимыми.

У старшей сестры слон позволил просидеть сыну алдара полтора часа.

— И они,— говорил ему слон,— будут заставлять тебя жениться, будут предлагать тебе всевозможные богатства, но ничем не прельщайся. Они покажут тебе портреты чудных красавиц, но ты говори: «Со всеми этими девицами я знаком, но никто из них мне не нравится. Если же вы действительно желаете, чтобы я выбрал себе подругу сердца, то покажите мне портрет, который у вас хранится в отдельной комнате».

Сосланбек и на этот раз не пренебрег советами слона. Когда перед прощанием он попросил сестру и зятя показать ему отдельно хранившийся у них портрет, они долго отказывались, но потом согласились.

В этой комнате пред прославленным портретом стоял стол, а на столе стакан, полный воды. Как только алдарский сын заглянул в заветную комнату и увидел чудесный образ на портрете, он так взволновался, что лишился чувств. Его окропили водой из стакана, но только капля, попавшая ему в рот, освежила его и привела в чувство.

— Уверяю тебя,— сказала старшая сестра брату после того, как он очнулся,— что девица, изображенная на портрете, никогда твоей не будет. Напрасно ты рискнул взглянуть на портрет, подвергнув себя такому страданию.

— Будет она моей или не будет, а все-таки я попытаю счастья,— ответил юноша.

Девушка подобно двум своим сестрам попросила брата вырезать на ее дверях свой образ и при этом подарила ему кошелек.

— В трудную минуту, когда будут одолевать тебя более сильные, бросишь эту вещь на землю и скажешь: «Покажите теперь всю вашу силу!».

Снова сел Сосланбек на слона и поехал по однообразным пустынным полям. От долгой езды он и соскучился, и устал. Вдруг его глазам предстало что-то, подобное черному холму. Слон знал, что это такое, и опять спросил своего седока:

— Не знаешь ли, что такое перед нами?

— Нет, не знаю,— ответил Сосланбек.

— Это свекор твоих сестер Залиаг калм *,— сказал слон.— Его сон обычно продолжается целые сутки и было бы хорошо застать его спящим.

Когда они подъехали, Залиаг калм еще не проснулся. Он обхватил тремя кольцами круглый железный забор с теремами внутри, задвинул конец хвоста в огромную пасть и совершенно ничего не чувствовал.

— Вытащи-ка шашку, я посмотрю, достаточно ли она остра,— сказал слон.

Шашка была вытащена, и слон велел ударить ею змия. Удар был так силен и ловок, что змий распался на четыре части. Тогда слон и алдарский сын перескочили через железный забор во двор. Дочь Залиаг калма, красавица Сахар, вышла им навстречу и с ехидной улыбкой проговорила:

— Где ты был до сих пор, мой желанный? В ожидании тебя я уже начала стареть.

Храбрый Сосланбек при виде красавицы лишился чувств. Когда же он пришел в себя, Сахар пригласила его в терем и начала угощать разными яствами и черным осетинским пивом.

Между тем слон, сделав для Сосланбека все, что он мог, распрощался с юным героем и его будущей супругой и отправился восвояси. Алдарский же сын продолжал пировать, не замечая, как его заманивали в ловушку. Незаметно для него коварная Сахар всыпала в его чашу с пивом сонного зелья. Выпив в угоду красавице пиво, Сослан начал зевать. Он был не в силах преодолеть сковывавшую его тело дремоту и наконец заснул крепким продолжительным сном.

В семи башнях красавицы Сахар томилось несколько десятков несчастных жертв — те, кто пытался завладеть чудной красавицей. В восьмую башню был снесен и заключен сонным и наш Сосланбек. Когда на другой день юноша очнулся и понял, что с ним случилось, отчаяние овладело им. Но вдруг он вспомнил о подарках своих сестер.

Достав из кармана перстень, подарок младшей сестры, и бросив его на землю, он к удивлению своему заметил, что из него выходят один за другим джигиты и становятся пред ним в ожидании приказания. Алдарский сын не заставил себя долго ждать и повелел им разломать двери темницы. Приказание было исполнено, и узник очутился на свободе.

Когда Сахар увидела всадников, джигитовавших в ее дворе, то сейчас же послала одну из прислужниц разведать о случившемся. Та отправилась, но была избита и обругана всадниками. Тогда отправилась сама Сахар, и при виде ее Сосланбек опять лишился чувств. Всадники, бывшие до того в полном его распоряжении, внезапно стали входить в перстень, надетый на его палец. Сахар заметила это и, воспользовавшись тем, что сын алдара лежал без чувств, сняла с его пальца перстень и опустила в карман.

Когда после этого сын алдара очнулся, очаровательная Сахар опять повела его к себе и во время угощения напоила зельем. Так он снова очутился в восьмой башне, на этот раз скованный железными цепями. Как ни трудно было ему на другой день достать из кармана нож, подарок средней своей сестры, он все же ухитрился выронить его из кармана на землю.

К его величайшей радости перед ним появились всадники. На этот раз их было больше, чем в первый раз. Они освободили его от железных оков и темницы. Пошли опять танцы и джигитовка всадников. Сахар послала было одну из прислужниц, но когда ту опять оскорбили, то явилась сама. Алдарский сын и теперь не выдержал ее вида: зашатался и упал без чувств — так красива была чудная Сахар!

Всадники стали входить один за другим в чудесный нож, а Сахар воспользовалась им, как и перстнем.

В третий раз алдарский сын очутился в железной башне. И здесь он прибег к помощи подарка своей старшей сестры. Бросив кошелек на землю, он оказался повелителем уже не простых всадников-джигитов, но сильных богатырей. Они свободно бросали под облака огромные чинары и ловили их. Благодаря этим

молодцам Сосланбек в третий раз освободился из железной башни.

Хотела послать Сахар и на этот раз одну из прислужниц. Но никто из них не согласился выйти к расходившимся богатырям. Тогда Сахар сама спустилась во двор. Алдарский сын оказался более предусмотрительным на этот раз и не оставил чудесного кошелька при себе, а заранее спрятал его в щели железной башни. Когда же он опять лишился чувств при виде обаятельной красавицы, Сахар на этот раз не смогла разгадать, откуда взялись богатыри.

Сосланбек пришел в себя, и Сахар сердечно обратилась к нему. Речь ее более не дышала коварством и обманом.

— Прости, милый Сосланбек, прости за причиненные мучения, я глубоко ошиблась,— говорила девица.— Теперь я действительно поняла, что бог судил мне быть твоей, и более не буду противиться судьбе.

Сказав эти слова, она пригласила алдарского сына на брачный пир и дала клятвенный обет быть ему верной навсегда. Так Сосланбек стал мужем красавицы Сахар и, по-видимому, достиг цели. Но до счастья было еще далеко.

На другое утро прекрасная Сахар передала Сосланбеку ключи от семи комнат своего терема и сказала:

— Ты можешь открывать только шесть комнат, седьмую же держи все время запертой. Я же отправлюсь на восток, к Золотому озеру, в котором, по требованию обычая, должна выкупаться и очиститься после первой брачной ночи. Постараюсь возвратиться как можно поскорее.

Алдарский сын остался дома один. Из любопытства он стал отворять комнаты одну за другой, и в них он нашел все то, что может пожелать человеческая душа полезного и приятного. Осмотрев шесть комнат, он стал думать о седьмой. Его сильно интересовало то, что могло там находиться. Наконец он не вытерпел и отворил седьмую комнату. Его глазам предстали конь и великан, связанные железными цепями и прикованные к четырем стенам. Великана звали Хатаг-Бараг *, и он на своем коне мог обежать горизонт в день три раза.

— Эх, парень, парень, если бы ты вон этот хлеб бросил мне в рот, а вот эту охапку сена дал моему коню, то я бы оказал тебе в случае нужды три услуги,— обратился Хатаг-Бараг к Сосланбеку.

Ничего не подозревая, Сосланбек взял хлеб и бросил в рот

великана, а охапку сена дал его коню. Оба они, как только подкрепились и почувствовали прилив сил, рванули свои железные узы и освободились. Поблагодарив Сосланбека, Хатаг-Бараг вскочил на коня и помчался за красавицей Сахар на берег Золотого озера. Он настиг ее как раз в то время, когда она застегивала платье на последнюю петлю, и, схватив, умчал вдаль.

Долго ожидал Сосланбек возвращения своей молодой жены, но напрасно: она не появлялась. Тогда он покинул дом и отправился на поиски.

Прошло около полугода, а сын алдара все еще не нашел прекрасную Сахар. Однажды он случайно проходил по незнакомому селению и вдруг слышит: кто-то зовет его по имени. Оглянулся он и узнал Сахар. Она смотрела на него из окна второго этажа башни и звала к себе. Оказалось, что это селение принадлежало Хатаг-Барагу, который в это время был на охоте.

Обрадовались друг другу сын алдара и Сахар и решили убежать, хотя знали, что ненавистный им великан нагонит их и вновь разрушит счастье, к которому они так стремились.

Действительно, Хатаг-Бараг их настиг и вернул себе Сахар.

Сосланбек снова и снова пытался похитить Сахар, но все напрасно.

После третьего неудачного побега Хатаг-Бараг сказал Сосланбеку:

— Я обещал оказать тебе три услуги, когда ты меня освободил. Вот теперь мое обещание исполнено: я пощадил тебя три раза. Смотри же, не попадайся мне впредь — тебе тогда не жить на свете.

Эта угроза не смутила Сосланбека, и он в четвертый раз совершил побег с Сахар. Тогда Хатаг-Бараг изрезал юношу на куски.

Зловещий крик ворон возвестил старому алдару о смерти его сына. Стал он со своей старой женой оплакивать его, погибшего на заре своих дней, и справлять по нем тризны; стал он плакать о своем безутешном одиночестве и каяться в несправедливом гневе на сына. Узнали о смерти Сосланбека и его три сестры по вырезанным на их дверях образам, которые в час смерти Сосланбека вдруг покраснели и сделались как бы облитыми кровью.

С тяжким горем на сердце и плачем отправились сестры на поиски брата. Он лежал на одной равнине и на его мертвом, изрезанном теле сидел ворон с вороненком, насыщаясь человече-

ским мясом. Сестры, увидев труп, бросились на воронов, но поймали только вороненка. Схватили они его в ожесточении за крылья и хотели разорвать, но ворон-мать взмолился:

— Не убивайте, не убивайте, моего птенца!

— Достань нам живой воды, и тогда мы пощадим его, а не достанешь,— разорвем в клочья.

Ворон улетел и через час возвратился с живой водой.

Сестры сложили вместе части тела брата, окропили живой водой, и они срослись. Как бы от долгого сна очнулся Сосланбек. Тут сестры рассказали ему обо всем, что с ним было, и начали упрекать в легкомыслии:

— Если бы ты был умнее, то не упустил бы счастья из рук и не подвергнул бы себя такой участи. Теперь же ты лишился своей жены и должен идти с нами.

— Я или погибну, или найду мою Сахар,— решительно ответил Сосланбек.

Видя, что им не удержать брата, сестры отправились по домам, предварительно дав ему совет, как еще раз попытаться достичь цели. Они сказали Сосланбеку, что он должен добыть коня, единоутробного брата коня Хатаг-Барага. Коня же такого можно было достать только у одной чародейки. Желающих получить коня она заставляла пасти свой буйный табун сразу три дня. Когда не случалось пропажи, пастух получал коня, если же хоть один конь из табуна пропадал, пастух лишался головы.

Отправился Сосланбек на поиски чародейки и дорогой почувствовал сильный голод. Вдруг он увидел пред собой волка. Юноша хотел убить его, чтобы наесться хотя бы волчьим мясом, но волк человеческим голосом стал просить у него пощады.

Оставил юноша волка и пошел дальше. Навстречу ему лисица. Хотел он убить ее, но пощадил, когда та человеческим голосом попросила пощадить ее и обещала оказать ему услугу. Так же он отпустил осу, которую поймал было и хотел съесть, чтобы хоть немного ослабить свои мучения.

Кое-как Сосланбек добрался до чародейки. Вечером она угостила его как почетного гостя, а на утро, снабдив пирогом, смазанным усыпляющим зельем, отправила пасти свой табун. К полудню, когда он съел часть пирога и заснул крепким сном, лошади разбежались в разные стороны. Вот тут-то и оказал услугу несчастному табунщику волк, пощаженный им на пути к чародейке. Он созвал других волков, и к вечеру они собрали весь табун и загнали его в конюшни чародейки. На другой и на

третий день так же помогли Сосланбеку лисица и оса, которых он также пощадил дорогой. Так алдарский сын выполнил свою службу, и теперь ему осталось только получить за нее любую лошадь и отправиться на поиски милой Сахар.

На четвертую ночь мать всех лошадей чародейки должна была ожеребиться. Но перед тем чародейка избила кобылицу. В отместку за это кобылица сказала Сосланбеку, что в эту ночь она родит жеребенка, который по виду будет хуже всех в табуне, но потом превзойдет всех лошадей чародейки. На другое утро Сосланбек указал на родившегося ночью невзрачного жеребенка и сказал:

— Эта кляча мне, как обитателю гор, принесет больше пользы, чем другие лошади: я на ней буду возить дрова.

Старуха в душе проклинала гостя, но ничего не могла поделать: условие было нерушимо.

— Он пока не может ходить и потому тебе придется взвалить его себе на спину,— проговорила старуха, с неудовольствием отпуская гостя.

Понес Сосланбек жеребенка на своих плечах. Прошел он значительный путь и совсем измучился. Бросил он свою ношу на землю и в сердцах сказал:

— Найдется ли человек глупее меня? Я мог получить прекрасного коня, и вот что я выбрал!

На это жеребенок ответил ему:

— Скажи, сколько времени ты кормился грудью матери?

— Три года,— ответил алдарский сын.

— За что же ты коришь меня, ведь я не прожил еще трех дней? — проговорил жеребенок и ударил копытом о землю. Получилась глубокая яма.— Сойди пока в эту яму,— продолжал жеребенок,— и жди меня там три дня и три ночи. Я же пойду на Черную гору, там пасется моя мать, и, когда прокормлюсь ее грудью, возвращусь к тебе обратно.

Сказав эти слова, жеребенок мгновенно исчез. Через три дня он возвратился к Сосланбеку:

— Влезь теперь в мое левое ухо и вылези в правое,— сказал жеребенок своему хозяину.

Тот исполнил его волю и, когда вылез в правое ухо, превратился в статного богатыря в золотом одеянии и с превосходным оружием.

После этого Сосланбек отправился в селение Хатаг-Барага и опять похитил из его дома свою жену, прекрасную Сахар. Узнал

об этом Хатаг-Бараг и тотчас хотел пуститься в погоню за беглецами. Но тут конь его сказал:

— Твой соперник Сосланбек достал единоутробного со мною коня. Теперь, чтобы догнать красавицу Сахар, ты должен напоить меня пивом. Пиво же надо варить из ячменя, собранного с полей, вспаханных за один день двенадцатью плугами. И вываривать это пиво надо до тех пор, пока оно не уместится в одном ковше.

Хатаг-Бараг исполнил желание своего коня и напоил его таким пивом. После этого погнался он за Сосланбеком. Когда конь Хатаг-Барага увидел коня алдарского сына, то еще издали закричал ему:

— Зачем ты утруждаешь мои старые кости? Сбрось свою ношу, пощади меня!

— Мой брат! Моя кость еще очень тонка, а мышцы молоды и вялы. Зачем ты утомляешь их и не даешь им расти и крепнуть? Возвратись назад! — отвечал конь Сосланбека.

Между тем Хатаг-Бараг ринулся в облако, чтобы, скрывшись там на время от взоров Сосланбека, подняться над ним и сверху поразить его ударом копья. Но Сосланбек оказался хитрее. Когда Хатаг-Бараг с быстротой молнии спускался сверху в облаке, чтобы поразить своего противника, Сосланбек отпрянул в сторону. Хатаг-Бараг оказался ниже его, и тогда Сосланбек ударил его с такой силой, что тот превратился в черную золу.

Это был последний подвиг сына алдара, храброго Сосланбека. Он возвратился домой к алдару и своей матери, чтобы утешить их на старости лет вестью о дочерях и семейным счастьем. Алдар отпраздновал возвращение сына большим пиром, на котором черное осетинское пиво лилось рекой, а яствам не было конца.

33. Единственный сын бедной старухи

Жили-были старуха и ее сын-подросток. Ему было около пятнадцати лет. Однажды у соседей были танцы, юноша повздорил со своими товарищами, и те попрекнули его:

— Прежде чем вступать в ссору с нами, найди своего пропавшего отца!

Юноша вернулся к себе и печально сидит около матери.

— Что тебя печалит, сын мой? — спрашивает его мать.

А он ей говорит:

— Пожарь мне воздушную кукурузу!

Она приготовила ему воздушную кукурузу и подает ему очень горячей полную пригоршню. Он сжал горячую воздушную кукурузу в ее руке и спрашивает:

— А теперь открой мне, куда девался мой отец?

Мать отвечает ему:

— Да не простит бог тому, кто заговорил с тобой об этом! Открою тебе тайну: отца твоего похитил великан, но ты ему ничего не сможешь сделать, и не пытайся.

— Не осталось ли от моего отца коня и чего-нибудь еще? — спрашивает сын.

— Вон в конюшне его конь,— отвечает она,— из-под навоза видны только его уши. Выведи его и поухаживай за ним!

Он зашел в конюшню, вытащил коня из-под навоза, выкупал его с мылом и яичным белком. Потом оседлал коня, сел на него, стегнул плетью и стал джигитовать на нем то в одну, то в другую сторону.

— Как я выгляжу на своем коне? — спрашивает он мать.

— Как выглядишь? — отвечает мать.— Ты выглядишь на своем коне так, как конский навоз выглядит на свежевыпавшем снегу.

— Неужели? — сказал он, стегнул своего коня и перескочил через дом.

Затем проджигитовал перед матерью в другую сторону и спрашивает:

— А как я нравлюсь тебе теперь?

Мать отвечает ему:

— Мальчик мой, я боюсь за тебя, а так ты достоин похвалы!

— А не осталось ли от моего отца какого-либо оружия? — спрашивает он.

Мать отвечает:

— Остался один меч, но ты не сможешь даже поднять его.

— Покажи-ка мне этот меч,— просит сын.

Она открыла для него сундук и показала ему меч. Сын выхватил меч из сундука, вытер его и подпоясался им.

— А теперь,— говорит он матери,— быстро приготовь мне пищу, легкую для спины, приятную для желудка. Я отправлюсь на поиски отца.

Мать быстро приготовила ему пищу, легкую для спины, приятную для желудка, и он отправился в путь. Конь его был вещий и указывал ему нужную дорогу.

Ехал он долго, и застала его в пути ночь. Пришлось ему ехать дальше в темноте с ружьем за плечами. Вдруг ружье зацепилось за что-то, и он остановил коня.

— Я должен узнать, что это такое,— сказал он,— без этого я не двинусь дальше.

Он заночевал тут, а утром проснулся и видит: труп человека — ростом, что твое высокое чернолесское дерево; труп уже распался на отдельные части, и ружье зацепилось за дыру в его бедре.

— Хвала богу,— сказал удивленный юноша,— каким же он может быть живым! Дай-ка я его верну к жизни.

Он ударил его войлочной плетью и сказал:

— Бог да превратит тебя в того, кем ты был, но так, чтобы глаза твои не прозрели!

Покойник зашевелился, зевнул, встал во весь свой рост и оказался великаном.

— Кто ты? Куда ты направляешься? — спрашивает он юношу.

— Отца моего похитил какой-то великан, и я еду на его поиски,— отвечает тот.— А что с тобой случилось? — спрашивает он великана.— За что тебя убили?

Великан отвечает ему:

— Эй, мальчик, и я покрылся пеплом, погиб от его злобы. Не было на свете красивее моей жены, и тот великан похитил ее у меня. Ты не в силах что-нибудь с ним сделать!

Пока они вели беседу, наступил вечер. Великан говорит юноше:

— Ложись спать на вершине того кургана!

Юноша про себя подумал: «А ну-ка, узнаю, что он замыслил» и лег в другом месте.

Ночью великан взял и стал забрасывать курган деревьями и камнями, какие только попадались ему под руку. Тогда юноша взял войлочную плеть, ударил его, сказав:

— Превратись в то, чем ты был до этого!

Великан снова превратился в труп, а юноша вскочил на своего коня и поехал дальше. Вдали он заметил замок, и конь его сказал ему:

— Это дом великана. Когда ты приедешь туда, великана не

будет дома. Выведай у его жены, по каким дорогам и как он вернется домой.

Юноша зашел в дом великана, поздоровался с его женой. Женщина обрадовалась ему, но сказала:

— Уноси свою голову, пока не поздно! Когда вернется мой владыка *, он погубит тебя.

А он сделал вид, что испугался, и спрашивает ее:

— Укажи мне, по какой дороге он вернется, я выеду встретить его!

Она указала ему дорогу. А юноше только этого и нужно было. Устроил он на пути великана засаду.

Конь наказывает юноше:

— Великан будет на тебя кричать, ты дай ему выдохнуться; от крика он лишится своей силы и тогда ты сможешь с ним поступить, как тебе захочется.

Вот великан показался на дороге. Конь его стал вдруг фыркать.

— Да съедят тебя собаки,— сказал великан.— У нас нет врагов! Есть только один, но он — пока юноша и нам не опасен.

Великан стал кричать так, что поднялся ветер, ломавший в лесу деревья. Когда же он от крика лишился силы, юноша выскочил к нему из засады и говорит:

— Вот теперь, собака, посмотрим, что будет с тобой!

Великан отвечает:

— Да постигнет тебя гнев божий! Я всегда боялся тебя, но теперь испробуем свои силы!

Они сцепились и боролись целый день, до самого вечера. Один поднимал другого, изо всей силы ударял об землю, и тот уходил в землю по колено, но, вырвавшись, в свою очередь поднимал своего соперника и ударял об землю. Так они боролись до самого вечера и изнемогли оба.

Конь юноши долго смотрел на них, а затем подскочил к ним и стал избивать великана своими копытами. Пока он наносил великану удары, юноша передохнул, выхватил свой меч и отрубил у семиглавого великана одну из голов. Великан лишился стойкости. Юноша отрубил ему шесть голов, а одну оставил и говорит великану:

— Укажи мне, где находится мой отец, а не то отрублю тебе и эту голову.

Великан стал просить его:

— Прошу тебя, не руби мою последнюю голову. Я укажу тебе, где находится твой отец: он состоит конским табунщиком за горами в горах.

Юноша отрубил последнюю голову великана, сел на коня и выступил в дорогу. Тут конь говорит ему:

— Туда, где находится твой отец, трудно добраться: две горы бьются там, как два барана. Когда они разойдутся друг от друга, ты нанеси мне плетью такие удары, чтобы от кожи моей отскочили лоскутья, тогда мы прорвемся между этих гор.

Они приблизились к горам. Когда две горы отошли друг от друга, юноша нанес своему коню сильные удары плетью, и тот, пока горы не сошлись снова, успел проскочить. Но горы все-таки оторвали у коня полхвоста, и он стал куцым.

Так они оказались за горами в горах. Едет юноша на куцем коне и видит в отдалении конский табун. Он подъехал к табуну и нашел человека, который сидел близ дороги и занимался охотой на вшей, так как шуба его завшивела на нем.

— Кто ты такой, как ты сюда забрел? — спрашивает его юноша.

Старик рассказал ему свою историю.

— А были у тебя дети? — спрашивает юноша.

— Кроме маленького мальчика, других детей у меня не было.

— В таком случае я твой сын,— говорит юноша.— Не бойся, я искал тебя и нашел.

— Найти-то меня нашел,— говорит старик,— но великан нас не отпустит, он съест нас обоих.

— Не бойся, я его давно убил. Надо нам возвращаться домой.

Юноша посадил старика вместе с собой на своего коня. Он уже знал, как можно проскочить между двумя горами, и они благополучно вырвались оттуда. Проезжая мимо того места, где лежал труп великана, юноша показал его своему отцу. Он сказал, чтобы отец не боялся. Он отрезал уши великана, принес их к его жене и сказал ей:

— Вот уши твоего мужа. Но нет ли у него других родственников?

— Вон в передней сидит его мать,— отвечает она.— Но не дай ей говорить, иначе она проклянет тебя, и тебя постигнет беда.

— Что мне ее проклятья? — говорит юноша.

Он зашел к матери великана, дал ей возможность говорить, и она прокляла его:

— Да не будет тебе ни сна, ни бденья, ни покоя до тех пор, пока не приведешь в жены себе дочь царя джиннов!

Юноша отрубил ей голову.

Наступил вечер. В тот день он даже не присел, а ночью не смог заснуть. То же повторилось и на другой день.

— Действительно, ее проклятие постигло меня! — сказал юноша.

Он решил найти место, где живет царь джиннов. Оставил отца жить пока в доме великана, а сам выступил в дорогу. Но куда нужно ехать, он и сам не знал.

Тут конь сказал ему:

— Я скажу тебе, куда нужно ехать. Сначала ты доедешь туда, где пасется невиданное множество пернатых. Возьми для них с собой проса в переметных сумках. Ты посыплешь им просо, а они крепко поблагодарят тебя и скажут: «Наш хозяин ни разу не накормил нас не только просом, но даже отрубями. А ты накормил нас просом. Да будет путь твой прямой!». Отъедешь ты оттуда и доедешь до родника; припади к нему ничком, выпей его воды, а сам скажи: «О, если бы можно было напиться твоей воды вдоволь!». Родник скажет тебе: «Мой хозяин всегда относится ко мне брезгливо, а ты похвалил мою воду. Да будет путь твой прямой!».

Он едет дальше *, и конь говорит ему:

— Зарежь сейчас барана, приторочь его к своему седлу сзади. Доедешь до железомордых волков и кинешь им барана. Волки поблагодарят тебя и скажут: «Да даст тебе бог прямого пути! Хозяин наш никогда ничего нам не давал, заморил нас голодом».

Держит он свой путь дальше. Конь ему говорит:

— Ты достигнешь одной двери. Смажь ее петли сливочным маслом.

Юноша доехал до этой двери и смазал ее петли сливочным маслом. Дверь не издала ни звука и пожелала ему:

— Да даст тебе бог прямого пути! Хозяин наш никогда не смазывал меня не только сливочным маслом, но даже дегтем!

Юноша проскочил в ворота. Там оказалась высокая башня, в которой сидела дочь царя джиннов.

Конь говорит ему:

— Когда мы подъедем туда, то нанеси мне плетью сильные

удары, и я пролечу мимо окна, а ты будь готов прыгнуть через окно внутрь башни. Потом я сам себя покрою всякими гнойными ранами и буду пастись вон в той роще. Если тебе понадобится моя помощь, помаши мне уздечкой, и я предстану пред тобой.

Юноша сделал все так, как наказывал ему конь. Он нанес ему удары плетью, и конь пролетел мимо окна, а юноша через окно прыгнул внутрь башни. Дочь царя джиннов спала там. Юноша побоялся ее будить, залез под кровать и притаился.

Через какое-то время девушка проснулась. Она заметила юношу и говорит:

— Ах, какой ты трус! Если ты сумел забраться сюда, тебе не следовало бы прятаться под кроватью!

Это придало юноше смелости. Он выскочил из-под кровати, и они стали мужем и женой. Они прожили вместе около месяца, и никто не узнал о них. Все думали, что девушка живет одна. Ей приносили в башню яства и напитки, исполняли все, что ей было нужно.

Однажды девушка говорит ему:

— А теперь нам пора отсюда уходить. Но для этого надо что-нибудь придумать!

— А что ты можешь сделать! — спрашивает юноша.

Она отвечает ему:

— У меня есть войлок: сколько бы на него ни нагрузили, он понесет свой груз так, будто в нем нет никакого веса.

— А у меня,— говорит он,— есть такой конь, что он подлетит под окно, как только я помашу ему уздечкой. Мы сядем на него и убежим.

Все имущество, какое у них оказалось, скотину и вещи они сложили на тот войлок, приторочили его сзади к седлу, и не было в нем никакого веса. А сами вдвоем сели на коня и поскакали.

Вслед за ними пустилась погоня. Оглянулись они назад и увидели, что гонится за ними многочисленное войско, от которого потемнела земля. Передовые отряды уже стали их настигать. Юноша вступил с ними в бой и перебил своим мечом очень многих, а те, кому удалось спастись, в страхе бежали от него.

На руке одного убитого он увидел золотое кольцо и говорит жене:

— Ни за что не оставлю я такого кольца!

Жена оттоваривала его, но он ее не послушался. Сошел с

коня и только стал снимать кольцо с руки лежачего, как тот пырнул его кинжалом — он еще был живой — и убил.

Жена оттащила его в сторону от дороги и стала причитать:

— Куда я теперь денусь? И домой мне вернуться нельзя — ведь он перебил столько людей!

Сидит она над своим покойником и видит: подбежал к нему лисенок и стал лизать его кровь. Она схватила палку и говорит:

— Недостаточно мне моего горя, еще лисенок лижет его кровь!

Ударила лисенка палкой и убила его на месте.

Тут явилась лиса и говорит ей:

— Ах ты, негодница! Из-за тебя погибло столько людей, а ты еще моего детеныша убила!

Оттащила она своего детеныша к роднику, выкупала его там, и лисенок ожил.

Дочь царя джиннов увидела это и решила своего покойника тоже выкупать в родниковой воде: а вдруг и ему поможет! Она оттащила труп мужа к роднику, обмыла, выкупала его в родниковой воде, и муж ее ожил. Говорит он жене:

— Жаль, не дала ты мне поспать еще немножко: я хотел уже жениться на дочери Барастура, владыки загробного мира.

Она отвечает:

— Хорошую жену ты хотел себе взять!

И рассказала ему подробно, как она оживила его.

— Хорошо,— сказал он, выслушав рассказ жены,— а теперь нам необходимо ехать дальше.

Отправились они дальше. Ехали, ехали и прибыли в дом великана. Собрали на войлок все добро, что было у великана, и вещи, и скотину и приторочили сзади к седлу коня. Захватили с собой и жену великана, и старика-отца. Приехали к трупу великана; юноша ударил его войлочной плетью и сказал:

— Стань тем, кем ты был!

И великан стал тем, кем он был.

Юноша обращается к его жене:

— Узнаешь ли, кто это такой?

— Как не узнать? — отвечает она.— Он — владыка * мой!

Юноша обращается к великану:

— Узнаешь ли, кто это такая?

— Как не узнать? — отвечает великан.— Моя жена.

Тогда юноша говорит:

— Негодник ты! Ты надеялся на свой огромный рост. Если

бы я был такой же, как ты, я не пощадил бы тебя. А теперь живите себе с миром!

Он покинул их и продолжил свой путь, а великан и жена его остались жить вместе по-прежнему.

Юноша с женой, дочерью царя джиннов, прибыл в дом своей матери. Мать обрадовалась их прибытию. Ночь они провели в старом доме, а утром на его месте оказались по просьбе юноши высокие дома. Он выпустил свою скотину, и она заняла целую степь.

Повсюду распространилась весть:

— Вот божье чудо! На месте дома старухи-беднячки появились высокие дома, а целые пастбища заняты ее скотиной!

Старуха-беднячка с единственным своим сыном и женой его, дочерью царя джиннов, стали жить богато. Они живут и поживают и до сих пор.

Как мы их не видели, так пусть не посетят нас напасти и болезни.

34. Сын свинопаса

Жили-были бедняк и его жена. У них был единственный ребенок, мальчик. Вздумали они однажды собирать цветы и отправились в лес, взяв с собой и ребенка. Пока собирали цветы, ребенка они оставили на козлиной шкурке под деревом, которое освещалось солнцем. Они думали, что потом легко найдут его.

Бродили они по лесу, сколько хотели, собирали цветы вдоволь, а потом вспомнили про своего ребенка, оставленного под деревом, которое освещалось солнцем, стали они искать это дерево,— но разве солнцем освещено лишь одно дерево? Бродили, бродили они по лесу — так и не нашли своего ребенка.

А тем временем вышел на охоту великан и заметил плачущего ребенка под деревом на козлиной шкурке. Великан рассмотрел ребенка и, увидев, что это мальчик, обрадовался.

— У моей жены не было сына,— сказал он.— Теперь я нашел для нее мальчика!

Он принес его домой и говорит жене:

— Ты хотела иметь сына, вот я и нашел для тебя мальчика!

— Ладно,— сказала жена и принялась ухаживать за ребенком.

Великан охотился, убивал оленей и кормил сына оленьим костным мозгом. Прошли дни, мальчик подрос. Когда великан уходил на охоту, ему бывало скучно.

Однажды жена великана спрашивает его:

— Почему ты, мальчик, скучаешь?

— Как же мне не быть скучным? — отвечает он.— Он уходит, а меня оставляет дома. Мне хочется, чтобы он хоть раз взял и меня с собой развлечься.

Вернулся великан с очередной охоты, а наутро жена ему говорит:

— Ты опять собрался на охоту, возьми хоть раз с собой и мальчика. Без тебя он здесь умирает с тоски.

— Ладно,— отвечает великан.— Если ему так хочется, я возьму его с собой.

И он взял мальчика с собой на охоту. По дороге спрашивает его:

— Видишь, там что-то белеется? Это река. Смотри-ка туда!

Великан вырвал молодое дерево и метнул, дерево не долетело до ближнего берега реки.

— Можно ли и мне метнуть? — спрашивает мальчик у великана.

— Попробуй,— отвечает великан.

Мальчик вырвал молодое дерево и метнул его; дерево упало в воды реки.

Великан был поражен:

— Хвала тебе, боже! — сказал он сам себе.— Вот диво какое!

Он снова вырвал молодое дерево и метнул его. Дерево упало в воды реки. Мальчик тоже вырвал опять дерево, метнул его, и дерево перелетело через реку на другой берег.

— Да пошлет тебе бог долгую жизнь,— сказал великан.— Задатки в тебе хорошие!

Они охотились до вечера, а вечером вернулись домой.

— Я никогда еще не видел такого дива! — сказал великан жене.

И рассказал ей, как мальчик метнул дерево и оно долетело до противоположного берега реки.

Жена ответила на это великану:

— Ладно, ладно, но чужой навоз к заду не пристает *.

Великан каждый день отправлялся на охоту, но мальчика ни разу больше с собой не взял, он оставлял его на попечение своей жены. Однажды та дала понять мальчику, что он не их сын. Мальчик стал печальным, проводил время в думах о своих родителях и однажды спросил жену великана:

— А кто были мои мать и отец?

Когда великан вернулся домой, жена сказала ему:

— Мальчик тоскует по своим родителям и спрашивает меня о них. Как нам поступить с ним?

Великан сказал:

— Для этого есть средство: пусть возьмет эту козью шкурку и ходит по селам, показывая ее и говоря, что покупает такие шкуры. Таким способом он и найдет своих родителей.

Мальчик приколол козью шкурку к своей палке и стал обходить села. Но нигде не находил он своих родителей. Наконец, на окраине одного бедного аула он увидел в сторонке дом; подошел к нему и позвал, чтобы кто-нибудь вышел. Вышла к нему женщина. Он показывает ей козлиную шкурку так, чтобы она могла рассмотреть ее хорошенько, и спрашивает, нет ли у них таких же шкурок для продажи.

Когда женщина рассмотрела козью шкурку, то в ней зародилась догадка, и она прослезилась.

Мальчик спрашивает ее:

— Что с тобой, добрая женщина, почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? — отвечает она.— Вот на такой же козьей шкурке я положила мальчика своего в лесу под деревом, и он пропал. Я вспомнила теперь об этом и плачу.

Мальчик понял, что нашел свою мать, но ничего пока не открыл, только сказал старухе:

— Зайдем в дом!

Они зашли. Дом оказался бедным, в нем не было даже пищи. Но когда мальчик отправлялся на поиски своих родителей, великан подарил ему войлочную плеть. Эта плеть могла исполнить все, о чем бы ее ни попросили. Мальчик ударил плетью и сказал:

— Пусть в этом доме появится большой стол, дополна накрытый всякими яствами!

И появился в доме такой стол, они утолили свой голод, поели, сколько хотели. Тогда мальчик спрашивает старуху:

— А мужа нет у тебя? Где он?

Она ответила:

— Пришла наша очередь пасти свиней алдара, и он пасет их. Он бедный человек.

— В каком месте он их пасет? — спросил мальчик.

— Он сам вернется в свое время,— ответила она.

— Ничего, я его проведаю,— сказал мальчик.— Он голодный, я накормлю его чем-нибудь.

Он пошел к старику, нашел его и послал домой, а сам остался вместо него пасти свиней. Старик наказал ему:

— Через мост свиньи не пройдут до тех пор, пока не поцелуешь каждую из них в зад.

Вечером он погнал свиней в село, и перед мостом они заартачились, ожидая, что каждую из них он поцелует в зад. Он же набил им бока толстой палкой с набалдашником и одних убил на месте, а другие от него спаслись бегством.

Село алдара было окружено оградой. В ограде было четверо ворот. Это потому, что в лесу завелся вепрь, который нападал на алдарское село и похищал в неволю мальчика или девочку. Поэтому алдар держал ворота на запоре; их охраняли привратники.

Наступила очередь сына свинопаса охранять ворота. Он пробыл в охране ночь, а утром повбивал рукой засовы в воротах и ушел домой. Люди не могли вытащить засовы и прислали за ним самим. Он явился, вытащил засовы и открыл ворота; никто другой не в состоянии был их открыть.

Когда эти вести дошли до алдара, он дал слово выдать свою дочь за того, кто убьет вепря, а вместе с дочерью обещал отдать ему и половину своего состояния.

Сын свинопаса спросил алдара:

— До меня дошел такой слух. Действительно ли ты поступишь так?

— Да, я так поступлю,— заверил его алдар.— Я выполню свое слово в точности.

Тогда сын свинопаса запряг быков и отправился в лес. На быков он нагрузил дрова и только направился обратно, как вепрь бросился на него.

Сын свинопаса выдернул молодое дерево и ударил им вепря по шее. Вепрь свалился на месте. А сын свинопаса срубил большое дерево и, не очищая его, привязал к вепрю. Вепрь очнулся и поднялся на ноги; сын свинопаса погнал его впереди быков и пригнал в алдарское село. Когда люди издали завидели вепря, они бросились в разные стороны с криками:

— Вот на нас наступает вепрь с целым не очищенным от веток деревом!

Сын свинопаса погнался за ними, остановил и сказал:

— Куда вы бежите? Не бойтесь! Он не опасен больше!

Алдар исполнил свое слово. Он выдал за сына свинопаса свою дочь. Он уступал ему и половину своего состояния, но тот отказался, заявив, что у него самого есть достаточное состояние.

К утру для сына свинопаса появились дома, по сравнению с которыми дома алдара показались ничем. Он сыграл свадьбу, устроил большие пиры и живет да поживает до сих пор.

Как мы ничего этого не видели, так пусть нас не постигнут никакие напасти, никакие болезни.

35. Вдовий сын

Жили-были знахарка и Верахан-красавица, дочь алдара, затворница башни. Она была необычайно стройная девушка. Молва о ней шла по свету. Алдар ни за кого ее не выдавал, хотя сватали ее многие. Он держал ее в башне, а башня была такая, что никто не смог бы найти ее дверей, не разрушив ее верха.

Однажды алдар оповестил:

— Я выдам свою дочь только за того, кто сможет разрушить ее башню.

А башня была необычайно высокая. Сроку же алдар дал два дня:

— Кто сможет разрушить башню,— сказал он,— тот будет моим зятем. Пусть каждый попробует свое удальство!

Со всех сторон стали стекаться женихи. Нашлись женихи из нартского народа. Явился и сын знахарки. Каждому хотелось разрушить башню алдарской дочери, но как — никто из женихов не мог придумать.

Сын знахарки стал обходить людей, надеясь найти среди них удальца. Зашел он в один маленький дом и застал там вдову; перед ней в колыбели лежал мальчик.

— Больше у вас никого нет? — спрашивает сын знахарки.

— Кроме этого ребенка и меня самой, никого другого нет,— отвечает ему вдова.

Тут мальчик в колыбели разорвал свои повязки и обращается к сыну знахарки:

— Я готов выполнить твои пожелания!

(А этого мальчика указала сыну своему его мать, знахарка: «Вот там народился такой молодец, проведай его!»)

Сын знахарки обрадовался и сказал мальчику:

— Да даст тебе бог годы жизни! Ты тот, кто мне нужен, ты пригодишься мне.

Мальчик заставил себя одеть и сказал:

— Я отправлюсь из дому!

Сын знахарки взял его с собой, и они предстали перед собравшимися. А в пути сын знахарки договорился с мальчиком:

— Мы сделаем так: я заряжу тобой пушку и выстрелю тобой в верх башни. Может быть, ты сумеешь разрушить его. Иного средства нет.

— Ладно! — сказал мальчик.— Это хорошо придумано! Я согласен; если я попаду на верх башни и удержусь там, то примусь разрушать ее своими пятками; но если я слечу — все может быть,— то ты будь проворен и не дай мне коснуться земли, иначе это будет моя смерть.

И еще добавил:

— Когда ты меня понесешь, не опускай меня на землю до тех пор, пока не перенесешь через семь рек.

Зарядили мальчиком пушку и выстрелили им в верх башни. Мальчик попал туда, стал ударять пяткой своей то с одной стороны, то с другой и таким образом разрушать башню. А сын знахарки наблюдает за ним снизу, следит, как бы он не слетел оттуда. Тут башня стала дрожать, и мальчик упал с нее. Сын знахарки подставил свой подол, поймал мальчика и стал переносить его через реки. Когда он перенес его через вторую реку, Сирдон *, злокозненный человек, узнал, что если мальчика положат на землю, то он умрет и девушка не достанется сыну знахарки.

И Сирдон решил обмануть его. Чтобы сын знахарки не признал его, Сирдон переоделся и принял другой вид.

Сын знахарки уже перенес мальчика через вторую реку и через третью. Тут Сирдон опередил его и говорит:

— Добрый человек, куда ты его еще несешь? Ведь он уже умер, а башню уже разрушили, и девушка мимо тебя уходит в чужие руки.

Но сын знахарки не поверил ему и понес мальчика дальше. Он перенес его еще через одну реку — через четвертую. Держит свой путь, несет дальше упавшего с башни мальчика.

Тем временем Сирдон опять принял другой вид и вновь опередил сына знахарки:

— Бросай мертвеца! — говорит он ему.— Ты прозеваешь девушку!

Сына знахарки взяло сомнение: может быть, это правда. Но все-таки он не бросил мальчика.

Когда сын знахарки переносил мальчика через шестую реку, Сирдон, приняв другой вид, опять опередил его и говорит:

— Какой ты безумец, добрый человек! Ты все несешь мертвеца! Девушка, очевидно, достанется кому-нибудь из нартского народа, а ты останешься ни с чем!

На этот раз сын знахарки поверил Сирдону и сказал сам себе:

— Действительно, если дело дошло до этого, то куда я несу этого мертвеца? И еще девушки я лишаюсь!

Он положил покойника на землю и повернул обратно к башне.

А она стоит такой же, как он ее оставил, ничего с ней не произошло.

Тогда сын знахарки догадался:

— Все это козни Сирдона! А я и мальчика погубил, и не добился ничего!

Вернулся он обратно, стал над покойником и думает: «Что еще предпринять? Отнести его к матери его? Но что я ей скажу?».

Вдруг он вспомнил:

— Ведь у нас есть войлочная плеть, дай-ка я ее испробую!

Вернулся он и рассказал своей матери, как было дело.

— Я вернулся за войлочной плетью,— говорит он матери.— Сможет ли она помочь чем-нибудь мальчику или нет?

Мать говорит ему:

— Надо попробовать, возьми ее с собой!

Сын знахарки захватил с собой войлочную плеть и поспешил в обратный путь к месту, где он оставил покойника. Он прибыл туда, ударил несколько раз покойника войлочной плетью и сказал:

— Пусть бог превратит тебя в то, кем ты был до этого!

Мальчик приподнялся и сказал:

— Оф, оф, как я долго спал!

Сын знахарки рассказал ему, как все было, что с ним произошло. Мальчик говорит сыну знахарки:

— Раз так, то перенеси меня еще через две реки, иначе дело мое будет плохо.

Сын знахарки взял мальчика и перенес его еще через две реки.

А Сирдон тем временем рассказывает нартам:

— Я заставил его положить мальчика на землю, и теперь, если угодно будет богу, девушка достанется нам.

Нарты радовались этому и веселились.

Тут явился сын знахарки с мальчиком и спрашивает нартов:

— Что вас веселит, нарты? Чему вы радуетесь?

— Что нас веселит? — отвечают нарты.— Вот теперь Верахан достанется нам!

— Ну что ж, хорошо,— говорит сын знахарки.— Испытаем, кто из нас мужественней.

Наступил вечер. Алдар опять оповещает народ:

— Кто еще хочет испытать свое счастье, пусть явится и завтра, и послезавтра.

Сын знахарки повел мальчика не туда, где он родился, а к себе домой. Матери же его он сообщил, чтобы она не беспокоилась, мальчик ее сегодня ночью будет ночевать у него. Оставил вдове еду, чтобы она могла поужинать, и вернулся домой.

Накормив мальчика, он стал его наставлять:

— Надо подумать о том, что мы должны сделать завтра. Мы зарядим тебя опять в пушку и выстрелим так, чтобы ты попал на верх башни.

На второй день, когда люди опять собрались у башни, сын знахарки привел мальчика туда и сказал ему:

— Не пожалей сил своих! Если мы и на этот раз ничего не добьемся, то дальше будет труднее.

— Не сомневайся во мне,— ответил тот.— Сделай так, чтобы я попал на верх башни, и тогда будет то, что угодно богу.

Собравшиеся во множестве люди следили за сыном знахарки и мальчиком; нарты боялись, что девушка достанется им.

Сын знахарки зарядил мальчиком пушку и выстрелил. Мальчик очутился на башне и принялся разбрасывать ее во все стороны. Люди дивились ему, дивился и сам алдар.

Он разрушил башню, как нужно было, как было условлено. Алдар встал, взял свою дочь за руку, вывел ее и сказал:

— Сегодня я узнал своего зятя.

А сын знахарки говорит:

— Ее нельзя выдать за мальчика; ведь все сделано благодаря мне!

— Я никого не признаю, кроме этого мальчика! — отвечает алдар.— Зять мой — тот, кто разрушил башню! Собирайтесь в такой-то день, чтобы я познакомился с моим зятем!

Наступил назначенный день. Алдар приготовил много косартов, накрыл столы, и люди сели пировать. Сын знахарки тоже сидел за столом, а мальчика он с собой не привел.

Алдар вручил дочери бокал и говорит:

— Дочь моя сама знает своего суженого. Кому она вручит бокал, тот и будет ее мужем.

Дочь алдара вышла с бокалом, обошла, оглядела всех, но бокала никому не вручила, повернула обратно и печальная ушла в свою комнату. На сына знахарки, который сидел тут же за столом, она не обратила внимания, даже не взглянула на него.

Алдар дал приказ:

— Соберите завтра всех, взрослых и невзрослых, достойных и недостойных,— всех без различия!

Опять накрыл он столы. Собрали всех людей — кого только можно. А мальчик оделся в одежду нищего и в таком виде явился на пир; тряпкой он завязал кольцо на пальце, сказав, что порезал руку.

Люди сели за столы. Девушка вынесла ковш пива — почетный бокал — и стала обходить столы, пристально рассматривая людей. Но взгляд ее ни на ком не останавливался.

Мальчик же сидел у края с бедняками. Девушка направилась и туда. Мальчик развязал край повязки так, чтобы кольцо было заметно. Верахан заметила кольцо и ковш пива поднесла мальчику.

Люди очень удивились:

— Надо же, кому алдарская дочь преподнесла бокал!

Алдар сказал:

— Лучше бы моя дочь умерла, чем выйти за такого!

Когда народ разошелся, юноша сказал алдару:

— Назначаю срок до завтрашней ночи, чтобы показать себя вам. Будет и положенный по этому случаю подарок.

Алдар подумал про себя: «Лучше бы мне не видеть его подарка!»

И он подготовился к приходу юноши кое-как.

Сын же бедной вдовы был златокудрый юноша. Он явился в

дом тестя с пятью товарищами. Товарищи вошли в дом, радостно встретили жениха и сообщили алдару:

— Выйди-ка к нашему зятю! Узнай-ка нашего зятя!

Алдар вышел и, увидев его, сказал:

— О боже, благодарю тебя! Я не предполагал, что он таков! Я осрамился перед всеми людьми. Надо готовить яства и напитки!

Он накрыл столы избранными яствами и напитками. А юноша-жених говорит им:

— В доме моем нет никого, кроме моей матери-старухи. Я сам решаю вопрос о свадьбе. Я явлюсь за своей невестой через десять дней.

Алдар не возразил, сказал только:

— Ладно, приготовим ее к этому дню!

Разве мало было добра у алдара! Он снабдил свою дочь всем, что было нужно, а так как других детей у него не было, он записал за ней половину своего состояния, пока он жив. Кроме того, написал бумагу, по которой после его смерти все его состояние переходило к дочери.

Прошло десять дней, и сын бедной вдовы явился за невестой со своими товарищами. Алдар принял их очень хорошо, они гостили у него целую неделю, а потом он отправил их с честью.

Сын вернулся к матери богатым. И стали они жить счастливо.

А по истечении какого-то времени алдар умер. Вдова с сыном и невесткой перешли жить в усадьбу алдара и живут там до сегодняшнего дня.

И вы до их возвращения живите в добром здоровьи!

36. Фунуктиз, младший из трех братьев

Жили-были три брата. Младший из них любил сидеть у очага ближе к золе, поэтому его прозвали Фунуктиз *. Старшие не считались с ним. Было у них просяное поле у опушки леса. И вот однажды им сообщили, что посевы потравил чей-то конь.

Старший брат говорит:

— Я отправляюсь посторожить наше поле.

Он ушел и где-то выспался, а затем вернулся домой. Братья спрашивают его:

— Ну как, видел там кого-нибудь?

— Никого я не видел, никто на поле не явился,— ответил он.

Пошел охранять просяное поле второй брат. И он тоже сказал, что никого не видел.

Наступила очередь младшего брата.

— Дай-ка и я пойду покараулить! — сказал он.

Старшие братья спрашивают его:

— Куда ты идешь, что ты сможешь посторожить?

Но он все-таки пошел караулить просяное поле. Смотрит, явился на поле неизвестный конь. Фунуктиз подкрался к нему и поймал его за гриву. Он хотел было избить коня, но тот обратился к нему с просьбой:

— Отпусти меня, я тебе пригожусь!

— Как я могу тебя отпустить,— говорит ему Фунуктиз.— Если ты уйдешь, чем ты мне сможешь пригодиться?

Конь дал ему уздечку и сказал:

— Если я тебе понадоблюсь, приходи сюда и помаши ею, и я тогда явлюсь к тебе.

Фунуктиз поверил ему, взял уздечку, отпустил его и вернулся домой. Уздечку он спрятал, а затем зашел в дом. Братья спрашивают Фунуктиза:

— Ну как, видел ли ты кого-нибудь?

А он им ответил:

— Ничего не видел, никто на поле не явился.

В селе, где жили братья, был алдар, а у него была дочь-красавица. Она отсиживалась в башне и никогда не спускалась с нее, проводила там все свои дни. Ее сватали многие, но отец до сих пор ни за кого ее не выдал. Но однажды он оповестил по селам:

— Я выдаю дочь свою замуж. Пусть соберутся все женихи, какие только есть! Я же выдам свою дочь за того, кто, пролетая мимо башни, сумеет похитить с руки моей дочери кольцо.

Женихи собрались со всех сторон. Два брата Фунуктиза тоже собрались туда, а ему сказали:

— Ты оставайся охранять дом!

Фунуктиз просил своих братьев взять и его с собой, но они на него прикрикнули:

— Тебе-то куда ехать? Ты еще и нас осрамишь!

Уехали братья, а Фунуктиза оставили стеречь дом. Когда они удалились, Фунуктиз схватил уздечку и сделал так, как его научил конь: он помахал уздечкой, и конь предстал перед ним.

— Что тебе желательно? — спрашивает конь.

Фунуктиз ему отвечает:

— Мне нужна твоя помощь.

— Что случилось, расскажи?

Фунуктиз рассказал ему все, как было, и добавил:

— Алдар выдает свою дочь замуж. Мне тоже нужно отправиться туда.

Конь говорит:

— Вытащи из моего уха седло и оседлай меня! А из другого моего уха достань себе одежду.

Фунуктиз сделал так, как ему сказал конь. Оседлал коня, оделся в новую одежду и сел верхом.

Конь говорит ему:

— Сегодня мы только пролетим мимо башни, а от остального воздержимся.

Фунуктиз прибыл на своем коне к башне алдарской дочери. А там множество коней и людей. Каждый надеется на успех, но никто из них и близко не подходит к цели.

Тогда Фунуктиз нанес легкие удары своему коню, проджигитовал на коне в одну, в другую сторону и пролетел мимо башни. До цели оставалось немного, но пока он ограничился этим.

В тот день никому не удалось стать зятем алдара. Женихи разъехались. Фунуктиз ускакал на своем коне, спрятал свою одежду, вещи спрятал туда, где они хранились, отпустил коня и вернулся домой. Сел в невзрачной своей одежде и сидит себе так, будто нигде он и не был.

Явились его братья. Фунуктиз спрашивает их:

— Ну как, какие новости? Вы меня не взяли с собой, а новости все-таки сообщите!

— А какие новости мы можем сообщить тебе? Если бы ты отправился с нами, то осрамил бы нас. Туда явился такой всадник, что мы не могли понять, небесный он житель или земной человек: он прилетел на коне и улетел, а все смотрели ему вслед с большим удивлением.

— Ладно, ладно,— сказал Фунуктиз.— Мне-то вы запретили являться туда.

Алдар назначил время и на второй день, сказав:

— Если где-либо еще найдется такой всадник, который пожелает испытать свое счастье, пусть он явится!

Братья Фунуктиза и на второй день решили ехать туда.

Фунуктиз просит их:

— На этот раз разрешите и мне поехать с вами: стыда в том нет, чтобы повидать людей.

Но братья ответили:

— Сиди смирно дома и сторожи его!

— В таком случае вы мне хоть по возвращении своем расскажите новости,— говорит им в ответ Фунуктиз.

Когда они удалились, Фунуктиз схватил уздечку и помахал ею, конь тотчас же предстал перед ним:

— Чего тебе надобно?

Фунуктиз говорит ему:

— Надо опять ехать туда же.

— Ладно,— сказал конь и дал ему необыкновенное снаряжение: и одежда, и седло — все блестело золотом. Фунуктиз сел на коня и выступил в дорогу.

А девушка-красавица смотрела с башни и увидела его вдали на коне. До того времени она пребывала в своей башне спокойно, а теперь принялась играть на фандуре, и люди удивились:

— Что за диво? До сих пор она сидела в башне спокойно, что же теперь привело ее в веселое настроение?

Тем временем Фунуктиз въехал во двор башни, и все люди, кто только был там, воззрились на него в большом удивлении.

Женихи по очереди стали пробовать свое удальство. Когда очередь дошла до Фунуктиза, то он слегка разгорячил своего коня, нанес ему легкие удары плетью, проджигитовал на нем в одну сторону, а в другую сторону он пролетел мимо башни. Но все-таки и на этот раз он еще не решился на смелый шаг. Когда они остались наедине, конь говорит ему:

— Вот теперь проджигитуем в последний раз, и все будет зависеть от тебя самого и твоего удальства!

Когда опять пришла очередь Фунуктиза, он разгорячил своего коня и пролетел мимо башни; девушка-красавица не сводила с него глаз; Фунуктиз моментально ворвался через окно внутрь башни и сорвал кольцо с руки у дочери алдара.

Люди стали хлопать в ладоши Фунуктизу за то, что он выиграл дочь алдара. Фунуктиз ударил своего коня и уехал оттуда, а люди смотрели вслед ему в большом удивлении. Он от-

вел коня на место, отпустил его, а сам оделся в свою нищенскую одежду, вернулся домой, сел и сидит, как будто нигде и не был.

Вернулись братья, Фунуктиз спрашивает их:

— Какие новости? Поведайте мне хотя бы новости!

А те ему отвечают:

— О каких новостях ты нас спрашиваешь? Нет таких новостей, о которых мы могли бы рассказать тебе. Только явился такой всадник, что мы не могли понять, небесный ли он житель или земной человек. И вот он выиграл алдарскую дочь.

Алдар между тем дал приказ:

— Завтра я хочу познакомиться со своим зятем, соберитесь все!

Народ собрался в невиданном множестве. Братья Фунуктиза тоже отправились туда. Алдар накрыл для народа столы, и все сели за них.

Девушка-красавица сошла с башни и с большой чашей в руках обошла один ряд, но чаши никому не подала; обходила второй ряд — и там не нашлось никого, кому бы она подала чашу; в гневе она ударила чашу об землю, и чаша разбилась вдребезги.

А Фунуктиз пока не явился.

Тогда алдар сказал:

— Пригласите всех, нигде никого не оставляйте, ни достойного, ни недостойного!

Фунуктиз явился в своей нищенской одежде и сел с краю стола вместе с младшими. Кольцо на своей руке он прикрыл повязкой из лоскутов, как будто бы он порезал себе палец.

Дочь алдара сошла опять с башни с большой чашей пива в руках и обошла всех сидящих за столом, но ни на ком не могла остановить взгляда своего. Наконец она направилась в сторону младших, чтобы оглядеть и их.

Когда она дошла до Фунуктиза, то он сделал так, чтобы из-под повязки видно было кольцо. Дочь алдара приметила кольцо и чашу подала Фунуктизу.

Люди были удивлены выбором дочери алдара:

— Хорошего зятя нашла красавица для своего отца! — сказали они.

Алдар, огорченный, призвал к себе дочь свою и сказал ей:

— Было бы лучше мне, дочь моя, умереть, чем переносить позор оттого, что ты не смогла выбрать себе лучшего мужа!

Но что оставалось делать алдару? Он отдал приказ:

— Дочь моя завтра выходит замуж, и пусть соберутся все люди!

А Фунуктиз пошел опять к своему коню, и тот его снарядил лучше прежнего. Направился он в алдарский дом. Девушка смотрела с башни, увидела его вдали и принялась играть весьма весело на фандуре. Алдар удивился, как она может радоваться такому своему выбору.

Фунуктиз въехал во двор и спешился. Когда алдар увидел его, то он не мог не возрадоваться.

Он угощал гостей целую неделю, а потом одарил дочь свою всем, выделил ей часть своего имущества, и Фунуктиз привел алдарскую дочь в свой дом.

Тогда и братья его узнали, каков он на самом деле. Стали они жить-поживать, живут и до сих пор.

Как мы их не видели, так да не посетят нас никакие напасти, никакие болезни!

37. Три брата

Жили-были отец и три сына. Умирая, отец завещал своим сыновьям:

— Имущество я вам никакого не оставляю,— сказал он,— но у меня имеется одна кобылица, которая постоянно пасется в степи и каждый год приносит жеребенка. Посторожите ее, чтобы захватить жеребенка!

Отец умер. Младшие братья говорят старшему:

— Ты, как старший, должен отправиться первым и посторожить кобылицу.

Пошел старший брат сторожить кобылицу. Она еще не ожеребилась. С пустыми руками он вернулся домой и обращается к среднему брату:

— А теперь твоя очередь сторожить кобылицу!

Средний брат пошел в степь и тоже вернулся обратно ни с чем.

Наступила очередь младшего брата; пошел и он сторожить кобылицу. Кобылица ожеребилась. Тут явился великан. Младший брат сцепился с великаном, схватил жеребенка за ногу, великан тоже не отпускает его, тянет в свою сторону. Каж-

дый хочет отнять у другого жеребенка. Достался жеребенок великану; младший брат оторвал у него ногу, но великан унес его и трехногого. Он стал холить его, и жеребенок вырос в такого трехногого коня, который в день делал три круга по краям неба.

Братья запомнили время, когда кобылица через год должна была снова ожеребиться, и опять договорились сторожить кобылицу. Старший брат пошел сторожить первым; выспался где-то и вернулся домой. Пошел сторожить средний брат, тоже где-то выспался и вернулся домой, сказав братьям, что никого не видел.

Пошел младший брат сторожить кобылицу. Когда наступило ей время ожеребиться, явился семиглавый великан. Сцепились они с младшим братом в борьбе; боролись долго и устали оба сильно.

Тогда, собравшись с последними силами, младший брат сказал:

— Если я не одолею его и теперь, то не одолею никогда.

Он ударил великана о землю, и тот по колени увяз в земле. Великан тоже швырнул его о землю, и он тоже увяз в земле по колени.

Они продолжали бороться, и наконец великан изнемог. Тогда молодой герой схватил шашку и отрубил у него шесть голов. Осталась у великана последняя голова, и стал он просить:

— Не отрубай последней головы моей, укажу тебе все свое имущество и владей им счастливо!

Великан указал ему все свое состояние, и после этого молодой герой отрубил его седьмую голову. Уши его он принес показать братьям, а жеребенка оставил с маткой, чтобы тот рос на материнском молоке. Через некоторое время он пошел проведать жеребенка и привел его с собой в дом. Он выходил жеребенка, тот стал таким конем, который за день делал по небу семь кругов.

Сам юноша тоже подрос; он натренировал коня и стал ездить на нем верхом.

Однажды он решил:

— Разыщу мать свою, а затем привезу все имущество великана.

А мать их похитил этот самый семиглавый великан.

Он оседлал своего молодого коня, испытал его, слегка напугал несколько раз и сказал:

— Теперь я готов, и пусть будет то, что угодно богу!

Он захватил с собой продовольствие и выступил в путь-дорогу. В одном селе жил ардхуард его отца, и он завернул к нему; привязав к коновязи своего коня, он зашел в дом и говорит:

— Добрый день, ардхуард моего отца!

— Я не знаю тебя, кто ты? — спрашивает старик.

Он отвечает:

— Я сын твоего ардхуарда.

— Дай мне руку, тогда я узнаю тебя,— говорит старик.

Молодой человек дал ему руку, и старик сказал:

— Живи долго, долго! Теперь я тебя признал. Какое дело у тебя, в какую сторону держишь путь?

— Я отправляюсь на поиски матери своей! — отвечает ему юноша.

— Счастливого пути тебе! — говорит старик.— Ты отправляешься в большой балц, но тебе трудно будет заполучить обратно мать свою. Я знаю этого великана, ты с ним не справишься, ничего не сможешь ему сделать.

— Я с ним уже расправился,— ответил юноша.

Старик долго не верил, но тот его убедил.

— В таком случае прямого счастливого пути тебе! — сказал старик.

Молодой человек сел на коня. Старик просит его:

— Припугни-ка своего коня!

Тот подтянул своего коня, припугнул его, проджигитовал в одну и другую сторону, повернул его, и конь его перескочил через дом.

Тогда старик говорит ему:

— Ладно, ладно, живи долго!

А у себя дома старик поручил приготовить юноше на дорогу провизию; провизия была уже готова, старик велел вынести ее, молодой человек приторочил ее за спиной к седлу, и старик сказал:

— Счастливого пути, больше я тебя не задерживаю!

Он попрощался со стариком и отправился в путь-дорогу.

Ехал он долго, наконец вдали показались дома. Конь быстро достиг этих домов, так как он не скакал, а летел. Юноша спешился, а коня привязал к коновязи.

На шум вышла к нему его мать и пригласила войти; он зашел в комнату. Она спрашивает его:

— Что ты за ангел, что за дух-покровитель? Как ты попал сюда, кто ты такой? Сюда ведь и птица не долетит!

Они пока не признали друг друга.

Женщина ему говорит:

— Муж мой давно находится в балце, скоро он вернется, и если застанет тебя, то съест.

Но юноша был в безопасности, так как великана он убил; он об этом больше и не думал.

— Ты не похожа на здешнюю. Кто ты такая, откуда ты? — спрашивает он женщину.

Женщина отвечает ему:

— Увы, добрый человек! Если я тебе расскажу про свои тяжелые испытания, то и ты меня пожалеешь! Я была женой бедного человека, но этот великан похитил меня, и с тех пор я живу тут.

Юноша спрашивает:

— А кто у тебя был из детей?

— У меня было трое мальчиков,— отвечает женщина.— Муж мой и трое детей остались дома.

Тогда молодой человек говорит ей:

— По твоим рассказам ты — моя мать. Я — один из трех твоих сыновей, младший. А теперь ты больше и не вспоминай великана, я его убил. Если не веришь, я расскажу о нем тебе подробно. Великан мне перечислил все имущество, какое у вас имеется.

Когда он назвал спрятанные богатства великана, мать ему поверила.

Юноша говорит ей:

— Теперь я пойду соберу в одно место все его имущество, а ты будь готова к отъезду.

Он собрал в одно место все добро великана. Мать приготовила провизию на дорогу. Сам он приготовил две арбы, погрузил на них все добро великана, и они выступили в дорогу.

Когда они достигли границы своей родины, то братья, извещенные заранее, выехали ему навстречу.

Наступил вечер. Двое старших братьев решили между собой:

— Если он поедет с нами, это будет для нас позором, поэтому надо его убить.

У брата их была необыкновенная шашка, они взяли ее, повесили лезвием внутрь при входе в шатер, в котором он спал, а потом подняли крик:

— Тревога, угоняют нашу скотину!

Младший брат быстро выскочил из шатра, и шашка отсекла у него обе ноги по колено. Братья бросили его там, а сами посадили мать в арбу, захватили имущество великана и погнали всю скотину. Приехали домой, а матери пригрозили:

— Если ты хоть что-нибудь откроешь, то мы убьем тебя!

Младший брат поправился, но остался безногим калекой. Он продолжал жить на том же месте, испытывая большие лишения.

Как-то раз проходил мимо него безрукий и спрашивает:

— В чем ты провинился? Что с тобой случилось? Чем ты тут занят?

Безногий сказал ему все, что с ним случилось:

— Нет обычая любить лучшего, чем ты; лучший, чем ты,— враг. Вот так поступили со мной и два моих брата.

— А ты в чем провинился? Что стало с твоими руками? — спрашивает он в свою очередь безрукого.

Тот тоже рассказал ему про свои беды:

— И со мной,— сказал он,— поступили так же: нас было трое братьев, я — младший. Мы заночевали в одном месте, и они отрубили мне обе руки.

Безногий говорит ему:

— Мы пригодимся друг другу. Ты — без рук, а я — без ног. Я сяду на тебя, ты будешь меня носить, как-нибудь да проживем.

Они стали жить вместе. И вот однажды смотрят они и видят: идет по лесу слепой и срывает вершины деревьев. Они подошли к нему и спрашивают:

— Кто ты такой?

— Нас было трое братьев,— сказал он.— Кроме добра, я не сделал ничего, и вот они выкололи мои глаза.

— В таком случае и ты — наш товарищ,— сказали они, и все трое пришли в шалаш безногого.

Там они договорились: «Слепец будет в лесу гнать зверей в нашу сторону, а безногий будет сидеть на безруком и ловить их, так мы будем содержать себя».

Однажды они услышали звуки фандыра и песен. Оказалось, что это были киндзхоны. Сын некоего алдара женился на дочери другого алдара, и киндзхоны сопровождали невесту из дома отца в дом жениха. Подвыпившие люди ехали за невестой, джигитуя на своих конях.

Тогда безногий сел на безрукого, а слепого они оставили на

своем месте и вышли навстречу киндзхонам. Безногий, сидя на безруком, как бы в шутку пересадил невесту к себе, и они стали потихоньку ее уносить, но так, как будто бы быстрее им не удается идти.

Подвыпившие киндзхоны обращаются друг к другу:

— Держите их! Какие они чудаки, что они собираются делать?

Между тем товарищи убегали с невестой все быстрее и быстрее. Киндзхоны так и не сумели их догнать и повернули обратно.

Девушку они назвали сестрой. Уходя на охоту, они оставляли ее в шалаше, кормили чистым костным мозгом оленя, а она до их возвращения готовила им пищу.

Девушка становилась здоровее и здоровее.

Сколько времени прошло, никто не ведает, но вдруг девушка стала худеть. Три товарища удивились:

— Что с ней? Почему она худеет?

Стали они допытываться у нее, почему она худеет.

А худела она потому, что в отсутствие трех товарищей ее навещала знахарка и запугивала:

— Погибель твоему дому! Если ты кому-нибудь что-нибудь скажешь, я тебя съем.

И девушка боялась открыть тайну, почему она худеет.

Тогда три товарища решили ее сторожить. Безногий спрятался поблизости и, когда знахарка опять заявилась к девушке, поймал ее. Самого сильного из троих, слепого, они заставили держать знахарку.

Тогда она стала их просить:

— Не убивайте меня, и я вам помогу!

— А чем ты сможешь нам помочь?

Она говорит:

— Каждого из вас я превращу в такого, каким он был.

— А как ты это сделаешь? — спрашивают они.

— Я буду проглатывать вас по очереди, а когда выброшу обратно, то каждый окажется таким, каким он был раньше.

Тогда они сказали слепому:

— Ты сильнее нас, держи ее, чтобы она невзначай нас не съела.

Знахарка проглотила сначала безногого, но долго не выбрасывала его обратно. Слепой сказал:

— Я тебя сейчас убью!

И она сейчас же выбросила его обратно, и он стал таким, каким был раньше.

Затем она проглотила безрукого и выбросила обратно — он тоже стал таким, каким был раньше.

Теперь они стали держать знахарку вдвоем и говорят слепому:

— Сейчас она проглотит тебя, а мы будем настороже.

Она проглотила и слепого и выбросила его обратно таким, каким он был раньше.

Тогда они убили знахарку, чтобы она не повредила кому-нибудь из них, а сами решили, что каждый вернется домой.

Девушка говорит им:

— До сих пор я прожила с вами, как сестра, теперь же я могу выйти замуж за того из вас, кто этого пожелает.

И они решили выдать ее за безногого, так как до этого он был неженатым.

Он отослал по домам слепого и безрукого; они ушли, и он с девушкой тоже направился домой. Встречая по дороге людей, которые выезжали на работу, он спрашивал их:

— Какие новости в селах?

Так он прибыл домой в тот час, когда люди собрались на поминки, которые устроили братья в его память.

Младший брат призвал собравшихся выслушать его.

— Я не умирал,— сказал он,— но братья мои поступили со мной нечестно, сделали меня безногим.

Затем он достал стрелу лука и сказал:

— Вот я пущу стрелу лука, и если я питал к ним какое-либо зло в своем сердце или причинил им зло, то пусть стрела вернется обратно и вонзится в мою голову! Если же они поступили со мной вероломно, пусть стрела вернется назад, удвоившись, и пусть обе стрелы вонзятся в головы двух моих братьев!

Он пустил стрелу. Она вернулась удвоенной, и стрелы застряли в головах обоих братьев. Оба они были убиты на месте.

Они устраивали своему младшему брату ложные поминки, но эти поминки понадобились по ним самим.

Младший брат остался жить со своей матерью и со своей женой, они живут да поживают и по сегодняшний день.

Как из всего этого мы ничего не видели, так пусть никогда не посетят нас ни напасти, ни болезни.

Очередь же сказывать сказку за Хадзиматом (Пиновым), чтобы я тоже немножко мог передохнуть.

38. Девушка-сирота

Жили-были бедняк и его жена, и была у них единственная дочь.

Сколько-то времени они прожили вместе, а затем жена бедняка умерла. Бедняк женился и стал жить с новой женой. Она родила тоже дочь. Мачеха относилась к сироте очень плохо и постоянно ее ругала.

Сирота вошла уже в возраст невесты. Подруги ее уходили на танцы, а она оставалась дома и плакала. Мачеха содержала ее как нищенку.

Подросла и собственная дочь мачехи. Она ее наряжала, баловала всякими нарядами, отправляла на танцы, хотя ей не вышли еще года для этого.

Перед тем как отец приходил с работы, мачеха прятала сироту под очажным камнем, а дочь свою отправляла на танцы. Возвратившись домой, отец обычно спрашивал жену: «Где же наши дочки?», и жена отвечала ему, что они ушли на танцы. Только после ухода отца она выпускала сироту, а с его возвращением домой снова запирала ее под камнем.

Однажды вернулся отец и спросил:

— Где же наши девушки?

Мачеха, как обычно, ответила, что они ушли на танцы, и прибавила:

— Что ты за них беспокоишься, спрашиваешь о них?

Но тут на ее слова собака со двора завыла:

— Сироту она спрятала под очажным камнем, а свою дочь нарядила и отправила на танцы!

— Что это она подняла вой? — проворчала мачеха и прогнала собаку.

Собака и второй раз завыла так же. Отец понял ее вой, ничего не сказал, но задумался над этим. Правильно говорится: чья мать, того и отец. И сирота продолжала жить с мачехой, перенося от нее всяческие мучения.

Однажды подруги сироты опять ушли на танцы. Она осталась одна, вышла во двор, облокотилась о засов хлева и стала плакать навзрыд.

— Зачем я родилась такой несчастной? — причитала она.— Лучше было бы не родиться, чем переносить эти страдания.

В хлеву у бедняка была одна корова. Она долго слушала плач девушки, а затем подошла к ней близко и спрашивает:

— Из-за чего ты плачешь? Что тебе нужно?

— Из-за чего я плачу? — ответила ей девушка.— Я плачу над своей несчастной жизнью! Подруги мои уходят на танцы. а меня мачеха содержит, как нищенку. Вот почему я плачу.

— Ты не плачь из-за этого! — говорит корова.— Пойдем со мной в более укромное место.

Завела она сироту в более укромное место и сказала ей:

— Вытащи мой правый рог, возьми оттуда все, что тебе нужно из нарядов, и оденься!

Сирота вытащила рог и нарядилась в лучшие одежды.

Корова говорит ей:

— А теперь вытащи и мой левый рог и возьми оттуда все, что тебе надо из обуви и из головных уборов.

Она вынула оттуда все это и нарядилась прекрасно. Корова ей говорит:

— Собери пока свое старое одеяние, сунь его в мой рог, а рог вставь на место. Да смотри, возвращайся с танцев пораньше.

Девушка сделала так, как учила ее корова: она вложила в рог свое старое одеяние, а рог вставила на место. Веселая и наряженная, она отправилась прямо на танцы. Там никто ее не узнал. Она пленила всех и имела у молодых людей необычайный успех. Сердце девушки-сироты наполнилось радостью.

Помня наказ коровы, она вернулась домой пораньше. Корова уединилась с ней опять в укромном месте, и там девушка-сирота торопливо, возбужденная от радости, сняла свою одежду. Она боялась, как бы никто не застал ее, быстро сняла рог коровы, вынула оттуда свою старую одежду, а новую крепко завернула и вложила в рог. Потом сняла обувь и головной убор и сунула их в другой рог. Надела корове ее рога, а сама облачилась в старую одежду.

— Если когда-нибудь тебе нужна будет моя помощь, то приходи ко мне, а теперь иди домой и не плачь!

Девушка вошла в хадзар и села у очага, будто она нигде и не была. Мачеха спрашивает ее:

— Где ты шлялась целый день?

— Где я могла шляться? — отвечает девушка-сирота.— Ты думаешь, что в таком виде я могу ходить по танцам? Я была у соседей.

Тем временем вернулась с танцев ее родная дочь. Мать спрашивает ее:

— Ну, какие новости, что было у вас на танцах?

А дочь говорит:

— Ты тоже, называется, нарядила меня! На танцах была девушка-гостья, такая красивая, стройная и наряженная! Вот что я видела на танцах, а больше ничего хорошего там не было.

Так они и жили: девушка-сирота сидела у очага, а дочь мачехи ходила по танцам.

Однажды танцы были у соседей. Подруги девушки-сироты по обыкновению отправились туда. И дочь мачехи пошла туда же. Девушка-сирота расстроилась и опять пошла к корове. Корова спрашивает ее:

— Чего тебе хочется?

— Чего мне хочется? — сказала она.— Мои подруги опять пошли на танцы, а я осталась дома.

Корова опять завела ее в укромное место и сказала:

— Поскорее вынь из моих рогов свою одежду, обувь и головной убор так, чтобы никто тебя не видел.

Девушка-сирота проворно вытащила все это из рогов, а все свое старое спрятала в них. Когда она принарядилась, корова говорит ей:

— Так возвратись пораньше, как я тебе наказывала!

Девушка-сирота пошла на танцы. Едва она появилась там, как стала украшением танцев. У всех танцующих она имела необыкновенный успех и провела там весь день до вечера. Незадолго до конца она покинула танцы, осторожно вошла в хлев, спрятала свое одеяние в рогах коровы, оделась во все старое, зашла в хадзар и села там.

Тем временем вернулись мачеха и ее дочь. Дочь спрашивает у матери:

— Ты ходила смотреть танцы?

— Да,— ответила мать.

— Встречала ли ты где-нибудь такую девушку-гостью?

— Нет не встречала такой никогда. Ты правильно говоришь: она стройна и прекрасно наряжена.

Через некоторое время опять были танцы в каком-то другом месте. На этот раз мачеха подсмотрела, как наряжалась девушка-сирота.

Девушка нарядилась, спрятала свое старое одеяние и ушла на танцы. А чтобы никто ее не узнал, она опять вернулась пораньше, спрятала свой новый наряд, надела старый и села,

как обычно, в хадзаре. Слышит, мачеха говорит своему мужу:

— Давай зарежем корову.

Муж ей отвечает:

— У нас только одна корова, как мы будем жить без нее?

— Она не отелилась,— говорит жена,— молока у нее нет. Раздобудем вместо нее другую корову.

Девушка-сирота выслушала их разговор, незаметно зашла к корове и говорит:

— Тебя решили завтра зарезать. Что предпринять?

Корова спрашивает сироту:

— Это точно?

— Да, точно.

— В таком случае набери горсть пепла и, когда меня повалят и отец приготовится зарезать меня, будь наготове. Кинь горсть пепла ему в глаза. От испуга он бросит нож и займется самим собой; ты же будь проворна, схвати нож и убегай, а я побегу за тобой.

В назначенный день отец девушки-сироты вывел корову из хлева и повалил ее, чтобы зарезать. Девушка-сирота по совету коровы набрала полную горсть пепла и стала так, чтобы ее не было видно. Когда отец собрался уже провести ножом по горлу коровы, девушка-сирота кинула горстью пепла в глаза отца. Он крикнул: «Ты убила меня!» — и бросил нож. Девушка-сирота подхватила нож, выбежала на улицу и пустилась бежать дальше. Корова тоже вскочила на ноги и пустилась за ней.

Бегут они вдвоем и прибегают в ближайшее село. Повстречался им домовитый хозяин, принял их как гостей и спрашивает:

— Откуда вы, из какой вы стороны?

Они рассказали ему все, что с ними приключилось. Ночь провели там, а утром хозяин говорит:

— У меня нет детей, и девушку я приму, как дочь. Ты тоже живи у меня,— говорит он корове,— и жизнь твоя будет хорошая.

Девушка и корова думали-думали долго и согласились, так как лучшего места для них нигде не было.

Он стал давать девушке наряды. Жизнь ее стала лучше, и на сердце у нее стало светлее. Пошла о ней молва как о статной и воспитанной девушке. Со всех сторон стали приходить желавшие засватать ее.

— Как тебе хочется,— спрашивает девушку новый отец,— пожить еще со мной, или выдать тебя замуж?

Девушка отвечает ему:

— Я буду согласна со всем, что ты скажешь, даже если ты меня бросишь в реку. Не спрашивай меня ни о чем!

Новому отцу (будем его называть так) пришлись по душе скромность и ум девушки.

— Я еще недостаточно налюбовался на тебя,— сказал он ей,— и мне хочется, чтобы ты еще пожила с нами.

Так он сказал и своей жене, и они пока не стали выдавать ее замуж.

Однажды девушка проходила мимо коровы, и корова говорит ей:

— Твоя жизнь улучшилась, и ты, наверное, забыла меня. Но подойди-ка поближе ко мне, я расспрошу тебя кое о чем.

Девушка подошла к корове поближе.

— Скажи мне коротко, как ты живешь? — спрашивает ее корова.

Девушка говорит ей:

— Сейчас моя жизнь очень хороша. У меня имеется все, я ни в чем не нуждаюсь.

— Ладно,— сказала ей корова.

Тогда девушка говорит корове:

— Я тоже хочу спросить тебя кое о чем.

— Спроси,— сказала корова.

Девушка говорит ей:

— Многие ищут моей руки, и я не знаю, как мне поступить.

— Поступи так, как тебе скажет твой новый отец, не огорчай его ничем! — отвечает ей корова.

— Я поняла желание своего нового отца,— отвечает девушка,— а затем и сам он мне сказал, что еще недостаточно налюбовался на меня и чтобы я еще пожила вместе с ними.

— Он разумно говорит тебе. Поступай так, как сказал он.

— А какова твоя жизнь? — спрашивает девушка корову.— Ведь ты оказала мне большую помощь.

— И моя жизнь вдвое лучше прежней,— отвечает ей корова.

Так они жили и жили и прожили около года. От хорошей жизни девушка расцвела, и искатели ее руки снова заволновались. Сватали ее многие богатые молодые люди, но новый отец ни за кого из них не выдал ее.

Затем стал сватать ее юноша-сирота, и пришелся он девушке по сердцу.

Тем временем отец поручил матери (и мы ее назовем так):

— Выведай у нее, кто ей нравится, мне она стесняется сказать.

— Ладно,— сказала та,— узнаю ее желание.

Она перечислила девушке в разговоре всех искателей ее руки и сказала, что дело это обычное, пусть она ответит без стеснения, кто ей нравится больше всех.

Девушка не дала своей матери никакого ответа. Когда та заговорила о молодом юноше-сироте, она отмалчивалась, и мать взяло подозрение. Она стала расспрашивать еще усерднее, и девушка дала ей понять, что желала бы выйти замуж за юношу-сироту: они с ним давно и сильно любили друг друга.

— Ладно,— сказала мать и ни о чем больше не стала спрашивать.

На другой день вернулся из балца отец. Он пообедал, отдохнул и спрашивает жену:

— Я тебе поручил узнать желание девушки, узнала ли ты что-нибудь?

Жена ему отвечает:

— Я спрашивала ее обо всех искателях ее руки, но ни за кого из них она не желает выходить замуж, кроме сироты-юноши.

Отец замолчал. А на следующий день, когда рассвело, он сказал:

— Нужно решить вопрос о девушке.

После обеда заявились сваты юноши-сироты. Отец говорит жене:

— Узнай еще раз определенно ее желание, и если она хочет, то сегодня же ее выдадим. Ни к чему многократные хождения туда и обратно. Или выдать, или отказать!

Мать выведала желание девушки. А сваты тем временем сидят в другой комнате, дожидаются. Новый отец говорит им:

— Приходите вечером, дело ваше ладится.

Те сказали, что вечером придут, и ушли, получив твердое обещание. Вернулись в дом жениха. Отец жениха спрашивает:

— Как обстоит дело?

Сваты отвечают:

— Дело обстоит хорошо, вечером состоится сговор, дали нам слово.

К вечеру приготовили яства, и пития, и все необходимое. В назначенное время сваты снова явились в дом невесты. Отец со своей стороны пригласил двух своих соседей, и в тот же вечер состоялся сговор, но разговор между ними еще не был закончен.

Сваты обращаются к отцу и говорят:

— Мы тут будем вести беседы, но младшего из нас необходимо послать в дом жениха, мы должны там освятить три лепешки.

И послали младшего известить, как обстоит дело.

А в доме невесты беседа пошла дальше:

— Сговор наш состоялся, но нужно узнать, когда будет свадьба. Какой ты назначаешь срок? — спрашивают сваты отца.— К какому времени ты будешь готов?

Отец дал им слово:

— Назначаю вам без обмана месячный срок.

Тем временем явился посланец из дома жениха:

— Мы тоже готовы и ждем вас.

Собрали своих соседей, родственников и явились в дом нового своего родственника. Там они пировали, веселились всю ночь. День застал их в доме жениха, и они сказали:

— Пора нам уже уходить!

Встали, поблагодарили хозяев и вышли. Пришли к новому отцу девушки, там тоже повеселились, потом поблагодарили хозяев и разошлись по домам.

Стали оба дома готовиться к свадьбе. Приготовили все яства и напитки, а также весь наряд невесты с ног до головы.

Через месяц в назначенный день из дома жениха прислали сказать:

— Дайте нам нашу невесту!

Отец девушки ответил им:

— Мы готовы! С нашей стороны никакой задержки не будет!

Явились киндзхоны в дом невесты. Посадили их за столы, и пировали они целую неделю.

Затем старшие обращаются к шаферу и говорят ему:

— Теперь пора! Как положено приходить вовремя, так положено и уходить вовремя!

Шафер зашел за невестой, вывел ее, посадил на повозку и уехал.

Киндзхоны тогда встали из-за столов, поблагодарили, за-

пели свадебную уаридада * и покинули дом невесты. Со свадебной песней привели невесту в дом жениха, и там живут они до сегодняшнего дня.

Как мы их не видали, так бог да избавит нас от всякой напасти, от всякой болезни! Да даст бог и нам благополучно покинуть это место! *

39. Бедный мальчик-батрак

Жили-были муж и жена. У них в батраках был бедный мальчик. Послали они его однажды пасти скотину. Мальчик, бедняга, был плохо одет и попал под дождь. Увидел он павшую лошадь. Внутренности ее съели собаки. Мальчику негде было укрыться от холодного дождя. Он залез внутрь палой лошади, притих там, а затем и заснул.

В это время орел вылетел с горных вершин на поиски корма для своих орлят. Он быстро заметил павшую лошадь, вокруг которой уже кружились вороны. Орел спустился, вонзил в нее свои когти, захлопал крыльями, поднялся с тушей лошади в воздух и понес ее. Птенцы его ждали в гнезде, которое он устроил в кустарнике высоко в горах. Принес он им лошадиную тушу и оставил ее там, а сам снова вылетел на поиски корма.

Через какое-то время мальчик проснулся и осмотрелся, чтобы узнать, где он находится. Видит: кругом только горы. Вдали на равнине он увидел башню и подумал, что там кто-нибудь должен жить. Но он не знал, каким образом ему спуститься с горы на землю.

Был у него ножик, который он обычно держал на поясе, сбоку, и он подумал:

— Сниму-ка лошадиную кожу, изрежу ее на длинные полосы, свяжу их и попробую спуститься на землю.

Он проворно изготовил из лошадиной кожи ремни, связал их и на этом ремне спустился вниз.

Спустился и думает, куда ему идти дальше. Вспомнил, в какой стороне виднелась башня, и принялся за ее розыски. Скоро он снова увидел ее и, подобрав свои фалды, решительно направился туда.

В башне сидела какая-то старушка, больше никого в ней не было. Он зашел туда и обращается к женщине:

— Добрый день, ана́!

А та ему отвечает:

— Если бы ты не сказал «добрый день, ана́», постигла бы тебя гибель. А теперь присаживайся.

Пригласила она его присесть и стала расспрашивать:

— Какой ангел, какой дух-покровитель привел тебя сюда, ведь сюда даже и птица пернатая не залетает?

Он рассказал ей о себе:

— Я был в батраках и заснул внутри павшей лошади. Когда я проснулся, то увидел себя на вершине горы. Еле-еле спустился на землю, приметил вдали эту башню и направился к ней. Вот так я прибыл сюда. А теперь воля ваша, убьете ли вы меня, съедите ли — другого пути у меня нет.

Старуха ему говорит:

— У меня семь сыновей, все они сейчас в отлучке, но время их возвращения уже наступило.

Она спрятала его так, чтобы при самом входе его не заметили, и сказала:

— Вот здесь пока притаись, а не то они ввалятся в дом и сразу же съедят тебя.

Мальчик пока притаился там.

Стали прилетать домой ее сыновья. У них была комната, где они снимали свои крылья, оставляли их, а затем, как братья, заходили к своей матери.

Первым прилетел домой старший сын и говорит своей старухе матери:

— Что такое? Откуда здесь дух аллон-биллонский? Наш дом наполнился аллон-биллонским духом!

Мать-старуха прикрикнула на него, и он сразу же притих, ничего больше не сказал.

Заявился второй брат и тоже сказал:

— Что такое? Отчего это аллон-биллонским духом наполнился дом?

И на него прикрикнула старуха-мать; он тоже притих, замолчал.

Появился третий брат и тоже удивился:

— Что за аллон-биллонский дух в нашем доме?

Мать прикрикнула на него:

— Вы сами странствуете по свету, какой же аллон-биллонский дух наполнил нашу комнату?

Прилетел четвертый сын, и он спросил мать о том же, но

и его она заставила замолчать, как других, и он тоже сел на свое место.

Так собрались все братья в своем доме и стали рассказывать друг другу, кто из них что видел.

Средний говорит:

— Я слетел на землю и нашел павшую лошадь. Я поднял ее, принес на вершину горы и оставил там. Вот моя работа.

Так они рассказали о своих делах в присутствии матери и спрашивают ее:

— Мы хотим все же узнать, что это у нас за аллон-биллонский запах, скажи нам откровенно.

Мать им отвечает:

— Сегодня у меня гость. Заверьте меня, что вы ему никакого вреда не причините.

Сыновья заверили ее:

— Если это девушка, мы назовем ее своей сестрой, если же гость — мужчина нашего возраста, мы объявим его своим братом; если же гость — старик или старуха, мы объявим его своим отцом или матерью.

Так они обещали своей матери, и тогда она показала его им:

— Вот этот молодой человек — мой гость, поручаю его вам. Сердцем своим я усыновила его и считаю его средним вашим братом.

Братья приласкали его, а затем стали расспрашивать:

— Ну, теперь поведай нам, откуда ты, кто ты?

Мальчик рассказал им:

— Я был батраком у некоих мужа и жены. В дождливый, холодный день я пас их скотину в степи и заснул внутри павшей лошади. Когда же я через некоторое время проснулся, то не узнал, где я нахожусь. Я только понял, что нахожусь на горе. С вершины горы я заприметил вдали вот эту башню. Думал я, думал, каким способом спуститься мне на землю, и вспомнил, что на боку у меня висел нож. Решил я тогда из лошадиной кожи вырезать ремни, связал их и таким образом с трудом спустился на землю. Там я стал искать башню и скоро приметил ее. После этого я направился к ней и пришел сюда.

Мать обращается к своим сыновьям:

— Ну, слышали рассказ? Это мог сделать только кто-либо из вас. Пусть скажет тот, кто сделал это. Теперь считайте его за брата, а тот, кто унес его, пусть сам отнесет его обратно туда, где он был.

9 Заказ 2079

Средний брат сказал:

— Если судить по рассказу мальчика, то выходит, что я принес его вместе с павшей лошадью.

— Как ты его принес,— говорит ему мать,— так и доставь обратно на место.

Средний брат приготовил еды на три дня, посадил мальчика себе на спину, велел нагрузить на себя провизию и сказал мальчику:

— Мы выступаем в дорогу. Когда я захочу есть, я закричу, и ты сунешь мне в пасть часть вот этой провизии.

Отправились они в дорогу. Мальчик делал так, как наказал ему средний брат. Но когда они уже приближались к месту, провизии у них не хватило; орел подал знак криком, и мальчик решил про себя: «Если он еще подаст знак, что ему нужна пища, я отсеку ножом мускулы своей ноги и брошу их ему в пасть».

Орел снова издал крик; мальчик выхватил свой нож, отсек мускулы со своей ноги и бросил их ему в пасть.

Орел летел, летел и доставил его на место. Мальчик слез с него и пошел, согнувшись, не разгибая спины, а сам говорит орлу:

— Вот как у меня в ногах кровь застоялась!

А орел понял, что он бросил ему в пасть мускулы со своей ноги и не проглотил их, придавил под языком. Когда мальчик сказал, что у него застоялась кровь, орел поплевал на его ногу, и мускулы его ноги снова стали такими, как и были.

— А теперь счастливо тебе оставаться, брат мой! — говорит орел.

— Прямого пути тебе, мой старший брат, мой спаситель! — отвечает мальчик.

Остался он жить там, а орел улетел к себе домой.

Мать спрашивает его:

— Доставил ли ты его на место?

— Доставил,— ответил он.

Так они и остались жить.

Как ничего из этого не видели мои слушатели, так пусть не посетят нас ни напасти, ни болезни.

40. Царь джиннов и бедняк

Жили-были старик и старуха. Жили они в бедности. Старик ходил на охоту, и если охота была удачная, то они были сыты, если же охота не удавалась, то они сидели в бедной сакле своей голодные.

Однажды старик охотился целый день и никого не встретил. А жена надеялась, что он принесет чего-нибудь и они поедят.

Старик устал, и жажда томила его. Он увидел озеро и подошел к нему, чтобы напиться воды. Но когда он припал к воде, кто-то схватил его за бороду и стал тянуть к себе.

Старик стал просить:

— Я — старик, отпусти меня, не тяни к себе!

Но тот, кто тянул его, отвечает:

— Я превращу тебя в молодого человека, если только ты сумеешь пригодиться!

И потащил его за собой. Из озера открылась дверь в море. Они миновали эти двери и пошли дальше. Из моря открылась дверь на сушу, и они вышли на сушу.

Там жил царь джиннов. Он радостно встретил старика и сказал ему:

— Здравствуй, гость! Колья моего плетня не досчитываются одной головы, и я посажу на кол твою голову, если только ты не выполнишь моего требования. Если же ты его выполнишь, я выдам за тебя свою дочь.

Бедняк осмотрелся кругом, и когда он увидел насаженные на колья плетня человеческие головы, то сердце его упало: «И голова моя будет отрублена!» — подумал он.

Царь джиннов давал три задания и обещал выдать свою дочь за того, кто выполнит их все три. Указав на поле, усеянное скирдами пшеницы, он дал бедняку первое задание:

— До утра сложи пшеничное зерно в амбары, но так, чтобы скирды не были сдвинуты с места.

Призадумался бедняк, запечалился:

— Он заставляет меня выполнить невозможное! Быть моей голове на колу плетня!

А он уже не был стариком: тот, кто тянул его за бороду, сделал его молодым человеком, и когда его увидела дочь царя джиннов, то он ей пришелся по сердцу. Видит она, что он сидит печальный, и спрашивает:

— Что с тобой? Почему ты сидишь печальный?

— Что печалит меня? — отвечает он.— Твой отец дал мне такую задачу, которую совершенно нельзя выполнить. Я с ней не справлюсь, и голова моя будет отрублена.

— Пусть это тебя не печалит,— говорит дочь царя джиннов.— Мы все выполним! Вечером я созову всех мышей, какие только есть, и они насыплют в амбары пшеницу со всех скирд.

Вечером дочь царя джиннов криком созывает мышей:

— Мыши, где бы вы ни были, явитесь сюда и засыпьте до утра в амбары все зерна, какие только имеются в скирдах, да так, чтобы не пропало ни одно зерно и чтобы скирды не были сдвинуты с места.

Собрались все мыши, какие только были на свете, и ни одного зерна не оставили в скирдах, насыпали их в амбары, а скирды даже не сдвинулись с места.

Царь джиннов встал утром и спрашивает молодого человека:

— Ну как, что-нибудь сделал?

А дочь царя предупредила его:

— Отец будет тебя спрашивать придирчиво, но ты не бойся, делай свое дело, и пусть будет то, что угодно богу.

Царь джиннов, ничего не сказав, задал ему вторую задачу:

— За ночь должна появиться во дворе моем церковь, но чтобы она была из одного воска и ни из чего другого.

Молодой человек, бедняга, заволновался и подумал: «Бог проклял меня». Сидит он опять печально, а дочь царя ему говорит:

— Не отчаивайся, это легко сделать. Сегодня я соберу всех пчел, какие только есть, и до утра церковь будет готова.

Бросила она клич пчелам и сказала им:

— Постройте за ночь церковь из чистого воска!

Наступил вечер. Пчелы зашевелились и стали работать так усердно, что к утру церковь была готова.

Утром царь джиннов встал, вышел наружу, обвел двор взглядом и увидел там церковь из чистого воска.

А дочь царя заранее предупредила молодого человека:

— Не жди третьей задачи, она невыполнима, и я ничем тебе не смогу помочь. Нам обоим нужно бежать отсюда!

Молодой человек сел с девушкой в лодку, и пустились они в бегство; царь джиннов узнал об этом тогда, когда они были уже далеко, и послал за ними многочисленную погоню.

Тем временем беглецы вышли на берег озера, и дочь царя джиннов, обладавшая волшебным даром, сделала так, что они превратились в пару уток, в самца и самку, стали они резвиться в озере.

Вышла погоня тоже на берег озера — нет никого. Искали они повсюду, но нигде ничего не нашли, а на уток они и внимания не обратили.

Повернула погоня обратно к царю джиннов. Он их спрашивает:

— Ну, с чем вернулись? Не догнали вы их?

— Нигде ничего не увидели! — отвечают они.— Заметили только мы в одном озере двух уток, самца и самку.

Опечалился царь джиннов:

— Я забыл предупредить вас, поэтому вы их не узнали. Это были они. Догоните их, поймайте и принесите сюда.

А дочь царя джиннов обладала вещим даром. Говорит она молодому человеку:

— Отец нас узнал! За нами идет новая погоня, бежим!

Побежали они, оглядываясь назад, и видят позади вдали погоню. Девушка говорит молодому человеку:

— Дальше нам не убежать. Я сделаю так, чтобы здесь появилась церковь; один из нас станет в ней священником, а другой — дьяконом, и нас не узнают.

Появилась церковь, а они стали дьяконом и священником.

Участники погони увидели церковь и подумали, что беглецы могут спрятаться там. Но, увидев там лишь священника и дьякона, которые совершали богослужение, они постеснялись их прервать и повернули в обратный путь. И на обратном пути они всюду искали беглецов, но нигде их не нашли; так и вернулись домой.

Царь джиннов спрашивает:

— Ну что, нашли их?

Те опять отвечают:

— Мы не встретили по пути даже местных жителей. Только в одном месте священник и дьякон совершали в церкви богослужение, а больше мы никого не видели.

Царь джиннов говорит:

— Это и были они, но вы их не узнали. Теперь вы их уже не сможете найти! Дочь моя не сумела оценить себя! Она была сукой и как сука сбежала! Ничего уже с ней не поделаешь, оставим их.

Дочь царя джиннов узнала, что погоня повернула обратно, и сказала своему мужу:

— Теперь идем без опаски!

Пришли они к его дому. Старуха уже умерла, но дом ее под соломенной крышей стоял, как прежде.

— Вот тебе наш дом! — говорит молодой человек своей жене.— Вот так бедно я жил!

А жена ему отвечает:

— Имущество — дело наживное. Об этом не беспокойся.

Обратилась она с просьбой к богу:

— Пусть до утра на этом месте появятся высокие дома!

Утром они проснулись и увидели высокие дома.

А дочь царя джиннов опять говорит:

— Пусть эти дома наполнятся золотым убранством, какое только необходимо! Пусть появится одеяние для моего мужа из дорогих тканей, чтобы одеться с ног до головы! И пусть для меня самой появится все самое лучшее из женского одеяния, причем две смены! — И еще попросила она.— Боже, пусть во всю длину нашего дома станет стол, заставленный в изобилии яствами и напитками!

Все так и сделалось; муж и жена сели за стол, угостились, и повели друг с другом сердечные разговоры о своей любви. И не налюбуются они друг на друга. Затем она снова сказала:

— Пусть у дверей наших стоит стража, чтобы нам избавиться от праздношатающихся посетителей.

Так они зажили и живут по сегодняшний день.

Как вы их не видели, так да не увидите вы другой напасти, другой болезни, и пусть даст нам бог благополучное освобождение из этого места *.

41. Три сына бедняка

Жили-были бедняк и три его сына. Мать их умерла, и отец женился на другой женщине. Сыновья не ладили с мачехою и надумали:

— Уйдем куда-нибудь, чтобы постоянно не ругаться с ней!

Они договорились со своим отцом и попросили его:

— Прикажи приготовить нам немного дорожной провизии!

Мачеха приготовила кое-что и как попало.

Братья сказали своему отцу:

— На тебя мы ни за что не в обиде, но вот не ладим с твоей женой и решили мы найти себе работу, а тебя мы не забудем, если только кто-нибудь из нас будет в живых.

Распрощались с отцом и выступили в дорогу. Сколько времени они шли да шли — кто знает; и вот попали они на развилку трех дорог. На столбах у каждой были надписи. На правом столбе написано: «Пойдешь и вернешься обратно богатым!». На среднем столбе написано: «Пойдешь и вернешься обратно живым!». А на левом столбе написано: «Пойдешь и найдешь здесь гибель свою!».

Братья предложили старшему брату:

— Выбирай дорогу первый.

Старший брат сказал:

— Если мне предоставлено такое право, то я пойду по правой дороге.

Тогда младший брат говорит среднему:

— Теперь ты выбирай дорогу, по которой хочешь пойти.

— Я средний брат и пойду по средней дороге,— отвечает тот.

— А я в таком случае пойду по левой дороге,— говорит младший брат,— по дороге, которая предсказывает мне гибель. Счастливого вам пути!

Двое старших братьев отправились по избранным ими дорогам; младший брат отстал; у него была дорожная провизия, он присел и сказал:

— Ну, как бы там ни было, а пока я закушу!

Закусил и направился по своей дороге. Дорога пролегала через лес. Шел он, шел, кто знает сколько времени, и в пути застал его вечер. Он остановился, осмотрелся и видит: у подножья дерева спит козуля. Он обрадовался, что бог послал ему легкую добычу; поймал козулю и из мяса ее приготовил себе ужин. Переночевал, а утром приготовил себе завтрак, оставшееся мясо сварил и сложил в хурджины себе на дорогу.

Опять застал его в пути вечер. Чтобы звери не тронули его, он на ночь залез на дерево и основательно на нем устроился.

Ночью под деревом собрались черти и повели между собой разговор, кто из них кого обманул и кому что в руки попалось, а он слышит их с дерева.

Один из чертей рассказал, что он сегодня обманом раздобыл два хурджина денег и спрятал их вон под тем деревом.

Они вели разговор до рассвета, а с рассветом исчезли, разбежались в разные стороны. Молодой человек слез с дерева. Ему хотелось есть, и он поел. Затем он вспомнил о разговоре чертей и сказал:

— Пойду-ка поищу под тем деревом, где спрятаны деньги, и возьму их.

Он нашел то дерево, на которое указывал черт, поискал под ним и действительно нашел в хурджинах золотые деньги.

— Что мне теперь еще нужно? — сказал сам себе молодой человек.— Возвращусь с ними домой!

И он повернул обратно домой. На второй день дошел до развилки дорог и сказал себе:

— Ну, иметь богатство хорошо, но брат дороже. Поищу своих братьев. Если я явлюсь к отцу, он будет спрашивать меня о братьях, а деньгам он не обрадуется.

И он направился по средней дороге. Сколько времени он шел, неизвестно, и вот в пути застал его вечер. На сердце у него было радостно: ведь он нашел богатство, и дорога его оказалась удачной. Он решил сначала закусить тем, что у него было, а затем поспать, подложив под изголовье свои хурджины. Так он и сделал. Провел там ночь, а утром решил идти дальше:

— Пойду по своей дороге,— сказал он себе,— может быть где-нибудь встречусь со своим братом, если только он еще жив.

Так он дошел до берега неизвестного моря. У берега он нашел лодку. На том берегу моря увидел какие-то дома и решил:

— Я должен туда попасть!

Он спрятал хурджины с деньгами на берегу моря, а затем сел в лодку и через некоторое время оказался на том берегу. Вылез на берег и направился к домам. Дошел до них и подает о себе знать:

— Хозяин, дома ли ты?

Вышла к нему женщина; он говорит:

— Прошу прощения, я путник и прошу приютить меня!

— Гость — божий дар, заходи! — ответила женщина, завела его в дом и сказала:

— Ты устал с дороги, отдохни пока!

А сама принялась готовить ему кушанье. Накормила его, а молодой человек думает про себя: «Спрошу-ка ее, как она живет, есть ли у нее муж или нет».

И он обращается к ней:

— Прости меня, добрая женщина! Есть ли у тебя муж или нет, как ты в одиночестве живешь здесь?

Женщина отвечает ему:

— У меня есть муж, но ночью у нас угнали конский табун, и он отправился в погоню и пока не вернулся.

Это был богатый хозяин, который занимался коневодством.

Молодой человек спрашивает ее:

— Не найдется ли у вас еще какого-либо коня? Я тоже поехал бы в погоню; может быть, он один не справится с теми, кто угнал ваш табун?

— Конечно, есть,— сказала она и быстро привела оседланного коня.

— Может быть, у вас есть где-либо и оружие? — спрашивает он ее.

— Конечно, есть, как не быть! — сказала она и быстро вынесла ему меч, ружье и пули к нему.

Тогда молодой человек быстро сел на коня и спросил ее:

— В какую сторону ушла погоня?

— Вот в эту сторону! — успела она указать, и он ускакал. Женщине было очень приятно, что молодой человек поскакал на помощь ее мужу.

Сколько времени он скакал, кто знает, и вот завидел он вдали как бы черную точку. Чем ближе он подъезжал, тем глаз его лучше различал людей и коней. Он понял, что хищники не отдают хозяину его коней и что он не осилит их.

Хозяин коней не давал хищникам свободно двигаться, он их сдерживал, и молодой человек нагнал их, схватился с ними и стал их истреблять.

Хозяин конского табуна удивился:

— Что за диво? Кто мне помогает? Я его не знаю.

Помощь придала ему решимости, он стал сражаться с хищниками. Вдвоем они перебили многих, а остальные бежали, бросив конский табун.

Молодой человек разгорячил своего коня, объехал вокруг табуна и завернул его обратно. Вместе с хозяином табуна они возвратились обратно по дороге. Хозяин привечает молодого человека, старается всячески его приласкать.

Жена заметила их обоих из бойниц верхних этажей башни и увидела, что они отбили похищенный табун коней.

— Муж-то — наш муж, но тот, кто отбил от хищников наш

конский табун, устал и голоден,— сказала она и до их возвращения приготовила для них еду.

Они тем временем прибыли с табуном, коней пустили в степь, а сам хозяин вместе с гостем зашел в кунацкую. Хозяин сказал гостю:

— Оставляю тебя пока сидеть, сейчас вернусь!

Зашел к себе и говорит своей хозяйке:

— Быстро приготовь для нас еду и выпивку!

А та отвечает:

— Я уже приготовила еду, закусите пока что-нибудь!

— Очень хорошо,— сказал он жене,— еду ты сама нам занесешь в кунацкую. А пока мы будем сидеть, зарежь самого упитанного барана и напитков не пожалей!

Вернулся он в кунацкую. Рад своему гостю. Ведут они беседу, а тем временем и баран подоспел, жена вынесла им столик. Они снова сели. Поели вволю, а затем гость велел унести стол.

Хозяин говорит ему:

— Спросил бы тебя о новостях, но ты устал, поэтому прежде всего отдохни!

Он приказал постелить гостю и себе, и до вечера они хорошо поспали, отдохнули. Перед тем как им встать, жена хозяина опять приготовила на финге еду и напитки. Встали они, умылись, и хозяин говорит гостю:

— Ну, теперь пора ужинать. Поужинаем вместе!

Они сели за полный стол. Хозяин всячески угождал своему гостю и сказал ему:

— Ты отбил мой табун и спас меня самого. Если бы не ты, я не смог бы отбить свой табун, а меня самого убили бы.

Молодой человек переночевал там. Утром он собрался уезжать, но хозяин ему говорит:

— Почему ты спешишь? Ведь я еще не узнал ни того, откуда ты, ни того, кто ты. Почему ты заспешил уезжать? Ты должен пробыть тут дня три, а то и пять, раньше этого я не отпущу тебя.

И говорит жене:

— Приготовь нам завтрак, а не заглядывайся на нас!

Пока хозяйка готовила завтрак, хозяин и гость беседовали. Хозяин говорит ему:

— С сегодняшнего дня ты уже не гость у нас, но брат мой. А теперь можно расспросить и о делах.

— Это будет уместно,— отвечает тот.— Мы должны знать дела друг друга.

Хозяин дома спрашивает его:

— Сюда никто еще не забредал по своей воле. Скажи, каким образом ты сюда попал, кто ты и что ищешь?

Гость ему отвечает:

— Нас было три брата, я — младший. У нас была мачеха, и мы с ней не поладили. Отец наш был добрый, с его согласия мы все трое покинули дом в поисках работы и после долгого пути достигли развилки трех дорог. На столбе у одной было написано: «Пойдешь и вернешься богатым!». По этой дороге направился старший брат. На другом столбе было написано: «Пойдешь и вернешься живым!». По этой дороге направился средний брат. Я направился по левой дороге, где было написано: «Пойдешь и назад не вернешься!». Я странствовал долго и хотел уже направиться домой, но когда дошел до развилки дорог, то вспомнил своих братьев и сказал себе: «Нет, не пойду домой, пока не узнаю, что стало с моими братьями!». И я направился по той средней дороге, по которой пошел средний брат. Эта средняя дорога привела меня прямиком к берегу моря. С берега я заметил вот эти высокие дома. Я решил побывать в этих домах. Сел в лодку и переплыл на другой берег моря. Подошел к этим домам. На мой зов вышла ко мне женщина. Я сказал ей: «Я — гость, устал в пути, дайте мне приют у себя». Жена твоя пригласила меня в кунацкую и предложила мне, голодному, поесть чего-нибудь. Я поел, а затем спросил ее: «Есть ли у тебя муж, как ты живешь?» Она ответила: «Муж у меня есть, но сегодня ночью хищники угнали наш табун коней, и он отправился в погоню, чтобы отбить его и вернуть обратно». Тогда я про себя подумал: «Ведь он один не сможет отбить табун, ему нужна помощь, нужно его поддержать». И тогда я обратился к твоей жене: «Достань мне коня и седло, я тоже отправлюсь в погоню». Жена откуда-то привела коня, достала и седло, вынесла меч и ружье, и я выехал на помощь тебе. Вот мои дела.

К тому времени хозяйка дома приготовила и обед: подала им на фынге яства и пития в изобилии. Кто его больше потчевал и привечал, муж или жена, этого нельзя было разобрать, с таким почетом они его принимали.

Так прошло три дня, а затем он им говорит:

— Ну, теперь мне пора вас покинуть, больше мне уже нельзя задерживаться.

Они задерживали его еще, но он не внял больше их просьбам. Тогда хозяин сказал:

— Мы должны тебя отблагодарить. Что ты хочешь получить от нас?

Молодой человек отвечает:

— Я прибыл к тебе не за подарками. Но ты местный житель, скажи мне, что тебе известно о моих братьях?

— Это легко,— отвечает ему хозяин.— Пойди дальше по той дороге, по которой ты шел, дойдешь до табунщика, который пасет алдарских коней. Это и будет твой брат. Но я все-таки должен сделать тебе какой-либо подарок.

И он подарил ему коня с седлом и хорошую одежду. Затем наполнил двухместные хурджины его дорогими тканями и сказал:

— А это возьми для отца с матерью!

Кроме того, он подарил ему для защиты от дождя хорошую бурку и на прощание сказал:

— С сегодняшнего дня мы должны считаться братьями! Если ты живым прибудешь домой, посети меня в один из дней отдыха!

На дорогу он снабдил его провизией, которая была приготовлена его женой, и они распрощались; один из них сказал: «Счастливо вам оставаться!», а другой: «Счастливого пути!».

И он уехал. Подъехал к оставленной лодке и переправился на ней на другой берег моря. Выйдя из лодки, он привязал коня к дереву, откопал свои золотые деньги и привязал их к передней луке седла, а сзади к седлу приторочил хурджины с дорогими тканями. После этого он сел на коня и поехал так, как сказал ему хозяин конских табунов. Еще издали он заметил высокие дома и направился прямиком к ним, решив: «Как бы то ни было, но я их проведаю!»

Он доехал до этих домов, спешился с коня, привязал его к коновязи, накрыл буркой седло. На его зов вышел к нему хозяин и приветствует его:

— Здравствуй, добрый гость! Откуда ты, какие новости?

— Новости у меня есть,— ответил ему молодой человек.

Алдар по его повадке понял, что это такой гость, которого надо пригласить зайти в кунацкую. Он пригласил его, сказав, что разговор лучше вести там, чем снаружи.

Они зашли в кунацкую. Алдар усадил его около себя, а сам дал знать в дом, и к нему явилась его старшая дочь. Он прика-

зал ей приготовить закусить и выпить чего-нибудь и принести в кунацкую.

Пока готовили гостю угощение, алдар опять спросил его, откуда он и какие у него новости. Молодой человек сказал:

— Я ищу своего брата. Он направился по этой дороге, поэтому я ищу его здесь. А теперь прошу тебя, скажи мне правду, у тебя ли он? Не скрой этого от меня!

Алдар спрашивает его:

— А как его зовут, какой он фамилии и как выглядит?

Молодой человек назвал его имя и фамилию. Описал его внешность.

— Действительно, есть у меня такой человек,— сказал алдар,— он пасет моих коней.

И, не дожидаясь ответа молодого человека, послал позвать его брата. Брат его явился, они обрадовались друг другу и крепко обнялись. Алдар убедился, что это действительно братья. А тот должен был отработать у него еще три месяца.

Молодой человек стал просить алдара:

— Чем ему работать у тебя табунщиком еще три месяца, пусть отслуженное им время пойдет тебе на пользу, а он должен ехать со мной.

Алдар опустил руку в карман и сказал:

— Я плачу ему и за три месяца, так как он работал добросовестно.

Молодой человек сказал алдару:

— Денег платить ему не надо, дай лучше какого-нибудь старого коня, чтобы ему не идти пешком.

Алдар согласился и дал ему коня с седлом.

Братья попрощались с алдаром и выехали к себе домой.

Доехали они до развилки трех дорог и вспомнили про своего старшего брата. Младший брат спрашивает среднего:

— Не вернуться ли мне обратно на поиски нашего старшего брата, как ты полагаешь?

А средний брат отвечает:

— Может быть, он уже дома. Поищем его сначала там. А из дому можно будет отправиться опять на его поиски, чтобы зря не странствовать.

Они приехали домой и застали там старшего брата. Братья были рады друг другу, а отец растерялся и не знал, кого из сыновей больше ласкать, так приятно было ему их возвращение. Пока братья радовались встрече, отец не вытерпел и выбежал

наружу; он развязал повязки хурджинов и попробовал поднять их, но не смог. Младший брат вспомнил про хурджины и выбежал наружу, чтобы проведать их. Отец увидел его и бросил возню с хурджинами.

Младший брат занес хурджины в хадзар, вынул из них дорогие ткани и подал их отцу:

— Это тебе и матери нашей,— сказал он,— дорогие ткани на одежду.

Отец принял подарки, а деньги младший сын оставил у себя. Отец не сдержался и спросил его:

— Я не смог поднять твои хурджины, такие они были тяжелые.

— Если тебе хочется узнать, что в них,— говорит ему сын,— подойди, я тебе покажу.

Другие два брата были тут же; он подвел отца к хурджинам, расстелил на полу ковры и из двухместных хурджинов высыпал на них золотые деньги.

— Это были деньги,— сказал он отцу,— потому ты не смог их поднять.

Затем он велел занести и хурджины с кумачом и сказал отцу, матери и своим братьям:

— А это я раздобыл во время балца; не обижайтесь, что не раздобыл больше. Пусть два моих брата возьмут то, что им надо, а из остального пусть отец и мать справят себе столько одежды, насколько им хватит этого материала.

На большие деньги братья быстро построили себе дома. Все они, отец, мачеха и братья, оделись с ног до головы как нельзя лучше. С того времени мачеха стала им не мачеха, а как родная мать. Мать, отец и три брата остались жить да поживать; они живут в согласии и до сегодняшнего дня.

42. О насильнике, искателе супротивника

Жили-были муж и жена. Однажды муж ушел на кувд. Он пировал до вечера, а вернувшись домой, застал у своих ворот чужого быка. Он поднял быка на кончике своей палки и швырнул его через крышу дома.

Зашел в дом и похвастался жене:

— У наших ворот стоял чей-то бык, я поднял его на кончике палки и швырнул через крышу дома. Приготовь мне к утру на дорогу провизию, я отправлюсь в балц.

— Сиди спокойно, муж,— говорит ему жена.— Найдется кто-нибудь на свете и сильнее сильного.

Но тот сказал:

— Я отправлюсь непременно. Приготовь мне к утру провизию на дорогу.

Жена приготовила ему провизию на дорогу. И утром он отправился искать силача сильнее себя. Шел он, шел и дошел до сенокоса, видит: неизвестный человек проводит оросительные канавы. Он прыгнул через канаву и упал в нее, вода стала его уносить. Это увидел тот, кто проводил канавы. Он подошел к упавшему и вытащил его из канавы. Это оказался его каис, брат его жены.

— Куда ты направляешься? — спросил он.

— Я выехал из дому искать силача сильнее себя! — ответил тот.

— Возвращайся обратно, сиди дома,— сказал ему каис.— На свете много есть сильнее сильного!

Но он не внял совету своего каиса. Тогда каис сказал ему:

— В таком случае иди по берегу и встретишься с ним!

Он пошел дальше. Шел он, шел и увидел рыбака: тот удил рыбу. На крючок у него как наживка была насажена целая туша коровы. Он дошел до рыбака и поздоровался. Тот тоже сказал:

— Здравствуй, горная пташка! Куда летишь?

— Иду искать силача сильнее себя.

— В таком случае иди по берегу и встретишься с ним,— говорит ему рыбак.

Идет он дальше. Дошел до другого рыбака. А у того на удочку насажена как наживка целая бычья туша. Подошел он и к этому рыбаку, поздоровался. Рыбак ответил ему:

— Здравствуй, горная пташка! Куда летишь?

— Ищу силача сильнее меня!

— Иди дальше по берегу и встретишься с ним! — сказал ему рыбак.

Он пошел дальше. Шел, шел, видит другого рыбака. На удочку у него насажена как наживка целая буйволова туша.

Искатель супротивника подошел к нему и поздоровался. Рыбак ему отвечает:

— Здравствуй, горная пташка! Куда спешишь?

— Ищу силача сильнее меня!

Рыбак посмотрел на него и говорит:

— Подержи-ка мою удочку, я отлучусь по нужде.

Тот взял удочку.

Рыбак смотрит: вода натянула удочку и стала уносить ее вместе с искателем супротивника. Рыбак испугался за свою удочку, подскочил и поймал их обоих. Поднял человека и накрыл его своей шапкой.

Эти рыбаки были уаиги-братья. К обеду мать на трех ослах доставила каждому из них обед. Когда она, раздав обеды, возвращалась обратно, старший ее сын, тот, который свою удочку наживлял буйволовой тушей, сказал ей:

— Вон под моей шапкой горная пташка, возьми ее и вечером до моего возвращения приготовь из него шашлык!

Мать подошла, подняла искателя супротивника за шиворот, бросила его в корзину и унесла. Дома она его накормила и заперла в кладовке.

Вечером вернулись три великана домой; старший спрашивает мать:

— Изжарила ли ты для меня мою горную пташку?

Мать ответила:

— Забыла я; но завтра вечером к твоему приходу я изжарю ее.

Утром великаны ушли на рыбную ловлю, а мать их выпустила искателя супротивника, накормила его как следует и сказала ему:

— Теперь убегай домой да побыстрей, чтобы сын мой не смог догнать тебя! Он прыгает от бугра до бугра, так что беги быстро!

Искатель супротивника убежал. Вечером вернулись великаны, и старший брат спрашивает мать:

— Изжарила ли ты мне эту горную пташку? Куда она делась?

Мать сказала:

— Опять я забыла!

Тогда сын говорит:

— Где она? Дай-ка я сам ее изжарю.

Мать зашла в кладовку, сделала вид, будто ищет. Но где она могла найти его! Вернулась обратно и сказала сыну:

— Там нет никого, наверное, сбежала пташка.

На ночь великаны легли спать, а утром старший сын стал преследовать насильника — искателя супротивника. Он прыгал одним прыжком с бугра на бугор и наконец заприметил вдали беглеца.

Тот увидел, что великан преследует и настигает его. Вдали он приметил человека, который вез одной рукой двенадцать арб, связанных вместе и полных соли. Он прямиком побежал к нему.

Это был кривой великан. Искатель супротивника обращается к нему:

— Я прошу твоего покровительства! Меня нагоняет мой преследователь, спаси меня!

Кривой великан посмотрел на него и бросил его в арбу.

Уаиг подбежал и спрашивает великана:

— Куда ты увозишь мою горную пташку?

— Она отдалась под мое покровительство,— ответил тот.— Не трогай ее!

— Она моя, ты должен мне ее отдать!

Они сцепились, кривой великан быстро одолел уаига и говорит искателю супротивника:

— Слезай и вырви сзади у меня одну щетинку, чтобы я мог связать его!

Искатель супротивника слез с арбы; тянул он, тянул, но не мог вырвать щетинку. Тогда кривой великан сам протянул руку, оторвал одну щетинку между ног своих и связал ею уаига. Тот стал умолять его:

— Отпусти меня! Я ее больше не трону!

Кривой великан пожалел его и освободил.

— Иди по своим следам обратно,— сказал он,— и никогда не вздумай отнимать у меня гостя, который отдался под мое покровительство!

Уаиг удалился. Когда кривой великан убедился, что его гостю уже не угрожает опасность, он сказал ему:

— Слезай с арбы и уходи домой!

Искатель супротивника поблагодарил кривого великана и направился по своей дороге. Отошел он на некоторое расстояние и вдруг подумал: «Почему такой сильный великан оказался кривым? Почему я не спросил его об этом?».

Он повернул обратно и нагнал кривого уаига. Тот увидел, что искатель супротивника вернулся, и спросил его:

— Зачем ты вернулся?

— Я не решаюсь спросить тебя, но все-таки, прошу, скажи мне, почему при такой силе ты кривой?

Кривой уаиг ответил ему:

— Бог да не простит тебе, ты заставил меня вспомнить свои страдания! Однажды мы, двенадцать охотников, верхом выехали на охоту со своими собаками. Вечером пошел снег, и мы попали в одну пещеру. Мы заночевали там вместе со своими собаками. Но это была не пещера, а человеческий череп, и когда мы заснули, алдарская сука схватила череп и отнесла его во двор алдара. Мы очень утомились, ослабели и еще не проснулись, как алдар вышел во двор. Он увидел во дворе череп и сказал: «Да останешься ты наследницей своего хозяина! Чего только эта собака ни притащит во двор!».

Он сунул свою палку в глазницу и швырнул череп. Бог знает, сколько мы пролетели, а затем упали и все разбились: и люди, и кони. У кого была сломана нога, у кого рука, а кто потерял глаз. На каждого сильного найдется кто-нибудь еще сильней,— сказал кривой уаиг искателю супротивника.— Так что иди и сиди дома спокойно, не выглядывай даже из дверей своих.

Искатель супротивника пришел домой и стал жить там с семьей спокойно. И сегодня он спокойно живет дома.

43. Единственный сын бедных родителей

Жили муж и жена, бедняки. Был у них только один сын. Он подрос так, что мог уже играть с детьми в мяч. Однажды во время игры мяч укатился и упал в какую-то дыру. Сын бедных родителей полез за ним; лез он, лез и неожиданно оказался перед домом; у стены дома был привязан конь бурой масти.

Конь его спросил:

— Зачем ты сюда явился?

— Мяч укатился сюда,— ответил тот.— Я и полез по его следам.

Мальчик понравился коню, и он ему сказал:

— Вечером вернется уаиг и съест тебя. Но я спрячу тебя в своей ноздре и вечером не покажу уаигу до тех пор, пока он не даст мне слова, что ничего с тобой не сделает.

Так он и сделал. Вечером вернулся уаиг и говорит:

— Оф, оф, оф! Что за аллон-биллонским духом пахнет?

— Каким это еще аллон-биллонским духом? — ответил конь.— Шататься ты сам шатаешься по нехоженым дорогам, бродить ты сам бродишь, по крутизнам ты сам лазишь, а аллон-биллонский дух будет исходить от меня что ли?

Но уаиг не отставал от него, и тогда конь ему сказал:

— Дай мне слово, что ты ему ничего не сделаешь, и я его покажу тебе.

Уаиг дал ему слово, что ничего ему не сделает. Конь выбросил из ноздри мальчика. Мальчик понравился и уаигу; он завел его в свой дом и накормил его.

Стали они жить вместе. Уаиг охотился и кормил мальчика мозгом оленьей бедренной кости. Он проникся к мальчику доверием, вручил ему ключи от семи своих палат, в которых были сложены его богатства, и наказал ему:

— Когда тебе станет скучно, открой их, осмотри богатства, которые в них хранятся, и тебе станет радостно. Но только ни к чему не прикасайся!

Однажды уаиг ушел опять на охоту, а мальчик взял ключи и открыл двери семи палат одну за другой. Когда он зашел в шестую палату, там оказалось серебряное озеро. Он окунул палец в это озеро, и серебро застыло на его пальце. Он открыл и седьмую дверь, а там оказалось золотое озеро. Он не смог сдержаться, окунул свой палец и в это озеро; золото тоже застыло на его пальце, так что уже нельзя было его снять.

Мальчик показал свои пальцы коню, и конь ему сказал:

— Нехорошо ты поступил! Вечером вернется уаиг и съест тебя. Возьми и завяжи палец. Вечером, когда уаиг вернется, ты ему скажешь: «Баба, твоим большим ножом я порезал себе палец». Он скажет: «А ну-ка, я посмотрю его», но ты ответишь: «Нельзя снять повязку, мне больно!».

Мальчик поступил так, как его учил конь. Вечером уаиг вернулся, а мальчик подбежал к нему и сказал:

— Баба, твоим большим ножом я порезал себе палец!

— А ну-ка, солнышко мое, я посмотрю его! — сказал уаиг.

Но мальчик не дал снять повязку, сказав, что ему будет больно.

Уаиг не стал развязывать повязку, а утром отправился опять на охоту.

Конь сильно любил мальчика. Он сказал ему:

— Уаиг непременно узнает, что ты окунул палец в сереб-

ряное и золотое озера. Лучше будет, если мы убежим отсюда. Но прежде ты сделай вот что: все деревянные вещи (ложки, чашки и пр.), какие только найдешь в доме, собери в одно место, не оставляй ни одной и сожги их до единой. Эти вещи составляют его отряд для погони, и если останется хоть одна из них, то она криком поднимет тревогу, уаиг погонится за нами, нагонит нас и погубит.

Мальчик сделал так, как научил его конь: все деревянные вещи он снес в хадзар и сжег их.

— Все ли ты сжег? — спрашивает его конь.

Мальчик отвечает:

— Нигде ничего я не оставил, все сжег.

Тогда конь ему говорит:

— Нагрузи на меня все драгоценности, какие только есть в доме, и бежим!

Мальчик нагрузил на коня все драгоценности, какие только были в доме уаига, и они пустились в бегство. Убегают они дальше и дальше, а в это время в доме уаига произошло вот что: осталась там где-то сломанная ложка. Она вскочила на крышу дома и подняла крик:

— Тревога, уаиг! Сын бедняка и конь твой уносят твое добро!

Дошел этот крик до ушей уаига, и он пустился в погоню. А беглецы уже переправились через реку, и конь говорит мальчику:

— Теперь не бойся, он не сможет переправиться через эту реку. Я немножко сосну, а ты пока посиди. Может быть, уаиг окажется на том берегу реки и будет показываться перед тобой в разных обликах. Он примет то облик матери твоей, то отца твоего и будет просить тебя, чтобы ты оторвал из моего хвоста одну щетинку и бросил ее в реку. Как только ты это сделаешь, то щетинка превратится в мост, он перейдет по этому мосту и погубит нас.

Конь заснул. Мальчик сидит и видит, что уаиг уже на том берегу реки. Стоит он на берегу, принимает то облик отца мальчика, то облик его матери и просит его:

— Вырви из хвоста коня, что около тебя, одну щетинку и брось ее в реку!

Мальчик не устоял, вырвал щетинку из конского хвоста и бросил ее в реку. Щетинка превратилась в мост, уаиг бросился по нему, но тут конь проснулся, вскочил на ноги, подлетел к

мосту и ударил его копытами задних ног своих. Мост упал в воду, и река унесла уаига.

Конь и мальчик тронулись в дальнейший путь. Ехали они, ехали и к вечеру прибыли в село мальчика. Мальчик спросил, где живут его отец и мать; ему указали их дом. Когда мальчик пропал, алдар сделал их свинопасами. Они целый день пасли свиней, а вечером возвращались домой.

Мальчик зашел в дом, увидел в доме алдарских свиней, взял железку от плуга и стал избивать их; так он загнал их в алдарский двор, а сам вернулся к отцу и матери. Когда он назвал себя, то мать от радости не находила себе места. А затем стали они с отцом плакать:

— Завтра утром алдар увидит своих свиней, и он тебя предаст смерти!

— Не бойтесь,— сказал мальчик,— предоставьте это мне.

Он взял лопату и вычистил дом.

Утром алдар увидел своих свиней в собственном дворе с перебитыми ногами, с разбитыми головами, окровавленных, покачал головой и сказал сам себе:

— Тут что-то кроется!

И приказал одному из своих слуг:

— Узнай-ка тайком, что случилось, в чем дело?

Тот разузнал, что сын бедных родителей заявился домой, и доложил об этом алдару. Алдара охватил страх.

У бедных мужа и жены не было дров, а в лесу там сидели драконы и никому не давали подходить и близко. Мальчик попросил у соседей быков и направился в лес.

Вышли из леса ему навстречу два дракона. Мальчик распряг своих быков, отпустил их в село, а вместо быков запряг в арбу двух драконов. Когда быки вернулись в село, то алдар обрадовался:

— Ну, теперь драконы съели сына бедных отца и матери, а быки мои спаслись!

Мальчик наполнил арбу цельными деревьями и вечером вернулся в село. Когда жители села увидели, что он едет на драконах по улицам, они стали разбегаться из села. Он направил драконов на угол алдарского дома так, чтобы задеть его колесом. Колесо задело угол дома, и дом развалился; дрова же он подвез к воротам, распряг драконов и сказал им:

— Если только будете мешать людям, которые станут приезжать в лес за дровами, я вас перебью.

Драконы дали слово, что никому больше не будут мешать, и он их отпустил.

Алдар понял, что сын бедных родителей отнимет его алдарство, и он призвал его к себе и сказал:

— Из трех моих дочерей я отдаю тебе в жены ту, которую пожелаешь. С сегодняшнего дня ты должен алдарствовать.

Молодой человек женился на старшей дочери алдара и стал алдарствовать. Они и сегодня еще живут и поживают.

44. Табунщик Кой, сын алдара

В селе был алдар. Когда он состарился, то призвал к себе своего сына Коя и дал ему наказ:

— Я состарился и скоро умру. Наказываю тебе сохранить имущество, которое тебе достанется.

Алдар умер, а Кой принялся тратить доставшееся ему состояние. Прибавить к нему он ничего не прибавил, а все растратил. Когда в доме уже ничего не осталось, кроме отцовского коня и его военных доспехов, Кой пошел в табунщики села.

В селе появился другой алдар. У него были сын и дочь. Сын алдара засватал сестру семи уаигов.

В день свадьбы собрались киндзхоны. Дочь алдара увидела, что среди них нет Коя, табунщика села, и отказалась участвовать в свадьбе. А девушка была вещая. Зашли к ней и спрашивают, почему она отказывается принять участие в свадьбе:

— Я не могу быть на свадьбе,— ответила она,— если там не будет нашего табунщика Коя.

Алдару ее слова показались обидными.

— Неужели на свадьбу единственного своего сына я должен собирать табунщиков? — сказал он.

Дочь все-таки настаивала:

— Я и шага не сделаю, если не будет приглашен Кой!

После долгого разговора алдар согласился пригласить Коя. Послали за ним сказать, что алдар приглашает его на свадьбу сына в качестве киндзхона.

— Я табунщик,— ответил Кой,— у меня нет времени.

Передали его ответ дочери алдара:

— У него нет времени. Он не может бросить табун.

— Если он не хочет быть киндзхоном,— сказала дочь алдара,— то и я не хочу участвовать в свадьбе и не поеду за невестой!

Тогда алдар сам пошел пригласить Коя. Он пришел к нему и сказал:

— Готовься, ты обязательно должен быть киндзхоном!

Кой согласился и сказал:

— Ладно, буду киндзхоном на свадьбе.

Киндзхоны уже отправились, а Кой все еще пасет свою скотину. Когда и на третье утро он выгнал свою скотину пастись, алдар опять пришел к нему:

— Почему ты не сдержал своего слова? Сейчас же гони свою скотину домой и отправляйся догонять киндзхонов!

Кой вернулся домой вместе с алдаром и говорит ему:

— Оседлай моего коня, а я тем временем переоденусь!

Алдар зашел в дом и попытался поднять седло, но не мог этого сделать; он вышел обратно и сказал молодому табунщику:

— Мне некогда, я иду домой, а ты сам оседлай своего коня и догоняй своих товарищей!

Молодой табунщик переоделся, оседлал коня и выехал. За околицей села он ударил плетью своего коня, разгорячил его, и тот понесся, полетел. В степи он заприметил какой-то силуэт, направил туда своего коня, подъехал и видит: дракон окружил киндзхонов алдара, засунув хвост свой в пасть, и не выпускает их.

Увидев это, Кой выхватил саблю и изрубил дракона на мелкие куски. Киндзхоны были рады, что он спас их от дракона.

Поехали они по своей дороге свободно. Ехали долго и в сумерки услышали вдруг крики: кто-то бился в стороне от дороги. Кой остановил своего коня, предложил киндзхонам ехать своей дорогой дальше, а сам остался, чтобы узнать, чьи это крики, кто там с кем бьется.

Он повернул своего коня в сторону от дороги и направился туда, откуда раздавались крики. Он приблизился к месту и услышал крик мужчины:

— О, если бы тут оказался мой незнакомый ардхорд Кой, мы бы расправились с тобой!

Когда Кой подъехал к месту, он застал незнакомого своего ардхорда убитым. Убийца стоял у его тела. Кой нанес ему удар саблей. Убийца превратился в комок крови и укатился в степ-

ные пространства. Некоторое время Кой преследовал его, но не догнал. Он вернулся к убитому, похоронил его; коня его привязал к его могиле, а затем выехал вслед за своими товарищами и нагнал их в доме семи уаигов.

Когда Кой въехал во двор, навстречу ему вышли все семь уаигов и провели его в особую комнату; они были ему очень рады.

Спустя довольно много времени явился некий Черный Всадник. Его завели в ту же комнату, в которой находился Кой. Черный Всадник сватал сестру семи великанов за своего младшего брата.

Оказавшись в одной комнате, Кой и Черный Всадник вступили в препирательства. Черный Всадник сказал:

— Вы не увезете отсюда девушку!

А Кой сказал:

— Ну нет, мы увезем свою невесту!

Препирательства их перешли в ссору, и Кой сказал:

— В таком случае, сведем наших коней друг с другом, и чей конь будет убит, тому отсечем голову.

Черный Всадник согласился. Они вышли во двор и напустили своих коней друг на друга. Конь Коя очень быстро вырвал печень у коня Черного Всадника, и Кой отрубил голову Черного Всадника.

Тут заявился брат Черного Всадника Белый Всадник. Он спешился перед воротами семи уаигов. Уаиги завели его в ту комнату, где сидел Кой. Белый Всадник тоже завел с ним ссору. Кой и ему предложил:

— Оставим угрозы, лучше подпустим своих коней друг к другу. Если твой конь осилит моего, то ты отрубишь мою голову, если же мой конь осилит твоего, то я отрублю твою голову.

Белый Всадник согласился, и они свели своих коней. Конь Коя быстро вырвал печень у коня Белого Всадника, и Кой отрубил у Белого Всадника голову.

После этого явился младший из братьев Красный Всадник. Он заехал во двор семи уаигов и спешился. Его семь уаигов завели в ту комнату, где сидел Кой.

Он тоже затеял перебранку, и Кой сказал ему:

— Если будешь ругаться, то я отправлю тебя по дороге твоих братьев. Вон стоят наши кони, подпустим их друг к другу, и чей конь осилит, тот срежет голову другого.

Красный всадник тоже согласился с этим условием. Они подпустили коней своих друг к другу, и конь Коя быстро вырвал печень у коня Красного Всадника. Кой срезал голову у Красного Всадника.

Когда семь уаигов и киндзхоны увидели это, то все высыпали во двор и стали восторженно носить его на руках. Уаиги сказали:

— Если бы сегодня не было с нами Коя, то и нас и киндзхонов ожидала гибель.

И тогда все убедились, что алдарская дочь вещая и что не зря она требовала приглашения Коя.

После этого киндзхоны принялись за яства и питье и сидели за столом целую неделю; затем они захватили с собой невесту и направились к себе.

Когда Кой достиг места, где был убит его ардхорд, он сказал киндзхонам с невестой:

— Ну, теперь счастливого вам пути, я отправлюсь на поиски раненного мной зверя.

И он направился по тому пути, по которому покатился комок крови.

Ехал он, ехал и попал в какое-то ущелье. Видит: одна сторона ущелья покрыта травой по пояс, а другая сторона как будто побрита бритвой. Он доехал до одного табунщика и спрашивает его:

— Почему ты пасешь скотину на этой стороне, моришь ее голодом? Почему не пасешь скотину там, где трава?

Табунщик ответил ему:

— Это — земля вепря, там мне нельзя пасти скотину.

— Чей же ты в таком случае табунщик? — спросил Кой.

— Я — алдарский табунщик,— ответил тот.

Кой вырвал у своего коня одну щетинку, отпустил его на волю и пришел в село. Он пошел по улицам, крича так, чтобы его слышно было:

— Кому нужен батрак?

Дочь алдара услышала этот крик, зашла к отцу и сказала ему:

— Вон какой-то молодой человек предлагает себя в батраки.

Алдар велел его позвать. Привели его к алдару и спросили его, чего он ищет.

— Я ищу работу батрака,— ответил он.

— Нам батрак нужен,— сказал алдар,— но какова будет плата, сколько ты требуешь?

Кой подумал немножко и ответил:

— Плату я требую такую: каждое утро и каждый вечер давать мне по три раза выпить араки и по три раза станцевать с тремя твоими дочерьми.

Алдару плата показалась дешевой, и он взял его в батраки.

Утром Кой выпил три раза араки, станцевал с тремя дочерьми алдара и погнал скотину пастись. Он погнал ее на ту сторону реки, на землю вепря. Попас ее там, и вдруг явился вепрь с злобным фырканьем и криком:

— Какая собака, какой осел посмел пригнать скотину пастись на моей земле? Ведь птицы не смеют даже пролетать над моей головой, а муравьи проползать подо мной!

Кой даже не сдвинулся со своего места. Вепрь подошел к нему и спрашивает:

— Почему ты пригнал скотину на мою землю?

— Я новый батрак алдара,— сказал Кой,— и не знал, чья это земля.

— В таком случае прощаю тебе, как гостю,— сказал вепрь,— но больше не пригоняй скотину сюда!

Вепрь вернулся к себе, а Кой пригнал во двор алдара свою скотину, которая еле-еле двигалась от сытости. Алдар вышел во двор, увидел свою скотину сытой и удивился, но ни о чем не посмел спросить Коя. А Кой зашел в дом, выпил три бокала араки и три раза станцевал с тремя дочерьми алдара.

На следующее утро было тоже так: выпил он три раза араки, три раза станцевал с тремя дочерьми алдара и погнал скотину алдара пастись.

Алдар послал за ним другого батрака:

— Пойди-ка узнай, где он пасет скотину?

Тот пошел за Коем и увидел, что он пасет скотину на земле вепря. Батрак спрятался за камнем, чтобы узнать, что дальше будет. Вот является вепрь и кричит:

— Кто посмел пригнать на мою землю скотину, когда птицы боятся даже пролетать над моей головой, а муравьи проползать подо мной?

И сцепились они с Коем в борьбе. Боролись до вечера. Никто из них не одолел другого, и от изнеможения они повалились в разные стороны.

Вепрь проговорил:

— О, если бы я теперь же смог выпить из источника, что бьет из-под камня, то я переломил бы тебя на две части!

— А если бы младшая дочь алдара собственной рукой дала мне испить араки раз,— проговорил Кой,— то я изрубил бы тебя тут же на мелкие куски!

Батрак, которого алдар послал вслед за Коем, услыхал эти слова, вернулся в дом алдара и рассказал ему все, что он видел и слышал.

Кой пригнал свою скотину во двор алдара, выпил своей араки три раза, станцевал три раза с тремя дочерьми алдара и лег спать. Утром он встал и опять, как обычно, выпил три раза араки, станцевал с тремя дочерьми алдара и погнал снова скотину алдара пастись.

Алдар же вслед за ним послал свою младшую дочь и батрака. Дочери он дал араку и велел поднести ее Кою, как только он произнесет: «О, если бы младшая дочь алдара дала мне собственной рукой выпить араки!»

Кой снова погнал свою скотину на землю вепря. Тем временем дочь алдара и его батрак подкрались к Кою близко и притаились за камнем.

Через некоторое время разъяренный вепрь опять явился:

— Что это такое, чья собака, чей осел не дает мне житья?

Они опять схватились и боролись до вечера, и вепрь опять проговорил:

— О, если бы испить воды вот из того источника, что бьет из-под камня, я бы разрубил тебя на две части!

А Кой на это отвечает:

— О, если бы дочь алдара собственной рукой дала мне выпить араки, я бы тотчас изрубил тебя на мелкие куски!

Когда дочь алдара услыхала эти слова, она вскочила, подлетела к Кою и дала ему, как он того хотел, собственной рукой выпить араки. Кой расхрабрился, вскочил, снова вступил с вепрем в схватку и изрубил его своей саблей на мелкие куски.

Когда дочь алдара и батрак увидели это, они в восторге стали обнимать его, затем погнали свою скотину домой и загнали ее во двор алдара. Дочь рассказала своему отцу, как было дело и как Кой изрубил вепря.

Когда алдар понял, какой силой обладает Кой, то взял его страх. Долго он думал и решил:

— Он все равно отнимет у меня алдарство; лучше я ему уступлю его добром.

Призвал он к себе Коя и сказал ему:

— С сегодняшнего дня я уступаю тебе свое алдарство, выдаю за тебя ту из своих дочерей, которая тебе по душе; живи тут и алдарствуй!

Кой ответил ему:

— Я сюда пришел не алдарствовать и не для того, чтобы жениться на одной из твоих дочерей. Вот тебе земля и с сегодняшнего дня безопасно паси свою скотину, а я отправлюсь дальше своей дорогой.

Он попрощался с алдаром и направился дальше своей дорогой. Выйдя за село, он вытащил из газыря конскую щетинку, которую держал там, поджег ее, и тотчас конь его предстал перед ним. Он сел на своего коня и направился в глубь ущелья. Бог знает, сколько времени он ехал, и доехал до того места, откуда исходило такое зловоние, что дальше в глубь ущелья ехать было невозможно. Это зловоние, от которого ни сам он, ни конь его не могли дышать, исходило от семиглавого уаига, что сидел в пещере под Черной скалой. Из-за этого зловония никто не рисковал к нему подступиться.

Кой стал озираться вокруг и видит: стоит конь в седле и в узде. Он приблизился к коню, и тот спрашивает его:

— Куда ты собрался ехать?

Кой ответил ему:

— Следы подбитого мной зверя ведут сюда, и я еду по ним.

Тогда конь ему сказал:

— Он сидит в большой пещере Черной скалы, но конь твой не сможет подъехать к нему, поэтому слезай с него и садись на меня, подтяни мои подпруги, нанеси мне плетью своей такие удары, чтобы от бедер моих отскочили куски кожи, а на ладонях твоих вскочили волдыри, и, когда я достигну Черной скалы, постарайся поскорее соскочить с меня!

Кой так и сделал. Он сел на коня, нанес ему удары, и в одно мгновение они очутились под Черной скалой. Кой соскочил с коня, и тот вернулся на свое место.

Кой зашел в большую пещеру Черной скалы, там сидел большой семиглавый уаиг.

— Добрый день, вонючий осел,— обращается к нему Кой.

— Здравствуй, горная пташка! — отвечает ему уаиг.

Они схватились и стали бороться. У уаига посреди хадзара, в котором они боролись, был погреб, прикрытый большой каменной плитой. Когда уаиг понял, что не сможет осилить Коя,

он стал подталкивать его к этому погребу, ногой тихонько отодвинул плиту в сторону, и Кой слетел в яму, а уаиг накрыл его каменной плитой.

Жена неведомого ардхорда Коя была вещая, и она узнала, что ардхорд ее мужа находится в погребе великана. Она дала знать об этом своему мужу, и тот выехал вырвать Коя из рук уаига. Он быстро доехал туда, где стоял конь, принадлежавший неведомому другу Коя. Ардхорд Коя сел на этого коня, стегнул его, и они очутились перед большой пещерой Черной скалы. Ардхорд соскочил с коня и отпустил его, конь быстро вернулся обратно на свое место.

Ардхорд зашел в пещеру и увидел в ней семиглавого уаига.

— Добрый день, вонючий осел! — обратился ардхорд к нему.

Тот ответил:

— Здравствуй, горная пташка!

Они вступили в схватку; боролись, боролись, и семиглавый уаиг стал его тоже медленно подталкивать к погребу. Когда он отодвинул в сторону каменную плиту от погреба, Кой быстро выскочил оттуда. Они вдвоем напали на семиглавого уаига и изрубили его на куски. Успокоившись, они расспросили друг друга обо всем и познакомились друг с другом. Потом они вышли из пещеры и пришли к своим коням, сели на них и вместе поехали обратно.

Они проехали некоторое время, затем Кою надо было свернуть направо, а его ардхорду — налево. Кой сказал своему ардхорду:

— Ну, прощай! Я долго не был дома и еду домой, а тебе счастливого пути!

Ардхорд стал упрашивать его:

— Поедем ко мне, познакомься с моей семьей!

А жена ардхорда знала, что Кой будет отказываться заехать к ним; она подслушивала их некоторое время, а затем превратилась в чернобурую лису и выскочила перед ними на дорогу. Кой, не дожидаясь своего товарища, стал стрелять по ней и преследовать ее. Бог знает, сколько времени он ее преследовал; она скрылась в степи под склепом. Пока Кой догонял ее, она превратилась опять в женщину. Кой доехал до склепа, а оттуда выглянула красивая женщина и приветствовала его:

— Здравствуй, гость!

Кой остолбенел и сказал:

— Здравствуй! Но скажи, куда девалась чернобурая лиса?

Она удивленно сказала:

— Какая лисица? Здесь живем мы, и никакой лисы тут не было. Лучше зайди, гость, к нам, у нас ты найдешь приют!

Кой зашел под склеп. Там был дом, на потолке его сияли месяц и солнце, а на стенах звезды.

Она угостила его очень хорошо, дала ему возможность отдохнуть, а затем предложила:

— Давай, поиграем!

— Давай,— согласился Кой.

Женщина сказала ему:

— Я уйду и спрячусь, и если ты меня найдешь, то я исполню любое твое желание, а если не найдешь меня, то я тебя зарежу.

Кой сказал:

— Спрячься!

Она отправилась прямиком на небо к золотых дел мастерам, которым она заказала себе серьги. Но Кой напал на ее след и пошел за ней. Как только она спросила золотых дел мастеров: «Готовы ли мои серьги?» — он тотчас вошел в комнату и спрятался за дверью.

Золотых дел мастера отвечают:

— Одна серьга готова, а другая еще нет. Нравится ли тебе она? — показывают они ей серьгу.

Она посмотрела ее и положила, а Кой схватил серьгу, убежал оттуда, вернулся и сидит себе печально в доме женщины.

Тем временем явилась женщина и спрашивает его:

— Нашел ли ты меня или нет?

— Где же я мог тебя найти,— отвечает Кой,— когда тебя на этой земле не было?!

— Тогда я тебя должна зарезать,— обрадовалась женщина.

— Режь! — сказал ей Кой.

Но женщина сказала ему:

— На этот раз я тебе прощаю. Я спрячусь еще раз, и если ты меня опять не найдешь, тогда я тебя зарежу.

Она ушла и спустилась в преисподнюю к далимонам, которым заказала для себя башмаки. В тот момент, когда она разговаривала с далимонами о том, что один башмак ее готов, а другой пока нет, Кой был уже тут как тут. Он схватил готовый башмак, вернулся в дом женщины и опять сидит печально.

Явилась женщина и опять спрашивает его:

— Нашел ли ты меня или нет?

Кой ответил тихо, еле внятно:

— Где же я мог найти тебя, когда тебя на этой земле нигде не было?!

Женщина обрадовалась и сказала:

— В таком случае я должна тебя зарезать!

— Как тебе угодно, зарежь!

— Ладно, и на этот раз прощаю тебе,— сказала женщина.— Спрячусь в третий раз, и если ты меня опять не найдешь, вот тогда-то я тебя обязательно зарежу.

Она ушла и спряталась в ту пещеру, где ее муж и Кой убили семиглавого уаига. В тот момент, когда она развлекалась со своим мужем, Кой подкрался к ним и украл у них тот ножичек, которым она собиралась его зарезать. Вернулся обратно в дом женщины и опять сидит печально.

Женщина вернулась и спрашивает его:

— Нашел ли ты меня или нет?

— Нет! — ответил ей Кой.— Как я мог найти тебя, когда тебя на этой земле не было?!

Женщина улыбнулась и сказала:

— Ну, в таком случае нельзя уже тебя не зарезать!

Кой тоже не мог не сдержать своего слова. Женщина вынесла стол и говорит ему:

— Ложись на стол, я тебя зарежу!

Кой растянулся на столе. Женщина ищет свой ножичек и не может найти. Кой говорит ей:

— Ну, скорее, долго ли ты меня будешь мучить?

— Я не могу найти свой ножичек,— отвечает женщина.

Кой говорит:

— Вот тебе мой ножичек, зарежь меня им!

И он подал ей тот ножичек, который стащил, когда она развлекалась со своим мужем в пещере Черной скалы.

Женщина была поражена, она заставила Коя встать со стола и спрашивает его:

— Как этот ножичек попал к тебе?

— Когда ты развлекалась с моим неведомым ардхордом, я вытащил его из твоего кармана,— отвечает Кой.

Затем он достал ее серьгу, показал ей и говорит:

— А это не та ли серьга, которую ты заказала у небесных Курдалагоновых? *

Женщина призналась, что это та серьга.

А он достал башмак и опять ей сказал:

— А это не тот ли башмак, который ты заказала у Далимоновых * преисподней?

И женщина опять призналась, что это тот башмак и что она проиграла пари. В этот момент вошел в двери неведомый ардхорд Коя, муж этой женщины. Он несказанно обрадовался, но прикинулся, будто ничего не знает.

— Я приглашал к себе своего ардхорда, но он отказался. Что же он тут делает?

Так они радовались друг другу, пили, ели. Затем ардхорд сказал Кою:

— Пойдем, я покажу тебе свои табуны!

Он повел его в степь и разделил все, что у него было: табуны крупного и мелкого рогатого скота, косяки коней — на две части, и половину подарил своему ардхорду Кою. Вдвоем с Коем они погнали табуны скота и косяки коней, и когда они достигли владений алдара, у которого Кой был табунщиком, той земли, на которой он убил вепря, то из мельницы на окраине села они услышали неистовый женский крик:

Кой не утерпел, подлетел к мельнице и видит: черт посадил на крутящееся мельничное колесо женщину, он остановил колесо и ссадил женщину. Она оказалась младшей дочерью алдара, той, которая собственной рукой дала ему выпить араки, когда он боролся в вепрем в смертельной схватке.

Кой и его ардхорд захватили девушку с собой и приехали в дом алдара, который был необычайно рад им, и сказал ему:

— Нам необходимо следовать дальше; поэтому снаряди, как подобает, нашу невесту.

Кой засватал младшую дочь алдара, и они захватили ее с собой.

Едут они дальше, гонят свои табуны скота. Видят: в степи пасется огромное стадо скота, а пастух при нем то плачет, то поет.

— Что за диво? — сказали Кой и его друг.

Подъехали они к пастуху и спрашивают:

— Брат, почему ты то плачешь, то поешь?

— А как мне не плакать? — отвечает пастух.— Я был сильным молодым человеком и однажды отправился странствовать. Повстречался мне семиглавый уаиг, я с ним схватился, и он меня убил. Богу известно, кто меня похоронил. Сколько времени я пробыл в могиле, один бог знает, а затем меня выко-

пали и нанесли мне легкий удар войлочной плетью. Я ожил и увидел около себя своего коня и одного человека. От моей силы не осталось и половины, и этот человек захватил меня с собой. И вот теперь я провожу дни свои пастухом. Я плачу о том, что нет больше у меня моей силы и я не могу ему отомстить.

Услыхав слова пастуха, Кой понял, что это — тот самый его неведомый ардхорд, которого убил семиглавый уаиг. Он спросил:

— И ты никого не знаешь?

— У меня был неведомый ардхорд Кой,— ответил тот,— но я его пока не видел, не познакомился с ним.

Тогда Кой обнял его и сказал:

— Я и есть Кой, твой ардхорд.

Он познакомил его и с третьим ардхордом. Они спросили Коя:

— Что нам теперь делать, как ты скажешь?

— Я согласен с тем, что вы пожелаете,— ответил он.

Тогда они сказали:

— В таком случае наше желание таково: погоним все стада впереди себя.

Он согласился с ними. Они смешали свое стадо с табунами, которые пас их заочный ардхорд, и погнали весь скот в село, где жил Кой. Приблизившись к селу, они решили:

— А ну-ка, спросим алдара, узнаем, каково его настроение.

Послали они сказать ему:

— Кой со своими ардхордами пригнал табун, можно ли ему осесть на твоей земле?

Алдар в ответ выслал сказать им:

— И близко к моей земле не подходите!

Они поняли, что алдару нежелателен их приезд, и отправились на небо к Курдалагоновым; заказали им сделать железные палицы. Когда палицы были готовы, их принесли Кою туда, где он осел со своими ардхордами.

Кой запустил со своего места одну палицу, и она срезала полбашни алдара. Дочь алдара поняла, в чем дело, и сказала своему отцу:

— Разреши им осесть на твоей земле, не раздражай их больше, иначе хуже будет!

Но алдар не внял дочери и не разрешил Кою и его ардхордам осесть на своей земле. Тогда Кой запустил вторую палицу, и она разрушила до основания то, что осталось от

башни алдара. Когда алдар убедился, что Кой и его ардхорды не оставят его в покое, он послал к ним сказать:

— Гоните свою скотину на мою землю и переезжайте сами!

Кой со своими назваными братьями пригнал в село огромное стадо. Алдару ничего не оставалось делать, как встретить их любезно. Они обосновались там и засватали дочь алдара за своего младшего ардхорда.

Алдарство Кой возложил на себя, тем более что оно и раньше принадлежало ему.

Однажды тот ардхорд Коя, который подарил ему табуны всякого скота, сказал ему:

— Пора мне уезжать, надо проведать свой дом!

Кой и старший его ардхорд поблагодарили друг друга, и старший ардхорд выехал домой.

Кой остался жить с младшим ардхордом, и они живут-поживают благополучно еще и сегодня.

И вы живите благополучно до их возвращения! Пусть вам достанется столько добра, сколько слов мы сказали. А очередь сказывать сказку за самим Тимафе.

45. Сын суки

Жили-были алдар и его жена. Детей у них не было. Они очень горевали, что у них нет детей и некому будет оставить в наследство свое добро.

Однажды алдар отправился на охоту. Бродил он долго, но ничего в руки его не попало. Его сильно томила жажда, и он искал, где бы ему напиться воды. Попал он в какой-то овраг, в котором оказался источник. Он быстро нагнулся, но не успел еще коснуться воды губами, как источник высох.

— Что за диво? — удивился он.— Был же источник, каким образом он оказался высохшим?

А источник снова наполнился водой, и послышался оттуда голос:

— Не удивляйся! Ты — бездетный, и когда вернешься домой, зарежь черную курицу, свари ее зоб и заставь жену его съесть. К сроку у вас родится сын.

Услышав это, алдар напился воды и в большом удивлении

направился обратно домой. Вернувшись, он рассказал своей жене о том, как ему слышался голос; она обрадовалась вести. Они раздобыли черную курицу и зарезали ее. От восторга алдар не стал варить зоб в котле; чтобы поскорее приготовить его, они положили его на жар. Когда зоб разогрелся, то половина его с треском отлетела в сторону, и сука, которая спала на полу, схватила ее и съела.

Алдар и его жена стали вопить, что сука съела половину зоба. Они боялись, что теперь уже зоб ничем не поможет жене алдара. Но все-таки она съела оставшуюся половину зоба.

В скором времени жена алдара почувствовала себя в положении. Сука также стала щенной. Когда пришел срок, у суки родился златокудрый мальчик, а у жены алдара — обыкновенный мальчик. Жена алдара стала кормить обоих своей грудью, и мальчики росли быстро.

Когда они оба достигли возраста и стали женихами, то сына суки, как старшего, стали уговаривать жениться. Сын суки сказал:

— Я — сын суки, и я не могу жениться раньше сына алдара.

Отказавшись жениться, он взял алдарского сына с собой на поиски невесты для него. Ехали они долго и попали в дом семи уаигов, у которых была одна сестра.

Когда они зашли к уаигам, то те переглянулись между собой — обрадовались, что смогут их съесть.

Сын суки сказал:

— Вот он — сын алдара и сватает за себя вашу сестру.

Уаиги опять переглянулись между собой и подумали: «Этими мы сегодня, конечно, позабавимся!».

Утром уаиги сказали им:

— Калым наш таков: вот у ворот наших стоит дерево; жених должен подняться до его вершины с полной чашей воды и спуститься обратно, не проливши ни одной капли; затем в нашем саду стоит яблоня, и жених должен запустить в нее свой меч так, чтобы с нее посыпались яблоки. Если он выполнит это, то выдадим за него нашу сестру.

Сын суки стал просить уаигов:

— Жених — застенчивый молодой человек, он вас стесняется. Предоставьте мне это право.

Уаиги посмотрели друг на друга и решили: «Все равно он ничего не сможет выполнить, предоставим ему это право».

— Нам все равно, кто из вас выполнит наши требования,— сказали они сыну суки.

Сын суки взял чашу, полную до краев воды, и быстро поднял ее на вершину дерева, а затем снес ее обратно, не пролив ни одной капли.

Уаиги переглянулись: им стало не по себе. Они отвели сына суки в фруктовый сад, к яблоне. А это была такая яблоня, с которой никак нельзя было сорвать яблоко.

Сын суки достал свой меч и запустил его в дерево так, что не только посыпались яблоки, но дерево было разрублено пополам.

Когда уаиги увидели, какой силой обладает сын суки, им стало не по себе; нашел на них страх. Выдали они свою сестру за сына алдара.

Уходя на охоту, уаиги брали с собой и сына суки, а сына алдара с его женой оставляли дома. Однажды они охотились целый день с утра до вечера. Когда они вечером собрались дома, то оказалось, что сын суки убил столько дичи, сколько семь уаигов вместе. Он вырвал дерево с корнями и ветками и приволок свою дичь на этом дереве. От этого уаиги впали в полное уныние: они ожидали, что сын суки с ними что-нибудь сделает.

Возвратившись домой, они разделали туши и мясо бросили в большой котел-ушат. Ужин подоспел, и четверо уаигов подошли снять котел-ушат. Увидев это, сын суки прикрикнул на них:

— А ну, в сторону, вонючие ослы,— а сам поднял котел-ушат за две его ручки и поставил на пол.

Уаиги переглянулись между собой, их уже совсем обуял страх, и сила покинула их.

Так семь уаигов и сын суки продолжали ежедневно уходить вместе на охоту, а сын алдара и его жена, сестра уаигов, оставались дома.

У уаигов было восемь палат, и они наказали сыну алдара:

— Вот тебе ключи, и если у тебя появится желание осмотреть наше добро, то открой семь дверей от семи палат, а в восьмую не заходи!

Ушли как-то опять сын суки и уаиги на охоту, а сын алдара взял ключи и пошел открывать двери палат одну за другой. Он нашел в них много драгоценностей, а в седьмой палате было молочное озеро. Когда он дошел до восьмой палаты, се-

стра уаигов стала просить не открывать ее. Но сын алдара заупрямился, открыл он дверь и от восьмой палаты. Он увидел там семиглавого уаига, связанного железными цепями. От ярости он извергал из пасти своей раскаленные угли. Железные цепи, которыми он был связан, были раскалены докрасна.

Сын алдара почувствовал жалость к связанному уаигу; тот понял это и говорит ему:

— Если ты меня так жалеешь, то облей меня одним ведром из того молочного озера, которое находится в седьмой палате!

Сын алдара быстро вернулся, набрал полное ведро из молочного озера и облил уаига. Сестра уаигов не разрешала ему этого делать, но сын алдара и на этот раз ослушался ее.

Как только сын алдара облил уаига из ведра, железные цепи его моментально остыли; он разорвал их и выскочил из восьмой палаты. Схватил алдарского сына, переломил его по поясу пополам, сунул под поперечную балку дома уаигов и, схватив сестру уаигов, бежал.

Семь уаигов и сын суки вернулись вечером домой; ищут сестру свою и алдарского сына, но не могут найти. Пошли они осматривать палаты. Когда они зашли в восьмую палату и не увидели там больше связанного великана, они поняли, что их постигла беда. Они стали шарить по всем палатам, нашли под потолочной балкой сына алдара, сняли его оттуда, ударили войлочной плетью, и он стал снова таким, каким был.

Они спросили молодого человека, как было дело. Он рассказал им, как открывал по очереди двери палат и как в восьмой палате он увидел семиглавого уаига, как ему стало его жалко, как он облил его молоком, а после того как уаиг убил его, он уже ничего не помнил.

Выслушав этот рассказ, сын суки сказал уаигам:

— Брата своего я оставлю здесь, а сам отправлюсь искать семиглавого уаига. Если я не появлюсь через год, то поступайте с ним так, как пожелаете. Если же кто-либо из вас тронет его раньше, чем пройдет год, то я истреблю вас до единого.

И выступил он в дорогу по следам семиглавого уаига. Едет он, едет и в одном месте видит: священник идет и несет на голове своей церковь. Сын суки удивился и нагнал его. Священник сказал:

— Пусть это не кажется тебе дивом, дальше увидишь и не такие чудеса!

Они стали товарищами. Держат свой путь вдвоем и в одном

месте видят человека: к коленям его привязаны жернова, а он преследует зайца и ловит его за заднюю ногу.

Сын суки был удивлен этим. Они нагнали этого человека, и он им тоже сказал:

— Не удивляйтесь мне! Дальше на своем пути вы увидите еще более чудные дива.

Взяли они его с собой в товарищи и пошли дальше. Видят: стоит посреди моря человек, расставив ноги, и одним глотком выпивает море, так что дно моря становится сухим.

Сын суки еще больше удивился. Дошли они до этого человека, взяли и его в товарищи.

Держат они свой путь дальше. Когда в пути они чувствовали голод, то тот, к коленям которого были привязаны жернова, ловил для них дичь. Там, где они хотели остановиться на ночь, священник, который нес на голове церковь, ставил ее на землю, и они жили там. Если же им нужно, бывало, перейти через реку, то тот, который выпивал море одним глотком, осушал реку, и они переходили посуху.

Так они шли, один бог знает, сколько времени, и дошли до каменной плиты в степи. Отодвинули ее и видят под плитой отверстие, которое уходит круто вниз.

Сын суки задумался, а потом сказал своим товарищам:

— Опустим одного из нас в это отверстие, чтобы узнать, что это такое.

Первым они опустили в отверстие священника, но скоро он стал орать, что горит, и его вытащили обратно. Затем опустили того, к коленям которого были привязаны жернова. И он скоро стал орать, что горит. Его тоже вытащили обратно. Затем опустили того, кто одним глотком испивал море; он тоже стал орать, что горит, и его тоже вытащили обратно.

Тогда сын суки сказал:

— Теперь привяжите меня и опустите, и если я буду орать, что горю, то опустите меня глубже!

Опустили в отверстие сына суки. Он опустился глубоко и стал орать, что горит, но товарищи спустили его еще ниже. Он коснулся земли, отвязал себя и зашел в дом; смотрит и видит: жена его брата — сестра семи уаигов — сидит там у очага. Увидев друг друга, они обрадовались, затем молодая женщина стала плакать и сказала:

— Не довольно того, что я здесь. Ты-то зачем явился сюда на свою гибель?

Сын суки сказал:

— Не бойся! Когда вечером возвратится уаиг, я спрячусь, и если он тебя станет спрашивать, не признавайся!

До вечера они пробыли вместе, беседовали друг с другом, а к вечеру молодая женщина спрятала сына суки.

Вечером явился уаиг и поднял крик:

— Аллон-биллонским духом отдает!

Молодая женщина прикинулась плачущей и говорит ему:

— Аллон-биллонский дух от тебя идет! Шататься повсюду ты шатаешься, по нехоженым дорогам ты бродишь, по крутизнам гор ты лазишь — какой же от меня может исходить аллон-биллонский дух?!

Уаиг увидел, что молодая женщина плачет; он успокоил ее, ничего больше ей не сказал, а утром опять ушел на охоту.

Сын суки вылез из своего потайного места, и они опять радовались друг другу, провели время в беседах, а затем он сказал ей:

— Когда вечером вернется уаиг, скажи ему: «Ты оставляешь меня одну в течение целого дня; мне не с кем поиграть, не с кем и посидеть; укажи мне, где находится твоя душа, чтобы я могла радоваться на нее».

Вечером, ко времени возвращения уаига, сын суки опять спрятался. Когда уаиг вернулся, то молодая женщина, сестра семи великанов, притворилась грустной и стала плакать. Уаиг спросил ее, почему она плачет, и она сказала:

— Почему я плачу? Ты шатаешься, бродишь повсюду, а меня здесь оставляешь одну, и мне не с кем играть. Укажи мне, где находится твоя душа, и я буду до твоего возвращения играть с нею, буду убаюкивать себя ею.

Уаиг засмеялся и сказал:

— Неужели же ты до сих пор не знала, где находится моя душа? Она находится в среднем столбе моего дома.

Утром он опять ушел на охоту, а сын суки вышел из своего потайного места и спросил молодую женщину, что ей сказал уаиг.

Молодая женщина ответила:

— Он мне сказал, что душа его находится в среднем столбе его дома.

— Душа его не там,— сказал сын суки,— но к вечеру ты все-таки разукрась этот столб, и когда уаиг вернется домой, начни плясать вокруг него!

Молодая женщина разукрасила столб. Вечером сын суки опять спрятался, а она стала танцевать вокруг среднего столба. Когда уаиг вернулся и увидел это, он смеялся до упаду и сказал ей:

— Какая ты глупая! Что делать моей душе в среднем столбе?!

Услышав эти слова, молодая женщина стала плакать и опять спросила уаига:

— Почему ты не укажешь мне, где она находится, чтобы я утешалась ею?

И уаиг ей сказал:

— Моя душа находится под очагом.

Женщина перестала плакать. Утром уаиг опять отправился на охоту, а сын суки вышел из своего потайного места и спросил молодую женщину, что сказал ей уаиг.

— Теперь он мне сказал, что душа его под очагом,— ответила она.

Сын суки сказал:

— Она находится не там, но ты разукрась и очаг и до его возвращения начни танцевать вокруг него.

Молодая женщина так и поступила. Вечером сын суки опять спрятался, а молодая женщина стала кружиться в танце вокруг очага.

Уаиг вернулся, увидел, что молодая женщина танцует вокруг очага, и его опять разобрал смех. Она обиделась и стала опять плакать. Тогда уаиг сказал ей:

— Ты же не глупая! Что делать моей душе под очагом? Душа моя находится в большом вепре, который обитает в степи и для которого косят сено сто косарей; внутри вепря сидит козуля, в козуле — заяц, в зайце — ларчик, в ларчике — три ласточки; и до тех пор, пока эти три ласточки не умрут, мне нет смерти.

Утром уаиг опять отправился на охоту. Сын суки вышел из своего потайного места, и молодая женщина передала ему ответ уаига.

— Вот это правда,— сказал он.— Я ухожу, чтобы одолеть этого вепря, а ты не поддавайся обману!

Выступил он в дорогу. Шел, шел и наконец дошел до тех ста косарей, которые заготовляли для вепря сено. Прислушался, а они то плачут, то поют. Он подошел к ним и спросил:

— Что с вами? То вы плачете, то поете?

Они ему объяснили:

— Здесь обитает вепрь, а мы его косари; но мы не успеваем накосить за день столько сена, сколько должны по условию, и за это вместе с сеном он пожирает одного из нас.

— Не волнуйтесь,— сказал сын суки.— Соберите все, что вы накосили, в одно место и сидите спокойно.

Видя, что они ему не верят, он объяснил:

— Не бойтесь! Я войду в это сено, и пусть он сожрет меня, а из вас он никого больше не съест.

Тогда косари поверили ему, собрали сено в одно место и сели себе спокойно. Свечерело; сын суки спрятался в сено; подошел фыркая вепрь и говорит:

— Аллон-биллонским духом несет!

Сын суки отвечает ему:

— Тут нет аллон-биллонского духа, но наступает конец твоим дням. Ешь!

Вепрь кружится вокруг сена, но близко подойти боится. Сын суки не вытерпел, выскочил из сена и в схватке зарубил вепря. Он вскрыл его, и выскочила из него козуля; он схватил ее, убил и вскрыл; выскочил из нее заяц; он поймал зайца и убил его; затем он его вскрыл и вытащил из него ларчик; открыл его и достал оттуда трех ласточек; одна из них была мощь уаига, вторая — его отвага, а третья — его душа. Он оторвал головы тем двум ласточкам, которые составляли мощь и отвагу уаига.

Когда это случилось, уаиг насилу смог добраться с охоты домой. Он лег на кровать и не мог уже встать. Он понял, что молодая женщина обманула его, звал ее к себе знаками, но она не подошла к нему близко.

Тем временем прибыл сын суки; он вошел в дверь и говорит семиглавому уаигу:

— Ну, каково тебе, вонючий осел?

Он оторвал шею той ласточке, в которой была душа уаига, тот вытянулся и умер.

После этого сын суки с молодой женщиной подошел к отверстию, в которое он заставил себя опустить, и сказал ей:

— Вот этой веревкой я тебя свяжу, пошевелю ее, и тебя поднимут мои товарищи, которые находятся наверху.

Но она не соглашалась и стала просить, чтобы он поднялся первым. Все же сын суки настоял на своем, связал женщину веревкой, дал знак, и его товарищи вытащили ее наверх. Увидев молодую женщину, они переглянулись между собой и решили:

— Вытащим сына суки до середины, а затем выпустим веревку, и пусть он там погибнет!

Сын суки боялся, что они могут поступить так; когда они спустили веревку, он привязал к ней чурбан. Они потащили чурбан, дотащили его до полпути и выпустили веревку; чурбан упал около сына суки.

Тогда сын суки убедился, что товарищи уже не вытащат его.

В сильной досаде он стал бегать по дому семиглавого уаига из угла в угол, и ему почудился откуда-то стон. Он подошел к этому месту и наткнулся на мать уаига, один клык у нее выше небес, другой — в преисподней; она спала в углу.

Сын суки пригрозил ей:

— Сейчас я изрублю тебя на мелкие куски, если ты не сделаешь так, чтобы я оказался на земле!

Мать семиглавого великана сказала ему:

— Вон в углу привязан баран, подойди к нему, и если ты сможешь ухватиться за правый его рог, то ты окажешься на земле, если же ухватишься за его левый рог, то провалишься в седьмой подземный мир.

В сильной досаде сын суки подбежал к барану, ухватился за его левый рог и провалился в седьмой подземный мир. Пошел он там бродить и наткнулся на одно село. В поисках приюта он постучался в ворота одного дома. К нему вышла женщина и пригласила его войти. А это была кулыбадагус.

Вечером она просеяла муки в корыто и собралась было на нее помочиться, но молодой человек сказал ей:

— Что это ты затеяла?

Колдунья ответила ему:

— На нашей реке сидит дракон, и нам нельзя набрать воды; мы все живем без воды. По очереди мы ежегодно платим дань девушкой и вот ту воду, которую мы набираем раз в год в этот день, понемножку и расходуем, другой воды у нас не бывает. А завтра очередь алдарской дочери. Ее должны отдать дракону, и тогда у каждого будет столько воды, сколько он сумеет набрать.

Сын суки сказал колдунье:

— Иди, собери десять ведер у своих соседей!

Она пошла и принесла от соседей десять ведер. Он надел их на десять своих пальцев и пошел набрать воды. Набрал полных десять ведер. Дракон обращается к нему и говорит:

— Унеси их! Я прощаю тебе, как гостю, но второй раз не приходи!

Сын суки ему отвечает:

— Если даже ты мне не простишь, как гостю, то и тогда я не очень-то с тобой посчитаюсь!

Он принес в дом колдуньи десять полных ведер воды. Молва, что у колдуньи появился такой гость, быстро распространилась по селу, и все удивлялись этому.

Наступил день, когда должны были отвести к дракону дочь алдара. Сын суки предложил алдару:

— Оденьте меня в одежду своей дочери и доставьте меня к реке!

Алдар приказал одеть сына суки в одежду своей дочери; народ собрался, чтобы заплатить дракону обычную дань. Отвели сына суки, переодетого в девушку, к реке, а сами в страхе разбежались в разные стороны. Дракон догадался, что это — мужчина.

— Аллон-биллонским духом несет! — говорит он.

— Каким это аллон-биллонским духом может нести,— отвечает сын суки.— Подойди! Если ты хочешь сожрать меня, то сожри!

Как только дракон вышел на сушу, сын суки выхватил меч и изрубил его на куски. Из этих кусков он сложил на берегу реки сажени и вернулся в дом колдуньи.

— Иди и скажи алдару,— сказал он ей,— что на реке его нет больше дракона. Он убит.

Колдунья пошла к алдару и рассказала ему, что дракон убит ее гостем. Но алдар не поверил этой вести.

— Я сейчас выясню, правда ли это,— сказал он.— Вон мои буйволицы истомились от жажды, не пивши воды целый год. Я выпущу их на водопой, и если, вернувшись, они сорвут ворота вместе со столбами, то я поверю, что дракона на реке действительно больше нет.

Выпустили буйволиц к реке на водопой; они спустились к воде и напились так, что, когда вернулись, сорвали ворота вместе со столбами и занесли их на рогах своих во двор алдара. Тогда он убедился, что дракона больше нет, и приказал глашатаю оповестить все село:

— Пусть каждый набирает себе воды, сколько хочет!

Сельчане спустились к реке и увидели изрубленного дракона, сложенного в сажени, и удивлялись:

— Что за необыкновенный человек этот гость!

Алдар стал побаиваться, что сын суки отнимет у него власть; он призвал сына суки к себе и сказал ему:

— Я выдам за тебя ту из моих дочерей, какую ты пожелаешь; с сегодняшнего дня ты должен алдарствовать вместо меня.

Но тот ответил:

— Я сюда пришел не для того, чтобы алдарствовать; но если ты можешь, то помоги мне выбраться на землю.

Алдар задумался и сказал ему:

— Тут я тебе ничем не могу помочь; но вон в Черной скале сидит орлица, которая раз в год летает на землю. Если и она не поможет тебе, то я и подавно.

Сын суки попрощался с алдаром и направился к Черной скале, к гнезду орлицы. В гнезде оказались три птенца; увидев человека, они подняли писк.

— Чего вы боитесь, зачем подняли писк? — спросил их сын суки.

Птенцы ответили ему:

— Мать наша ежегодно выводит трех птенцов, и когда она улетает на землю, то их поедает залиагский змий. Мы приняли тебя за залиагского змия.

Сын суки успокоил их и спрятался в сторонке. Когда явился залиагский змий, чтобы сожрать птенцов орлицы, сын суки выхватил меч, изрубил его на мелкие куски и сложил их в одном месте в виде четырехугольника.

Птенцы орлицы были в восторге от того, как сын суки расправился с залиагским змием. А он говорит им:

— Мне нужно попасть на землю, и я хочу видеть вашу мать.

— Скоро ей срок возвращаться, — ответили ему птенцы. — Но если она застанет тебя здесь и узнает, что ты нас спас, то от восторга она может тебя съесть. Лучше будет, если ты пока спрячешься под крылышком одного из нас; мы тебя не покажем ей до тех пор, пока она не поклянется именем своей безымянной сестры, что она не причинит тебе никакого зла.

Сын суки так и сделал; спрятался под крылышком одного из птенцов и просидел там довольно долго. Тут пошел такой проливной дождь, что затопил все на свете.

— Что за диво, — спрашивает он птенцов, — что это за потоп такой?

— Это мать наша возвращается с земли и плачет, думая, что не застанет уже нас в живых. Это ее слезы.

Прошло еще некоторое время, и показалось солнце, такое палящее, что сжигало все на свете.

— А это что за такое диво,— спрашивает опять сын суки.— Почему солнце горит так сильно, что сжигает все на свете?

Птенцы орлицы объяснили ему:

— А вот почему: чем ближе она к нам подлетает, тем лучше мы ей видны. Она видит, что мы живы, и от восторга из ее глаз исходят палящие лучи солнца.

Затем поднялся такой ветер, что он ломал, сокрушал все на свете.

— А что это за ветер? — спрашивает опять сын суки.

— А это она уже подлетает близко, и ветер поднялся от ее крыльев.

Орлица прилетела, приласкала своих птенцов и, увидев около гнезда изрубленного залиагского змия, спросила их:

— Кто вас спас?

— Мы боимся показать тебе нашего спасителя, ты можешь причинить ему какой-либо вред,— сказали ей птенцы.

— Покажите мне его и не бойтесь,— сказала она,— я ему не причиню никакого вреда.

— Поклянись своей безымянной сестрой, что не причинишь ему никакого зла, и мы его покажем тебе,— говорят птенцы.

Она поклялась им своей безымянной сестрой, и один из птенцов приподнял свое крылышко. Сын суки вышел оттуда; орлица от восторга стала проглатывать его и выбрасывать обратно. Так она радовалась долго, а потом сказала:

— Проси у меня все, что хочешь!

— Мне не нужно никакого добра,— сказал сын суки,— доставь только меня на землю!

Орлица призадумалась, а затем сказала:

— Я состарилась, не могу больше летать долго; но делать нечего, доставлю тебя на землю, если будет достаточно пищи.

— Какая пища тебе нужна? — спросил ее сын суки.

Орлица сказала:

— Десять бычьих туш и десять бычьих бурдюков пива.

— Ладно,— сказал сын суки.

Вернулся обратно к алдару, дочь которого он спас от дракона, и сказал ему:

— Орлица согласна доставить меня на землю, но требует на дорогу десять бычьих туш и десять бычьих бурдюков пива.

— Об этом не заботься,— сказал алдар.— Я приготовлю все, что необходимо.

Приказал он своим рабам, и они быстро приготовили пива десять бурдюков и зарезали десять быков, сняв с них кожи бурдюками. Пиво налили в эти бурдюки, а туши сложили в одно место.

Сын суки пошел к орлице и сказал ей, что все готово. Орлица подлетела к дому алдара, наложили на нее бычьи туши и бурдюки пива. Сыну суки она велела залезть туда в середину и наказала ему:

— Теперь я вылетаю. С каждым оборотом я буду издавать крик «куак», и тогда ты бросай мне в пасть бычью тушу и выливай бурдюк пива!

Орлица вылетела. Летела она, летела; сделав один оборот, она издавала крик «куак», и тогда сын суки бросал ей в пасть бычью тушу и выливал бурдюк пива.

Они уже приблизились к земле, и тут бычьи туши и бурдюки пива кончились. Орлица подумала: «А ну-ка, испытаю его, как он поступит?» — и издала крик «куак».

Услышав крик орлицы, сын суки отрезал мускулы своей ноги и бросил их ей в пасть. Орлица поняла, что он сделал, и мускулы эти не проглотила, а держала под своим языком.

Они достигли земли, поблагодарили друг друга, и орлица говорит сыну суки:

— Иди!

А он отвечает:

— Нет, ты старше, улетай пока ты!

Орлица не послушалась его, и сын суки пошел, прихрамывая.

— А почему ты хромаешь? — спрашивает его орлица.

— Когда мы летели сюда, то ноги мои онемели,— отвечает он.

— Ноги твои не онемели,— говорит она.— Тут дело в другом. Вернись-ка обратно!

Сын суки вернулся обратно; орлица вынула из-под своего языка мускулы его ноги и приложила их к месту. Ударила по ноге войлочной плетью, и нога стала такой, какой была. Они еще раз радостно поблагодарили друг друга и отправились каждый своей дорогой.

Сколько времени шел сын суки, ведомо одному богу, и дошел он в одном месте до табунщиков, которые очень весело пели песни.

— Что случилось? — спросил он их.— Чему вы радуетесь, песни распеваете?

— Почему нам не распевать песен? — отвечают они.— Священник, который носил на голове церковь, женился и сегодня ночью устраивает свадебный пир. Мы тоже будем на этом пиру, поэтому мы и веселы.

Сын суки понял, что невеста его находится у священника. Пошел он дальше и видит, у околицы села пасутся телята; пастухи телят радуются, играют, поют. Сын суки подошел к ним и спрашивает:

— Что случилось? Чему вы радуетесь?

Они ему рассказали, что священник, который на голове своей носил церковь, засватал себе жену, и этой ночью устраивается свадебный пир.

Тогда сын суки предложил одному из пастухов:

— Я буду пасти твоих телят, а ты иди, отнеси вот это мое кольцо и отдай его той, на которой женился священник.

Пастух взял кольцо и направился в дом священника. Зашел он в ту комнату, где происходили танцы, и тайком передал невесте священника кольцо. Невеста узнала, что это кольцо сына суки. Она стала и разговаривать, и петь, а до этого она сидела безмолвно, не роняла ни одного слова.

Люди в удивлении переглядывались друг с другом и говорили:

— Тут что-то кроется, ведь до сих пор она и слова не вымолвила и не смотрела на людей! Что же теперь с ней случилось?

Наступил вечер. Сын суки пригнал телят и зашел в дом священника, где справляли брачный пир. Он присмотрелся и выяснил, где находится и священник, и тот, который носил на коленях жернова, и тот, кто одним глотком выпивал море. Выяснив это, он зашел к невесте, сестре семи уаигов. Увидев сына суки, она выскочила к нему навстречу и заключила его в свои объятья. Люди остолбенели: что это еще за новость?!

Сын суки коротко рассказал им свою историю: как его бросили и как захватили его невесту. Затем он нашел и изрубил на мелкие куски священника, того, кто носил на коленях жернова, и того, кто одним глотком выпивал море. Захватив с собой

свою невесту, они направились по дороге к дому семи великанов.

К тому времени наступил срок, назначенный сыном суки, когда он уходил от уаигов на поиски их сестры. Уаиги сказали:

— Он больше не вернется, поэтому зарежем своего зятя, сына алдара, и съедим его.

Привели они сына алдара и разложили его на столе, чтобы зарезать. В это время сын суки, желая дать знать семи уаигам, что он возвращается, пустил стрелу; она попала в притолоку, и дом уаигов весь зашатался.

Уаиги поняли, что сын суки возвращается, переглянулись между собой, и каждый стал обвинять другого, что он хотел зарезать своего зятя. Только они сняли его со стола, как явился сын суки. Уаиги обрадовались ему и своей сестре.

Сын суки спрашивает сына алдара:

— Как они к тебе относились, пока меня не было, плохо или хорошо?

Алдарский сын ответил:

— До сих пор они относились ко мне хорошо, но вчера вышел срок твоего возвращения, и они решили меня зарезать; они уже разложили меня на столе, но тут ты пустил стрелу, и дом их зашатался. Они узнали, что ты возвращаешься, и не зарезали меня.

Сын суки посмотрел на уаигов и сказал им:

— Я бы не оставил ни одного из вас в живых, перебил бы вас всех, но прощаю вам ради вашей сестры.

Они провели там несколько дней, а затем сказали:

— Едем теперь проведать своих родителей!

Семь уаигов сделали своей сестре много подарков, проводили их, а затем вернулись к себе.

Два брата, сын суки и сын алдара, направились своей дорогой. Ехали они, ехали и остановились в одном месте на ночлег. Сын суки сказал:

— Я посплю немножко, а вы покараульте!

Он заснул. А в это время их окружили черти, которые всячески старались соблазнить сына алдара и его жену: показывались им то в образе матери, то в образе отца,— но те хранили молчание. Черти подбрасывали им разные красивые вещи, но они к ним даже не притрагивались. Наконец возле них появилась внезапно красивая кровать; тут алдарский сын и его жена не вы-

держали, они сели на кровать и сразу окаменели, а черти подняли вокруг них пляску.

Сын суки проснулся, осмотрелся, и тут черти моментально исчезли. Увидел он, что брат его, сын алдара, и сестра семи уаигов окаменели, и поднял плач:

— Что мне теперь с ними делать?

Повернул он обратно и прибыл в дом братьев своей невесты. Он сообщил уаигам, что их сестра и его брат окаменели, и попросил у них войлочную плеть. Затем вернулся к тому месту, где лежали окаменелыми сын алдара со своей женой, слегка ударил их войлочной плетью, и они ожили. Встали и сказали:

— Оф, оф, оф, как долго мы спали!

— Вы не спали,— сказал им сын суки.— Черти обманули вас, и вы лежали окаменелыми, пока я не принес от семи уаигов войлочную плеть.

Они поехали дальше и прибыли в дом алдара. Пока их не было, алдар и его жена так состарились, что не в состоянии были даже перешагнуть через метлу. Тогда их тоже слегка ударили войлочной плетью, и они превратились в молодых жениха и невесту, какими были в свое время.

Они устроили большой брачный пир, повеселились вдоволь и стали жить-поживать. И сегодня они еще живут и поживают.

Как мы не видели ничего этого, так пусть бог сохранит нас всех от всякой напасти, от всякой болезни!

46. Халин-Бараг и три брата

Жили муж и жена. Они прожили долго, но детей у них не было, а они об этом горевали.

Однажды явился к ним Халин-Бараг * и предложил:

— Я сделаю так, что у вас появятся дети, три мальчика, но только с тем условием, что одного из них вы отдадите мне.

— Мы дали бы тебе их всех,— сказали муж и жена,— лишь бы у нас родился кто-нибудь и прошла бы молва, что у нас были дети.

— Ладно,— сказал Халин-Бараг.

Он достал из кармана три яблока и сказал женщине:

— Съешь эти три яблока, и через год у тебя родятся трое сыновей, один из которых будет отдан мне.

Женщина съела три яблока и через год, как и сказал Халин-Бараг, у нее родились трое златокудрых сыновей. И в это же время у дверей их дома проросли три яблони.

Стали расти и деревья, и сыновья.

Однажды явился к ним Халин-Бараг. Муж и жена встретили его очень приветливо, приняли, как гостя, а затем Халин-Бараг сказал:

— Все это хорошо, но как насчет того, о чем мы договаривались?

Позвали они сыновей и сказали им:

— Мы договорились с Халин-Барагом так: если у нас родятся сыновья, то одного из них мы отдадим ему.

Сыновья переглянулись между собой, и старший из них сказал:

— Я, как старший, не считаю достойным себя послать кого-либо из младших. Я отправлюсь с Халин-Барагом.

Халин-Бараг взял его с собой и посадил на коня за своей спиной. Долго вез его и привез в большую пещеру, которая находилась в горе. Он вышел наружу нарубить дров, а из угла пещеры заговорил с юношей человеческий череп:

— Юноша, сейчас Халин-Бараг съест тебя, если только ты не сумеешь вывернуться. Когда он тебе скажет: «Разведи огонь!», ты ему ответь: «А что такое огонь? Я не умею разводить огонь! Покажи мне, как это делается, и тогда я его разведу». Когда ты разведешь огонь, он скажет: «Подуй на огонь!», а ты ему ответь: «Я не знаю, как надо дуть на огонь, подуй сначала ты». Халин-Бараг наклонится и начнет раздувать огонь. Когда огонь разгорится сильно, возьми из-за двери большую лопату и толкни ею Халин-Барага в огонь. Прояви мужество и смелость, не давай ему выйти из огня. Если только ты его выпустишь, это будет твоей гибелью.

Так сказал ему череп, и юноша учел его наставление.

Тем временем Халин-Бараг занес дрова и приказывает юноше:

— Разведи огонь!

Юноша прикинулся удивленным и спрашивает:

— А что такое огонь? Покажи мне, что это такое, а я буду делать так же, как и ты.

Халин-Бараг развел огонь и говорит юноше:

— Подуй на огонь!

Тот опять прикинулся удивленным:

— А что значит «подуй на огонь»? Подуй сам, а я буду делать так, как ты.

Халин-Бараг нагнулся и стал раздувать огонь. В это время юноша тихонько придвинул к себе лопату; когда пламя разгорелось сильно, он толкнул Халин-Барага в огонь, стал бить его лопатой и не дал ему возможности выйти из огня.

Когда Халин-Бараг сгорел в огне, череп сказал юноше:

— Теперь уже не бойся ничего! Этот Халин-Бараг всю свою жизнь таскал сюда людей и поедал их. Если ты не веришь, то посмотри вон по углам, сколько там валяется человеческих черепов.

Юноша осмотрел все углы и убедился, что Халин-Бараг, действительно, пожирал людей.

— Ты, очевидно, голоден,— сказал тогда череп и указал ему комнату, в которой хранилась всякая еда.

Когда юноша поел, череп опять говорит:

— Вон в конюшне стоят три его коня, а вон там на стене его доспехи; если тебе захочется развлечься, то возьми его доспехи, оседлай одного из его коней и прогуляйся, но только далеко не уезжай!

Юноша все понял и запомнил.

Однажды он оседлал одного из коней, взял доспехи и поехал прогуляться. Ехал он, ехал, бог знает, сколько времени, и вдруг ему стал слышаться то плач, то пение. Юноша подъехал поближе и видит: свинопас пасет свиней.

— Почему ты то поешь, то плачешь? — спросил он свинопаса.— В чем дело?

— Я — свинопас алдара,— ответил тот.— Алдар выдает замуж трех своих дочерей, мне дадут хвосты и прочее, чтобы я поел, вот потому я и пою. А плачу я вот почему: когда вечером я гоню свиней домой, они отказываются переходить через мост до тех пор, пока я не поцелую у каждой из них зад.

Юноша сказал ему:

— Давай сделаем так: отдай мне свою одежду, а тебе вот моя одежда и не показывайся больше, а вечером я сам пригоню свиней в дом алдара.

Свинопас согласился, и они поменялись одеждой. Юноша отпустил своего коня, вырвал из его гривы щетинку и положил ее в карман для газыря. Вечером он погнал свиней в село; когда они

подошли к мосту, он взял большую дубину; каждая свинья поворачивала к нему свой зад, ожидая, что он поцелует его, но вместо этого свиньи получали от него удар дубиной. Так, избивая их, он загнал всех свиней во двор алдара.

Когда он загонял их в свинарник, с его головы слетела шапка. А в медной башне сидели три дочери алдара; младшая из них увидела на голове юноши золотую прядь и проговорила:

— Кто из нас что увидит, то пусть принадлежит ей!

Двое старших сестер окинули взглядом все вокруг и, ничего не заметив, сказали ей:

— Ты могла увидеть только свинопаса внизу. Пусть он принадлежит тебе!

Загнав свиней в свинарник, юноша улегся спать там, где обычно спали свинопасы. А утром снова погнал свиней пастись.

Алдар решил выдать своих дочерей замуж и сделал так: приказал собрать всех мужчин своей страны, вручить каждой дочери яства и бокал; тот, кому каждая поднесет их, и будет ее суженым.

Вот собрал он всех холостых мужчин, посадил их в своем доме за столы и вручил дочерям яства и бокалы с напитками. Стали они обходить людей. Старшая дочь преподнесла свой бокал одному из мужчин, средняя тоже. Младшая же дочь долго обходила людей, а затем занесла яства и бокал обратно в комнату, бросила их о землю и сказала:

— Чего шутки шутите? Не все женихи здесь!

Когда дошло это до ее отца, алдара, он вновь разослал гонцов и поручил им:

— Приведите всех мужчин, кого только найдете!

Долго ходили гонцы по всем местам, но никого из мужчин больше не нашли.

Тогда младшей дочери снова вручили в руки яства и бокал; она обошла всех людей и опять вернулась обратно в комнату, сказав:

— Не все здесь!

Алдар снова призвал гонцов:

— Я вам приказываю: идите и соберите всех людей!

— Нигде никого больше нет,— сказал один из гонцов.— Только в твоей степи есть еще твой свинопас!

— Идите и приведите его! — приказал алдар гонцам.

Один из гонцов пошел и привел свинопаса. Он подошел к тем, которые сидели у нижнего края стола, и никто из них даже

не сдвинулся с места, чтобы он тоже мог сесть с ними. Свинопас сел несколько в сторонке. Дочери алдара опять вручили яства и бокал, она опять обошла всех; дошла до свинопаса и преподнесла ему яства и полный бокал.

Люди, увидев это, возмутились про себя и сказали:

— Недостойно даже приходить к ним, раз они никого не нашли лучше свинопаса!

Все оскорбились и встали, даже не прикоснувшись к яствам и напиткам на столах. Ушли все домой, только зятья алдара остались там.

Алдар стал оделять дочерей и зятьев. Двух старших дочерей он оделил щедро, выделил им хорошие дома, а младшей дочери за то, что она избрала себе в мужья свинопаса, дал паршивого хромого коня и домик, в котором обычно жил свинопас. Она стала жить там со своим мужем, а он продолжал пасти свиней алдара.

Однажды алдару вздумалось узнать, кто из его зятьев на что способен. Посоветовался он со знахаркой:

— Что мне делать? — спрашивает он ее.— Как мне узнать способности каждого из моих зятьев?

Она посоветовала ему:

— Притворись больным, пригласи к себе своих зятьев и скажи им: «Я не выживу, если только не выпью молока лани, которая пасется где-то на большой поляне дремучего леса».

Алдар так и сделал. Притворился он больным, призвал к себе своих зятьев и сказал им:

— Я не выживу, если только не выпью молока лани, которая пасется где-то на большой поляне дремучего леса.

— Пусть не болит у тебя из-за этого голова,— сказали два старших зятя.— В течение двух дней мы достанем тебе молока этой лани.

Вернулись они по домам, а утром оседлали своих коней и выехали. Свинопас тоже сел на своего хромого коня и выехал за ними. Доехали старшие зятья до околицы села, обернулись назад и, увидев, что их свояк-свинопас едет за ними, возмутились:

— А он-то, позорящий нас, зачем едет за нами? Надо его вернуть обратно!

Когда свинопас приблизился к ним, они его спрашивают:

— Куда ты едешь?

— Я еду с вами на поиски молока лани,— ответил он им.

Они не разрешали ему ехать с ними, а так как он не подда-

вался на уговоры, они избили его. Он отстал от них на своем хромом коне.

Старшие зятья алдара уехали, а свинопас сошел с хромого коня, достал щетинку своего коня, поджег ее, и в тот же миг конь предстал пред ним и спросил:

— Что тебе нужно?

— На большой поляне дремучего леса пасется лань,— ответил свинопас.— Необходимо достать молока этой лани.

— Не волнуйся из-за этого! — говорит конь.— Садись на меня и поехали!

Свинопас сел на коня, ударил его плетью, и они быстро пронеслись мимо своих свояков. Увидев это, свояки в испуге перекрестились и сказали:

— Каким бы ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

Доехал свинопас до большой поляны дремучего леса, быстро изловил лань и надоил от нее молока. Молоко он спрятал, а сам, проезжая мимо каких-то чабанов, попросил у них овечьего молока и налил его в бурдючок.

На обратном пути свинопас нагнал своих свояков, которые возвращались в село алдара. Увидев их, он опять приударил своего коня и пронесся над их головами. Свояки опять перекрестились:

— Каким бы ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

— Я и не ангел, и не дух-покровитель, а земной человек,— ответил свинопас.— А вы откуда?

Они рассказали ему:

— Наш тесть-алдар болен, мы искали для него молоко лани, но не нашли.

— И мой отец тяжело болен,— говорит им свинопас.— Я тоже искал молоко лани, и вот везу небольшой бурдючок.

Двое зятьев алдара стали его умолять:

— Продай нам это молоко!

— Отрежьте для меня свои правые уши,— сказал им свинопас,— тогда я вам дам молока лани.

Зятьям алдара нельзя было не купить молока. Он отрезал у них правые уши, спрятал их в свой карман и дал им не молоко лани, а овечье молоко, которое выпросил у чабанов. Сам же сел на своего коня и очень быстро доскакал до околицы села. Там он отпустил своего коня на волю, вырвав предварительно из его

гривы щетинку, а затем сел на своего паршивого хромого коня, и тот, прихрамывая, доставил его во двор алдара.

Две старшие дочери алдара увидели его и, издеваясь, сказали своему отцу:

— Вон едет твой зять!

Тем временем прибыли и двое старших зятьев алдара с папахами набекрень. Хвастаясь перед алдаром, они преподнесли ему молоко, которое достали для него.

Алдар выпил это молоко и притворился, что оно ему не помогло. Он снова призвал к себе знахарку и спрашивает ее:

— Молоко они достали, но на чем их еще испытать?

Знахарка посоветовала ему:

— Скажи им: «За семью горами есть источник, который оживляет мертвого; достаньте мне этой воды, иначе я не выживу».

Алдар приказал опять позвать к нему двух старших зятьев. Жена свинопаса дала знать своему мужу об этом и попросила, чтобы он тоже выслушал тестя. Зашел свинопас в дом алдара. Две старшие дочери и два старших зятя алдара, увидев его, стали над ним издеваться, но он скромно стал на свободное место и слушает оттуда.

Говорит алдар своим зятьям:

— Мне не выжить, если только я не выпью воды из источника, который находится за семью горами и вода которого оживляет мертвых.

— Мы беремся достать этой воды,— сказали два старших зятя,— и доставим ее в двухдневный срок.

Они разошлись по своим домам, а утром опять оседлали своих коней и выступили в дорогу. Свинопас, младший зять алдара, тоже сел на своего хромого коня и выехал вслед за ними. Выехав за околицу села, двое старших зятьев оглянулись назад и видят, что свинопас тоже едет за ними. Остановились они и спрашивают его опять:

— Куда ты едешь?

— Возьмите и меня с собой,— сказал он им.

Они рассердились, избили его и бросили у дороги. Когда свояки скрылись, свинопас поднес огонь к щетинке, которая хранилась у него, и конь тотчас предстал пред ним:

— Что тебе нужно?

— За семью горами находится источник,— сказал свинопас.— Нужно достать воды из него.

— Не волнуйся из-за этого! — сказал конь.— Садись на меня и отправимся туда!

Свинопас сел на своего коня, приударил его и пронесся над головами своих свояков.

Увидев это, они опять осенили себя крестным знамением и сказали:

— Каким бы ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

Свинопас быстро оказался за семью горами, достал воды из источника, оживляющего мертвецов, затем набрал бурдючок воды и из простого источника и захватил его с собой.

Один бог знает, сколько времени разъезжали двое старших свояков по голым степям. В каком-то месте он нагнал их и, узнав, что это его свояки, он опять приударил своего коня и пронесся над их головами. Они опять осенили себя крестным знамением и сказали:

— Каким бы ты ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

— Я и не ангел, и не дух-покровитель,— сказал свинопас,— я — земной человек.

Затем он спросил, откуда они едут, и они сказали ему:

— Наш тесть-алдар болен; мы искали для него воды из источника, оживляющего мертвецов, но не нашли его и едем обратно ни с чем.

— Мой отец тоже болен,— сказал свинопас,— и я нашел тот самый источник и захватил из него воды один бурдючок.

Двое старших зятьев стали умолять его, чтобы он продал им этой воды.

— Отрежьте свои мизинцы,— сказал он им,— я вам ее продам.

Так как они похвастались перед алдаром, что достанут для него этой воды, у них не было другого выхода; они отрезали свои мизинцы и отдали ему. Свинопас же отдал им простую воду; сам сел на своего коня и ускакал. Доскакав до околицы села, он сошел с коня, оторвал из его гривы щетинку и отпустил в степные просторы. Сам же сел на паршивого хромого коня, выделенного ему алдаром, и подъехал к своему домику. Две старшие дочери алдара опять подняли его на смех и сказали своему отцу:

— Вон едет обратно твой зять!

Тем временем прибыли и двое старших зятьев. Они принесли бурдючок воды и положили его перед алдаром. Алдар выпил и

опять сделал вид, что эта вода ему нисколько не помогла. Призвал он опять к себе знахарку и спрашивает:

— Чем еще я могу их испытать?

И знахарка посоветовала ему:

— За двумя горами, которые бьются, как два барана, в каком-то месте есть шуба, которая бортами своими играет, как на гармошке, подолами своими танцует, а рукавами своими хлопает, как в ладоши. Скажи своим зятьям: «Достаньте мне эту шубу, иначе нет мне спасения!».

Алдар позвал своих зятьев; свинопас тоже зашел за ними и издалека слушает.

Алдар говорит зятьям:

— За двумя горами, которые бьются, как два барана, в одном месте есть шуба, которая бортами играет, как на гармошке, подолами своими танцует, а рукавами своими хлопает, как в ладоши. Если вы мне ее не достанете, то мне уже не спастись!

Они уверили его, что достанут шубу, и выступили в дорогу. Младший зять тоже сел на своего паршивого хромого коня и направился вслед за ними. Выехав за околицу села, они оглянулись назад и говорят:

— Зачем ты нас срамишь, зачем ты едешь с нами?

Опять поколотили его тяжко, оставили его у дороги, а сами ускакали.

Свинопас, зять алдара, пришел в себя от побоев, достал щетинку из карманчика для газыря, поднес к ней огонь, и конь тотчас предстал пред ним. Спросил он хозяина, что ему нужно, и тот рассказал ему о шубе. Конь замотал головой и сказал:

— Ее очень трудно вынести, но ничего не поделаешь, садись на меня!

Выступили они в дорогу. Одним махом он пронесся над головами двух старших зятьев. Те опять осенили себя крестным знамением и сказали:

— Каким бы ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

В скором времени он доехал туда, где горы бьются, как два барана, и конь сказал ему:

— Теперь смотри: как только две горы разойдутся, ты нанеси мне плетью такой удар, чтобы от бедра моего отскочила кожа на подошвы, а на ладони твоей вскочил волдырь.

Свинопас приготовился, и как только две горы отделились друг от друга, он так ударил плетью своего коня, что у того от

бедра отскочила кожа на подошвы, а на ладони его вскочил волдырь, и они оказались за горами.

Подъехали туда, где находилась шуба; шубу свинопас захватил с собой, и они вернулись туда, где две горы бьются, как бараны. Когда горы снова разошлись в разные стороны, он опять нанес своему коню удары плетью, и они пролетели между горами. Они уже почти проскочили, когда две горы снова столкнулись друг с другом, и хвост коня остался между ними. Увидев это, свинопас и шубе был не рад.

Едет он горюя по дороге, и явился к нему в образе бедняка Уастырджи:

— Откуда ты возвращаешься так поспешно,— спрашивает он его,— и почему ты такой печальный?

Юноша поведал ему свою историю и затем сказал:

— А печален я потому, что хвост моего коня оказался между двумя горами и горы оторвали его.

— Посмотри-ка, хвост твоего коня на своем месте, о чем ты еще горюешь!

Юноша оглянулся и действительно увидел, что хвост коня на месте. Он сразу повеселел. Они поблагодарили друг друга, и юноша поехал дальше своей дорогой.

По пути в каком-то селе он прикупил обыкновенную шубу и захватил ее с собой. Через некоторое время далеко в степи он заприметил своих свояков. Он опять ударил коня плетью и очень быстро пронесся над их головами; те снова осенили себя крестным знамением и сказали:

— Каким бы ангелом, каким бы духом-покровителем ты ни был, помоги нам!

— Я — не ангел и не дух-покровитель,— говорит он им в ответ,— я — земной человек! Откуда вы едете?

— Наш тесть-алдар болен,— ответили они,— а за горами, где две горы бьются, как бараны, есть такая шуба, которая бортами играет, как гармошка, подолом танцует, а рукавами хлопает, как в ладоши. Мы ездили искать для него эту шубу, но не смогли ее достать и едем обратно с пустыми руками.

Он опять им сказал:

— И у меня отец мой болен; ему говорили про эту шубу; я ездил раздобыть ее и раздобыл.

Те стали умолять его, чтобы он уступил шубу им. Он сказал:

— Если вы разрешите мне вырезать по ремню из кожи на ваших спинах, то я уступлю ее вам.

У них не было иного выхода: он срезал по ремню из кожи на их спинах и отдал им обыкновенную шубу, а сам сел на своего коня и быстро очутился у околицы села. Коня своего он отпустил на свободу, но сначала вырвал щетинку из его гривы и спрятал ее в карманчик для газыря. Сам же сел на паршивого хромого коня, и тот, прихрамывая, завез его во двор алдара.

Жена алдара и две его старшие дочери, увидев его, хохотали над ним до упаду.

— Вон опять приехал твой знаменитый зять! — сказали они алдару.

Тем временем показались два старших зятя; на головах у них папахи набекрень, руки в повязках, спины согнуты. Зашли они к алдару и поднесли ему обыкновенную шубу. Шубу положили, но она не играет, не танцует, не хлопает, будто в ладоши.

Пока они вели там разговоры и ожидали, когда шуба начнет играть бортами, как гармошка, танцевать подолами и хлопать рукавами, как в ладоши, явились к алдару младший зять с женой и принесли молоко лани, ключевую воду, оживляющую мертвецов, и шубу.

Подошел младший зять к алдару и говорит:

— Какие гордецы твои зятья, папахи носят набекрень!

Он взял в руки молоко лани, живую воду и шубу, положил их перед алдаром и говорил ему:

— Вот тебе молоко лани, а то молоко, которое для тебя достали твои зятья, было обычное молоко, которое я им продал; если ты не веришь этому, то заставь их снять свои папахи.

Алдар заставил их снять папахи и увидел, что у них не хватает по одному уху. Тогда свинопас достал из кармана их уши и положил их перед алдаром:

— А вот тебе их уши!

Затем свинопас сказал алдару:

— Твои зятья достали не оживляющую мертвецов ключевую воду, а простую воду, которую я им продал. Если не веришь этому, то осмотри их руки, я отрезал у них по одному пальцу и за это продал им простую воду.

Алдар приказал им развязать повязки на руках и увидел, что у них не хватает по одному пальцу. А свинопас достал из своего кармана их пальцы, положил перед алдаром и сказал:

— И шуба, которую они принесли, не та, которая бортами играет, как гармошка, подолом своим танцует, рукавами хлопает, как в ладоши. Это простая шуба, которую я продал им,

срезав с кожи на их спинах ремни. Если не веришь этому, то прикажи им снять рубашки.

Алдар приказал им снять рубашки и увидел, что все так, как сказал его младший зять. Тогда свинопас положил перед алдаром ремни, которые он вырезал с их спин, а сам поднял шубу и бросил ее на середину пола. Она ну давай играть, танцевать и хлопать!

Когда алдар убедился, что все так, как рассказывает младший зять, он сошел со своей постели, отнял все, что дал своим двум старшим зятьям, и прогнал их так, чтобы их и во дворе не было. Зятю же свинопасу он отдал лучшие свои дома и оделил всем остальным, что нужно ему было из скотины и прочего. Он узнал, что младший зять его, свинопас,— златокудрый юноша. Проживши там некоторое время, зять алдара стал советоваться с женой:

— Я пошел бы побродить,— сказал он ей,— укажи мне, с какой стороны у вас находится Черная скала.

Жене, дочери алдара, не хотелось, чтобы он уходил, и она скрывала от него это. Но когда он пристал к ней, она указала, с какой стороны находится Черная скала, и сказала:

— Туда уходило много людей, но обратно никто не вернулся.

Узнав, с какой стороны находится Черная скала, юноша подготовился к охоте и ушел бродить. Выйдя за околицу, он достал из карманчика для газыря щетинку своего коня, поднес к ней огонь, и конь тотчас предстал пред ним. Юноша сел на коня и направился в сторону Черной скалы. Когда он проезжал кустарником, впереди него неожиданно выскочила лисица. Младший зять алдара бросился преследовать ее и стрелять, но она добежала до своей норы под Черной скалой; юноша доскакал туда и последовал за ней в нору, но лисица ударила его своим хвостом, и он окаменел.

Когда его не стало, то дерево, которое было посажено перед воротами отцовского дома во имя его, стало сохнуть. Семья его: мать, отец и братья — узнали, что старшего сына их уже нет в живых.

— Я еду на поиски своего брата,— сказал средний брат.

И он поехал. Ехал он, ехал и приехал к Халин-Барагу; вошел он в пещеру, а череп говорит ему:

— Где ты пропадал, где ты бродил, почему ты ушел так далеко? Ведь я тебе говорил, чтобы ты далеко не уходил. А теперь поешь чего-нибудь!

Средний брат понял, что старший брат ушел отсюда. Он ничего не открыл черепу, переночевал там, а утром оседлал коня, выехал оттуда и приехал в село алдара, к своякам своего брата.

Когда люди увидели его, то каждый из них поспешил сообщить алдару добрую весть, что зять его нашелся и заявился домой.

Средний брат понял, что брат его был зятем алдара. Он заехал в дом алдара, убрал своего коня и доспехи; узнал он также, которая из дочерей алдара была женой его старшего брата.

Когда наступила ночь, он зашел в спальню брата. Жена брата постелила постель, и юноша лег спать. Жена брата тоже разделась и легла с ним рядом, как с мужем своим. Когда он убедился, что она его не узнает и считает его своим мужем, он взял меч, положил его на постель между собой и ею и сказал:

— Пусть этот меч изрубит на мелкие куски того из нас, кто этой ночью прикоснется к другому!

Женщину охватило подозрение: наверное, моего мужа заполонила та девушка, которая в облике лисы бродит под Черной скалой, и он живет с нею, иначе что это за новость!

Они проспали всю ночь до утра, а утром юноша сказал жене своего брата (так, как будто он был ее муж), что он едет на охоту.

Женщина, опечаленная, сказала:

— Воля твоя, поступай, как хочешь!

Юноша уехал; ехал он, ехал и попал в темный лес; выскочила перед ним чернобурая лисица; он бросился преследовать ее, стал в нее стрелять, но она спаслась, успела уйти в свою нору под Черной скалой. Когда и он доехал до этой норы, лиса ударила его своим хвостом, и этот юноша тоже окаменел.

Когда средний брат окаменел, то дерево, посаженное во имя его перед воротами, стало сохнуть. Увидев это, мать, отец и младший брат стали плакать. Младший брат говорит отцу и матери:

— Я еду на поиски брата!

Приехал и он в дом Халин-Барага. Череп и говорит:

— Как долго тебя не было! Где ты пропадал? Почему ты так далеко отлучился? Может быть, ты вздумаешь гоняться за чернобурой лисой Черной скалы? Так знай, что в погоне за ней погибло много людей. Но ты поступи вот как: прежде всего крепко закрой камнями вход в нору чернобурой лисы под Черной скалой и только после этого ищи ее! А теперь убери своего коня,

подкрепись, поешь, и если ты поедешь еще, то садись на третьего коня.

Младший брат понял, что его братья ушли отсюда и погибли, и узнал, почему они погибли.

Утром он вывел оставшегося третьего коня, оседлал его, сел на него и отправился охотиться. Ехал он, ехал и тоже попал в село алдара. Когда люди увидели его, они, соревнуясь друг с другом, поспешили сообщить алдару, что зять его вернулся.

Младший брат понял, в чем дело; зашел он в дом алдара; алдар обрадовался, что он вернулся благополучно. Юноша же, поняв, что братья его погибли, уже не открылся алдару.

Ночью жена старшего брата, приняв юношу за своего мужа, завела его в свою спальню, постелила постель, и младший брат лег с ней спать. Но и он положил между собой и ею меч, сказав:

— Пусть этот меч изрубит на мелкие куски того из нас, кто дотронется до другого!

Жена брата ничего не сказала ему, но опечалилась про себя и подумала: «Зачем он еще сюда является, если живет с девушкой, которая в облике чернобурой лисы обитает под Черной скалой?».

Так они провели ночь вместе; он узнал, где погибли его братья. Утром он оседлал своего коня и направился прямиком к Черной скале. Он подъехал туда, нашел лисью нору и, как его наставлял череп, крепко закрыл вход в нору. Затем он направился в дремучий лес искать чернобурую лису. Когда он проезжал кустарником, выскочила перед ним чернобурая лиса; он бросился ее преследовать, стрелять в нее; лиса быстро прибежала под Черную скалу, но увидела, что вход в нору закрыт. Ничего не оставалось ей делать, и она превратилась в красивую девушку.

Младший брат, увидев ее, спешился с коня и подошел к ней. Девушка сказала ему:

— Никто, кроме тебя, еще не осилил меня умом. С сегодняшнего дня я буду принадлежать тебе!

Юноша расспросил ее, куда девались его братья.

— Открой вход в нору,— сказала она,— и я тебе их покажу.

Он открыл вход в нору, девушка вошла туда и вынесла войлочную плеть; она ударила ею окаменевших братьев, и они стали такими, какими были.

— А вот это что за камни? — спросил ее младший брат.

— Это я превратила в камни всех тех, кто являлся за мной сюда,— ответила девушка.

Юноша попросил ее, чтобы она вернула всех в прежнее состояние. Девушка принялась ударять войлочной плетью по камням, и площадь перед Черной скалой наполнилась замечательно статными молодыми людьми. Они некоторое время провели там, радуясь друг другу, а затем каждый отправился домой.

Два младших брата рассказали старшему, как каждый из них попадал в дом алдара и как они проводили ночь в одной постели с его женой. Это показалось старшему брату оскорбительным, и он убил их обоих. Девушка-лиса, увидев это, тоже была оскорблена и захотела узнать, действительно ли они совершили нехорошее дело.

Они выехали оттуда и прибыли в дом алдара. Алдару и его людям было очень приятно, что зять вернулся да еще с пленницей.

Наступила ночь, и молодой человек удалился в свою спальню. Когда он лег в постель со своей женой, та взяла свои булатные ножницы, положила их между собой и мужем и сказала:

— Пусть эти ножницы изрежут на мелкие куски того из нас, кто дотронется до другого!

Мужу это показалось удивительным:

— Почему ты так говоришь? — спросил он ее.

— А почему ты после возвращения с охоты дважды положил свой меч между нами? — ответила жена.

Вот тогда старший брат убедился, что братья его были ни в чем неповинны и он напрасно убил их.

Девушка — чернобурая лиса, услыхав это, взяла с собой зятя алдара, и вместе они подошли к покойным; девушка — чернобурая лиса ударила их войлочной плетью, и братья стали тем, кем они были раньше.

Три брата и девушка — чернобурая лиса вернулись в дом алдара. Алдар убедился, что три брата были очень сильно похожи друг на друга, и это ему было очень приятно. Он собрал все село и устроил свадебный пир в честь младшего брата, который поймал девушку — чернобурую лису, обитавшую в пещере под Черной скалой.

Прожили три брата какое-то время в доме алдара, а затем их взяло беспокойство за отца и мать, и они выехали домой. Те два дерева, которые были посажены во имя их перед воро-

тами, стали снова расти, выбросили листву. Мать и отец, увидев это, в восторге стали обнимать деревья и даже не отходили от них, не заходили больше в комнату.

Тем временем братья с дочерью алдара и девушкой — чернобурой лисой доехали до дома Халин-Барага. Череп, увидев их, в восторге стал перекатываться из угла в угол и говорить:

— Отдохните, закусите чего-нибудь!

Тогда братья сказали девушке — чернобурой лисе:

— Этот череп наш спаситель. Если можешь, преврати его в прежнее состояние!

Девушка — чернобурая лиса взяла войлочную плеть, ударила ее череп, и он стал тем, кем был, но только в семь раз лучше. Череп этот оказался женщиной. Они ей очень обрадовались, приласкали ее, затем она рассказала и показала им, сколько Халин-Бараг сожрал людей и сколько человеческих скелетов было на этом месте.

Девушка — чернобурая лиса взяла войлочную плеть, принялась ею ударять по скелетам, и стали оживать красивые девушки и молодые люди. Их было очень много. Они радовались друг другу, пили, ели, а затем старший и младший братья выбрали в супруги для своего среднего брата самую красивую девушку.

После этого все распрощались друг с другом, и каждый из них направился к себе. Три брата с тремя своими женами прибыли домой и застали своих отца и мать под деревьями; они так состарились, что даже обросли грибками. Увидев своих сыновей, они в восторге заключили их в свои объятья, а затем девушка — чернобурая лиса взяла опять войлочную плеть, ударила ею старика и старуху, и те превратились в жениха и невесту, какими они были в дни молодости.

Девушка — чернобурая лиса обратила внимание на ветхие, невзрачные их дома; она дала мужу в руки ножичек и сказала ему:

— Иди по степи вот с этой палкой и строгай ее; на том месте, которое ты обойдешь, появится крепкий забор, а посредине двора — трехэтажный дом, в котором будете жить на всем готовом.

Тот так и сделал, и, действительно, появился мраморный забор, а посреди двора — трехэтажный дом.

Они перешли жить туда и стали жить там на всем готовом И сегодня еще они там живут.

Как из всего этого мы ничего не видели, так пусть не посетят нас ни напасти, ни болезни, и так пусть пропадет у меня желтуха *!

47. Бедняк и семь уаигов

Жили муж и жена. Муж перестал выходить даже за двери. Жена стала думать о том, как его заставить выйти за дверь. Однажды она приготовила похлебку и выставила ее за дверь — якобы остудить. Через некоторое время муж просит ее:

— Занеси похлебку, поедим чего-нибудь!

А жена отвечает:

— Иди и сам занеси!

Муж отказывался, но когда голод стал сильней, он быстро выскочил за дверь, а жена еще быстрее заперла ее изнутри. Муж долго колотил в двери, но она его не впустила и сказала ему:

— Отправляйся странствовать и раздобудь где-нибудь чего-нибудь, а то мы от бедности дошли до гибели!

Муж был ошеломлен, но другого выхода у него не было:

— Насыпь для меня в мешочек золы,— попросил он жену,— положи сыра и дай мне большое шило.

Жена дала ему все, что он просил. Отправился муж в дорогу.

Шел он, шел и видит в одном месте, что уаиг по ту сторону реки достает камни, бросает их в рот и обратно выбрасывает в виде пыли.

Увидев это, бедняк достал сыр из мешочка, разжевал его хорошенько, затем встряхнулся, и пепел, который был в мешочке, поднялся над его головой.

Наблюдает он дальше за уаигом и видит: тот берет камни и выдавливает из них капли воды. Тогда бедняк достал из мешочка сыры свои, сжал их, и из них потекла вода.

Уаиг увидел это, и нашел на него страх.

Бедняк позвал уаига к себе. Уаиг перешел на этот берег реки к бедняку, и тот ему говорит:

— Здравствуй, осел вонючий!

Уаиг остолбенело посмотрел на него, боясь даже заговорить, но все-таки ответил ему:

— Живи хорошо, горная пташка!

13 Заказ 2079

— Я покажу тебе «горную пташку»,— сказал бедняк,— если ты меня немедленно не отнесешь туда, где вы живете.

Уаиг перепугался, посадил его тотчас к себе на спину и понес. Прошли они значительное расстояние, и уаиг спрашивает его:

— Какой ты легкий, другого веса в тебе нет?

— Я пока не опускаю на тебя весь свой вес,— отвечает ему бедняк,— он привязан ко мне железными цепями, иначе я опустил бы его на тебя, и тогда бы ты почувствовал его!

— Опусти-ка его немножко на меня! — попросил уаиг.

Бедняк достал свое шило и воткнул его уаигу между лопаток. Уаигу стало больно, и он сказал:

— Довольно, подними его обратно!

Тогда бедняк вытащил шило.

Тем временем они прибыли в дом семи уаигов. Увидев их, семь уаигов переглянулись между собой и сказали:

— Кого это принес к нам в дом наш брат?!

Брат отозвал их в сторону и предупредил их:

— Пусть никто из вас не ругает его, иначе нам грозит гибель.

Стали братья совещаться, как им погубить его, и придумали вот что:

— Сегодня на ночь уложим его спать на большую скамейку, и когда он заснет, то разрубим его пополам большим цирыком, который достался нам от отца.

Так они и сделали. А бедняк ночью прикатил большую колоду, установил ее там, где он спал, и накрыл ее, а сам спрятался за дверью.

Уаиги выждали некоторое время, и, когда они решили, что бедняк уже спит, один из них зашел и нанес тяжелый удар цирыком по тому месту, где спал бедняк. Колода была разрублена пополам. Уаиг ушел и закрыл за собой дверь.

Утром уаиги зашли в эту комнату, а бедняк прикинулся, будто он только что проснулся, услышав топот их шагов, стал зевать и потягиваться. Он посмотрел на них, а уаиги переглянулись между собой, и им стало не по себе от его взгляда.

Стали они снова размышлять, что им с ним делать. На следующую ночь они постелили бедняку на полу. Он лег спать там, а уаиги взобрались на плоскую крышу и стали таскать туда целые горы. Бедняк догадался об их намерениях; он покинул свою

постель и спрятался за дверью. А уаиги стали бросать в трубу натасканные ими горы. Побросали все горы и сказали:

— Вот теперь мы с ним покончили!

А бедняк после этого снова улегся в свою постель.

Утром уаиги зашли к нему, и бедняк им говорит:

— Ослы вонючие, где вы меня уложили спать? Всю ночь мучили меня блохи!

Уаиги в страхе переглянулись между собой и сказали:

— Если для него это были блохи,— он погубит нас!

Утром они ушли на охоту, а бедняк приготовил из всей муки, которую он взял у них, один чурек, положил его и стал разводить вокруг него огонь. Вечером он захотел перевернуть чурек на другой бок, но тот придавил его.

Вернулись уаиги, ищут его, а он кричит им из-под чурека:

— Ослы вонючие, я здесь! Замучили вы меня холодом, вот я под чуреком и греюсь. Отбросьте-ка его в сторону!

Они отбросили чурек, и бедняк вылез оттуда. Увидев, что он из всей их муки приготовил один чурек, уаиги опять переглянулись между собой и сказали:

— Он и из нас кого-нибудь съест!

А бедняк объявляет им:

— Завтра я отправляюсь домой. Вы должны собрать все свои драгоценности, какие только имеются у вас, и доставить их вместе со мной ко мне домой!

Уаиги в страхе опять переглянулись между собой и сказали:

— Добро свое мы ему отдадим, но кто же понесет его?

Они долго совещались между собой, а потом выбрали сильнейшего. Утром наложили на его спину все ценности, какие только у них имелись. Бедняк уселся сверху, и они направились к его дому.

Когда они прибыли в дом бедняка, то уаиг стал дрожать со страху, что тот его больше не отпустит, оставит у себя дома. Он занес в дом бедняка все ценности, которые притащил на своей спине. Жена бедняка обрадовалась им. Они поблагодарили уаига, и он отправился обратно домой.

Когда он отошел уже далеко от дома бедняка, повстречалась ему лиса:

— Где ты был? — спрашивает она его.

Уаиг рассказал лисе, что к ним попал некий человек, который обобрал их и заставил отнести все их добро к себе домой.

Лиса выслушала рассказ уаига и усмехнулась:

— Кого ты испугался? На свете никого нет слабее человека. Пойдем, и ты сожрешь его.

Уаиг стал отказываться. Тогда лиса предложила ему:

— Если ты боишься, держись за мой хвост и пойдем вместе!

Так они и сделали. Когда они дошли до нижнего края села, бедняк их сразу заметил и вскочил на плоскую крышу дома. Ему стало не по себе.

Когда уаиг и лиса приблизились к дому бедняка, бедняк говорит лисе:

— Я тебе приказал привести барана, а ты опять ведешь козла!

Уаиг решил, что лиса ведет его на гибель, чтобы бедняк его съел. Схватил он лису за хвост, поднял ее высоко и ударил со всего размаху о стену, а сам пустился в бегство.

Бедняк же спустился с плоской крыши, содрал с лисы шкуру и сшил своей жене воротник.

Воспользовавшись имуществом уаигов, стали они с женой жить и поживать.

Как из всего этого мы ничего не видели, так пусть и вас, слушателей сказки, да не посетят никакие напасти, никакие болезни!

48. Бедняк и его жена

Давным-давно жили муж и жена. У них было три сына и три дочери. Трех сыновей они женили еще при своей жизни. Когда мать заболела, она призвала трех своих сыновей и сказала им:

— Я умираю, но трех родных сестер оставляю на ваше попечение. Кто бы их ни сватал — пернатый ли, зверь ли, не отказывайте ему!

Мать умерла. За ней последовал и отец. Братья не забывали завещания своей матери, помнили его.

Явился к ним ворон сватать одну из сестер, и братья выдали за него старшую сестру.

Явился к ним орел, и они выдали за него среднюю сестру.

Явился к ним волк, и они выдали за него младшую сестру.

Старший зять в день совершал один оборот по небесному пространству, средний — два, а младший зять — три оборота, а жить они жили в разных местах на развилке семи дорог.

Однажды жена младшего брата, необыкновенная красавица, вышла по воду, и с берега реки похитил ее семиглавый великан на своем могучем коне. Увидев, что невестка долго не возвращается домой, жены двух старших братьев стали ее разыскивать, искали три дня, но не нашли ее. Тогда они объявили об этом братьям. Муж ее узнал, что жену его похитил семиглавый уаиг; призвал он своего шафера и кума и спросил их:

— Кто из вас каким дарованием обладает?

Шафер сказал:

— Если человек умрет, то я могу снова вдунуть в него душу.

А кум сказал:

— Если у покойника кости не пострадали, а только мясо его мелко изрублено, как будто на фидгун, то я могу все поставить на свое место одно к одному.

А затем и они его спросили:

— Для чего нужны тебе наши дарования?

Он ответил:

— Вашу дорогую сестру похитил семиглавый великан, и нам нужно отправиться на ее поиски. Если с нами где-нибудь что-нибудь случится, то мы можем погибнуть, не имея никакого дарования.

Они приготовили провизию, сели все трое на своих коней и отправились в дорогу. Через трое суток повстречалась им по дороге лиса. От голода она каталась на спине то в одну, то в другую сторону.

Шафер предложил убить ее, но тут лиса им говорит:

— Вместо того чтобы убивать, накормите меня, и в нужный день я вам пригожусь.

Они накормили ее так, что ей больше и не хотелось есть.

Лиса дала им три белых волоска со своей головы и сказала:

— Если я вам понадоблюсь, то подожгите спичкой мой волосок, и я явлюсь к вам.

Они поехали дальше и встретили волка, тоже голодного. Накормили и его. Он тоже дал им три волоска. Доехали они до морского берега. Море выбросило на сушу большую рыбу, и все трое в один голос сказали:

— Мы нуждаемся в еде на дорогу, вот чудесная еда для нас!

А рыба им отвечает:

— От того, что вы съедите меня, пользы вам не будет. Лучше возьмите со спины моей три чешуйки и бросьте меня в воду.

И я вам пригожусь. Если я вам буду нужна, то подожгите мою чешую спичкой, и я к вам явлюсь.

Доехали они до старшего зятя-ворона. Сестра обрадовалась им, спрашивает:

— Что с вами, какие у вас новости?

Брат рассказал ей про свои дела, и она ответила ему:

— Если где-нибудь что-нибудь произошло, то муж мой, который совершает в сутки один оборот по небу, увидит это. А пока спрячьтесь!

Тем временем поднялся ветер от взмахов вороньих крыльев. Ворон прибыл домой, сердито зашел в комнату, сразу сел на стул, и ножки стула до половины ушли в землю.

— Что с тобой? — говорит ему жена.— Таким разгневанным, как сегодня, ты никогда не был.

— Что делать? — отвечает он.— В течение скольких лет ежедневно я совершаю один оборот вокруг небесного свода и никогда не видел более чудесного дела, чем сегодня: семиглавый одноглазый великан уносил знаменитую красавицу. Богом мне дано право одного удара. Я нанес ему удар, и конь его по щиколотку ушел в землю. Вот почему я и разгневан. Оставь это, хозяйка, скажи лучше, что за аллон-биллонским духом пахнет?

Она отвечает:

— Есть у меня аллон-биллоны, но боюсь их тебе показать, ты можешь с ними что-нибудь сделать.

Он дал ей слово, что никакого зла им не причинит, и она показала их ему. Они рассказали друг другу про свои дела, и старший зять, ворон, сказал им:

— Вы погубите себя, не справитесь с ним. Будет лучше, если вы вернетесь обратно по домам.

Они не послушались его и утром, сев на коней, поехали дальше своей дорогой. Доехали до второго зятя. Брат и сестра расспросили обо всем друг друга, и он рассказал ей про свои дела. Она сказала брату и его товарищам:

— Муж мой делает в сутки два оборота по небесному своду, и если где-либо произошло что-либо, то он будет знать об этом.

Вечером зять прибыл домой, гневно сел на скамью, и ножки скамейки целиком ушли в землю.

— Что с тобой? — спрашивает его жена.— Ты никогда не был в таком гневе, как сегодня.

— Не спрашивай меня об этом! Но почему здесь аллон-биллонским духом несет?

— И аллон ты сам, и биллон ты сам. Скажи все-таки, что с тобой?

— Что тебе сказать? У меня есть право совершать по небесному своду в сутки два оборота, и я не видел более чудесного дела, чем сегодня: семиглавый великан уносил знаменитую красавицу. Я нанес ему два удара, конь его по колени ушел в землю, и все-таки он не остановился, не подождал меня.

Жена показала ему своих аллонов-биллонов. Они рассказали друг другу про свои дела, и средний зять сказал:

— Ничего вы с ним не сможете сделать. Возвращайтесь лучше по домам!

Они и его не послушались и направились к младшему зятю. Приехали к нему. Младшая сестра тоже очень обрадовалась брату и его товарищам. Рассказали друг другу про свои дела. Младшая сестра говорит:

— Если где-либо случилось что-нибудь, то муж наш увидит это, так как он делает в сутки три оборота по небесному своду.

Вечером зять вернулся. Он быстро вошел в свой дом, в гневе сел на скамью, и она распалась под ним на две равные части.

— Что ты в таком гневе вернулся домой? — говорит ему жена.— Где и что ты видел?

— Об этом ты меня не спрашивай. Но почему от тебя несет запахом горной пташки?

— Я тебе скажу об этом. Но сначала расскажи, что ты видел?

— Со дня своего рождения я совершаю три оборота по небесному своду в сутки и никогда не видел ничего чудеснее, чем сегодня: семиглавый одноглазый железный великан на коне уносил изумительную красавицу. Я нанес ему три удара, от третьего удара конь его по уши ушел в землю,— и все-таки он не остановился.

Жена ему говорит:

— Это была жена моего младшего брата. Они ее разыскивают втроем. Если ты не причинишь им зла, я покажу их тебе.

Он обещал ей, и она показала ему своего брата и двух его товарищей. Он сказал им:

— Не ищите его! Ничего вы с ним не сделаете, только погубите самих себя!

И все-таки они не послушались его. Шафер и кум остались там, а муж направился на поиски семиглавого великана. Он нашел его дом. Видит: семиглавый железный великан спит; изо

рта своего он выбрасывает раскаленные угли; молодая красавица отгоняет от него мух. Она увидела своего мужа в дверях, они сразу же узнали друг друга, и он дал ей знак рукой: выходи, чтобы мы могли убежать!

Жена говорит ему:

— Говори, не бойся, что он проснется, он спит обычно целую неделю!

Она вышла к нему, и они сели на коня.

Прошло четверо суток. Железный конь великана задней ногой ударил в стену, и стена обвалилась на семиглавого великана.

— Да съедят тебя собаки! — закричал великан на своего коня.

— Пусть меня съедят собаки, но твоей красавицы-жены здесь нет больше! — отвечает ему конь.

— Спешить ли мне или медлить? — спрашивает его великан.

— А это, как ты хочешь. Снаряжайся так, как хочешь!

Он снарядился не торопясь, как хотел, сел на своего коня и погнался за ними.

А муж наказал жене:

— Может быть, он нагонит нас. Не позволяй ему тогда ломать мои кости. Положи мое тело в хурджины, привяжи их к седлу коня и нанеси ему один удар по крупу.

Семиглавый великан быстро нагнал беглеца. Он изрубил его на мелкие куски.

Жена положила тело его в хурджины, приторочила их к седлу коня, ударила один раз коня по крупу, и тот поскакал той же дорогой, какой ехал сюда.

Великан вернулся с красавицей к себе. А конь доскакал до дома зятя. Положили на черную бурку части тела убитого. Кум приставил каждую часть к своему месту, шафер войлочной плетью нанес по телу удар, и молодой человек ожил.

— Приготовь мне быстро еду с собой, я отправлюсь в балц,— сказал он своей сестре.

Она быстро приготовила все, что нужно было в дорогу. Он сел на коня и отправился в путь. Заехал к некоему алдару, рассказал ему про свои дела и попросил алдара:

— Подари мне жеребую кобылицу.

Алдар ему отвечает:

— Если с моей кобылицей случится что-либо, то я сниму с

тебя голову и посажу ее на сотый кол. Как раз на ста кольях плетня моего не хватает одной головы.

Он отдал ему жеребую кобылицу. Тот стал пасти ее, держа за уздечку. Но к утру он заснул, и уздечка выпала из его рук. Кобылица удрала на водопой. Он проснулся, забѐгал, но не нашел ее. Тогда он поджег волосок лисы, она тотчас явилась к нему и сказала:

— Следуй за мной!

Он поймал кобылицу на берегу Терека в тот момент, когда она пила воду, и привел ее к алдару. Алдар очень удивился этому и одолжил ему кобылицу на вторую ночь. Он опять стал пасти ее, держа за уздечку. К утру она у него пропала. Он проснулся, забегал туда-сюда, но кобылицы не нашел. Тогда поднес он спичку к волоскам волка, волк явился к нему и сказал:

— Следуй за мной!

Они быстро нашли кобылицу в тот момент, когда она пила воду из источника. Привел он ее обратно к алдару. Тот дал ему кобылицу и на третью ночь, но строго наказал:

— Этой ночью к раннему утру моя кобылица должна ожеребиться, к рассвету она повернет задом в сторону реки.

Он отвел кобылицу и стал пасти, держа за уздечку рукой. Но среди ночи он заснул, уздечка выпала из его рук, и кобылица исчезла. Он вскоре проснулся, засуетился, но кобылицы не нашел, бедняга. Тогда он вспомнил про рыбу: ведь и она что-то мне обещала! Поднес спичку к чешуе, и рыба, рассекая море подобно кораблю, тотчас подплыла к нему и сказала:

— Следуй за мной!

Она довела его до кобылицы, и он быстро поймал ее.

Алдар предупредил его, как кобылица будет жеребиться:

— Как покажется голова жеребенка, то надень на него свою уздечку. Когда покажется место для седла, то быстро оседлай его. Не дай ему коснуться земли, возьми его на руки, дай ему глотнуть три глотка материнского молока и тогда садись на него! После этого он будет тебе послушен.

Выполнив наставления алдара, он направился в дом сестры, приехал туда и сказал ей:

— Вот теперь будет то, что суждено богом!

Отправился он к семиглавому великану. В три дня доскакал туда, куда ходу было три месяца. Привязал коня своего у ворот, а сам вошел в дом. Видит, семиглавый великан спит, а жена его отгоняет от него мух.

— Едем, ничего больше не бойся! — сказал он своей жене.

Сели они на коня и бежали.

А одноглазый железный конь великана ударил задней ногой стену, и семиглавый великан оказался под досками.

— Спешить ли мне или медлить? — спрашивает его опять великан.

— Торопись, как можно быстрее,— отвечает ему тот.

— Что с тобой случилось? — говорит ему великан.— Ведь ты никогда так не говорил, как сейчас.

— Коня, на котором они скачут, родила та же мать, которая родила и меня,— ответил железный конь.— Когда я появился на свет, то ты дал мне возможность глотнуть только один глоток материнского молока, а ему дали возможность глотнуть три раза, и он обладает большей силой, чем я. Вот потому-то на этот раз я даю тебе такой ответ.

Великан торопливо сел на коня и погнался за ними. Преследует он их, но нагнать не может. Им надо было перескочить через какое-то ущелье. Жеребенок прыгнул и оказался на другой стороне на десять саженей от края ущелья. Конь великана тоже прыгнул, но, долетев до середины, свалился в ущелье и разбился там вместе с великаном.

Молодой человек радостный отправился домой, вместе с ним поехал шафер и кум.

Как ничего из всего этого ты не видел, так пусть тебя не посетит никакая болезнь!

Пусть будет у тебя столько добра, сколько слов ты произнес!

А очередь сказывать сказку за тобой!

49. Своевольная кривобокая девица Каскатина

Давным давно жили муж и жена. У них было три дочери. Заболев, жена завещала мужу:

— Я умираю и прошу тебя, не женись на женщине синеглазой, паршивоголовой и с потрескавшимися пятками.

Она пожила еще некоторое время, а затем умерла. После ее смерти муж долгое время не решался жениться. Дочери ворчали на него и уговаривали его жениться. Однажды он им и говорит:

— Вот сегодня же я отправляюсь свататься.

И в тот же день выступил в дорогу. Шел он, шел и попал в одно село. Встретилась ему женщина, синеглазая, паршивоголовая, с потрескавшимися пятками.

— Куда ты идешь, добрая женщина? — спросил он ее.

— Ищу мужа себе,— ответила она.— А ты куда идешь, добрый человек?

— А я ищу себе жену.

— В таком случае мы пригодимся друг другу,— сказала женщина.

Мужчина ответил ей:

— Когда жена моя умирала, она завещала мне, чтобы я не женился на синеглазой, паршивоголовой и с потрескавшимися пятками женщине. Я должен исполнить ее завещание.

— В таком случае счастливого тебе пути,— сказала ему женщина, и они направились по разным дорогам. Женщина быстро покрасила свои глаза и волосы на голове, а трещины на пятках залила воском, и они опять встретились.

— Счастливого пути, добрый человек! — говорит ему женщина.

— Счастливого пути и тебе, добрая женщина! — отвечает он.

— Куда ты направляешься?

— Иду искать себе жену. А ты куда идешь, добрая женщина?

— Ищу себе мужа,— отвечает она.

— В таком случае мы пригодимся друг другу,— сказал он ей.— Жена моя так мне указывала: чтобы женщина, на которой я женюсь, была кареглазая, черноволосая, без трещин на пятках.

— Ну, тогда идем вместе.

И пошли они вместе. Пришли к себе домой, отец позвал дочерей и сказал им:

— Ну, дочери мои! Я исполнил завещание вашей матери!

Не было предела их радости, их играм! Дочери его были так радостны, что смех их далеко разносился. Они были необычайно довольны, что отец исполнил завещание их матери.

Но прошло только несколько дней, и девушки стали волноваться, огорчаться, что мачеха их никогда не умывается. Сказали они и отцу своему, что мачеха не умывается и даже хлеб печет, не умывшись. Муж сказал своей жене, чтобы она умылась, и оказалось, что она синеглазая, с потрескавшимися пят-

ками, паршивоголовая. Девушки были этим страшно огорчены. А мачеха стала натравливать отца против своих дочерей.

Однажды он заявил:

— Ну, сегодня я отправляюсь в лес на охоту.

Вечером он вернулся из лесу; спрятал два румяных яблока в своих ноговицах, а еще одно между двух лопаток на спине своей. Зашел в дом и обращается к старшей своей дочери:

— Подойди, сними мои ноговицы!

— Как же, ты хорошо выполнил завещание моей матери, и я еще должна снимать твои ноговицы!

Он обратился к средней дочери, и она ему то же ответила:

— Ты ведь не исполнил завещания матери!

Он обратился к младшей дочери, и младшая сказала сестрам:

— Да изольются вам сукровицей труды отца и матери!

Подбежала она к отцу, сняла у него ноговицы с одной ноги, и оттуда выпало одно яблоко.

Две старшие дочери подбежали к отцу и говорят ему:

— Ах, боже! Отведи и нас туда, где ты нашел это яблоко!

Младшая дочь сняла ноговицы с другой ноги отца, оттуда тоже выпало яблоко, и две старшие дочери набросились на него.

После этого отец обращается к старшей дочери:

— Почеши мне спину!

— Как же! — отвечает старшая дочь.— Хорошо ты исполнил завещание нашей матери!

И отказалась. Средняя дочь ответила так же. Тогда он обратился к младшей дочери, и она сказала своим сестрам:

— Да оплатите вы сукровицей труды отца и матери! Почему вы не слушаетесь отца своего?!

Она встала и почесала спину отца, оттуда выпало яблоко. Дочери опять подбежали к нему:

— Ах, боже, баба! Отведи нас туда, где ты нашел это яблоко!

— Завтра поищу это место и отведу вас туда,— сказал он им.

Утром отец отправился в лес и под яблоней вырыл глубокую яму. Яму наполовину наполнил яблоками, накрыл ее грубошерстным покрывалом и набросал на него яблок.

Вечером он вернулся домой и сказал дочерям:

— Будьте готовы к утру, я нашел это место и отведу вас туда.

Девушки обрадовались и к утру подготовились в путь. Утром отец встал и обращается к дочерям:

— Собирайтесь!

Отец приказал приготовить для них еду, и они выступили. Шли они, шли, и, когда приблизились к яблоне, отец сказал им:

— Не подходите к ней поодиночке, но возьмитесь друг с другом за руки, вон под деревом навалена куча яблок, но вы не набрасывайтесь на них!

Три девушки взялись за руки, подошли к дереву, набросились на кучу яблок и провалились в яму. Отец потрусил для них и те яблоки, которые оставались на дереве, снова накрыл их грубошерстным покрывалом и бросил их там. Вернулся домой и стал жить со своей женой. Девушки же жили, пока им хватило яблок. Они то плакали, то пели. Когда у них не осталось больше и яблок, то старшая из них стала молить бога:

— О бог богов, бог мой! Обрати мой большой палец в заступ!

Средняя сестра стала молить бога:

— О бог богов, бог мой! Обрати мой средний палец в лопату!

И младшая сестра молит бога:

— О бог богов, бог мой! Обрати мой мизинец в мотыгу!

И по их молению у каждой появилось то, что они просили: у одной — заступ, у другой — лопата, а у третьей — мотыга. Они начали копать. Копали, копали, и открылась перед ними дверь в ханскую мельницу. Вошли они туда. Поели там муки и принялись играть, и не было границ их играм и песням; они всполошили весь свет.

Призывает хан одного из своих слуг и приказывает ему:

— Иди, проведай мельницу!

Тот пришел на мельницу, услышал игру и пение трех сестер, вернулся к хану и доложил ему:

— О хан, да умножится твое благополучие, да умножится твое счастье, клянусь ангелом твоим! На мельнице находятся девицы, которым нет равных ни по стройности, ни по внешности, а игрой и пением своим они оглашают всю страну!

Выслушав слугу, хан в гневе сказал:

— Кто смеет зайти в мою мельницу? Немедленно отсеките ему голову! — приказал он другим своим слугам, и те отсекли слуге голову.

После этого хан приказал двум другим слугам:

— Идите вы проведайте мельницу!

Они подошли к мельнице и прислушались к тому, что там происходит. Никогда они не слышали ничего подобного игре трех сестер, ничего равного их пению. Своей игрой, своим пением они оглашали всю страну.

Вернулись они к хану и говорят ему:

— О хан! Да не иссякнет твое благополучие, да не покинет тебя счастье! На твоей мельнице находятся три девицы, в мире нет ничего подобного их игре, ничего равного нет их песням. Своей стройностью, своей внешностью они освещают мир!

— Рожденные собаками! Как они смеют говорить, что на мою мельницу зашли такие девицы!

И он приказал отрубить головы и этим двум слугам.

Поотрубав таким образом головы многим своим людям, он обратился к своей жене и приказывает ей:

— Отправляйся немедленно, посмотри сама, что там за новости?

Жена хана пришла на мельницу и увидела тех же трех девиц, что и слуги, вернулась обратно домой, зашла к мужу и говорит ему:

— О хан! На твоей мельнице находятся три такие девицы, игра которых не имеет равной, смеху которых нет ничего подобного, своей игрой, своим смехом они оглашают всю страну!

Хан приказывает своим слугам:

— Если они такие, то живо приведите их сюда! Что это за ангелы, что это за духи-покровители?

Слуги зашли на мельницу и говорят девушкам:

— Какими бы вы ни были ангелами, какими бы вы ни были духами-покровителями, покажитесь нам!

— Мы не ангелы и не духи-покровители! — ответили три сестры.— Мы — бедные горные птички!

Слуги вывели трех девиц из мельницы и привели их к хану. Хан спрашивает их:

— Что вы за ангелы, что за духи-покровители? На мою мельницу не смеет залететь и малая птичка, каким же образом вы туда попали?

Они рассказали хану все, что с ними случилось и как они попали на его мельницу.

— Ладно,— говорит им хан.— Вы мне чем-нибудь пригодитесь. Скажите, кто из вас на что горазд?

Старшая сестра говорит:
— Я тебе из одной связки шерсти приготовлю сто кошм.
Средняя сестра говорит:
— Я одним яйцом накормлю сто твоих гостей.
А младшая сестра говорит:
— Я тебе рожу златокудрых мальчика и девочку.
Хан оставил их при себе. Младшая сестра стала его женой, а старшая и средняя сестры стали выполнять ту работу, о которой они говорили хану.
Однажды хан отправлялся в балц. Он сказал жене:
— Когда наступит тебе время разрешиться, ты позвони в колокольчик. Звуки его дойдут до слуха моего коня, и я в тот же час явлюсь к тебе.
Две сестры тайком подслушали разговор. Побежали они к знахарке и передали ей то, что они слышали. Знахарка посоветовала им заткнуть уши коня восковыми затычками. Хан не мог знать об этом и уехал на своем вещем коне в долгий балц.
Когда жене хана наступило время разрешиться, то она стала звонить в колокольчик, но конь хана не мог услышать звуков колокольчика, и муж не явился.
Когда жене хана стало тяжело, она обратилась к сестрам:
— О сестры мои! Неужели вы ничего не знаете о том, как рожала наша мать?
— Как же,— отвечают они ей,— наша мать не рожала подобно тебе на пуховых подушках! Она подымалась на плоскую крышу дома и рожала в дымовой проход!
Что она могла поделать? Когда ей стало невмоготу, то она залезла туда, куда ей указали сестры, родила там златокудрых мальчика и девочку.
В это время и у суки наступило время ощениться, и она ощенилась щенятами. Сестры подбежали к сестре, схватили ее детей и спрятали их в ящичках стола, а у суки взяли двух щенят и сунули их сестре с обоих боков.
Хан не вытерпел и вернулся, недоумевая, почему ему ничего не сообщают. Едва прибыв домой, он спрашивает:
— Ну, кого родила моя хозяйка?
— Вот кого она родила,— отвечают ему две сестры,— двух сукиных щенков!
— Быстро заверните ее в бычью кожу и с двумя щенками бросьте ее в угол за дверью! — приказал хан своим слугам.

Те завернули ее с двумя щенками в бычью кожу и бросили в угол за дверью.

А две сестры совещаются между собой:

— Что-нибудь надо сделать с детьми! Надо их бросить в реку!

Они взяли детей и в ящичках тайно от хана бросили их в реку.

Река носила детей в ящичках некоторое время, а затем выбросила на отмель. Там дети подросли и стали жить.

Однажды они играли на берегу реки, головы их блестели как огонь, так как они были златокудрые. Хан вывел своего коня на водопой, увидел детей и чрезвычайно удивился. Он долго смотрел на них, потом привел коня обратно и впал в долгую задумчивость. Убрав коня, он торопливо вошел к себе и говорит двум сестрам:

— Я сегодня видел необыкновенное чудо. Когда я отводил коня на водопой, на берегу реки играли двое таких детишек, как мне обещала родить моя хозяйка. Я не мог оторвать от них своих глаз, мне не хотелось сдвинуться с места — все смотрел бы на них.

Две сестры перепугались — если он их узнает, то мы погибнем! Они опять побежали к знахарке и сказали ей, что их ожидает гибель.

Знахарка пошла к мальчику и девочке. Мальчик был на охоте, а девочка сидела на берегу реки.

— Что это он держит тебя на берегу реки! — говорит ей знахарка.— Построил бы он вместо этого для тебя железную башню в чаще темного леса, а не держал бы тебя здесь!

Когда мальчик вернулся, девочка ему говорит:

— Ты меня держишь тут, вместо того чтобы построить для меня железную башню в чаще темного леса!

Выслушав сестру, мальчик отправился в лес и построил для нее железную башню, разукрашенную золотом. Они переселились туда и стали жить там.

Сколько времени они прожили, неизвестно, но вот однажды хан отправился на охоту, наткнулся на них и необычайно удивился:

— Я опять встретился с ними! Никогда я таких не видал и не встречал!

Осмотрел он их жилище и, вернувшись домой, опять сказал двум сестрам:

— Я видел опять таких детей, каких обещала мне родить моя хозяйка. Не могу их забыть.

Услышав про это, две сестры опять пошли к знахарке. Знахарка решила, что надо против детей что-то предпринять. Пришла она к ним и застала одну девушку. Юноша в это время был на охоте.

Знахарка говорит девушке:

— Ну, что из того, что он построил для тебя башню посреди этого леса! Вот если бы он достал тебе для веселья беличью шубу, которая рукавами хлопает, как в ладоши, подолами танцует, а воротником своим играет, как гармошка!

Юноша вечером вернулся и застал сестру свою грустной:

— Что с тобой, почему ты грустна? — спрашивает он ее.

— Вот так, я грустна,— ответила она,— и я хочу, чтобы ты достал мне вот такую-то и такую-то шубу!

— Ну, не грусти из-за этого, я достану тебе ее!

К утру сестра приготовила ему на дорогу еду, легкую для спины, приятную для желудка. Юноша отправился в путь и дошел до одного кургана; прилег он на кургане и говорит:

— Ох, ана, что мне делать?

Из кургана выскочила к нему женщина, у которой один клык уходил в небеса, а другой в землю, и говорит ему:

— Если бы ты не сказал «Ох, ана», то тебе не поздоровилось бы! Пусть твоя ана насытится твоими светлыми радостями! Что ты за ангел, какой ты дух-покровитель, ведь сюда ни зверь не идет, ни птица не летит?

— Я не ангел и не дух-покровитель,— говорит он ей,— вот та́к и так, я отправляюсь на поиски такой-то шубы, где мне ее найти?

Она указала ему, где ее найти, и добавила:

— Множество людей пытались раздобыть ее, но никто не смог ее захватить, испытай и ты свое счастье!

Отправился он в дорогу, как она указала ему. Прибыл туда, где находилась шуба, достал ее и доставил к себе домой. Сестра радовалась ей. Как она могла не радоваться: шуба играла, как гармошка, хлопала в ладоши и танцевала! Как она могла теперь быть грустной!

Прошло сколько-то времени, и знахарка опять явилась к девушке.

— Вот если бы он достал тебе зеркало, в которое можно видеть тело покойной вашей матери! — сказала она ей.

14 Заказ 2079

Девушка опять прикинулась печальной и сказала брату своему:

— Вот если бы ты достал такое-то зеркало!

— Да не будет бог доволен тобой! — говорит ей брат.— Ты губишь и себя, и меня, ты толкаешь меня к гибели!

Она опять приготовила ему в дорогу провизию, легкую для спины, приятную для желудка, и он отправился в путь. Шел он, шел и попал опять на тот же курган. Прилег на нем и опять говорит:

— Ох, ана, что мне делать?

Выскочила к нему та же женщина и говорит:

— Если бы ты не сказал: «Ох, ана», то тебе не поздоровилось бы! Пусть твоя ана насытится твоими светлыми радостями!

Он рассказал ей: вот такое-то и такое-то дело!

Женщина говорит:

— Увы, этого зеркала никак нельзя достать! Множество людей из-за него полегло! Ну, чем я тебе могу помочь? Что мне с тобой делать? Его охраняют железомордые собаки, связанные железными цепями. Есть там такие петухи, которые никого к нему не подпускают. Когда они поют, то пение их слышно по всем странам. А идти тебе надо так, чтобы ты оказался там, когда откроются небесные ворота, а когда ты захватишь зеркало, успей выскочить, когда они откроются второй раз.

Дала она ему буйволиную тушу для собак, а для петухов мешок проса:

— Когда откроются небесные врата, то ты заскочишь туда, собаки же набросятся на буйволиную тушу, а петухи будут заняты просом.

Он захватил все это с собой. Когда открылись небесные врата и собрались собаки, он бросил им буйволиную тушу, просо же рассыпал для петухов, и они бросились клевать его. А юноша заскочил в открытые небесные врата и схватил зеркало. Когда врата раскрылись второй раз, он выскочил наружу. Дорогой он зашел к женщине, та была чрезвычайно приветлива к нему. Зеркало он доставил своей сестре, и сердце сестры наполнилось радостью: она с шубой танцевала, а в зеркало любовалась собой!

Так они прожили некоторое время, и опять явилась к ним знахарка.

— Что из того, что он достал зеркало! — говорит она девуш-

ке.— Вот если бы он взял себе в жены Каскатину, своевольную кривобокую девицу, которая носит черную шляпу!

Брат вернулся вечером и опять застал сестру грустной:

— Что с тобой, почему ты грустная? — спрашивает он ее.

Она ему отвечает:

— Ну, что в том, что ты достал для меня то, что я хотела! Ты бы взял себе в жены Каскатину, своевольную кривобокую девицу, которая носит черную шляпу. Она мне будет подругой, а то я изнемогаю от одиночества.

Брат сказал:

— Да не простит бог ни тебе самой, ни тому, кто натравливает тебя, ты домогаешься моей гибели!

Дал он ей шило и говорит:

— Каждое утро втыкай его в свою ладонь, и если потечет из раны молоко, то значит я еще жив, а если потечет кровь, то значит меня уже нет, и заботься о себе сама!

Отправился он в дорогу и опять дошел до того кургана, опять прислонился к нему и сказал:

— Ох, ана, что мне делать?

Вышла к нему опять та же женщина и говорит ему:

— Пусть мать насытится твоими радостными днями!

Он рассказал ей о том, чего от него требует его сестра. Женщина говорит ему:

— Увы, они добиваются твоей гибели, пусть не простит им этого бог! Вот теперь и я уже ничем не могу тебе помочь: Каскатина множество людей превратила в истуканов. Никто не может ее осилить!

— Как бы то ни было, но я должен попытаться одолеть ее,— сказал юноша.— Не могу же я поворотить назад!

Отправился он в дальнейший путь. Как только он дошел до Каскатины, она превратила его в истукана.

Сестра его каждое утро втыкала в свою руку шило, и вот однажды из ее ладони потекла кровь:

— Увы, у меня больше нет брата! — стала причитать сестра.— Где теперь мне найти другого брата?

С этими словами она исцарапала все лицо свое. А затем она быстро собралась и выступила в дорогу на поиски брата. Шла она долго и дошла до одного кургана. Она облокотилась об этот курган, чтобы передохнуть в пути, и промолвила печально:

— Ох, ана, что мне делать, как мне быть?

Это был тот же курган, и к ней вышла та же женщина:

— Пусть мать твоя насытится твоими радостями! — сказала она ей.— Если бы ты не сказала так, то с тобой было бы то, что надлежало бы: из жалости к тому юноше я бы расправилась с тобой. А теперь перестань плакать, не трудись больше! Ты ему не можешь ничем помочь. Никто не может одолеть ее!

— Раз погиб мой брат,— ответила та,— то и я не считаю для себя достойным жить без него. Пойду навстречу своей гибели.

Долго шла она и добралась до того места, где жила Каскатина. Около ее жилища она увидела огромное количество истуканов, и во весь голос она закричала:

— Ах ты, посмешище для всех, продажная Каскатина, своевольная кривобокая девица под черной шляпой! Не тебе подобало обратить в истуканов столько людей, а мне!

Услышав такой крик, Каскатина высунула из окна голову и сказала:

— Уф, уф, что за аллон-биллонским духом несет?

И в этот же момент все истуканы слегка зашевелились.

Сестра снова закричала во весь голос:

— Ах ты, посмешище для всех, продажная Каскатина, своевольная кривобокая девица под черной шляпой! Не тебе подобало обратить столько людей в истуканов, а мне!

Каскатина высунулась из окна еще больше, чем в первый раз, и сказала:

— Уф, уф, что это за аллон-биллонский дух? Что там горная пташка кричит?

И в это время истуканы зашевелились посильней.

В третий раз закричала девушка так же, и на ее крик Каскатина высунулась в окно по пояс. Девушка схватила ее за волосы и стащила к себе. В тот же миг ожило множество истуканов, и каждый из них постарался покинуть это злосчастное для него место и вернуться домой.

Каскатина же сказала:

— Я обратила множество людей в истуканов; не было среди них моего суженого. И брата твоего я превратила в истукана, да, наверное, бог судил нас для счастья друг друга.

Они вышли оттуда со свадебными песнями и пришли к женщине, обитательнице кургана. Та была им рада. Пробыв у нее некоторое время с Каскатиной, они пришли к себе домой и устроили свадебные пиры и танцы. Играм и смеху их не было границ, их было слышно по всей стране.

Однажды, по прошествии некоторого времени, Каскатина

взяла зеркало, посмотрела в него и увидела, что мать их, зашитая в воловью шкуру, лежит мертвая за дверью, а два щенка с двух сторон отъели ее бока.

— Вот это — ваша мать,— сказала она брату и сестре.

— Мы не можем бросить ее так! — вскричали брат и сестра.

Вернулись они к своей матери. Каскатина провела по покойнице войлочной плетью, та ожила и стала еще краше, чем была раньше. Она блистала красотой, как солнце и луна.

В присутствии хана, мужа своего, она поведала о себе и детях так:

— Я была в положении, хан отправлялся в балц и сказал мне: «Когда наступит твое время, то звони в колокольчик, конь мой услышит звон, и я тотчас же вернусь обратно домой». Мои сестры узнали про это и залепили уши коня воском. Наступило мне время разрешиться от бремени. Я звонила в колокольчик, но напрасно. Тогда я спросила своих сестер: «Вы старше меня хотя бы на один день, скажите мне, как рожала наша мать!». Они мне на это сказали: «Мать наша не рожала подобно тебе на пуховых подушках, она поднималась на плоскую крышу дома и рожала оттуда в дымовой проход». У меня не было другого выхода, я поднялась на крышу и родила вот этих мальчика и девочку. Сестры мои отняли их у меня и спрятали их в ящичках, а мне с двух боков подложили двух щенят суки...»

Так она рассказала все, как было.

— Скорей приведите необузданных коней! — приказал хан.

Двух старших сестер и знахарку привязали к хвостам необузданных коней и пустили их; кони-неуки разбили их по камням, по лесам; кости их сожгли и пепел развеяли по ветру.

Брат и сестра, мать и отец да невестка Каскатина стали жить-поживать. И до сих пор они еще живут.

Как мы из всего этого ничего не видели, так пусть минуют нас всякие напасти и болезни!

50. Единственная дочь бедных родителей

Жили-были бедные муж и жена. У них была единственная дочь. Они имели мельницу, которая их кормила. Дочь подросла, заневестилась уже. Подружилась она с одним парнем. Прожили

они так некоторое время, а родители ее ничего об этом не знали. Они полюбили друг друга крепко, до глубины души, и молодой человек решил засватать ее. Поэтому стал он часто бывать в доме родителей невесты. Родители догадались, что молодой человек хочет сватать их дочь. После нескольких посещений жених открыто сказал отцу невесты:

— Вот такое-то желание я давно ношу в душе и теперь решил открыто сказать вам, что сватаю за себя вашу дочь.

Отцу невесты желание его было известно, но он не дал ему ответа сразу, а назначил срок на завтра, сказав:

— Завтра я дам тебе определенный ответ.

Срок этот он назначил ему намеренно, сказав своей жене так:

— Если у него есть ум, то он завтра придет, не приодевшись специально для этого случая. Если же у него нет ума, то он приоденется, и тогда я не выдам свою дочь за него. Ум его в таком случае меня не удовлетворит.

На второй день жених, необыкновенно разодевшись, явился в дом родителей невесты. Увидя жениха разодетым, мать и отец посовещались и решили ему отказать:

— Свою дочь мы не можем выдать за него,— сказали они себе.

Когда дочь их узнала, что родители не хотят выдать ее за этого жениха, она открыто им сказала:

— Хотите ли вы или не хотите, а я все-таки выйду за этого молодого человека, и будет лучше, если вы меня выдадите за него, как положено по обычаю.

Так она заявила родителям, а затем, подумав, решила обратиться к знахарке.

День прошел, а на второй день мать смотрит и видит, что дочь молча готовит пирожки. Она приготовила много пирожков, и мать спросила ее:

— Что с тобой, дочь? На что тебе столько пирожков?

— Я хочу идти на рыбалку,— ответила дочь,— и они мне могут понадобиться.

А знахарка жила на острове. Девушка заранее запаслась лодкой, чтобы попасть к знахарке. Она сказала матери, что идет на рыбалку, а сама направилась прямиком к лодке и села в нее, оттолкнула лодку от берега и держит путь к знахарке. Доплыла до дома знахарки, сошла с лодки и зашла к ней в дом. В доме знахарки стоял мрак, ничего нельзя было различить. Через не-

которое время глаза привыкли к мраку, и девушка увидела на полке большую орлицу. Орлица слетела с полки, села девушке на плечо и спрашивает ее:

— Здравствуй, красотка! Откуда ты, какие у тебя новости? Принесла ли ты мне чего-нибудь поесть?

— Я принесла вот этих пирожков,— отвечает девушка.

Та съела несколько пирожков, остальные отложила и говорит девушке:

— А теперь рассказывай про свои дела. Ты ведь пришла ко мне не попусту.

Девушка начала рассказывать про свои дела:

— У меня есть жених, мы любим друг друга. Он сватает меня, но отец не выдает меня за него. Скажи мне, близка или далека еще смерть моего отца?

Знахарка в облике орлицы отвечает ей:

— Сейчас я тебе ничего не могу сказать, я сама должна разузнать об этом определенно. Я смогу дать тебе ответ в следующий раз.

Она отослала девушку и велела ей прийти в следующую пятницу. Когда девушка собралась было возвращаться домой, знахарка вдогонку ей сказала:

— Удивительно вкусные у тебя пирожки, принеси-ка еще таких же!

Девушка села в лодку и в сумерки вернулась домой.

— Что ты так поздно вернулась? — спрашивает мать.— Где ты была до сих пор?

— Почему я поздно вернулась? — ответила она грубовато, прикинувшись сильно утомленной.— Потому, что ничего не попадалось в мои бредни. Я только зря промучилась и теперь вернулась домой.

В четверг, перед пятницей, назначенной ей знахаркой для посещения, девушка с вечера принялась готовить пирожки и приготовила их столько, сколько ей хотелось. Мать опять спрашивает ее:

— Что ты делаешь, дочь, зачем ты напекла столько пирожков? Собираешься ли ты опять куда-нибудь?

— Попытаюсь еще раз! — отвечает ей дочь.— Не вернусь на этот раз домой до тех пор, пока не наловлю чего-нибудь.

В пятницу утром она села в лодку и явилась к голодной знахарке, которая ее уже поджидала. Она радовалась, что девушка принесет ей пирожки и она сможет утолить свой голод.

Девушка вошла в дом знахарки и села на свое место. Знахарка не утерпела, слетела с полки, села ей на плечо и говорит ей на ухо:

— Принесла ли ты мне обещанных пирожков?

Девушка ответила ей, что принесла.

— Я очень голодная,— говорит знахарка,— дай мне пока поесть пирожки.

Девушка передала ей все принесенные пирожки. Знахарка съела половину пирожков, вторую же половину завернула и отложила про запас.

— Ты мне принесла замечательно вкусные пирожки! — сказала она девушке.

А та ей говорит:

— Мне хочется узнать про свое дело что-либо определенное.

Знахарка на это ей отвечает:

— Я узнала определенно, что твоему отцу осталось жить только два года, больше он не проживет. Ровно через два года его ожидает смерть, и если хочешь, то подожди его кончины, а не то поступай, как хочешь.

Девушка задумалась и сказала:

— Если ты говоришь правду, что через два года мой отец умрет, то я подожду; если же это неправда, то скажи мне поточнее.

— Я говорю тебе твердо,— отвечает ей знахарка,— что он не проживет больше двух лет.

Девушка поверила знахарке, распрощалась с ней и отправилась к себе домой. Она вернулась домой поздно, уже стемнело, и мать спросила:

— Что ты, дочь, так поздно вернулась? Где ты была до сих пор?

Дочь отвечает, притворившись недовольной:

— Ни за что больше не пойду на рыбалку! Ничего мне не попало в руки!

На второй день после этого жених и невеста встретились. Жених спрашивает невесту, что ей посоветовала знахарка.

— Знахарка сказала мне, что отец мой проживет не более двух лет,— отвечала девушка.

Они оба долго думали и решили дожидаться смерти отца, а пока тайно сожительствовать.

Как они решили, так и жили.

Матери и отцу было очень больно, что дочь не слушается их. Они не подозревали и не знали, что дочь их обращалась за советом к знахарке. Она держалась так, будто и думать уже не думает о своем женихе, забыла его, развлекала своих родителей и жила вместе с ними. Тем временем наступил день кончины отца. Он умер. После его смерти мать уже не возражала, чтобы дочь вышла за своего жениха. Сыграли свадьбу по обычаю, и жених отвел свою невесту к себе домой. В скором времени после этого умерла и мать, и тогда молодожены решили:

— Переселимся в дом родителей, приведем мельницу в порядок, она нам будет давать какой-то прибыток.

Собственные свои дома они продали и переехали жить в дом стариков, родителей жены. Привели в порядок и мельницу и стали там жить да поживать. Так они живут и поживают и сегодня.

Как мы ничего из всего этого не видим, так пусть и вас, слушателей, не посетят никакие напасти и болезни!

51. Бедняк и хан-богач

В стародавние времена некий человек призвал к себе своего сына и дал ему три наставления: никогда не бери в дом свой на воспитание сирот, а поддерживай их вне своей семьи; не давай денег в долг тому, кто богаче тебя; никогда не открывай своих сокровенных мыслей жене своей.

Дав эти наставления сыну, он попросил его, чтобы тот свято их исполнял, не нарушал их ни под каким видом, так как нарушение их поставит его не раз в тяжелое положение.

В скором времени отец умер, а сын захотел испытать в жизни истинность наставлений отца. Он взял в дом к себе на воспитание сирот. Затем одолжил денег хану, который был богаче его. Сирот он содержал хорошо, ни в чем их не обижал.

Прошел условленный срок, и стал он просить хана об уплате долга. Хан рассердился, велел своим слугам избить его и еще пригрозил ему:

— О каких деньгах ты говоришь? Если ты мне еще хоть раз напомнишь о долге, то твою голову постигнет бóльшая беда!

Разозленный бедняк в отместку угнал табун коней хана и наложил на них свою тамгу. Но на этом он не успокоился. Считая,

что хану мало этой отместки, он решил похитить у него еще и его сына. Так он и сделал: похитил у хана его единственного сына и отдал его в школу учиться.

Хан принялся разыскивать похищенных у него сына и коней. Поиски его были напрасны, и тогда он обратился за помощью и советом к знахарке:

— Я не нахожу сына и коней, похищенных у меня! — сказал он ей.— Такого дела никогда не бывало! Помоги мне!

Знахарка сказала ему:

— Не ищи их напрасно и не требуй их ни от кого, кроме того, у кого ты взял в долг деньги и не уплатил.

Хану надо было удостовериться в этом, и он попросил знахарку, чтобы она выведала у жены бедняка, действительно ли ее муж похитил сына его и коней.

Знахарка явилась к жене бедняка домой и, как бы сочувствуя ей, сказала:

— Муж твой пострадал безвинно, он просил уплатить долг, а хан-богач велел его избить.

Жена бедняка в ответ сказала знахарке:

— Я об этом ничего не знаю, муж мне ничего не говорил.

— Какая же ты жена в таком случае, если муж не посвящает тебя в свои дела! — говорит ей знахарка.

Так она и ушла в этот раз, ничего не узнав.

Жена же бедняка вечером обиженно поведала мужу о посещении знахарки. Он ответил ей только так:

— Кому что досталось, то ему и принадлежит.

На другой день знахарка снова явилась к жене бедняка и спрашивает:

— Ну что, опять ты ничего не узнала?

— Он мне сказал только так,— ответила она: — «Кому что досталось, то пусть ему будет на пользу!».

Обрадованная знахарка поспешила явиться к хану и говорит ему:

— Разве я не говорила тебе, что кони и сын твой находятся у того, у кого ты занял деньги и не уплатил!

Тогда хан призывает к себе бедняка и спрашивает его:

— Сын и кони мои находятся у тебя?

— У меня! — отвечает бедняк.

— В таком случае ханство свое я уступаю тебе, ты должен быть ханом, а не я.

А тем временем сироты, которых бедняк взял к себе в семью

и ни в чем не обижал, ополчились против него, искали случая, чтобы убить его.

И бедняк сказал:

— Как был прав мой отец! На собственном опыте я убедился в правдивости его наставлений.

52. О бедняке и старике

Жили муж и жена в бедности и жизни своей не рады были. Однажды бедняк сказал жене:

— Чем жить такой бедной жизнью, попробую-ка я отправиться в балц.

— Воля твоя,— сказала ему жена.

Отправился он в балц и три года отработал батраком у некоего человека. Через три года хозяин призвал его к себе и сказал ему:

— Ну, дать ли тебе много, но по вражде, или немного, но по добру?

Бедняк сказал:

— Предпочитаю немного, но по добру.

И хозяин вручил ему три червонца.

Получив три червонца, бедняк направился к себе домой. По дороге встретился ему старик, и пошли они дальше вместе. Через некоторое время бедняк стал просить старика:

— Расскажи, старик, какое-нибудь сказание, чтобы скрасить дорогу!

— Мое сказание стоит один червонец,— ответил ему старик.

Бедняк сказал:

— За червонец я батраком целый год работал; даю тебе его и расскажи сказание.

Старик сказал бедняку:

— Никогда не называй красивое красивым; нет красоты, кроме той, которая приходится человеку по сердцу.

— Ты умно говоришь, старик,— сказал бедняк.— Кончил ты свое сказание?

— Я окончил свое сказание,— ответил старик, и тот отдал ему один червонец.

Идут они дальше по дороге, и опять просит бедняк старика:

— Расскажи, старик, еще какое-либо сказание, чтобы дорога наша становилась короче.

Старик сказал ему:

— Никогда не ешь ничего, заработанного чужим трудом, не попросив на то разрешения хозяина.

Бедняк дал старику второй свой червонец.

Идут они дальше по своей дороге, и опять просит бедняк старика:

— Расскажи мне еще одно сказание, чтобы дорога наша становилась короче.

Старик сказал:

— Если тобой когда-нибудь овладеет запальчивость, то держись левой рукой за правую руку, пока твоя ярость не пройдет.

Бедняк отдал старику свой третий заработанный червонец, они расстались друг с другом и направились по разным дорогам.

Идет бедняк дальше своей дорогой, и повстречались ему его односельчане, направившиеся в балц, на заработки.

— Каков был твой балц? — спрашивают они его.

— Ничего не заработал,— ответил он и стал их просить:

— Возьмите и меня с собой! Может быть, с вашей помощью и ко мне придет удача, и я смогу вернуться домой.

Они взяли его с собой. Вот едут они, едут и попадают в безводную страну. После долгих розысков нашли наконец колодец. Бедняк погнал быков пастись, а сами они принялись доставать воду из колодца. Ведро их застряло там. Сами они не смогли его вытащить и позвали на помощь бедняка. Он спустился в колодец и сам застрял там. В колодце оказалась большая комната, в этой комнате сидела женщина-великанша. Она пряла пряжу веретеном, кружалом которого был жернов.

У нее было две дочери, одна — красавица, а другая — кривой урод. Они сидели тут же около своей матери-великанши. Обратившись к бедняку, она спрашивает его:

— Кто из двух девушек, которых ты видишь, красивее? Если ты этого не угадаешь, я сниму твою голову с плеч так же, как снимала головы тех, которые попали ко мне таким же путем, как и ты.

Бедняк задумался:

— Что это за диво? — говорит он сам себе.— Одна из них — красавица, а другая — кривой урод!

И тут он вспомнил слова старика и сказал:

— Хвала богу, нет красивее красивого, кроме той красоты, которую принимает сердце.

Великанша была раздосадована ответом бедняка.

— Да не простит бог тому, кто наставил тебя на ум,— сказала она в сердцах.— Ты выиграл!

Великанша оживила всех, кого до сих пор перебила. Их оказалось великое множество.

— Оставайся тут царем над ними! — предложила она бедняку.

Бедняк решительно отказался быть царем, и тогда великанша сказала ему:

— В таком случае я должна сделать тебе подарок. Вот тебе коробочка от мази. Когда-нибудь она пригодится тебе.

Бедняк вылез с другими людьми из колодца, а вода сама стала выливаться в котел. Все люди пошли следом за ним, но он им сказал:

— Вам нельзя идти следом за мной!

Покинул их, а сам пошел своей дорогой. Коробку же от мази он отдал своим односельчанам и просил их передать ее своей жене. Односельчане, вернувшись в родное село, вручили коробку от мази жене бедняка. Она открыла коробку, а в ней оказались золотые деньги. И она приступила к постройке дома.

Бедняк же тем временем дошел до реки и нашел в реке два яблока. Съел он одно из них и тут вспомнил наставление старика:

— Против воли бога я воспользовался чужим трудом,— сказал он себе. Спрятал оставшееся яблоко за пазуху и сказал:

— Не успокоюсь до тех пор, пока не найду хозяина яблока. Может быть, он меня простит. А если не захочет простить меня, то поработаю у него год батраком.

Он нашел хозяина яблока, который оказался ханом, и сказал ему:

— Не спросясь тебя, я съел твое яблоко; прости меня!

— Этого нельзя тебе простить!— сказал хан.

— Что же в таком случае ты от меня требуешь? — спрашивает его бедняк.

— У меня есть некрасивая дочь. Женись на ней, и тогда тебе будет прощен твой поступок.

— Согласен,— сказал бедняк.— Женюсь на твоей дочери!

Хозяин яблока, хан, с радостью выдал свою некрасивую дочь за бедняка, и они зажили у него же в доме.

Сколько времени прошло, знает один бог. Однажды бедняк тяжело вздохнул, и дочь хана заметила это.

— О чем ты так тяжело вздыхаешь? — спрашивает она его.

— Ни о чем! — ответил он.

Она все-таки еще раз спрашивает его:

— О чем ты так тяжело вздохнул? Скажи мне, чтобы и я знала, в чем дело.

И тогда он ей открылся:

— Я был бедняком и сам достиг лучшей жизни, но что сталось с моей семьей, кто знает. Поэтому я тяжело вздохнул.

— Поедем туда,— предложила ему дочь хана,— или же отправляйся один и приведи сюда свою семью.

Он поехал один и приехал в свое село. Подошел к тому месту, где стоял его дом, и увидел там дворцы. Он удивился и попросил привратника:

— Я устал, впусти меня отдохнуть в свою комнату.

Привратник впустил его к себе в комнату. Бедняк посмотрел в окно и увидел, что жена его забавляется с мальчиком. Он сразу же вскипел, схватил свою жену за косы и хотел было зарезать ее, но в тот же миг вспомнил третье наставление старика и спрашивает свою жену:

— Откуда у тебя появились эти дома-дворцы?

— Сейчас, сейчас! — сказала она, вынесла коробку от мази и спрашивает: — Не ты ли прислал эту коробку?

Открыла коробку при нем, и там оказались золотые деньги.

— А откуда появился у тебя этот мальчик? — спрашивает бедняк.

Она поспешно побежала к соседкам. Соседки пришли и сказали ему:

— Твоя жена нам говорила, что она в положении, и просила нас, чтобы мы были ей свидетельницами.

— Хорошо,— сказал бедняк .

Подарил он свои дома-хоромы селу, а сам с женой и сыном переехал к хану и остался жить там. И сегодня он еще живет с двумя женами и сыном.

53. Правдивый и в воде не тонет

Жили муж и жена, Ахмат и Хадизат. У них было три сына и три дочери. Старший сын — Хаматкан, средний — Саматхан и младший — сидень Махамат. Старшая дочь — Фатима, средняя — Фардуг, младшая — Залдуз.

Вот отец умер. Через некоторое время в одну ненастную ночь раздался в окно призыв: «О, ойт!», и сидень Махамат выбросил через окно в задней стене старшую сестру Фатиму, а другие два брата принялись колотить младшую сестру Залдуз. Мать насилу разняла их.

И в следующую ночь была такая же ненастная погода. Опять раздался призыв в заднее окно: «О, ойт!», и сидень Махамат выбросил через это окно среднюю сестру Фардуг, а утром другие два брата опять поколотили сестру Залдуз. И опять мать разняла их.

На третью ночь опять случилась такая же ненастная погода, снова кто-то закричал в заднее окно: «О, ойт!», и сидень Махамат выбросил в окно младшую сестру Залдуз.

После этого прошло некоторое время, сколько именно — ведомо одному богу. Мать заболела. Призвала она к себе своих сыновей и наказала им:

— Я умираю и прошу вас три ночи сторожить мою могилу, иначе зверь съест мой труп.

Мать умерла, и братья похоронили ее, как полагается по обычаю. После похорон старший брат сказал двум своим младшим братьям, что первую ночь могилу матери будет сторожить он. Однако до могилы матери он не дошел, а ночь провел у своего приятеля.

Сидень Махамат следом за ним дошел до могилы матери и увидел, как зверь откапывает ее. Махамат набросился на зверя и выкинул его из могилы. Он хотел узнать, что из себя представляет зверь, но у него не оказалось огня, чтобы посветить. Стал он озираться кругом и приметил вдали огонек. Он направился туда, чтобы попросить огня, дошел и увидел башню. Он посмотрел через окно внутрь башни и увидел, что там спит девушка и от ее подбородка исходит свет. Он взял ее кумган и сказал:

— Да будешь ты невестой моего старшего брата!

На вторую ночь сторожить могилу матери пошел средний брат Саматхан. Он тоже не дошел до могилы, а провел ночь у своего приятеля. Сидень Махамат пошел следом и за этим братом. У могилы матери он опять застал зверя, который откапывал ее. Он убил зверя, опять осмотрелся кругом и увидел тот же свет. Махамат бегом направился на этот свет и опять попал в башню. В башне спала девушка, от лица которой исходил свет. Он захватил ее башмак и сказал:

— А она пусть будет невестой моего среднего брата!

На третью ночь сидень Махамат стал просить своих братьев, чтобы они разрешили ему посторожить могилу матери.

— Она ведь и мне была матерью! — сказал он им.

Но они отколотили его, приговаривая:

— Ты навоз, что ты можешь сторожить!

Старший брат Хаматхан снова пошел сторожить могилу матери, но с полпути вернулся обратно. Сидень Махамат опоясался черным мечом и бегом поспешил на могилу матери. Он застал там зверя, который откапывал могилу матери их, и убил его. Осмотрелся в темноте кругом и пошел на свет, мелькавший издали, дошел до башни и нашел в ней спящую девушку, от лица которой исходил свет. Он взял ее кольцо и сказал:

— А эта девушка — моя суженая!

Затем он вернулся домой.

Сколько времени прошло после этого, ведомо одному богу. Родители этих девушек стали искать пропавшие вещи своих дочерей, но не могли их найти. Наконец, люди указали им на дом трех братьев:

— Вот там еще есть никчемный дом трех братьев. Спросите и у них, может быть, им известно что-либо о вещах, которые вы разыскиваете.

Подъехали они к воротам дома трех братьев. На зов вышли к ним Хаматхан и Саматхан и сказали:

— Мы ничего не знаем, ни одной из разыскиваемых вами вещей у нас нет.

Вдруг откуда-то появился сидень Махамат и обращается к ним:

— Здравствуйте, гости!

Они сказали и ему, что ищут такие-то и такие-то вещи. Известно ли ему что-нибудь о них?

— Заезжайте к нам,— ответил он им.— Может быть и относительно ваших вещей что-нибудь придумаем!

Братья косятся на него и бурчат:

— Что это такое?

Сидень помог гостям спешиться, завел их в дом и угостил на славу. Затем из кладовой он вынес вещи и сказал им:

— Я наметил ту, которой принадлежит кумган, в невесты своему старшему брату; ту, которой принадлежит башмак, своему среднему брату, а ту, которой принадлежит кольцо,— бог да умножит уважение к вам! — я предназначил в невесты себе.

И обрадованные гости назначили братьям срок:

— В такую-то пятницу,— сказали они,— приезжайте и забирайте своих невест!

В назначенный срок братья отправились за своими невестами. Сначала захватили с собой невесту старшего брата, затем — невесту среднего брата, а после этого — и невесту сидня Махамата.

Тесть выехал сопровождать их и предупредил:

— Ни в коем случае не делайте привала в ущелье, иначе и вас, и нас ждет гибель.

Ехали они, ехали и попали в ущелье; туман окутал их, и они вынуждены были сделать привал. Легли они спать, и в какой-то час пополуночи раздается голос семиглавого великана:

— Эй, Махамат! Не примешь ли ты гостя?

Два брата, Хаматкан и Саматхан, не приняли его, а Махамат принял его, как гостя. Когда Махамат заснул, то семиглавый великан похитил его жену. Через какое-то время Махамат вздрогнул и проснулся, но жены своей уже не нашел рядом с собой.

— У меня похищена жена моя! — обращается он в ужасе к братьям.

— Так тебе и нужно было! — говорят ему братья.— Зачем ты впустил семиглавого великана к себе в гости? Да постигнет тебя гнев божий!

Выехал сидень Махамат на поиски своей жены один. Ехал он, ехал, сколько он проехал, бог один знает, и доехал он до одинокого дома, в котором оказалась его старшая сестра Фатима. Она обрадовалась ему. Пока они привечали друг друга, вернулся муж Фатимы, но та вовремя успела спрятать брата.

— Аллон-биллонским духом пахнет! — сказал муж Фатимы, входя в дом.

— И аллон, и биллон ты сам! Не мой же младший брат находится здесь!

— Свидеться бы с ним еще хоть раз, а с тобой пусть будет, что будет! — сказал муж Фатимы.

— В таком случае не причини ему никакого зла, и я покажу его тебе.

Он дал слово, что не причинит ему никакого зла, и она вывела брата из потайного места. От восторга муж чуть-чуть не съел его и спрашивает:

— Какое у тебя дело ко мне?

Тот рассказал ему про свои дела, про то, как похитили его жену, на поиски которой он и выехал. Выслушав его, зять сказал:

— Ее похитил кривой великан на трехногом коне. Брось свою жену, я тебе найду другую!

Сидень Махамат обиделся на него и уехал. Сколько времени он находился в пути, ведомо одному богу, и доехал он до другой своей сестры Фардуг. Она обрадовалась ему так же, как и старшая сестра. И муж Фардуг, зять его, дал ему такой же ответ, как и муж старшей сестры. Махамат и на него обиделся и уехал.

Ехал он, ехал, сколько он проехал, бог знает, и прибыл он к младшей своей сестре Залдуз. Она обрадовалась ему и встретила его удивленными словами:

— Откуда ты, никогда не посещающий меня? Что тебя привело сюда?

Он подробно рассказал ей о своих делах.

Выслушав его печальный рассказ, Залдуз сказала ему:

— Муж мой скоро вернется. До его возвращения я тебя спрячу, чтобы он не причинил тебе какого-либо зла.

Она спрятала его. Тем временем прибыл ее муж и говорит:

— Аллон-биллонским духом несет!

— Ты сам — и аллон, ты сам — и биллон! — отвечает ему жена.— Я дома одна, ведь тут нет моего младшего брата!

— Эх, если бы свидеться мне с ним хоть раз, а ты хоть пропади пропадом!

— Если ты не причинишь ему никакого зла, я покажу его тебе.

Он дал ей слово, что не причинит ее младшему брату никакого зла. Тогда она вывела его к нему из потайного места. От восторга муж чуть было не съел его.

— Откуда ты и что привело к нам тебя, никогда не посещающего нас? — спрашивает он его.

Сидень Махамат и ему рассказал о своих делах. Выслушав его, зять сказал ему:

— Хвала богу, сегодня в полдень повстречался мне кривой великан на трехногом коне. Он ехал на своем коне и спал. А с собой он вез такую красавицу, подобной которой нет на свете ни по стройности, ни по внешности. Три раза я набрасывался на него, а он даже не проснулся. Видя это, красавица сказала мне: «Что ты делаешь? Я погибла, а ты еще за что губишь себя?». Ее намочил проливной дождь, поэтому она была в гневе. А теперь надо против него найти какое-либо средство.

Он указал это средство и сказал Махамату:

— Езжай и попытай свое счастье!

Тот по совету своего зятя отправился и похитил свою невесту у кривого семиглавого великана. Но великан погнался за ним на своем трехногом коне, быстро нагнал его и убил.

Невеста Махамата заставила великана положить труп в переметные сумы и приказала коню своего жениха:

— Откуда ты его вывез, туда и доставь его обратно!

Конь доставил труп сидня Махамата в дом его зятя. У зятя его были три души. Одну свою душу он отдал своему шурину и сказал ему:

— Отправляйся и выведай у своей невесты, откуда у кривого великана его трехногий конь.

Махамат тайно, пока великан спал, пробрался к своей невесте и попросил ее выведать у кривого великана, откуда у него этот трехногий конь.

Когда великан проснулся, та спросила его, откуда к нему попал трехногий конь.

Великан, ничего не подозревая, сказал ей:

— За семью горами есть источник. Там находится кобылица, которая в каждый вечер под пятницу жеребится жеребенком. Чтобы его поймать, нужны три барана для караулящих его трех волков и сапетка проса для трех воронов с железными клювами. У меня этого не хватило, потому волки съели одну ногу моего коня.

Жена передала Махамату все, что узнала от кривого великана. Тот передал услышанное своему зятю. Зять достал все, что необходимо было в пути и для себя, и для него, и сказал Махамату:

— Садись за моим седлом, и каждый раз, когда я криком дам знать, ты бросай мне в рот баранью ногу.

На последний раз не хватило для зятя пищи; тогда Сидень Махамат отрезал мясо от своего бедра и сунул его ему в рот.

Так они доехали до источника за семью горами. Зять спешил своего шурина с коня и спрашивает его:

— Что это ты идешь скорчившись?

— Кровь у меня застоялась,— отвечает тот.

— Подожди-ка,— сказал он, выплюнул из-под своего языка мясо от бедра шурина, и оно пристало к своему месту.

— А теперь отправляйся к источнику,— говорит ему зять,— и выкопай на берегу его яму для себя. Когда кобылица, выскочив из источника, ожеребится жеребенком, то кинь каждому из трех волков по барану, а воронам рассыпь сапетку проса. Волки займутся баранами, вороны просом, а ты в это время быстро оседлай жеребенка и садись на него. Он три раза поднимет тебя выше небес и три раза спустится на землю, а затем подчинится твоей воле.

Сидень Махамат сделал так, как учил его зять. Кобылица выскочила из источника и ожеребилась жеребенком. Сидень Махамат побросал в разные стороны туши баранов. Волки жадно принялись пожирать их. Воронам же железоклювым он рассыпал сапетку проса, и они стали его клевать. Сам же он быстро оседлал жеребенка и сел на него. Жеребенок три раза поднял его в поднебесье и три раза опустил на землю. После этого он стал послушным своему седоку. Махамат вернулся верхом на нем к своему зятю, и тот ему приказал:

— Ну, теперь отправляйся за своей женой и вызволи ее от кривого семиглавого великана.

Сидень Махамат явился к своей жене и вывез ее на своем чудо-коне.

Кривой великан погнался за ними, но не мог нагнать. Тогда его трехногий конь заржал:

— Остановись, ведь ты мой брат!

Конь Махамата отвечает ржанием:

— Я остановлюсь и подожду тебя тогда, когда ты сбросишь своего седока в море!

Трехногий конь сбросил своего седока, кривого великана, в море, и тогда другой конь тоже остановился, подождал его.

Сидень Махамат заехал вместе со своей женой в дом кривого великана и вывез все его добро, какое только было там. Оттуда он прибыл к своему зятю и пригласил его быть своим киндзхоном. Все вместе они вернулись домой.

Дома сидень Махамат собрал людей своего села и рассказал им о своих делах, о перенесенных им испытаниях.

— А теперь,— сказал он,— я посылаю свою стрелу вверх, и если я виноват в чем-либо перед своими братьями, то пусть бог вернет обратно только ее одну и разрубит меня на две части, если же я ни в чем не виновен перед ними, то пусть стрела моя по божьей воле раздвоится на две, и эти стрелы разрубят пополам моих братьев!

Стрела полетела вверх одна, назад же вернулись две стрелы, и они поразили двух старших братьев сидня Махамата. А он и сегодня еще живет, ибо правдивый и в воде не тонет.

54. Ханский сын

В селе некоего царя жил хан, а у хана был один сын. Через некоторое время хан умер, остались старуха мать да сын.

Когда дни поминовения покойника, положенные по обычаю, истекли, старуха мать сказала сыну:

— У твоего отца в таком-то и таком-то месте остался косяк коней. Поезжай и проведай их!

Сын сел на коня и поехал. Едет он, едет и приезжает к месту, которое указывала ему мать. Нашел он косяк своих коней. В момент его прибытия волк растерзал одного из его коней.

— Наверное, волк узнал то, что умер мой отец,— подумал он про себя,— что остался лишь я, юноша, поэтому он посмел зарезать одного из моих коней.

Он решил убить волка и стал преследовать его верхом на своем коне. Волк испугался и обратился к нему с мольбой:

— Пощади меня! Я больше даже не прикоснусь к твоим коням!

Юноша повернул своего коня и вернулся к себе домой.

На другой день снова садится он на своего коня и отправляется проведать косяк. И в момент его прибытия волк опять растерзал лучшего в косяке коня.

— Этот волк узнал, что я молод, и издевается надо мной! — подумал он про себя.— Но теперь я тебя обязательно убью, не оставлю в живых!

И пустился на своем коне преследовать его. Сытый волк быстро утомился и опять взмолился:

— Прошу тебя, пощади меня еще и на этот раз. Даю тебе слово, что даже близко не подойду больше к твоим коням!

Юноша опять пожалел волка, пощадил его и вернулся к себе домой.

На третий день он вновь выехал проведать своих коней, и в самый момент его прибытия волк опять растерзал самого лучшего во всем табуне коня.

— Даю тебе слово, волк,— сказал юноша,— сегодня ты уже не останешься в живых. Ведь ты меня разорил!

— Юноша,— взмолился волк,— клянусь тебе покойным отцом твоим и тобой самим, что с сегодняшнего дня я уже не притронусь к твоей скотине! Скажу тебе одно: если юноша наделен мужеством, то у него могут появиться всякие желания. Я дам тебе волосок своей шерсти и если тебе захочется узнать про меня, кто это, мол, такой, то поднеси к этому волоску огня, швырни его вперед промежду ушей твоего коня, и огонь пойдет впереди тебя, освещая твой путь. И если у тебя окажется мужество, то поезжай за ним куда бы он ни вел тебя!

Волк дал ему волосок из своей шерсти, и они распрощались. Волосок юноша положил в один из своих газырей и вернулся домой.

На четвертый день из любопытства он опять выехал из дому проведать своих коней, чтобы убедиться в том, обманщик ли волк или нет. Нигде никого не оказалось, ни волка, ни какого-либо другого зверя; кони его паслись спокойно, и он вернулся домой в добром расположении духа.

Сколько времени прошло после этого, кто его знает, и вот юноша выехал снова к своим коням. Чувство печали из-за смерти отца стало уже к тому времени притупляться, и захотелось ему совершать мужественные дела.

— Испытаю-ка, что представляет из себя этот волк,— сказал он сам себе,— насколько он верен данному слову!

Достал он из своего газыря волчий волосок, поднес к нему огня, и волосок загорелся. Он швырнул его вперед промежду ушей своего коня. Волосок, не затухая, двинулся вперед. Юноша поехал вслед за ним, никуда не сворачивая. Сколько дней, недель он проехал, кто это считал, и прибыл он в некую страну; свернул огонь в сторону от дороги, туда, где паслась скотина. Пастухи выскочили ему навстречу, обрадованно говоря:

— Вот наш славный гость!

Они спешили его с коня, зарезали в честь его быка и славно угостили его.

На второе утро он снова выступил в путь. Огонь шел впереди, освещая дорогу. Они проехали через становища всех пород скотины, какие только есть на свете. На каждом становище пастухи резали в честь его косарт из той скотины, которую они пасли, принимали и угощали его гостеприимно, радушно.

Он проехал через все становища, огонь продолжал идти впереди него. Сколько времени он был в пути, кто его знает, и увидел он вдали какое-то село. Когда он достиг окраины этого села, то из ближайшего дома выбежала к нему какая-то старуха и обращается к нему:

— Бравый юноша! Там, куда ты едешь, тебе будут предлагать всякие подарки, но ты отказывайся от всего, если же тебе все-таки придется взять какой-либо подарок, то в таком крайнем случае не бери ничего, кроме маленького черного ящичка, который стоит на столе. Сам же ты, когда доедешь до места, сумей остеречься борзых собак, которые находятся во дворе. Прямого пути тебе! — закончила старуха и скрылась.

— Ах, боже мой,— удивился юноша,— что это за старуха? Что она знает обо мне и что за наставления она мне дает?

В таком тревожном состоянии едет он дальше и приезжает к центру села. Здесь огонь свернул с дороги и остановился перед воротами неизвестного дома. Из дома выбежал человек, которого звали Волкочеловек. Он обрадовался юноше:

— Здравствуй, воспитанник мой! Сойди с коня,— сказал он и обнял его, не дав ему еще сойти с коня.

Юноша спешился. Волкочеловек завел его в дом и сказал жене:

— Этот юноша не раз спасал меня от смерти, и я назвал его своим воспитанником, я оставил у него свой волос и сказал ему: «Если у тебя хватит мужества, то посети меня!». И он приехал проведать меня, а дорогу ему указывал мой источник огня.

В тот же час глашатай оповестил все население села:

— Все, кто в состоянии ходить, пусть собираются в дом Волкочеловека! Волкочеловек устраивает пир в честь гостя своего!

Волкочеловек приказал своим людям:

— Режьте всех животных, какие здесь есть! У нас пир, работайте усердно!

В течение целой недели он угощал все село. Потом люди разошлись по своим домам, и юноша сказал Волкочеловеку:

— Ну, теперь и мне пора отправляться домой. Недаром говорится: и мед едят в меру. Есть время и для прихода гостя, и для его ухода.

— Не могу я отпустить тебя раньше, чем пройдет год! — говорит Волкочеловек.

Гость на это отвечает:

— Ни одного часа нельзя отсрочить! Я одинокий человек, никого у меня нет, кроме матери-старухи. Она умрет от страха за меня, если только я задержусь здесь дольше!

Тогда Волкочеловек говорит ему:

— Если ты не можешь остаться здесь дольше, то я должен одарить тебя. Я сделаю тебе подарок. Ты проехал через все становища скотины, принадлежащей мне. Дарю тебе половину вместе с пастухами.

— Я приехал сюда не для того, чтобы выпрашивать подарки, — ответил юноша Волкочеловеку, — но только для того, чтобы узнать твое чудо, узнать, кто ты такой.

— Но с пустыми руками тебя нельзя отпустить. Дарю тебе всю свою скотину вместе с пастухами! — сказал Волкочеловек настойчиво.

Но юноша решительно отказался от всего, он не хотел принимать никакого подарка. А Волкочеловек настаивал на своем, говорил, что без подарка он его не может отпустить. Тогда юноша сказал:

— Если сердце твое не терпит отказа с моей стороны, то дай мне вот тот маленький черный ящичек, что стоит у тебя на столе. Мне хочется получить его и никакого другого подарка мне не надо!

Волкочеловек сказал озадаченно:

— Да не станет лучше тому, кто указал его тебе! Этот ящичек нельзя дать!

Гость оседлал своего коня, сел на него и, недовольный, обиженный на Волкочеловека за отказ, покинул его дом. Едет он улицей, а в это время из дому выбегает старуха, жена Волкочеловека, и говорит мужу:

— Почему еще тебя зовут «славный мужчина», если ты отослал своего гостя, который приехал к тебе из отдаленной страны, так, что он даже не попрощался со мной!

Волкочеловек выбежал за гостем на улицу и кричит ему вслед:

— Вернись обратно! Ты осрамил лицо мужчины: не попрощался со старой женщиной!

Гость вернулся обратно, сошел со своего коня и сказал:

— Простите меня! Я допустил ошибку, так как сердце мое было охвачено печалью!

Он попрощался с ней, как это положено по обычаю, и тогда старуха сказала своему мужу:

— На столе твоем стоит какой-то небольшой ящик, будет недостойно тебя, если ты из-за него отпустишь гостя обиженным.

Волкочеловек, ничего не говоря гостю, отдал маленький ящичек, вместе с женой они предупредили его:

— Не открывай его до тех пор, пока не доедешь до переправы через реку! Предварительно помой лицо свое и руки и только после этого открой ящичек на берегу реки.

Гость и хозяева поблагодарили друг друга, и юноша направился по своей дороге. Ехал он, ехал и доехал до какой-то реки. Он не вытерпел, забыл о том, как его предупреждали, и открыл ящичек. А в ящичке, свернувшись клубком, спала змея. Увидев ее, он быстро закрыл ящичек и сказал себе в испуге:

— Она грозит мне гибелью!

В страхе он бежал на своем коне, но затем пришел в себя и говорит сам себе:

— Подожди-ка, ведь мне наказывали, как надо открыть ящичек!

Он вернулся к переправе через реку, помыл в реке сначала руки свои, а затем и лицо. После этого он подошел к ящичку, открыл его, и в нем оказалась только что с зевотой проснувшаяся девушка необыкновенной красоты: одна щека ее блестела, как солнце, другая — как луна. Они обрадовались друг другу. Юноша посадил ее к себе на коня, они переехали через реку и направились по дороге дальше.

Едут они и едут. Они еще не приблизились к родной стране, а юношу уже охватила печаль.

— Что с тобой? — спрашивает его девушка.— Ты был весел, а теперь ты впал в печаль. Может быть, я тебе уже не нравлюсь?

— Ты мне слишком даже нравишься,— отвечает юноша,— но печаль охватила меня потому, что есть у нас царь своеволь-

ный. Как только он тебя увидит, он отберет тебя у меня. Я боюсь этого, поэтому и печален.

— Об этом не беспокойся,— сказала ему девушка.— Не бойся ничего!

Держат они свой путь дальше. Доехав до места, где находился табун его коней, юноша сказал девушке:

— Вот это — наше имущество!

— Как тебе желательно,— спросила его девушка,— дома́ построим в селе или здесь?

Юноша рассмеялся:

— Какие дома мы можем тут построить, когда здесь нет ни леса, ни камня, ни воды?

Девушка обладала волшебным даром, и пока молодой человек вел речь, по ее слову появились на этом месте дворцы, а в них все необходимое: уборщики, вода, вертелы-самокруты и прочее.

Юноша был удивлен и обрадован. Стал он жить в этих дворцах со своей молодой женой.

Однажды ночью жена и говорит молодому мужу:

— Утром пойди в свое родное село и, не заходя в свой дом, купи на базаре материал на рубашки и кальсоны для ста мальчиков и принеси все, что ты купишь, мне домой.

Он пошел утром на базар в родное село, купил материи на сто рубашек и кальсон и принес своей жене. За одну ночь она сшила сто рубашек и сто кальсон, утром вручила их мужу и послала его на базар родного его села, сказав:

— Кого бы ты ни увидел из бедных, дай каждому из них без различия кальсоны и рубашку!

Когда бедные мальчики прослышали о даровой раздаче рубашек и кальсон, стали они сбегаться на базар. Он раздал все рубашки и кальсоны до последней пары. В это время прибегает к нему паршивоголовый мальчик и просит его:

— Дай и мне рубашку и кальсоны!

— Почему ты не явился раньше? — сказал он ему.— Я уже раздал все рубашки и кальсоны. Завтра я опять вынесу их на базар, и ты приходи вовремя, не опаздывай!

Три дня подряд выносил он на базар по сто рубашек и по сто кальсон и раздавал их бедным мальчикам. Но паршивоголовый мальчик являлся тогда, когда раздача кончалась, ничего ему не доставалось, и он с жалобой приходил к своей матери:

— Каждого он оделяет рубашкой и кальсонами, а мне не дает!

Через три дня он прекратил раздачу рубашек и кальсон.

Стали они жить и поживать мирно в своих дворцах. Однажды на это поле выехал ради удовольствия и развлечения царский министр. Увидел он в поле дворцы и сказал:

— Это владение нашего царя, и раньше здесь ничего не было; ни царь ничего не знает, ни я, его министр, ничего не знаю. Что это за диво, откуда появились эти дворцы?

И он направился к дворцам, чтобы все разузнать. Когда он приблизился к дворцам, то с верхнего этажа блеснула одна щека молодой хозяйки. Это было подобно небесному блеску, и министр был поражен и напуган:

— О боже, что это за чудо? — сказал он.— Такой красивой женщины я никогда не видел. Кто это может быть?

Обозрев дворцы издали, он вернулся обратно и доложил царю обо всем увиденном. Удивленный царь сказал ему:

— Это большое дело. Надо мне самому все увидеть!

Сел он на коня и вместе с министром отправился к дворцам. Посмотрел на дворцы и увидел, как одна щека хозяйки блеснула подобно солнечному блеску.

Царь и его министр вернулись к себе и стали совещаться:

— Что это за чудо, что за диво? — говорили они.— Без нашего ведома, не испросив от нас разрешения, он воздвиг такие дворцы. Каков же он в таком случае?

И охватил их страх. Ничего они не могли придумать, чтобы погубить его и отнять у него красавицу жену. Тогда царь и его министр решили обратиться за содействием и советом к знахарке.

Царь призвал знахарку к себе, и она ему сказала:

— Я вам скажу, кто такой этот человек, который самовольно воздвиг дворцы на твоей земле. Это молодой человек из твоего же села, сын старухи вдовы. Он пораздавал на базаре мальчикам рубашки и кальсоны, а моему сыну назло ничего не дал. С ним легко можно разделаться.

— Каким же образом с ним легко можно разделаться,— спрашивает царь.— Какое средство ты предлагаешь для его уничтожения?

— Призови его к себе как царь и скажи ему: «На таком-то месте, в такой-то стране на кургане сидит заяц. Поймай его и доставь сюда, ко мне!». А этот заяц чует приближение путника

еще тогда, когда до него остается расстояние, которое надо проехать с утра до полудня, тогда он соскакивает со своего кургана и пробегает по краям небосвода три оборота, настолько он быстроногий. Он не сможет доставить этого зайца тебе, и тогда ты прикажешь отрубить ему голову. А после этого и жена его, и дворцы его достанутся тебе.

Царь по совету знахарки призвал к себе юношу и дал ему задание, прибавив:

— Если ты этого не сделаешь, велю отрубить тебе голову!

Юноша вернулся домой с печально опущенной головой и поднятыми плечами. Рассказал он жене своей про задание царя, а та ему говорит:

— Больше ничего? Отправляйся без замедления туда, откуда ты меня привез.

Сел юноша на своего коня и поехал к Волкочеловеку. Он рассказал Волкочеловеку про задание царя, и тот ему сказал:

— Неси свою уздечку, подойди к табуну моих коней, махни уздечкой и приведи того коня, который подбежит к тебе.

Юноша подошел к табуну коней Волкочеловека, помахал своей уздечкой, и подбежал к нему паршивый на вид конь. Он прогнал его, снова помахал своей уздечкой, и снова к нему подбежал тот же паршивый конь. Так он подбегал к нему три раза. Когда паршивый конь подбежал к нему третий раз, то он надел на него свою уздечку, вывел его и стал бить, приговаривая:

— С ним меня ожидает только гибель!

Так он дошел до какой-то реки. Когда он переходил с ним через реку, то вода доходила коню до колен. В воде волос на коленях коня заблестел, как волос ласки.

— Вот так чудо! — поразился молодой человек.

Он разделся и стал купать коня. Выкупал его так, что показался у него короткий лоснящийся волос, блеска которого не выдерживали глаза. Паршивый конь после купания превратился в коня с лоснящимся волосом. Прибыл юноша с конем к Волкочеловеку. Тот говорит ему:

— Оседлай его своим седлом!

Он оседлал коня своим седлом и сел на него. Только конь тронулся с места, седло отскочило, и он вместе с ним упал на землю. Волкочеловек вынес свое седло, оседлал им коня и подтянул подпруги. Стремена у него были похожи на сапоги, куда вдевают ноги.

— Ну, теперь езжай, счастливого пути тебе! — сказал он.

И больше ничего не добавил, ничему больше не научил его.

Едет он, едет. Сколько времени он проехал, кто это знает? Куда он едет — и того не знает. Наконец конь заговорил с ним:

— Удалой молодец, куда ты путь держишь?

Он рассказал своему коню про задание царя. Тогда конь говорит ему:

— За этим зайцем охотилось много таких, как ты. Это не простой заяц: ежемесячно он сносит золотое яйцо. Когда до него останется пути с утра до полудня, он почует тебя и соскочит со своего кургана, а ты ищи-лови его! Сделай так: когда до него останется пути до полудня, то ты нанеси мне такие удары, чтобы с кожи моей из-под седла отлетели куски на подметки чувяков, а на руках твоих вскочили бы волдыри-болячки. Если мы его настигнем, то я растопчу его своими ногами. Сможешь ли ты его тогда схватить, не слезая с меня?

— Смогу! — ответил он решительно.

Едут они дальше по своей дороге. Когда доехали до условленного места, конь говорит своему седоку:

— Теперь дело за твоим мужеством. Наноси мне удары!

Он нанес ему удары; со спины коня из-под седла слетели куски кожи на подметки чувяков, а на руках юноши вскочили волдыри-болячки.

Только заяц соскочил со своего кургана, как конь уже очутился около него и стал топтать его ногами. Удалой молодец схватил зайца, не сходя с коня, за задние ноги и в мгновение ока оказался около дворца. Он бросил зайца через забор во двор царя и сказал:

— Да не доставит тебе заяц радости!

Зайцу наступило время, и он снес золотое яйцо во дворе царя. Тот испугался:

— Знахарка погубила меня! На наше несчастье и гибель он оказался каким-то героем!

Рассерженный царь снова призвал к себе знахарку и сказал ей:

— Ты меня погубила! Лучше было бы мне оставить его в покое.

— Я знаю еще одно средство, чтобы погубить его,— сказала знахарка, чтобы отвести от себя гнев царя.— В таком-то месте есть дерево, называется оно горькой яблоней. По дороге туда,

куда я советую его послать, он не сможет миновать этого дерева, должен будет проехать под ним. Когда он будет проезжать под этой яблоней, то яблоки с нее посыпятся на него, как град, и превратят его в черный пепел. Если же он минует горькое дерево, спасется от него, то дальше на его пути будут железные ворота, которых нельзя миновать, и эти ворота разрубят его пополам. Если же он прорвется живым и через эти ворота, то достигнет он горького моря и не сможет не войти в него. А море это бурливо, волны его бьются друг об друга, и они превратят его в черный песок. За морем есть железный сундук. Дерево, железные врата и море караулят этот сундук. Ты прикажи ему, чтобы он достал тебе этот сундук, а иначе, мол, отрубишь ему голову.

Царь опять призвал молодца к себе и дал ему новое задание. Печальный вернулся тот к своей жене, а она ему говорит:

— Ступай, садись на своего коня и отправляйся в путь, чтобы выполнить задание царя!

Он сел на своего коня и отправился в путь. Когда они отъехали недалеко от села, конь заговорил с ним и спрашивает:

— Куда ты едешь, удалой молодец?

Он рассказал коню про новое задание царя.

— Вернись обратно,— сказал конь, выслушав его рассказ,— и захвати с собой хурджины, два бараньих курдюка да еще бурдючок.

Он вернулся обратно и захватил с собой все это.

— Когда доедешь до яблони,— учит его конь,— то соскочи с меня, прикинься удивленным и скажи: «Какая красивая яблоня! На свете такой нет! Я должен сделать так, чтобы тебя узнали многие. Я сам поем твоих яблок, наполню ими и свои хурджины и разглашу славу о них по всему свету».

Доехал юноша до этой яблони, соскочил с своего коня и сделал все так, как наказал ему конь: он набросился на яблоки и стал жадно поедать их, приговаривая:

— Вот какие они сладкие!

А затем принялся наполнять ими свои хурджины.

Яблоня заговорила с ним:

— Да будет путь твой покрыт ватой! Счастливого пути тебе туда, куда ты едешь! До сегодняшнего дня только и говорили: «Горькая яблоня! Горькая яблоня!». Из-за этого я погубила множество людей. Провались под землю, железный сундук, ты заставил меня перебить столько людей! А этот моло-

дец называет мои яблоки сладкими и хочет набрать их с собой целые хурджины, чтобы дать людям.

Молодец наполнил яблоками свои хурджины и до своего возвращения повесил их на ветке яблони. Поехал он дальше. Конь опять говорит ему:

— Когда ты доедешь до железных ворот, то соскочи с меня и в беспокойстве обратись к ним с такими словами: «О бедные, как мне вас жалко! Солнце вас спалило, а дождь покрыл ржавчиной! Я должен навести на вас блеск!». Быстро вытащи курдюки и смазывай ворота, высказывая при этом свое сочувствие к ним!

Доехал юноша до железных ворот, быстро соскочил со своего коня и говорит воротам:

— Ах, бедные! Солнце вас спалило, а дождь покрыл ржавчиной! Я должен выявить вашу красоту!

И принялся он смазывать ворота курдючным салом.

Железные ворота говорят ему:

— О славный молодец! Ты освободил наши члены от ржавчины! Ох, ох! Пусть провалится в землю сундук, который мы караулим! Он заставил нас истребить стольких людей! А путь твой да будет покрыт ватой!

И ворота сами растворились перед ним.

— Счастливого пути тебе,— сказали они молодцу,— туда, куда ты направляешься!

Едет он дальше, и конь опять говорит ему:

— Когда мы доедем до моря, ты соскочи с меня, с бурдючком подбеги к морю и обратись к нему со словами: «Вот какая чудесная вода, какая красивая вода, какая сладкая вода! Я и сам выпью твоей воды, и коня своего напою, а потом, наполнив твоей водой свой бурдючок, оповещу о красоте твоей весь мир!».

Он так и сделал, как его учил конь; сам выпил морской воды, напоил ею и своего коня и свой бурдючок наполнил морской водой. Море с благодарностью говорит ему:

— Эй, ты, караульщиком которого я являюсь! До сегодняшнего дня ты заставлял меня истреблять людей, говоря мне: «Горькое море! Горькое море!». А этот называет меня сладким, он и сам испил моей воды, и коня своего напоил моей водой, и остальным людям хочет обо мне поведать. Да будет путь твой покрыт ватой! Счастливого тебе пути туда, куда ты едешь!

Молодец сел на своего коня и переехал на другой берег моря. Он поднял железный сундук, а сундук закричал:

— Эй, горькое море мое, уносит он меня!

Море ему отвечает:

— Желаю, чтоб тебе было еще более горько! До сегодняшнего дня своими словами «Горькое море! Горькое море!» ты заставил меня истребить столько людей! А он и сам выпил моей воды, и коня напоил, и еще везет с собой полный бурдючок моей воды, чтобы показать людям. А твой путь пусть сопровождается одним злом, одними несчастьями!

Молодец миновал море и доехал до железных ворот. Взывает к ним железный сундук:

— Эй, железные мои ворота, он увозит меня!

— Да увидишь ты еще более злые несчастья! — отвечают ему железные ворота.— До сегодняшнего дня ты заставил нас истребить столько людей! Ты заставил нас страдать от солнца и дождя, а он смазал наши ожоги и ржавчину, и мы вздохнули. Да будет путь твой полон одних несчастий!

Молодец миновал железные ворота. Едет он дальше и приезжает к яблоне.

— Эй, горькая моя яблоня,— взывает и к ней сундук,— он увозит меня!

— Да перенесешь ты еще худшие несчастья! — отвечает ему яблоня.— Ты заставил меня истребить столько людей своим «горькая яблоня, горькая яблоня!». Кости тех, которых я истребила, лежат подо мной в бесчисленном множестве. А он и сам отведал моих яблок, и увозит их показать людям. Путь твой пусть сопровождается еще бо́льшими несчастьями!

Молодец миновал яблоню, пришпорил своего коня и в мгновение ока очутился у царского дворца.

— Да не возрадуешься ты ему! — сказал он и через забор кинул во двор железный сундук.

Царь в страхе задрожал с ног до головы.

— Я иду по пути своей гибели! Знахарка погубила меня! Скорее призовите ее ко мне, чтобы отрубить ей голову!

Привели знахарку к царю, и она говорит ему:

— Эй, царь мой! Я знаю еще одно средство, чтобы его погубить. Испытай это средство, а тогда убей меня! В таком-то месте две горы бьются, как два барана. За этими горами есть кобылица, привязанная к горе, а рядом с ней повешен таз. Заставь его достать их для тебя. Через эти горы и птица не может перелететь. Если он и оттуда вернется, то у меня уже не найдется средства, чтобы погубить его.

Царь призвал молодца к себе и дал ему задание. Молодец опечалился и вернулся к своей жене. Рассказал он ей о новом требовании царя, а жена ему говорит:

— Садись на своего коня, и счастливого пути тебе!

Он сел на своего коня и пустился в дальний путь. Едет он, едет, сколько времени он проехал, кто его знает, и конь опять спрашивает его:

— Куда ты, славный молодец, путь держишь?

Он поведал коню своему про новое требование царя, и тот ему сказал:

— Когда мы доедем до того места, где две горы бьются, подобно двум баранам, то ты нанеси мне плетью своей такие удары, чтобы из паховой области моей выступила кровь, а на твоих ладонях вскочили волдыри-болячки. Сам же крепко сиди в седле своем!

Оказался молодец перед этими горами. Две горы бьются, как два барана. Сходятся и расходятся. Когда они разошлись друг от друга, он нанес коню своему плетью такие удары правой и левой рукой, что в правом и левом паху коня показалась кровь, а на ладонях юноши вскочили волдыри-болячки. Конь бросился стрелой и очутился по ту сторону гор.

Едва он проскочил на коне через эти горы, как они остановились каждая на своем месте и стали неподвижны. Двум этим горам суждено было биться до тех пор, пока между ними не проскочит удалой молодец.

Вывел он кобылицу, захватил и таз, привязал его у себя в тороках и пустился в обратный путь. Доставил он их царю, кобылицу пустил к нему во двор и таз швырнул туда же.

Как только заяц, железный сундук и кобылица оказались вместе, они превратились в трех таких девушек-красавиц, что люди не могли на них налюбоваться. На них было наложено такое заклятие: до тех пор, пока они не сойдутся вместе, нельзя будет узнать, кто из них кем был.

Царь обрадовался, призвал героя к себе и обнял его, забыв про то, как он перед этим был напуган.

Три девушки-красавицы стоят, не трогаются со своих мест.

Царь пригласил их в свой дворец, а девушки ему говорят:

— Наш обычай не таков: сначала ты должен очиститься. Садись с женой и всей своей семьей в таз, а затем сажай рядом с собой по признаку, кто как близко к тебе стоит. Таз будет расширяться так, что в него войдут все, кто под твоей властью

вершил дела, начиная с твоего министра и кончая самым низшим твоим прислужником. Когда ты это сделаешь, то все вы очиститесь, и тогда мы пойдем туда, куда ты нас поведешь, дорога твоя будет в твоей власти.

Царь посадил в таз всех своих людей, которые под его властью вершили дела во всех углах его государства.

Девушки спросили царя:

— Нигде больше нет твоих людей?

— Нигде больше нет,— ответил царь,— кроме простого народа.

Старшая из девушек заговорила по-хатски, и таз воспламенился. Даже пепла не осталось в нем от царя и его слуг, вершивших дела от его имени. Когда в тазу ничего больше не осталось, он стал снова таким, каким был.

А потом девушки-красавицы призвали к себе молодого человека и сказали ему:

— Нам суждено было сойтись благодаря тебе, а гибель проклятого царя была в наших руках. Теперь мы в твоей воле, поступай с нами, как тебе желательно. Сам же ты садись на царский престол, выбери себе подчиненных, чтобы они решали дела трудового народа.

Молодец взошел на царский престол. Он не виделся еще со своей матерью-старухой. Привез свою мать в царской карете, усадил ее на место царской матери. Послал и за своей женой. Она прибыла и заняла место царицы. Для трудового народа он назначил власти, которые подчинялись ему. Трех сестер, девушек-красавиц он выдал замуж за тех, за кого они сами пожелали.

И сегодня они живут и поживают.

Как вы всего того не видели, так пусть не посетят нас никакая болезнь, никакая напасть!

55. Матара, сын Даууая

Давным-давно жил-был хан. У него был единственный сын. Он был заносчив и мешал носить воду женщинам-водоноскам. Женщины, бедняги, носили воду на спине в кадушках, а ханский сын выходил и ради развлечения стрелял в кадушку. Он разбивал ее, и вода проливалась на женщин.

Однажды вышла на реку знахарка с кадушкой. Ханский сын пустил свою стрелу и в нее; он попал в кадушку на ее спине, и кадушка разлетелась в щепки, а вода облила знахарку до нижней рубашки.

— Да лишишься ты своей гордости, заносчивости! — проклята его знахарка.— Бывали и другие ханские сыновья, но они давали людям возможность свободно ходить по воду! А ты даже по воду не даешь ходить! За твою надменность перед нами, бедными женщинами, пусть бог вложит в твое сердце образ Уацирохс-Зардирохс *, чтобы тебе опротивели все люди, кроме нее, и чтобы слово перестало доходить до тебя! Пусть это тебя постигнет в наказание за то, что ты оскорбляешь нас!

Ханский сын тотчас же ушел домой. Он зашел к себе, запер за собой три двери и свалился на постель.

Родители всполошились, ищут своего единственного сына:

— Где он? Что с ним? Может быть, он спит? Но и для сна есть предел!

Некоторое время они выжидали, надеялись, что сын сам покажется, но так как он не показывался, они стали стучаться к нему. Где там! Он не открывает двери, никому не дает ответа, не отзывается ни на чей зов.

Жители ханского села тоже всполошились. Разговоры о том, что ханский сын запер за собой двери и на зов не откликается, дошли и до них. Собрались все, и стар, и млад, по очереди стали стучаться к нему в окно и в двери — но он не отзывается на их стук и зов.

Тогда один из стариков сказал:

— Его постигло какое-то горе. Быстро пошлите вестника к его дяде по матери Матара.

Посадили на коня юношу, который выделялся среди своих товарищей, и наказали ему:

— Скачи быстро, и днем, и ночью, и доставь сюда его дядю по матери Матара!

Юноша тотчас ускакал на коне как вестник тревоги; прискакал к Матара, дяде ханского сына по матери, и сообщил ему тревожную весть:

— Твой племянник, ханский сын, запер за собой три двери, никому не отвечает ни на зов, ни на стук, не открывает двери! С ним что-то случилось, езжай к нему скорей!

— Едем скорей! — сказал Матара.

Быстро оседлал коня, сел на него и заспешил, как по тре-

воге, к своему племяннику. Прискакал к ханскому дому, быстро соскочил с коня и, даже не поздоровавшись, быстро направился к двери.

— Открой дверь! — постучал он. Но тот и ему не открыл двери. Матара позвал его еще раз, но он не ответил.

Тогда Матара ударил дверь своей пяткой, и она свалилась. Выломав таким образом три двери, он прошел к своему племяннику и застал его лежащим ничком на постели.

— Что с тобой? — спрашивает его Матара. — Какая беда с тобой приключилась? Что ты растревожил людей?

Ханский сын молчит, ничего ему не отвечает.

Тогда Матара схватил его за руку, сбросил его с постели и говорит:

— Что ты молчишь? Что с тобой приключилось?

И тогда ханский сын, племянник его, сказал ему:

— Знахарка прокляла меня, и тотчас же Уацирохс-Зардирохс вошла мне в сердце: ничего больше я не понимаю, не слышу ни отца, ни матери, ни людей. Что она из себя представляет я не знаю, но охвачен страстной любовью к ней!

— Не унывай из-за этого! — сказал ему Матара.— Если я жив буду, мы ее заполучим! Теперь ни о чем больше не беспокойся, выкинь из головы свои тревожные мысли!

Матара сейчас же отправил двенадцать арб привезти сталь. Из привезенной стали он сделал лук и стрелу. После этого он выступил в дорогу вместе с ханским сыном.

Когда они несколько отъехали от своего села, Матара обратился с молитвой к богу богов:

— О мой бог, бог богов! Я пускаю эту стрелу, заставь ее идти впереди меня, и пусть она, проводя борозду, как плугом, придет туда, где находится Уацирохс-Зардирохс, а там пусть застрянет в земле!

Матара пустил свою стрелу, и она пошла впереди них, проводя борозду, как плугом. Они ехали по готовому пути и прибыли туда, где находилась Уацирохс-Зардирохс. Семь великанов собрались вокруг стрелы от лука Матара, застрявшей в земле, по очереди пытаются вытащить ее, но не могут. Они взялись за нее все семеро, но и всемером не смогли вытащить ее из земли. В этот самый момент предстал перед ними Матара со своим сестричичем *, ханским сыном.

— День вам добрый! — обратился Матара с приветствием к великанам.— Почему вы трогаете вещь гостя? Что вам до нее?

Семь великанов, страшно перепугавшись, что этот гость грозит им бедой, отвечают ему:

— Мы собрались вокруг нее, как перед чудесным явлением. Что она принадлежит гостю, мы этого не знали. Как мы ни бились с ней, не смогли вытащить ее из земли.

— Мы ваши гости,— сказал им Матара.— Мы не враги и не насильники, но хотим с вами породниться. Если вы нам скажете, что́ из себя представляет ваша сестра, и захотите узнать, кто мы такие и каковы наши обычаи, то мы побеседуем с вами.

Великаны сказали ему:

— Многие приходили к нам сватать нашу сестру, но не в состоянии были выполнить условия, которые мы им предлагали. Мы поступали с ними так, что они уже не возвращались к себе домой.

— А каковы ваши условия? — спрашивает их Матара.

— Завтра мы отправляемся на охоту. Пусть он один принесет дичи столько же, сколько приносит каждый из нас.

— А сколько же приносит каждый из вас? — спрашивает их Матара.

— А приносим мы,— отвечают они,— кто тушу оленью, а кто целое дерево с корнями и ветками.

Матара говорит великанам:

— Будьте готовы к утру! Я согласен с этим вашим условием. Каковы другие ваши условия?

— Это наш первый калым. А второе условие таково: пусть жених взберется на самую вершину дерева, которое стоит у порога нашего дома; пусть при этом он возьмет с собой кувшин топленого масла. Когда он достигнет вершины, пусть перевернет кувшин вверх дном так, чтобы не было пролито ни одной капли масла, поставит кувшин перевернутым в развилке между двумя ветками и слезет с дерева.

Третье же условие таково: когда мы вернемся с охоты и принесем оленьи туши и целые деревья, он должен все оленьи туши разделать, как тушу одного оленя, а целые деревья расколоть на дрова так, как будто имеет дело с одним деревом. Если он выполнит все три условия, то будет нашим зятем.

— Хорошо,— сказал Матара.— Деревья — его задача, а идти на охоту с вами — моя задача. Наш обычай такой: косарты в доме невесты готовит не жених, а другой, кто приходит с ним.

Утром великаны отправились на охоту, взяв с собой Матара в качестве восьмого охотника.

После охоты каждый из великанов несет кто оленью тушу, кто — целое дерево, а Матара на одном плече несет оленью тушу, а на другом — целое дерево. На условленном месте они сошлись, и когда великаны увидели Матара, они опять перепугались:

— Этот человек грозит нам погибелью! — сказали они.

Великаны пришли домой, и каждый сбросил свою ношу. Матара тоже пришел в дом великанов. Целое дерево он сбросил со своего плеча на землю, и оно разлетелось на мелкие щепки. Затем он схватил оленью тушу за морду и содрал с оленя шкуру, как сдирают на бурдюк — целиком. Оленью тушу он изрубил на части и побросал в ушат. Потом он говорит семи великанам:

— Ослы! Разделайте свои косарты сами, расколите свои деревья на дрова! Нам некогда!

Те тоже принялись за разделку оленьих туш, с трудом отрывая целые куски; от страха перед Матара руки перестали им подчиняться. Разделали они свои оленьи туши, покололи свои деревья на дрова и говорят:

— Теперь должно быть выполнено другое наше условие: пусть жених взберется на дерево.

Жених, ханский сын, стал взбираться на дерево с кувшином масла в руке. Добрался до вершины дерева, перевернул кувшин вверх дном, и масло пролилось.

Великаны сбежались с криком:

— Вот, вот, масло у него пролилось!

— Эй, ослы! — сказал им Матара.— Он с вершины дерева увидел свою родину, сердце его сжалось от тоски по ней, и он пролил свои слезы; то — слезы его, а не масло.

Великаны присмирели. Ханский сын спустился с дерева. Великаны согласились выдать за него свою сестру Уацирохс-Зардирохс. Молодым вручили ключи от двенадцати дверей и сказали:

— В этих палатах проводите время радостно, любуйтесь на диковины, которые находятся в них. Открывайте одиннадцать дверей, но ни в коем случае не открывайте двенадцатой двери!

На другой день великаны отправились на охоту, а вместе с ними и Матара. Охотились они несколько дней. Молодые ради удовольствия прогуливались по своим палатам.

Однажды ханский сын пристал к Уацирохс-Зардирохс:

— Я открою и двенадцатую дверь! — говорил он.

— Нельзя ее открывать,— убеждала она его.

Удерживала она его день, два, а затем он не послушался ее и открыл двенадцатую дверь. А в этой палате находился связанный цепями Кантдзити Налуаюг *, и был источник воды. При виде ханского сына великан прикинулся жалким и обратился к нему с такими словами:

— Эй, какой ты молодой, красивый человек! Вот в таком жалком положении я живу столько лет! Руки мои, колени мои, шея моя изнемогли от цепей, онемели. Прошу тебя, полей на меня воды вон из того источника, чтобы раны мои немножко успокоились!

Ханский сын пожалел великана и облил цепи его водой из источника, который находился в той же палате. Цепи со звоном посыпались на пол. Великан вскочил, схватил ханского сына, второпях сунул его за одну из балок чердака, схватил Уацирохс-Зардирохс и бежал с ней.

Великаны и Матара вернулись с охоты и нашли двенадцатую дверь открытой. Они обошли все палаты, но ни зятя своего, ханского сына, ни сестры своей Уацирохс-Зардирохс, ни Кантдзити Налуаюга нигде не оказалось. После долгих поисков они нашли ханского сына еще живого на чердаке, засунутым за одну из балок.

Семь великанов заплакали и сказали:

— Этот великан в течение многих лет сватал нашу сестру Уацирохс-Зардирохс, но мы отказывали ему. Когда же он нам надоел, мы связали его цепями и содержали его в таком положении в двенадцатой палате. А теперь и вас, и нас постигло большое несчастье!

Они плакали и рыдали, не зная, что им предпринять. Тогда Матара сказал им:

— Я оставляю у вас своего племянника аманатом, а сам немедленно отправляюсь на поиски Уацирохс-Зардирохс. Если в мое отсутствие что-нибудь с ним случится, то я истреблю вас всех.

Матара тотчас же выступил в путь. Он пустил из своего лука стрелу, обратившись к богу с молитвой:

— О бог богов, бог мой! Доведи мою стрелу, как по борозде от плуга, туда, где находится Кантдзити Налуаюг!

Стрела полетела, оставляя за собой борозду. Матара напра-

вился по ней и набрел на некоего человека — он отпускал на свободу пойманного зайца, а когда заяц пускался из всех сил наутек, он бросался за ним и ловил его за задние ноги.

Матара застал его за таким занятием и обратился к нему с приветствием:

— Да будет день твой добрым, славный человек! Что это? Чудо, какой ты бегун: ловишь на всем бегу зайца за задние ноги!

— Э! — ответил он.— Я не чудо. Чудо — это сын Даууая Матара, который привез на двенадцати арбах сталь и сделал из нее себе лук и стрелы!

— В таком случае Матара — это я,— сказал тот.

— Тогда ты мне брат,— ответил ему хозяин зайца.— Я пойду вместе с тобой туда, куда направляешься ты, и буду оказывать тебе братскую помощь.

Их стало двое, и они вместе направились дальше.

Шли они, шли и набрели на некоего человека: он скручивает деревья друг с другом и играет ими.

— Что ты за чудо,— говорит Матара,— скручиваешь вместе целые деревья и играешь ими!

— Я не чудо,— отвечает тот.— Чудо — сын Даууая Матара, который на двенадцати парах быков привез сталь и сделал из нее себе лук и стрелы.

— В таком случае это я,— сказал ему Матара.

— Тогда и я тебе брат и пойду с тобой туда, куда ты держишь свой путь.

Пошли они дальше втроем и набрели в одном месте еще на некоего человека: он приложил ухо к земле, прислушивается.

— Что ты за диво! — говорит ему Матара.— Ухо свое ты приложил к земле, какие вести она тебе сообщает?

— Не я диво,— ответил тот.— Большее диво, чем я, сын Даууая, Матара, который на двенадцати парах быков привез сталь и сделал из нее себе лук и стрелы. А я прислушиваюсь к муравьям: они рассказывают разные истории, и я их выслушиваю.

— В таком случае я — Матара,— сказал ему тот.

— Если ты Матара, то я тебе брат и отправляюсь с тобой туда, куда ты держишь свой путь.

Их стало четверо. Матара поведал своим новым товарищам, которые назвались его братьями, о своих испытаниях, о том, что он разыскивает похищенную Уацирохс-Зардирохс.

— Если будет нужно, мы пожертвуем ради тебя своей жизнью,— заверили его новые товарищи.

По готовой дороге, по борозде, проведенной стрелой, как плугом, они вчетвером пошли вместе дальше. Сколько тянулась борозда, бог один знает, но в одном месте она оборвалась. Стрела застряла в земле. Они остановились около нее и увидели каменные плиты. Матара приподнял одну из них и обнаружил в глубине комнату, в которой Кантдзити Налуаюг спал, а Уацирохс-Зардирохс сидела у его изголовья и прогоняла от него мух.

Матара заставил своих товарищей опустить его на веревке в эту комнату и сказал:

— Когда пошевелю веревку, поднимите меня обратно!

Товарищи опустили Матара по веревке в эту комнату, и он неожиданно предстал перед Уацирохс-Зардирохс. Она ему говорит:

— Ты погубил и себя, и меня! Зачем ты спустился? Он уничтожит нас обоих! Довольно того, что я погибла, а зачем ты еще губишь себя?

— Брось это,— сказал ей Матара.— Лучше ты узнай, где у него спрятана душа. Притворись плачущей и скажи ему: «Ты уходишь на охоту или целую неделю спишь, а я остаюсь одна, и мне нечем развлечься. Укажи мне, где находится твоя душа, чтобы я могла развлекаться ею в твое отсутствие».

Так научил ее Матара. Когда великан проснулся и увидел, что Уацирохс-Зардирохс печальна, он стал ее расспрашивать, почему она грустит.

— Ты уходишь, а я остаюсь одна,— сказала она ему.— Или же ты целую неделю спишь, а когда просыпаешься, то снова отправляешься на охоту, и я томлюсь от одиночества. Скажи мне, где находится твоя душа, чтобы я в ней находила опору себе.

— Моя душа находится в нашем очаге,— ответил он и ушел на охоту. В его отсутствие она разукрасила очаг и стала ему радоваться.

Три раза он ее так обманул, а на четвертый раз говорит ей:

— Э, глупая! Если бы моя душа находилась в таких местах, то я не дожил бы до сегодняшнего дня. Душа моя находится вот где: в таком-то месте есть болото, а в болоте обитает вепрь. Если ты подойдешь к вепрю на расстояние двух верст, то он издаст свист, и этот свист отнесет тебя на край неба. Люди для него косят сено и складывают стога вокруг болота наподобие

стола. Он начинает есть сено из первого сложенного стога. К нему и подойти невозможно, и ружье его не берет. У него на лбу имеются три белые щетинки, и в них никто не попадет. Внутри у него находится заяц, в зайце — ларец, а в ларце — три ласточки, они — моя душа. Ты никак не сможешь до них добраться, не сможешь им радоваться!

Так сказал он ей и опять впал в недельную спячку.

Матара снова спустился по веревке к Уацирохс-Зардирохс и спрашивает ее:

— Ну, какие вести?

Она передала ему все то, что сказал ей великан.

Матара предупредил Уацирохс-Зардирохс:

— Может случиться, что он перед своей гибелью закричит, но ты не подходи к нему близко. Он будет просить, чтобы ты к нему подошла, но ты не поддавайся обману!

Он пошевелил веревку, по которой его спустили к Уацирохс-Зардирохс, и товарищи снова подняли его наверх. Он сказал им:

— Живите пока вот в таком-то месте, а я явлюсь к вам через некоторое время.

Он бросился бежать к тому болоту, в котором обитал вепрь, и застал там людей, которые косили для вепря сено и складывали его в стога по берегам болота.

— Как обстоит дело с вашей работой? — спросил их Матара.

Они поведали ему о тяжелых днях работы у вепря.

Матара вместе с ними приступил к устройству стола из стогов, но сделал так, чтобы в столе для него была бойница. Когда стол из стогов сена был сложен, вепрь вылез из болота. Он подходил к столу, свистел и убегал обратно. Наконец, он не стерпел и в ярости напал на стол, сложенный из стогов сена. Матара из бойницы пустил в него стрелу, которая попала ему в лоб между трех белых щетинок и пригвоздила вепря к земле. Матара выскочил из своей засады, набросился на него, вспорол ему брюхо, как обычно вспарывают брюхо дичи, и выхватил оттуда зайца. Вспорол зайца и достал из его брюха ларец. Открыл ларец и в ту же минуту свернул шеи двум ласточкам. Великан вскрикнул только, но встать он уже не мог.

Матара объявил людям, находившимся у вепря в неволе, что они свободны от своих повинностей. Они поблагодарили его, а сам он с одной ласточкой в ларце бросился бегом к своим товарищам.

Великан, который был еще еле живой, обратился к Уацирохс-Зардирохс:

— Подойди ко мне ближе, мне нездоровится, коснись меня своей рукой!

Но она уже и близко не подходит к нему.

Тем временем Матара опять спустился по веревке к Уацирохс-Зардирохс и спросил великана:

— Укажи, где находится все твое имущество!

Великан указал все свое имущество и просил пощадить его, не лишать жизни, но Матара свернул голову и третьей ласточке, и великан умер.

Тогда Уацирохс-Зардирохс сказала Матара:

— Людям нельзя доверять. Пусть тебя поднимут на веревке раньше, чем меня. Хотя твои товарищи назвались твоими братьями, но все-таки они могут обмануть тебя. Увидев меня, они больше не спустят веревку, чтобы поднять и тебя.

— Я не считаю это достойным для себя,— сказал ей Матара.— Полезай сначала ты!

— Не делай этого! — еще раз говорит ему Уацирохс-Зардирохс.— Полезай наверх раньше меня, иначе это может стать для тебя дорóгой гибели. Если товарищи обманут тебя, ты выйди в сени и тотчас набрасывайся на одного из двух баранов, которые стоят на привязи. Твое счастье, если ты ухватишься за рога белого барана, а если ухватишься за рога черного барана, тебя ожидает несчастье.

Матара все-таки отказался подняться наверх первым, и товарищи сначала вытащили наверх Уацирохс-Зардирохс. А опустить веревку за ним уже и не подумали. Он долго ждал, и когда увидел, что веревку не опускают, он выбежал в сени, с разбега ухватился за рога черного барана, и баран швырнул Матара в седьмой подземный мир.

Очутившись в седьмом подземном мире, Матара не растерялся; он направился по неизвестной дороге и дошел по ней до окраины одного села. Остановился он как гость в доме бедной женщины, которая встретила его приветливо.

— Ты, гость, должно быть, голоден, испеку чурек,— сказала старуха, вынесла в корыте муки и пыталась замесить ее вместо воды собственной мочой, но Матара остановил ее:

— Что ты делаешь?!

— Да съем я твои болезни,— сказала старуха.— Дракон захватил нашу реку и никому не позволяет набирать воды!

— Гостю он разрешит набрать воды,— сказал Матара, схватил два ведра, зачерпнул воды и понес.

Дракон зашипел на него, но Матара сказал ему:

— Гостю простительно!

Старуха испекла чурек, накормила своего гостя, а затем говорит ему:

— Завтра мы должны отвести дракону нашу дань. Ежегодно по жеребьевке мы должны давать девушку и юношу. Жребий этого года пал на дочь нашего хана.

— Что это за порядок такой? — спрашивает Матара,— что он с ними делает?

А старуха говорит ему:

— Мы провожаем их всем селом только до определенного места, боимся подойти ближе к дракону. Дальше они направляются уже сами.

— А когда их отправляют? — снова спрашивает Матара.

— Завтра,— ответила ему старуха.

Матара вооружился и исчез куда-то, так что старуха даже об этом не узнала.

Дочь хана и сына бедняка, на которых пал жребий, провожало все село с плачем и рыданием. Их довели до условного места, дальше которого уже не мог проводить их ни хан, ни бедняк, отец юноши, никто из села, и сказали:

— А теперь мы навеки расстаемся с вами и никогда больше не увидимся!

И село с плачем вернулось обратно, а бедняги, ханская дочь и сын бедняка, вдвоем направились дальше сами к дракону.

Матара пробежал поперек дороги, как будто бы встретился с ними невзначай, и говорит им:

— Да будет путь ваш прямой!

А они ему отвечают:

— Пусть путь проклинающего тебя не будет прямее того пути, по которому мы сегодня идем!

Он спрашивает, как будто бы ничего не знает:

— Кто вы такие? Куда вы идете? Что вас печалит?

— На нашей реке сидит дракон,— отвечают они.— Ежегодно мы платим ему дань девушкой и юношей. Я — дочь хана, а это — сын бедняка, мы идем на свою гибель: дракон дыхнет в нашу сторону, ветер отнесет нас к нему, и он нас съест.

— В таком случае я немножко пройдусь с вами,— говорит им Матара.

А те отвечают:

— Мы погибаем, гость, а ты уже не губи себя! Мы не знаем, кто ты такой, никогда тебя не видели.

— Нет, не беспокойтесь обо мне,— говорит Матара.— Я гость, и, может быть, он простит мне, если я ему скажу: «Почему ты не позволяешь идти им по своей дороге?».

Пошли они вместе и дошли до условного места. Матара спрашивает:

— Это уже то место, где вы должны остановиться?

— Да, здесь мы должны остановиться,— ответили они.

— Он сам к вам явится, или вы сами к нему подойдете?

— Сейчас он покажется,— ответили они ему,— и дыхнет в нашу сторону. Ветер от его пасти настолько силен, что он подхватит и отнесет нас прямиком в его пасть.

Матара на это им говорит:

— Вы стойте тут! Когда он покажется, то, если ветер его так силен, ложитесь вот в этом углублении борозды!

Дракон не замедлил показаться и обращается к Матара:

— Кто ты такой? Ты не входишь в положенную мне дань!

— А что тебе мешает, если вместо двоих будут трое? — отвечает ему Матара.

Тогда дракон подул на них, ханская дочь и сын бедняка быстро легли в борозду, а Матара даже не сдвинулся с места. Дракон подул в другую сторону, а Матара опять не сдвинулся с места. Тогда дракон подскочил к Матара и, извиваясь, говорит ему:

— Кто ты такой? Ты не входишь в положенную мне дань. Почему ты вступил на мою землю?

— Я — гость,— отвечает Матара.— На этот раз ради меня откажись от своей дани!

— Добраться бы мне до тебя,— кричит дракон,— тогда я тебе покажу ради «гостей твоих»!

Дракон подул и стал наступать на Матара, пышет на него пламенем из пасти. Матара при себе имел лук и стрелы, сделанные из стали, которую он привез на двенадцати парах быков. Прицелился он в дракона и влепил ему стрелу прямо в лоб. Стрела пригвоздила его к земле. Дракон крутил хвостом и ударял им землю — головой он уже ничего не мог делать — и кричал, что мир погибнет.

Матара подступил к нему, выхватил свой меч и стал рубить дракона. Изрубил его и сложил в сажени, как складывают

дрова. Изо лба дракона он вытащил свою стрелу и положил ее на место. Затем подошел к ханской дочери и сыну бедняка и сказал им:

— Милые мои, уходите невредимыми домой! С сегодняшнего дня вы можете пить воду свободно, а я отправляюсь дальше по своей дороге.

Ханская дочь сказала ему:

— Ты оказал нам такое добро, что нельзя отпустить тебя без того, чтобы ты не повидался с моей матерью и моим отцом.

— Я не из вашей страны,— сказал Матара,— я направляюсь по своему делу, нельзя мне больше оставаться здесь.

Матара ушел своей дорогой, а огорченная ханская дочь осталась одна с сыном бедняка. Они повернули обратно и дошли до своего села. Село было напугано их возвращением, люди стали плакать, приговаривая:

— Они нас погубили! Теперь дракон сожрет нас всех!

Дорогой сын бедняка сказал ханской дочери:

— Говори, что дракона убил я, а не то я убью тебя! Может быть, хан вознаградит меня чем-нибудь.

Ханская дочь испугалась и сказала ему:

— Я буду говорить, что дракона убил ты.

Люди не верили словам ханской дочери, но она все-таки продолжала уверять их:

— Дракона убил мой напарник, сын бедняка. Не бойтесь больше дракона!

Все-таки люди не верили, что дракон убит, и решили проверить:

— Пустим на реку двух черных быков, появившихся на свет в дни Тотура * и не пивших воды в течение целого года, и по их животам видно будет, что дракона на реке больше нет.

Они выпустили двух черных быков, умиравших от жажды. Те бегом пустились к реке, напились воды так, что их расперло, и возвратились домой со стоном, еле-еле двигая ногами.

О драконе не стало и слуху. Хан приказал:

— Скорее приведите ко мне этого молодого человека!

Он устроил в своем дворце пир для всего сельского общества и объявил собравшимся от мала до велика:

— Хан выдает свою дочь за того, кто освободил нас от дани, которая с незапамятных времен наложена была на нас драконом.

Когда народ от мала до велика собрался на ханский пир, он еще раз спросил:

— Все ли жители присутствуют, не остался ли еще кто-нибудь?

Старуха, у которой остановился Матара, сказала:

— У меня есть гость, молодой человек, не из нашей, а из другой страны.

Хан послал за ним пригласить на пир, но он отказался прийти. Хан посылал за ним три раза, но он все отказывался. Тогда хан сам пошел пригласить его, приняв во внимание, что он гость.

— Что ты за гость, который не выполняет просьбы людей? — сказал ему хан.

Матара согласился и явился на ханский пир.

— Вот этот молодой человек убил нашего врага, которому мы с незапамятных времен платили дань,— сказали ему,— теперь хан выдает за него свою дочь. И по этому случаю все общество собралось здесь.

Ханская дочь вышла на середину и, увидев Матара, сказала:

— Приведите сюда вот того гостя!

Матара подвели к ханской дочери, и она рассказала народу все, как было:

— Мой напарник,— сказала она в заключение,— говорил ложь; он напугал меня и заставил меня говорить, что дракона он убил.

Люди, собравшиеся на ханском дворе, стали наносить молодому человеку, напарнику ханской дочери, словесные оскорбления за то, что он лгал. А хан сказал Матара:

— Матара, эту девушку бог предназначил для твоего счастья, с сегодняшнего дня ты будешь моим зятем.

— Я не жених,— ответил Матара,— но если когда-нибудь я попрошу у тебя помощи, то помоги мне. А она, пока я буду жив,— моя сестра.

Свадебный пир не состоялся, люди разошлись по своим домам, а Матара вернулся к бедной старухе, которая приютила его.

— Что мне делать? — сказал он ей в раздумье.— Я — земной человек. Каким способом мне найти родину свою, мой мир? Как мне выбраться отсюда?

Старуха сказала ему:

— Из нашего подземного мира на землю поднимается только одна орлица. Она каждый раз сносит три яйца и выводит птенцов, но каждый раз руймон поедает их, и она остается без потомства. Если ты сможешь каким-либо способом спасти птенцов от руймона, то она доставит тебя на землю, на твою родину.

Старуха указала ему и место, и дерево, на котором было гнездо орлицы. Матара нашел это дерево, подошел к нему и взобрался на него. Через какое-то время на это же дерево начал взбираться и руймон, чтобы сожрать птенцов орлицы. Матара схватил франкский * свой меч и принялся рубить им руймона. Он отрубил ему голову. Под деревом осталось валяться изрубленное на куски тело руймона.

Птенцов орлицы, которые сидели в гнезде и видели, как Матара изрубил своим мечом руймона, охватила радость; от восторга они ошалели, не знали, как его отблагодарить.

— Мы не отпустим тебя от себя до тех пор, пока наша мать не вернется с земли,— сказали они.

Они задержали Матара у себя и всячески ему угождали.

А тем временем пошел такой проливной дождь, про который обычно говорят, что небо и земля колотят друг друга. Матара спрашивает:

— Что это за необыкновенный проливной дождь? Это удивительно!

И они ему объяснили:

— Каждый год руймон поедает птенцов нашей матери, и наша мать, возвращаясь к себе, плачет. Она думает, что руймон опять сожрал ее птенцов. Этот проливной дождь — ее слезы.

Через некоторое время выглянуло такое палящее солнце, что у паршивоголового парша на голове лопалась волдырями.

— Что это за диво? Никогда я не видел такого палящего солнца! — спрашивает Матара у птенцов орлицы.

— Наша мать узнала, что мы живы,— ответили они,— и для нее озарился весь мир. Вот теперь от восторга она может проглотить тебя. Мы тебя спрячем.

Тем временем прилетела орлица.

— Живо, скажите мне, кто спас вас? Я от восторга могу умереть! — сказала она.

— Сказали бы мы тебе,— говорят ей птенцы,— но ты его от восторга проглотишь. Мы боимся его тебе показать.

— Покажите его мне, я ничего ему не сделаю, не бойтесь! —

отвечает она своим птенцам.— Если я ему что-нибудь сделаю, то что я еще сделаю своему врагу?

Они показали ей Матара. От восторга орлица проглатывала его и выбрасывала обратно; она не знала, как его лучше отблагодарить. Наконец говорит ему:

— Солнышко мое, все мое — твое! Скажи мне, что тебе желательно, и я все сделаю для тебя.

Матара поведал ей про свои испытания и попросил ее об одном: доставить его на землю, на свою родину.

— Необходимо без задержки достать семь буйволиных туш и семь бурдюков вина,— сказала орлица,— и я доставлю тебя на землю, на родину твою.

Матара поспешно вернулся к хану, дочь которого он спас от дракона, рассказал ему про свое положение и просил у него помощи. Хан сказал ему:

— Да съем я твои болезни! Хорошо, что в чем-то тебе понадобилась моя помощь!

Он тотчас же отправил с ним семь буйволиных туш и семь бурдюков вина. Орлица нагрузила все это на свои крылья и усадила на них Матара.

— Всех стран света семь *,— сказала она ему.— С каждым кругом я буду подниматься до очередной земли и буду клекотом давать тебе знать, что я голодна, а ты каждый раз бросай мне в пасть по буйволиной туше и выливай по бурдюку вина.

Орлица летит, клекотом дает знать Матара, что нуждается в подкормке, и Матара бросает ей в пасть по буйволиной туше и выливает по бурдюку вина. До седьмой страны оставалось немного, а орлица опять издает клекот. У Матара ничего больше не было, чтобы бросить ей в пасть. Второпях он вырвал мускулы икр со своей ноги и бросил их орлице.

Они достигли земли, родины Матара. Матара слез. Они взаимно поблагодарили друг друга, и он пошел, прихрамывая на одну ногу. А орлица кричит ему вслед:

— Почему ты прихрамываешь на одну ногу?

— Я долго сидел,— говорит ей Матара,— и кровь застоялась в моих ногах.

— Вернись! — сказала она ему.

Он вернулся к орлице, и она ему говорит:

— Покажи свою ногу!

Выплюнула ему на ногу мясо, которое задержала под языком, и икры ноги его стали лучше, чем были до этого.

17 Заказ 2079

Орлица повернула в обратный путь, а Матара идет по земле своей родины и не узнает ее: она стала казаться ему незнакомой. Он удивляется: это — моя родина, но я ее не узнаю!

Вдруг полил проливной дождь, и Матара спрятался от него в дупле дерева. Когда дождь перестал, он сухим выскочил из дупла, видит: бежит мимо него весь промокший от дождя черт.

— Скажи мне, каким образом ты остался сухим,— спрашивает черт Матара,— и я тебе подарю кое-что.

— А что это такое, что ты хочешь мне подарить? — спрашивает его Матара.

— А это зеркало. Если его перевернешь вот так, то и земля перевернется вверх дном,— сказал черт.

— Покажи-ка мне его,— сказал Матара.

Черт передал ему зеркало и сказал:

— Не считай эту страну своей родиной. Но если ты перевернешь зеркало, ты очутишься в своей стране, на родной земле, и все станешь узнавать.

Матара взял зеркало в руки и сказал черту:

— Вот тебе дупло дерева. Когда будет идти дождь, залезай туда, и ты останешься сухим.

Пока черт рассматривал дупло дерева, Матара перевернул зеркало в обратную сторону, и черт провалился в седьмой подземный мир, а сам он очутился на своей родине и начал все узнавать. Он направился по знакомой дороге и обратился к богу с мольбой:

— О бог богов, бог мой! Я молю тебя, чтобы стрела моего лука, проводя борозду подобно плугу, подошла к тем, которые, зная мою правоту, заставили меня перенести эти испытания, и застряла в земле около их жилища!

Он спустил стрелу. Стрела подобно плугу провела по земле борозду до того места, где находились его товарищи и Уацирохс-Зардирохс. Матара пошел по борозде и скоро предстал перед своими товарищами. Уацирохс-Зардирохс сидела около них. Из-за нее они не поладили между собой. Каждый из них хотел сделать ее своей женой; так они проводили дни и плакали.

Когда Матара неожиданно предстал перед ними, они были смущены и почувствовали себя неловко. Уацирохс-Зардирохс, увидев его, вскочила со своего места и обняла его со словами:

— Мне удалось еще свидеться с единственным братом!

Три его товарища, обманщики, так были напуганы, что не могли даже подняться с места, как этого требует обычай.

Матара достал стрелу от лука и обратился к ней:

— Если я перед своими товарищами ни в чем не провинился, то пойдешь ты, стрела моя, вверх одна, а назад вернись утроенной и порази каждого из них в голову! Если же они были правы в отношении меня, а я виноват, то вверх пойди в тройном виде, а назад вернись одна и порази меня в голову!

Он пустил стрелу свою, и она ушла вверх одна, а назад вернулась утроенной, и каждая из трех стрел поразила каждого из трех его товарищей в голову, пригвоздила к земле, разрубила каждого из них на куски.

Матара убрал свою стрелу, взял Уацирохс-Зардирохс за руку и сказал ей:

— А теперь, сестра моя, идем!

Шли они, шли и прибыли в дом семи братьев-великанов как раз в годовщину отъезда Матара. Шесть великанов разложили ханского сына на чурбане, чтобы зарезать его, а седьмой брат, не желая этого, просит своих братьев:

— Не делайте этого, оставьте его в живых, они еще явятся!

Матара застал их за таким делом и обращается к ним:

— Что вы собираетесь делать? Я из-за вас перенес столько испытаний, а вы теперь разложили моего племянника, чтобы зарезать его?

Он выхватил франкский меч свой и отрубил у шестерых великанов головы. Сложил их имущество и вывез его. Вместе с Уацирохс-Зардирохс и своим племянником, а также седьмым великаном они вернулись домой. В их отсутствие мать и отец от печали по сыну ослепли, выплакали свои глаза. Когда же они вернулись благополучно, то на радостях, от восторга они снова прозрели.

И сегодня они еще живут и поживают.

Как вы не видели ничего из того, о чем говорилось, так пусть минуют нас всякие болезни, всякие напасти!

56. Авзонг-Цауайнон, сын бедного охотника

В давние времена в некоем селе жили бездетные муж и жена. Многие годы они прожили и горевали, что у них не было детей. Муж каждый день охотился и никогда не возвра-

щался в дом свой с пустыми руками; он приносил туши оленей, туши косуль, и так они жили. На жизнь они не жаловались, но их сокрушало то, что не было у них детей.

Но однажды жена почувствовала себя в положении, и они обрадовались этому.

— Если будет угодно богу, у нас родится теперь мальчик или девочка,— говорили они.

Когда же наступило время, у них родился мальчик, бедные муж и жена радовались ему. Так они и жили.

Ребенок рос. Время шло, и мальчик стал подростком. Вскорости умер отец, и мать осталась одна с сыном. Жить им стало труднее, но она все-таки растила своего сына. Он подрос уже так, что стал принимать участие в играх своих однолеток в поле и на улицах села.

Однажды он увидел в доме лук своего отца и спрашивает мать:

— Что это такое?

— Это драгоценность отца твоего, то, чем он охотился.

— А как же он им охотился? — спрашивает ее мальчик.

Тогда мать вручила ему стрелу и показала ему, как нужно стрелять из лука.

У подростка не было достаточно силы. Он попробовал выстрелить из лука, но не смог натянуть тетиву и спрашивает свою мать:

— Хочешь, я сам по образцу этого лука сделаю себе лук с тетивой, которую я смогу натягивать, и буду стрелять в птиц и прочее?

— Как не хочу, да съем я твои болезни! Если бы ты дорос до этого, то что мне еще будет нужно?

И вот он сделал такой лук, приделал тетиву из прочной веревки, стрелы тоже сделал сам и стал стрелять из этого лука. Он стрелял в птицу и попадал в нее, он стал метким стрелком.

А затем, почувствовав в себе больше силы, он попробовал стрелять из отцовского лука и уже смог справиться с ним. Через какое-то время он сказал своей матери:

— Теперь я больше не занимаюсь птицами. Надо начать охотиться в лесу, как это делал мой отец.

Матери не хотелось этого. Лес был полон великанов, и она боялась за него.

— Ты пока не сможешь охотиться в лесу,— сказала она ему.

— Не бойся за меня,— ответил сын.— Великаны живут далеко, и я не доберусь до них, а жить так, как мы живем, уже невозможно. Может быть, жизнь наша как-нибудь улучшится.

Мать согласилась:

— Отпускаю тебя, но береги себя.

Юноша отправился в лес на охоту. Он встретил там оленя, убил его и вовремя вернулся домой с добычей.

Мать очень обрадовалась:

— Теперь нам не грозит опасность, как-нибудь проживем!

Юноша уходил на охоту и никогда не возвращался домой с пустыми руками, приносил то тушу оленя, то тушу косули. И соседи, и близкие стали его привечать и назвали его Авзонг-Цауайнон *.

Постепенно он входил в возраст, мужал; достал лук и стрелы, стал носить меч своего отца, чтобы при встрече с великанами суметь вступить с ними в бой. Однажды он отправился на охоту, вооружившись лучше обычного. Он углубился в лес и попал в незнакомое место. Охотился там долго, но не встретил дичи и целую неделю не возвращался домой.

На седьмой день вечером он сказал себе:

— Ну что ж, возвращусь домой с пустыми руками. Против воли божьей не пойдешь. Неспроста я не встречаю здесь дичи, хотя брожу в этом лесу уже семь дней, в то время как в своем лесу я каждый день находил что-нибудь.

Он направился домой, но уже не знал, в какую сторону ему идти, так далеко он углубился в этот незнакомый лес. Осмотрелся вокруг и видит: с холма смотрит на него олень. Юноша выстрелил в него. Олень, убитый, скатился с холма к его ногам. Он связал ноги оленя и понес его на себе. Шел он, шел в одном и том же направлении и в каком-то месте леса набрел на сад; он удивился: что это может быть? А это оказался сад великанов, куда они собирались на игры, на танцы, как теперь собираются на стадион.

— Не могу я уйти, не узнавши, что это за сад,— решил он.— Тут, наверное, кто-нибудь живет, и я увижу его.

Пока он раздумывал так, вышла из какого-то оврага женщина, подошла прямиком к нему и спросила:

— Кто ты такой и откуда ты сюда прибыл?

Авзонг-Цауайнон сказал ей:

— Я — охотник и теперь возвращаюсь к себе домой, а здесь я присел отдохнуть.

— По виду ты приятный молодой человек,— сказала она,— и, жалея тебя, я говорю тебе: скорее уходи отсюда!

— Почему ты меня гонишь? И кто ты такая, что не позволяешь мне даже отдохнуть здесь?

— Потому я тебе не разрешаю,— ответила она,— что мы великаны. У меня семь сыновей и муж мой живой; они находятся на охоте. Когда они вернутся, то прежде всего они разделают туши дичи и побросают мясо в котлы. Сварят мясо, поедят, а затем придут сюда на игры; во время игр они увидят тебя и набросятся на тебя; младший великан схватит тебя зубами, и это будет твой конец.

Авзонг-Цауайнон в ответ засмеялся и сказал:

— Разве твои сыновья так могучи, что один из них сможет бросить меня в рот и проглотить?

— Да,— отвечает женщина,— тебя даже не хватит на один зуб великану.

— В таком случае иди, займись своим делом,— говорит он,— я тоже уйду.

Он чувствовал усталость, и поэтому продолжал сидеть в саду, ожидая появления великанов; он надеялся на свои силы и готов был померяться силой с великанами.

Вернулись великаны домой; каждый из них принес по туше дичи и целому дереву. Они раскололи свои деревья на дрова, разделали туши дичи и мясо побросали в котлы-ушаты варить. Мясо сварилось, и великаны приступили к еде. В этот момент мать их вспомнила про охотника Авзонг-Цауайнона и говорит младшему сыну:

— Сходи в сад, там какой-то охотник сидит со своей тушей дичи. Он не захотел уходить. Расправься с ним, а тушу неси сюда!

Младший великан застал Авзонг-Цауайнона в саду и сразу напустился на него, чтобы съесть. Тот тоже вскочил с места, где он сидел, схватил великана за ногу и руку, подбежал к дереву, сунул великана в развилку между ветвями и придавил его ногами. Великан застрял там, болтая руками и ногами, и не мог сдвинуться с места. А Авзонг-Цауайнон сел на прежнее место и наблюдает за ним.

Увидев, что младший великан долго не возвращается, мать сказала тому, кто был старше его:

— Что-то его не видно. Неужели с этим охотником столько возни? Иди-ка, проведай его!

Тот дошел до сада и, увидев, что брат его в развилке дерева болтает ногами и руками, напустился на юношу. Авзонг-Цауайнон опять вскочил со своего места схватил его за ноги и руку, подбежал к дереву, положил на брата, головой к его ногам, и придавил ногами.

Так по очереди мать послала всех своих семерых сыновей; Авзонг-Цауайнон всех их сложил в развилке дерева друг на друга, а сам, невредимый, сел на свое место и ожидает, что будет дальше.

Отец и мать великанов удивляются: куда они девались, что их не видно?

Мать говорит мужу:

— Иди проведай их, что-то не видно наших сыновей!

Отец вышел на поиски сыновей и, увидев, что они мучаются в таком положении, а Авзонг-Цауайнон преспокойно сидит на месте, сказал сам себе:

— Да, тут что-то кроется! Это — такое дело, которое предвещает нам беду!

И он обращается к Авзонг-Цауайнону:

— Что мы тебе сделали дурного? Мы не причинили тебе никакого вреда. Почему ты предаешь моих сыновей такой позорной смерти?

А тот ему отвечает:

— Моей вины в этом нет. Я был на охоте, возвращался домой, и бог привел меня сюда. Я присел отдохнуть в этом саду, не зная, кому он принадлежит. Тем временем явилась ко мне какая-то женщина и стала прогонять меня отсюда. Она угрожала мне, что если только семеро ее сыновей застанут меня в своем саду, то меня не хватит даже на один зуб ее младшему сыну. Но я не знаю страха, и так как я не отдохнул, я не ушел из сада. Тогда один из ее сыновей явился и набросился на меня. Я не хотел его убивать и сунул его в развилку дерева. Все семь сыновей приходили ко мне по очереди. Вот они. Я не хотел убивать твоих сыновей. Если бы я хотел их убить, то я обезглавил бы их,— при этих словах юноша показал ему свой меч и взмахнул им.— Остаешься еще ты. Твоя жена говорила мне и о тебе. Я отрубил бы у тебя голову, но я не хочу убивать тебя, как и сыновей твоих. Мне хотелось узнать вашу силу, но если и тебе охота со мной схватиться, то вот я, попробуй!

— Не-ет,— сказал великан,— я не хочу биться с тобой. Я вышел не для того, чтобы вступать с тобой в схватку, а для того,

чтобы узнать, кто ты такой и куда девались мои сыновья. И я узнал, кто ты такой, что ты из себя представляешь. А теперь прошу тебя: у меня есть единственная дочь, по красоте нет ей равной на свете. Лица ее еще не видел ни один земной человек. Я желаю выдать ее за тебя, чтобы ты стал братом моих семерых сыновей. Освободи их, чтобы мы уже могли договориться. Я тебя не обманываю, будет так, как я говорю,— заверил его он.

— Ну в таком случае,— сказал Авзонг-Цауайнон,— и я даю тебе слово. Я верю тебе, но если ты изменишь своему слову, то клянусь, что я уничтожу мечом весь род твой, всех до единого.

— Не бойся! — сказал отец великанов.— Мы убедились в том, что ты не из тех, кого можно обмануть.

Тогда Авзонг-Цауайнон подошел к дереву, снял с развилки дерева сначала верхнего великана, а затем и остальных и велел им стоять.

— Возьмите тушу дичи,— сказал отец своим сыновьям,— и идемте домой. Вот вам зять и брат, он будет жить с вами.

Они все покинули сад и вернулись домой. Дома сыновья великана сказали:

— Мы согласны с тобой, отец, он нам подходит и как зять, и как брат; он сильнее, чем мы. Но нам тяжело нарушение нашего обычая; адат наш требует уплаты калыма, и он должен выполнить адат.

— Действительно, у нас существует калым,— сказал отец великанов Авзонг-Цауайнону.— Заплати его, дай нам что-нибудь в счет калыма.

— У меня нет никакого имущества,— ответил Авзонг-Цауайнон,— чем я могу заплатить вам калым? Вот есть у меня только лук и меч, если они вам нужны, то даю их вам.

Великан и его сыновья ответили ему:

— Они нам не нужны. Если у тебя нечем уплатить калым, то мы предлагаем тебе другое.

— Что же это? — спросил их Авзонг-Цауайнон.

— У нас есть ушат в сто ведер пива. Мы установим его в саду под деревом, наполним пивом, а ты подними его на вершину дерева и опусти обратно, не пролив ни одной капли. Вот тогда по адату ты станешь нашим зятем, а мы не будем чувствовать себя оскорбленными.

Авзонг-Цауайнон согласился с требованием великанов. Они вынесли ушат в сад, установили его под крепким деревом и наполнили пивом. Авзонг-Цауайнон схватил его одним пальцем, как

маленькую птичку, поднял на вершину дерева, а затем опустил обратно, но при этом пролил одну каплю. Тогда он сорвал с себя пуговицу и бросил ее позади себя.

Великаны захлопали в ладоши, увидев, что он пролил каплю. А он поставил ушат на землю и сказал им:

— Эх вы, глупые! У меня упала пуговица, а вы ее приняли за пролитую каплю. Разве вы сами не видите ее?

Они поверили ему. Тогда отец великанов сказал своим сыновьям:

— А теперь зайдем в дом!

Они зашли в дом, и тут сыновья великана снова сказали, что вопрос о калыме еще не решен.

— В таком случае скажите, каково ваше желание? — спросил Авзонг-Цауайнон.

Те указали ему на озеро:

— Вот в том озере,— сказали они,— сидит вепрь. Если ты его убьешь, то между нами больше не будет спора и ты станешь нашим зятем.

А вепрь этот уничтожал людей и животных в окрестных селах. Даже великаны не смели проходить поблизости от него, обходили его за версту.

— Ладно,— сказал Авзонг-Цауайнон,— но я даже не знаю, где он обитает. Завтра отведите меня туда и покажите его мне.

На следующее утро они встали, позавтракали и вместе с Авзонг-Цауайноном выступили в путь. Они указали ему озеро, в котором обитал вепрь, и объяснили ему:

— На берегу озера стоит дерево. Иди туда и остановись под деревом. Вепрь явится к тебе. Мы же отправляемся на охоту, а вечером по пути проведаем тебя, узнаем, что с тобой случится.

Авзонг-Цауайнон пошел к озеру, дошел до берега и стал под ним дожидаться вепря. Он ожидал его долго, но вепрь не появлялся. Лишь к вечеру, рассекая воды озера на две части, он явился, выскочил из озера, напустился на Авзонг-Цауайнона, и они схватились. Авзонг-Цауайнон поймал его хвост. Вепрь поворачивался к нему, а он, держась за его хвост, отскакивал в сторону, и так они кружились вокруг дерева. Великаны застали их, когда они кружились в схватке вокруг дерева, и, боясь приблизиться, стали издали наблюдать за ними. Авзонг-Цауайнон улучил момент, выхватил свой меч, нанес вепрю удары по шее, и голова его отлетела от тела. Вепрь упал, Авзонг-Цауайнон помахал рукой великанам:

— Не бойтесь, идите сюда!

Тогда они подошли к нему и спрашивают:

— Почему ты заставлял его еще кружиться вокруг дерева?

А он им ответил:

— Какие вы несообразительные: вы никогда не видели пляски вепря, и я вам показывал ее.

Они на радостях окружили Авзонг-Цауайнона, в восторге стали подбрасывать его вверх, стали с ним играть и смеяться.

— Ты не только его убил, ты открыл дорогу всем. Теперь уже никто не будет бояться ездить по этой дороге. Ты оказал благодеяние всему народу,— сказали ему братья-великаны.

Авзонг-Цауайнон приказал им:

— Быстро снимите шкуру вепря, а мясо его разделите на семь частей.

Великаны разрубили тушу вепря на семь частей и спрашивают:

— Зачем ты заставил нас разрубить тушу вепря на семь частей, когда нас самих с отцом восьмеро да ты девятый?

— А вы хотите заставить меня нести поклажу?

— Не-ет, мы не заставляем тебя нести!

— В таком случае пусть семеро возьмут по одной части и несут, а я сяду на восьмого и поеду впереди вас, а вы будете следовать за мной.

Сел он верхом на отца-великана, и они выступили, растянувшись в ряд, вслед за Авзонг-Цауайноном. Через какое-то время великаны прибыли в свой дом и сложили с себя поклажу, Авзонг-Цауайнон тоже слез с отца-великана. И вот тогда он был признан их зятем, они показали ему невесту и поселили его с собой. Отец-великан отвел ему отдельную палату, и стал он жить там вместе со своей женой.

Они прожили так некоторое время. Но однажды утром, когда великаны собрались отправиться на охоту, отец-великан зашел к Авзонг-Цауайнону и дочери и сказал им:

— Мы уходим на охоту, а вы остаетесь одни и будете скучать, поэтому даю вам ключи. Все богатства, какие у нас имеются, сложены в отдельных палатах. Вы можете открыть шесть дверей, обходите их, осматривайте, а затем закрывайте их, но ни под каким видом не вздумайте открывать седьмую дверь.

И он указал им эту седьмую палату.

После отъезда великанов они долгое время жили весело, радовались драгоценностям, золоту и прочим богатствам. Обычно

двери они потом запирали. Но по прошествии какого-то времени Авзонг-Цауайнон призадумался и сам себе говорит:

— Яраби, что может быть в этой седьмой палате? Откроем ее и осмотрим, а затем быстро ее закроем.

О своем желании он сказал жене, но она ему ответила:

— Не открывай ее, ничего хорошего для нас в этом не будет. Они и сами ее никогда не открывают.

Он не послушался жены и открыл палату. А там сидел семиголовый великан, привязанный цепями к семи столбам. Около него был пруд. Авзонг-Цауайнон спрашивает его:

— Яраби, кто ты такой и почему ты здесь так беспомощно страдаешь? Почему на тебя наложено такое наказание?

А тот говорит:

— Ты очень жалеешь меня?

— Да,— отвечает Авзонг-Цауайнон.

— В таком случае побрызгай вот этой водой на мои цепи, которые заржавели на мне, и тогда мне станет легче.

Авзонг-Цауайнон побрызгал на цепи водой, и они со звоном распались; семиголовый великан вскочил и набросился на Авзонг-Цауайнона, сказав ему:

— Ты сделал мне добро, и я тебя не убью!

Он забросил его на чердак, а сам схватил жену его, вскинул на плечо и пустился в бегство. Он помнил, где находится его дом, и направился прямиком в ту сторону.

Сколько пробыл Авзонг-Цауайнон на чердаке — кто это знает. Он проплакал долго, а затем слез с чердака и сел печально. Вечером вернулись домой великаны. Они побоялись что-либо сказать своему зятю, но отец ему сказал:

— Ты погубил и себя, и нас. Раз он вырвался на свободу, он съест нас. Девушка девушкой, но он погубит и нас самих, нам уже невозможно жить. Не мы его привязали, а все великаны, когда они еще были великанами, и для безопасности крепко привязали его в одной из моих палат. А теперь ты его выпустил, и всех нас ждет гибель.

— Не сокрушайтесь,— сказал Авзонг-Цауайнон,— я поддался обману, но теперь я его убью, я не пощажу его. Даю вам слово, что вы еще увидите свою девушку, я ее приведу обратно.

— Как ты сможешь его убить? — говорит ему отец.— Если бы его можно было лишить жизни, то это сделали бы все великаны вместе. Но ему нет смерти, потому-то мы его и привязали.

Душа его находится не в теле его, а где-то в другом месте, но где — никто не знает, кроме него самого. Как же ты его убьешь? Но раз ты уходишь, вот тебе войлочная плеть, и если тебе встретится какой-либо беспомощный человек или покойник, ударь его слегка этой плетью со словами: «Боже, обрати его в прежнее состояние!» — и тогда он станет тем, кем был.

— Я отправляюсь,— сказал великанам Авзонг-Цауайнон.— Продолжайте работать, а я через какое-то время вернусь обратно.

Он выступил в дорогу, нашел в степи тропинку и сказал себе:

— Пойду по этой тропинке, она куда-нибудь да ведет, и, может быть, мой поход окажется успешным.

Пошел он по тропинке и видит такого же силача, как он сам. От поясницы и выше это человек, а от поясницы и ниже он ушел в землю, окаменел.

— Кто ты такой, что с тобой? — спрашивает его Авзонг-Цауайнон.— От поясницы и выше ты человек, а от поясницы и ниже окаменел?

— Что поделаешь! — ответил ему человек.— На свете есть сила больше моей, с такой силой я и столкнулся. А ты кто такой? Куда ты направляешься?

Авзонг-Цауайнон поведал ему все, как было, про свои дела. Человек сказал ему:

— Увы, в таком случае ты погубил и людей, и самого себя! До сегодняшнего дня этот великан нигде не показывался, где-то он был связан, а сегодня я проходил этим местом и неожиданно повстречался с ним. На бегу, не останавливаясь, он схватил меня и стукнул о землю. Теперь от поясницы и выше я еще человек, а от поясницы и ниже он превратил меня в камень, я мучаюсь на этом месте, переношу великие страдания.

— Я иду, чтобы убить его,— говорит Авзонг-Цауайнон,— но я даже не знаю, где он живет. Если бы я это знал, я обязательно расправился бы с ним.

— Я-то знаю, где он живет,— отвечает тот,— но как я могу тебе помочь?!

— Если я верну тебя в прежнее твое состояние, пойдешь ли ты со мной, чтобы убить его? — спрашивает Авзонг-Цауайнон.

— Пойду,— отвечает он.— Я не менее тебя озлоблен против него.

Тогда Авзонг-Цауайнон слегка ударил его войлочной плетью и сказал:

— Бог да вернет тебя в прежнее твое состояние!

И он стал снова тем, кем был.

По той же тропинке они пошли вместе дальше. Тот, кого Авзонг-Цауайнон превратил опять в человека, шел впереди. Так они шли, шли по этой тропинке и дошли до еще одного окаменевшего.

Авзонг-Цауайнон и его спрашивает:

— Кто ты такой, что с тобой случилось? От поясницы и выше ты остаешься человеком, а от поясницы и ниже ты окаменел?

— Я понимаю, в каком состоянии нахожусь,— отвечает ему тот.— Но на свете есть много людей сильнее сильных. Я повстречался с тем, кого боялся в своей жизни. На спине он нес девушку и на бегу, не останавливаясь, схватил меня, стукнул о землю и сделал вот таким.

— Я иду, чтобы убить его,— говорит ему Авзонг-Цауайнон.— Если я тебя верну в прежнее твое состояние, пойдешь ли ты со мной или нет?

— Пойду,— сказал и тот.

Тогда Авзонг-Цауайнон слегка ударил его войлочной плетью и сказал:

— Да вернет тебя бог в прежнее твое состояние!

И тот тоже стал таким, каким был раньше.

Пошли они дальше по тропинке втроем и дошли до пещеры в горах. Два товарища Авзонг-Цауайнона сказали ему:

— Вот тут и находится дом семиглавого великана. Дыра ведет прямо в землю. Он спускается к себе вниз по цепи и таким же образом поднимается наверх, когда уходит на охоту. Поохотившись, он возвращается и спускается в свой дом. А что у него там есть и как он живет, этого и мы не знаем.

— Ладно,— сказал Авзонг-Цауайнон,— я от вас больше ничего не требую. Спустите меня вниз по моему канату и следите. Прячьтесь от великана, не попадайтесь ему на глаза, оставайтесь тут, не нарушайте данной мне клятвы. Когда вы мне понадобитесь, я пошевелю канат, и вы меня вытащите.

Они спустили его вниз, как он велел им. А там, под горой, оказался необыкновенных размеров дом, в котором и жил великан. Авзонг-Цауайнон застал свою жену в сильной печали. Увидев его, она заволновалась и сказала:

— Ах, боже мой! Довольно было моей гибели, зачем ты еще погубил себя из-за меня?! Но по какой дороге ты пришел, как ты сюда попал?

— Не спрашивай меня об этом,— ответил Авзонг-Цауайнон.— Я нашел тебя с большим трудом. Но иначе я поступить не мог. Я дал клятвенное обещание семи твоим братьям и отцу твоему, что, если буду жив, непременно убью его и что они еще свидятся со своей сестрой и дочерью. Поэтому я выступил на поиски и теперь нашел тебя здесь. Но что нам теперь делать? Бежать? Но, может быть, мы не сможем скрыться от него; как я тогда смогу его убить?

Жена ему отвечает:

— Великан на охоте и вернется вечером. Он поест, разденется, положит свою голову на мои колени и заснет. Он будет храпеть, из пасти его станут вылетать раскаленные угли. Так он проспит целую неделю, и легко ли мне держать его на коленях своих? А затем он проснется, поест и снова отправится на охоту. И как ты сможешь справиться с ним? Прошу тебя, подумай о себе, уходи отсюда, пока цел!

— Не беспокойся,— сказал он.— Надо найти выход, и я тебе укажу его: перед тем, как великан вернется с охоты, я спрячусь от него. Когда он вернется, ты прикинься плачущей. Он спросит тебя: «Отчего ты плачешь? Вспомнила семью?». А ты скажи ему: «Семью свою я не вспоминаю, не скучаю по ней, но ты уходишь, а меня оставляешь одну. Когда же ты возвращаешься, то немножко позабавишься со мной, а затем ложишься спать и долго-долго ты не пробуждаешься. Проснувшись же, ты быстро снаряжаешься и снова уходишь на охоту, а меня оставляешь здесь одну, и я плачу, думая о том, какова будет моя жизнь дальше, если все будет так же продолжаться?». Тогда он спросит тебя: «Я могу взять тебя с собой, или что ты хочешь?». А ты ему скажешь: «Укажи мне, где находится твоя душа, я буду играть с ней в твое отсутствие или когда ты будешь спать, и мне будет легко».

Великан вернулся, а Авзонг-Цауайнон успел спрятаться от него. Женщина же прикинулась плачущей, и великан спросил ее:

— Почему ты плачешь? Вспоминаешь семью свою?

А она отвечает ему:

— Я по семье не скучаю, не вспоминаю ее, но ты уходишь, а меня оставляешь одну. Когда же возвращаешься, то немнож-

ко позабавишься со мной, ложишься спать и долго-долго ты не пробуждаешься; проснувшись же, ты быстро снаряжаешься и снова уходишь на охоту, а меня оставляешь здесь одну, и я плачу, думая о том, какова будет моя жизнь дальше, если все будет так же продолжаться?

— Я могу взять тебя с собой, или что ты хочешь? — спрашивает ее семиглавый великан.

А она ему говорит:

— Укажи мне, где находится твоя душа, я буду с ней играть, когда тебя не будет дома или когда ты будешь спать, и мне будет легко.

— Ах ты, сумасбродная! — говорит ей великан.— Моя душа находится очень близко от тебя: вот внутри того столба,— и он указал ей на один из столбов дома.

— Ну, в таком случае,— сказала она,— до твоего возвращения я буду забавляться с ним.

Дочь великана вычистила столб и все вокруг, разукрасила его и стала танцевать, кружиться вокруг него. Великан вернулся домой и спрашивает:

— Почему так разукрасила этот столб?

— А как же? — ответила она ему.— Как мне его не разукрасить, раз душа твоя находится в нем? Теперь мне легко, я чувствую себя хорошо. От игры с ним я даже получаю большое удовольствие.

А великан опять лег спать. Проснувшись, он опять ушел на охоту, как это обычно делал. Вернулся в урочное время домой и застал дочь великана в весьма веселом настроении. И тогда он решил: «Дай покажу ей, где находится моя душа. Она не причинит ей никакого зла да и не в состоянии причинить».

— Ах ты, сумасбродная! — сказал он ей.— Моя душа находится не в таком легкодоступном месте. Я не хочу обманывать тебя. Моя душа находится вот где: в таком-то месте есть озеро, в озере этом сидит вепрь, в нем сидит олень, в олене сидит заяц, в зайце находится ларец, а в ларце — три ласточки. Из них одна — моя душа, вторая — мощь моя, а третья — моя отвага. Но ты их не сможешь увидеть; я только говорю тебе, где они находятся.

И семиглавый великан в урочное время опять ушел на охоту. А Авзонг-Цауайнон заявился к жене и спрашивает ее:

— Ну, как обстоит дело, сказал он что-нибудь определенное?

— Сказать-то он мне сказал, где находится его душа,— от-

вечает она ему,— но что ты сможешь сделать? В таком-то месте есть озеро, а в озере сидит вепрь, внутри него находится олень, в олене — заяц, в зайце есть ларец, а в нем сидит три ласточки. Одна из них — его душа, другая — его мощь, а третья — его отвага. Где ты их найдешь, какое средство выдумаешь, чтобы достать их?

— Хорошо, что дело обстоит так,— отвечает ей Авзонг-Цауайнон.— Не беспокойся, я найду его душу. Сейчас я ухожу, а ты, когда он вернется, радуйся ему, восторженно приветствуй его, чтобы он ничего не заподозрил. Ты знаешь, как он обычно спит, наблюдай за ним. Если он будет спать беспокойно, метаться, то знай, что это я действую.

Они обласкали друг друга, как обычно ласкают друг друга муж и жена, и он сказал ей:

— А теперь до свиданья, надейся крепко!

Он пошевелил канат, дал знать своим товарищам. Когда они подняли его, он им сказал:

— Я очень надеюсь, что мы найдем того, кого ищем. Наказываю вам, чтобы вы отсюда никуда не уходили.

И он во всеоружии пошел на то озеро. Нашел его и стал на берегу в ожидании вепря. Видит, вепрь направляется к нему, рассекая волны. Он приплыл к тому месту, где стоял Авзонг-Цауайнон с мечом в руках, и они стали биться. Вепрь нападал на него, а он наносил ему удары мечом по шее. Наконец, он осилил вепря и убил. Затем Авзонг-Цауайнон засучил рукава, вскрыл вепря так, чтобы можно было всунуть руку в отверстие. Внутри вепря он нашел оленя и схватил его за ноги, затем он отверстие расширил и вытащил оленя, подмял его под себя — это ему было нетрудно — и отрубил у оленя голову. Из утробы оленя таким же образом он вытащил зайца, а из зайца достал ларец и положил его перед собой. А великан в этот час уже заболел. Со стонами явился он домой и говорит дочери великана:

— Мне нездоровится, какое-то несчастье постигло меня!

Она кое-как стала его утешать:

— Не страшись, тебе никто ничего не сделает, поправишься! Ты охотился и устал, наверное, поэтому плохо себя чувствуешь.

А сама притворилась плачущей, чтобы отвести от себя всякие подозрения.

Тем временем Авзонг-Цауайнон приоткрыл крышку ларца, вынул оттуда трех ласточек и задумался:

— Наверное, он уже сильно болен. Убить их тут или же отнести их к нему? Дай-ка, двух я убью здесь, а одну отнесу к нему; он уже ничего не сделает, не сможет даже встать с места.

И он свернул шею одной ласточке. Она оказалась отвагой великана, и тот уже стал отходить. Затем он свернул шею второй ласточке, она оказалась его мощью.

— А теперь я пойду к нему,— сказал тогда Авзонг-Цауайнон.— Он мне уже не опасен. Увижу, как он будет умирать.

Авзонг-Цауайнон отправился в путь и в скором времени прибыл к месту, где ждали его два товарища. Они говорят ему:

— Кажется, ты что-то с ним сделал! Мы следили за ним, он пронесся мимо нас очень быстро и сразу же прыгнул к себе вниз. Он орал, кричал; остерегайся его, не спускайся к нему; ты что-то, наверное, ему сделал, и, если он еще не умер, он съест тебя. А мы решили так: наверное, наш товарищ нанес ему раны, а великан его убил. Думали, тебя уже в живых нет, а ты, оказывается, невредим. Не ходи за ним! Ты ничего не сможешь с ним сделать! Он съест тебя.

— Не бойтесь,— сказал он им,— мне ничего не угрожает. Я знаю, что он из себя представляет. Лучше спустите меня к нему и ожидайте меня здесь до тех пор, пока я не пошевелю канат. Если же я не пошевелю канат в течение долгого времени, то знайте, что меня больше нет в живых, и тогда делайте сами все, что сочтете нужным для спасения своих голов.

Они его спустили вниз по канату, и он явился в дом семиглавого великана. Тот уже не открывал глаз, перестал говорить, он был уже в предсмертной агонии. Авзонг-Цауайнон говорит семиглавому великану:

— Почему ты, нечестивый, заставил меня перенести столько страданий? Ведь я тебе сделал добро!

— Я отдаюсь под твою защиту! — проговорил семиглавый великан.— С этого времени никого у меня не будет ближе, чем ты. Все свои богатства я отдам тебе, только не лишай меня жизни!

— В таком случае раскрой свою пасть, а я тебе в горло впущу твою душу.

Семиглавый великан раскрыл пасть, а Авзонг-Цауайнон свернул шею третьей ласточке, и тот умер с раскрытой пастью. Авзонг-Цауайнон и сестра великанов обрадовались и сказали:

— Как нам быть с его имуществом? Взять ли с собой что-нибудь?

Углы пещеры полны были богатствами великана, золотом и прочим. Авзонг-Цауайнон сказал:

— Этих богатств никто не тронет, никто их не поднимет, никто про них не знает. Я доставлю тебя домой, а затем мы вернемся за ними с твоими братьями.

— Ладно,— согласилась с ним сестра великанов, его жена.

Они подошли к своему канату, и он сказал:

— Сперва я привяжу к канату тебя, и, когда они тебя поднимут, спустите канат за мной и поднимете меня.

Сестре великанов это не понравилось.

— Не посылай меня раньше себя,— сказала она.— Не делай этого. Сперва заставь поднять себя, а затем и за мной спустите канат. Так будет лучше. Если ты заставишь поднять меня первой, они увидят меня и не спустят каната за тобой. Я с ними не справлюсь. Они меня похитят, а тебя покинут. Я опять попаду в беду, хотя перенесла уже много несчастий.

Но Авзонг-Цауайнон настоял на своем.

— Не бойся! Я им сделал большое добро, они тебя не обидят. Поднимут меня тоже, и мы все четверо покинем эти места.

— Но если они не спустят за тобой каната,— сказала она,— поступи так, как наказывал мне великан. А он мне наказывал так: «В том случае, если я не вернусь больше домой, ты умрешь тут. Но вон в темном хлеве стоят два барана, один из них черный, а другой — белый. Подбеги к ним, и если ты ухватишься за рога белого барана, то он размахнется и ты очутишься на белом свете. Если же ты ухватишься за рога черного барана, то очутишься в седьмом подземном мире, а тогда ты погибла».

— Ну что за разговоры ты ведешь, чего ты боишься? — сказал он ей.— Сначала поднимись ты, а затем и меня поднимут.

Привязал он сестру великанов, свою жену, к канату, пошевелил канат, и они ее подняли. Увидев женщину, они оба от изумления упали в разные стороны и сказали:

— Какая замечательная красавица! Бог дал ее нам!

Они схватили ее за руки и потащили, а канат бросили. Авзонг-Цауайнон ждет, ждет, но канат к нему не спустили. Тогда он сильно пожалел, что не послушался совета жены, и вспомнил, что она ему наказывала про баранов. Нашел темный хлев и залез туда. Два барана стояли рядом головами в разные стороны и жевали жвачку. Ощупью он нашел их шеи, но видеть их не видит. И поэтому боится прикоснуться к рогам.

— Не особенно-то я счастлив,— говорит он сам себе,— и если

ухвачусь за рога черного барана, то уж наверняка погибну. А потом подумал: «Ну, что угодно богу, то хорошо!». С этими словами он набросился на баранов и ухватился за рога черного барана. Тот размахнулся, и Авзонг-Цауайноп в бессознательном состоянии оказался в седьмом подземном мире. Когда он пришел в чувство, был туманный, темный день. Авзонг-Цауайнон ничего не увидел и решил так:

— Пойду в какую-либо сторону, может встречусь с кем-нибудь!

Он пошел прямо, и пока он шел, день прояснялся. Завидел он вдали какое-то село и направился туда. Зашел в самый крайний дом. К нему вышла женщина. Он поздоровался с нею и сказал:

— Прошу у тебя приюта. Я — странник и очень устал. Если у тебя есть что-нибудь, то накорми меня!

Женщина пригласила его в дом и тотчас же принялась готовить еду для гостя, жалуясь, что у них нет воды.

— А почему же у вас нет воды? — спрашивает ее гость.

— Вода есть, большая река, но руймон захватил ее и никому не дает воды. Как только он увидит кого-либо на берегу реки, то тотчас оказывается около него и проглатывает. Никто здесь не смеет ходить по воду.

— В таком случае найди мне десять ведер!

— На что они тебе?

— Я принесу вам воды.

— Брось, он съест тебя, такая вода нам не нужна.

— Не бойся, иди, поищи ведра!

Женщина выбежала и быстро нашла десять ведер. Он подцепил каждым пальцем по ведру, захватил с собой лук, подпоясался мечом и направился к реке. Зачерпнул десять ведер воды. Руймон напустился на него, но, посмотрев на его повадки, сказал ему:

— Прощаю тебе как гостю, но больше не показывай мне своего лица!

Авзонг-Цауайнон принес в дом бедной женщины десять ведер воды, и даже соседи ее от восторга не находили себе места.

— Какое благодеяние оказал нам бог,— говорили они.— Мы еще хоть раз полакомились водой!

Женщина испекла для своего гостя чурек, и у них завязался разговор. Авзонг-Цауайнон сказал:

— Не беспокойтесь. Пока я здесь, вы не будете испытывать недостатка в воде!

А она ему ответила:

— Этой воды нам хватит на сегодня и на завтра, но завтра нас ожидает большая беда. Этот руймон обложил нас данью за то, что мы живем на берегу реки. На реке у него есть определенное место, где он сидит. Ежемесячно он берет с нас в качестве дани красивую девушку или красивого мальчика. Он не дает возможности подрастать нашим детям, поедает их. А завтра очередь дочери нашего алдара, и все село соберется смотреть, как он будет ее пожирать.

— Ладно,— сказал он,— я буду там, посмотрю, как он ее будет пожирать.

Наступило утро, село заволновалось. Девушку снарядили так, как будто она выходит замуж, и все жители села пошли провожать ее. Они стали около дерева, под которым обитал руймон, и сказали девушке:

— Иди под дерево!

Когда она уже направилась под дерево, все село заплакало. Авзонг-Цауайнон говорит им:

— Не плачьте! Я иду вместе с ней. Пусть он сожрет меня вместо нее, я все-таки бездомный человек.

— Не отдавай себя на съедение руймона! — отвечают люди.— Если даже он тебя сожрет, он все-таки сожрет и ее. Зачем тебе губить еще себя?

— Не беспокойтесь за меня,— сказал он.— Стойте здесь и наблюдайте, как он будет ее пожирать!

Ему разрешили проводить девушку до дерева, под которым руймон обычно пожирал свою жертву.

— Подойди ко мне ближе, моя жертва,— обращается к девушке руймон.— Почему ты там стоишь?

Авзонг-Цауайнон отвечает ему:

— Иди сюда! Зачем ты зовешь ее на воду? Съешь ее на суше под деревом!

— А ты кто такой? — спрашивает его тот.

— Я — никто. Я один из людей, поэтому говорю тебе, не ешь ее в воде, съешь на суше, так чтобы видно было народу.

Руймон вскипел, выскочил из воды и, оказавшись между девушкой и Авзонг-Цауайноном, набросился на него со словами:

— А ты-то кто еще такой?

Тот выхватил свой меч и отрубил одну голову руймона. Руй-

мон скрючился, собрал все силы, но Авзонг-Цауайнон изловчился, отрубил остальные шесть его голов и мечом изрубил его па месте. Люди пришли в восторг и не находили слов, чтобы отблагодарить Авзонг-Цауайнона.

Алдар пригласил его к себе. Он тоже от радости не знал, как его благодарить. Дочь его была спасена, воды стало вдоволь и для него самого, и для всех людей,— она теперь была в полном их распоряжении. Алдар был с ним ласков и несколько дней угощал его. А затем спрашивает:

— Какими судьбами ты попал сюда на мое счастье и на счастье людей?

Авзонг-Цауайнон поведал ему все, что с ним случилось от начала до сегодняшнего дня. Тогда алдар сказал ему:

— Ну, бог создал тебя на наше счастье; ты спас нас от руймона, и мы получили воду. Живи с нами, я отдам за тебя и свою дочь, и если ты затем будешь алдаром, то никаких бед с нами больше не случится.

— Алдарствуй по своему доброму желанию,— ответил ему Авзонг-Цауайнон.— Я не годен быть алдаром и пришел сюда не для этого. Я ведь поведал тебе, что нахожусь здесь не по доброй воле, и если тебе известен какой-либо способ, чтобы я снова вернулся на родину, то помоги мне!

— Об этом я ничего не знаю,— ответил ему алдар.— Я не пожалею для тебя и своей души, если она тебе понадобится. Укажу тебе только один способ и помогу тебе, чем нужно, раз ты не хочешь оставаться здесь.

— Какой способ? — спросил его Авзонг-Цауайнон.

— В центре леса растет высокое дерево, вершиной своей оно касается неба. На нем свила свое гнездо орлица. Она выводит ежегодно по семь птенцов, но семиглавый руймон каждый раз пожирает их, когда орлица поднимается из седьмого подземного мира на светлую землю за пищей для своих птенцов. Когда она возвращается оттуда в нашу страну, то поднимается буря, от которой едва спасаешься, а долетев до своего дерева, она начинает плакать и слезами своими наводняет нашу страну. Слезы ее льются проливным дождем и превращают страну в сплошное озеро. И вот сейчас у нее в гнезде остались птенцы, а сама она отсутствует. Спаси их от руймона, и она отнесет тебя на твою родину.

— В таком случае укажи мне, где находится это дерево. Я попытаю свое счастье и спасу их.

Алдар дал ему своих людей, чтобы они помогли ему найти это дерево. Те указали ему, где растет дерево, и повернули обратно домой, а он направился к нему. Дерево действительно оказалось высоким. На нем было гнездо орлицы вроде домика. Он расположился под деревом и стал дожидаться. Бог знает, сколько времени он просидел, и птенцы почувствовали его присутствие. Он не стал скрываться от них, показался им, и они поняли, что он их охраняет. Утром они выглядывали из гнезда и находили его на страже. Они наблюдали друг за другом, и так он их охранял.

Бог ведает, сколько времени он их сторожил, но вот послышался шорох. Авзонг-Цауайнон сразу догадался, что это руймон направляется к гнезду орлицы, и, притаившись за деревом, приготовился к борьбе. Птенцы тоже почувствовали приближение руймона и прижались ко дну гнезда своего.

Когда руймон положил на дерево две свои лапы, Авзонг-Цауайнон выскочил к нему, ударил мечом и отрубил его лапы до основания, они так и остались застрявшими в дереве. Руймон вскочил на задние лапы и набросился на Авзонг-Цауайнона. Тот изловчился, стал наносить ему удары и отрубил у него все семь голов. Руймон был убит, а Авзонг-Цауайнон остался сидеть под деревом. Тем временем стал доходить шум от крыльев орлицы. Поднялась такая буря, которая грозила разрушением всему миру. Орлица прибыла, облетела вокруг дерева и, узнав, что птенцы ее живы и невредимы, улыбнулась, и от ее радостной улыбки солнце стало припекать так сильно, что у плешивоголового парша лопалась на голове.

— Как вы спаслись? — спрашивает она своих птенцов.— Разве руймон не явился?

— Он явился,— сказали они.— Мы тебе скажем, кто нас спас от руймона, если ты не причинишь ему никакого вреда.

Мать дала им слово:

— Не бойтесь! Тому, кто спас вас, я не причиню никакого вреда.

Тогда птенцы велели своей матери посмотреть с дерева вниз, и она увидела на земле убитого руймона, который лежал, как валежник.

— Кто его убил,— спрашивает она их,— кто защитил вас?

— Вон он ждет тебя; не причиняй ему зла!

— Не бойтесь,— сказала она своим птенцам.— Тому, кто спас вас, я, кроме добра, ничего не сделаю.

Орлица слетела к нему. От восторга она не знала, что с ним делать, как его отблагодарить, и она бросила его в свою пасть. Птенцы ее подняли крик, писк. Она поднялась к ним и выбросила его из своего клюва. Птенцы встретили его радостно, а затем орлица-мать спрашивает его:

— Никогда сюда не являлся подобный тебе. Кто ты такой?

И он и ей рассказал все, что с ним приключилось. Орлица сказала ему:

— Наверное, ты родился на мое счастье. Скажи сам, какого благодеяния ты хочешь от меня?

— Я — из людского рода и живу я на белом свете,— ответил Авзонг-Цауайнон.— Мне кажется, что я добрался сюда, как во сне. А теперь я одержим одним желанием: вернуться на родину, к своей семье.

Орлица задумалась и сказала:

— Я могла бы доставить тебя на родину, но я сама не могу найти то, что мне для этого нужно, и ты едва ли сможешь достать.

— Что же особенного тебе нужно? — спрашивает ее Авзонг-Цауайнон.— Хоть это и не мой мир, но я все-таки найду все, что нужно.

Орлица сказала:

— Тебя нужно поднять через семь подземных миров. На каждый мир мне нужно по целому буйволу и воды в буйволином бурдюке. Всего нужно семь буйволов, а из шкур их — семь бурдюков, наполненных водой. Доставь завтра все это под дерево, и тогда я перенесу тебя невредимым и здоровым на твою землю.

— Хорошо,— отвечал Авзонг-Цауайнон,— все это я найду. Завтра все будет готово.

Он надеялся на алдара и, когда орлица спустила его с дерева, направился к нему. Алдар спрашивает его:

— Ну как, нашел ли ты орлицу, спас ли ты ее птенцов?

— Как не найти, нашел! Я убил ее врага и спас ее птенцов.

— Рассказал ли ты ей про свое положение? — спрашивает его алдар.— Что она тебе говорит?

— Она согласна доставить меня на родину,— ответил Авзонг-Цауайнон,— но ей нужна пища на дорогу. Как мне быть с этим? Она требует от меня семь буйволиных туш, без шкур, и чтобы из шкур их приготовить бурдюки для воды на дорогу.

— Не беспокойся,— обрадованно отвечает алдар.— Все это

будет приготовлено, пусть не будет у тебя другой заботы и печали.

Тотчас же он призвал к себе своих людей, на которых больше всего надеялся, и приказал:

— Вот нашему доброму гостю, благодаря которому мы теперь видим свет и живем в безопасности, нужно семь буйволиных освежеванных туш и семь буйволиных бурдюков, наполненных водой. Завтра утром все это должно быть доставлено под дерево орлицы в лесу.

В тот же день все это было заготовлено и доставлено под дерево орлицы. Авзонг-Цауайнон и алдар распрощались друг с другом. Он прибыл на место и застал там людей алдара. Орлица приказала сложить на себя с одной стороны семь буйволиных туш, а с другой — семь бурдюков, а самого Авзонг-Цауайнона усадила между ними. Он поблагодарил людей, распрощался с ними, и они тоже поблагодарили его.

Перед полетом орлица наказала Авзонг-Цауайнону:

— Смотри, не пугайся! Каждый раз, когда мы станем подниматься в один из подземных миров, я буду поворачиваться своим клювом к тебе и издавать клекот, и ты бросай тогда в мою пасть по буйволиной туше и выливай бурдюк воды.

После этого орлица поднялась и полетела. Она летела кругами и с каждым кругом поднималась в очередной подземный мир. Когда она издавала клекот, Авзонг-Цауайнон бросал ей в пасть буйволиную тушу, а затем выливал бурдюк воды. Так они достигли земли, и над семью подземными мирами орлица издала клекот. Авзонг-Цауайнон бросил ей в пасть последнюю буйволиную тушу, вылил бурдюк воды и понял, что доставлен на светлую землю, что находится над семью подземными мирами.

Когда орлица проглотила последнюю буйволиную тушу и запила бурдюком воды, Авзонг-Цауайнон срезал кусками мясо со своей ноги и сунул его орлице в пасть, сказав, что это тоже куски от буйволиного мяса.

Орлица сразу почувствовала вкус человечьего мяса и подумала: «От восторга, что он прибыл на родину, он отхватил мясо своей ноги и засунул его мне в пасть». Она задержала эти куски мяса в углах своей пасти. Покружилась-покружилась, подобно аэроплану перед посадкой, и опустилась на землю. Авзонг-Цауайнон сошел с орлицы, обнял ее за шею и сказал ей:

— Я ничем не могу отплатить тебе за твое добро. Ты оказала мне неоплатную услугу. Благодарю тебя.

— Что это ты сунул мне напоследок в пасть? — спрашивает его орлица.

— Не знаю, каким-то образом остались еще куски мяса, и я бросил их тебе в пасть,— ответил он.

— Не-ет,— сказала орлица.— Если ты доволен мною, то скажи мне правду!

И тогда он сказал ей:

— От восторга, от благодарности к тебе я отрезал мясо со своей ноги и сунул его тебе в пасть.

— Так-так,— сказала орлица,— я это знала, потому-то тебя и спрашиваю. Ты накормил меня этим мясом, но как теперь сам себя чувствуешь?

— Ничего мне не будет,— ответил он.— Ноги мои поправятся, мясо снова нарастет.

— Ну, тогда попробуй пойти,— сказала ему орлица.

Авзонг-Цауайнон, сгорбясь прошелся еле-еле, и орлица ему говорит:

— Вернись-ка обратно и ляг на земле вот тут!

Авзонг-Цауайнон вернулся к орлице и растянулся около нее на земле.

— Я не съела эти куски мяса,— сказала ему орлица.— Я должна прилепить их к твоим ногам, на свое место.

Она слюной своей прилепила их на прежнее место, и ноги его оказались в семь раз лучше, чем они были до этого. После этого они обнялись, поблагодарили друг друга, и орлица сказала ему:

— А теперь ты сам знаешь, куда тебе нужно идти. Счастливого тебе пути, да даст тебе бог, чтобы труды твои не пропали даром! Иди теперь!

— Сначала ты улетай,— сказал Авзонг-Цауайнон орлице,— чтобы я видел своими глазами, что провожаю тебя в счастливый путь.

Орлица улетела. А Авзонг-Цауайнон стал раздумывать:

— Родину-то свою я нашел, но не знаю, в какую сторону теперь идти, куда мне направиться?

И бог единый, кому нет равного, направил его в ту сторону, где находилась его жена. Шел он, шел и дошел до чабана-подростка. Чабан то пел, то плакал. Авзонг-Цауайнон спрашивает его:

— Что с тобой, почему ты временами поешь, а временами плачешь? Что это за диво?

— Эй,— сказал чабан,— в нашем селе происходит вот что: два товарища похитили дочь великана. До сих пор из-за нее они между собой не ладили, а теперь один из них назвал ее своей сестрой, а другой женится на ней. Сегодня день свадьбы, и я распеваю песни, потому что я тоже наемся там, а плачу я потому, что не могу бросить своих овец и принять участия в пире.

— Не горюй из-за этого, добрый юноша! — сказал ему Авзонг-Цауайнон.

Он снял с пальца кольцо своей жены, завернул его в платок и сказал чабану-подростку:

— Вот тебе платок, не разворачивая его, заскочи с ним в ту комнату, где находится невеста, и вручи его ей, а сам быстро вернись сюда! За своих овец не беспокойся, я не позволю сесть на них даже птичке. После этого мы вместе погоним овец и в пире примем участие, и накормят тебя.

Подросток-чабан быстро побежал в село. Никто на него не обратил внимания, и он ухитрился пробраться в ту комнату, где снаряжали невесту. Он вручил невесте, дочери великана, платок. Она удивилась, развернула платок, признала свое кольцо и взволнованно спрашивает его:

— Кто дал тебе это кольцо?

— Я — чабан,— ответил он ей.— Пришел ко мне такой-то человек, вооруженный луком и прочим, и спросил меня, почему я то песни пою, то плачу, заливаюсь слезами. Я рассказал ему об этой свадьбе и пиршестве. И вот он мне это и дал.

Когда дочь великана, невеста, услыхала эту новость, она покатилась со смеху, а подросток выскочил и быстро очутился около своих овец. Авзонг-Цауайнон сказал ему:

— Вот теперь погоним твоих овец. Загони их в дома тех, кому они принадлежат, а сам поспеши на пир!

Чабан-подросток погнал овец к их хозяевам, а Авзонг-Цауайнон во всеоружии направился на свадебный пир. Он вошел, никто его не признал, но приветствовали его, как гостя, и подвели к приглашенным на пир. Стали рассаживаться за столы. Попросили сесть и гостя, но он отказался.

— Выслушайте меня! — обращается он к людям.

Они выслушали его. Он рассказал о своих злоключениях, с самого начала и до этого дня. Люди не поверили ему, а два товарища стали отказываться, говорили, что они его не знают. Жена же его от восторга стала танцевать, приговаривая: «Вы-

хожу замуж!» — потому что она уже знала, что никто другой больше на ней не женится.

А Авзонг-Цауайнон предложил собравшимся:

— Если вы не верите, то рассудите нас как-нибудь.

Люди сказали ему:

— Мы не можем взять на себя решение вопроса, их двое, а ты один.

Тогда Авзонг-Цауайнон сказал им:

— Я не прибегаю к силе, но сам я вынесу одно решение, а вы дайте мне на это свое согласие, окажите мне такое доверие.

— Скажи нам, каково твое решение,— сказали люди, собравшиеся на пир.— Если оно покажется нам правильным, мы дадим тебе свое согласие.

И он им сказал:

— Я пущу вверх стрелу из своего лука, и мы втроем станем вместе. Пусть стрела уйдет вверх одна, и если я обвиняю их ложно, то пусть она одна и вернется и поразит меня в голову. Если же они отреклись от меня, забыв оказанное им мною добро, то пусть стрела превратится в две стрелы, и пусть они поразят их в головы! Если вы согласны с таким моим решением, то дайте свое согласие, а от применения силы я отказываюсь.

— Мы согласны с таким твоим решением,— сказали ему люди.

Подвели к нему обоих его товарищей, а люди стали кругом на некотором расстоянии от них. Авзонг-Цауайнон снял с плеча лук, вложил в него стрелу и пустил ее вверх. Стрела ушла так высоко, что ее не стало видно. Люди смотрят вверх и видят: вверху стрела превратилась в две, и эти две стрелы разбили головы обоим предателям. Оба были убиты.

Тогда люди сказали, что они предатели, и тела их обесчестили, так как они изменили данной клятве.

После этого устроили пир. Дочь великана тоже поведала народу:

— Вот это мое кольцо, оно было у него, и доставил его мне чабан-подросток, он тоже наш свидетель.

Люди убедились в правоте Авзонг-Цауайнона и его жены. Приступили к пиршеству. Пировали долго, а потом спросили Авзонг-Цауайнона, откуда он родом, из какой страны. Авзонг-Цауайнон сказал, откуда он родом и где находится его дом. Ему дали провожатых и доставили его, как положено обычаем, до-

мой. Провожатые вернулись обратно, а Авзонг-Цауайнон стал жить со своей матерью. Они прожили там некоторое время, а затем решили проведать великанов.

Великаны встретили его очень радушно. Они думали, что его уже нет в живых, но когда он явился к ним с их сестрой, они пришли в восторг, не знали как лучше его встретить.

Потом они все вместе отправились за имуществом семиглавого великана и вынесли все, что там было, стали они жить беззаботно. Великаны никого больше не боялись. Прожили они вместе долго, а затем Авзонг-Цауайнон объявил великану-отцу и его сыновьям:

— Я хочу жить на своей родине, в своем доме, со своей матерью, со своим народом.

Семь великанов нагрузили себя золотом и лучшими товарами, подняли на свои спины Авзонг-Цауайнона и свою сестру и доставили их на его родину, в его дом. Сами они вернулись к себе, а Авзонг-Цауайнон остался жить в своем доме с матерью и женой. И сегодня он еще живет в добром здоровье.

Как ничего из всего этого мы не видели, так да минуют нас всякие болезни, всякие напасти!

57. Мачеха и падчерица

Жили-были муж и жена. Они жили очень счастливо. Родилась у них дочь. Дочь была еще маленькая, когда умерла ее мать. Отец думал о своем ребенке и не знал, как ему быть. Через некоторое время он договорился с одной женщиной и женился на ней. А еще через некоторое время у них родилась дочь. Женщина стала кормить-растить двух дочек. Они подросли, и девушка-сиротка оказалась необыкновенной красавицей, а мачехина дочь — уродкой, роста же были они одного. Тот, кто посещал их, не обращал никакого внимания на младшую девушку, а любовался старшей, поражался ее красоте, ее доброму нраву.

Когда мачеха поняла это, она задумала изгнать сиротку из дому, боясь, что ее собственная дочь останется в перестарках. Стала она думать над тем, как избавиться от падчерицы, а настроения мужа своего она еще не знала. Мысли эти ее не покидали, и она решила:

— Ну, скажу своему мужу, и если он согласится погубить свою дочь, то буду жить с ним, а если не согласится — не буду.

Так она и заявила своему мужу:

— Или удали свою дочь из дому, или я не стану жить с тобой!

— Чем она тебе мешает? — сказал муж.— Она — сирота. Чем она тебе досаждает?

— Не люблю ее,— заявила та.— Кто ни приходит к нам, все любуются ею и подарки ей приносят, а на дочь мою никто и внимания не обращает. Удали ее, иначе я не хочу жить с тобой!

Так она донимала его, и у мужа не осталось иного выхода.

— Собери свои вещи в какой-нибудь чемоданчик,— сказал он дочери-сиротке,— принарядись, завтра мы поедем на повозке кое-куда.

Подавленный печалью, он приготовил повозку и сел в нее вместе с дочерью. Они объезжали села, города. Он показал дочери все возможное. Затем они попали в необитаемую сторону, заметили вдали большое дерево, и отец сказал дочери:

— Отдохнем немножко под этим деревом, чтобы прошла наша усталость.

Он завел лошадей под дерево. Они сошли с повозки и в тени дерева легли спать. Убедившись, что дочь заснула, отец снял с повозки ее чемоданчик и положил его около нее. Когда он тронулся в путь, лошади подняли шум. Девушка тотчас проснулась и в испуге закричала. Она бросилась к повозке и ухватилась за нее. Чемоданчик остался на месте под деревом. Отец погнал лошадей быстро, и дочь упала на землю. Некоторое время она с плачем смотрела вслед, а затем успокоилась и впала в раздумье. Она поняла, что отец вывез ее из дому, чтобы погубить, собралась с силами и сказала:

— Пойду туда, где остался мой чемоданчик, а там видно будет.

Вернулась она под дерево, нашла свой чемоданчик, но не смогла придумать, в какую сторону ей податься; плачет она и думает:

— Если на ночь я останусь здесь одна, что я буду делать?

Заметила она в отдалении чабана, который у опушки леса пас отару овец, и решила:

— Пойду к нему, и если он окажется человеком, то он направит меня по какому-либо пути.

И она направилась к чабану. Чабан заметил ее еще издали и удивился:

— Кто это может быть? Что это за диво?

Девушка дошла до него и обратилась к нему с приветствием:

— Да умножится скотина твоя, добрый чабан!

Удивленный чабан спрашивает ее:

— Кто ты такая? Ты — женщина, куда ты идешь?

— Я и сама не знаю, куда иду,— ответила она,— но издали я заметила тебя и подошла к тебе. У меня нет лучшего выхода, прошу тебя поменяться со мной одеждой. Все, что на мне, я отдам тебе, за исключением рубашки и исподней. Я покажу тебе дорогие вещи, которые находятся в моем чемоданчике, а ты дай мне свою одежду чабана.

— Меняюсь с тобой,— согласился чабан.

Девушка сказала ему:

— Зайди за какой-нибудь куст и разденься там так, чтобы тебя не было видно, а затем отойди к другому кусту. Я оденусь в твою одежду, а свою оставлю под кустом. Ты подойдешь и оденешься в мою одежду, и таким образом мы не увидим друг друга раздетыми.

Пастух подошел к кусту, разделся и отошел к другому кусту, прилег там, чтобы его не видно было. Девушка схватила одежду чабана, оделась в нее и оказалась вылитым подростком. А чабан оделся в ее одежду.

— А теперь я отправляюсь в путь,— сказала ему девушка.— Окажи мне еще такую услугу: укажи богатого человека, который сможет меня нанять.

Чабан направил ее не в ту сторону, где он жил сам, а в противоположную.

— Иди в ту сторону,— сказал он,— и ты дойдешь до чабанов богатого человека. Этот богач наймет тебя в чабаны.

Девушка поблагодарила его и направила свой путь в ту сторону, куда ей указал чабан. Шел он, шел и дошел до чабанов богача. Один из них спрашивает его:

— Кто ты такой, что ты собой представляешь?

— Нанимаюсь в батраки,— ответил он,— и если вам нужен чабан, то дайте мне возможность увидеть вашего хозяина, чтобы я смог поговорить с ним.

Чабан ушел к богачу, своему хозяину, и сказал ему:

— Явился к нам подросток, который ищет работу чабана. Как нам с ним поступить?

— Скорее приведите его ко мне,— ответил богач.

Привели подростка к богачу. Богач посмотрел на него, увидел, что он молодой, и спрашивает его:

— Кто ты такой, что тебе надо?

— Я ищу работу чабана. Если тебе нужен чабан, то прими меня! Будешь мной доволен, работу чабана я знаю.

Богач нанял его, сказал, что он должен делать, и подросток стал работать чабаном. Хозяин присматривался к его работе и убедился, что он хороший чабан.

Через некоторое время хозяин сказал своему новому чабану:

— Я с тобой уже не расстанусь; я полюбил тебя, как своего сына, и даю слово, что буду платить тебе в год сто голов овец.

Подросток согласился с этим и стал жить с чабанами. Другие чабаны полюбили его. Как младший он обслуживал их, когда они бывали на своем кутане, он им пек лепешки, приносил воды.

Так он проработал десять лет, и никто не знал, что это девушка. Она сумела показать себя настоящим юношей.

Через десять лет чабан сказал своему хозяину:

— Вот теперь я ухожу от тебя. Я очень доволен тобой. Выдели мне скотину, я хочу иметь свой кутан.

Хозяин сказал ему:

— Молодец, живи долго! Хорошо, что тебе это пришло на ум и что ты такой деятельный; я отделю тебе больше того, что тебе следует по уговору.

Это было вечером, а утром богач приказал старшему чабану:

— Чабан тот больше у нас не будет работать, и ему необходимо заплатить. За десять лет ему следует тысяча овец, и их необходимо ему выделить.

Чабаны принялись за дело и выделили ему его тысячу овец.

— Благодарю тебя,— сказал подросток хозяину,— ты удовлетворил меня полностью. Но прошу тебя еще об одном одолжении: я не знаю, где лучше всего завести кутан, укажи мне еще и такое место.

— Видишь ты вот эту дорогу? — сказал ему хозяин.— Иди по ее обочине и попадешь туда, где сходятся семь дорог. Там ты и обоснуйся, там тебе будет очень хорошо, там очень хорошая земля.

Подросток направился со своей отарой овец по этой дороге и дошел до того места, где сходятся семь дорог. На ночь он

остановился там с отарой на отдых. Наступило утро. Овцы паслись, а сам он стал продумывать планы. Тем временем на дороге показались проезжие. Они остановились, и подросток завел с ними разговор:

— Я здесь собираюсь строить кутаны, и мне нужны рабочие.

Он договорился с некоторыми из них. Они быстро принялись за работу, и он отгородил плетнем площадь, в которой могло поместиться до тысячи овец. Устроили хлевы, куда можно было бы загонять овец на ночь. А для себя он построил шалаш на десять человек. Расплатился с рабочими, которых нанимал, и сказал им:

— Мне нужны чабаны. Пришлите ко мне таких, которые согласны работать в качестве батраков.

Он нашел таких, договорился с ними, и те принялись чабанить. Сам он уже не ходил в чабанах. У него было все, что нужно. С каждым годом богатство его умножалось, и он построил большие дома. Все, кто видели его кутаны и отары, удивлялись:

— Это — богатый, мощный чабан, раз он смог так обстроиться!

Одного из своих чабанов он сделал старшим, чтобы ему самому стало полегче. Так он жил, кто знает, сколько времени, сколько лет.

Однажды отцу его вздумалось постранствовать вместе со своей семьей, повидать, показать ей кое-что. Сели они на тачанку и вместе стали разъезжать по разным областям и странам. И вот однажды бог привел его в то место, где сходятся семь дорог. Когда в голой пустыне отец увидел такие постройки, он решил остановиться и провести там некоторое время.

Остановил он тачанку свою у дома и дал знать о себе. На зов вышли к нему чабаны и спрашивают:

— Что тебе надобно?

— Мы странствуем по дальним дорогам,— сказал он.— Свечерело, и мы просим приюта.

— Мы зайдем к своему хозяину, спросим его и сообщим его ответ тебе,— сказали чабаны.

Один из батраков зашел к хозяину и сказал ему:

— Какие-то гости просят приюта.

— Какие гости?

— Муж и жена, дочь их и возница, всего четверо.

Услышав это, тот разволновался и сказал:

— Заведите их!

Он приказал поместить их в одну комнату, а сам тайком подсмотрел и узнал, что это его родные. Зашел к ним в комнату, поприветствовал их и говорит:

— Хозяин не так бывает готов, как гость. Ужин еще не готов (а сам уже приказал зарезать косарта). Вы странствующие, бывалые люди, и хорошо, если бы вы рассказали какие-либо истории. Я здесь вожусь со скотиной и ничего другого не вижу, ничто до меня не доходит.

— Я не знаю никаких историй, чтобы рассказать их,— сказал отец.

— И я ничего не знаю,— сказала жена.

— Тогда я сам расскажу одну историю, которую слышал,— сказал подросток.

— Просим тебя, расскажи ее нам.

И подросток приступил к рассказу:

— Жили-были муж и жена, жили очень хорошо. Родилась у них дочь. Она была еще младенцем, когда умерла ее мать...

Так он рассказал от начала до конца всю свою историю. Отец сразу же догадался обо всем, но не прерывал его, пока тот не кончил свой рассказ. А он, кончив, сорвал с головы своей папаху, волосы его рассыпались, и таким образом он открылся им, заключив свой рассказ словами:

— Вот это — я сама, ты — мой отец, а ты — моя мать, а это — моя сестра.

Отец был поражен, не смог и слова вымолвить. Затем они бросились к ней, стали ее обнимать. Пока они пришли в себя, подоспел и ужин. Поужинали, а затем, посоветовавшись, решили вернуться пока домой, а потом опять приехать сюда.

Девушка, скрыв все от старшего чабана, приказала ему:

— Я пока поеду вот с ними, а ты управляйся без меня до моего возвращения.

Сколько времени они прожили у себя дома, бог знает. Затем вернулись обратно и стали жить вместе. И до сегодняшнего дня они живут.

Как мы их не видели, так пусть не посетят нас никакие болезни, никакие напасти!

58. Алдар и две его жены

Некогда жил-был алдар, и было у него две жены: одна красавица, но глупая, чванливая; вторая — неказистая на вид, но умница и работяга в доме. «Двоеженец вдвойне подвержен беде»,— гласит дедовская мудрость. И, действительно, в доме алдара не стало порядка: что ни день, то две его жены ссорятся, ругаются. Алдар изнемог от их дрязг и взаимных препирательств, и он решил остаться с одной из них, предварительно испытав ум каждой.

Первой он призвал к себе жену-красавицу и спрашивает ее:

— Кто знатен и добр?

— Мой отец,— отвечает она.

— Кто быстрее всех?

— Конь моего отца,— отвечает она.

— Кто богаче всех?

— Мой отец,— опять отвечает она.

— Кто красивее всех?

— Сама я,— дает ответ она.

Алдар ничего ей не сказал, отпустил ее, призвал вторую, неказистую жену и задал ей те же вопросы:

— Кто знатен и добр?

— Единый бог,— отвечает она.

— Кто красивее всех на свете?

— Весна.

— Кто богаче всех на свете?

— Осень.

— Кто быстрее всего на свете?

— Мысль.

Отпустил алдар и эту жену и сам с собой рассуждает так:

— На что мне жена, которая чванится богатством своего отца, его конем и собственной красотой да еще ежедневно создает в доме беспорядок, занята одними сворами и дрязгами?

И он отправил ее к родителям, сказав:

— Живи с богатым своим отцом и любуйся сама собой!

А сам остался жить с неказистой, домовитой и умной женой. И живут они в согласии и любви и по сегодняшний день.

59. О смуглом юноше

Давно-давно жили-были муж и жена. Было у них три сына: Хадзисмел, Хадзимусса и Хадзимат.

Однажды старший сын сказал своему отцу:

— Если бы у меня было три червонца, то я воздвиг бы дома на удивление всем!

Средний сын сказал:

— Если бы у меня было три червонца, то я развел бы множество скотины на удивление всем!

Младший же брат сказал:

— Если бы у меня было три червонца, то я купил бы матери и отцу дорогу в рай!

Отец долго раздумывал, а потом решил:

— Что бы там ни было, а желание сыновей моих надо осуществить.

У него оставалось только два быка, и он однажды продал их на базаре за девять червонцев. Вернулся домой и дал каждому сыну по три червонца.

Старший сын уже к утру выстроил многоэтажный дом. Второй сын развел столько скота, что для них не хватало загонов. А младший сын пока ничего не приобрел на свои три червонца; он ищет рай, но не находит. Старшие братья сильно озлобились против него. Однажды они его спрашивают:

— Ну, что ты дурака валяешь? Почему ты ничего не предпринимаешь, до каких пор мы тебя будем кормить? Убирайся от нас!

И вот он отправился покупать рай для своего отца и матери. Идет он, идет и видит у околицы одного села посреди кладбища двух человек и охотничью собаку, которые разрывают могилу, а около них стоит голая женщина. Юноша подошел к ним и спрашивает:

— Что вы делаете? Не стыдно ли вам разрывать могилу?

— Этот человек при жизни должен был нам пятнадцать рублей,— отвечают они ему,— но он не заплатил нам долга. Теперь мы его выроем и тело отдадим на съедение вот этой гончей собаке.

Он внимательно выслушал их, а затем сказал:

— Я дам вам ваши пятнадцать рублей, а вы захороните его опять так же, как он был похоронен.

Два человека похоронили покойного вновь, получили пятнадцать рублей, а потом он их спрашивает:

— А это что за голая женщина?

— А это — бедная женщина, ей не во что одеться, и она стоит тут.

Он отдал пятнадцать рублей этой голой женщине и повернул обратно домой. Явился к своим братьям, и они его опять сильно отругали.

Много ли, мало ли прошло времени, кто ведает, но однажды младший брат решил:

— Надо мне куда-нибудь пойти, чтобы найти свою гибель.

Шел он, шел и достиг подножия горы. Видит: из пещеры у подножия горы выходит смуглый юноша. Они поздоровались друг с другом, и смуглый юноша спросил его:

— Куда ты идешь, добрый человек?

— Я иду, чтобы погубить себя,— ответил он ему.

— И я иду, чтобы погубить себя,— говорит смуглый юноша.— Идем вместе.

Идут они, идут и приходят к высокой башне. Видят: вокруг башни устроен плетень, а на каждом из кольев плетня насажена человеческая голова. В этой башне жил богатый алдар, у него была дочь-красавица. Ее сватали многие, но она согласна была выйти только за того, кто смог бы усыпить ее рассказами; но никто этого не мог добиться, и головы женихов натыкали на колья плетня.

Двое мужчин долго не раздумывали:

— Мы ищем своей гибели,— сказали они,— попробуем найти ее здесь.

Отец девушки убеждал их:

— И не пытайтесь добиться успеха! Я вас очень люблю, не губите себя!

— Нельзя нам не испытать своего счастья,— ответили оба.

— В таком случае пусть один из вас попробует усыпить ее,— сказал отец девушки.— На кольях осталось одно место.

— Нет,— сказали они,— мы две свои головы даем за одну. Разреши нам обоим вместе.

Алдар разрешил им. Они зашли в комнату девушки. Девушка приветствовала их, а затем они повели беседу и быстро ее усыпили.

— Иди и скажи ее отцу, что она заснула,— сказал смуглый юноша.

Тот подошел к отцу и сказал ему, что дочь его заснула. Отец не поверил, пока сам в этом не убедился. Затем он спросил:

— Кто ее усыпил?

Смуглый юноша указал на младшего из трех братьев:

— Вот он усыпил ее.

Алдар сказал:

— До сих пор дочь принадлежала мне, а теперь бог судил ее вам. Будьте счастливы!

Когда алдар удалился, дочь его проснулась и сказала им:

— Он будет вас одаривать чем-нибудь, но вы не принимайте ничего, кроме кованого сундука, что стоит за дверью.

Алдар вернулся к ним и спрашивает:

— Ну, какой подарок я должен вам сделать?

Тогда юноша, младший из трех братьев, сказал:

— Ничего нам не надо, кроме кованого сундука, что стоит за дверью.

А это был такой сундук: приоткрой его чуть-чуть, и перед тобой появится все, что только пожелаешь. Оторви от него кусочек и ты очутишься там, где пожелаешь.

— Пусть бог не простит тому, кто указал его тебе,— сказал отец,— но пусть вместе с моею дочерью этот сундук составит твое счастье.

Молодые муж и жена, а также смуглый юноша попрощались с алдаром, захватили с собой сундук и отправились в обратный путь. Когда они доехали до той пещеры, откуда вышел смуглый юноша, тот сказал:

— Дальше этого места мне двигаться нельзя. Счастливого вам пути!

— Как же так, почему ты не едешь с нами? — спрашивает его удивленно младший из трех братьев.

А тот ему отвечает:

— Тут — загробный мир; вот это — наши двери. Когда я тебе нужен буду, ищи меня там. Если войдешь туда, увидишь множество людей, но меня ты все-таки найдешь. Только приходи в субботу вечером, в другой день тебя не впустят.

Юноша со своей женой направился в родное село. Не доходя до своего села, он приоткрыл на поляне крышку сундука и сказал:

— Бог богов, пусть на этом месте появится целое село с многоэтажными домами!

Так и свершилось.

А он снова сказал:

— Бог богов, пусть в этом селе появится великое множество скотины!

И это исполнилось.

На другой день рано утром сельчане из отцовского села направились в лес за дровами. Все удивлялись, что, мол, это за село, и поворачивали обратно домой.

А юноша взял к себе в новое село отца и мать, а двух братьев он даже близко к себе не допустил.

Прошло немного времени, и он решил проведать смуглого юношу. В одну из суббот он отправился на его поиски. Вошел в двери, направился вглубь и видит: сидит там множество людей, каждый под своим деревом, перед каждым стол ломится от всяких яств. Он подошел к смуглому юноше. Тот спокойно сидел под своим деревом, перед ним совершенно ничего не было. А другие люди едят, пируют, ни в чем не имеют недостатка.

— Будь добр, скажи, почему перед тобой в отличие от других людей ничего нет? — спросил он смуглого юношу.

— На белом свете у меня нет никого, кто мог бы посвятить мне что-нибудь,— ответил юноша.— Я — тот, которого двое мужчин на кладбище выкапывали из могилы, а голая женщина, что стояла около них, была моя жена. Вот видишь те два дерева, под которыми растет красивая трава? — добавил он.— Это — место в раю, купленное для твоей матери и твоего отца.

Младший из трех братьев спрашивает смуглого юношу:

— Если я возвращусь домой и посвящу тебе что-нибудь, будет ли это стоять перед тобой, как у них?

— То, что ты посвятишь мне, будет стоять целиком предо мной,— ответил тот.

Юноша вернулся к себе, зарезал несколько быков и посвятил их смуглому юноше. Когда он после этого снова посетил смуглого юношу, перед ним стояли всякие яства и напитки, а на нем была новая одежда, все то, что он посвятил ему. Он застал в раю также свою мать и отца, они сидели под райскими деревьями. Потом он вернулся домой.

Вернулся и стал жить и поживать с женой своей.

Как из всего этого мы ничего не видели, так бог да не даст нам видеть никаких несчастий!

Вот таков конец моей сказки.

60. Алдар и его младший сын

Давно-давно жили алдар и его жена. У них были несметные богатства: их табунам коней, стадам крупного рогатого скота и отарам овец не было числа в широких степях. Дворцы алдара были полны золота и серебра, но все это не согревало его. С каждым днем алдар становился все печальнее и печальнее, потому что не было у него детей. А подвластные алдары судачили между собой, что станет с его имуществом, раз у него нет детей? Однажды алдар собрал своих слуг и приказал им:

— Приготовьтесь к балцу: я отправляюсь, чтобы покончить с собой.

Слуги были недовольны, но что они могли возразить своему алдару? Подготовились к балцу, и алдар со своими слугами отправился в путь, чтобы там покончить с собой.

Долго ли, мало ли они ехали, кто это знает, но в пути и сам алдар, и его люди стали страдать от жажды. Когда им стало совсем невмоготу, алдар предложил:

— Разъедемся по ущельям. Тот, кто найдет источник, пусть выстрелит из ружья, и все съедутся к нему.

После долгих поисков у входа в одно ущелье алдар нашел источник ключевой воды. Он собрался было испить воды, но вспомнил договоренность и дал выстрел из ружья.

Тотчас из-под пня выскочил уаиг и набросился на алдара:

— Кто тебя просил подъезжать к моему источнику и поднимать тут стрельбу? Сейчас я поковыряю тобой в своих зубах!

Алдар рассказал ему про свои дела: как он выехал в балц, чтобы покончить с собой из-за бездетности своей. Уаиг ему и предложил:

— Будут у тебя сыновья, но с условием, что одного из них ты через три года отдашь мне.

Алдар удивился, но уаиг заверил, что до его возвращения у него будут дети. Тогда он дал уаигу клятвенное обещание, что исполнит его требование.

— Ты пришлешь его на это место,— сказал уаиг.— Пусть он даст выстрел из ружья, и я явлюсь к нему.

С этими словами уаиг провалился в землю.

На выстрел алдара собрались его слуги. Напились воды. Алдар дал им понять, что нужно возвращаться обратно домой.

Усталые, голодные и истомленные жаждой люди обрадовались такой приятной вести. Вернулись они обратно: алдар — в свой замок, а слуги — в свои шалаши.

Много ли, мало ли времени прошло после их балца, кто это может знать, но до их возвращения у жены алдара родилось три сына.

Дни сменялись днями. Проходило время. И сыновья алдара подрастали своим чередом. С каждым днем сердце алдара все больше и больше охватывала печаль, а условленный срок уаига становился все ближе и ближе.

Однажды алдар призвал к себе старшего сына и дал ему понять, что ему необходимо отправляться к великану, выполнить слово, данное отцом. Сын выслушал его, а затем говорит:

— Слово уаигу дал ты, ты сам должен и отправиться к нему.

Призвал алдар к себе второго сына, но и от него получил тот же ответ.

Наконец призвал он к себе младшего сына, поведал и ему про данное им слово:

— Или ты отправишься к нему, или уаиг явится сюда и сожрет нас всех за то, что я не сдержал слова.

После длинной беседы младший сын сказал отцу:

— Раз мой отец дал слово великану, что он отдаст ему сына своего, то я готов.

Мальчик быстро собрался, захватил с собой еду и выступил в путь-дорогу. Отец-алдар отправил сопровождать его одного из своих слуг и сказал:

— Когда вы прибудете к тому ключу, то слуга повернет обратно домой, а ты дашь выстрел из ружья.

Они и поступили так, как наказал им алдар. Юноша подошел к ключу, отпустил слугу, а сам выстрелил из ружья. На выстрел вышел уаиг и завел своего кана через дупло дерева в большой светлый замок. С того дня уаиг стал кормить его костным и головным мозгом. Мальчик стал расти днем и ночью и в вышину, и в ширину. Он сильно подрос, стал юношей и однажды сказал великану, своему воспитателю-отцу:

— Дада, сегодня я погоню пастись скотину, мне уже надоело сидеть здесь в четырех стенах. Да еще немножко и поохочусь.

Уаиг согласился, но поставил ему условие:

— Только надо тебя испытать, сможешь ли ты осилить то крымское ружье, которое без дела висит вон на стене.

Юноша снял со стены крымское ружье и, играя им, вышел к великану. Уаиг наказал ему:

— Не загоняй скотину свою на землю восточного уаига. Он однажды выколол мне один глаз, сделал меня кривым.

Юноша сразу погнал скотину на землю восточного уаига. Тот с криком, шумом вышел к нему:

— Что за собака, что за осел, пустил на мою землю свою скотину, когда до сих пор и птица не смела пролетать над моей землей?!

— И собака, и осел ты сам,— сказал ему юноша.

Уаиг и юноша набросились друг на друга. Боролись они, боролись, и юноша поборол уаига.

— Скажи мне быстро,— сказал юноша уаигу,— какими богатствами ты обладаешь, иначе я тебя убью, вонючий осел!

— Никаких богатств у меня нет, кроме стад скотины и единственной моей дочери,— сказал великан.— Да еще в косяке моих коней пасется мой афсург, который запаршивел от того, что за ним нет ухода.

После этого юноша выхватил свой меч и отрубил уаигу голову.

Вечером юноша пригнал домой и свою скотину, и скотину убитого уаига. Воспитатель его, уаиг, ожидал его возвращения в страхе: не случилось ли с ним чего-то. Увидев юношу, он обрадовался, что тот вернулся благополучно.

Стали они жить, поживать. Сколько времени они прожили, кто знает, и юноша, уже молодой человек, обращается к своему воспитателю-отцу:

— Дада, ты уже стар. Если ты умрешь, с кем я еще останусь жить? Не знаешь ли ты где-либо такого средства, чтобы старика превратить в молодого?

— Конечно, знаю, чтобы быть мне жертвой за тебя! Но до него добраться очень трудно. К нему может прорваться только афсург уаига Белой горы.

Молодой человек пристал к нему, чтобы он рассказал, как это средство можно вынести оттуда. Уаиг сказал ему:

— Это средство пытались достать многие, но никто не вернулся живым. Когда они попадают туда, их встречает там красивая девушка, и как только с нею заговорят, по-хорошему ли, по-дурному ли, все сразу исчезает: и сама девушка, и замок, будто проваливаются в землю.

Через несколько дней молодой человек отправился на охоту. Он зашел к дочери белого уаига и сделал ее своей женой. Она более подробно рассказала ему, каким образом можно похитить средство омоложения.

Долго ли они прожили вместе, мало ли, кто это знает, но однажды молодой человек сказал своей жене:

— Мужчине позорно сидеть все время с женой. Приготовь мне съестного на дорогу, и я отправлюсь в балц.

— Мы ни в чем не нуждаемся,— стала уговаривать его жена.— Куда ты отправляешься?

Но он не послушался ее.

Три дня и три ночи он ухаживал за опаршивевшим афсургом, затем сел на него и направился туда, где две горы бьются друг с другом, как два барана.

— Ехать-то мы едем, хозяин мой, но не знаю, куда мы едем,— говорит всаднику конь.

Он рассказал коню, какой им предстоит путь. Конь говорит ему:

— Тогда сиди крепко, в мгновение ока мы будем там. Но только, когда мы приедем туда, нанеси мне такой удар, чтобы с ладони твоей отскочил кусочек кожи, а от кожи бедра моего — большой лоскут.

Когда они прибыли туда, то всадник нанес коню такой удар, что от бедра его отскочил лоскут кожи, и они проскочили по ту сторону двух гор, бившихся, как бараны. Он отпустил коня, а сам зашел в замок. Нашел там богатства, каких свет не видел, но ни до чего не дотронулся, а только вынес из седьмой комнаты тот подсвечник, о котором ему сказали.

Когда он направился обратно, то из каждого угла заговорили с ним и дурно, и вежливо, а он не отвечал им ни вежливо, ни дурно. Когда он дошел до первой, крайней комнаты, встретилась ему красивая девушка и говорит ему:

— Я жалею тебя, молодой человек, если у тебя хватило ума выбрать из всех драгоценностей только подсвечник.

Но он ничего ей на это не ответил.

Тогда перед ним предстал полный всяких яств и напитков стол, и девушка сказала ему:

— Дай подсвечник, я пока его подержу вместо тебя, а ты закуси чем-нибудь!

Только он передал ей подсвечник, как девушка, замок, подсвечник и стол исчезли.

Он долго еще бродил там, но и коня своего больше не нашел. Наконец набрел он на табунщика буйволов, зарезал одного буйвола и снял с него кожу на бурдюк. Бурдюк он отнес к большой реке, которая разлилась там, где бились две горы, залез в бурдюк и попросил табунщика:

— Завяжи его и брось меня в реку.

Табунщик так и сделал.

Долго ли он плыл, мало ли, кто знает, но потом он продырявил бурдюк ножиком, и стало чуть светлее.

Через какое-то время он опять продырявил бурдюк. И его осветило со всех сторон. Он понял, что вышел из-под гор, вырезал бок бурдюка и вылез на берег реки.

На берегу реки рыбаки убирали свои сети. Увидев молодого человека, они на счастье гостя закинули свои сети последний раз. Поймали одну рыбу и отдали ему:

— Возьми то, что выпало на твое счастье!

Рыбаки снабдили молодого человека огнем, а сами ушли своей дорогой. Он вскрыл рыбу, и оттуда выпал его подсвечник. Рыбу он положил на жар и стал есть ее недожаренной. Поел немножко и понял, что к рыбе не хватает соли.

— Эх! К этой бы рыбе еще и соли! — воскликнул он и нечаянно толкнул подсвечник. Перед ним оказалась соль в красивой солонке.

Молодой человек поел и решил поспать. Он вспомнил, каким образом перед ним очутилась соль, и сказал опять:

— Бог богов, если ты мне даешь что-нибудь, то сделай так, чтобы около меня появилась мягкая и теплая постель.

С этими словами он слегка ударил подсвечник о землю, и в тот же момент перед ним предстал красивый дом с постелью в шелковых чехлах. Всю ночь он сладко спал на этой постели, видел сладкие сны. Утром проснулся, слегка ударил подсвечником о землю и сказал:

— Бог богов, пусть предстанут предо мной всякие яства и напитки!

И пред ним предстал стол, который ломился от всяких яств и напитков. Он поел, выпил изрядно и отправился дальше своей дорогой.

Шел он, шел, сколько времени он шел, кто это знает, но когда наступил вечер, дошел он до окраины одного села. Остановился в гостях в крайнем доме у старушки-ведуньи. Та приняла его, чем могла, а на ночь постелила ему на плоской крыше дома.

В какой-то час ночи молодой человек проснулся и был ослеплен светом: все вокруг осветилось сильнее, чем днем.

Утром он рассказал своей хозяйке про это диво и спросил ее, что это могло быть. Она сказала ему:

— У алдара нашего есть дочь, и красота ее освещает всю страну. Алдар держит ее взаперти. Ночью, в неурочный час, она выглядывает из окна, и тогда от ее красоты страна освещается, как днем.

— Каким способом можно засватать эту девушку? — спросил ее молодой человек.

— Ее сватали многие, — ответила она, — но отец ни за кого ее не выдает, никому ее не показывает.

Весь день молодой человек бродил по улицам села. Вечером он вернулся к хозяйке, приютившей его, поужинал и лег спать. Ровно в полночь он встал, взял в руки свой подсвечник и сказал:

— Бог богов, если ты мне даешь что-нибудь, то пусть отсюда и до башни алдарской дочери протянется мост!

И тотчас плоская крыша старухи-ведуньи и башня алдарской дочери соединились воздушным мостом.

Молодой человек вошел к алдарской дочери и говорит ей:

— Будь милостива ко мне, я зашел к тебе потому, что ты не даешь мне спать.

Девушка некоторое время молчала, затем сказала:

— Я столько лет ждала тебя и не отчаивалась, а ты лишь одну ночь страдал от бессонницы и уже впал в отчаяние!

С тех пор молодой человек каждую ночь посещал алдарскую дочь. Сколько времени могло пройти, кто это знает, но вот алдару сообщили слуги, что дочь его посещают тайно. Алдар приказал снять головы этих слуг за то, что они посмели сказать такое о его дочери.

Много ли времени прошло, кто это знает, но вот молодая алдарская служанка, которая носила алдарской дочери еду, зашла к алдару и говорит:

— Алдар, алдар, клянусь ангелом-хранителем твоим, клянусь твоим счастьем-благополучием, что дочь твоя вышла из твоей воли, она ожидает ребенка!

Алдар стал раздумывать, но не мог придумать, как ему поступить. Наконец он призвал к себе дочь, собрал своих слуг и приказал:

— Возьмите эту негодницу и отведите ее в непроходимые места. Убейте ее, и плечевую кость ее принесите мне на съедение!

Слуги повели девушку по нехоженым дорогам, завели ее в чащу леса и собрались было убить, но вдруг увидели дом, а у ворот дома стоит некий старик. Он тоже заприметил их и говорит:

— Вы устали, погостите пока у меня!

Слуги алдара зашли в дом незнакомого им человека. Он поставил перед ними хлеба-соли, а затем расспросил их, откуда они и куда направляются. Слуги алдара рассказали ему все:

— Алдар никого на свете не любил так, как свою дочь, но к ней повадился какой-то отступник бога и обманул ее. Поэтому алдар отправил свою дочь, чтобы ее убили. Мы должны ее убить, а плечевую кость ее доставить алдару на съедение.

Старик выслушал их и сказал:

— Я старик, живу в одиночестве посреди леса, а вы — бедные люди. Не убивайте ее, я дам вам столько добра, что вы проживете безбедно всю свою жизнь, а вместо ее плечевой кости отнесите отцу плечевую кость косули, и вы останетесь перед богом безгрешными.

Они согласились, оставили девушку у старика, а сами получили от него скотины столько, сколько могли погнать ее впереди себя. Вернулись они на землю алдара, а его самого накормили плечевой костью косули взамен плечевой кости его дочери.

А этим стариком был тот самый молодой человек. Он вернулся с дочерью алдара в дом старухи-ведуньи, и на окраине села они за ночь выстроили замок. Прожили там какое-то время, затем оставили свой замок старухе-ведунье, а сами направились к родителям молодого человека.

По дороге они заехали за дочерью белого уаига, застали у нее златокудрую девушку и мальчика сереброчубатого. Встреча была радостная. Они прожили там несколько дней, а затем выступили в путь, чтобы вернуться в дом родителей молодого человека.

До их возвращения алдар и его жена настолько состарились, что не могли даже вставать со своих постелей. Молодой человек стукнул подсвечником об землю, и состояние его родителей стало в семь раз лучше, чем было.

Целую неделю пировали в алдарском доме люди. Сколько

времени они прожили, кто это знает, а затем молодой человек сказал своим женам:

— Я отправляюсь в балц.

Вторая жена ему говорит:

— Ты-то отправляешься в балц, а со мной что будет? Ведь срок мой наступает.

Он посоветовал жене, чтобы она вышла в степь, построила себе дом и до его возвращения никого не впускала к себе, никому не открывала дверь. А сам направился своей дорогой. Когда жене пришло время рожать, она отправилась в степь и построила себе дом. Тем временем перед ней предстал некий мужчина в облике ее мужа. Он схватил родившегося мальчика и исчез. Второй ребенок оказался девочкой.

Сколько времени прошло, кто его знает, но однажды явился ее муж. Жена открыла ему дверь, и он зашел. Увидев девочку, он спрашивает ее:

— А куда девался сын твой?

Она ему ответила:

— Ты же сам похитил его!

Он ничего больше не сказал. Вместе они вернулись в дом свой. Муж сразу понял, что это проделка первой его жены. Ночью он зашел к ней и сказал ей:

— Неси нож, зарежем своего сына.

— Муженек, ты лишился ума, что ли? Что ты говоришь? — спрашивает его жена.

А он ей отвечает:

— Если мы смываем кровь кровью, то мы должны это дело довести до конца.

Жена поняла, о чем идет речь, и сказала своему мужу:

— Я не смывала кровь кровью, но я решила тебя испытать. Сейчас твой сын находится в объятиях своей матери.

По этому поводу и по поводу приглашения старого уаига алдар устроил кувд, на котором пировали и веселились целую неделю.

И до сих пор они живут.

Хорошая была жизнь. И вы живите хорошо до их возвращения!

61. Три брата и женщина

Давным-давно жили да были три брата. Однажды старший брат задумал отправиться в балц и наказал своим двум младшим братьям:

— Вот вам меч. Воткните его в определенном месте. Если в течение года он не покроется ржавчиной, то знайте, что я здоров и весел. Если же за это время меч начнет покрываться ржавчиной, то знайте, что я нахожусь в очень тяжелом положении, и вам нужно отправляться искать меня.

Наказав так своим братьям, он снарядился в дорогу, попрощался с ними и уехал.

Ехал он, ехал и доехал до одного села. Решил он в этом селе заночевать. Он постучался в один дом, и его пригласили войти. Хозяйка дома была вдова. У нее было три дочери, одна другой краше.

Утром он направился по своей дороге дальше. Кто может знать, кроме бога, сколько времени он ехал, и доехал он до развилки трех дорог. Направился он по второй дороге. Сколько времени он ехал, это, должно быть, и бог не знает, но вечер застал его под одним дубовым деревом, и он на ночлег остановился там. Развел под деревом костер и стал греться у огня.

Вдруг на вершине дерева раздался шорох. Он посмотрел наверх и увидел, что там какая-то женщина дрожит от холода. Она обращается к нему сверху:

— Я умираю от холода. Разреши мне погреться у твоего костра!

Он отвечает ей снизу:

— Слезай и погрейся!

— Меня съедят твои звери,— говорит она.— Вот тебе ветка, проведи ею по губам своих зверей.

Он взял ветку, которую сбросила ему женщина, провел ею по губам собак, и они тотчас окаменели.

Женщина спрыгнула с дерева, провела той же веткой по губам молодого человека, он тоже моментально окаменел. Женщина собрала эти камни и бросила их к тем камням, которые скопились в ложбине.

Кто знает, сколько времени могло пройти, но вот два брата, наблюдавшие за мечом, заметили, что меч стал покрываться ржавчиной:

— Я отправлюсь на поиски брата! — сказал средний брат.

Едет он, едет и тоже доехал до того же села. Заночевал и он у той же вдовы и тоже увидел трех красавиц.

Утром он направился дальше по своей дороге. Кто знает, сколько он проехал, но и его застала ночь под тем же дубовым деревом, и на ночь он остался там.

Он тоже развел костер, и с дерева обратилась к нему какая-то женщина:

— Умираю от холода, разреши мне погреться у твоего костра! — попросила она его.

— Слезай и погрейся! — ответил он.

Женщина сбросила ему ветку, он провел ею по губам своих собак, и они тотчас окаменели на его глазах. А женщина опять соскочила с дерева, провела веткой по губам молодого человека, и он окаменел. Она собрала камни и бросила их к другим камням, что лежали в той же ложбине.

Кто знает, сколько времени могло пройти, но, увидев, что и этот брат не возвращается, младший брат снарядился и выступил на поиски своих братьев.

Ехал он, ехал и попал в то же село. На ночь он остановился у той же вдовы и тоже увидел тех девушек, из которых одна была краше другой.

Утром он встал и направился дальше по своей дороге. Под тем же дубовым деревом ночь застала и его, и он остановился там. Развел костер, греется, и к нему тоже обращается женщина с дерева:

— Я умираю от холода, разреши мне погреться у твоего костра!

Молодой человек снизу отвечает ей:

— Слезай и погрейся!

А женщина сверху говорит ему:

— Вот тебе ветка от дерева, проведи ею по губам своих собак.

Он бросил ветку в костер. Женщина слезла с дерева и, не найдя ветки, вступила с молодым человеком в схватку. Когда он понял, что женщина может его побороть, он кликнул своих собак, и они принялись разрывать женщину на части.

Он не дал собакам убить женщину, но приказал ей:

— Найди быстро моих братьев!

Она сказала ему:

— Отломи ветку от дубового дерева, проведи ею по тем

камням, что валяются вон в ложбине, и твои братья и их собаки оживут.

Молодой человек отломил ветку от дубового дерева, спустился в ложбину, провел ею по камням, и братья его приподнялись и сказали:

— Как мы долго проспали!

Младший брат объяснил им, что они не спали, но что эта женщина превратила их в камни.

Тогда все трое накинулись на эту женщину и убили ее.

Они выехали оттуда втроем и прибыли к вдове, у которой обычно останавливались на ночлег и у которой было три дочери-красавицы.

Три брата засватали трех сестер и выехали все вместе к себе домой. Они построили себе большие замки, так как их дома были непригодны для жилья, и стали жить там со своими женами в довольстве и счастье, устраивая пиры и танцы.

От души желаю тебе прожить до их прихода!

62. Батрак великана

Бедняк был батраком у великана. Когда он попросил у него деньги за работу, великан сказал:

— Если ты мне дашь десять ответов на мои десять вопросов, я отдам тебе положенную плату.

Великан предложил ему десять вопросов.

Великан: Ну, один, один?

Батрак: Если брать одного человека, то подобного мне нет.

Великан: Два, два?

Батрак: Нет ничего такого, чего я не видел бы своими двумя глазами.

Великан: Три, три?

Батрак: Трехперистая стрела уходит и в небесное пространство, и под землю.

Великан: Четыре, четыре?

Батрак: Четырехколесная арба катится и в горах, и по ровному месту.

Великан: Пять, пять?

Батрак: Если я схвачу тебя пятью ногтями, то куда еще сбежишь?

20 Заказ 2079

Великан: Шесть, шесть?

Батрак: Почему тот, кто вспахал пашню на шести быках, называет еще себя бедным?

Великан: Семь, семь?

Батрак: Как семь братьев, скосившие свой покос, еще могут называть себя бедняками?!

Великан: Восемь, восемь?

Батрак: Когда батрак отработал у человека восемь лет, ему надо заплатить за труд.

Великан: Девять, девять?

Батрак: Почему тот, кто доит девять коров, называет еще себя бедным?

Великан: Десять, десять?

Батрак: На десятом меня здесь не было. Хромой комар был моим конем. Я перепрыгивал на нем на ту сторону Терека.

Великан: А если Терек был маленький, что тогда?

Батрак: Откуда маленький Терек, когда орел не мог перелететь с одного его берега на другой.

Великан: А может быть, орел был маленький, что тогда?

Батрак: Откуда маленький орел, когда одним крылом он прикрывал целое нартское село!

Великан: А может быть, село было маленькое, что тогда?

Батрак: Откуда маленькое село, когда осел кричал с одного его конца, то крика его не слышно было на другом конце.

Великан: А может быть, осел был маленький, что тогда?

Батрак: Как маленький осел: имея на коленях жернова и пуды соли, он ловил зайца.

Великан: А может быть, заяц был маленький, что тогда?

Батрак: Как маленький заяц: из шкуры его выходила шуба и папаха для нартского человека.

Великан: А может быть, нартский человек был маленький, что тогда?

Батрак: Как маленький человек: петух пел у его ног, а у головы пения его не слышно было.

Великан: А может быть, он был глухой, что тогда?

Батрак: Как глухой: когда за горами бык жевал жвачку, то ему это было слышно.

Великан: А может быть, гора была близко, что тогда?

Батрак: Как гора была близко: очередной пастух за день не мог добраться до нее.

Великан: А может быть, очередной пастух был мальчиком, что тогда?

Батрак: Какой он был мальчик: ведь он поймал за задние ноги того волка, с которым ты ничего не мог поделать.

Великан от злости лопнул, а сын бедняка забрал его скотину и остался жить да поживать богатым.

63. Две невестки

В одной семье было две невестки. Жили они вместе в одном доме, и вышло так, что они почувствовали себя в положении в одно и то же время и разрешились от бремени тоже в один и тот же день.

Каждая из них родила тыкву. Одна из невесток разрубила свою тыкву топором пополам, и оттуда вынула паршивоголовую девочку. А вторая невестка не тронула свою тыкву и сказала:

— Я согласна с тем, что богу угодно было дать.

Шли годы, они жили и поживали. Паршивоголовая девушка подросла настолько, что могла принимать участие в детских играх. Тыкву же держали под кроватью, и когда кто-либо разговаривал о ней, то она выкатывалась из-под кровати, а мать закатывала ее обратно и говорила:

— Что за несчастье с ней, у нее нет ни рук, ни глаз, как она выкатывается?

Однажды тыква опять выкатилась из-под кровати и сказала:

— Я хочу идти на реку постирать свои вещи.

Мать не разрешала ей:

— На тебе нет никакой одежды,— говорила она. Но наконец дала ей разрешение.

Тыква стала катиться и, докатившись до берега реки, превратилась в златокудрую девушку. На берегу реки она сняла с себя одежду свою и стала стирать. Во время стирки один из ее золотых башмаков упал в воду, и она его больше не нашла. Закончила стирку, высушила свои вещи, оделась, а затем превратилась снова в тыкву и прикатилась домой.

Сколько времени прошло после этого, кто знает, но однажды там, где девушка стирала свои вещи, оказались странники. Они ловили для себя рыбу, и один из них, молодой человек, поймал упавший в воду золотой башмак девушки. Он рассмотрел его и сказал:

— Я должен обязательно засватать девушку, которой принадлежит этот башмак, где бы она ни находилась!

И с того дня, захватив башмак, он стал разыскивать ту девушку. Объезжая села и города, он попал в то село, где проживали две невестки, и оказался у них случайным гостем.

Гость рассказал своим хозяевам о том, что его привело в их село:

— Я нашел в реке золотой башмак и задался целью засватать непременно ту девушку, которой принадлежит этот башмак. И вот я странствую в ее поисках. Прошу, скажите мне, нет ли у вас этой девушки? Может быть, она находится в вашем селе, в таком случае укажите ее мне.

— Мы не можем сказать, есть ли такая девушка в нашем селе или нет,— ответили они ему.— А что у нас в семье нет такой девушки — в этом заверяем тебя именем божьим.

Когда они окончили беседу, из-под кровати выкатилась тыква и говорит молодому человеку:

— Этот золотой башмак пропал у меня. Если можно, верни его мне!

Все очень удивились и в недоумении сказали про себя: «Чего она вмешивается, когда она и представления не имеет о том, что такое золотой башмак?»

Как бы то ни было, а из тыквы вышла златокудрая девушка, и на одной ноге у нее был золотой башмак, а другая нога была босая. В таком виде она стала рядом с молодым человеком и спрашивает его:

— Тот башмак, что у тебя, пара тому, что на моей ноге, или нет?

Рассмотрели их, и башмак оказался парой башмака девушки.

Семья была чрезвычайно рада, что у них оказалась такая девушка. В тот же день состоялся сговор: девушку выдали за этого молодого человека.

Сколько времени прошло после этого, кто его знает. И вот наступил день свадьбы, и молодой человек явился со своими киндзхонами. Попировали, а затем невесту снарядили, и киндзхоны вывезли ее с пением свадебных песен.

Паршивоголовая девушка тоже выехала с невестой проводить ее, как требовал обычай. Она захватила с собой пересоленные лепешки и по дороге накормила ими невесту; невесту схватила жажда, и она попросила у паршивоголовой воды.

— Вода у меня есть,— сказала та,— и если ты согласна дать мне свои два глаза, то я напою тебя, а в противном случае — нет.

Невеста вынуждена была согласиться, отдала ей свои глаза, а сама вдоволь напилась воды. Паршивоголовая обманом заставила невесту сойти с повозки, а сама накрыла себя, вместо невесты, покрывалом. Молодой человек не узнал подмены и женился на ней.

Ослепленная же невеста приблудилась к вдове-ведунье. Та приносила ей разные материи, а она из них шила красивые одежды.

Однажды девушка сшила черкеску, которая рукавами своими хлопала, как в ладоши, а полами танцевала. Вдова-ведунья по ее просьбе понесла черкеску на базар, но девушка наказала ей:

— Не отдавай ее ни за что, кроме как за два глаза.

Она вынесла черкеску на базар и стала предлагать ее настойчиво. Хотел купить черкеску муж паршивоголовой, но на что он мог ее купить? Он вернулся домой в большой печали и рассказал о черкеске своей жене.

— Не горюй из-за этого! — сказала она ему.— У меня есть два глаза, отнеси их и купи эту черкеску!

Молодой человек захватил глаза и явился с ними в дом вдовы-ведуньи. Он приставил их к глазницам девушки, и они оказались ее собственными глазами. Тогда она рассказала молодому человеку все, что с нею случилось. Молодой человек понял свою ошибку и почувствовал себя плохо. Он взял девушку с собой как жену свою, паршивоголовую он изрубил своим мечом, а с настоящей своей женой остался жить. Жили они в любви и согласии и, как сказывают, живут и по сегодняшний день.

64. Девушка-сиротка

У трех девушек умерли отец и мать. Девушкам трудно жилось у дядюшки по отцу. Они выполняли тяжелую работу, а получали только одни попреки. Никогда они не наедались досыта. Солнце заменяло им рубашки, щебнистая земля была вместо чувяков, постель — куча соломы. В таких условиях они и жили.

Сколько времени они прожили, неведомо, а затем старшая сестра бежала оттуда. Она поступила в услужение к одному хану только за одни харчи. Жизнь ее и там не была лучше, но все-таки она была сыта.

Она пасла телят. Однажды погнала их пастись, и телята разбрелись по пастбищу. Она пыталась собрать их, но они ее не слушались, а один теленок убежал далеко, и никак нельзя было пригнать его обратно. Девушка с плачем ходила за ними то в одну, то в другую сторону. Вдруг перед ней оказалась коза и спросила ее:

— Зачем ты плачешь? От твоего плача содрогаются горы, от жалости к тебе леса и камни разрушаются. Почему же ты плачешь?

Она рассказала ей все о себе. Коза покрутила левый рог свой, и оттуда посыпались самые лучшие наряды. Девушка нарядилась в них, поблагодарила козу и вернулась в свой дом вместе со своими телятами.

Когда об этом стало известно ханской дочери, она стала плакать, потом тоже пошла к козе и сказала ей:

— И мне нужны наряды.

Коза покрутила свой правый рог, и оттуда прямо перед ней упала черная златоглавая змея. Ханская дочь вернулась домой с плачем и пожаловалась своему отцу. Отец пошел к козе, убил ее и тушу принес к себе прямо домой. Семья хана ела ее мясо, а девушка-сиротка, как будто делала уборку, собирала ее кости и складывала в одно место. Козу съели, а девушка-сиротка, собрав все кости, спрятала их на берегу реки под деревом.

На другой день она пришла туда, и коза вышла к ней в семь раз здоровей, чем была раньше. Она покрутила свой рог, и оттуда высыпались самые лучшие наряды для девушки. Та вернулась в этих нарядах в свой дом.

Про все это стало известно хану, и он приказал бросить девушку в реку. Ее поймали Донбедтировы *, а от них она перешла к одному обладавшему на этом свете властью человеку. Он доставил ее к хану и стал его допрашивать:

— Почему ты приказал бросить эту девушку в реку?

Хан отговорился:

— Она была не без греха, поэтому я и приказал бросить ее в реку.

Тогда этот человек поднял хана и бросил его в реку, а там его съели Донбедтировы.

А девушка-сиротка с козой вернулась к своим сестрам. Когда коза крутила левый рог, то они получали наряды; если же она крутила правый рог, то появлялись перед ними всякие изысканные яства.

Они отделились от своего отца и остались жить в полном здравии.

65. Младший сын бедняка

Давным-давно жили старик и старуха. У них было шестеро детей: три сына и три дочери. Жили они сносно, но когда старуха умерла, жизнь их пошатнулась. Дети понемножку стали свыкаться со смертью матери, как человек свыкается со всем, что с ним случается в жизни.

Старик тоже недолго прожил после смерти своей жены. Когда ему стало очень худо, он призвал к себе младшего сына и дал ему наказ:

— Я умираю, солнце мое, я стою у края своей могилы. Оставляю вам после себя небольшое имущество: каменный дом о четырех стенах. Не ссорьтесь из-за него между собой, солнышки мои; я не оставляю вам столько имущества, чтобы из-за него братья ссорились. Подумайте об этом, мои солнышки, не осрамите седой моей бороды. Наказываю тебе еще и другое: поручаю тебе трех твоих сестер, оставляю их под твоим надзором и покровительством. Помни меня, не осрамите их! Вечером того дня, когда вы меня похороните, вам дадут знать возгласом «Ойдт!» *, но ты не пугайся, вспомни мой наказ.

Закончив речь, старик расстался со своей душой, скончался.

Сыновья похоронили тело своего отца. А вечером они сидели у очага, и в это время, как предупреждал отец, раздался возглас «Ойдт!». Младший брат вскочил и выбросил в двери старшую сестру. Это повторилось и на вторую, и на третью ночь. Таким образом, младший брат, помня наказ отца, выдал своих сестер замуж, но не знал за кого.

Братья продолжали жить вместе. Кто знает, сколько времени они так прожили, а затем они надумали разделиться.

— Поделим между собой имущество отца,— сказали они,— так, чтобы каждый владел своим небольшим имуществом.

Через какое-то время старший брат надумал разрушить свою часть дома. Разрушил ее, и в ней оказалась куча серебра. И второй брат не утерпел и тоже разрушил свою часть: в ней оказалась куча золота.

Тогда младший брат сказал себе:

— А я разве хуже?

Он тоже разрушил свою часть и нашел в ней старый меч.

— Увы, отец мой! — сказал он.— Ведь ты меня любил больше других своих детей, почему же ты меня сделал таким несчастливым?!

Что ему оставалось делать? Все-таки он опоясался дорогим даром отца и вышел в путь-дорогу, а куда он шел — он и сам не знал. Шел он день, другой и сильно проголодался, сел у одного пригорка и стал раздумывать:

— Вытащу-ка я драгоценный дар своего отца,— сказал он сам себе.

Он быстро вытащил меч, и пред ним предстали три арапа.

— Что тебе угодно, господин наш? — спрашивают они его.

— Что? Я голоден и мне нужно что-то поесть,— сказал им молодой человек.

Перед ним оказалась еда: одно блюдо изысканнее другого. Он насытился, встал и снова перепоясался своим мечом. Пошел он дальше по своей дороге и дошел до одного села. Это оказалось село Козок-алдара. Он уселся напротив алдарского дома, обнажил свой меч, и три арапа опять предстали перед ним.

— Чтобы на этом месте был дом,— приказал он им,— а вокруг него железная ограда, и чтобы это был не простой дом, а необыкновенной красоты, чтобы птицы не могли пролететь над ним, а звери не смели проходить мимо него, чтобы крыша его была из серебра, пол — из золота, стены — из стекла, а вокруг дома — фруктовые сады, а в саду моем чтобы распевали разные красивые птицы и чтобы через него протекали ручьи из неиссякаемых ледников.

Не успел он еще дать приказ, как все предстало перед ним такое, как ему желательно было. Он обошел свое владение, опоясался дорогим своим оружием и отправился на охоту — убивать оленей и косуль.

Утром встал Козок-алдар, вышел из дому и остолбенел от удивления.

— О бог богов, бог мой! — сказал он.— Что это за ангел, что это за дух-покровитель?!

А младший сын бедняка вернулся с охоты после обеда, привел к себе одинокую женщину и сказал ей:

— С этого времени я буду видеть в тебе мать-отца своих.

Однажды Козок-алдар собрал лучших своих мужей и послал их к новому своему соседу, чтобы пригласить его к себе в гости. Тот собрал своих товарищей и отправился к Козок-алдару. Гости не прикасались к еде, не начинали пить, тогда старшая дочь алдара сама вышла к ним, чтобы их обслужить. Увидев алдарскую дочь, молодой человек перестал есть, пить. Он все смотрел на нее, не отводил от нее своего взгляда. Вернувшись домой, он не находил себе больше покоя, любовное безумие обуяло его. И вот в один из дней он зашел к своей матери и сказал ей:

— Нана, пойди к Козок-алдару засватать за меня его старшую дочь. Они — белая кость, а мы — черная кость, но все-таки попытаем свое счастье.

— Солнце мое,— сказал она ему,— я стара и не в силах пойти туда.

— Из-за этого, нана, не отказывайся пойти. До дверей алдара я провел для тебя закрытый белый мост,— сказал ей молодой человек.

Мать вернулась от алдара и сказала ему:

— Он выдал за тебя свою дочь.

На второй день молодой человек направился к алдару и привел в дом свой гордую дочь Козок-алдара.

Прошла ли неделя, больше ли недели, ведомо богу, и молодой человек отправился на охоту, а меч его остался висеть на стене. В это время алдарский табунщик, распевая песни, гнал коней мимо железной ограды и ему захотелось проведать дочь алдара. Он бросил коней своих, а сам зашел к алдарской дочери. Она обрадовалась табунщику и принялась его угощать. Они беседовали, беседа затянулась, и табунщик спросил алдарскую дочь:

— Все-таки, что за диво такое? Он одинокий человек; каким образом все ему это удается? Разве он так богат?

Некоторое время алдарская дочь молчала, а затем сняла со стены меч и сказала ему:

— Счастье наше заключается в нем: он исполняет все, что ты только пожелаешь.

Табунщик взял у нее меч и обнажил его. Когда три молодых арапа предстали пред ним, он им приказал:

— Сделайте так, чтобы этот дом, как он есть, очутился на востоке!

Он еще не закончил своего приказа, как дом вместе с железной оградой полетел.

Наступил вечер. Молодой человек вернулся с охоты и не застал своего дома на месте. Сердце его сжалось от боли. Он никого не вспомнил, кроме любимой жены, которой так доверял.

— Ах ты, дочь неверного! — сказал он.— Ты была достойна стать женой табунщика и нашла его! Пусть покинет тебя сон, а днем бродяжничай, спотыкаясь! Ах, обманщица, обманщица! Не нужно было доверять тебе!

Он подтянул пояс и выступил в дорогу. Шел он шел, сколько времени он шел — неведомо, и дошел он до одного замка.

— Что будет, то пусть будет! — сказал он и вошел туда. А там оказалась его старшая сестра. Как они могли не обрадоваться друг другу?! Как они могли не вести длинных бесед?! Брат рассказал своей сестре про свои дела, а она ему сказала:

— Мой муж облетает за день мировое пространство один раз. Когда он вернется, то, может быть, он поможет тебе чем-нибудь, а пока я тебя спрячу, чтобы он не съел тебя от восторга.

Только сестра спрятала брата, как поднялся ветер, и не простой, а необыкновенный. Муж бросил в двери свои крылья и говорит:

— Что это такое, хозяйка, ты наполнила дом аллон-биллонским духом?

— И аллон — ты сам, и биллон — ты сам!

— Покажи-ка его!

Муж заверил ее, что никакого вреда ему не причинит. Тогда она показала ему своего брата. Он приветил его, а затем сказал:

— Я сегодня видел диво: три молодых человека держали дом с железной оградой. Я нанес им удар, но они даже не почувствовали ничего, а между тем, когда я крыльями своими ударяю гору, то превращаю ее в прах. Я ничем не могу помочь тебе, но отведу тебя к среднему своему брату, он сильнее меня.

Он посадил его на свои крылья и вмиг доставил его к своему среднему брату. А там была средняя сестра молодого человека. Все было так же, как у старшей сестры, но средний зять ему сказал:

— Наш младший брат облетает за день небесное пространство три раза, я отнесу тебя к нему.

Когда молодой человек прибыл туда, там оказалась его младшая сестра. Сестра и зять очень ему обрадовались, а затем зять сказал ему:

— Я облетаю небесное пространство за день три раза. Я встретил их, нанес им три удара, но они даже не почувствовали ничего. Я ничего не могу с ними поделать, но я доставлю тебя во двор твой, а там ты сам прояви свое мужество.

Зять исполнил то, что обещал: он доставил молодого человека в его двор. Мать выбежала к нему, обняла его и сказала:

— Сейчас они спят, а меч твой находится под их изголовьем. Я боюсь, ты сам его вынеси!

Молодой человек шмыгнул в комнату и схватил меч из-под их изголовья. Когда драгоценная вещь снова попала ему в руки, он приказал трем арапам:

— Пусть этот дом опять будет там, откуда вы его доставили сюда!

Дом очутился на своем старом месте, и он послал за Козок-алдаром, сказав, что хочет его угостить.

Козок-алдар явился к нему со знатными людьми. Молодой человек угостил их; поели, выпили они изрядно, и после этого он им сказал:

— А теперь пойдемте, повидайтесь со своей дочерью.

Он зашел в комнату впереди них и сказал им:

— Вот тебе, Козок-алдар, твоя дочь, а это тебе — твой конский табунщик.

Алдар приказал в тот же час привести из конского своего табуна двух коней-неуков и привязать обоих к их хвостам. А за молодого человека алдар выдал младшую дочь. Они живут и сегодня.

А ты, старшая дочь Козок-алдара, будь проклята народом! Ты оставила свое имя на вечный позор и порицание.

66. О трех сыновьях хана

Давным-давно у одного села был холостой хан. Хан, конечно, был богат, а о женитьбе он даже не помышлял. Все село умоляло его, чтобы он женился, но он все отказывался и отказывался.

— Бросьте! — говорил он народу.— Не просите меня, чтобы я женился, раскаетесь потом.

Народ его все-таки упрашивал, потому что он жил с ними в любви.

— Уважь нашу просьбу,— говорили ему.— Как бы тебе ни было трудно, все-таки ради любви нашей к тебе женись, чтобы иметь потомство. Если ты умрешь, то, может быть, кто-нибудь из твоего потомства согласится быть у нас ханом.

Так они умоляли его. У хана не оставалось иного выхода, и так как он и сам любил народ, то он внял его голосу и женился. Он поместил свою жену в подземных комнатах, чтобы никто ее не видел, и у него от нее родилось три мальчика.

Три сына с матерью жили в подземных комнатах, а хан целый день, с утра до вечера, пребывал на поверхности земли и решал вместе со своим народом общественные дела, чтобы народ ничем не возмущался.

Однажды хан устроил пир для всего села. К нему собралось все общество от мала до велика, все, кто в состоянии был ходить на своих ногах. Люди сели за столы и стали пировать в комнатах хана, находившихся на поверхности земли.

Сколько времени они пировали, богу ведомо, но, когда они встали из-за столов, старшим некого было поблагодарить за угощение, так как хозяйки не было в доме.

— Где твоя хозяйка, распорядительница этого дома, та, которая так богато накрыла столы всякими приятными яствами, так приготовила пищу, что мы поели ее с удовольствием? — спрашивают они хана.— Почему ее нет здесь? Кому мы должны выразить свою благодарность?

Хан им отвечает:

— Я знаю хорошо, что ей следовало быть здесь, но, извините меня, она находится в подземных комнатах, и если я ее приведу сюда, то выйдет неприятность для вас всех, будете жалеть. Поблагодарите меня вместо нее, я вам и без этого верю.

— Не настаивай постоянно на своем! Почему мы будем жалеть, если этот золотой человек постоит около нас, пока мы ее будем благодарить? Мы будем недовольны тобой, если ты сейчас же не дашь нам возможности увидеть светлое лицо этой женщины! — так твердо заявили они хану.

Хан опять попал в безвыходное положение. Он испугался, что гости его будут на него в обиде, и он привел к ним свою жену и детей, но сказал:

— Если теперь нас постигнет какое-либо несчастье, то вина будет всецело ваша!

Пока хан вел эти речи, его жену вдруг схватил орел и отнес ее в свое гнездо на высокой горе. Люди были ошеломлены, они остались на месте с плачем и рыданием.

Сколько вермени они могли горевать, кто это знает, а затем разошлись они по своим домам. Младшие обвиняли старших, а старшие младших — и так они препирались между собой.

Дети же были еще малы, они не поняли, что их мать похитили, и их отвели обратно в комнаты подземелья. Сколько времени они там прожили, кто знает. Когда они подросли, и они стали просить отца своего, чтобы он их вывел из подземелья к себе наверх.

Отец вывел их из подземелья наверх. Сыновья хана были своевольные. Они уже принимали участие в играх. И стали они издеваться над дровосеками, не давали им возможности ехать в лес за дровами, а женщинам-водоноскам не давали ходить по воду. Жители села стали роптать.

А однажды ханские сыновья разбили своими стрелами ведра соседки, вдовы-ведуньи. Она очень рассердилась и попрекнула их так:

— Если вы уж так мужественны, то, вместо того чтобы громить мои ведра, поискали бы свою мать!

Как только эти слова дошли до них, они, не промолвив ни слова, побежали домой с опущенными головами и поднятыми плечами. Отец увидел, как поспешно они вернулись домой, и спрашивает их:

— Что с вами, мальчики, что опечалило вас?

— Что опечалило нас? — отвечают ему мальчики.— Сегодня мы целый день наблюдаем и видим, что всех детей нашего возраста, какие только есть в нашем селе, ласкают их матери, радуются им, а мы стоим сиротами, как будто на свете появились без матери. Мы печальны потому, что ты не даешь нам возможности видеть нашу мать.

Хан не хотел открывать им тайны их матери и сказал им:

— Да будет светла память вашей матери, она давно умерла, и от вашей печали уже не будет пользы.

— Она не умерла. Ты нас обманываешь. Укажи нам ее, а не то мы будем недовольны тобой,— сказали ему три его сына.

У хана не было другого выхода, и он рассказал им, каким образом пропала их мать.

— В таком случае, отец наш, счастливо тебе оставаться, а мы отправляемся на поиски своей матери,— сказали ему они и выступили в дорогу.

Шли они и шли, сколько времени они шли, бог ведает, и приметили они вдали какой-то замок. Дошли они до этого замка, видят: у ворот его сидит женщина, одна ее грудь доходит до подъема ее ноги, а другую она закинула через плечо на спину, кроме того, один клык ее доходил до небес, а другой уходил под землю.

— Добрый день, мать наша! — приветствуют они ее.

— Здравствуйте, дети мои! — отвечает она.— Если бы вы не назвали меня своей матерью, то я расправилась бы с вами по-своему. А теперь подойдите ко мне ближе, чтобы поговорить с вами душевно.

Они подошли к ней ближе, и младший сын вытер сосок запрокинутой назад груди и пососал ее подобно новорожденному.

После этого она их спрашивает:

— Ну, солнышки мои, откуда вы, что ищете?

— Что мы ищем? — сказали они.— Нашу мать какой-то орел унес на вершину горы, наверное, для себя в жены, и мы ищем того, кто укажет нам дорогу туда. Если ты знаешь об этом что-нибудь, то просим тебя, как просят бога, укажи нам ее, помоги нам!

— Ваша затея — очень тяжелое дело, я же состарилась и не могу направить вас по правильному пути, но знать его я знаю. Идите прямо по дороге и дойдете до такого же белого замка. Там живет моя младшая сестра. Возьмите с собой вот этот мой головной платок в знак того, что я вас послала, и она вас направит по правильной дороге, на добрые дела.

Они послушались ее и, поблагодарив, направились в ту сторону, куда она им указала. Дошли до младшей сестры и с ней поздоровались:

— Добрый день, мать наша!

Она обрадовалась им еще больше, чем старшая ее сестра, в особенности тогда, когда увидела в их руках головной платок своей старшей сестры.

— Откуда и куда вы идете, дети мои? — спрашивает она их.

Они рассказали ей про свое дело и стали просить, чтобы она направила их по правильному пути, оказала бы им какую-либо помощь. Женщина некоторое время хранила молчание, а затем

достала из корзины своей золотую нить с крючком на конце и сказала им:

— Идите, солнышки мои, прямо по этой дороге, дойдете до высокой горы, а дальше вам дороги вперед больше не будет. И тогда забрасывайте этот золотой крючок на вершину горы каждый по одному разу, крючок зацепится за гору, и тот, после броска которого крючок зацепится, пусть поднимется по этой золотой нити на вершину, а другие двое пусть спокойно сидят под горой, потому что и подняться на гору они не смогут, и сделать ничего не смогут.

С таким наказом она отправила их в дорогу. Сколько времени они шли, кто знает, и дошли они к подножию указанной им высокой горы. Старший брат сказал:

— Первая очередь закинуть нить принадлежит мне!

Взял он золотую нить в руки и бросил ее, но нить поднялась всего на высоту в три раза больше его роста.

Потом швырнул нить средний брат, но у него нить поднялась лишь в два раза выше, чем у старшего брата.

Закинул нить младший брат, и крючок крепко зацепился за вершину горы. Нить повисла, как качели, и младший брат взобрался по ней на вершину. Там он некоторое время озирался кругом, а затем направился в сторону захода солнца.

Шел он, шел и наткнулся на человеческий череп.

— Добрый день, обиженный богом человеческий череп! — обратился к нему юноша.

— Приходи здоровым, и да будет дело твое правым,— ответил ему череп.— Я не богом обижен, так поступил со мной мой младший брат из-за того, что бог даровал мне больше силы, он мне завидовал.

— Бог да не простит ему! Удивительно плохая кровь у него, раз он не желает добра брату! Какое же все-таки ты мог причинить ему зло своим мужеством?

— Никакого зла я ему не причинил, но отец одного земного хана похитил отсюда мать нашу в качестве второй своей жены. В отместку за это я намеревался похитить для себя в жены жену сына этого хана, если бы этот сын когда-либо женился. А брат мой даже и не помышлял о мести. Затем вышло так, что сын похитителя нашей матери женился на замечательной красавице, и мой злокозненный младший брат позарился на нее, захотел, чтобы она стала его женой. Когда я это понял, то притих, так как он видел во мне соперника. Однажды он нашел меня спящим и

без крыльев моих и отрубил мне голову. И вот теперь я так мучаюсь. Сам же он надел на себя мою орлиную оболочку и однажды, когда у хана был пир, похитил на глазах всех собравшихся его жену. Остались у хана три сына, которые еще не различают правого от левого.

Так ответил ему череп. Когда юноша услышал такие речи, он зарыдал и открылся ему:

— В таком случае это — наша мать, и да не простит ему бог! Почему он отомстил нам, ни в чем не повинным, за дедушку?

Череп был смущен.

— Следовательно, ты явился на поиски? — спрашивает он.

— Явиться-то я явился, но каким образом я смогу вырвать мою мать из рук такого проклятого существа?

— Не падай духом,— сказал ему череп.— Не так уж трудно вырвать твою мать из его рук и отомстить ему, если ты поступишь так, как я тебя научу. Сейчас он спит глубоким сном, скинув орлиную оболочку, вот в том доме. Ты сейчас же пойди туда и разруби его голову пополам его же мечом. А затем возьми из-под его изголовья войлочную плеть и ручкой ее слегка нанеси ему удар, тогда будет то, что годно богу: он превратится в прах. После этого возьми с матерью своей все его добро, но и меня не забудь: ты захватишь с собой войлочную плеть и мои орлиные крылья, положишь их на меня, затем ударишь войлочной плетью, и я приму прежний свой вид.

Юноша выслушал наставления черепа — лучшего ему и не надо было — и быстро направился туда, куда он ему указал. Он ворвался в дом похитителя своей матери и видит, что погубивший брата спит с храпом, а мать его вытирает свои слезы кончиком головного платка.

Она увидела своего сына и зарыдала:

— Зачем ты, безбожник, явился сюда? Довольно было моей гибели! Он проснется и сожрет тебя, тогда и я должна буду покончить с собой. Уходи отсюда! — просит она, обняв его.

— Не бойся, мать моя,— говорит он ей.— Хорошо, что я нашел тебя, а остальное — дело легкое.

Он схватил меч спящего и разрубил им его голову пополам. Затем он выдернул из-под изголовья его войлочную плеть, ручкой ее слегка ударил его и — да постигнет эта участь врага твоего! — тот превратился в пепел.

Затем они с матерью собрали все добро, какое было в доме, и пришли к черепу, захватив орлиные крылья и войлочную

плеть. Юноша положил крылья на череп, а затем ударил его войлочной плетью, и череп превратился в молодого человека, каким он был прежде.

Они поблагодарили друг друга, и сын с матерью направились к золотой нити. Дошли до нее, и сын велел спуститься сначала своей матери. Когда мать оказалась внизу, у подножия горы, братья подожгли золотую нить. Нить вспыхнула и сгорела.

Младший брат не мог уже спуститься с горы. Он искал, бедняга, спуск, но не находил. В поисках спуска он, подобно лисе, метался по краю обрыва из стороны в сторону. Так он промучился некоторое время, а затем пошел искать спасения в ту сторону, куда несли его ноги.

А внизу два сына напугали мать свою:

— Скажи, что спасли тебя мы, что младшего сына ты даже не видела, а то убьем тебя.

Мать дала им обещание, и когда они прибыли к хану, она сказала все так, как от нее требовали два сына.

Хан некоторое время радовался их возвращению, но он ожидал, что и младший сын вот-вот явится домой. Увидев же, что его все нет и нет, он счел его умершим, и стали по нему справлять положенные обычаем хисты.

Прошел год с того дня, как посчитали младшего брата умершим. Отец и братья устроили по нем годовой хист на большом ровном месте, и все люди со всей округи стали собираться, чтобы помянуть его.

Но правда на своих путях всегда торжествует. Некоторое время младший брат прожил на горе, а затем к нему явился тот череп, которого он вернул в прежнее его человеческое состояние. Они оба были несказанно рады друг другу, долго и подробно расспрашивали друг друга.

Когда тот, кто был черепом, узнал, чтó беспокóит молодого человека, он посадил его к себе на орлиную спину и в мгновение ока опустил во дворе его отца, а сам улетел обратно.

Хан вместо хиста устроил пир. Он долго расспрашивал сына, почему он не возвращался столько времени, и тогда тот рассказал отцу и всем собравшимся обо всем, что с ним приключилось и что он перенес. Хан и собравшиеся дали ему право убить своих братьев и мать своей собственной рукой, но он их простил, не убил их. И до сегодняшнего дня они живут и поживают.

Как из всего этого вы ничего не видели, так да не посетят вас ни болезни, ни напасти!

21 Заказ 2079

67. Хан и его батрак

У одного хана в батраках работал умный, способный человек, бедняк. Однажды хан приказал ему:

— Иди и женись каким-нибудь способом!

Батрак ушел. Сколько времени он был в пути, ведает один бог, и встретился ему на пути старик. После взаимных приветствий пошли они дальше вместе.

Шли, шли, и молодой человек говорит старику:

— Почтенный старик, сократи-ка нашу дорогу, а то она сильно растянулась.

— А разве дорога канат с крючком? Как я могу ее сократить?

Молодой человек ничего на это ему не возразил, замолчал, и они пошли дальше. Когда они подходили к аулу старика, вышли им навстречу люди, которые несли покойника. Молодой человек спросил старика:

— Почтенный старик, этот покойник — покойник одного дома или он — покойник целого села?

— Добрый молодой человек, кажется, ум у тебя не таков, какова твоя внешность! Покойник обычно бывает покойником одного дома, это ты и сам знаешь. Каким же образом он может быть покойником всего села?

Молодой человек и на этот раз ничего не возразил старику, замолчал. Пошли они дальше. Когда они уже подошли к селу очень близко, дорога раздвоилась. Оба они направились в это село, но один пошел напрямик, а другой долгим кружным путем.

Молодой человек опять задал старику вопрос:

— Как, спутник мой, ты направишься в село: по дальней или по близкой дороге?

Старик уставился на молодого человека и удивленно говорит ему:

— Как я полагаю, никто не пойдет по дальней дороге, если есть возможность идти по близкой. Я пойду вот по этой близкой дороге.

Они сказали друг другу «Будь здоров!» и «Счастливого пути!», и старик направился по близкой дороге, а молодой человек по дальней. В одном месте по пути старик промучился в жидкой грязи и с трудом добрался домой.

А у старика была дочь-перестарок. Он рассказал ей о том, что с ним случилось в дороге:

— Сегодня,— сказал он,— попался мне в попутчики какой-то дурной человек и замучил меня.

Дочь сказала ему:

— Баба́, это был не простой молодой человек. Когда он тебе предлагал сократить дорогу, то он просил тебя, как старика, рассказать какое-либо сказание. Когда же он спрашивал тебя о покойнике, то он хотел узнать у тебя, хороший или дурной человек он был. Если он был хороший человек, значит он был покойником всего села, если же плохой — то покойником одного дома, в котором он умер. Когда он спрашивал тебя о близкой и дальней дороге, он хотел тебе сказать, что дальняя дорога лучше. Ты направился по близкой дороге и замучился, а он пошел по дальней дороге и пришел благополучно. Вот почему он и спрашивал тебя о дороге.

Отец внимательно выслушал ее и сказал:

— А если он таков, то тебя непременно нужно выдать за него замуж, так как он искал себе невесту.

— Если ты хочешь выдать меня за него, то иди сейчас же, позови его, скажи ему, что здесь одно пшеничное зерно упало в грязь и не может изваляться в ней.

Старик позвал молодого человека так, как научила его дочь. Тот понял ее и вместе со стариком зашел к девушке. Там же состоялся сговор, и он вывел ее под пение свадебных песен.

Она оказалась необычайно хорошей женщиной. Батраки хана завидовали своему товарищу и обратили на нее внимание хана. Они сказали ему:

— Ты, конечно, хан, но жена твоего батрака лучше твоей жены. Молва о ней распространилась среди людей, а ты остался в тени. Отними у него жену его, в противном случае он превзойдет тебя в мужестве.

Этот совет пришелся хану по душе. Однажды он призвал к себе этого батрака и приказал ему:

— Езжай, посети наших чабанов и доложи мне, в каком состоянии находятся мои отары.

Молодой человек вскочил на коня и выехал исполнить приказание хана. А хан в это время зашел к его жене и дал ей понять о своем влечении к ней. Она молча выслушала его, а затем дала ему такой ответ:

— Давно, сказывают, с вершины Уарпа-горы * лев заприметил что-то на Кумской равнине *. Он спустился с намерением съесть это, подошел и увидел, что это — мертвый волк. Тогда лев

сказал: «Да съедят меня, волк, собаки, если я сочту достойным себя воспользоваться твоей падалью!». И он повернул обратно.

Хан задумался, а потом взял руку молодой женщины и сказал:

— Будь мне родной сестрой и на этом, и на том свете! А тем, которые заставили меня совершить ошибку, да не простит бог!

68. Дочь вдовы-ведуньи

Давным-давно в одном селе жила вдова-ведунья. У нее была дочь, и один молодой человек хотел на ней жениться. Он сам пришел к вдове-ведунье и просил ее выдать за него свою дочь.

Ведунья ответила ему:

— Зачем ты, солнышко мое, шутишь, почему издеваешься над нами?

— Я не шучу,— сказал молодой человек.— Сватаю твою дочь, и выдай ее за меня.

Ведунья согласилась выдать свою дочь за молодого человека.

А девушка сказала ему:

— Выхожу за тебя, но только с условием: может быть, когда-нибудь ты надумаешь развестись со мной, тогда я попрошу у тебя одну драгоценность, и ты должен будешь дать ее мне.

Молодой человек женился на дочери ведуньи, и они стали жить одной семьей.

Однажды село посетили гости. Один из гостей был верхом на кобылице, а другой — на мерине. Ночью кобылица ожеребилась, и жеребенок, изнемогая, приполз под мерина. Утром владелец мерина стал доказывать, что жеребенок его. А владелец кобылицы стал доказывать, что мерин не может ожеребиться, а потому жеребенок принадлежит ему, и просил не оспаривать его.

Жеребенок все-таки стал спорным; каждый из них доказывал, что жеребенок принадлежит ему.

В конце концов решили, что спор должен разрешить речистый зять вдовы-ведуньи. Они поехали к нему, но его самого дома не оказалось, а на зов вышла к ним его жена. Поздоровались, а затем гость, хозяин мерина, спрашивает ее:

— Где хозяин этого дома?

А она им дала такой ответ:

— На пригорке Борхуарском * рыбы потравили наше просо, и он отправился выяснить это.

Хозяин мерина удивился и спрашивает:

— Неужели? А как же рыбы выбрались из воды на сушу?

А она отвечает ему:

— А что же тут удивительного? Раз твой мерин может ожеребиться, то почему рыба из воды не может выбраться на сушу?

Оба спорщика после такого ответа спешились и поблагодарили ее за разумный ответ.

Она пригласила их в дом, угостила, спорщики обменялись бокалами, и жеребенок остался у того, кому он принадлежал по праву.

Между тем муж вернулся из балца. Жена рассказала ему о гостях. Муж выслушал все, рассердился и говорит:

— Почему ты в мое отсутствие устраиваешь такие дела? Я развожусь с тобой!

Жена ответила:

— Разводись, я согласна, но когда ты женился на мне, то обещал дать мне одну драгоценность, которую я у тебя попрошу.

— Что же тебе нужно? — спрашивает муж.

— Мне не нужно никакой другой драгоценности, кроме тебя самого,— сказала жена.

— Да не смилостивится над тобой бог, ты победила меня! — воскликнул муж, и они продолжали жить по-прежнему вместе.

69. Единственный сын бедной женщины Аслан и его жена

Давно-давно жила в одном селе бедная женщина. У нее был единственный сын.

А в те времена жители села отправлялись на заработки в одно определенное место. Однажды единственный сын бедной женщины Аслан сказал своей матери:

— Нана, хорошо было бы и мне поехать туда на заработки. Может быть, и я заработаю для себя хоть что-нибудь.

— Любимый мой мальчик! — говорит ему мать.— Если бы ты уже мог отправляться на заработки в такие места,— что лучшего я могла бы еще желать!

Аслан все-таки не отказался от своего намерения и, получив согласие матери, собрался на заработки. Мать приготовила ему на дорогу пищу, легкую для спины и приятную для желудка, и утром он выступил в дорогу. Прибыв на место, он целыми днями искал работу, но не мог найти. Наконец, он поступил к богатому лавочнику продавцом. Он зарабатывал неплохо, сменил свою одежду на лучшую и матери своей тоже посылал деньги, одежду и прочее.

Аслан был необычайно красив, и девушки засматривались на него. Влюбилась в Аслана и ханская дочь. Она принялась шить для него полный набор одежды и однажды позвала его к себе, чтобы он осмотрел сшитую для него одежду.

Аслан зашел к ней; она одела его в новый наряд и спрашивает:

— Скажи мне, находишь ли ты какой-нибудь изъян в одежде? Я могу сшить тебе новую.

— Никаких недостатков в ней нет,— ответил Аслан,— но только поработай еще, придай ей еще бо́льшую красоту!

Аслан подарил одежду своему товарищу, а ханская дочь принялась шить для него новую. В ханском доме ей недолго было шить; она быстро сделала все и опять позвала юношу к себе, чтобы он примерил свой наряд.

Аслан оделся в то, что она сшила; стал рассматривать свой наряд и так, и этак. Девушка опять спрашивает его, какой недостаток он находит в новом наряде.

— Никакого изъяна в нем нет,— ответил Аслан,— но придай ему еще бо́льшую красоту!

И этот наряд он подарил своему товарищу. Девушка принялась работать изо всех сил, чтобы приготовить своему возлюбленному новый наряд. Она быстро сшила его и опять позвала Аслана. Когда он явился к ней, девушка завела его в свою комнату и поставила перед ним всевозможные кушанья. Аслан поел вдоволь, а затем ханская дочь нарядила его в новый наряд. Этим нарядом она угодила ему, и он стал его носить.

После этого Аслан дал заказ золотых и серебряных дел мастерам, чтобы они изготовили для него сундук. Они быстро исполнили его заказ. Как раз в это время из села Аслана прибыли туда аробщики, и он попросил аробщиков отвезти этот сундук к нему домой. Девушку он попросил, чтобы к ночи она была готова к отъезду. Она приготовилась, и Аслан спрятал ее в сундук. Аробщики уложили сундук на арбу и отвезли его к матери Асла-

на. Сундук запирался изнутри. Мать обрадовалась, что сын ее смог прислать ей издалека сундук. Она поставила его снаружи у двери, при входе в комнату.

Однажды мать Аслана пошла к соседям с веретеном, а дом оставила неприбранным. Когда она ушла, ханская дочь вышла из сундука и убрала дом чисто-чисто. Мать Аслана вернулась домой и стала возносить благодарения неизвестному за то, что он убрал ее дом.

И на второй день повторилось то же.

А однажды мать Аслана сказала, что уходит к соседям, а сама спряталась. Ханская дочь опять вышла из сундука, вымыла полы и только хотела вернуться в сундук, как мать Аслана ухватилась за ее подол; она обрадовалась ей, заключила ее в свои объятия и завела ее в дом со словами:

— Кто это прислал для единственного моего дитяти такого ангела, красавицу?

А в их околотке жил богатый человек, лавочник. Окно его дома было напротив двери Аслана. Однажды этот богач заметил, как ханская дочь убирает комнату; в сердце его возникло вожделение к ней, и он решил:

— Эту невестку я должен отбить для себя.

И стал он предпринимать меры, чтобы отбить ее. Вздумал он написать письмо Аслану якобы от имени матери такого содержания: «Пусть глоток от груди моей станет тебе чумным ядом: она ведь сосет мою кровь, постоянно избивает меня!»

Аслан получил это письмо и не поверил ему:

— Женщина, которую я послал, не такова: наверное, письмо написал кто-то другой, какой-нибудь завистник.

После этого сосед написал еще худшее письмо, но, убедившись, что и оно не возымело на Аслана никакого воздействия, он написал четыре письма, одно вслед за другим. И тогда Аслан поверил письмам; он прибыл на родину, ворвался в дом, схватил свою невесту за руку и выгнал ее за двери, сказав ей:

— Я прислал тебя сюда не для того, чтобы ты оскорбляла мою мать!

Богач узнал об этом и обрадованно сказал сам себе:

— А теперь бог даровал ее мне! Обманным путем я отбил себе замечательную жену.

И тут же приютил девушку у себя дома.

Ханская дочь, невеста Аслана, сказала ему:

— Я должна провести целый год в бане, купаясь и ночуя

там; до этого времени я не могу сойтись с мужчиной, иначе мы можем заболеть сифилисом; таков уж наш род.

Он отослал ее в баню. А мать Аслана все плакала, постоянно царапала свое лицо. Аслан стал разыскивать свою невесту. Он дал себе слово, что, пока ее не найдет, не прикоснется к чуреку.

Однажды ночью ханская дочь решила бежать. Она вылезла через окно бани и в темноте пустилась наутек. Добежала до одного свободного кутана чабанов и нашла там поношенную черкеску и папаху. Она сняла с себя верхнюю одежду, оделась в них и в таком наряде двинулась дальше в дорогу. Дошла она до одного чабана и говорит ему:

— Сестра моя умерла, я продаю ее одежду. Может быть, купишь ее для своей сестры или матери своей?

Чабан сказал:

— Ты просишь денег, а денег у меня нет. Если хочешь, я дам тебе за нее двух баранов.

— Дай мне вместо баранов свои штаны, папаху, рубаху и чувяки,— ответила ханская дочь.

Чабан отдал ей все это, она ушла от него и в одном укромном месте оделась в его одежду.

Прошел год. Богач поехал за девушкой, чтобы привезти ее к себе домой, но не нашел ее в бане и принялся разыскивать ее. Он себе дал слово, что не оставит розысков до тех пор, пока не узнает о ней что-нибудь определенное.

А чабан тоже впал в раздумье и пришел к мысли, что это не мужчина, а красивая девушка, подобной которой нет на свете. Он бросил свою скотину и принялся искать ее, чтобы взять себе в жены.

Ханская дочь в неведомой стране попала к вдове-ведунье и попросила ее:

— Примешь ли к себе, добрая женщина, гостя?

— Гость — божий дар, как мы можем не принять гостя! — ответила она и рассказала:— Завтра у нас состоится избрание царя на семь лет. Весь народ соберется вон на том ровном месте. Над нашими головами пролетит ястреб, и тот, на чью голову он опустится, будет царем.

Наступило утро. На ровном месте собралось народу видимо-невидимо. Ястреб пролетел несколько раз над собравшимися, но ни на чью голову не сел.

— Не все собрались! — проговорил он.

— Араби,— отвечали ему,— нигде никого больше нет; есть еще вон у вдовы-ведуньи гость, молодой человек.

— Скорее приведите и его,— ответил ястреб.

Сама вдова-ведунья отправилась за своим гостем и привела его на народное собрание.

Ястреб покрутился над собравшимися и опустился на голову гостя. Народ приветствовал его криками «ура», как своего царя.

Девушка в облике юноши пришла в замок и обосновалась там.

Однажды она снялась в женском облике и на развилке семи дорог поставила себе памятник. Около него поставила стражу и дала ей наказ:

— Как только кто-нибудь подойдет к памятнику и при виде его начнет сокрушаться, арестуйте его и заключите в тюрьму.

Проходил по дороге человек, похожий на чабана. Как только он заметил памятник, он воскликнул:

— Ах бессовестная, вероломная женщина! Если бы я догадался, что ты женщина, я задержал бы тебя и сделал своей женой. А что теперь я могу сказать? Спаслась ты от меня, не дала оскорбить свою честь!

Стражники в тот же миг арестовали его.

— Какими словами ты поносишь нашего царя? — сказали они и заключили его в тюрьму.

А на другой день по дороге проходил богач. Увидел он памятник и повел о нем такие речи:

— Ты от меня спаслась, а вот все-таки тебя убили!

И его тоже арестовали.

— Почему ты нашего царя считаешь покойником?! — сказали ему и заключили его в тюрьму.

А на третий день проходил по дороге Аслан. Увидев памятник, он заплакал навзрыд и сказал:

— Пусть бог не простит тем клеветникам, которые разлучили меня и тебя!

Его тоже арестовали, сказав:

— Почему ты плачешь над нашим царем, когда он еще жив?

В один из дней привели их к царю для допроса. Первым девушка допросила пастуха и отправила его к его овцам. Затем допросила богача и приказала привязать его за руки к двум неукам. Те его разнесли на части.

Затем она приказала привести для допроса своего мужа Аслана. Она его узнала, а он ее нет. Завела его к себе и спросила:

— Знаешь ли, кто я? Я та, которую ты в полночь выставил за дверь своего дома. А теперь они избрали меня царем. Царствуй ты вместо меня, мы завтра изберем тебя на царство.

Она собрала народ и объявила им:

— Я — женщина, а вот он — мой муж. Что вы скажете, если он будет вместо меня царем?

Народ одобрил ее предложение, а Аслан стал царем той страны. Он приказал доставить к себе свою мать, свое имущество, а также имущество богача. И сегодня они еще живут и поживают.

70. Находчивые гости

Давным-давно у трех братьев в самую страдную пору пропали их лошади. Три брата бросили свою работу и отправились на поиски лошадей.

Сколько времени они искали, ведомо богу, и доехали они до одного села. Так как уже стемнело, они решили заночевать в этом селе, заехали в один дом и остановились там на ночлег. Хозяин дома принял гостей, приветил, угостил их на славу мясом, хлебом и выпивкой, спать их уложили в отдельной комнате.

Гости легли спать, а хозяин дома подослал к ним человека подслушать их разговор.

Один из гостей сказал:

— Хлеб наших хозяев отдавал мертвецким запахом; почему это может быть?

— А мясо имело вкус собачьего,— сказал второй,— а это почему может быть?

Третий сказал:

— А хозяин, будучи из людей белой кости, похож на кумияка, а это почему может быть?

После такого разговора гости заснули.

Те, которые подслушивали их, зашли к хозяину, фусуну, и передали ему то, что подслушали. А тот стал об этом расспрашивать свою мать. Мать сказала ему:

— Хлеб наш отдает мертвецким запахом вот почему. Однажды, будучи в балце, я по дороге сорвала с одной могилы три пшеничных колоса, считая, что они без пользы могут пропасть; зерна я бросила в кучу семенной пшеницы. В этом гости правы.

— А почему же мясо наше имеет вкус собачьего?

— А оно вот почему имеет вкус собачьего мяса. Однажды у нас осиротел один ягненок; пастухи подбросили его кормиться к суке, и он вырос на собачьем молоке, а теперь мы его закололи для них. Гости и в этом правы.

— А почему они находят меня похожим на кумияка?

— А тебя вот почему называют похожим на кумияка. Деверь мой был кумияк; у жены его рождались одни девочки. Однажды у нее родилась дочь, а у меня мальчик, и я отдала тебя ей на кормление, а дочку ее я вырастила. Оттого, что ты вскормлен ее грудью, они находят тебя по внешнему облику похожим на кумияка.

Хозяин дома, фусун, был поражен вопросами своих гостей. Утром он поблагодарил их и сказал им:

— А лошадей ваших я нашел в своих озимых посевах и пригнал их к себе; сейчас они находятся в хлеву.

Он хорошо угостил своих гостей, возвратил им лошадей, и они расстались дружелюбно. Братья были рады находке и в веселом настроении вернулись домой.

71. Гунтасий

Давным-давно жил в одном селе человек по имени Гунтасий *. Никакого добра у него не было, кроме одного быка. Гунтасий надевал на его ноги войлочные сапоги и пас его на сельских нивах. Жители села, проведывая свои нивы, удивлялись:

— Что это за несчастье? След человеческий, а поедает, как бык!

Наняли они караульщиков и поймали на своих нивах быка Гунтасия. Быка они зарезали, а дом Гунтасия сожгли, говоря:

— Он — наш разоритель!

Гунтасий явился к односельчанам и стал умолять их, чтобы они вернули ему хотя бы шкуру его быка. Село уважило его просьбу; отдали ему шкуру. А Гунтасий наполнил ее углем и пошел по улицам, крича:

— Кто примет к себе гостя?

Одна женщина выбежала со своего двора и говорит ему:

— Гость — божий гость, заходи!

— В шкуру моего быка завернуто много червонцев,— сказал

он,— и пусть никто к ней не прикасается. Если кто-либо тронет ее, то червонцы превратятся в угли.

Вскоре после этого хозяйки дома рассорились, стали толкать друг друга, и одна из них упала на бычью шкуру. Гунтасий поднял плач и крик:

— Вот теперь мои червонцы превратились в угли; платите за них червонцами без всяких разговоров!

Хозяева заплатили ему червонцами. Он вернулся домой и пустил по околотку слух:

— Скорее, вон в одном доме за шкуру быка, наполненную углем, дают столько же золота!

Люди стали сжигать свои дома, колоть своих быков и со шкурами быков, полными угля, начали ходить с криком по улицам, предлагая:

— Кто меняет шкуру быка, полную угля, на такое же количество золота?

Ничего не нашли и стали разыскивать Гунтасия, чтобы убить его. Не найдя его самого, убили его мать.

Гунтасий после этого умолял жителей отдать ему тело его матери. Он взвалил его на спину, унес и пошел по улицам верхнего квартала, крича:

— Кто примет гостя?

— Прибежала к нему одна женщина, сказала:

— Гость — божий гость!

Пригласила его самого в дом, а тело матери оставила снаружи, прислонив его к стене.

Они поговорили между собой и после взаимных приветствий Гунтасий сказал одной из дочерей домохозяйки:

— Товарищ мой находится снаружи. Поди-ка, пригласи его в дом, но не говори с ним резко, иначе он умрет, и дело твое тогда будет плохо.

Девушка вышла к товарищу гостя. Товарищ не отзывался на ее приглашение зайти в дом. Тогда она заговорила с ним резко, и он во всю длину растянулся на земле.

Как только Гунтасий увидел это, он вскричал плачущим голосом:

— Я тебя предупреждал, чтобы ты не говорила с ним резко. Ты меня погубила! Теперь я возьму тебя с собой, и пусть меня не винят за это.

Родители ничего не смогли возразить и согласились выдать за него свою дочь.

Гунтасий оставил труп матери у своих хозяев, а дочь их увел с собой. По кварталу пошла молва:

— В верхнем квартале за труп матери дают девушку.

Люди опять поверили Гунтасию и принялись убивать своих матерей: они носили их на спинах в верхний квартал и предлагали их, крича:

— Кто меняет красивую девушку на труп матери?

Ничего не нашли и поймали Гунтасия, чтобы убить его. Заколотили его в ящик, привезли к мосту, а сами ушли, чтобы нарезать себе палок.

Тем временем мимо проходил чабан. Гунтасий стал кричать:

— Нет, нет, нет, не соглашусь, чтобы вы ни делали, я не соглашусь!

Когда крик его дошел до слуха чабана, тот спросил его:

— От чего ты отказываешься? С чем ты не соглашаешься?

— Вот село выбирает меня алдаром,— отвечает ему Гунтасий,— а я отказываюсь, не соглашаюсь.

Чабан ему сказал:

— Ну, давай поменяемся одеждой, и я соглашусь вместо тебя быть алдаром, а ты гони вот отару овец!

Чабан и Гунтасий обменялись одеждой, и Гунтасий с отарой овец вернулся к себе домой. Чабана же он оставил вместо себя, и сбежавшиеся люди, обманутые Гунтасием, палками разбили чабану голову, а труп бросили в реку.

Вечером жители села увидели Гунтасия, когда он по центру села гнал к себе отару овец, и спрашивают его:

— Проклятый богом! Откуда опять у тебя эта отара овец? Откуда ты опять появился, мы ведь бросили тебя в реку?

А он им ответил:

— Это мне подарок Донбедтировых *. Донбедтировы одаряют скотом тех, кто является к ним в большом числе.

Народ опять поверил ему, и люди от мала до велика побросались в реку. В селе остались только слепой мужчина и слепая женщина. Гунтасий сказал им:

— Вот вам два вертела. Подбегите друг к другу, а я пробегу между вами, вы и проткнете меня!

Старик и старуха проткнули друг друга.

Село досталось Гунтасию. И до сегодняшнего дня он живет в здравии со своей женой.

Как вы ничего из всего этого не видели, так пусть не посетят вас ни болезни, ни напасти.

72. Гость и хозяева

Давно-давно в одном доме случилось быть гостю. На ужин хозяева поставили перед ним всякого добра, всякой снеди, всего, чем они располагали. А хозяйка наказала своему мужу:

— Поешь немного, чтобы и гость поел немного, тогда кушанья останутся нам самим.

Хозяин так и поступил; он поел немного и перестал прикасаться к фингу. А гость принялся есть и в скором времени опорожнил финг. После этого он лег спать. Он притворился заснувшим, чтобы узнать, что хозяева будут делать дальше.

Муж сказал своей жене:

— Да не простит тебе бог! По твоей вине я остался голодным. А теперь дай мне чего-нибудь на ужин!

Жене ничего не оставалось делать, и она приготовила пирог с хорошей сырной начинкой. Пирог она засыпала горячей золой в очаге. Когда пирог должен был уже испечься, гость стал потягиваться и зевать, как будто он уже выспался. Подсел к очагу и спрашивает хозяев:

— Почему вы так долго сидите? Я уже выспался. Займем пока время какими-нибудь рассказами.

Он взял щипцы и приступил к своему рассказу с волнением в голосе:

— Нас было четыре брата, и стали мы производить раздел — вот, например, так.— Он указал на пирог в золе и, разрезав его на части, продолжал дальше: — Один из нас проткнул другого вот так,— с этими словами он проколол пирог в золе и смешал его с золой.— Я тоже не стерпел и вот так избил своего брата,— с этими словами гость стал наносить удары по пирогу, и уже нельзя было разобрать, что осталось от пирога.— А затем,— продолжал он,— я попал сюда.

С этими словами гость кончил свое повествование и снова лег спать, но опять подслушивает разговор хозяина и хозяйки.

Хозяин говорит:

— Мы имеем дело с бедовым человеком. Собери для меня остатки пирога в темном месте. Я умираю от голода.

Жена обмыла остатки пирога и положила их в темном месте. Тем временем гость тайком оделся и слушает. Когда в углу послышался стук челюстей хозяина, он соскочил с постели, в темноте, с палкой в руке кинулся в угол и стал наносить хозяину удары палкой, приговаривая:

— Брысь, чтобы тебе погибнуть! Всю ночь не даешь мне спать.

Хозяйка быстро зажгла лампу и стала кричать, причитать:

— Да погаснет очаг мой! Это не кошка! Наш муж это, наш муж! Брось колотить его, а не то его убьешь!

Гость выскочил в дверь и удрал к себе домой.

73. Ханский сын

Давным-давно некий хан женился, но дети у него не рождались. Хан призвал знахарку посоветоваться, и она ему сказала:

— На берегу Черного моря растут деревья; на одном из этих деревьев есть три яблока. Если тебе удастся сорвать одно из них, дай его съесть своей жене и у тебя появятся дети.

Он отправился к берегам Черного моря; сорвал одно яблоко, но оно упало в море, второе тоже. Сорвал он третье яблоко и сумел удержать его в руке. Вернулся домой, дал яблоко жене, и она съела его. Через некоторое время жена хана почувствовала себя беременной. Она родила змею. Змея всегда ползла за матерью, если ее приглашали куда-нибудь. А когда змея сбрасывала с себя змеиную кожу, она превращалась в златокудрого молодого человека. Отец и мать знали это и не горевали.

Прошло много времени, и хан решил женить своего сына-змею. Он засватал за него дочь другого хана.

Шафер стал верхом объезжать людей, приглашать киндзхонов на свадьбу, а ханский сын-змея висел сзади седла.

Сыграли свадьбу. Когда невеста увидела жениха, она огорчилась и сказала:

— Как я буду жить с ним, когда он в змеиной коже?

Однажды жена сказала:

— В эту ночь я буду после мытья расчесывать свою косу и затоплю печь.

Она затопила печь. Пока она расчесывала свою косу, молодой человек, сбросив с себя змеиную кожу, заснул, и жена бросила его кожу в печь. Кожа загорелась, молодого человека подбросило в постели, он стукнулся о потолок и превратился в золотого голубя. Голубь стал летать по комнате, чтобы вырваться из нее и вернуться к морю, так как он был рожден от яблока дерева, которое стояло на морском берегу.

А жена плачет, грызет землю и причитает:

— Я сама сожгла своего мужа!

Наступило утро, а невестка не показывается из комнаты, боится показаться. Тем временем мать и отец велели открыть дверь; золотой голубь вылетел над их головами и улетел на берег Черного моря. Жена исходит плачем, убивается, что так поступила, слезы ее покрыли пол до ее щиколоток.

Мать и отец сказали ей:

— Да не простит тебе бог!

Они снова обратились к знахарке за советом:

— Каким способом нам вернуть своего сына обратно?

А она им посоветовала:

— Отправьтесь вы все трое — и мать, и отец, и жена — к нему на берег моря. Захватите с собой снеди, легкой для спины и приятной для желудка, а для трех гончих собак, которые охраняют его на берегу моря, возьмите три бараньи туши, и, может быть, они допустят вас к тому дереву, от яблока которого он зародился. Сам же он купается в золотом озере и сидит на вершине дерева.

Они дошли до берега Черного моря. По дороге испытали много трудностей. Подбросили трем гончим собакам три бараньи туши, и те дали им дорогу к дереву, на котором сидел голубь. Подошли они к дереву и увидели, как голубь перелетает с места на место.

— Вот он, наш сын,— сказали родители, и золотой голубь тоже узнал их, стал перелетать с места на место и говорить:

— Чем я теперь могу вам помочь? Вы сами меня погубили? От меня вам пользы больше нет!

Ничего им не оставалось делать, и они покинули его. Вернувшись домой, мать и отец стали выговаривать невестке:

— Что мы можем еще поделать? И мы лишились его, и ты!

Жена возвратилась в дом родителей, а мать и отец его, бедняги, остались, плача и рыдая по сыну своему.

74. Бедняк и семь его сыновей

Жил-был бедняк. У него родилось семь сыновей. У подножия горы они ставили в качестве мишени птичий глаз, стреляли в него с равнины и все семеро попадали в него. И все-таки они спо-

рили друг с другом, кто из них самый бравый. Решили они испытать друг друга и выступили в путь-дорогу на свою погибель. Они дошли уже до края света, и в одном месте застала их ночь. На ночь бог привел их к дому семиголового великана. Великан обрадовался и приветствовал их:

— Здравствуйте, добрые гости!

Он завел их в дом, приготовил им на ужин целую тушу оленя и хорошо угостил их. А днем великан отправился на охоту и закрыл за ними железные двери. Они с плачем остались там.

Вечером великан вернулся с охоты. На одном плече он нес тушу оленя, а на другом — целое дерево с ветвями и корнями. Открыл дверь, вошел к ним и говорит:

— Добрый вечер вам, мои гости! Чем вы тут с утра заняты? Почему не отправились на охоту? Почему не позаботились об ужине для себя? Гость — только один день гость. А теперь сейчас же подайте мне ужин!

Гости переглянулись и говорят ему:

— Какой-то бог нас наказал! Какой ужин мы можем тебе подать, когда ты нас запер здесь?

Великан вскочил с места, схватил железный шампур, насадил их всех на него, изжарил на огне костра на одном шампуре и пожрал всех семерых за одну ночь.

Отец их, бедняк, каждый день плакал, горевал по своим сыновьям, но все-таки надеялся на их возвращение со дня на день. А у него была еще одна дочь.

Но однажды вечером, когда ему невмоготу стало от горя, от бесплодного ожидания, он вышел наружу и с сокрушенным сердцем обратился к богу с молитвой:

— О бог богов! Пусть с гор выйдет охотник на охоту, а единственная моя дочь, превратившись в лань, пусть предстанет перед ним!

И действительно, горский охотник выступил на охоту. Дочь бедняка предстала перед ним в облике лани. Охотник выстрелил в нее и попал ей в заднюю ногу. Лань пустилась наутек и скрылась в чаще дремучего леса. Охотник не захотел упустить ее, пошел по ее следам и нагнал, когда она свалилась в изнеможении на землю. Он тотчас прирезал ее, быстро освежевал, мясо сложил на камень, насадил его на шампур и развел большой костер. Шампур отложил в сторону, дожидаясь, пока костер разгорится и даст жар, а сам прилег, и его сломил сон.

А лань ожила и пустилась наутек. Очутившись в степи, она превратилась снова в девушку и направилась прямо домой.

Усталый человек, как бывает обычно с усталыми людьми, не проснулся до самого рассвета. Когда же он на рассвете проснулся, то осмотрелся кругом и видит: нет более ни туши оленя, ни шампура с мясом на шашлык.

— О боже! — испуганно воскликнул охотник.— Я охочусь столько лет, но такого чуда никогда не видел!

Он быстро направился по следам лани. В степи он увидел, что лань стала оставлять человеческий след, и еще больше удивился. След привел его к дому бедняка. Он подошел к дому бедняка как раз в тот момент, когда бедняк вышел из своего дома, и обратился к нему с приветствием:

— Да будет, бедняк, день твой добрый!

— Да найдешь ты, горский охотник, милость божью! — ответил ему бедняк.

— Я прожил столько-то лет,— говорит горский охотник бедняку.— Вчера я вышел на охоту, убил лань, снял с нее шкуру, мясо убрал. На шампур насадил мясо для шашлыка и в дремучем лесу развел большой костер. Дожидаясь, пока костер мой даст жар, я прилег и до утра не проснулся. Сегодня я затемно проснулся. Осмотрелся кругом, но не нашел больше ни шашлыка, ни мяса. Лань сначала оставляла обычный след, когда же она миновала степь, то следы стали человеческими. И вот по свежему снегу след привел меня к твоему дому. А теперь рассуди сам, что это за диво?

Бедняк ему на это говорит:

— Какой след может привести к нам, когда у нас нет ни сына, ни кого другого, кто мог бы выйти из нашего дома? Это не диво, охотник, а диво я тебе расскажу. У меня было семь сыновей. Они заспорили о том, кто из них самый бравый и превосходит всех остальных. Они выехали из дому, и вот уже пошел двенадцатый год, как я не имею о них никаких известий.

— В таком случае, бедняк, зайдем в твой дом! — сказал горский охотник.

Бедняк завел его в дом, и охотник попросил его:

— Приготовьте мне быстро на дорогу такую пищу, чтобы она была легкой для спины и здоровой для желудка!

Приготовили ему такую пищу, и он выступил в путь-дорогу. Достиг он дома семиголового великана. Его самого дома не было. И дров не оказалось в его доме. Горский охотник сложил на ко-

стер все, что он нашел из вещей в доме великана, и перед заходом солнца там горел уже яркий костер.

К вечеру великан возвращается с тушей оленя на одном плече и целым деревом на другом. Он идет и удивляется:

— Что это может быть? Поблизости от моего дома дров нигде нет. И кто в моем доме посмел развести костер, почему он это сделал?

Прибыл великан домой, в сильнейшей злости ударил целым деревом о землю, и оно разлетелось в щепки. Затем он зашел внутрь дома — и пусть ненавистник твой увидит таким свой дом.

— Ах ты, великан-постелеплаватель, навозозадый! — прикрикнул на него горский охотник.— Почему ты в своем доме не оставил дров? Разве ты не знал, что тебя может посетить гость? Сейчас же чтоб был готов для меня ужин!

Чтобы приготовить для него ужин, великан разрубил тушу оленя на части и мясо побросал в ушат. Когда мясо сварилось, великан наделил горского охотника долей человека, а он откусил от мяса два раза, а остальное бросил под скамейку и говорит великану:

— Наложи-ка мяса побольше. Что ты мне положил кошачью долю!

Великан испугался и выложил перед ним половину туши оленя. Из этого мяса охотник часть ел, другую бросал за дверь, третью — под скамейку. Так он съел полтуши оленя и опять прикрикнул на великана:

— Дай мне еще, я умираю с голоду!

Великан положил перед ним еще мяса. Горский охотник наелся. Великан был сильно напуган им. На ночь они улеглись спать. Утром великан собрался идти на охоту и хотел запереть горского охотника, но тот набросился на него и швырнул его с размаху. Великан сломал правую руку и взмолился:

— Не убивай меня, а я тебе возвращу тех, кого ты ищешь!

Горский охотник разрезал правый мизинец великана, вынул оттуда семерых сыновей бедняка и сказал им:

— Я дал ему слово, но вы сами отомстите за себя!

И семь братьев изрубили великана на месте. Они забрали с собой его огромное богатство, вернулись в дом своего отца-бедняка и отблагодарили горского охотника, который их спас. Тот вернулся к себе домой, а братья принялись за работу в доме отца своего. Там они живут и поживают в добре и по сегодняшний день.

75. Бык Отуга

Бык Отуга * был такой, что голова его находилась в Баксанском ущелье *, а зад — в Небесном ущелье *.

Однажды напал на него орел, поднял его в своих когтях и понес. Он опустил его на гору и прикрывал его, так как боялся, что на него нападут волки. Потом орел решил, что здесь не место для быка, поднял его снова в своих когтях, носил его, носил, а затем решил опуститься с ним где-нибудь и растерзать его там. Он садился с ним на вершину дерева, но дерево не выдерживало их тяжести. Тогда он решил лететь с ним в степь, чтобы там уж непременно растерзать его.

И отнес он его в своих когтях на Кумскую равнину *. Носил его, носил, но не мог найти удобного места, где бы ему сесть вместе с ним. Наконец вдали он завидел чабана, который пас отару овец. У этого чабана в отаре был козел-вожак. Орел вместе с быком опустился на его рога и положил на них быка. Козел даже не почувствовал ничего, продолжал пастись. Орел стал терзать быка. Он растерзал бы его, но пастуха застал ливень. Боясь, что дождь будет ему досаждать, он забежал под бороду козла-вожака. Дождь прошел, прояснилось, чабан высунулся из-под бороды козла, посмотрел наверх, и в это время в глаз его попала плечевая кость быка. Он почувствовал, что в глаз ему что-то попало, и стал тереть его, но ничего не нашел и оставил глаз в покое.

Вечером чабан пригнал свою отару домой и запер за овцами ворота. Зайдя в дом, он снял с себя ружье и прочее снаряжение и убрал их.

У чабана было три дочери. Он обращается к младшей из них:

— Ну-ка, дочь, что-то мне попало в глаз. Поищи, что там так сильно беспокоит меня.

— Ничего я в нем не вижу,— отвечает дочь,— но глаз покраснел: наверное, ты его растирал.

Отец прикрикнул на нее:

— Разве ты так найдешь? Разденься, залезь в глаз и поищи!

Дочь не разделась, а, засучив рукава, вытащила из глаза отца плечевую кость и попрекнула его такими словами:

— Увы, баба! Какой ты большой трус! Кость не больше волосинки, а ты целый день растирал глаз и довел его до красноты!

— Покажи-ка, что так сильно беспокоило меня,— отвечает ей отец,— посмотрю на эту кость!

Она подала ему плечевую кость. Он рассмотрел ее и швырнул:

— Тьфу ты, проклятая! Эта маленькая кость замучила меня!

На плоской стороне плечевой кости проросла трава. Алдар случайно набрел на нее и сказал:

— Это прекрасное место, чтобы поставить на нем село.

И на плоской стороне плечевой кости обосновалось село в двести дворов. А через некоторое время лиса почуяла кость и прорыла в ней ход под землей. Она грызла пористую часть плечевой кости, и село колебалось, а жители в страхе говорили «Землетрясение!» и устраивали кувды, резали на кувды быков.

Но какого-то человека осенило, и он сказал своим односельчанам:

— Постойте-ка, землетрясения же не бывают постоянными. Ну-ка, обследуем нашу землю!

Когда обследовали землю, нашли лисью нору и решили:

— Мы нашли лисью нору, и теперь необходимо подстеречь лису, а для этого каждый двор должен выставить по одному человеку.

От каждого двора вышло по одному человеку. Они подстерегли лису и ночью убили ее. Двести человек сняли у лисы шкуру с одного бока, а перевернуть ее на другой бок не смогли, и эта половина шкуры осталась на лисе неснятой. Двести человек поделили полшкуры лисы, и каждому из них досталось на папаху. Они вернулись в село по своим домам.

А в селе проживала вдова со своим мальчиком. Она ругалась с ними:

— Почему вы не дали доли моему мальчику? — говорила она.

Один из молодых людей сказал ей:

— Мы содрали только одну половину шкуры лисы! А у тебя разве нет рук? Сдери другую половину ты сама!

— А почему вы бросили ее, не содравши? — донимала их она.

— Мы потому ее бросили, не содравши, что двести человек не смогли перевернуть лису на другой бок. Не для тебя ее, конечно, оставили.

Вдова пошла к убитой лисе, перевернула ее на другой бок, содрала полшкуры с убитой лисы и вернулась домой. Дома она измерила полшкуры лисы по голове мальчика своего, и не хватило четырех пальцев на папаху сыну.

Она удрученно сказала:

— Как мальчик будет носить такую папаху, стыдно ведь!

Осмотрелась кругом и заметила в одной роще группу охотников на лису. Она бросилась бежать к ним, добежала и приветствовала их:

— День добрый!

— Что ты хочешь, что тебе нужно? — спросил ее старший из охотников.

— Так и так, подарите мне, душа моя, лисью шкуру, если у вас есть. Я — женщина!

Старший охотник рассердился на нее и говорит:

— Что же мы можем подарить тебе, если с утра ничего не находим и пропадаем от холода?

Затем он спрашивает ее:

— А откуда у тебя эта лисья шкура?

Женщина рассказала старшему охотнику все как было.

— А ты обладаешь такой силой, что перевернула убитую лису с одного бока на другой?

— Перевернула ее,— говорит она,— одной рукой.

— А если ты такая сильная, то стащи-ка с ноги моей чувяк,— и он протянул к ней свою ногу.

Она сняла чувяк с его ноги, и он говорит ей:

— Если уж ты такая сильная, то залезь-ка в чувяк мой!

Он заставил ее войти в свой чувяк и надел его на ногу. Когда чувяк оказался на ноге, он засвистел своим борзым собакам и сказал своим товарищам:

— Идем, тут нам больше нечего делать!

Они пробродили еще до вечера, а потом каждый из них отправился домой.

Старший охотник вошел в свою комнату и говорит своей жене:

— Сними-ка с моих ног чувяки!

Та сняла его чувяки, и из одного чувяка выскочила женщина.

— Видишь, я принес тебе женщину, которая будет работать вместо тебя,— говорит муж.— Ты считаешь меня малосильным, но спроси эту женщину, какой я малосильный. Какой подвиг она совершила: перевернула одной рукой на другой бок лисицу, которую не могли перевернуть двести человек! А я принес ее тебе вот сейчас в своем чувяке. Почему же в таком случае ты

бесславишь меня? На свете, я думаю, не будет равного мне по силе.

Жена его расхохоталась во весь голос и говорит ему:

— Не считай себя непобедимым силачом! Если будешь искать силача сильнее себя, то найдешь его.

Муж почувствовал себя оскорбленным и сказал жене:

— Если на свете есть силач сильнее меня, то я покидаю тебя!

И он сейчас же выступил в путь искать силача сильнее себя. Шел он, шел, и бог навел его на великана, у которого на одном плече была оленья туша, а на другом — целое дерево с корнями и ветвями.

— Дорога твоя да будет прямой, бравый молодой человек! — приветствует его великан.— Куда ты путь держишь?

— Да будет дело твое правое! — отвечает тот.— Иду, чтобы найти силача сильнее себя, и буду идти до тех пор, пока не встречусь с ним.

— А если ты такой силач, то подожди меня! — говорит ему великан.

Он остановился, подождал великана. Тот подошел и засунул его в свой карман. Но он прорезал в кармане великана дыру, соскочил на дорогу и опять пошел дальше по своей дороге, а великан ничего не заметил.

Идет силач дальше и встретился с другим великаном, братом первого.

— Да будет путь твой прямой, бравый молодой человек! — приветствует его тот.

— Да будет дело твое правое! — отвечает силач.

— Куда идешь?

— Иду искать силача сильнее себя.

— И никто тебе еще не повстречался?

— Нет,— ответил силач.

Великан схватил его и сунул в свой карман. Силач проделал и у него в кармане дыру и соскочил на дорогу. Этот великан тоже ничего не узнал. А силач снова идет дальше по своей дороге, и встретился ему третий великан, старший из трех братьев.

— Да будет путь твой прямой, бравый молодой человек! — приветствует силача старший великан.

— Да будет дело твое правое! — отвечает ему силач.

— Куда идешь? — спрашивает великан силача.

— Иду искать силача сильнее себя,— отвечает силач.

— И никто тебе еще не встречался?

— Нет,— сказал силач.

У великана дрогнуло сердце, он бережно взял силача и зажал в руке, а затем из грудного кармана достал кошелек, положил силача туда и вернулся домой.

Три великана развели костер и в трех котлах сварили три оленьи туши.

У великанов была мать. Младший великан говорит ей:

— Матушка! Вот для твоей забавы я принес мальчика, полюбуйся на него!

Он сунул руку в карман свой и...

— Увы! — говорит он,— мой карман продырявился по твоей вине, и он выпал по дороге.

— Ты ничего не можешь уберечь! — говорит второй великан.— Я его принес — вот!

Он сунул руку в карман, ничего не нашел и говорит своей матери:

— Увы, матушка! И у меня карман бешмета дырявый. Он выпал из кармана по твоей вине, иначе ты могла бы благодаря ему проводить жизнь свою весело.

Тогда старший великан говорит своим младшим братьям:

— Вы еще молоды и должны молчать, если сами небрежны. Смотрите: вот я его принес!

И он подал его матери. Мать их от восторга лишилась сна.

— Благодарение богу! — говорила она.— Сыновья все время бродят, дома не бывают, и теперь у меня есть собеседник, с которым можно коротать время в разговорах.

Утром сыновья ей сказали:

— Нам нужно еще побродить и молодого человека мы забираем с собой. Один из нас направляется на вершину Уарпа *, другой — на вершину Уазы *, а третий — на вершину Кариу *, и там мы будем им забавляться: дуновением своим мы будем перебрасывать его друг к другу.

Мать не отдала его сыновьям, и тогда старший сын предупредил ее:

— Это — такой народ, что если ты не сумеешь спрятать его, то он у тебя сбежит.

Мать прятала его под сапеткой, прятала его и под решетом, но он убегал.

Затем на старуху напал сон, и, боясь, что силач сбежит, она

положила его в свой наперсток, наперсток надела на свой палец и уснула, положив руку под изголовье.

Силач ножичком стал царапать в наперстке, продырявил его, вылез оттуда и пустился бежать, чтобы добраться скорее до дому. Утром мать великана, не найдя силача в наперстке, пустилась за ним в погоню и напала на его след. Она нагнала было его, но он повстречался в степи с неким однoруким, который вез на двенадцати арбах соль, пристегнув их к единственной своей руке, и обратился к нему:

— Меня преследуют, чтобы съесть. Прибегаю к твоей помощи, отдаюсь под защиту матери твоей и отца твоего!

— Не бойся! — говорит ему однорукий.— Залезай на арбу и спрячься между мешками!

Однорукий шел впереди, таща за собой соли двенадцать арб, и в то же время он мял воловью кожу на чувяки.

Мать великанов добежала до него и спрашивает:

— Не встречался ли тебе путник?

— Не видел и не встречал никакого путника,— отвечает он ей.

— Как же ты не видел его, если он бежал по этой дороге?

— Никого я не видел.

Она набросилась на однорукого, и они схватились. Бились они, бились в схватке, и однорукий одолел ее, подмял под себя, а сам обращается к силачу:

— Слезай скорее, чтобы покончить с ней!

Силач слез с арбы, и однорукий говорит ему:

— Действуй быстро. Надо раздобыть веревку. Развяжи мой учкур и оторви от моего зада одну волосинку, чтобы мы связали ей руки и ноги!

Он развязал учкур штанов однорукого, ухватился за одну волосинку, но не мог ее вырвать. Тогда сам безрукий, придавив женщину коленом, протянул руку назад и сам вырвал волосинку. Этой волосинкой он связал женщину по рукам и ногам и спрашивает ее:

— Ну вот, что ты еще в силах сделать? Что ты орала?

Она подумала некоторое время, а затем говорит ему:

— Освободи меня, а то у меня есть такие сыновья, которые погубят тебя со всем родом твоим!

— В таком случае я найду тебе место,— сказал ей однорукий. С этими словами он закружил ее и швырнул так, что она очутилась в центре моря. Там она и погибла.

После этого безрукий спрашивает силача:
— Ну, кто ты, из какого рода?
— Я — бедняк,— сказал он,— вот так и так...
И он рассказал ему, как было дело.
Однорукий на это ему и говорит:
— Почему ты так поступил? Людей, мужественнее один другого много. Есть и коней много, один быстроходнее другого; много есть и быков, один лучше другого. Как ты на это решился? Но я лучше расскажу свою историю. Нас было двенадцать братьев. Из двенадцати я был малосильнее всех. Мы все были силачи и занимались скотоводством. И силы у нас всех было в два раза больше, чем у меня теперь,— у меня не осталось и половины. И вот наш старший брат решил, что для нашей скотины необходимо достать соль. Чтобы привезти соль, мы сделали по двенадцать арб для каждого из братьев, так, чтобы их можно было тащить одной рукой. Так мы и выехали на соляные копи, и вывезли соли по двенадцать арб каждый. Единый бог, создатель мира, направил нас по безводной пустыне. В дороге застала нас жара, и мы нашли от нее убежище в черепе лошади. Мы заблудились в этом черепе и никак не могли найти выхода из него. Какая-то собака подошла к черепу, схватила его и принесла в свой двор. А в доме была молодуха. Рано утром она вышла с лопатой и метлой, чтобы вовремя подмести двор, увидела череп и сказала: «Пережить тебе всех нас, собака наша, которая не оставляет в степи даже старые кости и таскает их сюда!» И она лопатой подняла череп и сбросила с высокого горного обрыва, который находился вблизи их дома. Одиннадцать моих братьев были убиты, из двенадцати спасся только я один, но зато сделался одноруким. Вместе с этим я лишился и половины моей силы. Вот ты меня видишь: пойми, что та молодуха, которая сбросила нас вместе с черепом с обрыва горы, была сильнее нас. Я в этом убедился на собственном опыте, а братья мои погибли. И в другой раз не поддавайся обману: много есть коней — один быстроходнее другого, много и быков — один лучше другого, много есть и людей — один сильнее другого. А теперь чего ты хочешь? Хочешь ли ты или нет попасть домой? — спрашивает однорукий силача.
— Конечно, я хотел бы еще попасть к себе домой, но у меня на это нет надежды.
— Тогда стань на мою ладонь, и я сделаю так, что ты очутишься дома,— сказал ему однорукий.

Тот встал на ладонь однорукого, однорукий дунул на него насколько хватило силы, и искатель силы очутился у ворот своего дома.

Однорукий же после этого спокойно отправился домой.

76. Бедняк и три его сына

Некий бедняк жил недалеко от города. Он был женат и имел трех сыновей, а из имущества у него было два быка с арбой. Бедняк собирал валежник в лесу, доставлял и продавал его в городе. Этим он содержал свою семью.

Однажды один из мальчиков стал просить отца:

— Возьми и меня с собой, чтобы я смотрел, чем ты занимаешься, и научился твоему делу.

Отец взял его с собой в лес и стал собирать дрова, а мальчик озирается кругом: видит, на вершине дерева в гнезде сидит курица.

— Поймай для меня эту курицу! — стал он просить своего отца.

— Пока мне не до нее,— отвечает тот.— Я наполню свою арбу дровами, и если еще будет время, то поймаю ее, но только в том случае, если она подойдет к нам близко.

Отец нагрузил полную арбу дров и взобрался на дерево, но курица улетела, оставив в гнезде одно яйцо. Он взял его и слез с дерева. Мальчик взял у отца яйцо и стал радоваться ему, забавляться им.

Они отправились в город, чтобы продать яйцо. Отец поручил сделать это мальчику, а сам отлучился на время. Мальчик продолжал забавляться яйцом. В это время подходит к нему какой-то торговец и спрашивает:

— Не продашь ли яйцо свое?

— Почему нет? — отвечает мальчик.— Продаю его.

— Сколько же ты за него хочешь?

— Сколько ты сам мне за него дашь?

— Если я полы твоего бешмета наполню деньгами, то не отдашь ли его мне?

— Почему не отдать? Отдам,— сказал мальчик.

Торговец повел мальчика к себе, наполнил полы его бешмета деньгами и получил яйцо.

Тем временем подошел и отец. Увидев деньги, он очень обрадовался:

— Вот сколько теперь у меня денег!

Спрятал деньги и поспешил домой.

Прошла ночь. Утром бедняк опять отправляется в лес собирать дрова.

Торговец же явился к его жене домой и сказал ей:

— Скажи своему мужу, чтобы он поймал ту самую курицу, чье яйцо я вчера купил, и я дам ему денег три полных ослиных поклажи.

Наверное, он привлек жену бедняка на свою сторону.

— Хорошо,— сказала она.— Если он эту курицу поймает, то она будет твоя.

Вечером муж вернулся домой, и жена ему сказала:

— У тебя есть возможность освободиться от своей работы по продаже валежника: поймай ту курицу, и торговец тебе даст три полных ослиных поклажи денег.

Ночь прошла. Утром бедняк спозаранку отправился в лес. Курица сидела на вершине того же дерева в своем гнезде. Бедняк подкрался к ней и поймал ее. Спустился с нею с дерева, связал ей ноги и положил ее в арбу, а арбу свою нагрузил дровами. Дрова он отвез в город и продал их, а курицу привез домой.

Ночь прошла. Утром бедняк снова спозаранку отправился в лес, а торговец опять заявился к его жене и спрашивает:

— Куда делась курица, поймал ли он ее?

— Поймал,— отвечает она.

— Ладно,— говорит торговец,— в таком случае ты возьми и свари ее целиком. Я отправлюсь на базар, но чтобы до моего прихода она была сварена без изъяна, целиком, как есть.

— Ладно,— сказала жена бедняка.

Она зарезала курицу, ощипала ее, сварила, выложила ее на тарелку, отнесла и прикрыла корытом, а сама вышла на улицу и сидит у ворот своего дома.

Мальчики ее тем временем проголодались и не знают, чем утолить свой голод.

— Дверь заперта, что нам делать? — ведут они разговор между собой.

И один из них предложил:

— Пусть один из нас спустится по дымовой трубе в комнату.

Так и поступили: одного из них спустили на веревке через дымовую трубу, и он подал наверх по веревке голову, зоб и ножки курицы. После этого мальчики подняли его обратно и ушли. Старший съел голову курицы, средний — зоб, младший — ножки.

Тем временем явился торговец и спрашивает жену бедняка:

— Куда девалась курица?

— Вон она, уже сварена,— говорит она.

Вынесла к нему сваренную курицу. Торговец увидел, что при ней нет головы, зоба и ножек, и спрашивает ее:

— Куда они делись?

— Наверное, дети спустились в комнату по дымовой трубе и съели их.

Торговец швырнул курицу в сторону и говорит:

— Что было в ней ценного, того уже нет. Теперь ешь ее сама!

Встал и ушел.

Ночь прошла, а утром бедняк опять уехал в лес. Торговец снова явился к его жене и говорит:

— Попроси своего мужа, чтобы он зарезал своих сыновей, и я привезу к вашим дверям три арбы червонцев.

— Попрошу,— отвечает жена бедняка,— пусть только вернется вечером домой.

Торговец ушел. Вечером муж ее, бедняга, вернулся домой, и жена говорит ему:

— Есть возможность зажить хорошей жизнью: торговец предлагает три арбы червонцев, если ты согласишься зарезать наших сыновей.

Бедняк, сказывают, расхохотался, потом зарыдал и сказал:

— Да не простит бог ни ему, ни тебе! Я взрастил их и для себя, и для тебя тяжелой работой. Как я теперь могу продать их за деньги? И до сих пор у меня не было денег, и теперь мне они не нужны!

Утром он опять уехал в лес по дрова. Торговец опять явился к его жене, и она ему говорит:

— Он отказывается зарезать своих сыновей, и я ничего с ним не могу поделать.

— Я вам привезу четыре воза червонцев,— говорит торговец,— пусть он их зарежет.

Он стал приходить к ней ежедневно и довел плату до пяти возов червонцев. Жена доняла бедняка, и он сказал ей:

— Да не простит тебе бог! Я их не зарежу. Поручи зарезать их тому, кому хочешь.

Когда сыновья узнали о том, что их должны зарезать, они решили бежать из дому.

— Бежим,— сказали они,— иначе нас обязательно зарежут!

С головой же, зобом и ножками курицы дело обстояло так: съевший голову должен был сделаться царем, съевший зоб, сколько бы раз ни засыпал, столько раз мог доставать из-за пазухи сто туманов, съевший ножки должен был сделаться старшим банщиком.

Они выступили в дорогу. Шли, шли и сколько раз средний брат засыпал, столько раз из-за пазухи он вынимал сто туманов. Дошли они до развилки трех дорог и решили:

— Отсюда мы пойдем по разным дорогам.

Каждый из них направился дальше по своей дороге, и старший брат попал в некий город. Видит: площади полны народу. Он остановился у одной женщины. Она его накормила, и он ее спросил:

— Почему собрались все эти люди?

Она ответила ему:

— Умер царь, и они избирают себе нового царя. А избирают его так: у них есть голубь; на чью голову он сядет, тот должен быть царем. Они собираются уже не первый раз, но голубь ни на чью голову не садится, поэтому им приходится стоять и стоять на сходе.

Люди собираются и собираются, но голубь все не садится ни на чью голову. Тогда они послали оповестить:

— Если где-либо есть еще живая душа, какой-либо человек, то он должен явиться на выборы царя.

— Нигде больше никого нет,— сказали посланцы,— только у одной женщины остановился какой-то бедный человек.

— Пошлите за ним и приведите его!

Послали за ним, привели его и предложили ему стать среди людей, собравшихся на избрание царя. Выпустили голубя; он полетал, покружил-покружил над собравшимися и наконец сел на голову того молодого человека. Люди были поражены, как громом.

— Этого и в чабаны никто не наймет,— говорили они между собой.— Как мы можем поставить его царем над собой?

Собрались они и на второй день всем обществом; опять выпустили голубя. Голубь летал, летал над головами собравшихся,

а затем опять опустился на голову того же молодого человека. Но и в этот день царь не был избран. Люди поклялись так:

— Мы изнемогли от собраний, и на чью бы голову голубь ни сел завтра, пусть тот и будет царем!

Ночь прошла. Когда наступило утро, люди вновь собрались. Выпустили опять голубя, и он опять сел на голову того же молодого человека, старшего сына бедняка.

— Ничего не поделаешь! — решили люди.— Наверное, такова воля божья. Пусть он будет царем, а если окажется негоден, мы его сменим.

И посадили его на место прежнего своего царя. Таким образом старший брат, сын бедняка, сделался царем.

Средний брат тоже направился по своей дороге и прибыл в один город. Остановился у одной женщины и спросил ее:

— Кому принадлежит власть над этим городом?

— Власть над этим городом принадлежит женщине-царице,— ответила она.

Он стал жить у этой женщины. К царице часто приходили люди, и он спросил женщину, у которой жил:

— К вашей царице часто приходят люди. Почему они к ней ходят?

Она ему объяснила:

— Царица наша играет в карты, и к ней приходят играть. Другого ничего нет.

— Пойди к ней и спроси,— сказал он ей.— «Гость хочет играть с тобой в карты. Примешь ли ты его или нет?»

Женщина пошла к царице и спросила ее:

— У меня есть гость. Примешь ли ты его играть с собой в карты?

Царица ей ответила:

— Дело в деньгах. Пусть он несет деньги, кто бы он ни был!

Женщина вернулась и передала ему ответ царицы. Утром он пошел к царице и сел с ней играть в карты. Играют, играют, царица его обыгрывает, а у молодого человека деньги не переводятся.

Царица подумала: «У него есть какой-то секрет, иначе не может быть».

Однажды она приготовила к его приходу закуску и сказала ему:

— Ты здесь играешь со мной в карты вот уже сколько вре-

меня, но еще ни разу не отведал моего хлеба-соли. Прошу тебя, закуси со мной!

Сели они за стол и принялись за еду, а заодно и выпивали. Царица подавала ему выпивки, как мужчине, и он опьянел. Стало его рвать, и зоб, который он съел, вылетел обратно целиком. Царица схватила его, вымыла и проглотила, а сама послала сказать женщине:

— Твой гость опьянел, отведи его к себе домой!

Женщина послала за ним человека и велела привести его к ней в дом. Когда его доставили в дом, она вымыла его, и через некоторое время он пришел в себя. Он засыпал по-прежнему, но ста туманов больше не появлялось, а ничего другого у него не было. Стал он сокрушаться и говорить себе:

— Я сам искал себе гибели и погубил себя! Мне не на что больше жить, пойду теперь и брошусь где-нибудь в реку!

С таким намерением он вышел из дома приютившей его женщины и направился по дороге. Шел он, шел, и в одном месте повстречались с ним три ссорившихся между собой черта. Он смотрел на них, не сводя глаз, и удивлялся: черти рвут друг друга! Наконец он подошел к ним и говорит:

— Да возрадуетесь!

— Да будет добрым твое дело! — отвечают ему черти.

— Что с вами, из-за чего вы так яростно деретесь!

— Мы делимся и никак не можем разделиться.

— Что же у вас есть для дележа?

— У нас ножичек. Если ты его положишь на стол, то стол тотчас окажется накрыт любыми яствами, какие только существуют под небом. Есть у нас и ковер: если ты на него сядешь, то окажешься там, где только сердце твое пожелает. И третье: у нас имеется шапка-невидимка; если надеть ее на голову, то сам ты будешь видеть людей, а тебя никто не увидит.

— Ладно,— сказал он им,— если вы хотите, то я разделю эти вещи между вами.

— Если ты сможешь разделить их между нами, то это будет во спасение души твоей.

— В таком случае сделайте вот что. Идите и перевалите через семь горных перевалов. Оттуда скачите сюда, и тот, кто добежит первым, получит право первым взять из трех вещей одну; тот, кто прискачет после него, воспользуется правом взять вторую вещь; тот, кто отстанет и прискачет последним, получит оставшуюся.

Черти вручили ему шапку-невидимку, ковер-самолет и ножичек, а сами ушли за семь перевалов, чтобы оттуда начать скачки. Только они удалились, он сел на ковер-самолет и, обращаясь к богу с молитвой, сказал:

— О боже, пусть ковер с твоей помощью доставит меня в город царицы, откуда я вышел!

И действительно, он очутился в городе женщины-царицы. Наверное, и черти прискакали из-за семи горных перевалов, но ничего не нашли и успокоились — больше им ничего не оставалось делать.

А второй брат, сын бедняка, надел на голову шапку-невидимку, ковер взял под мышку и встал при выходе из комнаты женщины-царицы.

Царица вышла из комнаты, и, когда она ступила на ковер, он обратился к богу с молитвой:

— О боже! Посреди моря есть остров, на том острове растет грушевое дерево. Сделай так, чтобы мы очутились там!

И действительно, они очутились там. Он снял свою шапку-невидимку, и женщина-царица увидела, что находится на острове одна с мужчиной.

Они остались под деревом. Живут, по ковру не доверяют: ни он, ни она не сходят с него. Когда они вынимают ножичек, то перед ними появляется всякая снедь и всевозможные напитки.

А однажды царица (ведь женщина — чертовка!) вздумала выпить. Они стали пить, и молодой человек таким же манером споил ее. Ее вырвало, и изо рта ее выпал зоб. Молодой человек быстро обмыл его, бросил себе в рот и проглотил.

Они продолжали выпивать дальше, сидя на ковре. Молодой человек заснул у края ковра. Женщина-царица откатила его с ковра, а сама обратилась к богу с молитвой:

— О боже, помоги мне очутиться снова в своем доме!

И вместе с ковром она очутилась у себя дома. А молодой человек остался под деревом. Он рыдал, но не находил средства, как ему переплыть море. Ножичек остался у него, и в пище он не нуждался.

Так он сидел да сидел в одиночестве. Но однажды на дерево сели три горлицы. Смотрят они с дерева на молодого человека и волнуются.

— Что еще с этим человеком дальше будет? — говорит старшая из них. — До каких пор он будет сидеть здесь?

— Нет ли для него какого-либо средства? — спрашивает средняя горлица.

А младшая отвечает:

— Почему нет? Средство есть, но он его не знает.

— Какое же есть для него средство? — спрашивают ее те.

— На верхушке дерева есть одна прямая ветка,— отвечает младшая,— пусть он ее срежет и сделает из нее палку. Когда он положит палку на воду, она превратится в мост. По этому мосту он перейдет на сушу, а затем притронется к мосту, и он снова превратится в палку в его руке.

Молодой человек выслушал их разговор, достал ножичек и срезал ветку. Сделал из нее палку, положил палку на воду, и она превратилась в мост между островом и берегом моря. Он перешел по мосту на сушу, затем притронулся к нему пальцем, и мост превратился в палку. Он снова вернулся в город царицы, решив про себя:

— Я должен непременно отомстить этой женщине.

Надел он на себя шапку-невидимку, захватил с собой свою палку и снова встал у двери царицы, ожидая ее выхода. Когда она вышла к дверям, он сказал ей:

— Превратись в ослицу!

И она превратилась в ослицу.

Однажды к среднему брату обратился с просьбой какой-то человек:

— Дай мне свою ослицу для работы!

Он отдал ему ослицу, но предупредил:

— Бери ее, но не потеряй! Если ты ее потеряешь, то ответишь своей головой!

Тот погнал ослицу и работал на ней.

Но у ослицы ум остался человеческий. И вот однажды она решила: «В одном месте есть царь, владеющий большой страной. Пойду-ка я к нему: может быть, он найдет какое-либо средство, чтобы вернуть мне человеческий облик».

Она явилась к этому царю. У царя был колокольчик, в который надо было позвонить. Ослица подошла к колокольчику, ткнула его своей мордой и позвонила царю. Царь приказал слугам:

— Выйдите, посмотрите, кто это звонит?

Слуги вышли, но там, кроме ослицы, никого не было. Вернулись они к царю и доложили ему:

— Никого нет!

Ослица позвонила таким же образом второй раз. Царь снова приказывает слугам:

— Выйдите, там кто-то есть, не ветер же звонит в колокольчик!

Слуги вышли на звонок второй раз и видят, что у дверей стоит та же ослица. Они вернулись к царю и доложили ему:

— Кроме ослицы, там никого нет.

— Она тоже принесла какую-нибудь жалобу,— сказал царь,— зря она не будет звонить. Выйдите-ка к ней и дайте ей сначала хороший корм, ухаживайте за ней, а когда явится ее хозяин, то приведите его ко мне.

Тем временем средний брат послал к человеку, которому он отдал ослицу на временную работу, и просил его привести ему ее обратно. Тот бросился искать ее, долго искал и наконец нашел ее у царя. Слуги царя привели его к нему.

— Почему ты так наказал ослицу? — спросил его царь.

— Ослица не моя,— ответил тот,— она принадлежит другому лицу, я ее не наказывал.

Царь написал письмо и приказал ему:

— Отправляйся с этим письмом и доставь сюда этого человека!

Он доставил письмо хозяину ослицы, и средний брат без промедления явился к царю. У них завязалась беседа, и оказалось, что они — братья. Они обрадовались друг другу и радовались долго — им уже не до ослицы было.

Однажды они пошли купаться, и ослица оказалась около них.

Старший брат, царь, спрашивает у среднего брата:

— Почему ты так жестоко наказал эту ослицу, разве тебе не жаль ее?

— Ей так и надо! — ответил тот и рассказал ему о своих злоключениях.

Царь его выслушал и предложил ему:

— Довольно ей страдать! Верни ее в прежнее ее состояние!

Тот слегка ударил ослицу палкой, и она снова превратилась в женщину.

Перед тем как отправиться в дорогу, женщина сказала среднему брату:

— Если ты будешь хвастаться, то похвали и меня!

— Задержим ее! — сказал старший брат среднему.

Но тот отказался и сказал:

— Она и так была в моем распоряжении!

И женщина-царица удалилась в свой город.

Младший их брат сделался начальником горячих источников и тоже невзначай встретился с ними. Они узнали друг друга. Что и говорить, они были рады друг другу.

Они поселились в одном месте. У старшего была жена, у младшего тоже, и они предложили своему среднему брату:

— Иди и найди себе жену!

У того не оставалось иного выхода. Сел он в свою повозку и отправился в дорогу. Ездил он много дней, но бесполезно: нигде не находил себе невесты.

Однажды он попал на берег какой-то реки, распряг своего коня, чтобы дать ему отдых, и сам решил отдохнуть. Видит, на берегу какая-то женщина стирает белье, а около нее сидит ее дочь. Он сел и наблюдает за ними. Мать что-то сказала дочери. Та залилась слезами и из глаз уронила драгоценный камень.

Затем она улыбнулась, и из уст ее посыпались цветы уарди. Средний брат разволновался, девушка ему понравилась, и он решил засватать ее.

Он оставался на берегу до вечера. Когда свечерело, женщина ушла домой. Он проследил, в какой дом вошла она со своей дочерью, и предложил своему вознице:

— Зайди и скажи той женщине: «Нас застала в дороге темнота, не дашь ли нам приют?»

Он передал ей, что ему поручили. Женщина сказала:

— Как же я не приму гостей! Заведите свою повозку, распрягайте ее, мы вас встретим хлебом и солью!

Они заехали во двор, распрягли свою повозку и вошли в дом. Сели там, и средний брат сказал хозяйке:

— Не знаю, что мне делать, как быть! Я — бедный человек. Я увидел у тебя девушку, дочь твою, и мне захотелось породниться с тобой.

Поговорили, и она ему сказала:

— Я тебе не скажу «нет». Если ты желаешь породниться, то я согласна.

Сватовство состоялось. Он прожил там долгое время, а затем надумал ехать домой. Женщина подарила ему много добра, запрягла им арбы, и они выехали в путь-дорогу.

Едут они, едут, и встречается им по дороге какая-то бедная женщина. Стала она просить их:

— Если вы заберете меня с собой, то это будет во спасение ваших душ. Я буду обмывать вам ноги ваши.

— Возьмем ее с собой! — сказал средний брат.

— Нет, не надо! — сказала жена.

Все-таки они забрали ее с собой. Когда они приблизились к какому-то городу, то эта женщина сказала им:

— Здесь обычай такой: стыдно мужу и жене останавливаться в одном месте.

Они остановились в разных местах. Женщина же эта поручила своей дочери:

— Приготовь вкусные кушанья, но чтобы в них было больше соли.

Дочь приготовила такие кушанья и отнесла их жене среднего брата. Кушанья ей понравились, она наелась и легла спать. От этой еды она очень захотела пить и, мучаясь от жажды, обратилась к той женщине:

— Дай мне воды!

— Здесь с водой дело обстоит так,— сказала ей та.— Воду дают за глаз.

После долгих мучений девушка согласилась дать свой глаз.

— Все равно я умираю,— сказала она той женщине.— Выколите мой глаз, но дайте мне напиться воды. Выкололи у нее глаз и напоили ее водой. Через некоторое время жажда стала ее мучить; у нее не осталось другого выхода, выкололи и второй ее глаз и дали ей воды. После этого ее раздели, та женщина нарядила в ее наряд свою дочь и отправила ее к молодому человеку.

Утром муж сердцем почувствовал, что с ним случилась какая-то беда. Он сел с мнимой женой в повозку и приехал к братьям, в свой дом. Там он ее усадил и стал ее рассматривать, но из ее глаз не падали драгоценные камни, а изо рта не сыпались больше цветы уарди.

А слепая женщина бросилась в реку, но, наверное, богу не угодно было оборвать ее жизнь, и вода принесла ее на плотину мельницы бедного человека. Плотина ее задержала, и мельник вытащил ее из воды.

— О боже, благодарю тебя! — сказал он.— Ты наделил меня вторым подарком: у меня самого была одна слепая, а ты мне подарил вторую.

Мельник одел ее в лохмотья. Он содержал ее, как родную дочь. Каким-то образом девушка, выжимая остатки своих глаз, собрала еще воз драгоценных камней и сказала мельнику:

— Отвези этот воз в такое-то село,— она указала село и дом

мужа,— и, когда ты приблизишься к его дому, предложи: «Кто купит драгоценные камни и цветы уарди в обмен на глаза?» Тогда к тебе кто-нибудь явится.

Мельник выехал в дорогу, привез воз в то село и стал предлагать:

— Кто купит в обмен на глаза драгоценные камни и цветы уарди?

Вышла к нему бедная женщина, мать второй девушки, и сказала:

— Вези их сюда, я их куплю!

Он выгрузил свой воз у ее ворот, а она вынесла два глаза и отдала их ему. Мельник привез глаза и отдал их девушке. Она вставила их на место и обратилась с молитвой к богу:

— О боже, возврати мне свет очей моих!

И бог сжалился над ней, зрение вернулось к ней, и глаза ее стали такими же, какими были раньше.

А мать той дурной девушки стала разбрасывать около своей дочери драгоценные камни и цветы уарди и говорить:

— Вот, невестка ваша принялась за прежнее дело!

Когда у первой глаза поправились, то на драгоценные камни, которые падали из ее глаз, она построила для бедного мельника дома, и люди ничему так не удивлялись, как домам этого бедного человека.

Муж же ее, средний брат, потерял покой и пошел странствовать по свету, чтобы найти свою жену. Дошли до него слухи, что бедный мельник построил дома, и он пошел посмотреть их. Остановился поблизости от мельника, увидел девушку, когда она выходила из дому, и сердце его затрепетало. К вечеру он прикинулся больным, стал стонать и обратился к мельнику с просьбой:

— Прошу извинить меня, но я болен. Пустите меня на ночь к себе.

— Подожди, я спрошу женщину, которая построила эти дома,— сказал мельник,— и, если она разрешит, впущу.

Он спросил женщину, и она сказала ему:

— Неужели мы никогда не принимали гостей? Впусти его, пусть он у нас погостит.

И он остановился у мельника. Всю ночь он держался весело, но потом сон одолел его. Когда он заснул, то девушка подбежала к нему и слегка посыпала его цветами уарди; она тоже, наверное, узнала его, но они испытывали друг друга.

Молодой человек пожалел, что не видел, как она посыпала его цветами уарди, и, притворившись больным, попросил мельника, чтобы тот разрешил ему задержаться у него.

Мельник задержал его у себя и на второй день. Ночью он держался бодро, но к утру сон опять его одолел. Девушка опять посыпала его цветами уарди, но и на этот раз не попалась ему в руки.

На третий день он снова притворился больным и попросил мельника приютить его у себя еще и на эту ночь. Мельник опять спросил девушку, и она ответила ему:

— Он нам ничем не мешает. Задержи его: если с ним, больным, случится что-нибудь, то позор падет на нас.

И они его опять задержали у себя.

Он лег спать и опять держался бодро; затем притворился спящим, и, когда девушка подбежала к нему, он ее схватил и уже не выпустил.

Они очень обрадовались друг другу.

Утром молодой человек отправился к своим братьям и рассказал им, что нашел свою жену. Братья не поверили ему и поехали с ним к мельнику. Мельник справил богатую свадьбу и отправил их домой, как этого требует адат, по-хорошему. Прибыв домой, братья на радостях устроили пир горой.

Ладно. Когда свадебный пир прошел и братья поуспокоились, то они решили наказать ту женщину и дочь ее. Привели двух неуков, к хвостам их привязали мать и дочь, и кони разнесли их по камням и буграм. Кости их растерли в ступе и сожгли на огне из колючки.

А сами они продолжали проводить свою жизнь в добре.

77. Сын рыбака и девушка-затворница

Рыбак ежедневно ходил на рыбную ловлю. Однажды сын говорит ему:

— Возьми сегодня и меня с собой, я буду смотреть, как ты ловишь рыбу, и учиться у тебя.

Отец взял сына с собой. В тот день он наловил много рыбы, и одна из них была необыкновенной, золотой.

Отец отлучился, а сын его задумался и сказал себе:

— Жаль эту рыбу!

Он отнес ее на берег реки и бросил в воду. Рыба говорит ему:

— Оторви одну из моих чешуек и держи ее у себя. Если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, возьми ее в руки, и, когда ты заговоришь обо мне, я к тебе явлюсь.

Она сама вырвала для него одну чешуйку и отпустила его.

Тем временем вернулся и его отец; он осмотрел рыб и, не найдя среди них золотой, спрашивает сына:

— Куда девалась та рыба?

— Я пожалел ее и пустил в воду,— ответил тот.

— Раз ты самовольно бросил ее в воду,— сказал отец,— я никогда больше не назову тебя своим сыном. Уходи куда хочешь!

Он покинул отцовский дом и отправился в путь. Долго ли, мало ли он шел, одному богу ведомо, но в одном месте он видит: охотники преследуют оленя. У оленя, бедняги, не было другого способа спастись, и он бросился под защиту молодого человека. Тот закричал охотникам:

— Это мой ручной олень, не стреляйте в него, я вам не прощу его убийства!

Охотники перестали преследовать оленя. Когда молодой человек убедился, что оленю не угрожает больше опасность, он отпустил его на волю. Олень сказал ему:

— Оторви одну из моих шерстинок и, если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, вынь ее, назови меня по имени, и я в ту же минуту предстану перед тобой.

Юноша вырвал одну шерстинку, и олень исчез.

Молодой человек направился по своему пути дальше. Идет он, идет и видит: ястребы напали на орла. Орел, спасаясь от преследования, бросился к молодому человеку. Тот крикнул на ястребов, они не отважились больше напасть на орла и улетели.

Молодой человек сказал орлу:

— Улетай и живи себе, теперь для тебя опасности нет.

А орел сказал ему:

— Вырви одно мое перо и, если когда-нибудь ты будешь нуждаться в моей помощи, вынь его, назови меня по имени, и я окажусь около тебя.

Орел улетел, а молодой человек пошел дальше своей дорогой. Шел он много дней. Ему повстречался некий алдар, гончие собаки которого подняли лису и преследовали ее. Лиса, спаса-

ясь от своих преследователей, отдалась под защиту юноши. Когда алдар поравнялся с ним, юноша заявил ему:

— Эта лиса — моя ручная лиса, и я не позволю убить ее.

Алдар не стал спорить и удалился со своими гончими собаками. Юноша сказал лисе:

— Теперь тебе не угрожает опасность, уходи куда хочешь!

Лиса сказала ему:

— Вырви одну из моих шерстинок, спрячь ее и, если тебе нужна будет моя помощь, достань ее, назови меня, и я явлюсь к тебе.

Лиса исчезла. Юноша не знал уже, куда податься дальше, но в одном месте от встречных людей он узнал: здесь сидит в башне своей девушка-затворница; ее приходят сватать всякие люди, но она ни за кого не выходит, всем отказывает и отказывает.

Юноша решил испытать свое счастье. Он подошел к башне, скромно стал у двери и послал сказать девушке:

— Если ты снизойдешь до меня, то я буду сватать тебя.

— Я не спесива,— ответила ему девушка,— приму твое предложение, если ты выполнишь мои условия.

— Ладно,— сказал он ей,— скажи, каковы твои условия!

— Я предложу тебе спрятаться четыре раза и, если я тебя найду, велю отрубить тебе голову; если же не найду, то буду твоей, и забирай меня с собой.

Ладно. Он отправился на берег реки, позвал золотую рыбу, она вышла к нему из воды и спрашивает:

— Что случилось с тобой?

Он ей говорит:

— Девушка, сидящая в башне, дала мне право спрятаться. Если ты имеешь какую-либо возможность, то помоги мне!

— Помогу,— сказала рыба.

Она превратила его в просяное зерно, проглотила это зерно, ушла на дно реки и улеглась спать среди рыб.

Утром девушка встала, взяла зеркало и стала смотреть в него. Оглядела с его помощью сушу — юноши нигде не видно; затем она направила зеркало на воду и увидела его на дне реки в утробе золотой рыбы.

Она послала за ним. Юноше крикнули с берега реки:

— Выходи, она нашла тебя!

Золотая рыба вынесла зерно на сушу и превратила его обратно в юношу.

Девушка сказала ему:

— Я нашла тебя, но если ты хочешь, то иди и спрячься еще раз!

Он пошел, достал шерстинку оленя и воззвал:

— Олень, мне нужна твоя помощь!

Олень в тот же миг предстал пред ним и спрашивает:

— Что с тобой?

— Так и так,— говорит он ему,— мы с девушкой-затворницей играем в прятки; один раз она уже нашла меня. Она непременно снимет мою голову, помоги мне!

Олень взвалил его на себя и понес через семь горных перевалов. Под деревом он выкопал яму, спустил юношу туда, прикрыл землей, сам улегся сверху и жует жвачку.

Утром девушка, затворница башни, вынесла зеркало и видит: юноша спит в яме, под оленем. Она призвала его к себе и сказала:

— Спрячься еще раз там, где ты хочешь!

Он вышел на дорогу, достал орлиное перо, воззвал к орлу, и орел предстал пред ним.

Юноша рассказал ему про свое тяжелое положение и стал просить у него помощи.

— Садись мне на спину! — сказал ему орел.

Орел носил его, носил, и один бог знает, как далеко он его занес. Он поднял его на ледник и спустил там в расщелину, а сам прикрыл его собой.

Утром девушка-затворница опять вынесла зеркало; посмотрела в него и нашла юношу в расщелине ледника под крыльями орла. Орел принес его обратно к башне девушки-затворницы.

— Теперь ты можешь спрятаться еще один раз,— сказала она юноше!

Юноша ушел от нее и достал теперь шерстинку лисы. Лиса явилась к нему.

— На что я тебе нужна? — спросила она юношу.

— Не спрашивай меня, на что ты мне нужна. Мне угрожает гибель, и у меня остается один выход — просить у тебя помощи.

— Иди к девушке,— говорит ему лиса,— и попроси у нее недельной отсрочки, а там мы найдем средство спасти тебя.

Он вернулся к девушке и попросил ее:

— Дай мне неделю отсрочки, чтобы я отдохнул; все равно мне погибать.

— Иди, даю тебе отсрочку на столько времени, сколько ты сам пожелаешь,— ответила девушка.

Он передал эти слова лисе, и та ему говорит:

— Иди посиди пока где-нибудь, а дело предоставь теперь мне.

Ладно. Юноша на время ушел.

Лиса же стала рыть землю под башней девушки. Рыла она, рыла и подвела подкоп под самую ее спальню. Оставила тонкий слой земли, чтобы слышна была речь девушки, привела туда юношу и уложила его там спать, сама же ушла.

Утром девушка-затворница смотрит в свое зеркало, наводит его на сушу, на горы, на степи, но юноши нигде не видно; она направила зеркало и на моря, ищет юношу и там — нигде его не видать.

Девушка-затворница пожалела и стала сама себя оплакивать:

— Что я сама с собой сотворила! Как могла поступить так, несчастная я! Такого жениха я и во сне больше не увижу!

Стала она сокрушаться, убиваться, а под полом ее подслушивает юноша. Долго он слушал ее причитания, потом не смог сдержаться и говорит ей из-под пола:

— Если ты мне верна, то вот я, не беспокойся за меня!

Девушка обрадованно ему ответила:

— Если ты действительно жив, то поднимись ко мне наверх! Чего ты меня боишься, ведь я тебя больше не нашла!

Юноша разрыл тонкий слой земли и вылез из-под кровати, весь испачканный землей.

Они очень обрадовались друг другу. В скором времени приготовили свадебный пир, пригласили людей и хорошо их приняли. На их свадебном пиру чего только не было, кроме птичьего молока.

Юноша и девушка остались жить вместе, и даже сегодня они живут и поживают.

78. Хромой солдат

Семеро солдат бежали от своей тяжелой жизни. Один из них был хромой. Солдаты бежали долго, долго и добежали до одного кургана. Хромой солдат обошел курган кругом и в одном месте нашел дверь.

— В кургане есть дверь,— сказал он своим товарищам,— выясним, что это такое.

Они все подошли к двери и открыли ее. Внутри там оказался дом, да такой, что красивее его трудно было представить.

Они осмотрели дом и обнаружили в нем котел-самовар и другие такие же чудесные предметы, каждый из которых сам исполнял работу. Они удивились, но сказали:

— Дом — не без хозяина; мы ничего не тронем, подождем, не явится ли сам хозяин.

Они вышли наружу и стали ожидать появления хозяина дома. Вечером к кургану подлетел на большой скорости воз-самокат, и с него сошла девушка.

— Вечер добрый! — приветствовали ее солдаты.

Она тоже приветствовала их и спросила:

— Кто вы такие? Что вам надо?

— Мы — солдаты,— ответили они,— изнемогли от службы и бежали. Мы бежали и обнадеживали себя, что кто-нибудь пожалеет нас и ради спасения своей души приютит нас у себя.

Она, ничего не говоря, завела их к себе в дом и, когда они сели, сказала им:

— Я охотно приютила бы вас у себя, но у меня нет никакой работы. Утром я сажусь в свой воз, вечером схожу с него. Я задержала бы вас и независимо от этого, ради спасения своей души, но когда солдат возгордится, ему может кое-чего захотеться, и если я замечу что-либо подобное, то превращу вас в каменных истуканов.

— Ладно,— сказали они,— чего нам еще захочется? Может быть, поехать на этом возу-самокате,— но тогда мы и впрямь заслуживаем, чтобы ты превратила нас в истуканов.

— В таком случае живите у меня,— сказала она им.— Дров возить вам не надо, да и ничего другого не надо делать.

Солдаты остались жить у нее. А хромой солдат сторонится остальных, держится отдельно. Другие шестеро целые дни проводят без работы, но ни в чем не нуждаются. Однажды между ними произошел такой разговор об их удивительной жизни:

— Можно ли вообразить жизнь, подобную нашей?! — говорили они. И, вспомнив про свою хозяйку, сказали: — Было бы, наверное, лучше, если бы эта женщина носила имя кого-нибудь из нас.

Хромого солдата при этом разговоре не было даже поблизости.

Вечером хозяйка вернулась. Она призвала их к себе и спросила:

— Какой разговор вы вели сегодня между собой?
— Никакого разговора не было,— ответили они.
Она сказала:
— Я знаю, что у вас был разговор, но скажите сами, о чем вы говорили?
У них не было выхода, и они признались ей:
— Был у нас такой разговор: «У кого еще есть такая хорошая жизнь!» Но, наверное, и еще кое о чем говорили.
Она заставила их встать, вывела их к своей двери и превратила в каменных истуканов.
Остался жить у нее хромой солдат. Жили они, и однажды хромой солдат сам себе говорит:
— Живу-то я хорошо, но я оставил в одиночестве мать и отца и не знаю, что с ними теперь сталось.
Вечером вернулась женщина и спрашивает его:
— Что ты сегодня сам себе говорил?
— Ничего я не говорил,— ответил хромой солдат.— Я удивлялся своей жизни, но сердце мое тревожилось о матери и отце. Другого я ничего не сказал.
— Хочется ли тебе повидаться с ними? — спросила она его.
— Хорошо было бы еще раз свидеться с ними, на сердце у меня тревожно, но увы!
— В таком случае я отправлю тебя.
Она вышла в другую комнату, вынесла кошелек и сказала ему:
— Вот даю тебе кошелек, бери его с собой, но не потеряй: в нем денег для тебя будет тем больше, чем больше ты будешь из него вынимать. Но если ты его потеряешь, то и сам погибнешь.
Утром она встала, пожелала ему счастливого пути; он с ней тоже попрощался, пожелал ей счастливо оставаться и выступил в дорогу.
Шел он, шел и попал в какой-то город. Остановился у одной бедной женщины и спросил ее:
— Что это за город и кто им правит?
— Городом правит женщина-царица,— объяснила ему та,— которая каждый день играет в карты.
— А не сыграет ли она и со мной? — спросил хромой солдат.
— Откуда я знаю,— ответила женщина,— спроси у нее самой.
Но хромой солдат попросил женщину:

— Пойди ты к ней и спроси ее!

Та пошла к женщине-царице и спросила ее:

— У меня гостит хромой солдат, и он хочет сыграть с тобой в карты, если ты пожелаешь. Что ему сказать?

— Я не хулю его за такое желание,— ответила царица,— лишь бы у него были деньги, другого мне от него ничего не надо: если даже он хромой, мне это безразлично.

Женщина вернулась к себе и передала ответ царицы хромому солдату. Тот явился к царице, и с этого дня они каждый день стали играть в карты. Царица его обыгрывала и удивлялась, откуда у солдата берется столько денег.

Однажды она приготовила для него закуску и, когда хромой солдат явился к ней на очередную игру в карты, сказала ему:

— Ты каждый день играешь со мной в карты, но ни разу не отведал моего хлеба-соли; раздели его со мной!

Они сели за стол, стали есть, пить, и она делала так, чтобы выпивки ему доставалось больше. Что и говорить, хромой солдат опьянел и свалился. Когда он свалился, то женщина-царица подошла к нему и вытащила из его кармана кошелек. Она сшила такой же кошелек и положила ему в карман, а его кошелек оставила себе. После этого она известила женщину, у которой остановился хромой солдат:

— Твой солдат опьянел, забери его!

Женщина пришла за ним, взвалила его на спину и отнесла к себе. Она вымыла его, уложила в постель спать и сама легла.

Утром солдат встал, осмотрел свой кошелек и палкой стал бить себя по голове приговаривая:

— Какая завидная жизнь была у меня, и до чего я опять дошел! Что мне нужно было? Почему я не остался на месте? Для чего мне нужно было стремиться увидеть свой дом? Что мне еще нужно было, когда она дала мне все, чтобы я мог прожить всю свою жизнь? Я был несчастным и опять стал несчастным! Теперь мне не остается ничего другого, как только пойти и погубить свою голову!

Солдат ушел от женщины, приютившей его, и попал в лес. Долго ли он шел, мало ли, неведомо, и остановился он под одной дикой яблоней. Он поднял с земли одно яблоко, съел его, и на голове его вырос один рог; съел второе, и вырос у него второй рог. Рога были такие большие, что он не мог теперь даже пошевелиться в лесу. И тогда-то он стал рыдать по-настоящему:

— Теперь люди будут считать меня зверем, а я — не зверь;

будут называть меня человеком, а я — не человек. Я уже не представляю себе, на что буду существовать!

Солдат пошел дальше по лесу, рога его местами крепко застревали, а местами нет. Мучаясь, он двигался медленно и остановился опять под одной яблоней.

— Поел бы я яблок и от этой яблони,— сказал он сам себе,— но это опять может причинить мне какое-либо новое несчастье. Ну, поем все-таки.

Он съел одно яблоко, и один рог его отпал. Съел второе яблоко, и у него отпал второй рог.

— Ну, боже, благодарен тебе! — сказал он.— Я все-таки избавился от этого позора и несчастья!

Он положил эти яблоки в карман, собрал и тех яблок, от которых у него выросли рога, и тоже положил их в карман. Он не пошел дальше, а повернул обратно и пришел в город женщины-царицы. Явился к ней и предложил опять поиграть в карты. Сели они играть, и он положил перед ней два яблока, от которых у него выросли рога. Царица взяла оба яблока, съела их, и у нее отросли два таких рога, что она не могла даже пошевелиться. Хромой солдат встал и убежал.

Женщина-царица посылает к нему и просит, чтобы он нашел какое-либо средство, чтобы избавить ее от рогов. Солдат явился к ней:

— Что я могу сделать? Если я отрежу их пилой, то ты умрешь, а другого средства у меня нет.

Она его умоляет:

— Найди какое-либо средство, и я тебе дам все, что ты сам захочешь.

— В таком случае возврати мне мой кошелек, который ты вытащила из моего кармана,— говорит он,— тогда я найду для тебя какое-либо средство.

Она вынесла из другой комнаты кошелек, он убедился, что это его кошелек, и сказал ей:

— Пока я не получу его в руки, не дам тебе никакого средства.

Но выхода не было, и он ей дал одно яблоко, от которого отпадают рога; она съела это яблоко, и один рог в тот же миг отпал.

— Вот теперь давай кошелек,— сказал он,— и я сделаю так, что у тебя отпадет и второй рог.

Она отдала ему кошелек. Как только кошелек оказался в его

руках, он бросился бежать и оставил женщину-царицу с одним рогом на голове. Без оглядки добежал хромой солдат к той женщине, которая подарила ему кошелек.

— Здравствуй! — приветствовала она его.— Где ты бывал? Что делал?

Подробно рассказал он ей о своих злоключениях с начала и до конца и закончил тем, что у женщины-царицы на голове остался рог.

Женщина не поверила его словам и сказала:

— Я сама проведаю ее.

Села на свой воз-самоход и помчалась к той женщине-царице. Явилась туда и убедилась, что рог на голове у нее разросся настолько, что уж не вмещался в комнате. Она села обратно в свой воз-самокат и вернулась домой.

Она была очень благодарна хромому солдату:

— Та женщина-царица всю жизнь мучила меня,— сказала она ему.— Я тебе благодарна за то, что увидела ее теперь в таком положении. А сейчас иди и приведи священника: с этого дня мы муж и жена.

Хромой солдат привел священника, он обвенчал их; они живут как муж и жена еще и сегодня.

79. Сказка о том, что на свете нет ничего лучше и сильнее любви

Жил-был некий статный человек. Он отдал сына учиться грамоте, а сам продолжал трудиться, чтобы сделать свою жизнь лучше. Но жизнь его не становилась лучше, и однажды он сказал сыну:

— Надо нам придумать что-нибудь, чтобы и пища наша, и вся жизнь стала лучше.

— Продадим нашу скотину,— предложил сын,— превратим все в деньги и приобретем на них товары.

Так они и сделали. Оказалось у них двенадцать туманов и пять рублей.

— Я съезжу и куплю все то, что нужно,— сказал отец.

— Ты уже стар,— возразил сын,— и тебе будет трудно, поэтому в город съезжу я. Я не только не растрачу деньги, а приумножу их. Мне не нужно будет тратиться на квартиру, и пойду

я пешком, а ты мне укажи, какие товары нужны, и я их приобрету.

Сын уехал. Вечер застал его на окраине города. Стал он раздумывать: «Чем искать себе квартиру, за которую нужно будет платить, лучше переночую я вот на этом кладбище».

Он зашел в самую середину кладбища, предполагая, что ночью здесь безопаснее, выбрал место получше и прилег, чтобы соснуть. Но не успел он заснуть, как видит: идет неизвестный человек с мешком на спине, сбросил свой мешок в небольшое углубление, а сам очень быстро повернул назад и так же быстро удалился.

Молодой человек приподнялся на месте и удивленно сам себе говорит:

— Что он мог сбросить туда? Я непременно должен выяснить, что это за мешок.

Он встал, подошел к мешку, осмотрел его и убедился, что в мешке находится человек. Он испугался, но все-таки решил: «Я должен узнать, что все это означает».

Он раскрыл мешок, увидел женскую косу и убедился, что в мешке находится женщина. Он ее вытащил из мешка и положил как покойницу на землю. В грудь женщины был воткнут нож. Он вытянул его потихоньку, снял с себя рубашку, кое-как перевязал женщину, и к ней вернулось дыхание.

«Я должен занести эту женщину в дом и вылечить, чтобы узнать потом, что с ней случилось»,— решил молодой человек.

Он занес ее в ближайший дом и сказал хозяину:

— Отведи мне отдельную комнату, но чтобы никто про это не знал, и я заплачу тебе большие деньги.

Хозяин отвел ему отдельную комнату, и он занес туда раненую девушку.

— А теперь еще нужно, чтобы нас тайно посещал врач,— сказал молодой человек хозяину.

Тот сказал ему:

— Здесь есть очень старый врач, он уже и ходить не в состоянии, но он живет в этом же доме.

— В таком случае пригласи его сюда,— попросил молодой человек.

Тот пошел и пригласил врача. Врач осмотрел раненую женщину и сказал:

— Я берусь ее вылечить.

Молодой человек предупредил его:

24 Заказ 2079

— За каждый твой визит я буду платить пять рублей, но с условием, что лечить ее будешь тайно и что об этом никто не узнает.

Врач согласился и еще раз сказал:

— Я ее вылечу.

Он лечил ее усердно, и за каждое посещение молодой человек платил ему пять рублей. Девушка уже пришла в сознание и стала пристально смотреть на молодого человека. Она стала понимать, что с ней случилось, и полюбила молодого человека невиданной любовью. Все время она не отрываясь смотрела на него. И молодой человек полюбил ее за красоту и стройность, а еще потому, что он потратил на ее спасение столько трудов. Они любили друг друга любовью брата и сестры. Они спали в одной постели, но ни у кого из них не было и мысли ни о чем дурном.

Когда к девушке вернулся дар речи, она рассказала о себе все:

— Отец мой ни в чем не нуждался. Меня сватали многие, но он хотел выдать меня за человека, которого я совершенно не любила, и только потому, что он был богат. Жених был гяур. Он подарил моему дяде по отцу драгоценные камни, алмазы и бриллианты, и тогда-то отец выдал меня против моего желания и сыграл свадьбу. После свадьбы муж посещал меня не днем, а ночью, и я умоляла его, чтобы он не совершал надо мной насилия. Если же он совершит насилие, говорила я ему, то я лишу себя жизни, и он больше не увидит меня живой. Он дарил мне украшенные драгоценными камнями гребни, а однажды ночью, сделав мне большие подарки, он стал умолять, чтобы я разделила с ним ложе, но дело у нас дошло до схватки. Я еще помню, как он выхватил нож, а что произошло дальше, уже не помню. После этого я попала в твои руки. А теперь поведай и ты мне о своих делах: что-то ведь и тебя печалит.

Молодой человек рассказал ей о себе:

— Имущество отца моего и не прибавлялось, и не убавлялось. И питание наше не становилось лучше. Мой отец отдал меня учиться; он советовался со мной о том, каким способом нам улучшить свою жизнь. Я посоветовал ему продать все наше имущество, обратить его в деньги. От продажи имущества он выручил двенадцать туманов и пять рублей. Отец собирался ехать за товарами, но я сказал ему, что поеду сам, что я меньше потрачу денег; он согласился со мной и отпустил меня. Чтобы избежать расходов, я не остановился на квартире, а забрался на

ночлег в самую середину кладбища. Только я прилег, чтобы заснуть, вижу: какой-то человек несет на спине мешок. Он сбросил его в небольшое углубление, а сам поспешно ушел. Я удивился, подошел к мешку и, увидев косу, понял, что в мешке находится женщина. Мне было боязно, но я вытащил воткнутый в твою грудь нож, а затем отнес тебя в ближайший к кладбищу дом. Я упросил хозяина никому не говорить о тебе, чтобы и в комнату никто не заходил, и сказал, что мне нужен хороший врач. Он мне ответил: «Здесь у меня живет старый врач, который уже не в состоянии ходить на работу». На это я сказал, что буду ему особо благодарен и заплачу, если он сейчас же приведет его ко мне. И он привел его ко мне. Врачу я заявил: «Буду платить тебе за каждое посещение пять рублей, но с условием, что ты никому ничего не скажешь». Врач стал лечить тебя, и через три дня ты открыла глаза, стала принимать понемногу пищу, оглядывать комнату, пристально смотреть на меня. Вот тебе мои дела.

— А что тебя печалит? — спросила его девушка.— Ты должен сказать и об этом.

Молодой человек открылся ей:

— Во-первых, я оставил отца одного, во-вторых, я еще не расплатился ни с хозяином, ни с врачом. Вот это и печалит меня. Но ты не принимай этого близко к сердцу, я все им заплачу.

— В таком случае и ты не сокрушайся,— сказала девушка.— От того гяура у меня остались воткнутыми в волосы мои двадцать шесть бриллиантов; тот гяур, наверное, забыл о них. Возьми два бриллианта и пойди на улицу, где он живет. Никто их у тебя не купит, кроме него самого: он очень богат.

Она указала молодому человеку дом того гяура-богача. Молодой человек зашел к нему с двумя бриллиантами, продал их за пять тысяч и принес деньги девушке:

— Вот я их продал за эту цену.

— Этот гяур все-таки не дал за них настоящей цены,— сказала девушка молодому человеку.— Скажи мне, сколько денег ты должен послать своим матери и отцу?

— То, что я взял у них: двенадцать туманов и пять рублей: пока будет довольно, если я им возвращу эту сумму.

— Ты назвал маленькую сумму. Пошли им две тысячи,— сказала девушка.

Послали им две тысячи.

— А теперь рассчитаемся с хозяином и с врачом,— говорит

девушка,— на оставшиеся деньги снимем квартиру получше и переселимся туда, чтобы нас никто не беспокоил. Ты меня спас, а я еще не налюбовалась на тебя достаточно. Мы должны некоторое время пожить вместе.

Молодой человек крепко полюбил девушку и подумал про себя: «Кажется, труды мои не пропадут даром!»

На новой квартире никто им не мешал, они проводили время вместе, без конца любовались друг другом и не могли налюбоваться.

Но вот девушка надумала: «Молодой человек может струсить, но если бы он каким-нибудь способом сумел заманить сюда гяура, то я сама убила бы его».

Тот гяур был крупный человек, полный, еле двигался.

Девушка сняла со своей головы четыре бриллианта и сказала молодому человеку:

— Отнеси их. Зайдешь к тому, кому ты продал те два бриллианта, и скажешь: «У меня есть еще точно такие же бриллианты. Пойди со мной на мою квартиру, я продам их тебе».

Молодой человек ушел. А девушка сама купила крепкую веревку и воском придала ей упругость; она повесила веревку над дверью во внутреннюю комнату так, чтобы она упала на горло того, кто войдет в дверь. Сама спряталась в этой комнате с ножом в руке. Но она не обратила внимания на то, что ноги ее видны были снизу.

Гяур явился с молодым человеком, и когда он вошел в первую комнату, то увидел снизу женские ноги. Молодой человек шел за гяуром; он попросил его зайти во вторую, внутреннюю комнату, но тот побоялся и решил бежать.

Но молодой человек настаивал на своем, тогда гяур спрашивает его:

— В таком случае, чьи вон те ноги?

— Это — сестра моя,— сказал молодой человек.— Вот там мы продадим тебе бриллианты.

Гяур все понял и стал думать: «Как бы мне спастись!»

Только он повернулся, чтобы бежать, как девушка выскочила и нанесла ему удары. Но у нее не хватило сил убить его. Гяур понял, что засватанная им невеста осталась в живых, и подумал: «А молодой человек, наверное, ее муж».

Молодой человек и девушка испугались, решили, что им нельзя больше оставаться в этом городе. Девушка и раньше до-

пытывалась у молодого человека, где он предпочел бы жить, и он неизменно отвечал ей:

— Я предпочел бы жить в Баку и отца с матерью тоже взял бы к себе туда.

Девушка убедилась, что в вопросе об убийстве гяура молодой человек встал на ее сторону. И тогда она открыто призналась ему:

— Я пока такова, как мать меня родила, и готова принадлежать тебе, хотя не знаю, как ты на это посмотришь.

Молодой человек сказал:

— Я тебе благодарен за это.

И они, беседуя и нигде не останавливаясь, дошли до берега какой-то реки и стали мужем и женой. Чтобы немножко отдохнуть, молодой человек сел на землю, а девушка положила свою голову на его колени и так крепко уснула.

Молодой человек стал рассматривать ее волосы и думает: «Ведь эти драгоценности она доставала с головы». Он нашел их, стал вынимать по одному бриллианту, по два, и всех бриллиантов оказалось двадцать. У него ум помутился: он сказал сам себе, что это большое богатство, подложил под голову девушки что-то другое, потихоньку высвободил свое колено и покинул спящую.

Он ушел далеко в лес. Девушка тем временем проснулась, удивилась и сказала:

— Почему у него такой кривой ум? Ведь и я сама, и эти бриллианты принадлежали ему!

Она крепко его любила и удивлялась, как он мог допустить такую ошибку. Она долго плакала, но поняла, что молодой человек раскается, потому что очень любит ее.

Девушка была ему благодарна, и ей хотелось увидеться с ним еще хоть раз. «Он очень любил Баку,— рассудила она,— и с таким большим богатством поедет именно туда».

Девушка по дороге обменялась одеждой с одним пастухом. В Баку она вошла в мужском одеянии. Недалеко от морского берега старик и старуха содержали чайную. Девушка подумала, что юноша может проходить мимо этой чайной, и нанялась туда на работу. Она была необыкновенно привлекательна, и даже те, кому не хотелось пить, собирались в чайную, чтобы только полюбоваться на этого молодого человека.

А муж девушки, покинув ее, стал раздумывать:

— Сейчас я не должен являться к матери своей и отцу сво-

ему. На днях я им переслал две тысячи, а сейчас у меня большое богатство. Пока на год я поступлю работать. В таком случае в Баку мне будет лучше всего, и я должен найти работу поблизости от него.

На перекрестке четырех дорог стоял кутан, и молодой человек обратился к хозяину этого кутана с просьбой:

— Возьми меня к себе в работники на один месяц.

Тот взял его. Молодой человек оказался энергичным работником. Когда бывало во время работы он распевал песни, все проезжающие по дороге чабаны и овцеводы останавливались только для того, чтобы послушать его пение; и речи его они готовы были слушать без конца; когда же он переставал говорить, они просили его, чтобы он продолжал свою речь,— вот каким искусным он был.

— Останься у меня на год,— убеждал его хозяин,— и я заплачу тебе большие деньги.

Он остался у хозяина в работниках на год, но про себя все-таки думал: «Мне надо будет на свои большие деньги приобрести в Баку дома».

Он проработал целый год. Хозяин дал ему столько денег, сколько он пожелал, и молодой человек направился в Баку. Бриллианты свои он запрятал в буханках хлеба и, чтобы не вызвать ни у кого подозрения, носил их в котомке.

По дороге он встретился с богатым человеком, который направлялся в Баку. Он несколько раз поглядывал на молодого человека и сказал ему:

— Молодой человек, куда ты путь держишь? Поступи ко мне в работники, и я усыновлю тебя.

Молодой человек ответил ему, что поработает у него один месяц, а сам про себя думает, что за это время он будет подыскивать и дом для покупки.

Богач уже не отпускает его от себя; котомку его положил со своими вещами, купил даже билет для него. Тем временем корабль отчалил, и молодой человек остался на берегу. Богач увез со своими вещами и котомку юноши, в которой находилось все его состояние.

— Я дам тебе столько денег, сколько ты сам захочешь,— взывает богач к хозяину корабля,— только задержи корабль, сын мой отстал!

Корабль не задержали, и он уплыл.

Чайная старика и старухи, у которых работала девушка в

мужском одеянии, превратилась в самую большую гостиницу в Баку. Дети этих стариков проживали в других городах, и они приехали, чтобы узнать, насколько увеличилось отцовское имущество.

— Назовите вот этого молодого человека своим братом,— говорят старик и старуха.— Мы столько прожили, но не встречали на своем веку такого счастливого и любимого народом человека.

Они назвали его своим братом и говорят:

— Имущество отца ничто! Мы отказываемся от него, а ты переезжай с нами в качестве брата нашего в наш город! Мы и мать с отцом больше не оставим здесь.

Девушка в мужском одеянии отказалась трогаться с места; и тогда, чтобы она не бедствовала, они оставили ей как брату свое имущество в Баку. Девушка в мужском одеянии сама стала хозяйкой, и у нее работали двадцать работников. Она жила на морском берегу, как раз там, где обычно останавливались корабли.

Когда богач прибыл в Баку, то он передал одному из слуг этой гостиницы котомку молодого человека, в которой находились его бриллианты и дорожная провизия, и наказал этому слуге:

— Эту котомку будет искать такой-то и такой-то молодой человек. Отдадите ее ему, это его котомка.

А молодой человек, оставшись ни с чем после отплытия корабля, некоторое время рыдал; затем он сел в вагон железной дороги, движение по которой было уже открыто, и приехал в Баку.

Сойдя с поезда, он увидел гостиницу. Он о ней слыхал и раньше и подумал: «О если бы меня взяли сюда в слуги и я повстречался бы с тем богачом, который увез мою котомку!»

Он зашел в гостиницу и стал просить, чтобы его наняли на работу. Его наняли и поручили носить к печам дрова и уголь. Но, кроме этого, он успевал выполнять и другие работы.

Девушке в мужском одеянии, хозяйке гостиницы, доложили, что у них появился новый работник, с необыкновенно умелой и мягкой речью.

Она вышла к нему, и, когда увидела, как он колет во дворе дрова, сердце ее вдруг заколотилось.

— Если это не он сам,— сказала она себе,— то все-таки он похож на него.

Она долго и пристально смотрела на него; вызвала его на

разговор, но не узнала его и осталась в очень сильном сомнении. Поэтому она приказала своему помощнику:

— Отведи его в баню, выбрось его одежду и одень его в другую, в прежнюю,— и она указала ему, в какую именно одежду.

У девушки не было больше другой заботы: она пристально рассматривала молодого человека, стараясь узнать его. Затем она назначила его своим помощником, предполагая, что так будет лучше. Другим работникам это показалось обидным; они удивлялись и в то же время боялись, что он причинит им какое-либо зло; но так как он был сладкоречив, то вскорости все они его полюбили.

Тем временем отец и дядя девушки по отцу явились к гяуру и стали спрашивать его:

— Где наша девушка?

— Ваша девушка не любила меня и сбежала от меня с кем-то,— сказал он им,— поэтому верните мне обратно то, что я на нее потратил.

Они вместе отправились на ее поиски и зашли в эту гостиницу. Их встретила не сама хозяйка, а ее помощник.

— Отведи нам отдельную квартиру,— попросили они его,— мы тут будем целый год, так как у нас имеется дело.

Он подумал, что они богатые люди, и не решился отвести им квартиру, не спросивши предварительно самого хозяина.

Он спросил ее, и девушка сама вышла посмотреть на них. Она сразу же узнала и отца своего, и дядю, и мужа своего. От гнева и горя она изменилась в лице, и ум ее помутился.

— Почему ты так неприветливо встречаешь нас? — спрашивают они ее.

— Я вспомнила свои дела, и меня охватила печаль,— отвечает она.— Вы тут ни при чем. Было бы лучше все-таки, если бы вы не являлись сюда.

Они снова спрашивают:

— Почему тебе так неприятен наш вид? Мы — гости и будем тебе платить за квартиру.

Она отвела им квартиру, и они поселились там.

Девушка продолжала волноваться: «Хорошо было бы,— внушала она себе,— если бы и они меня узнали и если бы я сама установила, наконец, кто же такой мой помощник».

Она приказала красноречивому человеку, чтобы он занимал того богача рассказами о всяких историях.

И вот однажды ей говорят:

— Тот молодой человек уже два дня не ведет своих повествований, и мы не можем насладиться его речами. Мы хотим, чтобы он рассказал нам еще что-нибудь.

Девушка, хозяйка гостиницы, спустилась к молодому человеку и спрашивает его:

— Почему ты не рассказываешь им никаких повестей, никаких историй?

— Никаких повестей, никаких историй у меня больше нет. Я поведал им все, что только я знал,— ответил он.

— В таком случае тебе придется рассказать им все то, что ты видел и испытал в жизни по сей день,— сказала она.— Это тоже будет история.

А чтобы молодого человека не могли убить, она позвала людей под тем предлогом, что он опять будет рассказывать какую-то новую повесть.

Собралось много народа, и сама она тоже пришла.

Когда ему предложили: «Начинай!» — он стал рассказывать с самого начала: как он родился от благородных матери и отца, как его отдали учиться, как он распродал свой скот, чтобы увеличить свое имущество.

Так он рассказал им о своей жизни, не скрыв ничего из того, что с ним было до последнего дня.

Вот теперь девушка его узнала; муж ее тоже узнал, кто вылечил его жену; узнали его и отец, и дядя по матери. Они вскочили со своих мест и стали требовать от молодого человека:

— Сейчас же ты должен нам сказать, где находится наша девушка! Ты знаешь, что с ней сталось, иначе мы тебя убьем!

Хозяйка их успокоила:

— Он вам рассказывает повести, истории,— сказала она.— Почему вы хотите его за это убить?

Они притихли, и девушка спросила молодого человека:

— В твоем рассказе есть ложь: когда ты с головы девушки снял бриллианты и поднял их вверх, то как их могла похитить птица?

Молодой человек согласился с нею.

— Расскажи определеннее, куда девались твои бриллианты? — приказала она.

Гяур убедился в том, что этот молодой человек — его враг. А тот рассказал заново, как богач увез его бриллианты, которые были в буханках хлеба, в котомке. Закончил он свою речь, сказав, что не знает, что стало дальше с богачом.

Тогда один из слуг чистосердечно рассказал:

— Эта котомка попала ко мне, я швырял ее из угла в угол, а когда буханка хлеба сгнила, я бросил ее туда, куда мы сбрасываем кости, ничего не зная при этом о бриллиантах.

Пошли на свалку костей и откопали все бриллианты: ни один из них не пропал, они только покрылись грязью; в таком виде их и нашли.

Молодой человек ничего не смог сказать.

— Очевидно, я сошел с ума и ничего не понимаю! — удивлялся он.

Гяур понял все, и единственным его желанием было как-нибудь вырваться отсюда живым.

Девушка спрашивает своего отца:

— Как ты назовешь эти дела: хорошими или плохими?

Про себя же она решила убить отца, если он назовет их хорошими, но напуганный отец сказал:

— Да съем я твои болезни, все это вызвано ошибкой, желанием нажить богатство.

Гяуру она показала свою грудь, где остался шрам от ножевой раны, и спросила:

— Не ты ли вонзил сюда нож?

Гяур признался, и девушка приказала:

— Уведите его и похороните, но только на таком месте, где бы он не смердил.

Когда его увели, она вышла в свою комнату и оделась в свою девичью одежду. Молодой человек узнал ее только тогда, когда она вышла к нему в женском одеянии. От восторга он лишился чувств.

Узнав друг друга, девушка и молодой человек решили остаться жить там. Отца и мать молодого человека привезли туда же. А своему отцу и дяде по отцу девушка предложила:

— Уходите отсюда, чтобы вас и близко даже не было, иначе я расправлюсь с вами так же, как с гяуром!

А молодому человеку она сказала так:

— Не убивайся из-за своих ошибок! Если бы ты даже допустил бо́льшую ошибку, и то я простила бы тебе ради великой нашей любви.

Так они остались жить вчетвером и живут еще и сегодня.

Как мы их не видели, так пусть не посетят нас никакие болезни, никакие напасти!

Все-таки на свете ничего нет лучше и сильнее любви!

80. Кто умнее — мужчина или женщина

Однажды старики в одном селе сидели на нихасе, и завязался у них разговор о том, кто умнее — мужчина или женщина и что лучше — умный мужчина или умная женщина. И никто из них не мог дать на это ясного ответа.

Подслушала этот разговор одна девушка и запомнила его, а через несколько дней она стала допытываться у старых людей:

— Где может жить в нашей стране самый прославленный, самый храбрый, самый деятельный мужчина?

И одна старуха указала ей село в горах, сказав, что там живет такой молодой человек.

Девушка написала ему письмо, в котором говорила, что хочет вступить с ним в состязание; в письме она указала и где живет.

Молодой человек оседлал своего коня, принарядился и приехал в село, где жила девушка. Один человек указал ему ее дом. Он подъехал к нему, спешился, привязал коня к коновязи, а сам зашел в кунацкую. Девушка заметила его, вышла к нему и приветствовала его. Затем она вынесла ему угощение, которое положено гостю.

Молодой человек угостился как следует, а затем девушка открыла ему, почему она вызвала его к себе.

— Несколько дней тому назад,— рассказала она,— я подслушала разговор мужчин на нихасе. Они судили-рядили о том, что лучше — умный мужчина или умная женщина, и не смогли прийти к определенному выводу. Вот теперь я и ты займемся — попробуем дать ответ на этот вопрос.

Когда они кончили разговор, девушка ушла и привела к нему самую дурную и бестолковую девушку.

— Вот проживи с ней целый год! — сказала она.— А теперь и ты подари мне что-нибудь, равноценное моему подарку.

Молодой человек только покачал головой, посадил девушку на своего коня и привез ее к себе домой. Затем он разыскал самого дурного парня, посадил на коня и доставил к девушке:

— А вот тебе мой подарок,— сказал он ей,— проживи с ним целый год!

Молодой человек вернулся к себе домой и стал жить с этой девушкой, но она с каждым днем становилась дурнее, а не ум-

нее, и сам он становился таким же. Из-за жены он потерял уважение и в народе. За целый год он ничему не смог научить дурную и бестолковую жену.

Та же девушка стала жить с дурным и бестолковым мужем, и она научила его, как надо жить с народом. Она приглашала его товарищей, разумных людей, и крепко связала его с ними. Он сделался добрым, прославленным, уважаемым молодым человеком.

Прошел год. И вот девушка наготовила всякого добра и пригласила почетных людей. Сели они за богатый стол. Тем временем прибыл и молодой человек с женой; они зашли в хадзар и остановились у двери. Девушка осталась такой, какой была год назад, не лучше. А у прославленного молодого человека в порванных чувяках виднелась сухая подстилочная трава. Молодой же человек, которого девушка получила в ответный подарок, сидел среди почетных гостей; он посмотрел на стоявших у двери, узнал того молодого человека, который доставил его к девушке.

— Подайте этим нищим чего-нибудь! — сказал он жене.

После этого девушка вынесла большую почетную чашу пива и попросила у почетных гостей слова.

— Прошу извинить меня, почетные гости, — сказала она, — за то, что попросила слова и держу перед вами речь. Но они — не нищие, просящие милостыню. Этот молодой человек — вы слыхали о нем — такой-то и такой-то; в нашей стране не было второго такого прославленного молодого человека. Как-то я подслушала разговор мужчин на нихасе: речь шла о том, кто лучше и умнее — умный мужчина или умная женщина. Мужчины не смогли решить этого вопроса. Я запомнила этот разговор и разыскала вот того прославленного молодого человека, чтобы выяснить этот вопрос. Я дала ему вон ту девушку, которая стоит рядом с ним. А он одарил меня в ответ подарком не лучше: дурным, бестолковым молодым человеком. И благодаря мне из него получился тот, который находится среди вас и которого вы называете уважаемым человеком. Они — муж и жена, двое дурных; вот для них дом, и пусть живут в нем! Раз я сумела из дурня сделать уважаемого человека, то сумею сделать из уважаемого человека главу народа. А теперь всего хорошего. Пусть двое дурных живут здесь; они достойны быть мужем и женой. А это — мой муж, и мы уходим.

Двое дурных и на сегодня остались дурными.

81. Храбрый сирота Асламбек

Жил-был храбрый сирота по имени Асламбек. Со всех сторон стекались к нему молодые люди, добивавшиеся побратимства с ним. Он никому не отказывал и с каждым вступал в побратимство.

Был у него молодой верховой конь, и он на нем объезжал села. В одном селе он услыхал о красивой девушке, которая жила на юге. Эту красавицу охранял залмийский змий, который по неделям спал в бурдюке. Храбрый Асламбек снарядился в балц на поиски этой красавицы. Сел на своего молодого коня и выступил в путь. Добрался до того места, куда можно было проехать конному, а дальше пошел пешком.

У Асламбека было полотенце; когда он его разворачивал, то в нем появлялись любая снедь и напитки, а когда сворачивал, то мог положить в карман.

Он спешился на кургане, развернул полотенце и стал закусывать. Видит: приближается к кургану седобородый старик.

Седобородый старик поравнялся с ним. Поздоровались друг с другом, и старик спросил Асламбека:

— Куда ты идешь?

— Вот так и так,— ответил Асламбек,— на юге, рассказывают, есть красавица-девушка, и я иду к ней. А ты, старик, куда идешь?

— Я иду к храброму Асламбеку, чтобы вступить с ним в побратимство,— ответил старик.

Там же они вступили в побратимство и пошли по одной дороге к той красавице-девушке. Шли они долго и остановились передохнуть. Асламбек опять достал полотенце, развернул его, и стали они закусывать. Видит Асламбек: приближается к ним человек, который мог ходить под землей. Удивился Асламбек:

— Видел я чудеса из чудес, но такого дива не видывал!

Этот человек поравнялся с Асламбеком и поздоровался с ним. Асламбек тоже поздоровался с ним и вступил с ним в побратимство.

Их стало трое. Идут они по дороге дальше; притомились и остановились передохнуть. Закусывают втроем. Асламбек опять видит, что направляется в их сторону колебатель земли: от каждого его шага земля сотрясается. Опять он удивляется:

— Я видывал чудеса — одно чудеснее другого, но с таким дивом никогда не встречался!

Они взаимно поприветствовали друг друга; Асламбек вступил в побратимство и с ним.

Теперь их стало четверо. Пошли они по дороге дальше и дошли до девушки-красавицы. Когда они зашли к ней, залмийский змий спал. Они вывели девушку с собой и пошли обратно. Шли они без остановки и дошли до места, где они повстречались с колебателем земли. Асламбек остановил товарищей и говорит им:

— Разрубим девушку-красавицу на четыре части, и пусть каждый забирает свою долю!

— Не считаю это достойным себя! — сказал Асламбеку колебатель земли.

И он остался там, а другие пошли дальше. Когда они дошли до того места, где им повстречался человек, ходивший под землей, Асламбек опять сказал:

— Разделим девушку на три части, и пусть каждый из нас получит свою долю!

Ходок под землей не согласился с этим и остался там, а те двое направились по дороге дальше. Когда они дошли до того места, где Асламбек повстречался с седобородым стариком, Асламбек опять предложил:

— Разделим ее на две части, и пусть каждый из нас возьмет свою долю!

Тот ответил ему:

— Я — старик и считаю это для себя неприемлемым. Живите друг с другом счастливо!

Пожелав им счастья, старик покинул их.

Асламбек и девушка-красавица решили передохнуть. Асламбек положил голову в объятия девушки и заснул. А змий, охранявший девушку, подполз к нему и обвился вокруг его стана. Асламбек уже не в силах был проснуться.

Его молодой конь радостно явился к нему, но увидел обвившегося вокруг его стана залмийского змия, опечалился и говорит Асламбеку:

— Скажи этому залмийскому змию так: «Не отнимай у меня славы моей, не губи меня, и я тебе отдам все остальное, что ты от меня потребуешь!»

Асламбек обратился к залмийскому змию с такими словами, и тот освободил его, взял девушку-красавицу за руку и увел ее с собой.

Асламбек остался один. Он посмотрел им вслед и поклялся так:

— Я не родился у отца своего храбрецом, если оставлю эту девушку у тебя!

И, когда они удалились на значительное расстояние, Асламбек поехал за ними.

Залмийский змий и девушка-красавица прибыли к себе домой. Змий вышел наружу, оставив девушку одну, а Асламбек зашел к ней и сказал:

— Скажи своему стражу, залмийскому змию, так: «По лесным непроходимым тропам ты бродишь, по непроезжим дорогам ты странствуешь, избегаешь своего дома; дома же ты спишь целую неделю, а я остаюсь одна и скучаю. Хоть бы ты указал мне, где находится твоя душа, чтобы я радовалась ей и было мне немножко веселее».

Девушка так и сказала залмийскому змию, и он ей указал, где находится его душа:

— Вон внизу, между двумя курганами, есть озеро; на дне его лежит сундук, в сундуке — подушка, в подушке находится заяц, в зайце — голубь, а в голубе — моя душа.

После этого залмийский змий отправился бродить по лесным непроходимым дорогам, а Асламбек зашел к девушке-красавице и спрашивает ее:

— Ну, указал тебе залмийский змий, где находится его душа, или нет?

Она ответила ему, что указал, и передала слова змия Асламбеку. Асламбек выехал, чтобы достать со дна озера тот сундук. Он собрал своих побратимов, и ходок под землей опустился на дно озера. Попытался он поднять сундук, но не смог.

Тогда седобородый старик говорит ему:

— Я спущу к тебе свою бороду, обвяжи ею сундук, и тогда мы его поднимем.

Они так и сделали. Вытащили сундук на берег озера, вскрыли его, вынули оттуда подушку; разрезали подушку, и оттуда пустился наутек заяц; сотрясатель земли погнался за ним и поймал его за задние ноги; вскрыли зайца и вынули из него голубя; вскрыли голубя, и Асламбек вынул из него душу залмийского змия.

Он вернулся с этой душой к девушке-красавице. Зашел в дом залмийского змия, и тот взмолился:

— Не отнимай у меня зрения, не отрубай у меня моих ног,

и я дам тебе все, что ты только потребуешь. У меня имеется наследство семи братьев, в нем много драгоценностей; я поведу тебя посмотреть мои богатства и дам тебе то, что ты пожелаешь.

Они пошли смотреть богатства змия, а потом змий предложил Асламбеку:

— Я желаю быть твоим побратимом.

Асламбек дал согласие, и они вернулись в дом залмийского змия. Девушка-красавица вынесла им стакан молока. В том молоке было золотое кольцо. Асламбек отпил молока, но только залмийский змий собрался испить из этого стакана, как Асламбек бросил на пол его душу и растоптал ногами.

Так залмийский змий расстался со своей душой. Храбрый же Асламбек и необыкновенная красавица остались жить вместе. Живут и поживают они и по сегодняшний день.

82. Чиглаз

Жили-были муж и жена, и родился у них сын. Имя ему дали Магомет. У мальчика умерла мать. Отец женился второй раз. Мачеха плохо следила за сиротой; отец сам его баюкал и ухаживал за ним. Однажды читал отец коран и нашел там женское имя Чиглаз.

Когда он бывало баюкал своего сына, то говаривал ему:

— Не плачь, сыночек, я женю тебя на Чиглаз!

Мальчик подрос, а слова, которыми баюкал его отец, запали ему в голову. Мальчик сам стал искать это имя в той книге, коране. Он нашел его и заявил своему отцу:

— Вот теперь, отец мой, я и сам нашел в той книге это имя. Нужно найти и ее самое.

— Найдем ее,— сказал отец,— не волнуйся из-за этого! Садись, Магомет, на коня, отправляйся и ищи ее, как указано в той книге.

Магомет отправился на поиски Чиглаз и искал ее ровно семь лет. Через семь лет он ее нашел. Ему тогда исполнилось четырнадцать лет.

Он нашел девушку, зашел к ней, поздоровался и говорит:

— Когда я остался сиротой и был еще в колыбели, отец мой при чтении корана мне говаривал, что он женит меня на тебе. Когда же я и сам подрос, то стал я искать в коране твое имя,

нашел его и заявил своему отцу: «Отец мой, я нашел в коране ее имя, надо найти ее». Я разыскивал тебя целых семь лет и вот теперь нашел и сватаю тебя. Какой будет твой ответ мне?

Девушка не дала ему никакого ответа. А их было три сестры, и сестры ее сказали ему:

— Сейчас мы тебе не можем дать определенного ответа, но в пятницу мы будем купаться в озере; вещи ее будут посреди наших вещей, и если ты, будучи верхом на коне, сумеешь их унести, то мы выдадим за тебя нашу сестру. Если же не сможешь, то мы ее за тебя не выдадим.

Юноша согласился с этим условием. Он вернулся домой и сказал отцу:

— Я разыскал ту девушку.

Отец порадовался и похвалил его за это. До пятницы юноша находился дома. В пятницу утром он оседлал коня, а мачеха перед отъездом предложила ему:

— Возьми с собой слугу!

— Не возьму! — ответил юноша.

Мачеха предлагает ему второй раз:

— Возьми его с собой!

Он второй раз отвечает:

— Не возьму!

Юноша уехал, а мачеха послала за ним вслед слугу и дала ему иголку с наказом:

— Как только ты прибудешь туда, воткни эту иголку куда-нибудь в его одежду.

Не успел еще слуга нагнать Магомета, как конь юноши говорит ему:

— Ты мне удара не наноси, я поползу на коленях, а ты захвати те вещи!

Юноша сидел на берегу озера, и слуга нашел его там. Пока девушки не появились, он воткнул иголку в край его рубашки так, что Магомет этого даже не заметил. И юноша заснул на берегу озера. Девушки явились и искупались. Юноша их не видел, так как спал в это время.

После купания девушки ушли. Когда они отдалились так, что их уже не было видно, слуга вытащил иголку из рубашки Магомета. Юноша проснулся и спрашивает его:

— Не приходили ли сюда девушки?

Слуга ответил ему:

— Приходили. Они искупались и ушли обратно. Я будил тебя, но ты не проснулся.

Опечаленный юноша сел на своего коня и вернулся домой. Стоит на крыльце молча, охваченный грустью. Отец спрашивает его:

— Что с тобой, что тебя печалит?

Он ему ответил:

— Я был на берегу озера, а мачеха послала мне вслед слугу, он околдовал меня, и девушки застали меня спящим, поэтому я не выполнил условия, которое они поставили мне. Прошу тебя, мой отец, об одном: в этом доме есть один человек, разреши мне убить его.

— Не возражаю, даю тебе это право,— ответил отец.

Мачеха пошла во двор набрать дров. Получив разрешение отца, юноша вышел вслед за ней и убил ее. После этого он сел на своего коня и снова отправился за этой девушкой.

Едет он и по дороге сам с собой рассуждает:

— Что если эта девушка ускользнет из моих рук, а я еще взял грех на душу — лишил жизни человека?

Путь его лежал по безлюдной стране. На обочине дороги он увидел большой камень и сел на него. Камень лежал далеко и от воды, и от села. Сидит он на камне и хочет задать корм своему коню.

Конь сказал ему, что отказывается от корма, и Магомет спрашивает его:

— Почему ты отказываешься от корма? Что с тобой случилось?

— Я не могу смотреть на твой жалкий вид, на твои сиротские переживания,— ответил ему конь,— потому и отказываюсь от корма.

Когда юноша впадал в уныние, то и конь проливал слезы. Юноша и конь его три дня и три ночи не притрагивались к пище из жалости друг к другу.

Тем временем две сестры той девушки вышли по воду. Пришли, набрали воды и пошли обратно. Они проходили мимо Магомета, и он закричал им вслед:

— Эй вы, девушки! Дайте мне глоток воды!

Девушки переглянулись; они боялись дать воды юноше.

— Почему вы переглянулись между собой? — спрашивает он их.— «Да не будете в состоянии просящему, жаждущему дать воды!» — ведь эта поговорка осталась нам от предков.

— Ты не понимаешь, почему они не дают тебе воды,— говорит Магомету конь.— Они несут эту воду сестре для купания и из боязни перед ней не дают тебе воды.

Юноша в третий раз обращается к девушкам и просит их:

— Три дня я не знаю вкуса воды, дайте мне воды!

Младшая из двух сестер набралась храбрости и поднесла к нему воду в гогоне.

Магомет не стал пить, а бросил в гогон свое золотое кольцо.

Вернулись девушки домой, и только они открыли дверь, как сестра им сказала:

— От вас несет мужским духом. Кому вы дали воды?

— Никому,— ответили они.

Сестра ничего больше не сказала, взяла гогон, который был поднесен юноше, и стала обливаться, купаться. Тут вместе с водой из гогона прямо ей в руки выпало золотое кольцо. Она быстро его спрятала в руке, а двум своим сестрам говорит так:

— Знаете ли вы, кто был тот, кому вы дали воды? Это ваш зять!

И тогда обе сестры вышли к Магомету и привели его к себе домой. Так он стал жить там.

83. Из вопросов алдара

Некий человек предпринял далекий балц. Когда он возвращался, у околицы села встретился ему алдар, направлявшийся с двенадцатью товарищами в балц. Алдар повернул обратно, чтобы сопровождать его до дома.

Человек сказал алдару:

— У меня еще есть силы, чтобы принять участие в твоем балце. Ты оставайся дома, а я поеду вместо тебя с твоими товарищами в балц.

— Ничего, ничего! — сказал алдар.— Ты вернулся из дальнего балца, а между собой мы сочтемся потом.

Едут вместе, и алдар спрашивает вернувшегося:

— Как чувствует себя человек, когда у него умирают отец и мать?

— Он сокрушается некоторое время, а затем забывает их.

— Это верно. А как себя чувствует тот, у которого умирают дети?

— Сердце его бывает разбито.

— И это верно. А в каком положении бывает тот человек, у которого умирает близкий родич? — спросил он его.

— А тот лишается опоры с одного бока.

— И это верно. А если умирает любимая жена, то каково положение мужа?

— А такой человек лишается жизни, — ответил он.

— В таком случае, да будет светла ее память, твоя любимая жена скончалась! — сказал алдар и выразил ему соболезнование.

— И я ей говорю — прошу меня простить, алдар: «Да будет светла память твоя!» Если бы я не был уверен в ней, то я не находился бы в балце столько времени.

84. Три товарища

Три товарища по взаимному уговору украли трех мальчиков и повезли их верхами в Грузию, чтобы обменять на материю. Двоим удалось продать мальчиков, обменять их на материю, и они подождали своего товарища, который не смог продать мальчика. Чтобы не задерживать их, он повез своего мальчика обратно.

Едут они с хурджинами, полными материи, а у него — мальчик в хурджине. Он едет печальный, и товарищи подтрунивают над ним. Так они едут и приезжают в одно село.

На нихасе сидел какой-то старик; они поздоровались с ним. Тот встал им навстречу. Двое проехали мимо своей дорогой, а третий подъехал к старику и спрашивает его:

— Не купишь ли ты ребенка?

— Куплю,— отвечает тот.

— Что ты за него мне дашь?

— Я не даю ни денег, ни скотины. Если ты отдашь его мне за наставления, то я его у тебя куплю.

Тот поразмыслил над предложением старика и сам себе печально говорит:

— Если я отвезу его обратно, то меня убьют даже за кровь двух других. Лучше я отдам его ему.

Старик сказал:

— Перво-наперво: никогда не останавливайся на ночлег в

старом русле реки. Это тебе одно наставление. А второе наставление такое: может быть, по дороге кто-либо предложит тебе остановиться на ночь у него; ты тогда не обращай внимания на положение солнца, но заходи к нему на ночлег. Это тебе мое второе наставление. А третье наставление такое: если когда-нибудь при тебе зайдет речь о мужчине и женщине, то похвали мужчину, а женщину похули. А четвертое наставление даю тебе в подарок: если ты рассердишься крепко и поднимешь правую свою руку, то схвати ее своей левой рукой. Вот тебе подарок, четвертое наставление.

Мальчик остался у старика, а человек пустился нагонять своих товарищей. День клонился к вечеру. Товарищи его сделали остановку в старом русле реки; там он их и нагнал.

— Почему вы тут остановились? — спрашивает он их.— Поднимемся на берег и лошадей своих пустим к сену.

— А-а, ты умен! У тебя надо спрашивать совета, как же! Ты в своем хурджине несешь много материи! Это говорит о твоем мужестве!

Он поднялся на берег русла реки и привязал своего коня к стогу сена, а сам устроил себе в сене постель и лег спать. Ночью погода резко изменилась, вдруг пошел проливной дождь. Товарищи его, усталые от верховой езды, заснули крепким сном и не проснулись от дождя. Русло, переполненное дождевой водой, стало потоком, и поток унес их, сонных, вместе с лошадьми.

Утром выглянуло солнце. Он удивляется:

— Куда девались и ущелье, и люди? Я не узнаю места, в котором нахожусь!

Ходит он по берегам старого русла реки и видит: русло занесено илом. Он понял, что вода унесла его товарищей. Сел он на коня своего и поехал в раздумье. Солнце уже склонилось к закату, когда он доехал до одного села. Едет он селом и видит, что на нихасе сидит старик. Он поздоровался с ним.

— Ты похож на путника, едущего издали. Остановись у меня на ночлег,— предложил ему старик.

— Благодарю тебя, солнце стоит еще высоко,— ответил он, забыв о наставлении.

Проехал он еще немного и сам себе говорит:

— Яраби! Я за это наставление продал ребенка. Поверну обратно, может быть, он меня еще впустит к себе на ночлег.

Он вернулся к старику и говорит ему:

— Прости, добрый старик! В незнакомой стороне я плохо

разбираюсь, близко ли, далеко ли друг от друга села. Поэтому прошу тебя оказать мне приют как гостю.

— Гость — божий гость,— сказал старик, встал и привел его в свой дом. Он сначала убрал его коня, затем они вместе вошли в хадзар и сели. В хадзаре молодуха отвернулась лицом к стене, мать же была занята приготовлением ужина.

Гость удивился и думает про себя: «Что это за диво? Если она дочь стариков, то такого обычая никогда не было, чтобы женщина скрывала от нас свое лицо; если же она невестка, то где ее муж?»

Удивляется гость, а сам видит, что от стены отделилась лягушка, влезла на сиденье около очага и стала греть грудь свою у огня. Ничего не оставалось гостю, как только спросить старика:

— Недаром дедовская мудрость гласит: «Если гость болтлив, то его бьют собачьей ножкой». Прости меня, но мне кажется удивительным: если она дочь ваша, то почему она стоит, отвернувшись лицом к стене; если же она невестка ваша, то я не вижу у вас другого мужчины.

Старик вздохнул и сказал:

— Да падут грехи мои на тебя, ты снова напомнил мне о моих горестях! За морем у меня был товарищ-побратим; беременность наших жен пришлась в одно и то же время. И мы как любимые товарищи дали друг другу слово, что, если у меня родится дочь, а у него сын, моя дочь должна быть просватана за его сына; если же у меня родится сын, а у него — дочь, его дочь должна быть просватана за моего сына. Мы были товарищами-побратимами и сдержали свое слово: у него родилась дочь, вон та, что стоит, отвернувшись к стене, а у меня — вот эта лягушка. И его дочь пребывает в моем доме как жена лягушки.

— Ах ты безбожник! — говорит гость старику.— Лягушка — мужчина, а мужчина содержит дом, женщина же его разрушает.

Только он сказал такие слова, как кожа лягушки треснула и предстал перед ним вместо лягушки молодой человек с золотым чубом на голове. И девушка, и молодой человек попрятались *.

Старик сейчас же сообщил об этом матери и отцу девушки. Оба побратима-товарища были богаты скотиной. Мать и отец девушки прибыли со ста всадниками. Старик целый год угощал

их мясом годовалых ягнят. А затем отец девушки пригласил к себе в гости отца молодого человека. Он угощал его и людей, прибывших с ним, в течение двух лет невиданными яствами и напитками. Затем гости поблагодарили его и выехали домой.

Гость все еще оставался в доме старика. За ним всячески ухаживали, но он начал грустить, скучать по своему дому. Тогда старик спрашивает его:

— Кажется, гость мой, тебе хочется уехать?

Под разными предлогами он задерживал его у себя еще пять лет, а затем послал за отцом своей невестки:

— Приезжай посмотреть мой подарок дорогому гостю.

Тот оседлал своего богатырского коня, наполнил два двойных хурджина чистыми червонцами и говорит своей жене:

— Хозяйка наша, если он не побрезгует ими, то и мы отблагодарим дорогого гостя нашего хорошего родственника.

Старик наполнил для своего гостя фаэтон чистыми червонцами и подарил их ему вместе с возницей и лошадьми. Они проводили его в дорогу.

Он доехал до своего дома поздней ночью и сошел с фаэтона. Жена спала. Он зашел не через дверь, а через окно. Слышит: жена все спит и храпит. Он прислушался, и ему послышалось, что в постели храпят двое. Он вытащил свою шашку и хотел было уже нанести удар, но в последний миг левой своей рукой схватил правую руку. Не нанеся им удара, он печально повернул обратно; сел в фаэтон и в неурочное время приехал к своему шаферу. Постучался к нему в окно:

— Кто ты?

— Я Махамат.

Шафер выскочил к нему, стал обнимать. А он от печали не может даже слова вымолвить.

— Что с тобой? — спрашивает его шафер.

— Я нахожусь на пути к своей гибели,— говорит он.

— Что с тобой? — снова спрашивает тот.

— Я вернулся к себе в неурочное время и проник в комнату через окно. Жена моя спала; с ней спал мужчина — слышался храп двоих. Я вытащил свою шашку и хотел было ударить его, но левая рука моя схватила правую руку, и я отбросил шашку. А теперь я должен отправиться погубить свою голову где-нибудь.

— Ах ты безбожник! — говорит ему шафер.— Ты семь лет не был дома, а молодец в семь лет уже становится возницей.

Это — твой сын, он уже подрос и может быть возницей. Как же ему не храпеть, когда он спит рядом со своей матерью?!

Они вернулись обратно, и шафер разбудил жену его и сына.

И сегодня они еще живут в любви, в полном здравии.

Как вы этого не видели, так да не увидите вы никакой напасти, никакой болезни!

85. О хитростях муллы

Жил-был мулла. У старшего его брата была очень красивая жена. Мулле нравилась невестка, но он боялся, во-первых, своей жены, а во-вторых, и самой невестки; боялся, что они обесславят его, сделают его предметом пересудов и молвы.

И выдумал он такую хитрость. Накупил в лавке кушаний одно лучше другого, не пожалел расходов и, ничего не сказав дома, направился в то село, где жили родные невестки. Проехав значительное расстояние, он взял половину закупленных яств и зарыл в таком месте, где росла зеленая трава и протекала река.

Поехал он дальше и, не доезжая до села, зарыл другую половину яств в таком же месте. После этого он заехал к родным невестки и заявил им:

— У меня здесь было небольшое дело, и я завернул по пути проведать вас.

Ночь он провел там, а утром, отправляясь в путь, сказал родным невестки:

— Дочери вашей хочется проведать вас.

Приехав домой, он поведал невестке и брату, что был по своим делам в селе и посетил родных невестки; ей он сказал, что родные ждут ее к себе, а брату сказал, что родные невестки скучают по своей дочери, хотят ее видеть и просили передать ей, чтобы она их посетила.

Дальше мулла говорит брату так:

— Через три дня мне нужно ехать обратно, у меня там срочное дело, но у нас только одна лошадь, и, если я уеду, невестка останется; если же на этой лошади уедет невестка, тогда у меня сорвется срочное дело.

Брат сказал мулле:

— Если ты никого другого не везешь, то возьми ее с собой.

— Как я сяду в одну повозку с невесткой, которой по обычаю запрещено разговаривать с родными мужа? — ответил мулла.— Как я поеду с ней?

Старший брат на это ему говорит:

— Разговаривает она или не разговаривает, разве она не член твоей семьи?

— В таком случае пусть она готовится к поездке,— сказал мулла так, как будто он шел на это дело нехотя, хотя сам в душе был рад, что дело, о котором он молил бога, само плывет к нему в руки.— Ничего не поделаешь, не люблю ездить с женщинами; но она — моя невестка, и я отвезу ее.

Запрягли повозку; мулла и невестка выехали в путь. Когда они доехали до того места, где он спрятал на берегу реки свои яства, мулла остановил коня и сказал:

— Пусть конь наш и воды попьет, и попасется немножко.

Он распряг коня и отпустил его пастись, а сам присел близко от того места, где зарыл яства, и говорит так:

— О стафыр-аллах, не могу этого сделать! О единый боже, не могу сделать этого, не могу сделать этого! — повторяет он.

Так он повторил много раз это, а затем говорит:

— Это могу сделать, за это благодарен тебе!

После этого он откопал яства и сказал:

— Все это — дар божий. Поешь, невестка моя, и с собой бери; на это я согласен, а на другое дело я не согласен.

Невестка, соблюдавшая обычай молчания, стала волноваться: хочется ей заговорить, но она сдерживает себя и думает: «Что это за дело такое, с чем он согласен и с чем он не согласен?»

Выехали они дальше. Когда доехали до другой половины яств, мулла сказал:

— Зададим коню нашему, невестка, какого-нибудь корма; конь наш не должен прибыть туда голодным.

Он опять присел вблизи того места, где были зарыты яства, и опять повторяет:

— Стафыр-аллах! Тоба, стафыр-аллах, тоба! Я не сделаю этого дела, а то я сделаю; благодарны тебе за дар, то я сделаю!

Он несколько раз ударил палкой своей о землю, опять откопал яства и говорит невестке своей:

— Я — человек, угодный единому богу; со мной ведут речи ангелы; а теперь опять ешь, невестка; ты никогда не будешь нуждаться в пище, ешь, сколько хочешь.

В невестке заговорил лукавый, и она подумала: «Дай-ка нарушу обычай молчания и заговорю с ним, чтобы узнать от него, в чем дело».

— Мулла! — говорит она своему деверю.— Ты — человек, угодный единому богу, пища идет впереди тебя. Не согреши перед богом, скажи мне, что это за дело такое, с которым ты не согласен? Пока ты не скажешь мне этого, я не отстану от тебя.

— Как я могу сказать про это? — ответил мулла, закрыв свое лицо руками.

— Скажи! — настаивала невестка.— Не скрывай больше того, на что единый бог и его ангелы направляют тебя!

— Ангелы мне на ухо наговаривают вот такое дело,— сказал мулла.

— Тут нет никакого греха, раз единый бог и святые ангелы вложили это тебе в сердце, как богоугодному человеку,— говорит невестка.

— В таком случае я это осуществлю,— сказал мулла,— но никому об этом нельзя говорить: ни мужу твоему, ни родным твоим, ни жене моей. Как только ты скажешь об этом комунибудь, так навлечешь на себя божье недовольство.

Ну, они и совершили это дело, которое внушили им ангелы, как же иначе могло быть?! И поехали по своей дороге дальше в более веселом настроении. Прибыли к родным невестки, а она им говорит:

— Мулла — изнеженный человек; окажите ему и здесь побольше внимания.

Под разными предлогами мулла уходил и до вечера пропадал где-то.

Пробыв там условленный срок, они выехали обратно. На обратном пути они опять выполнили поручение ангелов и договорились, как они должны вести себя по возвращении домой. Они поняли друг друга и целый год выполняли поручение ангелов, но потом об этом стало известно жене муллы.

— Ты совершил позорное дело,— заявила она своему мужу.— Если ты еще хоть просто пройдешься мимо нее, то ты больше не будешь муллой, а я больше не буду твоей женой и осрамлю тебя перед народом.

Невестка бывало прохаживалась ненароком мимо него и спрашивала его:

— Почему мы больше не выполняем поручения, которое нам дали ангелы?

— Жена моя оказалась из сонма ангелов,— ответил мулла,— и узнала про наши дела.

Поэтому любовь муллы к невестке и дела их, внушенные им ангелами, были прекращены.

Вот вам рассказ о том, как ангелы и муллы связаны друг с другом.

86. Поп и жена алдара

Однажды поп и бедняк отправились вместе в балц. Бедняк ехал на жеребой кобылице, а поп — на мерине.

Едут они, едут, и в одном месте их застали сумерки. Они заночевали там. Ночью кобылица ожеребилась, и жеребенок каким-то образом оказался около мерина попа.

Утром они проснулись, осмотрелись, и поп обрадовался:

— Мой мерин ожеребился!

— Как это твой мерин мог ожеребиться?! — говорит ему бедняк.— Моя кобылица была жеребая, вот она и ожеребилась.

Они заспорили, и поп предложил бедняку:

— Если ты оспариваешь, что жеребенок принадлежит мне, то поедем к алдару, моему побратиму, который живет вон в том селе, и он рассудит, кому из нас принадлежит жеребенок.

Бедняк согласился с предложением попа, и оба направились в село, в котором жил алдар. Подъехали к дому алдара; вышла к ним его жена, и поп спрашивает ее:

— Дома ли алдар, побратим мой?

Она спросила его, на что тот ему нужен, и поп сказал:

— Я и бедняк вместе выступили в балц. Я — на мерине, а бедняк — на кобылице. В одном месте застала нас ночь. Мы там заночевали, и моя лошадь ожеребилась, а бедняк теперь оспаривает жеребенка, называет его своим.

Жена алдара выслушала попа и сказала им:

— Посидите пока немножко здесь, а алдар скоро явится. Он пошел прогнать рыб, которые потравили наш покос.

Поп удивился и говорит:

— Ну как это может быть? Разве рыбы когда-либо у кого-либо травили покос?

— Ну как ты этому удивляешься? — сказала ему жена ал-

дара.— У тебя самого мерин ожеребился, и этим ты ведь нисколько не удивлен!

Поп признал, что он силой хотел отнять у бедняка его жеребенка, и возвратил его бедняку.

87. Поп, жена бедняка и его дочь

После смерти бедняка остались жена и дочь его. Были у них две лошади и четырехколесная повозка, долгу же бедняк оставил около тысячи рублей.

Жена бедняка думала-думала над тем, что же ей делать, и надумала пойти к священнику.

Она пошла к священнику и сказала ему:

— Когда мой муж умирал, то он наказал мне: «Четырехколесную повозку и двух лошадей отдай священнику!»

Услыхав это, священник сказал:

— Он был умен и умным умер.

Жена бедняка говорит дальше:

— Затем он мне еще советовал и так: «Поступи с дочерью своей к священнику и работайте у него!»

— Он был умелый советчик и таковым умер.

— А еще он мне наказывал вот что: «Я должен одному человеку полтысячи. Попроси священника заплатить ему этот долг»,— сказала опять жена бедняка священнику.

Когда священник услыхал, что нужно заплатить долг, то вскипел и сказал:

— Ишаком он был и умер ишачьей смертью!

Священник отказал жене бедняка в ее просьбе и остался жить сам по себе, а жена бедняка — сама по себе.

88. Как туальский поп отпевал покойника бедняка

Умер бедняк, и священник был приглашен вместе с дьячком на его отпевание. Гроб вынесли на улицу, установили, и священник приступил к отпеванию. В это же время другой бедняк вез мимо арбу дров на продажу. Это заметил священник.

Он сразу забыл об отпевании покойника и думал лишь о том, как бы заполучить дрова. И вот он вставил в отпевание такие слова:

— Эй ты, продавец дров! Отвези-ка дрова ко мне домой. Я сейчас окончу отпевание ишака-покойника, вытяну за это пять рублей и иду вслед за тобой!

А псаломщик заключил его отпевание возгласом: «Аминь!»

89. Как туальский поп отпевал грузинского алдара

Умер грузинский алдар. Там оказался туальский священник со своим дьячком. Покойника вынесли во двор. Туальский священник совершил отпевание алдара, и его похоронили. Когда люди возвратились в дом покойника, то обратились к туальскому священнику, чтобы он освятил все то, что приготовлено было на поминки.

Туальский священник начал освящение на осетинском языке и под видом освящения обращается к дьячку с такими словами:

— Пока я речь веду, ты сложи в хурджины лучшие шейные и поясничные части!

А дьячок ему вторит и отвечает:

— О, чтобы у тебя умер лучший член семьи! Освяти сначала, а не то, если поймут нас, то изобьют!

Среди собравшихся и съехавшихся по случаю смерти алдара оказался один грузин, который понимал по-осетински. Он сказал обо всем грузинам, и они избили священника. Так они вернулись домой избитыми.

90. Поп и бедняк

Жили-были муж и жена, бедняк и беднячка. Всякий раз, когда жена бедняка выходила на реку по воду, там оказывался поп и заигрывал с нею.

Когда он измучил ее своими приставаниями и она оказалась в безвыходном положении, то она рассказала обо всем своему мужу:

— Ежедневно, когда я выхожу на реку по воду, он тоже выводит своего коня на водопой и пристает ко мне. У меня мо́чи уж нет от его заигрываний.

Муж говорит ей:

— Завтра я сделаю вид, будто отправляюсь в недельную отлучку, и поручу тебя попу, скажу ему: «Присмотри за моей женой до моего возвращения». Ты замани его к себе, а я вернусь вечером.

Утром бедняк встал, запряг четырехколесную повозку и направился к дому попа. Там он остановил коня, вызвал священника и сказал ему:

— Я неделю буду в отлучке; прошу тебя, присмотри за моей женой.

Поп про себя обрадовался этому и охотно обещал бедняку присмотреть за его женой.

Бедняк последовал по своей дороге дальше, а жена, взяв ведра, пошла по воду, но так, чтобы ее видел поп. Тот не преминул вывести вслед за ней своего коня на водопой. У реки жена бедняка и поп встретились.

Поп ей говорит:

— Муж твой сегодня утром, уезжая в недельную отлучку, просил меня, чтобы я до его возвращения присматривал за тобой.

— Вот так и надо делать,— ответила та.— А ты ко мне приставал, когда муж мой был дома. Вот теперь приходи вечером. Вот так и надо делать,— сказала она ему еще раз.

Попу день показался долгим: насилу дождался он вечера. Вечером он пришел к жене бедняка и стал приставать к ней, требуя своего, но она ему сказала:

— Сиди тихо! Подожди, приготовлю чего-нибудь: ведь всю ночь мы будем предоставлены самим себе.

Она приготовила хороший ужин, а тем временем муж вернулся и в окно стал подслушивать разговор жены и попа. Когда жена и поп собрались уже ужинать, бедняк постучал к ним в окно.

Поп перепугался; ему негде было спрятаться, и жена бедняка спрятала его за дверью, прикрыв его всякой ветошью. После этого она открыла дверь, и муж ее вошел. Она спросила его, почему он так рано вернулся, и он ей ответил:

— Разве у бедняка может быть удачная дорога? Колесо сломалось, и я вернулся обратно.

Бедняк видит, как накрыт стол, и спрашивает жену:

— Хозяйка наша, что с тобой на этот раз случилось, ведь ты никогда такого стола не накрывала?

— Я знала, что ты вернешься,— отвечает жена,— и приготовила вот так, как видишь.

Тогда муж ей предлагает:

— В таком случае нехорошо будет, если всем этим угощусь я один. Иди и пригласи поужинать со мной нашего соседа, попа.

Жена бедняка пошла. На зов ее вышла к ней из дома жена попа. Она спрашивает:

— Где поп? Муж мой приглашает его поужинать вместе.

— Сегодня он ушел куда-то и пока не вернулся домой,— сказала ей жена попа.

Жена бедняка вернулась к мужу с таким ответом, и он снова ее посылает:

— В таком случае иди и пригласи его жену.

Жена бедняка пошла второй раз, привела жену попа; стали они ужинать. После хорошего ужина жена бедняка вышла, оставила мужа своего и жену попа одних. Бедняк тогда положил жену попа на кровать и насладился с ней.

Жена попа ушла домой, а жена бедняка вернулась обратно в комнату. Бедняк смотрит в угол, в котором за дверью был спрятан поп, и, прикинувшись удивленным, спрашивает жену:

— А что это у тебя в углу?

— Смотри-ка,— говорит она,— как это я забыла! Сегодня приходил нищий за милостыней, ему негде было приютиться, и я его там уложила спать.

Бедняк отбросил в сторону ветошь, которой был накрыт поп, провел по его голове рукой и говорит удивленно:

— Смотри-ка, он действительно жалок! Видишь, как голова его обросла волосами! Принеси-ка ножницы, мы его острижем!

Жена бедняка дала мужу ножницы, и он остриг волосы попа. Окончив стрижку, он приказал жене покормить его кое-чем, а сам удалился.

Когда поп убедился, что бедняк ушел, то он и есть не стал, а выскочил в двери и, запыхавшись, явился домой.

Жена попа, увидев мужа остриженным, спрашивает:

— Муж наш, кто это так разделал твою голову?

А он отвечает ей:

— Тот же, кто отделал тебя!

С того времени поп боялся даже проходить мимо красивой жены бедняка.

91. Дурень Сонтхела и его жена

Отправился Сонтхела в лес и нашел иголку. Положил ее вместе с вязанкой дров и про себя думает, что иголка пригодится его жене.

К вечеру он вернулся домой и кричит жене:

— Вот я тебе нашел иголку!

Жена вышла к нему. Сонтхела развязал вязанку дров и стал искать иголку, да не нашел.

— Ах ты, дурной Сонтхела! — говорит ему жена.— Кто же кладет иголку в вязанку дров? Если человек находит что-нибудь, то он кладет это себе на грудь.

Утром Сонтхела опять отправился в лес. По дороге он нашел кинжал; воткнул его себе в грудь и, весь окровавленный, вернулся домой.

— Вот я нашел кинжал! — опять закричал он жене.

Жена вышла к нему и, увидев Сонтхела — окровавленного, с кинжалом, воткнутым в грудь, выругала его и говорит:

— Кто же втыкает кинжал себе в грудь? Каждый привязывает то, что он находит, к себе сзади.

Утром Сонтхела опять отправился в лес и нашел по дороге щенка. Он связал вязанку дров, а щенка привязал сзади, как его наставляла жена. Щенок, мучаясь, обгрыз ему пятки. Сонтхела опять вернулся окровавленный и кричит жене:

— Вот посмотри, какого щенка я тебе нашел!

Она вышла к нему и, увидев привязанного сзади щенка, который обгрыз ему ноги до крови, опять ему сказала:

— Разве кто-нибудь привязывает щенка сзади? То, что находят, обычно приводят за собой.

Сонтхела и на следующее утро направился в лес и нашел по дороге топор. Он заготовил опять вязанку дров, а найденный топор положил на дорогу и стал приглашать его следовать за ним, но топор не сдвигался с места. Сонтхела рассердился, подбежал к топору, схватил его и швырнул. Топор попал в дупло

дерева, и оттуда вытек мед. Сонтхела подошел к дереву, увидел мед и испачкал им свои руки; руки он сунул в рот, почувствовал во рту сладкое и, вернувшись домой, рассказал об этом жене:

— Сегодня я нашел топор. Я положил его на дорогу, стал звать его, звал долго, и, так как он не слушался, я вскипел и швырнул его. Топор попал в дупло дерева, и оттуда вытекло что-то сладкое.

Жена поняла, что он нашел мед. Она привела Сонтхела к этому дуплу дерева. Найденный мед они вместе доставили домой. До сих пор они живут и поживают.

92. Глупая семья

Жили-были муж и жена, и было у них три дочери. Жили они очень бедно. Муж батрачил. У них имелся один бык, и муж решил:

— Пойду заработаю на покупку пары своему быку.

Он ушел из дому и стал работать батраком.

Девушки, дочери его, проводили время во дворе под дикой грушей и вели глупые разговоры. Вот однажды средняя дочь говорит своим сестрам:

— Вдруг наша старшая сестра выйдет замуж и родится у нее сын. Придет она к нам, чтобы проведать нас, и заставит своего мальчика залезть на дерево, а он упадет с дерева и умрет!

Они принялись плакать и оплакивали его долго. Рассказали об этом своей матери и решили заранее зарезать быка ему на поминки:

— Давайте на поминки его зарежем быка!

Пригласили соседей. Те усмехаясь съели быка.

Живут они дни, годы. Тем временем вернулся домой их отец с одним быком. Зашел в дом и видит, что семья его сидит, охваченная печалью. Он спросил жену и дочерей о том, что случилось, и они рассказали ему, по какой причине зарезали быка.

— Увы, вы разрушили мой дом! — сказал бедняк.— Мне не нужна больше семья, не нужен никто из вас! Как мне жить с вами, если я изнемог от ваших дурацких поступков! Ведь я ушел для того, чтобы купить пару своему единственному быку, а вы его зарезали, чтобы накормить его мясом наших соседей!

На второй день он покинул свою глупую семью. Шел он, шел и встретил по дороге двенадцать всадников, очень встревоженных.

— Что случилось? — спрашивает он их.

Они ему говорят:

— Когда мы выехали из села своего, нас было двенадцать. А теперь считаем и так, и этак: выходит, что нас осталось одиннадцать всадников.

Бедняк пересчитал их про себя: вышло, что их двенадцать.

— Ну, а если я сделаю так, что вас опять окажется двенадцать, то чем вы меня вознаградите? — спрашивает он.

— Ты только найди нам нашего товарища, и бери, что захочешь! — говорят они ему.— Мы дадим тебе по десять туманов, а еще лучше мы сядем по двое на коней, а тебе дадим двух коней.

— Ну, пусть кто-нибудь посчитает вас!

Выходит один, другой, считает стоящих в ряду, а себя не считает. Тогда бедняк выстроил их в ряд, посчитал, и вышло их двенадцать. На радостях они дали бедняку то, что обещали, и уехали.

А бедняк, уже верхом, поехал по дороге и доехал до пшеничного поля. Видит: посреди поля стоит дом. Он подъехал к дому ближе и услышал крик, шум.

— Что это такое? — спрашивает он.

— Нас семь братьев,— объясняют ему.— Вот эти земли под пшеницей принадлежат нам, и что-то их губит, вырывает с корнем пшеницу. Долгой зимой мы погибнем от голода. Ты видишь, чем мы заняты, но вся беда в ветре, он волнует пшеницу. Вот какая у нас беда.

Бедняк подумал про себя, а затем спросил их:

— Чем вы меня вознаградите, если я вам спасу ваши пшеничные поля от ветра?

Они с радостью сказали ему:

— Дадим тебе все, что ты сам захочешь. Осенью мы завезем тебе в дом половину нашего урожая зерна.

— В таком случае уходите домой и запритесь,— предложил он им.— Спрячьтесь у себя так, чтобы к вам не проникал луч света.

Они попрятались, а бедняк сел на камень и принялся искать в своей одежде вшей. Когда ветер перестал дуть, он закричал им:

— Выходите!

Они вышли из своего дома, видят: кругом тишина, а хлеба стоят неповрежденные.

Они завезли ему на дом зерна столько, сколько обещали. А бедняк после этого задумался и сказал:

— Смотрите-ка, двенадцать всадников и семь взрослых людей оказались дурнее моей семьи! Вернусь-ка я обратно к своей семье!

93. Немой и глухонемой

Давным-давно жили немой и глухонемой. У глухонемого была одна хромая овца и три козы. Каждый день он выгонял их пастись. Однажды он заснул, и скотина его разбрелась. Глухонемой проснулся, видит: скотины его нет на пастбище. Пошел он искать свою скотину, и встретился ему немой, который полол свою пашню; глухонемой с помощью рук и другими знаками спросил немого о своей скотине, но немой понял его так: «Где проходят границы твоей пашни»,— и указал четыре ее стороны.

А глухонемой понял его так: моя скотина разбрелась, как он показывает. Пошел он туда, куда указал немой, и нашел там свою скотину.

Вернувшись обратно, он решил в благодарность подарить немому хромую овцу. Подошел к нему и отдает ему хромую овцу. А немой понял его так: «Почему ты овцу мою сделал хромой?». Он перепугался и стал убеждать глухонемого, что это не он сделал.

Глухонемой все-таки оставил ему овцу и удалился.

А немой подумал про себя, что тот пошел жаловаться на него; отломил он ручку тяпки, погнался за глухонемым и избил его на дороге до смерти.

94. Про мужа и жену

Жили муж и жена. Жена выполняла домашние работы, а муж возился с топором во дворе. Однажды смотрит муж со двора и видит: беременная женщина несет на мельницу зерно и

боится ступить на мост. Ему стало жалко женщину; подбежал он к ней и нечаянно толкнул ее. Женщина ушиблась, а он побежал прочь. Увидел это муж женщины, который находился на мельнице, и погнался за ним.

Добежал беглец до двух крестьян, осел которых увяз в грязи так, что они не могли его вытащить, и говорит им:

— Держите его за уши, а я буду держать за хвост, и вытащим его!

Те потянули осла за уши, а беглец — за хвост. Осел остался без хвоста. И те двое погнались за ним. Гонятся за ним уже трое. И стали они настигать его у берега большой реки.

Видя это, беглец прыгнул с высокого берега и угодил на ханского сына, который спал под деревом; тот был убит на месте, и за беглецом погнались слуги хана.

Они гнались за ним долго, но он все-таки сумел скрыться от них. Попал он в другое дело. В одном доме там был кувд, на котором происходил дележ долей по группам участников кувда. Беглец тоже протиснулся туда.

— Сколько вас в группе и кто такие? — спросили его.

— Нас четверо,— ответил он: — этот человек, да этот молодой человек, да я сам, да мой осел.

Он получил четыре доли и ушел. Послали за ним вдогонку:

— Догоните его и, если их не четверо, отберите у него все и побейте его!

Избили его, а как же иначе могло быть?!

Пошел беглец дальше и наткнулся на большую отару овец. Озирается кругом: чабана нигде не видно. Он поймал ягненка, сунул его в свои хурджины и пошел дальше своей дорогой.

Чабан наблюдал за ним долго. Как только он заметил чабана, то прикинулся, будто что-то ищет. Дошел до чабана и стал вертеться, искать, как будто у него что-то пропало.

— Что ты ищешь, добрый человек? — спрашивает его чабан.

— Адирики, модирики, фсерики *,— отвечает он.— А ты что ищешь?

— Что я ищу? — сказал чабан.— То, что у тебя на спине!

И, поколотив его дубовой палкой, отнял у него ягненка.

Беглец, избитый, идет дальше по дороге, держа еще в руках свой топор. Смотрит и видит: в озере множество гусей.

— Чем ничего, лучше хоть гусь,— сказал он и бросил в них свой топор. Гуси улетели, а топор его пропал в озере.

Он быстро разделся и полез искать свой топор. Топора он

не нашел, а когда вылез из воды, то не нашел на месте и своей одежды: кто-то украл его вещи.

Пошел он дальше по дороге голый. У села погнались за ним собаки; он нагнулся, чтобы схватить камень, а в это время одна собака нагнала его сзади и оторвала у него его яблоки.

В таком виде он еле-еле добрался домой. Был уже неурочный час. Жена его проснулась и говорит:

— Не впущу тебя в дом, пока не скажешь, где ты пропадал.

Он рассказал ей все, вплоть до топора.

— Я потерял свой топор...,— рассказывает он дальше.

— Найдется еще где-нибудь старый топор,— утешает его жена.

— Этим дело не ограничилось, а... а... я потерял всю одежду... кто-то украл у меня все мои вещи...

— Найдем где-нибудь для тебя какую-нибудь подержанную одежду.

— Этим дело не ограничилось, а... а... вот так и так!

— В таком случае и не показывайся больше!

И она не впустила в дом своего мужа.

95. О дураке

У одного человека было двое сыновей. Один из них был невиданный дурак, но обладал большой физической силой. А другой был поумнее, но силы у него было поменьше.

Два брата на ослах привозили из лесу дрова. Пока умник набирал одну охапку дров, дурак набирал три.

Сколько времени они прожили так, ведомо одному богу. Но вот умерли их отец и мать. Братья поступили к хану в батраки, а дом свой продали.

У хана жена была бесплодная, и жили они только вдвоем. Умник пас у хана крупный рогатый скот, а дурак — овец.

Однажды дурак пас своих овец на крутом берегу реки под яблоней; залез он на яблоню и стал трясти ее, сбрасывать яблоки своим овцам, а сам сверху говорит им:

— Кто оставит мне долю, будет жить, а кто этого не сделает, будет убит.

Овцы и сами еще не наелись, но у одного молодого козла в рогах застряло одно яблоко. Чабан спустился с яблони, при-

вязал козла к дереву, а остальных гуртом сбросил с крутого берега. Козла он запер в стойле, и тот в одиночестве громко блеял.

Хан рассердился на козла.

— Почему этот козел без умолку громко ревет? — сказал он.— Приведите его и зарежьте!

Дурак пошел, зарезал козла у порога стойла и принялся хвастаться:

— Каково было овцам в тот день в горах! Проклятые, они не оставили мне моей доли!

Брат его был ошеломлен и спросил его:

— Что ты опять наделал, настоящий ты болван!

— Что я наделал? Я сбивал им с дерева яблоки, и, кроме молодого козла, которого я зарезал, никто не оставил мне моей доли. Я слез с дерева и покидал их с крутого берега, а того козла одного запер в стойле, и он от одиночества ревел без умолку.

— Да не простит тебе бог: хан теперь прикажет нас обоих убить! Надо бежать отсюда!

В страхе он быстро оделся и пустился бежать, сказав глупцу:

— Закрой двери и быстро следуй за мной!

Он убежал, а дурак подумал, что брат велел ему снять дверь, и он принялся за это дело. Снял ее, взвалил себе на спину и в таком виде догнал своего брата.

— Я тебе не поручал снять дверь, да не возблагодарит тебя бог! А теперь и бросить ее нельзя, потому что по ней нападут на наш след. Понесем ее с собой, иначе хан поймает нас!

И побежали они с дверью дальше. К восходу солнца добежали они до одной низины и быстро взобрались вместе с дверью на дерево. Дурак уселся на дверь и озирается кругом.

А это дерево оказалось священным деревом другого села, и скоро к нему стали собираться люди на кувд. Тот день оказался днем кувда, к которому все уже было готово. Но их пока никто не заметил на дереве.

Они проголодались, и, когда произносили обычный тост-моление *, глупец сказал:

— Если мы их не заставим сейчас разбежаться, то, когда они усядутся за столы пировать, разогнать их будет уже нелегко.

Не успел еще старейший произнести и половины тоста-мо-

ления, как глупец сбросил с дерева дверь, и она угодила в самую середину пиршественного стола.

— Увы, наш кувд не угоден богу! — закричали люди и обратились в бегство; ни одного из них там не осталось. А дурак слез с дерева, наполнил ушат пирогами и мясом и сказал, что хочет приготовить дзигка.

Брат-умник пока не спускался с дерева, боясь погони, и сверху наблюдал за ним. Но опасности ниоткуда не видно было, а, между тем, он сильно проголодался. Не успел он приступить к еде, как явился хан. Он вступил в схватку с умником, и, когда они в схватке приближались к дураку, тот кричал на них:

— Вы можете убить друг друга, а мою дзигка не проливайте, не то я одного из вас убью ударом о дерево!

Умник-брат испугался, что хан его убьет, и стал подвигать его в сторону ушата. Когда тот оказался около ушата, он толкнул его, и дзигка глупца пролилась.

— А, ты так, хан, пролил мою дзигка! — закричал дурак и стукнул хана о дерево. Хан был убит.

Тем временем показалась и жена хана; дурак и ее стукнул о дерево и убил.

С опозданием стали появляться и слуги хана; дурак убивал их, ударяя о то же дерево. Как только кто-нибудь из них прибывал по тревоге, поднятой ханом, глупец хватал его, ударял о дерево и — пусть недруга твоего постигнет такая участь, какая постигла ханских слуг!

После этого два брата завладели имуществом хана, поселились в его доме и живут, не зная никаких болезней, по сегодняшний день.

96. О воре

Давно, сказывают, в одном селе жил вор, и люди не знали, как унять его. Он воровал ночью и проводил всю жизнь свою в воровстве. Люди давно знали, что он вор и живет воровством, но не могли унять его, и село дошло до разорения.

Когда людям не стало от него житья, они решили спросить совета у вдовы-ведуньи: как им унять этого человека? И она им посоветовала:

— Его трудно унять. Поступите вот как: в следующий чет-

верг он пойдет воровать в самый крайний дом села; вы ему дайте войти в дом, а сами дождитесь его выхода и убейте его на месте!

Так и сделали они. В следующий четверг они поджидали его в засаде возле указанного дома, но вору откуда-то стало известно намерение жителей села, и он в этот дом не явился, а пошел по другой дороге. Бросил он на этой дороге один свой чувяк и пошел дальше. Пройдя некоторое расстояние, он бросил и второй свой чувяк, а сам притаился на обочине так, чтобы его не было видно.

До того места, где вор бросил первый чувяк, доехал какой-то всадник. При лунном свете он заметил чувяк, но поленился сойти с коня, сказав про себя:

— На что мне один чувяк?

Когда же всадник доехал до второго чувяка, он сказал:

— Пойду-ка захвачу и пару его: они пригодятся бедному человеку!

Он сошел с коня, привязал его к ветке дерева, а сам побежал за первым чувяком. Вор наблюдал за ним. Когда тот побежал за чувяком, он вышел из засады, вскочил на его коня и исчез. Он спрятался в лесу у дороги так, чтобы его не видно было, и дождался утра.

Утром какой-то человек ехал на арбе; к арбе сзади веревкой он привязал козу, а за ней бежал козленок.

Когда арба проезжала мимо вора, тот помахал ветками козленку, поймал его, связал его ноги и спрятал его за кустом.

Хозяин оглянулся и увидел, что козленок больше не бежит за козой. Он привязал козу к дереву, а сам бросился искать козленка. Вор развязал козу и приволок ее к козленку. А хозяин все ищет и ищет их в кустарнике.

Как бы там ни было, а совет вдовы-ведуньи оказался неудачным, и жители села озлобились против нее.

Через несколько дней вор вернулся домой. Никто из жителей села не узнал о его возвращении, а он залез в один дом и хотел унести оттуда копченое мясо, которое было на ундуге; но балки, на которых держался ундуг, не выдержали, и ундуг упал на голову одного из членов семьи.

Вор бежал оттуда, а те за ним. Он не представлял себе, по каким местам бежит, свалился с плоской крыши высокого горского дома и разбился насмерть. Утром жители села нашли его труп около этого дома.

97. Жулики и бедняк

Жили-были муж и жена; из имущества была у них единственная корова, и они вздумали ее продать. Жена сказала своему мужу:

— Гони корову и продай ее!

И он погнал ее впереди себя. Гонит ее, гонит по дороге. А жулики задумали обмануть его и присвоить себе единственную его корову. Один из жуликов отделился от своих товарищей и пошел навстречу бедняку. Повстречался с ним и приветствует его:

— Да будет путь твой прямой!

— Да будет дело твое правое!

— Не продашь ли свою козу?

— Какая еще коза? Что у тебя глаз нет? Не видишь, что это корова?

— Коза, клянусь богом моим, коза, а не корова!

— Сколько же ты мне за нее дашь?

— Если тебе нужно шесть рублей, то оставь ее мне.

— Ты шутишь что ли? — сказал бедняк в сердцах и направился по своей дороге дальше, гонит впереди себя корову.

Через некоторое время встречается ему второй жулик.

— Да будет путь твой прямой!

— Да будет дело твое правое!

— Не продашь ли свою годовалую козу?

— Это не годовалая коза.

— А что же?

— Корова!

— Разве когда-нибудь кто-либо видел такую корову? Годовалая коза, клянусь моим богом, годовалая коза!

— В таком случае, сколько ты мне за нее дашь?

— Четыре с половиной рубля. Даю тебе за нее хорошую цену, бери, ошибешься!

— Ничего я тебе не продам!

Идет бедняк дальше, встречается ему третий жулик. Поздоровались друг с другом, поговорили кое о чем, и жулик спрашивает его:

— Не продашь ли своего козленка?

— Это не козленок, а корова! Корова, чтоб тебе пропасть!

— Какие ты речи ведешь? Что я, не отличаю уже козленка

от коровы? За сколько ты его отдаешь? Если тебе нужны три рубля, то оставь его мне.

Бедняк в самом деле испугался и погнал свою корову назад, чтобы отдать ее тому, кто предлагал ему шесть рублей. Так и продал ее за шесть рублей.

Вернулся бедняк домой с шестью рублями и говорит своей жене:

— Хозяйка! Корова наша была не корова, а коза, и я продал ее за шесть рублей.

Жена бедняка горько заплакала:

— Ты погубил нас! Кто-то обманул тебя и получил от тебя корову задаром!

Бедняк понял, что жулики обвели его вокруг пальца. Каким-то способом он раздобыл тридцать туманов и отправился в город. В трех столовых он оставил залог по десять туманов, а сам разыскал жуликов, обманувших его. Он пригласил их с собой в столовую. Они поели, попили вдоволь, а затем покинули столовую. И очень удивились, что с них не потребовали денег.

На второй день бедняк пригласил их в другую столовую. Поели, выпили и в этой столовой, а затем бедняк снял с головы своей папаху и поблагодарил хозяина, как и в первой столовой. Жулики опять были крайне изумлены, что с бедняка ничего не взяли за угощение.

И в третьей столовой он угостил их таким же образом. Жулики уже не могли сдержаться и спрашивают бедняка:

— Как это они угощают тебя бесплатно?

— Это потому, что вот эта папаха — царский подарок, и везде знают, что я нигде ничего не должен платить. Так я и живу.

Тогда жулики пристали к нему:

— Продай нам свою папаху!

— Нет, я не хочу губить себя, она у меня не продается!

— Ты должен во что бы то ни стало продать ее нам!

Они от него не отставали, умоляли его. Тогда он продал им свою старую папаху за три тысячи и вернулся к себе домой.

Жулики же на радостях ввалились в столовую. Поели вдоволь, затем схватили свою папаху и хотели уйти.

— Эй, а деньги?!

Хозяева столовой задержали их. Те стали ругаться, но все-таки заплатили все, что следовало с них. Тогда они обвинили своего старшего в том, что он не сумел снять папаху так, как

следовало. Каждый из них по очереди надевал папаху, но и с ними получалось то же, что и со старшим жуликом.

Озлобленные, они явились к бедняку, но не застали его дома. Бедняк предвидел, что жулики явятся к нему, и скрылся из дому, а жене своей поручил:

— Я забираю с собой одного из двух наших зайцев, а другого оставляю здесь. Когда они явятся сюда, ты отпусти зайца со словами: «Ступай к мужу нашему и доставь его сюда, скажи ему, что его ожидают дома гости». Я явлюсь с тем зайцем, которого забираю с собой.

Только бедняк исчез из дому, как заявились к нему жулики и спрашивают его жену:

— Где ваш муж? Пусть он быстро выйдет к нам!

— Его нет дома, но я сейчас же пошлю за ним нашего вещего зайца.

И она громко сказала зайцу на ухо:

— Иди скорее, найди мужа нашего, где бы он ни находился, и доставь его сюда!

Заяц убежал в лес, а бедняк вернулся домой с другим зайцем. Жулики были поражены и стали упрашивать бедняка, чтобы он им продал своего зайца. Он продал им его за большие деньги. В радостном настроении жулики ушли со своим зайцем. Они послали его куда-то, и заяц, пользуясь свободой, скрылся в лесу.

— Чтоб тебе пропасть, бедняк! Ты одержал над нами верх!

Они вернулись к бедняку, но никого в доме не застали, кроме маленького мальчика.

— Где хозяева дома? — спрашивают они его.

Мальчик с плачем указал на кладбище, дал понять: муж, мол, умер, а жена его стоит у могилы и оплакивает его. Жулики тайком подобрались к кладбищу и слушают, как жена причитает:

— Да постигнет меня гибель! Ты погубил замечательную нашу папаху, удивительного нашего зайца и меня оставил на произвол судьбы ни с чем! На что я теперь буду существовать, на что буду растить своего ребенка?

Жулики пожалели женщину и тайком ушли обратно в город.

А жена бедняка вернулась с кладбища в веселом настроении; она застала дома мужа своего в облике маленького мальчика и говорит ему:

— Удивительно ты, муж, изменил свою внешность! Они ушли. Нам уже не угрожает опасность.

Бедняк сбросил свой облик маленького мальчика. Они были очень довольны собой. И сегодня еще они живут с надеждой на лучшее будущее.

98. Ногайский и грузинский воры

Вор-ногаец и вор-грузин стали друзьями. И однажды вор-ногаец вздумал посетить своего друга. Он отправился в горы, прибыл туда и приветствует своего друга:

— Да будет день твой добрый, друг мой единственный!

— Да будет тебе благоволение того, кому посвящен этот день! — отвечает ему вор-грузин.

Они были очень рады друг другу.

— Ну, говори, какова твоя жизнь, как тебе живется, здоров ли ты? — стал расспрашивать вора-грузина вор-ногаец.

Вор-грузин рассказал ему о своей жизни, а затем с большой печалью поведал своему другу:

— У нашего хана есть две башни; одна из них полна денег, но я не знаю, в какой именно башне находятся деньги. Если бы узнать это, то была бы для нас необыкновенная пожива.

Вор-ногаец необычайно обрадовался и сразу же сказал ему:

— Это легкое дело: мы выйдем на нихас и там затеем ссору друг с другом. Один из нас будет утверждать, что деньги находятся в белой башне, а другой будет настаивать, что деньги находятся в черной башне. Из-за этого мы отколотим друг друга. А потом будет то, что угодно богу.

Два вора вышли на нихас, где находился и хан, и стали драться, как договорились. Когда хан понял причину их драки, он сказал им:

— Не стоит ссориться: деньги мои хранятся в черной башне.

Только он это сказал, как тот, кто утверждал, что деньги находятся в черной башне, ударил другого в зубы и сказал:

— Я же знал, что деньги находятся в черной башне; зря ты только болтал!

Люди, находившиеся на нихасе, разняли их и в присутствии хана примирили их. После этого все разошлись.

Два вора с вечера устроили подкоп под черную башню, пробрались в нее и утащили оттуда по полному мешку денег. Сколько денег они потаскали оттуда, ведомо одному богу. Но затем хану стало известно, что черная башня его подверглась ограблению. Он хотел схватить воров, но не мог их найти. Тогда он приказал у подножия башни разлить кругом безводный клей. Оба вора не знали этого.

Когда они входили в башню для очередной кражи, то вор-ногаец обычно шел сзади вора-грузина. В этот раз тоже вор-грузин залез первым и застрял в клее. Оторвать его уже было нельзя. Тогда вор-ногаец выхватил шашку и отрубил ею голову своего товарища. Он боялся, что хан, найдя в башне вора-грузина, схватит его, и поступил так из страха. Голову он притащил к себе домой.

Утром хан посмотрел со своей башни и у подножия черной башни заметил человека. Хан приказал выставить труп без головы на перекрестке семи дорог и приставил к нему охрану из двенадцати всадников. Молва об этом распространилась среди людей.

Когда вор-ногаец узнал об этом, он приготовил араки, погрузил ее на ослицу, у которой был осленок, и, оставив осленка дома, выехал туда, где на перекрестке семи дорог было выставлено напоказ тело его друга. Он добрался туда к вечеру и обращается к всадникам-охранникам:

— Добрый вечер, добрые люди!

— Да будет дело твое правое, здравствуй,— ответили, обрадовавшись ему, всадники-охранники.

Они поговорили между собой; всадники-охранники стали просить его остаться тут.

— Оставайся здесь! Куда ты идешь на ночь глядя?

— Нет. У меня нет времени,— стал он притворно отказываться.

Они его все-таки задержали у себя. Через некоторое время он им говорит:

— Ваш покойник что-то походит на вора: как бы он ни украл у меня мою ослицу.

— Не беспокойся,— отвечают они.— А если ослица твоя пропадет, мы отдадим тебе двенадцать верховых лошадей с седлами.— Такое они ему дали слово.

Вор-ногаец не стал долго раздумывать. Он напоил их аракой, привел в веселое настроение, а потом говорит:

— Я устал и посплю немножко, а вы больше не пейте моей араки.

С этими словами он притворился, будто уже заснул и спит.

А караульщики взяли и выпили всю его араку. От чрезмерного опьянения все они позасыпали. (Сон пьяного обычно бывает крепкий.) Когда они заснули, вор-ногаец вскочил и быстро взвалил тело вора-грузина на ослицу; затем он ударами направил ее домой, а сам быстро лег опять спать. Через час он вскочил и, обращаясь к караульщикам, спрашивает их:

— Куда девалась моя ослица? Кажется, вы ее спрятали?

Караульщики быстро проснулись, повскакали со своих мест, озираются кругом и видят: тело мертвеца и ослица исчезли.

— Ну, вот видите: разве ваш покойник не украл мою ослицу? Теперь быстро давайте мне своих лошадей!

Так он заорал на караульщиков и, согласно уговору, привел домой двенадцать лошадей.

Весть об этом дошла до хана, и решил он посоветоваться со знахаркой.

— Кто же это мог увести лошадей моих караульщиков? — спрашивает он ее.

Знахарка ему посоветовала:

— Выпусти сегодня ночью своих буйволиц из дому, и, в чей двор они войдут, тот и увел лошадей твоих караульщиков.

Хан выпустил со двора своих буйволиц по свежему снегу, и они зашли во двор вора-ногайца. А вор был вещим; он погнал буйволиц впереди себя, загонял их в каждый двор, и затем пригнал их к себе и зарезал.

Как бы то ни было, а хан утром вышел из дому и видит, что следы от его буйволиц есть в каждом дворе. Бросил он поиски своих лошадей и принялся искать своих буйволиц.

Знахарка опять наставила его:

— Пошли свою жену, будто ты болен и требуешь буйволиного мяса. И вором будет тот, от кого она принесет буйволиное мясо.

А почему нет? Хан послал свою жену на поиски буйволиного мяса, и она попала в дом вора-ногайца. Самого вора дома не было, но жена его дала ей немного буйволиного мяса. В тот же миг явился домой и вор и в необычайном удивлении говорит:

— Почему ты дала ей так мало? Ведь у нас есть мясо двенадцати зарезанных буйволиц!

С этими словами он вернул ханскую жену обратно в дом, завел ее в комнату, и она осталась там с плачем.

Хан стал разыскивать теперь уже свою жену, и, так как найти ее не мог, он распустил такой слух:

— Тому, кто укажет мне, где находится жена моя, лошади мои и буйволицы, я подарю пленницу-рабыню.

Люди не верили хану, боялись, что он обманет. Тогда хан вывел свою дочь к людям, и от ее красоты мир озарился светом.

Вор-ногаец был пленен дочерью хана. Недолго думая, он заходит к хану и спрашивает у него:

— Если я тебе возвращу все, что у тебя пропало, то что ты мне за это дашь?

— Я выдам за тебя вот эту свою дочь, а кроме того, одарю тебя имуществом, потому что, если я их не найду и умру, на том свете мне предстоит умереть второй раз.

Хан дал ему твердое слово. Вор-ногаец поверил ему и сперва вернул ему его жену, потом лошадей, а относительно его буйволиц он сказал:

— А их я зарезал.

Хан выдал за него свою дочь и одарил большим богатством. И до сих пор они живут и поживают.

Как из всего того ты ничего не видел, так да не посетят тебя никакие болезни, никакие напасти.

99. Баев Кази

Я женился, и был у меня шафер. Когда я в первую ночь входил в свою спальню, шафер мой ударил меня войлочной плетью, и я превратился в серого быка. Той же ночью он поехал на мне за солью и привез ее на мне. Когда я вернулся обратно, то стал опять таким, каким был.

Во вторую ночь, когда я входил в дверь, он превратил меня в серую лошадь и за ночь заставил сделать по небосводу три круга. Когда же утром я вернулся, то опять превратился в человека.

А на третью ночь я вошел с кинжалом в руке и присел рядом со своей женой. Снаружи кто-то поднял тревогу:

— Тревога, Кази, выйди наружу, люди перебили друг друга!

Я выскочил из комнаты, а он опять ударил меня войлочной

плетью, и я превратился в серую породистую собаку. Я понимал, что ум мой при мне, но лишился речи. Со мной обходились, как с собакой: и один меня бил, и другой.

Через какое-то время в местность Дедената * заявился какой-то алдар проведать своих лошадей. Я подался туда; табунщики задержали меня у себя и сделали сторожевой собакой. Каждую неделю по приказу алдара они резали жеребенка и кормили меня вареным мясом: сырого мяса я не ел. В течение пяти лет я не допустил до коней ни волков, ни воров.

Затем прибыл туда другой алдар, у которого волки беспощадно истребляли в большом количестве овец и баранов. Хозяин, у которого я охранял коней, уступил меня этому алдару, но предупредил его, чтобы каждую ночь он резал для меня овцу или барана, чтобы кормил и содержал меня очень хорошо. Алдар обрадовался и кормил меня очень хорошо, а я в свою очередь не дал волкам утащить даже одного козленка.

Затем мой первый хозяин уступил меня третьему алдару, у которого волк уничтожал его скотину. Хозяин и его предупредил:

— Я обходился с ним бережно, кормил и содержал его хорошо, ты тоже обходись с ним и корми его хорошо, иначе плохо будет.

Тот надел мне на шею шелковую веревку и отвел меня к своим чабанам. Старшему чабану он наказал:

— Вот этой собаке ты каждый вечер на ночь режь овцу или барана, предоставь ее собственной воле, обходись с ней хорошо, и она разделается с волками.

Старший чабан в тот же вечер зарезал для меня барана, но мясо он съел вместе с другими чабанами, а мне кинул одни только кости. И тогда я обратился с мольбой к богу:

— Боже, напусти такую непогоду, чтобы небо и земля, как говорится, избивали друг друга!

Пошел проливной дождь, и один волк стал воем созывать других волков:

— Пойдемте, утащим у этого чабана по одному барану!

А другой волк воем же отвечает ему:

— Там — Баев Кази, он нас перебьет. Если мы нападем на отару, то он круто расправится с нами.

Я воем своим сообщил им:

— Заверяю вас честным словом, что не причиню вам никакого вреда; нападайте, я тоже буду помогать вам!

Я выпустил овец, волки напали на них и в один час истребили их. Сам я бежал и пришел на старое место Нальчика *. Я умирал с голоду. Два мальчика сидели возле костра, а в золе у них были один чурек и одна лепешка. Я съел их, потому что умирал с голоду.

— Вот собака съела наш чурек! — заплакали дети.

Тем временем пришла к ним мать их и сразу же мне говорит:

— Здравствуй, Кази, здравствуй! Где ты был? Ты перенес столько испытаний! Почему же ты до сих пор не обратился ко мне?

Я лишен был языка, не мог говорить, но помахивал ей в ответ хвостом.

— Подойди,— продолжала она,— съешь еще вот этот чурек и, не оглядываясь назад, отправляйся домой. Твой шафер совершил неслыханное злодеяние. Он увел твою жену и сделал ее своей женой. У него в кармане войлочная плеть. Постарайся каким-нибудь способом раньше него зайти в его спальню. Когда он и жена твоя заснут, ты поищи плеть в кармане его бешмета. Как только ты ее найдешь, проведи ею по себе и станешь тем, кем ты был. А затем ударь войлочной плетью его, и он превратится в того, в кого ты пожелаешь.

Я вышел из Нальчика и за ночь прибыл домой. Открыл дверь спальни и залез под кровать. Они вошли в спальню со светильником; светильник они потушили. Когда они заснули, я пошарил в его кармане и нашел войлочную плеть. Я провел ею по себе и стал тем, кем был.

А затем я сбросил с них одеяло, открыл их и обратился с мольбой к богу:

— О боже, обрати их, причинивших мне столько страданий, в осла и ослицу!

И они превратились в осла и ослицу.

Утром я вошел в хадзар, построенный мной, к своей матери и к своему отцу.

— Где ты пропадал, что тебя не видно было дома? — стали спрашивать они меня.

Я им ответил:

— Я отправился в Балкарию и находился там.

— Почему ты так поступил? Почему ты бросил свою жену? Твой шафер женился на ней,— сказали мне с плачем и мать, и отец.

27 Заказ 2079

— Ничего! Он сам себя покрыл позором. Вон я пригнал тебе, отец, пару ослов, на которых ты можешь работать.

Дигорцы любят скотину; отец побежал в хлев и, увидев осла и ослицу, обрадовался:

— Да, они для нас — хорошая рабочая скотина!

А потом я спросил их, как будто бы не знал этого:

— А где же мой шафер и жена?

Они мне ответили:

— Они бежали. Их здесь больше нет.

На этом они успокоились. На ослах же я работал до тех пор, пока не состарился.

У Бадзиевых бывалым охотником был Бадзи. Однажды он вышел на охоту и над Ахсарисаром * убил оленя. Он развел костер, приготовил шашлык, поел, насытился. Для оленьей туши он устроил шалаш, положил туда тушу и прикрыл ее оленьей же шкурой. Остатки шашлыка он взял в свой подол и направился домой. Когда он отдалился от шалаша довольно далеко, шалаш завалился. Бадзи оглянулся назад и видит: олень стал таким, каким был, и пустился наутек.

Пораженный виденным, Бадзи вскричал:

— О единый бог! Я видел чудеса, твое чудо — не чудо, но более чудесного, чем это, я нигде и никогда не видел!

А олень отвечает ему:

— Я — не чудо! Не удивляйся мне! Чудо чудеснее меня в доме Баева Кази.

— В таком случае я должен выяснить это! — сказал Бадзи.

И он пустился в путь в Дигорию и очутился в местности Донмайта *. Там он повстречался со мной.

— Добрый день! — сказал он мне.— Не знаешь ли Баева Кази?

— Знаю. Он — мой сосед.

Я привел его в село, завел в свой дом, приготовил для него ужин. После ужина Бадзи мне сказал:

— Прошу тебя, проведи меня к Кази: у меня к нему есть небольшой разговор.

— Кази — я сам, хозяин твой.

— В таком случае мне хочется переговорить с тобой наедине,— сказал он мне.

Я завел его в отдельную комнату, и Бадзи поведал мне, как он убил оленя, как тот ожил и заговорил с ним,— вот все это он мне рассказал.

— Да не простит бог врагу, нельзя мне об этом говорить,— сказал я ему,— но они, наверное, уже больше не мое достояние, и я скажу тебе все.

И я тоже рассказал ему свою историю от начала до конца.

— Шестьдесят лет,— сказал я,— таскал я на них дрова. Сегодня же ночью они подохнут, наказание было назначено им до этого времени.

Он переночевал у меня, а утром я вывез подохших осла и ослицу в поле, за село.

100. Сохити Лох и Коголкин Пах

Жили были Сохити Лох и Коголкин Пах. Лох жил в Мизуре *, Пах — в Коголкино *. Не зная друг друга в лицо, они сделались друзьями.

Однажды Лох отправился на охоту и в дремучем лесу ранил зубра; по его кровавому следу он вышел на Урсдонскую равнину *, к Хорхуарбуну *, и там его убил. Там же встретился с ним Коголкин Пах с двенадцатью товарищами. Он обрадовался им, попросил их спешиться, убрал их коней, приготовил шашлыки и угостил их. А когда они уже должны были уехать, он спросил их:

— Кто вы такие, что вы ищете? Вы уже хотите уехать, а я еще не знаю, кто вы такие.

Пах сказал ему:

— Я — Коголкин Пах, а это — мои двенадцать товарищей.

— А я — Сохити Лох! — сказал Сохити Лох, и они обрадовались друг другу.

Коголкин Пах взял с него слово, что он приедет к нему. В назначенный срок Лох поехал в Коголкино. Когда он прибыл к Коголкину Паху, то кабардинские алдары собрались в дом Паха, и Пах устроил пир в честь Сохити Лоха.

На пиру кабардинские алдары стали просить их обоих:

— Вы оба — известные охотники; расскажите нам, кто из вас добыл ружьем своим лучшую добычу.

Коголкин рассказал им:

— Я отправился на охоту и на Дзанкалицевской длинной поляне * нашел сто пляшущих медведей. Они плясали вокруг

белого медведя, который сидел в центре. С каждым кругом белый медведь бросал им по зерну. Они сделали три круга, и один медведь не поймал своего зерна; сразу же от злости он выколол себе глаз. И в другой раз получилось так же. Вот после этого я выстрелил и убил того белого медведя, который сидел в центре и вокруг которого они плясали. Остальные бежали. Я нашел те три зерна, которые упали на землю, положил их в свои газыри, принес, и газыри сами собой наполнились порохом, которого к тому времени больше не было. «В таком случае,— подумал я,— это какой-то источник добра». Я положил зерна в закрома амбара, где хранились обычно кукуруза, пшеница, просо, и закрома наполнились ими. Я извлекал все это оттуда, и закрома снова переполнялись: их никак нельзя было опорожнить. Таким способом я семь лет кормил зерном весь кабардинский народ. А когда я об этом стал рассказывать, то в закромах больше ничего не осталось.

После рассказа Паха Коголкина спросили Сохити Лоха:

— А какую самую лучшую добычу ты добыл своим ружьем?

«Я отправился однажды в дремучий лес на охоту,— начал свою повесть Сохити Лох.— Убил оленя, развел костер, на ужин приготовил себе шашлык. Пока мой шашлык жарился на огне, я заснул. Явился человекозверь * и съел мой шашлык. Я проснулся, посмотрел на жар костра, но там остались только одни шампуры. «Ну, это проделка дикого человека»,— подумал я. Встал, наколол на шампур целый бок оленя и поставил его жариться на огне; сам же прикатил к костру чурбан, накрыл его своей буркой и слежу, что будет дальше. Костер потух, и этот дикий человек снова явился. Грудью своей он ударил чурбан и разрубил его пополам; затем он набросился на шашлык и стал его жадно поедать. Как только он выпрямился, я выстрелил в него и попал ему в грудь.

— Стреляй в меня еще раз! — смог он еще закричать.

— Я подобен Елиа: стреляю раз и второго удара не наношу!

Он с рыданием бежал и скрылся в Таракомском ущелье; залез в свою пещеру и свалился там. Я явился туда по его следам и стал у входа в пещеру. В пещере был разведен костер, а у костра сидели женщина и мальчик.

— Яраби, ты похож на осетина,— сказала мне женщина.— Почему ты сюда явился?

— В таком случае и ты похожа на осетинку,— говорю я ей.— Ты-то что тут делаешь?

— Он похитил меня,— сказала она,— и держит здесь в качестве жены. Не входи туда! Кто-то его ранил, и с восходом солнца он умрет, иной смерти у него нет.

Я сказал ей, что ранил его я. Подождал, пока он не умер, а затем вошел в пещеру и убил мальчика, так как он тоже был с топором на груди. Ночь я провел с женщиной в пещере, а утром захватил ее с собой и привел в Мизур. От нее у меня родилось двенадцать сыновей. Я их женил на двенадцати девушках. И сейчас все они работают в моем доме и в полном здоровье. Все, что было в доме лесного человека, я вывез на двенадцати лошадях. Вот какую драгоценность приобрел я дулом своего ружья!»

Люди сказали ему:

— Благодарим тебя! Ты проявил геройство и приобрел лучшую добычу!

101. Антонико и Дзанболат

Антонико и Дзанболат были два брата, нежно любящие друг друга. От взаимной нежной любви они не ели друг без друга даже простого куриного яйца. Они владели семью кабаками *. Антонико по внешности был неуклюж, а Дзанболат был такой красоты, что женщина, выходившая по воду, при встрече с ним падала без чувств, пораженная его красотой. Дзанболат был младший, а Антонико перешел средний возраст. Оба были неженаты. Однажды Дзанболат подослал к Антонико посредников сказать ему:

— Мы уже дошли до мужского среднего возраста, а у нас нет детей; род наш может пресечься. Не тяни, женись!

— Охотно женился бы, брат мой,— ответил Антонико,— но мы сделаемся врагами, так как при встрече с тобой женщины, идущие по воду, от твоей красоты падают без чувств.

— Жена твоя не увидит меня, кунацкую нашу я построю на расстоянии кабардинской десятины * от твоей комнаты.

Дзанболат построил себе кунацкую на расстоянии кабардинской пахотной десятины, и Антонико в тот же день женился.

В старину существовал такой обычай: сыграв свадьбу, молоджен отправлялся в годичный балц. Антонико оседлал своего коня, собрался в дорогу и поручает своей жене:

— Я отправляюсь в годичный балц. Счастливо тебе оставаться, милая моя жена! Но своим семи кабакам мы ежегодно устраиваем пир. Если я не вернусь, то, может быть, тебе придется устроить годичный пир нашим семи кабакам.

И он отправился в годичный балц. Годичный день наступает. Жена Антонико устроила годичный пир и собрала жителей семи кабаков.

У них были два глашатая: Дзандар старший и Дзандар младший.

На пиру присутствовало великое множество людей. Они стали переговариваться между собой и спрашивают друг друга:

— А что, если мы устроим встречу нашего владетеля Дзанболата и его невестки?

Дзандар старший и Дзандар младший схватили почетный бокал и почетную долю *, ворвались к Дзанболату и говорят ему:

— Вот твоя невестка прислала тебе почетный бокал и долю и просит тебя, чтобы ты вышел к людям, собравшимся на пир.

Дзанболат схватил свою шашку и закричал на них:

— Продажные собаки! Как вы меня приглашаете, когда я дал слово своему брату?!

Они унесли свое обратно. Входят к невестке Дзанболата и говорят ей:

— Вот твой деверь вернул тебе свой почетный бокал и долю!

— Продажные рабы! — закричала она на них, схватила свои булатные ножницы и прогнала их. Они ушли и отнесли бокал и долю снова к Дзанболату. Пали перед ним на землю и говорят ему:

— Убей ты нас вместо того, чтобы нас убила женщина! Мы отсюда не выйдем, пока ты не пойдешь с нами!

— Да не простит вам бог! — сказал им Дзанболат, набросил на плечи свою смушковую шубу, вышел к пирующим и встал с краю около них.

Невестка Дзанболата посмотрела на пирующих людей в дверь. Когда она увидела Дзанболата, она упала, лишившись чувств от его красоты. Очнувшись, она приподнялась и послала сказать своему деверю Дзанболату:

— Мой деверь должен зайти ко мне в комнату!

Заводят к ней Дзанболата, и она с упреком говорит ему:

— Почему он, имея такого брата, поручил мне устроить пир

семи кабакам? Если бы женщина могла руководить, то она не выходила бы замуж.

Дзанболат стал руководить пиром. Люди поели, выпили, стали расходиться. Невестка и Дзанболат назвались сестрой и братом. Жена Антонико говорит Дзанболату:

— Уже неурочное время, куда ты уходишь, оставайся здесь!

Она постелила постели рядом, как брату и сестре. Дзанболат вынул свою булатную шашку и положил ее между собой и ею. Жена Антонико вынесла свои булатные ножницы и тоже положила их между собой и им *. Лежа рядом, они стали вести разговор: советуются о народе своем, о своих людях.

А тем временем прибыл домой Антонико и во дворе стал наносить удары своему коню со словами:

— Уезжая, я оставил тут одного ребенка. Может быть, он еще жив?

— Ах, увы, увы! — сказал Дзанболат, вскакивая.— Со мной случилось то, чего боялся мой дорогой брат! Он больше не поверит мне.

И он поспешно выскочил через заднее окно, но второпях забыл в постели свою стрелу. Жена свернула постель и сложила ее на место, где хранятся постельные принадлежности. Антонико радостно вошел в свою комнату. Любимая жена его поставила перед ним ужин.

Поужинав, он говорит ей:

— Если бы ты мне, уставшему от верховой езды, постелила, то я отдохнул бы в своей постели.

Она сняла с него ноговицы и стала стелить постель. Из постели выпала стрела. Стрела Дзанболата была длиннее стрелы Антонико на одну пядь. Антонико выхватил из колчана свою стрелу, смерил ее со стрелой Дзанболата, и та оказалась длиннее на одну пядь.

Ничего не сказав больше, он сел на стул, надел опять свои ноговицы и прочее, оседлал снова своего коня, сел на него и выехал из своего дома. Подъезжает к кунацкой Дзанболата и кричит ему:

— Ты, солнышко мое, добился того, к чему стремился! Заходи к своей жене! Зачем ты еще спишь здесь? Пусть семь кабаков радуют тебя!

— Не говори этого, брат мой старший! — отвечает ему Дзанболат.— Ты убедишься в моей невиновности и еще будешь меня разыскивать, но уже не найдешь больше.

— Что ты еще оправдываешься, что ты мне еще говоришь, когда ты впопыхах забыл там стрелу от своего лука?

Антонико отправился к караногайцам *, выпросил у них очень большое войско и выступил с этим войском, сказав:

— Когда прибудем на место, то обложим кругом кунацкую; я вызову его, и, если он выйдет, стреляйте в него все разом, а то из-за его красоты даже ружье в руках врага не стреляет в него: ваши ружья выпадут из ваших рук.

Они прибыли к кунацкой Дзанболата и обложили ее кругом. Люди на ухо говорят друг другу:

— Пусть никто ни в коем случае не стреляет в этого замечательного человека, не увидев его! Нас множество воинов, и никуда он от нас не сможет уйти.

И множество воинов дали слово.

Дзанболат набросил на плечи свою смушковую шубу и вышел к Антонико, брату своему.

— Стреляйте в меня! — сказал он.— Я невиновен, но раз вы — войско моего брата, то вы должны меня убить!

Когда воины увидели его, то ружья их выпали из их рук, как из руки одного человека.

— Руки наши не поднимаются, чтобы убить его,— сказали они единодушно.— Разберитесь между собой сами в правоте и виновности своей.

И, как один человек, войска по общему согласию повернули обратно, покинули кунацкую Дзанболата. Антонико вернулся к своей жене и стал жить с ней.

Дзанболат же задумался и сам себе говорит:

— Как мне самому убить свою невинную душу?

Думал он и днем и ночью и надумал: «Когда-то во время игры я убил сына Бестаухана; может быть, и он меня убьет? Никто другой не может убить меня!»

Отправился он искать своей смерти. Захватил с собой все свое имущество, вместе со своими воинскими доспехами, свою охотничью собаку, и в неурочный час вошел в кунацкую Бестаухана. Свои боевые доспехи он развесил в кунацкой, лег там навзничь и заснул тревожным сном. Пояса с себя он не снял.

Утром девушка-служанка Бестаухана пошла по воду и заглянула в окно кунацкой — узнать, нет ли там гостей. Она лишилась чувств, упала навзничь, вода в ведрах ее пролилась. Наконец она очнулась и побежала обратно к реке; принесла рысцой два ведра воды; а мимо кунацкой уже не проходит, об-

ходит ее издали, боясь, что опять его увидит и лишится чувств.

Пришла она к хану.

— Продажная рабыня! — кричит на нее хан.— Где ты опять ротозействовала?

— Хан, хан, да будет счастье твое долговечным! Я никуда не отлучалась. В нашей кунацкой спит человек необычайной красоты, с тонкой, туго затянутой талией; гончая собака его ростом с коня. Я посмотрела в окно, и мне стало дурно, я лишилась чувств; ведра мои пролились. Когда я очнулась и пришла в себя, то я снова побежала набрать воды, но, хан,— да умножится твое счастье! — я и до сегодняшнего дня не ротозействовала, нигде не смотрела по сторонам глупо.

Хан говорит своей жене:

— Ну, хозяйка наша! Какой подарок бог нам послал: олень сам явился к топору!

Бестаухан был владетелем семи кабаков. Он оповестил всех своих подвластных, кто был на ногах:

— Пусть каждый с оружием идет в ханский двор!

Собралось великое множество людей, спрашивают хана:

— Что нужно, владетель наш, хан наш?

— Эй, мои бравые люди, нужные мне в нужный момент! — говорит хан.— Сегодня я очень нуждаюсь в вашей помощи: тот, кто убил вашего будущего хана, находится в моей кунацкой. Я его вызову, а вы уж стреляйте в него все разом, а то его не берет ружье врага: если вы его увидите, то от его необыкновенной красоты ваши ружья выпадут из ваших рук.

Дурные стали заряжать свои ружья двумя пулями, говоря: «Мы его прикончим!» Разумные же шепчутся между собой:

— Пусть ни в каком случае никто в него не стреляет, не увидев его. Если даже он перебьет половину из нас, и тогда увидеть его стоит дороже.

Дурных оттеснили назад, разумные же стали впереди и вызывают криком Дзанболата:

— Ну, кровник наш, выйди к нам из кунацкой!

Дзанболат оставил свои военные доспехи в кунацкой и вышел к ним, накинув на плечи свою смушковую шубу.

— Стреляйте в меня! — обращается он к ним.— У меня нет больше убежища! Я виновен! Я невольно убил ханского сына и сам добровольно явился, чтобы заплатить долг!

У великого множества людей ружья попадали из рук; никто

из них даже не нагнулся, чтобы поднять свое ружье. Старейшины встали между Бестауханом и Дзанболатом. На месте осталось по восемь человек от села; они распустили собравшихся людей по домам, а сами окружили Дзанболата и сказали ему:

— Мы тебя не убьем; рука наша не поднимется на тебя. Но кровь все-таки не забывается, и ты заплати хану за кровь!

— Да будет на мне милость ваша, заплачу,— ответил им Дзанболат.— На земле и в бедности жить лучше. Я согласен заплатить за кровь.

Вошли к хану по семь человек от каждого села и сказали ему:

— Хан наш! Мы вошли к тебе просить за нашего кровника, сказать тебе, что не можем его убить. Пусть он заплатит нам за кровь, чтобы мы успокоились, и злоба наша пройдет. Даже врага убить как своего кровника жалко.

Хан дал согласие, и они вернулись обратно к Дзанболату, чтобы взять с него плату за кровь. Дзанболат стал раскладывать перед ними все, что было у него из имущества. Он берет свои вещи по одной и говорит им:

— Когда их станет столько, сколько стоит кровь, то приостановите меня!

Он кладет ружье — его оценивают; он кладет шашку — и шашка принята в счет крови; он кладет кинжал — и его посчитали. Когда он взялся за свой кубачинский пистолет *, у него слезы полились градом. Семь человек от каждого села, исполненные невиданной любовью к нему, единодушно обращаются к Дзанболату со слезами в голосе:

— Платить за кровь, солнышко наше, нелегко. Ты горюешь по своему пистолету, а как не горевать тому, у кого ты убил его единственного сына?

— Нет,— сказал Дзанболат,— я не о том горюю; но вот скоро пять лет, как я его купил, и он меня ни разу не подвел. А о том, что надо платить за кровь, я не горюю.

Люди бросили считать вещи; по восемь человек от каждого села вошли к хану и говорят:

— Он — равный тебе по происхождению человек; сочти для себя достойным усыновить его. Два дня мы с утра до вечера беседовали с ним и, кроме умных речей, ничего от него не слышали, ни одного глупого слова. Каждое его слово учит нас чему-нибудь разумному.

— Старейшины! Я согласен с вашим желанием.

Они возвратились обратно к Дзанболату, зашли к нему в кунацкую и говорят ему:

— Как выборные люди, мы рассудим так: хан не нуждается в имуществе, но ты должен заменить хану его сына. Он должен усыновить тебя.

Дзанболат согласился с ними. Они приводят его к Бестаухану. Мать и отец заключили его в свои объятия. Пригласили от каждого села по мулле, и они нарекли его, Дзанболата, сыном Бестаухана.

В тот же час Бестаухан опустил руку в карман, достал ключи от суда и подал их Дзанболату со словами:

— С сегодняшнего дня, выборные люди мои, ключи от суда передаю своему сыну. С сегодняшнего дня он будет ханствовать над вами.

Дзанболат стал объезжать села и освобождать их от больших судебных дел; затем он освободил их и от больших поборов. Люди и днем, и ночью молились на него, как на бога.

Он возвратился обратно к своей матери и своему отцу и так хорошо их содержал, так ласково обходился с ними, что до самой смерти они даже и вздохом не вспомнили своего собственного сына. Они дожили до того, что не способны уже были перелезть даже через соломинку. Из чистого золота он им сделал гробы. В день своей смерти они попросили для него у бога:

— Ты заменил нам сына, и да будешь ты свободен от греха убийства нашего сына!

А Антонико посылал к нему одного всадника за другим:

— Я убедился в твоей правоте, вернись обратно, брат мой!

Но Дзанболат написал ему:

— Мне и тебе жить вместе уже нельзя. Живи отдельно, и семь кабаков, которые достались нам от отца, пусть принадлежат тебе. Я уступаю их тебе от чистого сердца потому, что ты все-таки убедился в моей правоте. А видеться нам друг с другом уже не следует. Счастливого дня тебе желаю, брат мой любимый! Мы больше не увидимся. И ты — владыка над семью кабаками, и я — владыка над семью кабаками. С сегодняшнего дня не посылай ко мне больше вестей!

Когда Антонико получил это письмо, то от сильного огорчения он заболел. Прожил еще некоторое время, а затем умер.

Как вы их не видели, так да не увидите вы никакой напасти, никаких болезней, да наступит для вас радостная весна!

102. Одинокий, сын Одинокого

Жили бедные муж и жена. Им даже есть нечего было, а тут еще родился у них сын. Они жили золой, но даже золы у них не было вволю; они поедали ее со страхом, дрожа от мысли, что она у них может кончиться. Они уходили в поле и на своих спинах приносили коноплю. Всю ночь они сучили толстые нитки, которыми подшивают кожаные подметки к чувякам, и продавали их в селе своем за кусок хлеба.

Мальчик их рос в бедности и, когда немножко подрос, стал развозить по другим селам нитки для продажи. Таким способом они перебивались. Если сын их приносил что-нибудь, то слава богу, а не то — жили своей золой.

Однажды мальчик от кого то услыхал, что открыт новый город, и заявил своей матери и отцу своему:

— Сучите всю ночь без сна толстые нитки! Утром я отправлюсь в город, до которого доберусь вечером; там я продам нитки и принесу вам оттуда целый мешок еды.

Они ничего не посмели ему возразить, а про себя подумали: «Если до города ходу с утра до вечера и без отдыха, то это, должно быть, необыкновенно далеко».

Мальчик понес нитки в город. Видит, городские мальчики потешаются над каким-то маленьким щенком: концом палки один кидает его другому, а тот ударяет его как мяч.

Он понаблюдал за ними и говорит:

— Ах вы безбожники, не знающие жалости!

— Ах ты никудышный Одинокий, а тебе-то какое дело?

— Почему вы его мучаете? Ведь он маленький, не может ни кусаться, ни чего другого делать!

— А тебе-то какое дело? Отдай нам свои нитки, и мы уступим тебе нашего щенка.

Он положил за пазуху щенка и с нитками, которые у него остались, пришел в город. Осмотрелся там, увидел такие красивые нитки, что свои грубые нитки постеснялся даже показать.

— Увы, увы, мать моя и отец мой! То, что вы мне вручили, не годится для продажи!

Он постеснялся продавать свои нитки в центре города, а стал постепенно обходить окраины, предлагать свои толстые нитки. Обменял их кое на что и направился обратно домой. Ви-

дит, на окраине города мальчики опять потешаются над каким-то маленьким котенком: один из них швыряет его концом палки, а двое подбегают, чтобы нанести по нему удар как по мячу.

— О проклятые богом люди! — говорит он.— Неужели у вас нет ни чуточки жалости, безбожники? За что вы мучаете его? Ведь он маленький, беспомощный!

— Эй ты, глупая башка, какое тебе дело?

А у котенка кровь течет из носу, и из жалости к нему он не смог больше сдержаться, сам назначил за него цену:

— Вот я вам даю за него свои нитки!

Он вручил им свои нитки и взял котенка. Возвратился домой после ужина и стал будить мать и отца. Они встали, увидели щенка и котенка и начали попрекать своего сына:

— Эй, безбожник! Мы умираем с голоду, а что это еще у тебя такое?!

Он выпустил щенка и котенка в комнату, и они стали валяться в золе.

— За что ты продал наши нитки? Почему ты за них купил этого котенка и щенка?

— Я дошел до города, мать моя и отец мой, поздновато; там я подружился с одним человеком и нитки свои оставил у него. А завтра я пойду пораньше, и если вы еще насучите ниток, то я и их захвачу с собой.

— На этот раз постарайся вернуться пораньше! Мы не так-то обеспечены едой, а весь труд свой вручили тебе.

— Эй, не бойтесь, нана и баба! Ведь у нас теперь есть и котенок, и щенок! Теперь нас уж никто не упрекнет: «У этих бедняков, постельных рыболовов, нет даже ни кошки, ни собаки!»

Он попрощался с ними, направился опять в город с нитками. А злополучные дети опять на окраине города швыряют концом палки один к другому маленького змееныша. Он подошел к ним и говорит:

— О безбожники! Ведь он еще мал и укусить вас не может!

Мальчики обращаются к одному из своих товарищей:

— Посторожи пока змееныша, а мы отдубасим того, кто не позволяет нам убивать этих врагов человека!

Они подмяли его под себя, а он им говорит:

— Почему вы меня избиваете? Вот вам все мои нитки, отдайте его мне!

Он взял красного змееныша и стал смеяться над ними:

— Дураки, это целебная змея, ее нельзя убивать!

— Иди,— говорят ему мальчики,— теперь она твоя, и хоть мертвых оживляй ею!

Змея выглянула из-за пазухи и спрашивает его:

— Куда девались эти мальчики?

— Ушли по своим домам.

— В таком случае неси меня в сторону Черного моря, к матери моей и к отцу моему. Ты меня спас.

Несет он, несет ее в сторону Черного моря и видит: посреди степи стоит большой курган.

— Вот тут положи меня на землю,— говорит ему змееныш,— и подожди меня немножко.

Змееныш уполз под курган. Склон кургана открылся перед мальчиком и выбежал к нему златокудрый молодой человек.

— Иди за мной! — сказал он и завел его в комнату, стены которой были из чистого золота и алмазов.

К нему вышли мать и отец, которым не было подобных по статности и красоте.

— Мы не надеялись,— говорят они ему,— что наше единственное дитя найдет себе на свете товарища!

Они принялись ухаживать за ним и ухаживали в течение целого года. Год в его глазах не стоит и одного дня счастливой жизни. И вот нашла на него грусть.

— Что с тобой? Что ты загрустил, второй наш сын? — спрашивают его и попрекают своего сына: — Наверное, ты обидел его чем-нибудь: жизнь наша ему не нравится. Надо улучшить нашу жизнь.

Они решили наладить свою жизнь лучше. Подали мальчику повозку и стали возить его по своим стадам, заезжать к пастухам. Необозримые пространства были полны скотины. Так они возили его около полугода. Когда они повернули обратно, то ровесник предупредил его:

— Отец будет тебе предлагать отары овец с чабанами, но ты откажись от них. Для тебя наполнят эту четырехколесную повозку всякими алмазами, драгоценными камнями, золотом и предложат ее тебе вместе с возницами, но ты и от нее откажись, а скажи ему: «Если ты мне даешь что-нибудь, то дай мне кольцо, которое ты держишь под своим языком; я буду его носить как память о тебе».

Они прибывают домой. Мать и отец радуются им.

— Ну, как ты себя чувствуешь, второй наш сын? Как тебе нравится наш образ жизни, наша скотина?

Еще полгода они ухаживали за ним, но грусть все-таки его не покидала.

— Мы выделяем тебе часть нашего имущества,— говорят они.— Запряги в четырехколесную повозку четырех лошадей; мы даем тебе то, что на ней можно вывезти.

— Не-ет! Живите с ними сами счастливо! Я — Одинокий, и некому будет с ними возиться.

— Тогда вот тебе подарок, с которым самому не нужно трудиться: даю тебе отары овец с чабанами, коня кабардинской саулохской породы вместе с седлом для верховой езды — тебе не нужно будет даже ступать по земле.

— Пусть они счастливо принадлежат вам самим!

— Тогда даю тебе табуны коней-саулохов с табунщиками, стада крупного рогатого скота с пастухами.

— Владейте ими счастливо сами: у меня не хватит сил и места, чтобы содержать их. Если никак нельзя обойтись без подарка, то я, Одинокий, буду с благодарностью носить в знак памяти о вас то кольцо, которое ты держишь у себя под языком.

— Да не простит бог тому, кто тебе это подсказал: мы ведь трудимся ради него!

Он положил кольцо ему на ладонь; оно село под язык Одинокого. Он поблагодарил их и выехал. Едет он по дороге и сам с собой ведет разговор:

— Почему бедняк беднеет? У него нет заранее обдуманного плана. Иначе как же можно не взять того, что тебе предлагали, на что можно прожить до конца дней своих! Четырехколесная повозка, наполненная всякими алмазами, драгоценными камнями, золотом?! Садись сзади как алдар! Теперь возьми большой камень и ударь им мою голову! Ну, это еще что: садись на коня-саулоха и гони впереди себя скотину! И этого не принять! Если бы был у меня нож или что-либо другое, я убил бы себя за то, что отказался от готовой счастливой жизни! Что это у меня, посмотрю-ка!

С этими словами он положил кольцо на свою ладонь, и пред ним тотчас предстали три арапа.

— Что нужно нашему повелителю? — спрашивают они его.

— Немного одежды для моей матери, отца моего.

Один из них быстро достал из кармана своего носовой платок, разостлал его, и на нем оказалось много всяческой одежды. Другой опустил руку в карман за своим носовым платком: платок наполнился деньгами. Он взял денег столько, сколько ему

было нужно, и заставил арапа положить платок обратно в свой карман.

— Нужны еда и напитки! — говорит он третьему арапу.

Пред ним появился столик-самокат, на нем полно всяких яств и напитков. Он попробовал и говорит:

— О боже! Ты дал мне готовую счастливую жизнь благодаря моему любимому ровеснику!

Он приехал к своему дому. До его возвращения отец его умер. Когда он проходил двором своим, мать причитая обратилась к нему:

— У твоего отца не было заботы о себе, он все тосковал по тебе, боялся за тебя.

Сын оплакал отца, его бедность:

— Каким он оказался несчастливым, он, который не пожил этой счастливой жизнью! Нана, иди, я голоден, купи в городе чего-нибудь, вот у меня есть немного денег.

Он отдал ей деньги.

Она ходит по городу с утра до вечера; говорит сама себе:

— Кто увидит, что я меняю эти сто рублей, тот будет осуждать меня, скажет: «Почему бедняк вместо этого не построит себе дома?».

Она разменяла сто рублей и купила на полрубля снеди, на полрубля — напитков. А мальчик, пока мать не вернулась, бросил кольцо свое на ладонь, и пред ним предстали три арапа.

— Что угодно нашему повелителю? — спрашивают они его.

— Пусть этот дом внутри превратится в алмазный, но чтобы снаружи этого не видно было; а в комнатах пусть длинные золотые столы ломятся от снеди и напитков, а около столов пусть будут золотые скамейки для сидения!

И кошка его, и собака его были живы; от золы они стали пестрыми. Он подпустил их к золотому столу-самокату, и они наелись вволю, а потом вышли на солнце и развалились животами кверху.

С утра и до послеобеденного времени мать Одинокого бродила по городу. Возвратилась она домой, посмотрела в дверь, и в глазах у нее от удивления потемнело.

— Ой, мой очаг! Я по ошибке попала в чей-то дом!

А сын ее стоит в тени, следит за ней.

— О аллах! Это ведь наш дом: к нему ведь нет другой дороги, кроме одной тропы?! Что это может означать?

Она подошла к окну, посмотрела в него, быстро отскочила и

ударилась затылком о косяк; вышла во двор, озирается. Зашла к соседке и просит ее:

— В своем ли я уме, не сдурела ли я? Покажите мне наш дом, я его не нахожу больше!

Соседка хохочет и говорит ей:

— Да потухнет мой очаг, вон твой дом!

Бедняжка опять пошла по тропе — другого прохода к их дому не было. Видит: собачка и кошка спят на солнце.

— Это наша кошка, и собачка ведь наша! Куда же мне еще войти, если бог не проклял меня?!

Она сделала два шага от двери в комнату, но в глазах ее опять все потемнело: не узнает комнаты. Сын, наблюдавший за ней, сжалился над ней и говорит:

— Что такое, нана, что ты никак не зайдешь в свой дом?

— Увы, увы, мой очаг! Откуда у нас появился этот дом?

— Бог дал, нана, бог! Что ты принесла для нас с базара?

— Я ничего больше не понимаю! Я не решалась разменять твои деньги и с утра до сих пор кружила по улицам города!

Он посадил ее на золотое кресло и завел с ней разговоры:

— Дом силен советом,— говорит он матери.— Теперь наступила пора мне и жениться.

— А, да съем я твои болезни, хорошо, если бы и у нас было что-либо такое, чтобы бурьяна в нашем дворе стало меньше!

— В таком случае иди свахой от меня к дочери алдара!

— Даже мимо него, мальчик мой, я никогда не смела пройти,— отвечает ему мать.— Как теперь я пойду к нему сватать за тебя его дочь?

— Нельзя, нана, не идти! Иди!

Ничего не оставалось ей делать. Пошла она к алдару. Подходит к нему с поклонами:

— Клянусь счастьем твоим, алдар наш! Пусть благополучие сопутствует тебе, наш мальчик сватает твою дочь!

— Ах ты, старое посмешище для людей! Разве я дочь свою воспитывал до сих пор ради тебя и твоего сына?! — и с этими словами он приказал своим слугам избить ее.

Дочь алдара спустилась с башни к своему отцу и спрашивает его:

— Отец мой, за что ты сегодня приказал избить эту женщину?

— За то, что она, беднячка, осмелилась явиться ко мне, чтобы сватать тебя за своего сына.

28 Заказ 2079

— А зачем нужно было ее избивать? Сказал бы ей доброе слово: «Сто тысяч — мой калым; сто кобылиц совершенно вороных, сто жеребцов совершенно белых; твой дом должен быть больше моего дома; от твоего дома должна быть дорожка до моего дома, которая не должна касаться земли, а по этой дорожке должны быть расставлены сиденья для отдыха; над сиденьями должны висеть гроздья винограда. Вот тебе мой калым, и пусть дочь моя будет вам моим подарком». И ты, отец мой, сохранил бы свое благородство.

Юноша Одинокий вошел во внутреннюю комнату; сбросил свое кольцо на ладонь и говорит:

— Матери моей нужна хорошая верхняя одежда, золотые башмаки на высоких каблуках да золотой пояс!

Одевшись так, она опять явилась к алдару сватать дочь его за своего сына. Подходит опять к алдару и говорит ему:

— Эй, алдар! Пока ты не побьешь меня собачьей ножкой, до тех пор я не уйду от тебя.

— Ай,— сказал он ей,— друг мой и друг бога! Если ты сможешь заплатить калым, то я согласен выдать свою дочь за твоего сына!

— Скажи мне, каков будет твой калым? Если мы будем в состоянии, то заплатим.

— А калым наш таков: чистыми деньгами сто тысяч; сто совершенно вороных кобылиц-саулохов и сто белых жеребцов. Кроме того, дом ваш должен быть выше нашего дома; от вашего дома до нашего должна быть устроена дорожка, которая не касалась бы земли, а на ней расставлены сиденья для отдыха; над сиденьями должны висеть гроздья винограда. Это тебе мой калым. Тогда дочь моя да будет тебе моим подарком и да принесет тебе и сыну твоему радость!

— Я еще не могу дать тебе, алдар, твердого ответа, но пойду к своему сыну и передам ему твои условия.

Радуясь, она возвратилась к своему сыну.

— Ну, сын мой,— сказала она ему, смеясь,— я дала за тебя слово. Теперь все зависит от твоего мужества и находчивости. Чтобы не забыть, перечислю тебе все, что требуется от тебя как калым: сто совершенно вороных кобылиц-саулохов, сто белых жеребцов; сто тысяч чистыми деньгами; кроме того, наш дом должен быть выше его дома; от нашего дома до алдарского должна быть устроена дорожка, которая не должна касаться земли, на дорожке должны быть расставлены сиденья для от-

дыха, а над сиденьями должны висеть качаясь гроздья винограда. Вот на том я дала согласие; алдарская дочь засватана за тебя.

— Нана, не бойся! Хорошо, что ты засватала алдарскую дочь за меня!

Ночью они легли спать. Он вышел во двор, сбросил кольцо на свою ладонь, и пред ним явились три арапа.

— Что угодно, наш повелитель? — спрашивают они его.

— Что нужно? А вот что: чтобы мой дом был этажом выше алдарского дома; чтобы внутри он был полон золотом и алмазами; чтобы между моим домом и алдарским проходила, не касаясь земли, дорожка шириной в два шага; чтобы на ней были сиденья, а над сиденьями висели качаясь гроздья винограда; кроме того, нужно, чтобы к утру во дворе алдарского дома оказались сто совершенно вороных кобылиц-саулохов и сто белых жеребцов. Денег же нужно сто тысяч.

За ночь все оказалось на месте. Мать Одинокого очутилась в высоком доме, смотрит оттуда вниз на людей.

— Мальчик мой, — обращается она к сыну, — голова моя кружится! В каком доме я очутилась, не сон ли это?!

А утром он ее нарядил, как следует: верхняя одежда из немнущегося шелка, золотой пояс, золотые башмаки.

— Возьми, нана, сто тысяч деньгами, — говорит он своей матери. Отдал ей деньги, и она понесла алдару калым.

— Захвати с собой алдарских гостей, — говорит ей сын, — чтобы заодно угостить их, как положено обычаем.

Она пошла по дорожке; стальной скрип ее башмаков слышен в доме алдара.

Утром алдар выходит на двор и видит: двор полон лошадьми саулохской кабардинской породы. Он послал наверх сказать дочери:

— Я тебя просватал за Одинокого, сына Одинокого!

А скрип башмаков матери Одинокого раздается уже в их доме.

Алдар послал своих слуг встретить ее. Они принесли ее на руках и говорят алдару:

— Ты прожил свою жизнь среди нас. Мы все работали на тебя. Бедняк Одинокий тоже прожил всю свою жизнь среди нас в бедности, ничем не выделялся. А теперь сын его показал нашему селу такую красоту, подобной которой ты не в состоянии был показать.

Мать Одинокого достала сто тысяч, отсчитала с рук на руки калым алдару и говорит ему:

— А теперь прошу сто твоих гостей ко мне: угощу их, как требует адат. Идемте со мной!

— Иди домой! Разве вам не нужно приготовиться? Я сам их приведу,— говорит ей алдар.

— Мне не нужно готовиться. Того, что есть у меня дома, хватит, чтобы пригласить к нам все село!

Алдар стал собирать званых гостей. Людей собралось у него много, вместе с ним самим их число дошло до ста двадцати.

— А теперь идемте! — говорит алдару мать Одинокого.

Пришли они в дом Одинокого; встретили их три арапа. Когда гости увидели стены дома внутри, они одурели от удивления: не знают уже, кому где сесть.

— Что за диво! — восклицают они.— Никогда ничего подобного мы не видели! Откуда к нему пришла эта счастливая жизнь? Ведь он жил между нами в бедности?!

Алдара три арапа сажают на его место.

От необыкновенной жизни у кошки и у собаки шеи стали толстыми.

Гостей угощали от одной пятницы до другой. Если перед кем-либо не было куска хлеба, то появлялось два. В пятницу, в тот час, когда люди обычно расходятся из мечети, гости алдара покинули дом Одинокого. Пришли они обратно в дом алдара. Жена алдара удивляется:

— Муж наш, разве тебе не позорно было держать все село от одной пятницы до другой?

— Ну что в этом такого? Мы пошли к ним сегодня и пробыли у них не ахти сколько!

За ними приходит в дом алдара зять и заявляет алдару и его жене:

— Я сегодня же увожу свою невесту.

— А как ты один поведешь ее?

— Мне нужно всего трех товарищей; вещей нам не нужно никаких; до моего дома она сможет дойти и пешком.

Перед ним поставили, как обычно, стол зятя. Мать невесты вышла к нему и спрашивает:

— Какого слугу послать вместе с твоей супругой: такого, который будет работать вместо тебя, или такого, который будет работать вместо нее?

— Сегодня дочь принадлежит вам, так что пошлите с ней,

кого хотите; а когда она уже будет у нас, то советы ей будем давать мы.

Дочь алдара взяла с собой из числа слуг красивого молодого человека, которого она держала в качестве друга. Невесту привели в дом жениха с пением свадебных песен.

Они провели вместе несколько ночей. Потом Одинокий стал объезжать свои села. Он отсутствовал с утра до вечера, а молодой слуга сожительствовал с его женой; они весело проводили время вместе.

Молодой слуга спрашивает ее:

— Спроси его, каким образом вам дается эта счастливая жизнь. Если бы источник счастливой жизни попал нам в руки, то не согласилась бы ты жить со мной вместо него?

— Ну конечно согласилась бы! Пусть он станет средством, чтобы тебе прожить один лишний день!

— В таком случае, вечером ты сделай вот что: прикинься обиженной на него, не подпускай его даже близко к себе; когда же он спросит тебя, за что ты на него сердишься, ты скажи ему: «Я не знаю, откуда у нас наша счастливая жизнь; укажи мне ее источник, чтобы я могла развлекаться им. Ты оставляешь тут меня одну, а сам разъезжаешь по селам».

Вечером Одинокий зашел к своей жене, а она даже не хочет разговаривать с ним. Он грубо спрашивает ее:

— Что с тобой случилось, тварь, безобразная женщина? Еды ли у тебя недостаточно, или тебе не хватает чего носить?

— На что мне такая жизнь! Ведь ты скрываешь от меня источник нашей счастливой жизни!

Они сели вместе, и он ей говорит:

— Я покажу тебе источник нашей счастливой жизни.

Он сбросил кольцо на ладонь — появились три арапа.

— Чтобы сейчас же пред нами очутился большой круглый стол и на нем полно всего! — приказывает он им.

Они начали пировать, а кольцо он положил обратно под язык. Жена постаралась напоить своего мужа допьяна. Они легли вместе в постель, и Одинокий от опьянения заснул. Он чихнул изо всей силы: кольцо со звоном выпало из-под его языка на пол.

— Айт, скорее! Подними кольцо, источник нашей счастливой жизни!

— Оставь его, — отвечает Одинокий своей жене. — Утром поднимешь. Кто к нам зайдет? Двери наши крепко заперты.

Он заснул, захрапел. Жена встала и покинула его. Оказавшись вне своей комнаты, она бросила кольцо на ладонь молодого слуги. Из кольца выскочили три арапа и спрашивают:

— Что нужно, наш повелитель?

— Пусть сейчас же появится для нас медная башня на острове Черного моря!

Появилась для них медная башня на острове Черного моря, а вместе с этим столы с едой и напитками в изобилии. Дочь алдара и слуга стали пьянствовать день и ночь.

Утром Одинокий посылает к алдару спросить:

— Не вернулась ли дочь ваша к вам домой?

— Этого нам и надо было ожидать, раз мы выдали ее за тебя: кто-то из-под носа похитил у него жену!

Одинокий в большом горе спрашивает у своей матери:

— А куда девались кошка и собака наши? И они узнали про нашу бедность? Куда они девались, не бежали ли?

Печально стал жить Одинокий вдвоем со своей матерью: даже из дому больше не выходят.

А кошка и собака тем временем идут к башне. Подходят они к берегу моря напротив острова.

— О, если бы ты меня переправила на остров, то я украла бы кольцо,— говорит кошка.

— Переправить тебя я могу, но боюсь одного: если поднимется ветер и волна захлестнет мою спину, а ты в это время откроешь пасть, то вода попадет тебе в горло и ты умрешь.

Кошка села на спину собаки, и собака доставляет ее на своей спине на остров среди Черного моря. Когда они оказались на берегу, собака говорит кошке:

— Я спрячусь здесь, а ты иди!

Собака спряталась на берегу Черного моря, а кошка поднялась на медную башню. Утром, когда солнце взошло, она вылезла на ступеньки башни и стала мяукать. Дочь алдара выбежала, схватила кошку и стала ее обнимать:

— Вот какой подарок бог мне послал! Как сильно он меня любит, как сильно!

Возвратилась она обратно и говорит своему возлюбленному:

— Вот какой подарок, Керим, бог послал мне! Альчик на забаву!

— На что она тебе? — говорит ей Керим.— Выбрось ее!

— Да потухнет мой очаг! Я тебя считала мужчиной! Вот

так мне и нужно, раз я бежала с тобой! Ты даже не позволяешь мне держать кошку — дар божий!

Так она набросилась на него и от злости начала пить, заставляя пить и молодого человека. Они пили до самой ночи, а потом упали на постель без сознания.

Кошка зашла в комнату, намочила свой хвост в остатках вина, сунула хвост в нос молодого человека, он чихнул, и из его рта со звоном упало на пол кольцо. От сильного опьянения молодой человек ничего не заметил и снова заснул. Кошка взяла кольцо в рот и той же ночью убежала. На восходе солнца она пришла к собаке. Та ее спрашивает:

— Ну, удалось тебе что-нибудь?

— Утащила я у них кольцо, утащила!

— Тогда передай его мне, а то ты откроешь свою пасть и уронишь кольцо в море.

— Как же! Я передам его тебе, и он будет благодарен тебе! Если хочешь, переправь меня, а не то стой!

— Глупая, ты его уронишь! Ты же знаешь, что я тебя здесь не оставлю!

Собака посадила ее себе на спину и предупреждает:

— Держись крепко, не раскрывай своей пасти!

Плывет она с ней, плывет; когда они уже приближались к берегу, волны начали перекатываться через собаку; у кошки раскрылась пасть, и кольцо упало в воду. В это время кошка сильнее уцепилась своими когтями за собаку.

Выбрались они на берег. Усталая собака спрашивает кошку:

— Ну, как дела?

— Я уронила кольцо в море,— печально отвечает ей кошка.

— Ах ты ротозейка, глупая! Разве я не предупреждала тебя, что ты уронишь его в море? В каком месте, дурная башка, ты уронила его?

— Там, где я сильнее уцепилась за тебя когтями.

— Я тотчас же догадалась!

Спустилась собака на морское дно, стала искать кольцо. Кольцо попало ей на ногу так, что она даже не заметила этого. Еле живая поднялась она наверх, с трудом переводит дыхание. Когда она оказалась на суше, кошка заметила блеск кольца; она радостно подошла к собаке и спрашивает ее:

— Не нашла ли ты его?

— Ротозейка, где я его могла найти? — грубо отвечает ей собака.

— Ах ты, лукавая! — говорит ей кошка.— Вот же оно, на твоей ноге!

— Я тебя, дурная, обманывала! — говорит собака.

— Теперь надо возвращаться домой,— сказали они и рысью направились домой.

В доме Одинокого стала осыпаться штукатурка. Когда они начинали чувствовать недостаток в еде, они продавали на базаре золотой стул и этим жили.

— Ах, если бы мы не лишились своих кошки и собаки,— говорит однажды Одинокий своей матери.— А жена пусть пропадет пропадом!

В этот момент вваливаются кошка и собака. Солнце снова выглянуло для Одинокого. Собака вручила ему кольцо. Он быстро положил его себе под язык, потом сбросил обратно на ладонь, и столы тотчас наполнились едой, напитками.

— Пусть медная башня, что стоит на морском острове, сейчас же очутится в моем дворе! — приказал он трем арапам и тотчас же послал за алдаром. Алдар быстро приходит во двор Одинокого.

— Алдар, посмотри, какие дела натворила твоя благородная дочь!

Он открыл для него окно и заставил алдара посмотреть, как они там спят; блевотина, которой они обливали друг друга, засохла на них.

Алдар тотчас же послал за двумя жеребцами-неуками. Привязал к их хвостам свою дочь и ее возлюбленного и отпустил жеребцов на волю. Они разбили их о деревья, о камни.

Одинокий же после этого женился на равной себе. От него народился целый род. И теперь еще они живут в добре.

Как вы их не видели, так не увидеть нам никакой напасти, никакой болезни!

103. Как бог создал человека

Бог создал человека и сказал ему:

— Ну, человек, я тебя создал, и теперь живи! Всего у тебя будет достаточно, ни в чем не будешь нуждаться, но жизни я даю тебе тридцать лет.

Человек ничего не сказал богу, но печально подумал про себя: «И что за срок жизни для меня — тридцать лет!»

После этого бог создал осла и сказал ему:

— Работай на этого человека; ты должен носить на себе все, что ему нужно будет, и проживешь с ним тридцать лет!

Ослу это было очень неприятно, и он сказал богу:

— Да будет тебе, о бог, стыдно! Почему ты мне так сказал? Если я при такой работе, таская тяжести, проживу пять лет, то и этого для меня будет достаточно! У меня от такой работы даже кости сокрушатся; мне не нужно такой жизни больше пяти-шести лет!

Бог посмотрел на человека, но ничего не сказал.

После этого он создал собаку. Собаке он сказал:

— Ну, собака! Проворно служи этому человеку, будь ему предана, не подпускай воров ни к нему, ни к его скотине, ни к его птицам, ни к его имуществу и проживи с ним тридцать лет!

Та была опечалена еще больше и сказала богу:

— Если я буду лаять больше пяти лет, то челюсти мои соскочат со своих мест. Мне не нужно такой жизни более пяти лет!

После этого бог создал обезьяну. Обезьяне бог сказал:

— Развлекай вот этого человека, танцуй около него, весели его и проживи вместе с ним тридцать лет!

Когда бог сказал обезьяне «тридцать лет», то она хотела было схватить себя за горло и задушить себя, так ей было неприятно.

— Если я, голая и с открытым задом, проживу пять лет,— сказала она богу,— то и этого с меня достаточно. Большего срока жизни я не хочу!

— Пусть будет так! — сказал бог и лишние годы отдал человеку.

У человека до тридцати лет кровь играет, поэтому сила его при нем и он здоров. Затем он принимается за труд и трудится до тех пор, пока хватает его сил. Это и есть ослиный период жизни человека. Затем он уже не в состоянии работать и тогда, что и говорить, начинает поучать, но тот, кого он поучает, уже его не слушается — и это период собачьего лая его жизни. Затем наступает другой период, когда он уже не в состоянии бывает ни работать, ни говорить как следует, когда покидает его зрение и он перестает видеть глазами, когда и ноги перестают ему подчиняться, когда он перестает понимать. Тогда наступает обезьяний период его жизни.

104. Уастырджи и земной человек Маргуц

У Уастырджи было две жены. Он сам ежедневно бывал в наездах, балцах, и жены его до его возвращения пересматривали его одежду, обновляли ее.

Однажды одна из жен его занималась изготовлением новой одежды спустя рукава, и другая заметила ей:

— Чем ты занята? Поторопись! Если он застанет одежду неготовой, ему будет неприятно.

Та ей отвечает:

— Клянусь твоими покойниками, за какого мужчину ты его считаешь? А что было бы, если бы он походил на земного человека Маргуца?

Ответ первой жены Уастырджи не понравился второй его жене; она сильно опечалилась и сказала про себя:

— Я так полагаю, что среди небожителей-ангелов не найдется более бравого, чем Уастырджи, а на земле кто может сравниться с ним? Удивляюсь ей, что она только говорит?!

Уастырджи вернулся домой вечером и застал вторую свою жену в печали. Он спросил ее:

— Чем ты опечалена?

— Ничем,— ответила она.

— Нет, без причины ты не можешь быть печальной! Скажи мне, почему ты печальна?

Тогда она сказала:

— Я вот почему печальна. Сегодня мы шили вдвоем твою одежду; она к работе была очень невнимательна, и я сказала ей: «Поторопись, а то, если он вечером прибудет домой и застанет одежду неготовой, это будет ему неприятно!» Она же мне на это сказала: «А что было бы, если бы он у тебя походил на земного человека Маргуца?» Это мне было неприятно, и я сама себе сказала: «На небесах, кроме бога, нет более бравого, чем он; кто же на земле может сравниться с ним?» Сегодня я целый день проплакала: так это было мне неприятно.

— А почему тебе это было неприятно? — говорит ей Уастырджи.— Ты думаешь, что из земных людей нет никого более бравого, чем я? Напрасно ты из-за этого проплакала целый день и напрасно была печальна!

Имя Маргуца было известно Уастырджи, но он не встречался

с ним, так как Маргуц не бывал в тех местах, где он наездничал, где бывал в балцах.

Утром Уастырджи встал и выступил в дорогу. Едет он, едет и из тех мест, где он обычно бывал в наездах, переехал в другую страну. Долго ли он ехал, мало ли, но в одном месте он встретил табун; коней в нем было видимо-невидимо.

Он подъехал к табунщику и обратился к нему с приветствием:

— Да будет день твой, табунщик, добрый!

— Добро да будет твоей долей, бравый путник! — ответил табунщик.

— Чей это табун? — спросил его Уастырджи.

— Кони принадлежат земному человеку Маргуцу.

— Где же он живет, в какую сторону к нему ехать?

Тот ему сказал:

— Отсюда ты попадешь к пастуху, который пасет его рогатый скот, и он тебе укажет дорогу к нему.

Уастырджи выехал оттуда и через какое-то время попал к этому пастуху.

— День твой добрый,— приветствовал он его.

— Добро да будет твоей долей! — ответил ему и пастух.

— Чей ты пастух?

— Я пасу рогатый скот Маргуца,— ответил ему тот.

— Где живет Маргуц?

— Дальше ты доедешь до пастуха, который пасет его мелкий рогатый скот, и он тебе укажет, где живет Маргуц.

Уастырджи выехал оттуда и, что и говорить, доехал до пастуха мелкого рогатого скота.

— Да будет день твой добрый! — приветствовал его Уастырджи.

— Добро да будет долей твоей!

— Чей ты пастух?

— Я — пастух Маргуца.

Пастух поймал и приволок хорошего барана, зарезал его в честь Уастырджи, разделал и угостил Уастырджи как гостя своего, задержав его на ночь у себя. Утром, провожая Уастырджи, он ему сказал:

— Заезжай к пастуху, который пасет ягнят Маргуца, и он тебе укажет, где живет Маргуц.

Уастырджи попал к пастуху ягнят и спросил его:

— Где живет Маргуц?

Пастух проехал с ним немного дальше, а затем указал ему на один курган:

— Вот там он и живет.

Уастырджи доехал до этого кургана и, что и говорить, спешился у ворот. Слуги Маргуца выбежали к нему, приняли коня, привязали к коновязи, а его самого завели в кунацкую. Попросили его посидеть там, а сами зашли к Маргуцу и доложили ему о госте.

Маргуц приказал своим слугам:

— Приготовьте на завтрак хорошие кушанья и отнесите их ему!

Что и говорить, они приготовили завтрак, но сам Маргуц не вышел к гостю.

— Пригласите ко мне моего фысыма,— сказал Уастырджи,— иначе я не притронусь к хлебу-соли!

У Маргуца нос был наполовину отрезан, поэтому он стеснялся выйти к своему гостю.

Но Уастырджи не прикасался к еде, и у того не оставалось другого выхода. Гостю сказали, что у Маргуца нет носа, и поэтому он стесняется выйти к нему.

— Пусть у него нет даже и ног, и рук,— сказал Уастырджи,— а все-таки он — фысым и должен быть около меня.

Доложили Маргуцу:

— Без тебя он не прикасается к еде!

Маргуц вышел к нему. Они взаимно приветствовали друг друга, сели и стали есть, а затем, что и говорить, у них завязалась беседа.

Уастырджи сказал ему:

— Тебя называют бравым человеком, у тебя, сказывают, имеются чудеса, и ты должен показать мне кое-что.

— Какие у меня могут быть чудеса,— ответил ему Маргуц.— Эту ночь ты отдохни, а завтра утром видно будет.

На ночь они хорошо поужинали; приняли Уастырджи, как принято у нас принимать гостя. Утром Маргуц послал за своим конем. Привели ему невзрачного на вид коня. Уастырджи смотрит на него и говорит про себя:

— Как этот невзрачный конь пойдет с моим конем, не представляю себе!

— Хорошо было бы, если бы ты взял более проворного коня,— сказал он Маргуцу.— Ведь нам предстоит дальний путь, и он может не выдержать его.

— Там, где он не выдержит,— ответил Маргуц,— я его брошу, расстанусь с ним.

Оседлав своих коней, Уастырджи и Маргуц выступили в путь.

Едут они степями, и Уастырджи замечает, что вокруг них летают всякие удивительные золотокрылые птицы.

— Что мы можем захватить с собой удивительнее этих птиц? — спросил Уастырджи Маргуца.

— Оставь их пока в покое! — ответил тот.— Они будут на месте, когда мы поедем обратно, и, если они нам будут нужны, мы захватим их с собой.

Едут они дальше по своей дороге и доезжают до берега большой реки. Им нужно было переехать на другой берег. Уастырджи охватила тревога: «Ну, мой конь крылатый, он перейдет через реку,— думает он про себя,— а как перейдет через нее конь Маргуца?»

Уастырджи и Маргуц въехали на своих конях в реку. Коню Уастырджи вода доходила до щиколоток, а коню Маргуца она не замочила и копыт. Так они переправились через реку.

Уастырджи был удивлен и подумал про себя: «Наверное, он какой-то необыкновенный человек!»

После того как они переехали реку, Маргуц предупредил Уастырджи:

— До той страны, куда мы направляемся, сейчас дойдет слух, что едет Маргуц. Именитые люди оседлают своих коней, выедут навстречу в большом количестве и всем войском станут вокруг меня. Они захватят с собой большую золотую чашу, полную ронга, и поднесут ее мне. Я приму ее и произнесу тост-моление *, а затем передам чашу с ронгом тебе; дальше же все зависит от тебя самого и твоего мужества — уноси ее!

После этого они снова пустились в дорогу. Едут они, едут степями, смотрят и видят, что вдали степь вся покрылась людьми и конями. Что и говорить, Уастырджи и Маргуц доехали до них. Маргуцу, не слезая с коней, поднесли чашу с ронгом. Он произнес, как положено, тост-моление, а затем передал чашу Уастырджи. Тот принял чашу и выпил ее, будучи верхом на коне; затем, повернув своего коня, ускакал. Встречавшие Маргуца люди хотели было преследовать его, но Маргуц остановил их, сказав:

— Да будет со мной милость ваша, не преследуйте его! Я не знал, что он такой взбалмошный гость, иначе я не передал бы

ему чашу. Предоставьте его своей воле. Если я его догоню, то чашу вашу верну вам обратно.

Они сказали ему:

— Что делать! Такие гости никогда от нас не спасались; но из уважения к тебе мы не бросимся в погоню за ним. Пусть уезжает!

Они и Маргуц поблагодарили друг друга и разъехались в разные стороны.

Маргуц нагнал Уастырджи на берегу большой реки.

— Я удивлен! Сколько я ни странствовал по свету, никогда не встречал среди земных людей такого прославленного, как ты!

Едут они по своей дороге дальше. Уастырджи захватил с собой тех золотокрылых пернатых столько, сколько хотел; забрал с собой и золотую чашу. Прибыли они в дом Маргуца. Что и говорить, Маргуц обходительно принимал Уастырджи как своего гостя трое суток, а затем Уастырджи собрался уезжать. Маргуц оседлал своего коня и проводил его до одного кургана. Он пожелал Уастырджи счастливого пути, и они разъехались.

Отъехав на значительное расстояние, Уастырджи спохватился и сам себе сказал:

— Умереть бы мне! Ведь я не спросил его, что случилось с его носом.

Он повернул коня своего обратно и около одного кургана нагнал Маргуца, совершавшего намаз.

Маргуц встал и спросил Уастырджи:

— Что случилось, гость мой? Что с тобой? Ни ты у нас ничего не забыл, ни мы у тебя ничего не забыли, почему же ты вернулся обратно?

Уастырджи объяснил ему:

— Я вернулся к тебе вот почему: ты должен мне сказать, что случилось с твоим носом.

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь? — сказал Маргуц.— Уехал бы себе!

— Никак нельзя иначе, ты должен мне об этом сказать!

У Маргуца не было иного выхода, и он сказал Уастырджи:

— Что делать? Нос мой различал дурной запах. В одну ночь я возвращался домой с балца, и нос мой почуял дурной запах. Я сказал сам себе: «Что-то случилось с моей женой, иначе был бы виден свет!». Приехав домой, я слез с коня своего, застал жену свою спящей и убил ее. Потом осмотрел все, и оказалось: рядом с ней спала кошка, больше никого не было. Поэтому я

рассердился, отрезал свой нос и похоронил его со своей женой.

— Где она похоронена? Покажи мне это место!

— Она похоронена вот в этом кургане!

— Выкопаем ее! — сказал Уастырджи.— Кости доброй женщины тоже что-нибудь да значат!

— Не проси меня об этом! Не причиняй мне боли второй раз!

— Никак нельзя, я должен видеть хотя бы ее кости!

Ничего не оставалось делать. Выкопали гроб, вынули его и положили на землю. Открыли крышку гроба. Уастырджи взял нос Маргуца и положил его отдельно; затем он опустил руку свою в карман, достал шелковый платок, провел им по женщине, и она ожила.

Затем Уастырджи приложил нос Маргуца к месту, где он был раньше, провел по нему платком, и нос стал таким же, как прежде.

Маргуц пал перед Уастырджи на колени и сказал:

— Ты — ангел, а я этого не знал!

Маргуц крепко поблагодарил его, а затем спросил его:

— По какой причине ты меня разыскал?

Уастырджи передал ему разговор своих жен, рассказал, как одна из них отозвалась о Маргуце. Маргуц сказал ему на это:

— Та, которая сказала обо мне другой твоей жене,— моя дочь; когда она овдовела, я выдал ее в другое место, а оттуда она попала в твои руки. Отпусти одну из них, так как две жены — зло для человека. Я не предлагаю тебе, чтобы ты задержал мою дочь; на этот раз она направила тебя на доброе дело, но в следующий раз может направить и на злое.

Уастырджи и Маргуц разъехались по своим домам, и Уастырджи оставил себе женой дочь Маргуца, а другую отослал к ее родным, развелся с ней.

105. Бог и бедняк

В одном селе жил бедняк со своей женой. Детей у них было много, поэтому они работали и днем, и ночью, но жизнь их ничуть не улучшалась. И охватила их тревога.

— Как мы при такой жизни сможем вырастить детей? — говорили они.— Ничего лучшего ведь мы не можем выдумать. Что же нам предпринять? Об этом надо подумать.

Рядом с ними жили соседи, другие муж и жена. И у них было также много детей, но они и соломинки с земли не поднимали, не работали, а жили роскошно, что называется на широкую ногу, были сыты и одеты.

И вот тогда бедняк сказал своей жене:

— Мы не можем жить дальше таким образом. Если ты хочешь, то я уйду куда-нибудь и, может быть, заработаю что-нибудь. Пока я не заработаю чего-нибудь, я не вернусь домой, клянусь в этом именем бога. Пусть даже смерть настигнет меня где-нибудь, и то это будет лучше, чем смотреть на мучения своих детей.

Утром бедняга позавтракал у себя дома тем, что у них имелось, а потом покинул свой дом и семью свою. Идет он по дороге, неизвестно по какой, сам не зная куда. Встретив воду, напивался воды, когда же попадал в какое-либо село, то просил корку хлеба на подаяние и съедал ее так, как это делает нищий.

Он прошел через многие села, миновал очень большие города, но ни в одном из них не обосновался. Прошел он и через очень веселый город, но и там он не остался, а пошел по своей дороге дальше.

Когда он отошел от своей родины уже весьма далеко, то единому богу, которому ведомо все, стало известно, куда он направлялся и что ему нужно.

Бог приказал Уасгерги:

— По такой-то и такой-то дороге идет человек; он дошел до такого-то места. Повстречайся с ним и задержи его; спроси его, куда он идет и что ему нужно. И когда он тебе скажет, что ему нужно, то обнадежь его очень крепко и скажи: «Вернись домой! Как только ты дойдешь до дома, ты застанешь там все, что только пожелаешь!»

Уасгерги быстро встретился с бедняком, который шел и шел по своей дороге.

— Прямого пути тебе, добрый старик! — приветствовал он его.— Что с тобой, куда ты идешь?

— Да будет дело твое правое! — ответил тот.— Я сам не знаю, куда я иду. Живу я вот там-то, и жена у меня тоже есть, а детей у меня появилось много, и мы не в состоянии были их больше кормить, хотя работали и днем, и ночью. А теперь я поклялся: «Пойду куда-нибудь и, может быть, заработаю что-нибудь, чтобы кормить детей. Я не вернусь домой до тех пор,

пока не заработаю что-нибудь, клянусь в этом именем бога». Мне кажется, лучше найти смерть где-нибудь, чем смотреть на страдания своих детей. И вот я иду.

А Уасгерги ему говорит:

— В таком случае не ходи больше никуда, вернись домой! Я тебя уверяю: как только ты дойдешь домой, то найдешь дома столько добра, что на него смогут прожить свою жизнь и дети твои, и ты сам.

— А ты кто такой, откуда ты это знаешь? — спрашивает его бедняк.

Уасгерги ему отвечает:

— Я — Уасгерги, почетный божий посланник, тот Уасгерги, который посредничает между богом и людьми.

— Если ты — Уасгерги,— говорит бедняк,— то скажу тебе, что коварнее и бессовестнее тебя на свете никого нет! Когда честные люди едут по дороге и на них нападают грабители, то ты помогаешь грабителям, чтобы они убили людей, ограбили и угнали их скот! Ты такой бессовестный, что мне от тебя ничего не нужно — ни твоего наставления, ни твоего подарка!

Уасгерги быстро поднялся к богу и доложил ему:

— Он называет меня самым коварным, бессовестным. «Мне ничего от тебя не нужно»,— так он мне заявил, не послушался меня и пошел по своей дороге дальше.

Тогда сам бог — да будет ему табу! — предстал перед бедняком в тот момент, когда он проходил опушкой леса. Он не показался ему и обращается к нему так:

— Да будет путь твой прямой, добрый человек! Кто ты, и в чем ты нуждаешься? Куда ты направляешься?

— Я сам не знаю, куда я иду,— отвечает бедняк.— Вот там-то я живу; я оказался не в состоянии содержать своих детей. Вокруг меня живут другие, но они, совершенно не работая, живут без нужды. Мы же работаем и днем, и ночью и все-таки не можем содержать своих детей.

Единый бог ему говорит:

— В таком случае послушайся меня: никуда больше не ходи, возвращайся домой, и ты застанешь там столько добра, что хватит и вам самим, и детям вашим. В этом я даю тебе твердое слово.

Бедняк и его спрашивает:

— А кто же ты такой, что даешь такое твердое слово?

Бог ему заявляет:

— Я тот единый бог, который призвал тебя из небытия к жизни. Поверь мне и возвращайся домой!

— Если ты — бог,— говорит бедняк,— то должен тебе сказать, что такого деспота, как ты, нигде больше нет. Ты — бог-самодур! Одним ты даешь очень много, хотя они не работают, а другим, работающим, ничего не даешь, они нагими умирают с голоду.

Бог ничего не смог ему ответить, и бедняк опять направился по своей дороге дальше.

После этого единый бог — да будет ему табу! — призвал к себе Уодесага * и приказал ему:

— По такой-то дороге идет человек; задержи его. Расспроси его обо всем и обещай ему то, в чем он нуждается; скажи ему, чтобы он повернул обратно домой. Если же он откажется возвратиться домой, то лиши его жизни!

И вот Уодесаг предстал перед бедняком и спрашивает его:

— Куда ты направляешься, добрый старик?

Он и ему тоже объяснил:

— Я сам не знаю, куда я иду. У меня появились дети, и я больше не в силах содержать их; и днем, и ночью мы работаем, и все-таки их не во что одеть, нечем их кормить. Я не в силах был больше смотреть на мучения своих детей и поклялся, что не вернусь домой до тех пор, пока не заработаю что-нибудь. Я буду идти по своей дороге и, может быть, найду смерть, где мне это суждено. По-моему, это будет лучше, чем смотреть на страдания детей своих.

И тогда Уодесаг ему говорит:

— В таком случае, добрый старик, не ходи больше никуда, возвращайся домой! Когда ты вернешься, ты найдешь там в избытке все, чего только пожелает твоя душа. Единый бог пожалел тебя.

Старик спрашивает и его:

— Скажи мне, кто же ты такой? Мне никакого божьего дара не нужно, но скажи, кто ты сам?

— А я — Уодесаг,— говорит он ему,— тот, кто лишает души все живое на свете.

— А-а, значит, ты — Уодесаг? — говорит старик.

— Да!

— В таком случае твой совет я принимаю! Ты — очень справедливый человек! Ты лишаешь кого-либо души только по велению бога. Ты не делаешь различия между богатым и бедным,

стариком и ребенком, ты ни от кого не берешь взятки, ты очень честный работник. Мне не нужно никакого божьего дара, но ты сам, если только ты в силах, помоги мне! По твоему слову я возвращусь обратно домой.

Уодесаг впал в раздумье и говорит про себя:

— Что же мне с ним делать? Что ему подарить, когда у меня ничего нет? Если он не возвратится обратно по моему слову, то я должен буду в угоду богу лишить его жизни!

У Уодесага не было никакого имущества, кроме зеркала в кармане. Он вспомнил о нем, достал его из кармана и говорит старику:

— Кроме вот этого зеркала, у меня ничего нет. Дарю его тебе. А зеркало это не простое,— добавил он.— В первом же селе, куда ты прибудешь, спроси: «У кого здесь тяжелобольной?» Тебе укажут: «Тяжелобольной имеется вот там-то». Ты зайдешь туда и скажешь: «Я врач, покажите мне своего больного, может быть, я смогу его вылечить». Когда тебе разрешат видеть больного, ты попроси всех выйти, сказав: «Оставьте меня одного с больным!» Закроешь за ними дверь, отвернешься лицом к углу, достанешь из кармана зеркало так, чтобы и больной не заметил этого, и посмотри в зеркало! Если в зеркале ты увидишь меня, то спрячь зеркало и скажи: «Я не могу его вылечить!» Выйдешь и будешь искать другого больного. Если же ты меня в зеркале не увидишь — а смотри в него долго,— то спрячь зеркало, открой дверь, пригласи людей к больному, скажи им: «Я могу вылечить этого больного; если вы желаете, то поручите его мне; но сами вы уходите, пусть никто другой его не навещает. Кроме меня самого, никто здесь не нужен». Когда его поручат тебе, то вызови к себе ближайшего родственника больного, выпиши лекарство, какое только ты вспомнишь,— в одном случае — одно, в другом — другое; поручи ему, чтобы он давал больному это лекарство на воде, и он выздоровеет, так как смертный час его еще не настал. Выздоровление его все будут приписывать тебе и заплатят столько, сколько ты запросишь. Так ты и будешь работать и очень разбогатеешь.

В первом же селе, куда он дошел, он сказал простым людям, которых встретил на улице:

— Добрые люди, я — врач, и если у вас имеются больные, то я могу их лечить. Не обращайте внимания на то, что я худой и плохо одет: я иду издалека.

Они вспомнили про одного очень тяжело больного, который

был при смерти. Повели старика к этому больному и сказали его близким:

— Вот он — врач и хочет осмотреть вашего больного.

— Да съедим мы его болезни! Если бы он помог нашему больному чем-нибудь!

Он предложил присутствующим выйти, сказав:

— Предоставьте больного мне самому!

Они вышли, оставили с больным его одного. Он закрыл дверь и сначала осмотрел его кое-как, так, как учил его Уодесаг, затем отвернулся и достал из кармана зеркало. Долго в него смотрел, но нигде не увидел Уодесага с его кривой палкой. Тогда он открыл дверь, позвал членов семьи и сказал им:

— Его лечение в моих руках. Я надеюсь, что вылечу его, и вы мне заплатите то, что я попрошу. Около него никто не должен находиться, кроме меня самого; не нужны и посторонние посетители.

Он приступил к лечению больного: давал ему воды, ухаживал, как обычно ухаживает врач, и больному стало лучше настолько, что он уже мог сидеть в постели. Он был тяжело болен — и выздоровел.

Близкие больного не знали, как отблагодарить врача, угощали его всяческими изысканными кушаньями.

— А теперь я ухожу,— заявил он родным больного.

Они ему сказали:

— Ты — тоже бедняк, и мы ничего не пожалеем для тебя из того, что у нас имеется. Скажи сам, что бы ты хотел получить от нас.

Он ничего не ответил, но они сами дали ему столько, сколько он не ожидал,— и денег, и продовольствия. Поблагодарили друг друга, и он оттуда ушел. С большой радостью быстро шагал он по своей дороге дальше и говорил сам себе:

— Я избавился от бедности, теперь работой врача я смогу содержать своих детей!

Очень быстро он достиг веселого города, который до этого миновал; но теперь в городе не слышно было ни звука, а люди печально сидели группами. Он предположил, что их постигло какое-то большое несчастье, не сдержался, подошел к одной группе и спрашивает:

— Что это за диво? Когда я проходил недавно через ваш город, то он был очень весел, полон разных звуков. Что теперь с вами случилось?

— Добрый гость, что нам остается делать? — отвечают ему.— Царь, на кого вся надежда наша, который нас кормит, лежит теперь при смерти; вот-вот он расстанется с миром. В ожидании этого мы охвачены печалью и поэтому плачем.

— В таком случае,— сказал он,— извините меня, но я хочу видеть того, которого вы так сильно жалеете и из-за которого так печальны. Путь мой лежит дальше, но я — врач и, может быть, смогу вылечить его.

— Около него собрались профессора, врачи, генералы со всего государства,— отвечают те,— они не допустят тебя до него.

— Если они не допустят меня до него, то я поверну обратно,— сказал он.

Они подумали немножко и решили:

— Ну, отведем его к ним; может быть, они допустят его до больного царя и, может быть, он его вылечит. Откуда мы это можем знать?

От группы отделились двое и довели его до царского дома. Послали сказать собравшимся вокруг больного царя приближенным:

— Вот врач, который пришел издалека, и он хочет осмотреть больного; он говорит, что, может быть, сможет его вылечить.

Профессора вышли к нему, но, увидев его внешность, сказали:

— Не допускайте его к больному, прогоните его!

Затем вышла к нему жена царя; она вернулась к приближенным и говорит им:

— Что вы теряете? Пропустите его к царю; может быть, он сможет его вылечить. Я хочу, чтобы вы допустили его к больному.

И тогда они послали за ним и привели прямо к больному — его, бедняка, нищенски одетого. Он осмотрел больного, затем повернулся к приближенным царя и сказал им:

— Извините меня, но выйдите на короткое время и оставьте меня одного с больным.

Они переглянулись между собой и сказали:

— Как мы по его слову можем бросить больного одного!

Жена царя опять им говорит:

— Я выхожу первая, и вы тоже выходите! Посмотрим, что случится.

Все вышли наружу. Когда бедняк остался один, он достал свое зеркало, отвернулся в угол и стал смотреть в него, но Уодесага нигде не было видно.

Тогда он позвал всех обратно и сказал им:

— Слушайте меня: я могу вылечить этого больного. Я не дам ему умереть. А вы уходите, и пусть каждый из вас исполняет свою работу так, чтобы город принял прежний живой и веселый вид. Больного же предоставьте мне.

Они не соглашались на это, но жена царя сказала им:

— Идите и делайте так, как он говорит. Если он его вылечит, то хорошо, а если с царем случится что-нибудь, то вы его сможете и убить.

С ворчанием вышли они из царских покоев, рассердились на жену царя. Каждый ушел исполнять порученное ему дело, и город оживился.

А бедняк остался один с больным. Вызвал он к себе царицу и сказал ей:

— Я должен приступить к лечению больного, но как я могу притронуться к нему, если я такой грязный? Мне необходимо привести себя в порядок.

Царица позвала женщин-прислужниц и приказала им:

— Быстро искупайте его в бане и сбрейте ему бороду!

Она приказала одеть его с ног до головы в дорогие одежды. Надел бедняк белый халат и все прочее, что ему надо было, взял с собой и зеркало и сказал царице:

— Иди исполняй свою работу, а больного предоставь мне! Если нужна будешь, я попрошу позвать тебя.

Царица удалилась, а бедняк приступил к лечению царя. Все, что ему было необходимо, он требовал от царицы, и она в тот же миг исполняла его требования. Все, что он давал больному под видом лекарств, он перемешивал. Дня через три больной зашевелился, стал поднимать руки, прикасаться рукой к лицу. Бедняк позвал царицу, показал ей больного, которому становилось все лучше и лучше. Царица от восторга ходила на носках и говорила:

— Вот чудо! Как он в три дня вылечил больного, для которого столько профессоров не смогли найти никакого лекарства!

Прошло немного времени, и больной открыл глаза. Видит: кто-то его обслуживает, возится с ним.

— Кто ты и что ты за человек? — спрашивает он.

— Я — врач, который лечит тебя,— отвечает тот.

— А что со мной было? — спрашивает царь.

— Об этом спроси свою супругу; я ее позову, и она тебе скажет.

Он позвал к нему царицу, и царь ее спросил:

— Кто этот человек?

— Если бы не он,— сказала она,— то тебя на свете уже не было бы. Ты так тяжело заболел, что все врачи, профессора здешние собрались около тебя, но ничем не смогли тебе помочь. А потом, на наше счастье, явился откуда-то вот он, в весьма жалком состоянии. Когда он узнал, что ты тяжело болен, он попросил людей: «Допустите меня к нему, и, может быть, я вылечу того, из-за которого вы охвачены такой печалью». Когда профессора увидели его, они сказали: «Это какой-то обманщик, не допускайте его к царю!». А я им приказала: «Допустите его к нему. Ничего от этого с царем не случится; он осмотрит его и уйдет; у него не будет смелости лечить его». И тогда его допустили. Он зашел к тебе и долго смотрел на тебя, затем повернулся лицом к твоим приближенным и сказал им: «Извините меня, выйдите на короткое время, а больного предоставьте мне!» Они оскорбились, не хотели выходить, требовали, чтобы он осмотрел тебя при них. И тогда я им приказала: «Выходите! Вот сама я иду впереди вас! Царю все равно не жить, он не причинит ему никакого зла!» И тогда они вслед за мной вышли наружу. Осмотрев тебя, он разрешил твоим людям зайти обратно в твою комнату и сказал им: «Слушаете?» — «Слушаем»,— сказали они. «Я проходил через ваш город в одну сторону,— сказал он им,— и очень сильно позавидовал его жителям, которые живут в таком хорошем веселом городе. А теперь я проходил через него в обратном направлении и застал вас охваченными большой печалью. Я был весьма удивлен этим, но не знал причины вашей печали и тревоги. Люди сидели группами, дремали, опустив головы. Я подошел к одной группе и спросил их: «Что с вами случилось? Почему вы печальны, почему плачете?» — «Как нам не плакать? — ответили мне.— Умирает наш царь-кормилец; как же нам не быть в тревоге?» И вот так я узнал о болезни вашего царя. А теперь должен вам сказать: я могу вылечить царя. У каждого из вас в городе есть свое дело: и у черного народа, и у властей; и пусть же каждый приступит к своей работе, так чтобы город оживился». И тогда я им всем приказала: «Идите и делайте так, как он говорит». Этого человека бог создал на наше счастье,— говорит царица,— он для нас

весьма почтенный человек. Вот он, которому ты, кроме бога, обязан своим здоровьем.

И тогда царь приподнялся на постели и заключил бедняка в свои объятия.

Царь выздоровел, стал сидеть в постели. Он вел разговоры со своим врачом. По улицам развесили известия о том, что царь выздоровел. Его стали навещать приближенные; они сиживали около него, поздравляли с выздоровлением; все рады были его выздоровлению. Они говорили царю: «Вот он тебя вылечил!» — и указывали на бедняка, который сидел тут же около царя и которого царь никуда больше от себя не отпускал.

Царь приказал одеть его в самые лучшие одежды, какие только у него имелись, потом велел запрячь повозки, какие тогда были, и стал ездить с ним, показывать ему свои богатства и границы своего государства.

Затем царь призвал к себе, кого следовало, и приказал:

— Нужно устроить кувд и пригласить на него народ.

Стали готовиться к кувду. Он приказал оповестить всех, и в назначенный день все собрались на кувд. Царь и врач вышли к народу, и царь сказал:

— Вы сами знаете, как тяжело я болел. Меня спас вот этот человек; он родился больше на ваше счастье, чем на мое, и вы поблагодарите его, окажите ему почести!

И начиная со старших и кончая младшими, все стали обнимать его, воздавать ему почести.

А затем царь сказал:

— Народ мой! Теперь у меня есть одно предложение: с сегодняшнего дня он должен быть нашим царем, потому что он полезен и вам, и мне; никто из нас уже не умрет, потому что тот, кто не дал мне умереть, кто спас меня, не даст умереть и никому из наших детей, если только он будет нашим царем. Что вы скажете, каково ваше желание? — спрашивает царь у народа.

Народ закричал единогласно:

— И мы на это согласны, если только он согласится быть царем.

И тогда бедняк сказал всему народу и царю:

— Благодарю вас за то, что вы так высоко почтили меня и так доверяете мне, но я не гожусь в цари; я не настолько грамотен, чтобы быть царем. А потому прошу вас: отпустите меня, я ни за что не останусь царем!

Но где там! Они не отпускают его, настаивают на своем.

И он снова поклялся, сказал им.

— Я ни за что не стану царем, не повидавшись с семьей. Отпустите меня! И, если вы хотите оказать мне добро, доставьте меня к моей семье. Я же вам обещаю,— продолжал он,— что если буду вам нужен как врач, то вызывайте меня, и я приеду, чтобы помочь вам.

Когда он им дал такое обещание, то они смягчились и согласились отпустить его на родину.

После этого они сели за столы, и пошел у них пир. В течение восьми дней были заброшены все государственные дела — все время пировали. Люди поручили царю, чтобы он сам вознаградил врача. И тогда царь объявил народу:

— А теперь вы расходитесь, я сам его отправлю на родину!

Люди разошлись, а царь приказал приближенным:

— Выберите сто лучших верблюдов, какие у нас только имеются, и оседлайте их! На десять верблюдов нагрузите золотых денег, на десять — самых дорогих тканей и товаров, а на остальных — все, что есть на свете самого дорогого и наилучшего! Затем посадите на них сто наиболее искусных мастеров. На одном верблюде устройте золотой шатер; верблюд этот должен быть неноровистый. И всех верблюдов будет сто один.

Царь назначил срок, и к этому сроку все было готово. Собрались приближенные царя, и царь сказал своему врачу:

— Ты спас меня от смерти. Отплатить тебе достойно у меня нет силы и средств. Я делаю небольшой подарок, все это твое: и верблюды, и товары. Когда прибудешь домой, обзаведись всем, приведи себя в порядок, построй и дом, и все прочее.

Вот прибыл бедняк домой. Остановил караван перед своей избушкой, сложил около нее все, что было на верблюдах, а затем сказал погонщикам верблюдов:

— Вам сказано было, что и вы сами, и верблюды будете принадлежать мне, но возвращайтесь сейчас же обратно к себе; а за то, что вы доставили меня на родину, я вам очень и очень благодарен.

Они тоже поблагодарили его, сели на верблюдов, вернулись обратно домой и доложили царю:

— Он сказал нам, что мы ему не нужны, и отослал нас обратно.

Царь ничего им не возразил.

А бедняк начал строиться и в короткий срок возвел необыкновенные постройки. И после этого он начал жить очень хорошо.

Никто уже не мог с ним равняться в богатстве. А с царем они стали друзьями, очень крепко привязались друг к другу, навещали друг друга. Жили они весело и припеваючи и живут по сей день.

Как мы из всего этого ничего не видели, так да минуют нас всякие напасти и всякие болезни!

106. Старик-кударец

Вон в Кударском ущелье * жил некогда старик вместе с семьей. Звали его стариком-кударцем. Он не был богатым человеком, имел несколько детей — мальчиков и девочек, а из имущества была у него коза с козленком и осел.

Однажды он говорит своей жене:

— Кударское ущелье уже непригодно для жизни, здесь нельзя уже содержать скотину.

— Что же в таком случае тебе желательно? — спрашивает его жена.

— Я хочу спуститься в Муртазатскую равнину,— отвечает он.— Там, сказывают, есть очень хорошая земля, скотина там быстро размножается, для скотоводства хорошее место, и я проведаю его.

Жена ему сказала:

— Отправляйся, проведай это место, если только у тебя хватит решимости! Но у тебя ведь совсем нет скотины, чем же ты заложишь основание для размножения скота?

— Я отправлюсь с тем скотом, что у меня имеется,— отвечает он,— а там будет видно.

И вот старик-кударец отправился на Муртазатскую равнину. Он достиг ее и стал ее обходить, чтобы узнать, что она из себя представляет.

В те времена в Муртазатах земля не распахивалась, сена там никто не косил; была богатая, нетронутая земля. Старик разыскал место, где были вода, лес и земля и сказал сам себе: «Вот тут я обоснуюсь, построю кутаны». Он оставил там метки и сейчас же вернулся обратно в Кударское ущелье в весьма радостном настроении оттого, что он нашел землю и сможет развести скот.

— Теперь уже нам невозможно больше оставаться здесь,— сказал он своей жене.— Я нашел очень хорошую землю.

Он оседлал своего осла и нагрузил на него муки столько, сколько нужно было, котел, ведро, столик, топор, нож, постель, поношенную одежду — одним словом, все необходимое. Погоняя впереди себя козу с козленком, он выступил в дорогу и прибыл в Муртазата. Остановил своего осла на месте, где он оставил метки, отпустил пастись осла, козу с козленком, а сам прилег отдохнуть.

Наступил вечер. Он постелил себе постель и лег спать. Утром он принялся за работу и устроил кутан на тысячу овец, а затем шатер на десять человек.

И стал старик-кударец жить там, охраняя осла своего и козу с козленком.

Как раз в это время Уасгерги надумал:

— Пойду проведаю богатых скотом людей, испытаю, как они живут с народом.

Рядом с кутаном старика-кударца были расположены кутаны трех братьев; у каждого из них был свой отдельный кутан, у каждого скота видимо-невидимо; они были необычайно богаты и жили в свое удовольствие.

Уасгерги добрался до кутана одного из них и обратился с приветствием к его чабанам:

— Да умножится скотина ваша, добрые чабаны!

— Да будет дело твое правое! — ответили ему.

— Я путник и хотел бы, чтобы вы дали мне приют.

А они ему ответили:

— У нас из скотины нашей ничего больше не останется, если будем давать приют всем праздно проходящим мимо нас по дороге. Мы никак не можем дать тебе приют!

— В таком случае счастливо оставаться вам! — сказал он им и направился дальше.

Он подошел к чабанам другого брата, приветствовал их как раз в тот момент, когда они в суматохе убирали свой скот:

— Да умножится скотина ваша, добрые чабаны!

— Да будет дело твое правое,— отвечают ему чабаны.

— Я — путник, устал идти пешком, ночь меня настигла в пути, прошу о приюте.

И они ему ответили так же:

— Мы тебя не можем принять! Мы не можем оказывать приют всем проходящим мимо нас по этой дороге. Если всех их принимать как гостей, то у нас и скота не останется!

Он попрощался с ними, пожелал им спокойного вечера.

Дошел до чабанов третьего брата; они уже убрали свою скотину и спокойно сидели в шалаше; он закричал им:

— Да умножится скотина ваша, славные чабаны!

К нему выскочил один из чабанов и сказал ему:

— Да будет дело твое правым!

Уасгерги объяснил ему, что он путник, и попросил приюта, а тот рассвирепел и вместо ответа натравил на него собак. Они окружили его со всех сторон и чуть-чуть не разорвали, но Уасгерги стал отгонять их от себя палкой и насилу отбился.

Сильно разгневанный, пошел он по дороге дальше и поравнялся с кутаном старика-кударца. Смотрит — никого и ничего нет, а из шалаша идет дым. Он удивился: как это в таком большом кутане, который находится в хорошем состоянии, не видно никакой скотины?

Так как из шалаша шел дым, то он позвал:

— Да умножится скотина твоя, славный чабан!

На зов выбежал старик-кударец, руки его были в тесте, так как он готовил себе лепешку.

— Да будет дело твое прямое, славный гость! — говорит он ему.

Уасгерги его просит:

— Я — путник, добрый чабан. Уже поздновато, но все-таки прошу дать мне приют!

Старик-кударец отвечает ему:

— Да съем я твои болезни, я не могу отказать тебе в приюте! На что мне еще скотина, если я не буду принимать гостей! Гость — божий гость! Заходи! — так сказал он ему, быстро завел его в свой шалаш, усадил его, а затем говорит: — Гость мой славный! Ты меня застал за приготовлением лепешек, и пусть тебе не будет неприятно, я закончу свою работу.

Он принялся за работу и стал готовить лепешки, но его все время беспокоила мысль: «Чем я его накормлю? Поставлю перед ним лепешку и рассол? — волнуется он.— Заколоть козу? Но что станется с козленком? Зарезать козленка? Но тогда коза моя будет кричать по козленку своему. Ну,— решил он,— зарежу своего козленка, а коза моя окотится новым».

Он выбежал из шалаша, поймал козленка и быстро зарезал его со словами:

— Для кого лучшего я могу его зарезать!

Он занес тушу козленка в шалаш, и Уасгерги пожалел его.

— Зачем ты его зарезал? — сказал он старику-кударцу.— Не

нужно было его резать, я ведь не такой гость, из-за которого стоит слишком хлопотать, чтобы оказать ему особое внимание. Мне было бы достаточно твоей лепешки и рассола, которые у тебя есть.

Старик-кударец его успокаивает:

— Ничего, не беспокойся! Тот бог, который дал его мне, даст и другого.

Уасгерги промолчал, а старик-кударец быстро управился с козленком, бросил мясо в котел и сварил его. Вареное мясо он выложил на финг вместе с лепешками и рассолом. Пока они ужинали, наступило время сна, и старик-кударец уложил гостя на свою постель.

Легли спать. Усталый старик-кударец заснул. Уасгерги же приподнялся на постели и сказал:

— О единый бог, создавший нас из ничего! Все находится в твоих руках, и я прошу тебя: пусть овцы вот тех братьев сегодня ночью окаменеют, а этому старику, о единый бог, дай столько, чтобы он был обрадован!

После этого Уасгерги растянулся на своей постели. Прошло немного времени, и кутан старика-кударца наполнился отарой, которая подняла шум. А овцы трех братьев окаменели.

Уасгерги обращается к старику:

— Старик, спишь ли ты? Проснись-ка, выйди наружу! Скотина твоя подняла шум, может быть, зверь напал на нее.

На некоторое время старик-кударец притих, ничего не ответил Уасгерги, а затем говорит ему:

— Добрый гость, почему ты издеваешься надо мной? У меня имелись только коза и козленок; козленка я зарезал, коза же и осел спят около меня. Почему ты издеваешься надо мной?

Уасгерги опять ему говорит:

— Я не издеваюсь над тобой, но выйди к своей скотине, я боюсь за нее.

Старик-кударец из уважения к гостю встал, вышел из шалаша и видит: кутан его переполнен белыми, черноголовыми овцами.

Он решил, что это чужие овцы и что они приблудились к нему от хозяина, который только недавно переселился сюда,— ведь здесь таких овец ни у кого не было. Вернулся он в шалаш и сказал своему гостю:

— Это чужие овцы. Откуда у меня могут быть такие овцы? До утра я их задержал в своем кутане, а утром их выпущу.

Уасгерги же ему говорит:

— Они не чужие, они — твои. Единый бог дал их тебе, никто другой их не назовет своими. Не бойся и владей ими! Владей ими счастливо, но пусть характер у тебя останется таким же, как сейчас.

И тогда старик-кударец поверил тому, что это — его овцы. Он снова улегся спать и быстро заснул, а Уасгерги — да будет ему табу! — исчез.

Утром старик быстро соскочил с постели и видит: одни овцы лежат, другие — стоят, а третьи — жуют жвачку. А у чабанов, его соседей, в это утро все было тихо. Не выпуская своих овец, он проведал своих соседей и увидел, что их кутаны полны каменных истуканов; даже собаки окаменели. Чабаны же стоят, охваченные печалью, и не понимают, что с ними случилось.

Они спрашивают старика-кударца:

— А ты кто такой, откуда ты пришел?

— Я имею кутан вон там. Каждое утро слышны бывали ваши крики, ваша возня со скотиной, а сегодня ничего не слышно, поэтому я пришел проведать вас.

— А твою скотину миновало несчастье? — спрашивают его.

— Мою скотину несчастье миновало,— сказал он им.

— В чем же провинились наши овцы? Почему они окаменели, а его — нет? — удивились они.

Старик-кударец выпустил свою отару из кутана и стал пасти своих овец. Он понял в чем дело и повеселел:

— Единый бог дал их мне, и теперь надо их хорошо содержать, как он мне наказал. Нужно нанять чабанов, один я с ними не справлюсь.

И он нанял столько чабанов, сколько ему нужно было. Он вывез туда свою семью, возвел там большие постройки и приглашал к себе в гости всех, кто только проходил мимо него:

— Заверни! — говорил он каждому.— Буду тебе фусуном. Вот так он жил и сегодня живет еще.

Как из всего этого мы ничего не видели, так да не посетят нас никакие напасти, никакие болезни!

107. Смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага, и сын Фалвара

Смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага! Не было такого, кто не приходил бы сватать ее. И утренние ангелы, и вечерние духи-предстатели приходили сватать ее. Но на всех сватающих ее она возводила какую-либо хулу, находила у них какой-либо недостаток. И те, на кого она возводила хулу, уходили от нее с поднятыми плечами и опущенной головой.

Явился к ней со своим сватовством и Елиа; он умолял ее, но и ему она отказала, заявив:

— А ты-то как посмел явиться ко мне? Ты носишься по равнинам с громом и криком как глашатай!

Он ушел от нее особенно обиженным. По дороге его встретил Уасгерги. Он приветствовал его и спрашивает:

— Где ты был, Елиа?

— Где я был? Я ходил сватать дочь Саулага. Она оскорбила меня, и я разобиженным возвращаюсь домой.

— А ведь и я тоже направляюсь к ней. Что мне в таком случае предпринять?

— Откуда я знаю, что ты должен предпринять? Бог да поможет тебе в осуществлении твоего желания, а со мной она поступила так, как и следовало мне.

— Что же она все-таки сказала тебе? Та, которая отказала тебе, Елиа, что она может представлять из себя? — сказал Уасгерги и расхохотался в лицо ему.

— Меня она попрекнула тем, что я как глашатай пошусь по полям с криком,— говорит ему Елиа.— Увидим, что она тебе скажет! Иди своей дорогой и не издевайся надо мной.

И Елиа расстался с Уасгерги и зашагал по своей дороге.

Уасгерги подошел к дому Саулага. На зов его вышел к нему сам Саулаг, и Уасгерги говорит ему:

— Да не будет мне позорно, я прибыл сватать твою дочь. Какой будет ответ мне?

— Решение вопроса не от меня зависит,— сказал ему Саулаг.— Она знает, о чем ты мечтал по дороге, знает и то, что ты делал раньше. Зайди к ней сам.

Уасгерги зашел к ней и говорит:

— Добрый вечер!

А она ему отвечает:

— Мой вечер был бы добрым, если бы ко мне зашел настоящий, достойный человек. Ты-то по какому праву явился ко мне, когда ты — сын знахарки? Разве я могу выйти за двуязычного?! Ты можешь ездить вéрхом на коне, и я поэтому должна выйти за тебя замуж?

Так сказала она и дальше не захотела даже разговаривать с ним.

Уасгерги повернул обратно, еще более обиженный, чем Елиа. Саулаг его спрашивает:

— Что она тебе сказала?

— Пусть бог ее возблагодарит! Она мне наговорила таких обидных речей, которых я не забуду, пока буду жив.

Отец зашел к своей дочери и говорит ей:

— Бог да не возблагодарит тебя, дочь моя! Нет уже никого из утренних ангелов и вечерних духов-предстателей, кто не приходил бы сватать тебя, но ты ни за кого не выходишь; ты восстановила против меня весь народ. Неужели никто из них не был достоин тебя?! Мне и показаться уже нельзя на дороге. Оставить, может быть, дом тебе, а мне уйти? Мне уже и житья не стало!

— Я тебе надоела, я огорчаю тебя, мой отец! Устрой же мне в углублении горы Уарп * башню из круглого камня, без двери, с одним окном на крыше; отведи меня туда и оставь там. Я выйду замуж за того, кому покажу из окна запястье своей руки.

Вот такое она объявила условие выхода замуж.

Саулаг построил ей в углублении горы Уарпп башню из камня-кругляка и отвел ее туда. Она поблагодарила своего отца, а затем, надев на обе ноги башмаки, поднялась по стене на верх башни подобно тому, как подкованная лошадь идет по ровному месту. Оглянулась на своего отца — отец ее плакал. Она поблагодарила его еще раз и сказала ему:

— Не плачь, отец мой, и не сокрушайся! Я когда-нибудь помогу тебе.

Среди народа распространилась молва: «Смуглой красавице дочери Саулага, построили башню на вершине Уарппа, и она дала слово, что выйдет замуж только за того, кому покажет оттуда свое запястье!»

И стали туда опять стекаться к ней женихи. А она объявила:

— Пусть каждый покажет свое удальство, в чем только мо-

жет. Я покажу свое запястье тому, кто мне понравится, и пусть тогда он явится ко мне. А тот, кто не удостоится этого, пусть держит свой путь подальше отсюда.

Являлись к ней женихи, и каждый показывал перед ней свое удальство. Она наблюдала за ними со своей башни и неугодившим ей чем-либо выставляла: кому — метлу, кому — изображение быка или что-либо подобное. Тот, кому она выставляла метлу и прочее, удалялся от нее разобиженным. Таким образом из тех, кто являлся сватать ее, не осталось ни одного, кого бы она не оскорбила.

Елиа решил снова испытать свое счастье, еще раз посвататься.

— Пойду опять, покажусь ей еще раз,— сказал он сам себе.— В другом облике она меня не узнает.

Он нагнал темные тучи, стал стрелять, греметь, но она выставила в окно изображение медведя и сказала при этом:

— А тебе что нужно? Ты же подобен раненому медведю с северного склона горы, бродишь везде!

Елиа ушел к себе ни с чем.

Сын Фалвара подослал сказать отцу:

— Смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага, построила себе на вершине Уарпп башню из камня-кругляка. Ее сватают многие, и я тоже должен испытать свое счастье.

Фалвара на это ему ответил:

— Эй, сын мой! К этой девушке приходили свататься даже утренние ангелы, вечерние духи-предстатели, но ни за кого из них она не согласилась выйти замуж, всем решительно отказала. А мы ведь всего-навсего охранники годовалых барашков! Даст ли она нам свое согласие?

Но сын настаивал:

— Никак нельзя отказаться от нее! Нельзя мне не испытать своего счастья!

Он настаивал на своем все больше и больше, все решительнее и решительнее, и Фалвара сказал:

— Что делать? Смотрю на тебя и говорю тебе: ты ничего не добьешься своими силами, надо послать сватов; к тебе никто не протянет свое запястье!

Сын сказал:

— Каков бы ни был исход, ты все-таки доведи каким-либо способом мое желание до ее сведения!

— В таком случае пошлю к ней сватом Уасгерги,— сказал

Фалвара и послал за Уасгерги. Он явился к Фалвара, и Фалвара ему сказал:

— Вот так и так обстоит наше дело; прошу тебя сообщить ей, что сын хочет на ней жениться.

Уасгерги задумал свое и говорит Фалвара:

— Я сам намерен был еще раз посвататься к ней, но, чтобы она не узнала меня, мне нужно изменить свою внешность. У Будуризада есть хорошая черкеска — он вообще располагает хорошей одеждой. Попроси у него черкеску для меня, а о вашем сватовстве я сообщу ей.

Фалвара снарядил его, попросил у Будуризада черкеску для Уасгерги, и тот явился в новой черкеске на вершину Уарпп. Он стал джигитовать, гарцевать перед башней, показывая перед смуглой красавицей свое искусство наездника.

Смуглая красавица выбросила изображение знахарки и сказала ему:

— Ну, ты еще и теперь не убедился, что ты сын знахарки, что ты двуязычный? Те, которые прислали тебя сватом, не лучше тебя!

Уасгерги в сильной обиде повернул своего коня обратно. Он был настолько разобижен, что загнал коня. Объявил Фалвара и его сыну, что смуглая красавица отказала ему, но скрыл от них, что он хлопотал не об их деле, а о своем, сватал вторично смуглую красавицу за себя.

После этого сын Фалвара погнал свою скотину на вершину той же горы и стал пасти ее неподалеку от башни смуглой красавицы. На полуденный отдых он пригнал свою отару под башню. Когда наступило время еды, он, засучив рукава своего черного бешмета, взял чашку, обошел своих овец и выбрал одну яловую овцу, чтобы подоить ее. Он долго гонялся за ней и никак не мог поймать ее; измучился с ней, но все-таки поймал.

Смуглая красавица с башни наблюдала за ним и думала: «Он крепко рассердится на нее и убьет ее!»

А сын Фалвара спокойно выдоил овцу, не злясь на нее, вытер об нее свои руки, приподнял ее мордочку, поцеловал ее и сказал:

— Пасись на здоровье!

Недалеко от него находился источник. Он спустился к нему и вымыл руки, потом вернулся обратно и принялся процеживать молоко.

Смуглая красавица не вытерпела, высунулась по пояс в окно: все вокруг осветилось, как от солнца.

— Я не считаю достойным тебя,— обратилась она к сыну Фалвара,— чтобы ты один выпил эту чашку молока!

А он ответил ей:

— Если бы у меня было право, я не стал бы пить ее один.

— Неси ее сюда,— сказала смуглая красавица,— здесь мы ее выпьем вместе.

— А как я отнесу ее на башню, когда здесь не видно двери? — спрашивает он ее.

Она ему говорит:

— Я открою тебе дверь.

— В таком случае несу.

Она сбросила к нему свои два башмака и говорит ему:

— Надень их на ноги и неси сюда чашку молока!

Он с чашкой молока в руке поднялся по стене на вершину башни к смуглой красавице, подобно тому как подкованный на четыре ноги конь идет по льду. Они уселись на кровати, выпили чашку молока вместе, стали миловаться, а затем он ее спрашивает:

— Ну, каково теперь твое намерение?

Она ему отвечает:

— До сих пор мне нельзя было выйти замуж. Ни за кого я не хотела выходить — ни из утренних ангелов, ни из вечерних духов-предстателей, и, если они не будут твоими киндзхонами, мне и сейчас нельзя будет выйти замуж за тебя. Однако твой отец — сильный человек, и он в силах устранить это препятствие.

Сын Фалвара спустился к отцу и заявил ему:

— Вот так и так обстоит дело: дай мне недельный срок, и если мы не пригласим в киндзхоны божьих ангелов и предстателей, то и меня, и ее ждет гибель.

И Фалвара на свадьбу своего сына пригласил в число киндзхонов и Уасгерги, и Никкола, и Татартупа, и всех ангелов и предстателей. Собрал он их, и киндзхоны выступили к Уарпп-горе. Они расположились в расселине горы перед башней и послали к смуглой красавице посланца передать ей настойчиво:

— Спустись с башни, и да даст тебе бог счастливую жизнь!

Она ответила:

— Я не могу сойти с башни до тех пор, пока не узнаю ваших намерений. Меня охраняет женщина; один клык у нее уходит в поднебесье, а другой — под землю. Если я выйду отсюда, то она закричит на нас так, что гора потрескается как лед, а с

деревьев дремучего леса попадают ветки. А вам я не доверяю потому, что каждого из вас я обидела каким-либо упреком. Прошу вас, не держите за это против меня зла в сердце своем! Фалвара богат скотиной, весь народ возлагает на него надежды. Может быть, по этой причине охраняющая меня женщина даст свое согласие, и мы вырвемся отсюда.

— Мы — не мужчины, если сегодня не окажем тебе нужной помощи! — заверили они ее.

— Смотрите, у нее есть три таких крика, от которых все мы погибнем, если только вы поддадитесь страху.

Она спустилась к ним, и они вместе выступили в дом Фалвара. Клыкастая женщина закричала на них так, что сразу же их оглушила.

— Куда вы уносите кусок моей пищи? — спрашивает она их.

Киндзхоны переглянулись, но стали подбадривать друг друга:

— Позорно нам поддаваться страху!

И страх у них прошел. Они вступили с ней в бой. Бились с ней, отстреливались от нее, выбили у нее зубы; куски ее зуба, падая, превращались в лучины.

Они убили клыкастую женщину и прибыли в дом Фалвара. Невесту завели в дом — и как мог тогда Фалвара не устроить свадебного пира?!

Когда все было готово, то слово для произнесения тоста было поручено самому Фалвара. Он взял ахсарфамбал и произнес тост-моление:

— Уасгерги, за то добро, которое ты нам сегодня оказал, я назначаю нивондом твоим белоголового барашка, до тех пор пока будут жить люди.

Елиа он сказал:

— А тебе в твой праздник нивондом назначаю белого козленка.

Будуризаду он назначил белого ягненка.

И другим он обещал:

— Беру на себя обещание обеспечивать каждый пир косарттагом.

И с тех пор он делает такие подарки.

После свадебного пира смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага, и сын Фалвара стали жить и поживать.

108. Бог, Хуари-Уацелла, Уасгерги и бедняк

Нарты готовились к пахоте и изыскивали все возможности, чтобы достать откуда-нибудь семена проса. Бедняка охватило беспокойство: нет у него ни быков, ни лошадей, чтобы поехать за семенами. После долгих раздумий он обратился к своему родичу и стал его умолять:

— Одолжи мне свою лошадь, чтобы привезти две меры семян проса. Лошадь твою я буду вести на поводу всюду, кроме речных переправ.

Родственник одолжил бедняку лошадь, и тот поклялся ему, что он будет садиться на лошадь, когда передние ноги ее будут ступать в воду, и сходить с нее тогда, когда ее задние ноги будут еще в воде. В этом бедняк поклялся своему родичу именем Уасгерги, покровителя мужчин.

Пошел бедняк по дороге. Когда нагонял его какой-либо всадник, то предлагал ему:

— Садись, бедняк, на лошадь, поедем вместе!

— Да будет дело твое правое,— отвечал бедняк,— мне нельзя ехать верхом на этой лошади.

— Неужели же ты так и будешь идти пешком? — спрашивали его.

— Мне нельзя ехать верхом на этой лошади,— отвечал бедняк.

Его нагоняли и один, и другой. Все уговаривали его сесть на лошадь и ехать вместе, но потом покидали его. Не было такого, кто бы не уговаривал его.

Когда он доходил до реки и лошадь ступала передними ногами в воду, он садился на нее; когда же задние ноги ее были еще в воде, он сходил с нее; кроме этого, он в пути на нее не садился. Так шел он своей дорогой.

Тогда Уасгерги говорит сам себе:

— Неужели он таков вследствие своего характера, или же он страдает потому, что поклялся мной? Я должен узнать это во что бы то ни стало.

И Уасгерги верхом на своем коне направился вслед за бедняком. Нагнал его и обращается к нему:

— Да будет, бедняк, путь твой прямой!

— Да будет дело твое правое,— отвечает ему бедняк.

— Садись на лошадь, чтобы ехать нам вместе!

— Нет, мне нельзя сесть на эту лошадь: мне ее одолжили, и я не могу ехать на ней верхом.

— Садись, для чего же тебе ее еще одолжили?

— Нет, я поклялся именем Уасгерги, что буду на нее садиться, когда передними ногами она ступит в воду, и буду сходить с нее, когда задние ноги ее будут еще в воде. В этом я поклялся хозяину лошади именем Уасгерги.

Уасгерги ему говорит:

— Какое же добро оказал тебе Уасгерги, что ты клянешься его именем? Лучше садись верхом на лошадь, чтобы ехать нам вместе.

Но бедняк опять отказался:

— Нет, не поеду я на ней верхом!

Уасгерги его убеждает и говорит ему:

— Ну же, садись верхом! Если бы Уасгерги думал о помощи тебе, то он оказал бы ее тебе теперь. Брось отказываться, садись на нее верхом и поедем вместе. Разве ты не видишь, что те, кому Уасгерги покровительствует и оказывает помощь, уже уехали на лошадях, на быках и, наверное, уже доехали? Ну же, садись-ка и поедем вместе!

Бедняк и тут не поддался уговорам Уасгерги. Тогда он незаметно от бедняка сбросил на дорогу свой кнут.

Прошло некоторое время, и Уасгерги говорит бедняку:

— Ах, боже мой! Кнут у меня выпал! Садись на лошадь и живо доставь его мне!

— Нет, на лошадь я не сяду! На, держи мою лошадь за уздечку, а я пешком сбегаю и принесу тебе твой кнут.

Уасгерги долго заставлял бедняка сесть верхом на лошадь, но тот отказывался; в конце концов бедняк сам, ведя лошадь на поводу, быстро пошел назад по дороге, поднял кнут и вернул его Уасгерги.

Вместе с Уасгерги они прибыли туда, где продавали семена проса. Уасгерги обращается к бедняку и спрашивает его:

— Бедняк, и обратный путь проделаем вместе?

— Почему бы нам не быть вместе на обратном пути! Займись пока своим делом! — ответил ему бедняк.

— В таком случае просо тебе куплю я, и обратный путь проделаем вместе.

Уасгерги купил бедняку три мерки проса и говорит ему:

— А теперь едем обратно вместе!

Бедняк приторочил к седлу три мерки семян проса. Уасгерги приторочил к своему седлу одну мерку, прикрыл ее войлоком, сел на коня и выступил в дорогу. Так следуют они по дороге некоторое время: Уасгерги верхом, а бедняк пешком. Уасгерги, притворившись джигитующим, сбросил на дороге мерку проса и кричит бедняку, как будто он нашел эту мерку:

— Эй, бедняк, вот кто-то уронил мерку проса! Это тебе неожиданный дар божий! Бери ее и положи на свою лошадь!

— Ни под каким видом,— отвечает бедняк.— Оставь ее там на месте, пусть лежит, а я ее не возьму.

Уасгерги пристал к бедняку, уговаривает его:

— Клади ее на свою лошадь, клади! Здесь она пропадет зря, ведь это — находка для тебя!

Бедняк не поддался уговорам Уасгерги, но Уасгерги все-таки продолжал его убеждать, и тогда бедняк сказал ему:

— Вместо того чтобы взваливать ее на лошадь, я понесу ее на своей спине.

— Положи ее на свою лошадь, а сам садись на моего коня!

— Нет! — отвечал бедняк.— Я поклялся именем созданного богом человека, как же я могу взвалить ее на чужую лошадь? Не проси меня, лучше я понесу ее на своей спине!

В разговорах они тем временем достигли дома богача, который жил при дороге и у которого было семь сыновей, семь снох и большие табуны коней.

— Давай остановимся у него! — предложил Уасгерги бедняку.

Их завели в кунацкую, коней их прибрали. Угостили их, как положено угощать гостей. Богач домой вернулся вечером, когда обычно ужинают, сел вместе с гостями и стал их расспрашивать:

— Где были вы? Что вы делали?

И Уасгерги, не называя себя, рассказал ему:

— Вот мы вместе с бедняком купили две мерки семян проса, а он идет пешком, замечательного же коня в теле ведет на поводу, наложив на него только две мерки семян проса. По дороге я нашел еще одну мерку семян, а он отказался взвалить ее на коня, потому что, мол, поклялся именем Уасгерги. Так и тащит эту мерку пешком на своей собственной спине.

Богач на это сказал:

— А что такое Уасгерги? Я всегда даю ложную клятву, и разве я не имею коней, быков, разве я беден?

— Вот то-то же,— поддакивает ему Уасгерги,— я про это и толкую ему, а он садится на коня только тогда, когда тот передними ногами своими ступает в воду, а когда задние ноги его еще в воде, он сходит с него. Я убеждал его, но он не поддался моим уговорам.

Так они провели ночь в доме богача. А утром Уасгерги оставил свой меч висеть на стене кунацкой богача и выступил в дорогу вместе с бедняком. Когда они отдалились от дома богача версты на три, то Уасгерги обращается к бедняку и говорит:

— Ах, боже мой! Меч мой остался в кунацкой богача, я забыл его! Садись на моего коня, поезжай за моим мечом и доставь его мне!

— Нет, и на твоего коня я не сяду! Вот подержи моего коня за уздечку, а я пешком сбегаю за твоим мечом.

— Когда же ты пешком поспеешь, садись на моего коня!

— Нет, нет,— сказал бедняк,— я пешком сбегаю за ним!

Он побежал туда, а тем временем семь братьев зашли в кунацкую и, увидев меч, затеяли из-за него спор. Каждый из них говорил: «Меч будет мой!» — и все семеро перебили этим мечом друг друга. Когда отец увидел это, он повесил меч на то место, где он висел, а сам поджег и свой дом, и строения, и все, что у него было, со словами:

— Все равно я погиб!

Бедняк стал приближаться к дому богача и видит, что дом охвачен пожаром:

— Ах, боже мой! Горит дом нашего доброго фусуна! — сказал он и припустился бегом. Прибыл к дому и видит: кунацкую, в которой висел меч Уасгерги, огонь не затронул, а остальные комнаты сгорели дотла. Меч же висел на месте так, как он был повешен.

Богач плачет, причитает и, обращаясь к бедняку, спрашивает его:

— Что случилось? Зачем ты еще вернулся?

А бедняк отвечает ему:

— Меч моего товарища остался здесь, и я вернулся за ним; видишь, огонь его даже не коснулся.

Богач же на это говорит ему:

— Да не возрадуется этому мечу хозяин его! Мои семь сыновей убили им друг друга, я же в отчаянии поджег свой дом и прочие строения.

Бедняк взял меч и пустился обратно. Он нагнал своего товарища и с печалью сообщил ему:

— Увы, увы! Этим мечом семь сыновей нашего фусуна перебили друг друга, а сам фусун в отчаянии предал огню дом и строения свои.

— А как же меч не сгорел?

— А его огонь даже не коснулся.

Уасгерги засмеялся и сказал:

— Поделом им!

Услышав от своего товарища такие слова, бедняк пристально посмотрел на него, и в этот момент Уасгерги испустил синее пламя. Бедняк еще пристальнее посмотрел на него, испугался, что он и его может погубить, и стал ему молиться:

— Табу тебе! Какой бы ты ни был ангел, я под покровительством твоей матери и твоего отца!

— Не бойся, бедняк! — говорит Уасгерги.— Ты остался верен данному слову, и поэтому я окажу тебе добро. Садись теперь на коня своего и езжай верхом!

— Нет, нет, мне нельзя на нем ехать верхом! — отвечает бедняк.— Да будет милость твоя, отпусти меня так!

— Тогда иди медленно, а я тебя нагоню.

С этими словами Уасгерги повернул своего коня, отделил от табуна того богача восемь быков и восемь коней и погнал их впереди себя. Нагнал бедняка и говорит ему:

— Вот теперь оседлай одного из этих коней и езжай!

Он сам оседлал ему коня, посадил его верхом и сказал ему:

— Вот тебе восемь быков, а вот тебе восемь коней! Как только прибудешь домой, сразу же принимайся за пахоту на восьми быках и на восьми конях. Паши до тех пор, пока будешь в силах, даже тогда, когда другие перестанут пахать.

Бедняк сказал ему на это:

— Ну, хорошо, пахать я буду, а чем стану засевать?

— Из той мерки семян проса, которую ты носил на спине,— сказал Уасгерги,— бери по горсти и засевай ею то, что ты вспашешь за день. Больше тебе семян не понадобится.

— Хорошо,— сказал бедняк,— пусть это будет так, но плуг-то откуда я возьму, плуг?

— Иди, в своем доме ты найдешь два плуга, снаряженных всем необходимым, и приступай к пахоте,— говорит ему Уасгерги.

Бедняк прибыл домой и приступил к пахоте. Все люди удивлялись:

— О боже! Бедняк пашет на восьми быках и восьми конях, быки не уступают в работе коням, и таким образом он перевернул необозримое пространство земли!

Молва передавалась от одного к другому, и вся Нарта заговорила о нем:

— А чем он засеет вспаханное пространство? Он ведь достал всего одну мерку!

Бедняк продолжает пахать. Люди уже окончили пахоту, а он продолжает пахать, и они стали над ним даже издеваться:

— Чего ты портишь землю, когда у тебя нет семян?

Пахота закончилась. Сколько времени прошло, один бог знает, а потом люди выехали проведать свои посевы, и оказалось, что посевы бедняка уже заколосились, а посевы других пока только зеленели. Увидев это, люди в удивлении говорили:

— У других посевы еще стоят зелеными, а ему Хуари-Уацелла сделал такой подарок!

Когда Хуари-Уацелла увидел это, он сказал:

— Я ему не дарил ничего, кто же в таком случае это сделал?

И он отправился к богу с жалобой, спросить его, кто дал бедняку такой урожай?

Бог приказал ему:

— Иди и узнай, кто дал ему такой урожай против нашей воли. Я ему не делал подарка. Погуби его посевы!

Хуари-Уацелла завернул к Елиа и упросил его пустить град на хлебные поля.

Уасгерги предстал перед бедняком и сказал ему:

— Беги сорви со своих посевов по горсти и неси сюда!

Бедняк побежал и сорвал с каждой пашни по полной горсти. Прошел град и побил хлебные поля, смешал все с землей.

Когда град прошел, Уасгерги явился к бедняку и сказал ему:

— Отправляйся в поле и посей на каждой пашне по полной горсти!

Хлебные поля бедняка уродились еще лучше, чем они были до града.

Утром люди вышли на свои поля и видят, что посевы бедняка блестят, а от других ничего не осталось, град все смешал с землей.

Наступила жатвенная пора, и все нарты жали ему, так как

ни у кого из них ничего не осталось, серпа не нужно было брать в руки.

Бедняк приступил к молотьбе, и днем ток его так переполнялся зерном, что он не успевал его убирать,— так уродилось его просо.

Хуари-Уацелла опять отправился к богу с жалобой и сказал ему:

— Бедняк приступил к молотьбе, просо его уродилось так, что он не в состоянии таскать и убирать его.

Бог приказал ему:

— Иди пройдись мимо него и пожелай ему: «Дневная молотьба твоя — кожаный мешочек!»

Хуари-Уацелла явился к бедняку и приветствовал его:

— Эй, да возрадует тебя бог!

— Эй, да возрадует бог и тебя! — поблагодарил его бедняк в ответ.

— Эй, да будет дневная работа твоя равна кожаному мешочку! — пожелал Хуари-Уацелла бедняку, а сам быстро исчез.

Уасгерги снова явился к бедняку и спрашивает его:

— Ну, как у тебя идет молотьба?

— Благодарение богу, с твоей помощью,— ответил бедняк.— Но со вчерашнего дня я молочу и набираю только кожаный мешочек.

Уасгерги посоветовал ему:

— Завтра смолоти только один сноп!

Бедняк утром смолотил один сноп, и это дало ему полный кожаный мешок зерна. И он ежедневно стал молотить только по одному снопу.

Хуари-Уацелла опять принес свою жалобу богу:

— Он молотит ежедневно один сноп и получает зерна полный кожаный мешок.

— В таком случае пусти-ка меня самого,— сказал разгневанный бог.— Кто ему помогает помимо нашей воли?

Уасгерги снова явился к бедняку и предупредил его:

— Завтра по дороге мимо тебя проедет на большом белом коне бог. Не заговаривай с ним, пока он не доедет до тебя. Бери с собой своего единственного мальчика и, как только бог поравняется с тобой, заколи его со словами: «Ты его создал, бог, и я закалываю его во имя твое!» Ни за что другое он не простит тебя.

Бедняк сделал так, как ему советовал Уасгерги. С ножом в

руке стал он дожидаться появления бога, единственный мальчик его стоял рядом. Как только бог поравнялся с ним, он схватил нож, провел им по горлу сына со словами: «Ты его создал, бог, а теперь приношу его в жертву тебе!» — и зарезал его.

Бог проговорил ему:

— Не делай этого, не делай этого!

Но он его не послушался.

Бог повернул к себе шлепок плети, а рукояткой ее дотронулся до горла мальчика, и он ожил.

— Кто оказал тебе такое благодеяние? — спросил бог.

Бедняк ответил богу:

— Уасгерги оказал мне такое добро.

— По какой же причине он оказал тебе это добро? — спрашивает его бог.

— Вот так и так было,— сказал бедняк и рассказал богу, как было дело.— Вот по этой причине,— закончил бедняк,— он и оказал мне это добро.

— В таком случае,— поручил ему бог,— скажи ему, когда его еще увидишь: «Не жалей, что оказываешь помощь людям, поддерживай народ! Бог дал тебе вечную жизнь, а затем он поднимет тебя к себе на небеса!»

109. Бедняк, Уасгерги и черт

Жили три хороших товарища. Среди жителей села никого не было умнее их.

Решили сельчане посеять черное просо. Поделили они землю, вспахали ее, а затем приступили к севу, но семян у них не хватило.

Сельчане сказали:

— Если эти три молодца не отправятся на поиски семян, то никто нас не выручит.

А из этих трех молодых людей двое были богачи, а один — бедняк. Двое богачей пахали вместе, а бедняк — один. Бедняку не на чем было ехать, у него не было своего коня, и один из двоих богачей пришел к нему и сказал:

— У моего напарника есть жеребая кобылица, попроси ее у него.

Бедняк сначала не соглашался, но богач уговорил его, и они вдвоем пошли к своему товарищу. Зашли они в дом, поздоровались. Товарищ в честь их зарезал барана, поставил перед ними мясо, вынес и выпивку, но гости не прикасаются к его столу. Он их спрашивает:

— Что случилось? Почему не прикасаетесь к столу?

— Мы — просители и, пока ты не удовлетворишь нашу просьбу, мы не прикоснемся к твоему столу,— отвечают они.

— Да пошлет мне бог достойный вас подарок, я вас не обижу,— говорит он.

Поели, выпили, поблагодарили, а затем они ему говорят:

— Одолжи нам свою жеребую кобылицу, чтобы привезти семена проса.

— Пусть она падет жертвой для вас, берите ее!

Тогда бедняк сел и во дворе проджигитовал на ней по-кабардински то в одну, то в другую сторону. Хотя кобылица и была жеребая, она бежала бойко: наверное, порода сказывалась.

Хозяин кобылицы, увидев джигитовку бедняка, подумал: «Ну, теперь от кобылы нечего ждать жеребенка. Если он при мне так джигитует, то что же будет с ней в мое отсутствие?»

Между тем бедняк сошел с кобылицы, сказал ее хозяину:

— Клянусь тебе богом, что я буду ее вести в поводу. В случае переправы через реку я буду садиться на нее, когда она передними ногами будет входить в воду, и сходить с нее, когда ее задние ноги будут еще в воде.

И вот утром выступили в дорогу. Все ехали верхом, а бедняк вел свою лошадь в поводу. Когда он доходил до реки, то поступал так, как обещал: садился на лошадь, когда ее передние ноги ступали в воду, и слезал с нее, когда задние ноги были еще в воде.

Так он шел. Товарищи стали приставать к нему:

— Ну, садись па свою лошадь и едем вместе, не задерживай нас!

— Я дал клятву, езжайте сами, мне нельзя ехать на ней верхом,— отвечал он.

Товарищи не стали его больше уговаривать и уехали. Дорога для бедняка оказалась длинной.

Тогда бог приказал своим пророкам:

— Узнайте сокровенные мысли бедняка!

Уасгерги вскочил на своего коня и поскакал вслед за бедняком, приняв предварительно вид бедного человека.

Он нагнал бедняка. Поздоровались. Затем Уасгерги спрашивает:

— Лошадь свою ты ведешь в поводу. Почему не садишься на нее и не едешь на ней?

Бедняк рассказал Уасгерги, как обстоит дело.

Уасгерги в ответ на его рассказ говорит:

— Садись на свою лошадь! Откуда ты знаешь, есть ли бог или нет его? Не будет же бог следить за тобой!

— Не говори так! — отвечает ему бедняк.— Бог и во сне видит все, что происходит.

Бедняк отказался сесть на лошадь, и так они достигли одного села. Остановились они у богача. Хозяин завел их в кунацкую, поставил перед ними еду, питье. Едят они и ведут беседу. Хозяин спрашивает Уасгерги про бедняка:

— А этот кто такой?

Уасгерги рассказал ему все, и тогда богач сказал:

— Бога нет, нет его! Я семь раз ложно поклялся именем бога, а у меня семь сыновей, один лучше другого, а у них семь жен, да и достаток царит у меня в доме.

Уасгерги его слова были неприятны, и он оставил свой меч на финге.

Утром они покинули дом богача. Через некоторое время Уасгерги обращается к бедняку и просит его:

— Я забыл свой меч в доме богача, съезди за ним на своей лошади!

— Нет, не могу ехать на своей лошади, я поклялся ее хозяину богом.

— В таком случае садись на моего коня!

Сел бедняк на коня Уасгерги, и, когда коленами сдавил его бока, конь полетел птицей и в тот же миг достиг дома богача.

— Здесь мы забыли свой меч! — сказал бедняк богачу.

Богач вынес меч и говорит:

— Возьмите свой меч и да не возрадуетесь им: семь моих сыновей перебили им друг друга.

Бедняк вернулся обратно к Уасгерги и рассказал ему о том, что его мечом сыновья богача перебили друг друга.

Уасгерги на это ему ответил:

— Семь братьев пали от меча потому, что отец их ложно клялся именем бога семь раз.

Уасгерги достал для бедняка семена проса, и они повернули обратно.

Уасгерги посоветовал бедняку:

— Стань посреди своей пашни и брось зерно и в одну, и в другую сторону. Тогда у тебя все будет хорошо.

Бедняк поступил так, как советовал ему Уасгерги. Другие сельчане тоже посеяли просо. У них поля зеленели, а у бедняка на пашне ничего не было, кроме редких разбросанных зерен. Затем просо на пашне бедняка и других сельчан пошло в рост, и колосья наверху сошлись, а понизу с одного края поля до другого виден был свет.

Но вот прошел град и побил посевы всех сельчан. Лишь на поле бедняка не упало ни одной градинки.

Тогда вдруг появился черт и говорит:

— Тьфу, да не простит тебе аллах! Он погубил все посевы из-за одного человека! Так пусть же дневная работа не даст ему больше одного вьючного мешка.

Уасгерги все это слышал и после дождя вскочил на своего коня, поспешно явился к бедняку и спрашивает его:

— Ну, каковы твои посевы?

— Благодарение богу, хороши! У других просо побил град, а моих посевов град даже не затронул.

Уасгерги сказал ему:

— Это тебе бог дает за твою правдивость. Черт проклял тебя: «Пусть его дневная работа будет равна одному вьючному мешку!» Поэтому молоти за день только одну горсть, иначе твой урожай пропадет. Ты можешь молотить и целую арбу, и сноп, и горсть — у тебя больше мешка не получится.

Бедняк пробовал молотить и целую арбу, и сноп, и горсть, и у него не получалось больше мешка. Он стал молотить по одной горсти и намолотил зерна столько, что ему некуда было его девать.

110. Уасгерги и два брата

Жили-были два брата. Они жили дружно и любовно. Младший брат выполнял все домашние работы: пахал, косил, ухаживал за скотиной, возил из лесу дрова — одним словом, он постоянно был занят какой-либо работой. Нельзя было видеть его без дела; он трудился, не жалея своих сил. А старший брат на домашние работы не обращал никакого внимания. Он не пропу-

скал ни одного кувда и ни одного угощения — жил ради собственного удовольствия и развлечений.

Сколько времени они прожили так, неизвестно, но однажды жена младшего брата говорит своему мужу:

— У меня есть одно желание, и мне хочется сказать тебе о нем.

— Скажи,— отвечает он жене.

— В таком случае слушай,— говорит она своему мужу.— Ты работаешь до изнеможения, не жалея своих сил, выполняешь все домашние работы, которых не оберешься дома, а твой старший брат ни до чего даже не дотрагивается; ради удовольствия и развлечения он обходит кувды, где бы они ни происходили, и совершенно не думает о доме. И мой совет, мое желание таково: как ты посмотришь на то, если мы разделимся?

Младший брат согласился с советом и желанием своей жены.

И вот однажды старший брат видит: младший брат, бросив все домашние работы, печально сидит в хадзаре. Старший брат, увидев это, испугался, что с ним что-то случилось, и тревожно спрашивает его:

— Что с тобой, мой единственный брат? Почему ты так печально сидишь?

А он напрямик заявил:

— Я хочу разделиться с тобой!

— Хорошо, что ты хочешь разделиться со мной, что никакой другой беды у тебя нет! Разделимся, я с этим согласен, но вот каким образом: все, что имеется в доме, пусть остается тебе, а мне, кроме угла, в котором я живу, ничего не надо.

Братья разделились мирно и стали жить раздельно. Младший брат принялся работать еще больше, чем прежде: трудился, не различая ни дня, ни ночи.

Однажды он целый день работал в лесу и утомился. Еды у него не осталось. Усталый и голодный, он прилег на траву и заснул.

Он спал, а у изголовья его предстал Уасгерги. Уасгерги посмотрел на него и понял, что он заснул усталый и голодный. Он быстро развел костер, быстро приготовил еду, а затем пальцем своим притронулся к спящему и разбудил его.

Проснувшись внезапно и увидев Уасгерги, младший брат заволновался, подумал про себя:

— Чем я угощу гостя, когда у меня не осталось еды?

Уасгерги понял его волнение и сказал ему:

— Не волнуйся, вот я быстро приготовил нам поесть, и закусим вместе, чем бог послал.

Младший брат ничего не мог возразить; они сели вместе и стали угощаться.

А тем временем из чащи леса раздался призывный крик:

— Эй, ты куда запропастился? Ведь ужин готов, и тебя ждут!

Это закричал Гадсар-Гадараснаг *.

Уасгерги ему отвечает:

— У меня гость, поэтому я задерживаюсь!

Тот ему предлагает в ответ:

— Веди и своего гостя с собой, но не задерживайся больше!

Уасгерги и младший брат вышли вместе и подошли к замку в чаще леса, дому великого бога *. Здесь собрались на пир ангелы и духи-предстатели, ожидают Уасгерги. В доме великого бога расставлены столы, на них всевозможные яства и напитки. Уасгерги явился на кувд со своим гостем, все сели за столы, кому как полагалось, и тогда великий бог, как старший, произнес тост-пожелание:

— Пусть счастье и доля родившихся в эту ночь будут подобны этому берекету!

Ночь эта миновала. А на вторую ночь они точно так же пошли к великому богу и застали там на столах домашнего хлеба, мяса и напитков гораздо меньше. Когда сели за столы, великий бог, как старший, опять произнес:

— А у тех, кто родится в эту ночь, пусть счастье и доля будут вот такими!

И эта ночь миновала. На третью ночь Уасгерги и его гость опять были на кувде у великого бога. Теперь они застали бедный дом, а на столах — чурек, затвердевший сыр и синюю араку.

Великий бог опять произнес тост-пожелание:

— У тех, кто родится в эту ночь, пусть будут такое счастье и такая доля!

Утром младший брат спрашивает Уасгерги:

— Что это за диво? Почему великий бог произнес в три ночи три разных тоста-пожелания?

— Не удивляйся этому! — отвечает ему Уасгерги.— Но я тебе говорю: твой старший брат родился в первую ночь, он счастлив и удачлив, а ты — в третью ночь, и ты живи снова со своим братом.

31 Заказ 2079

Младший брат вернулся домой. Он около месяца не виделся со своим старшим братом. Охваченный думами, печально сидит младший брат в хадзаре. Старший брат увидел его в таком состоянии и спрашивает его:

— Что с тобой, мой единственный брат? Почему ты так печально и грустно сидишь?

И сказал младший брат старшему брату:

— Раз ты меня спрашиваешь, то скажу тебе, какая болезнь точит мое сердце: между небом и землей ты у меня один, а я отделился от тебя. Теперь я каюсь и хочу снова жить с тобой.

А старший брат ему ответил:

— Хорошо, что ты раскаялся, а другой болезни, другой беды у тебя нет. Я крепко одобряю твое желание, и будем опять жить вместе.

Они стали жить опять вместе и до сих пор живут и поживают.

Как из всего этого вы ничего не видели, так да минуют вас другие болезни, другие напасти; до их возвращения живите в добре!

111. Жизнь и смерть

Однажды пророк Магомет и кое-кто из ангелов направились к богу с жалобой.

Дошли они до бога, и он их спрашивает:

— Что скажете, в чем суть вашей жалобы?

Пророк Магомет говорит ему:

— Суть нашей жалобы заключается вот в чем: человек еще не успеет насладиться своей жизнью, а уже наступает смертный час его. Просим тебя, отодвинь часы нашей смерти!

— Это невозможно,— говорит бог.— Когда человек рождается, то вместе с этим в книге записывается и час его смерти. Если отодвинуть вам часы вашей смерти, то это надо сделать и всем людям, а это невозможно.

А пророк Магомет сказал богу:

— Я знаю средство, как это можно сделать.

— Какое средство? — спрашивает его бог.

— Пусть человека крестят три раза, и пусть без этого смерть не имеет власти над ним,— сказал пророк Магомет.

— Пусть будет так! — сказал бог.

И Магомета-пророка крестили два раза. Когда к нему явились, чтобы крестить его в третий раз, то он сказал:

— Не-е-т, в третий раз вы совершите обряд крещения тогда, когда я сам пожелаю.

Вот такова жизнь, нельзя ею насладиться, а все-таки ее ожидает в какое-то время конец *.

112. Уасгерги и горец-бедняк

Однажды Уасгерги остановился в гостях у бедняка-горца. Бедняк был стеснен, но все-таки поставил перед своим гостем фынг из того, что у него было, а сам отошел в сторону и, положив около себя топор, сел.

Уасгерги был удивлен, ничего не промолвил, а вынул свой меч и положил его на фынг.

Уасгерги поел, поблагодарил бедняка за то, что он принял его хорошо.

Тогда бедняк не сдержался и спрашивает его:

— Если я тебя принял хорошо, то зачем ты положил на фынг свой меч?

Уасгерги ответил бедняку:

— Действительно, ты хорошо угостил меня всем тем, чем ты располагал. Но если бы ты сказал, что стеснен, и не смог бы угостить меня лучше, я отрубил бы мечом твою голову.

А затем Уасгерги спрашивает бедняка:

— А ты почему положил топор около себя?

Бедняк ответил Уасгерги:

— А я положил топор около себя вот почему: если бы ты остался недоволен моим угощением, то топором я размозжил бы тебе голову.

113. Крым-Саухал и его сын

Крым-Саухал был алдаром, и было у него три сына. Двое из них были отданы в два дома на воспитание, третий же находился у себя дома.

Однажды Крым-Саухал выехал в балц, и заехал он в степь. В степи он заночевал, стреножив своего белого коня. По прошествии третьей части ночи он проснулся, осмотрелся и видит, что издали на него стало наступать серое пламя. От страха он быстро снова заснул. К рассвету он опять проснулся, осмотрелся кругом и видит: близко от него исходит красное пламя. Он от страха опять быстро заснул.

Когда он проснулся в третий раз, то видит, что дракон обложил его кругом, засунув хвост свой в свою пасть.

— О боже,— говорит Крым-Саухал,— он же угрожает мне гибелью! Как бы мне вырваться отсюда!

Он стал искать спасения от дракона и не находил его.

— Как бы то ни было, а наступила моя гибель; предложу ему своего коня на съедение, чтобы спастись от него.

Подвел он к дракону своего коня и говорит:

— Вот тебе мой конь, съешь его!

Но дракон не обратил на него никакого внимания, он даже не посмотрел на него.

— Если ты не ешь конины, то съешь человеческое мясо. Я даже разденусь, лучше съешь меня, чем мне мучиться здесь!

Дракон даже не пошевелился.

— В таком случае,— предлагает Крым-Саухал дракону,— если ты не ешь мясо старика, то у меня есть три сына, и завтра я пошлю одного из них, клянусь тебе в этом именем своего бога.

Дракон вынул свой хвост из пасти и удалился.

Крым-Саухал вернулся домой и послал за двумя своими сыновьями, за теми, которые воспитывались вне дома.

— Пусть кто-нибудь из вас,— сказал он им,— отправится к дракону, не дайте мне оказаться клятвонарушителем!

Оба сына сказали:

— Он не отдает себя на съедение дракону, а посылает нас!

И каждый из них удалился в дом своего воспитателя: никто из них не посчитался с просьбой отца.

Мать и отец стали горевать:

— Что нам делать? Ведь мы оказались клятвопреступниками!

Младший сын был еще в колыбели. Он зевнул, разорвал повязки колыбели и спросил отца и мать:

— Что с вами, мать моя и отец? О чем горюете? Я поеду отец мой, вместо тебя! Оседлай мне коня и укажи дорогу!

Отец оседлал для него белого своего коня и наказал ему:

— Пусти коня своего по его воле, и там, где после дневного перехода он остановится, ты и заночуй!

Младший сын Крым-Саухала выехал, и конь донес его туда, где ночевал его отец. Там же заночевал и он, подложив седло под свое изголовье.

По прошествии третьей части ночи и на него с края стени стало наступать серое пламя, и он со страху быстро заснул. А на рассвете к нему стало подступать красное пламя, и он от страха опять быстро заснул, а после этого дракон обложил его.

Младший сын Крым-Саухала стал предлагать дракону и коня, и себя на съедение, но он отказывался.

— В таком случае,— говорит он дракону,— если ты не хочешь съесть меня здесь, то веди меня в свой дом, выступай впереди меня!

И дракон выступил впереди него. А сын Крым-Саухала сел на своего коня и поехал за ним. Дракон завел его к подножию одной горы; там он ударил головой скалу, и открылась дверь. И он, и сын Крым-Саухала зашли, а дракон ударом хвоста закрыл дверь.

Затем стал слышен людской говор. Дракон завел его в одно место, а сам исчез.

— О боже, не погуби меня! — сказал сам себе сын Крым-Саухала.— Здесь слышен людской говор, что это может быть?

Тут к нему быстро выбежали два дракона, один длиннее, а другой его роста; но так же быстро они удалились, оставили его в недоумении.

После этого выбежал к нему златокудрый юноша и приветствовал его:

— Здравствуй, гость! Ты тут стоял в ожидании; прошу тебя, не будь на нас за это в обиде!

И он завел его в хадзар. А там сидел великий хан на золотом стуле.

— Здравствуй, зять мой! — приветствовал он сына Крым-Саухала.— Моя дочь из-за тебя перенесла много испытаний. А теперь поднимись к ней наверх. Придется ли она тебе по сердцу?

А их было три сестры, и они странствовали по свету в облике драконов. Старшая из них охотилась за младшим сыном Крым-Саухала и не находила его; вместо него она набрела на его отца.

Сын Крым-Саухала вышел с сыном великого хана из хад-

зара, и тот завел его в другую комнату, в которой находилась девушка сказочной красоты.

— Вот сестра наша,— сказал ему сын великого хана,— понравится ли она тебе?

Сын Крым-Саухала просветлел от восторга и сказал:

— Раз вы снисходите до меня, то как я могу пренебрегать вами?

Сын Крым-Саухала и ханская дочь стали жить там как муж и жена.

У хана был единственный сын: он и сын Крым-Саухала оказались замечательными охотниками. Они охотились и дичью кормили все село хана.

Хан их предупреждал не раз:

— Никогда не подходите даже близко к Черной горе!

Но однажды, будучи на охоте, зять хана стал подаваться в сторону Черной горы, а сын хана удерживал его. Но зять его не послушался, и сын хана повернул обратно домой, не последовал за ним в сторону Черной горы. Зять направился туда один. Он прибыл в окрестности Черной горы и застал там на пастбище видимо-невидимо скота. Среди скота оказался козел, у которого один рог был длиной в 10 аршин, а другой — в 12 аршин.

«Почему они не допускали меня сюда, где пасется скота видимо-невидимо?» — удивляется про себя ханский зять.

Тем временем наступил вечер. Козел просунул свои рога между седлом и потником коня ханского зятя, поднял и коня, и всадника на своих рогах, засвистел на отару овец и пригнал их к одной скале. Он засвистел, и в скале открылась дверь; вышел семиглавый великан и сказал:

— Жить тебе, о козел мой, долго! Ты опять принес мне горную пташку!

Великан загнал скотину в скалу, затворил дверь, снял ханского зятя и в пятку ему ввинтил самовертящийся вертел. Поставил вертел на костер, а сам растянулся у костра и заснул.

К ханскому зятю подкатился человеческий череп и говорит ему:

— Упрись ногами об очажный камень, чтобы вертел упал, иначе великан съест тебя. Мы — два ханских сына, и он нас съел точно так же.

Тот уперся ногами об очажный камень, и вертел упал. А великан продолжает спать.

Череп снова говорит ханскому зятю:

— Раскали вертел докрасна и выколи ему оба глаза!

Он раскалил вертел докрасна и выколол великану глаза. Великан вскочил; зять же хана успел спрятаться в шерсти его шубы.

— Что это, какая-то блоха шевелится в шубе?

Великан взял шубу и подержал над костром, но зять хана успел отскочить и спрятаться в углу.

— Бог да не простит тебе,— обращается к нему великан.— Наверное, и скотина, и имущество мое предназначены на твое счастье. Вот, возьми мое кольцо, забирай и его!

Как только зять хана надел на свой палец кольцо, великан стал кричать: «Вот он! Вот он!» Тогда он быстро отрубил свой палец.

Ночь сменилась днем. Зять хана поймал козла, убил его, перерезал у него вены и содрал с него шкуру целиком, как на бурдюк.

Утром великан вышел, открыл дверь и говорит:

— Гони стадо, бодзо! От меня тебе пользы уже нет! Погони их утром по солнечной стороне, а вечером пригони их по тенистой стороне горы!

Он стал в открытой двери, растопырив ноги и, прощупав козла, шедшего впереди стада, сказал:

— Увы, бодзо, как ты похудел от жалости ко мне!

И бодзо оказался снаружи.

Великан искал ханского зятя среди стада, но не нашел его. Тот в шкуре бодзо уже был снаружи.

Великан стал в растерянности, а в это время ханский зять кричит ему:

— Эй, большой осел! Какой совет ты мне дашь: погнать ли стадо по солнечной стороне или нет?

Великан, охваченный злостью, выбежал, сорвался с обрыва и разбился насмерть.

Ханский зять вернулся обратно в дом великана в скале и спрашивает человеческий череп:

— Что нам делать?

А тот ему ответил:

— Собери наши останки в одно место и ударь нас войлочной плетью, которая находится под изголовьем. Тогда мы оба станем такими, какими были прежде.

Он собрал кости ханских сыновей, ударил их войлочной плетью, и оба они стали еще лучше, чем были прежде. После

этого они выступили в дорогу к себе домой с имуществом великана.

Ханская дочь, жена сына Крым-Саухала, носила траур. Наступила годовщина траура.

Два сына хана и зять хана уже приближались к своему селу.

Встретили они пастуха, который пас сто быков и пел, оглашая своим пением весь свет.

— Почему ты распелся, ведь ты пастух? — спрашивают его два ханских сына и ханский зять.

— Почему мне не петь? — отвечает тот.— У хана семиголовый великан съел двух его сыновей и зятя. Теперь наступил день больших поминок по ним, и лучшее из их одежды достанется мне.

— В таком случае это — мы; будь добр, отправляйся вестником к хану, а скотину твою погоним мы!

Пастух явился к хану, и хан приказал отрубить ему голову, насадить ее на кол и выставить напоказ народу.

Два сына хана и зять едут дальше и встретили чабана, который пас одних баранов и тоже пел вовсю, оглашая весь свет своим пением.

— Что с тобой, почему ты поешь? — спрашивают они его.— Ведь ты чабан.

Он им отвечает:

— Двух сыновей и зятя хана съел семиголовый великан. Наступил день больших поминок по ним, и я пою потому, что лучшее из их одежды достанется мне.

Они его тоже отправили вестником к хану, а хан приказал и ему отрубить голову, сказав:

— Это тебе за то, что обманываешь меня!

Затем ханские сыновья и зять доехали до пастуха, который пас одних ягнят; он поочередно то пел, то плакал.

Они спросили его, в чем дело, и он им ответил:

— У нашего хана семиголовый великан съел двух сыновей и зятя. Я пою потому, что шкурки ягнят достанутся мне. Но они содержали нас, давали просо и прочее, а теперь кто еще нас будет содержать? На сердце у меня становится тяжело, оттого я и плачу.

— Иди тогда и подкинь мою старую папаху дочери хана,— сказал зять хана,— но сам ничего не говори до тех пор, пока не будешь спрошен.

Тот подкинул папаху дочери хана. Дочь послала к своему отцу сказать:

— Вот кто-то подбросил мне папаху твоего зятя!

Стали разыскивать пастуха ягнят, нашли его, и он объяснил:

— Мне папаху дали вот такие-то и такие-то, и, что бы вы со мной ни сделали, я ее подкинул ханской дочери.

— А где же твои ягнята?

— Всадники гонят их сюда,— сказал он.

Тогда хан послал навстречу им людей и вместо поминок устроил пир. Гостей угощали в течение восьми дней и сверх восьми дней еще три дня.

Пир миновал. Ханский зять прожил с женой некоторое время; но однажды ночью он от тоски зевнул, и жена спрашивает его:

— Что с тобой?

Он ответил ей:

— Я покинул своих старых родителей, отца и мать, и мне хочется видеть их.

— А почему ты в таком случае не сказал мне об этом раньше? Я скажу своему отцу, и мы отправимся вместе. Он будет тебе предлагать подарок, но ты ничего не бери, кроме старого сундука, стоящего за дверью.

Хан подарил ему старый сундук. Он заколебался было, давать или не давать его зятю, но затем все-таки неохотно дал его ему со словами:

— Пусть не будет счастья научившему тебя просить этот сундук!

Зять выехал к себе и прибыл к окраине родного села. Там он сделал остановку, открыл крышку сундука, и оттуда появилось целое село, с готовыми домами и прочим.

Он стал старшиной села и взял на свое содержание отца и мать.

Два старших брата стали ему завидовать. Задумали они погубить брата и обратились за советом к знахарке. А она им посоветовала:

— У Уасгерги за горами пасутся три коня; пусть он одного из них достанет для вашего отца.

Сыновья подговорили отца и мать, и, когда утром младший сын зашел пожелать им доброго утра, они высказали ему свое недовольство.

— Что случилось? — спрашивает он их.— Что с вами?

И они ему сказали:

— Хорошо, что ты себе устроил село! А кто же приведет своему отцу-старику одного из коней Уасгерги, пасущихся за горами, коня, на котором он мог бы разъезжать ради удовольствия?!

Сын опечалился и говорит:

— Разве конь Уасгерги может попасть в мои руки?

Зашел он к своей жене и говорит ей:

— Мои братья не дают мне больше житья! Они вначале не уважили слова отца, а теперь натравили его, и он требует достать ему одного из трех коней Уасгерги.

— Не горюй! — сказала ему жена.— Возьми с собой соли в двух хурджинах. За горами есть молочное озеро, и туда кони Уасгерги ходят пить. Ты рассыпь там соль. Когда кони почуют запах соли, то они ее вылижут. После этого они начнут пить из молочного озера и надуются. Не соблазняйся ни старшим, ни средним конем, быстро возложи свое седло на младшего и проворно садись на него; нанеси ему такой удар, чтобы от шкуры его отскочил кусок на подметки, а от ладони твоей руки — на ремень, а затем он тебе скажет: «Чей ты, собачий щенок? Ты пригодишься мне в качестве седока!» А ты ему ответь: «А ты чей, осленок? Ты мне пригодишься в качестве коня!»

Младший сын добыл своему отцу Крым-Саухалу коня Уасгерги и пустил во двор со словами:

— На, да доставит он тебе радость!

Два брата снова засуетились, зависть к брату распирает их, и они опять обратились за советом к знахарке:

— Что нам делать с ним? Он добыл для отца коня Уасгерги и при этом сам не погиб.

— Что вы с ним можете поделать? — отвечает знахарка.— Вот две горы бьются, как два барана, а между ними есть такая шуба, которая плечами поет, рукавами хлопает, как в ладоши, а полами своими танцует. Пусть он достанет эту шубу отцу вашему для развлечения. Скажите своему отцу: «Что из того, что он добыл тебе лошака!».

Братья передали совет знахарки своему отцу. Отец опять надулся на сына. Сын опечалился еще больше чем прежде; вернулся он к своей жене и рассказал ей о своем положении.

— Не падай духом! — говорит ему жена.— Попроси у отца

коня Уасгерги, которого ты ему добыл; нанеси ему такой же удар, какой ты нанес ему в первый раз, и если счастье тебя не покинет, то, когда две горы разойдутся в разные стороны, ты проскочишь между ними.

Младший сын поехал на коне Уасгерги, нанес ему такой удар, как и в первый раз, схватил шубу и, пока горы снова сходились, вырвался; только у коня горы оторвали хвост.

Люди собирались к этой шубе и удивлялись ей.

А два брата еще больше озлились:

— Она делает так, чтобы он еще больше прославился!

Но все-таки они опять пошли к знахарке за советом, и она им сказала:

— Если уж он так доблестен, то пусть достанет для отца место в раю!

Братья научили отца, чтобы он попросил сына достать ему место в раю.

Отец опять разобиделся на сына. Сын был настолько удручен, что не знал, что ему и предпринять. Он опять зашел к жене, и жена ему говорит:

— А как я могу достать ему место в раю? Дорогу туда я могу тебе указать. Сначала ты достигнешь двери рая. Дверь эта скрипучая, и, если раздастся ее скрип, Барастур потустороннего мира заорет на тебя так, что ты сразу превратишься в каменного истукана. Но ты захвати с собой чашку топленого масла, смажь им дверные петли, и тогда дверь перестанет скрипеть. Ты пройдешь в дверь и увидишь там нагую женщину. Принеси ей полный наряд, и она пропустит тебя без слов мимо себя. Ты пройдешь дальше, и бесчисленное множество кур поднимет кудахтанье, но ты рассыпь для них сапетку проса, и они набросятся на него, станут клевать. После этого ты достигнешь скрипучего моста; скрип его слышен до небес, но ты иди, расстилая по нему вату, и он перестанет скрипеть.

Сын так и сделал. Он попал в потусторонний мир, предстал перед Барастуром и приветствовал его:

— Да будет, Барастур потустороннего мира, день твой добрый!

Тот удивился и спрашивает его:

— Кто ты такой?

Сын Крым-Саухала рассказал ему о своих испытаниях и попросил у него для своего отца места в раю. Барастур в ответ на это сказал:

— Окаменей ниже колен своих!

И тот окаменел сразу же ниже колен своих. Он снова стал рассказывать о перенесенных им испытаниях и просить у Барастура место в раю для своего отца. Барастур снова сказал:

— В таком случае окаменей до талии!

И он окаменел до талии.

Около Барастура сидела родная сестра сына Крым-Саухала; она стала ругать брата за то, что он явился к Барастуру потустороннего мира.

Он и в третий раз рассказал Барастуру о своей жизни, о тяжелых своих испытаниях, просит у него место в раю для своего отца. Но Барастур сказал:

— Окаменей до плеч своих!

И он окаменел до плеч.

Он в четвертый раз рассказал о себе, и в тот момент, когда Барастур хотел было произнести «Окаменей весь!», сестра младшего сына Крым-Саухала прикрыла рот Барастура своим платком и не дала ему произнести эти слова. Поклонившись Барастуру, она попросила его:

— Молю тебя, дай мне то, что я у тебя попрошу!

Сказал ей Барастур:

— Прощаю тебе, ты — счастливая душа. Пусть бог сделает его еще лучше, чем он был!

И он стал еще лучше, чем был.

А затем Барастур вручил ему войлочную плеть и наказал ему:

— Иди, собери в одно место своего отца, мать свою и братьев, проведи ею по ним, и они без страдания окажутся в раю.

Он захватил войлочную плеть и вернулся домой. Пригласил к себе своих родителей и братьев. Сначала он ударил войлочной плетью отца и мать: они превратились в кабана и кабаниху и бросились наутек. После этого он ударил войлочной плетью двух своих братьев, и они превратились в двух дворняжек. Испугавшись, что две свиньи могут от них спастись, они бросились за ними, нагнали их и загрызли их на щебне ада.

А младшему сыну Крым-Саухала Барастур сказал:

— Один бог знает, что с ними будет. Тебе же, который перенес столько страданий, когда-нибудь уготовано будет место в раю.

И он прожил со своей женой долго, а затем умер, и бог удостоил его места в раю.

114. Уасгерги и его жена Фатимат, дочь пророка Магомета

Когда Уасгерги — да будет ему табу! — был еще земным человеком, то он получил от бога шашку Сарфакал *. Он странствовал с ней и узнавал тех, кого бог не любил, таким образом: когда он замахивался на них шашкой, то она удлинялась, размножалась во столько раз, сколько было делателей зла, и истребляла их.

А жена Уасгерги — да будет ему табу! — была дочь пророка Магомета Фатимат. Она не любила своего мужа Уасгерги, поэтому в день он убивал только двести врагов бога, положено же ему было — триста. Сто спасались от него, ибо он был охвачен тревогой о том, почему жена не любит его.

Фатимат много раз посылала к своему отцу, просила, чтобы он развел ее с мужем. Он назначал ей срок на пятницу, но под тем или другим предлогом переносил срок с одной пятницы на другую и не разводил их.

Однажды враги бога стали преследовать пророка Магомета, а Уасгерги оказался в тылу у них и принялся их истреблять. От чрезмерного труда рука его прилипла к шашке. Когда он вернулся домой, то он похвастался своей жене Фатимат:

— Ненаглядная моя, я сегодня спас твоего отца, а ты все-таки держишься со мной отчужденно! Посмотри-ка, посмотри!

Он повернул шашку острием вниз, и земля покрылась кровью.

Наступила очередная пятница. Пророк Магомет прибыл к своей дочери и заявил ей:

— Чистосердечно даю тебе последний совет: в нижнем квартале живет пастух, который пасет крупный рогатый скот; присмотрись к его жизни, после этого я тебя разведу с мужем.

Фатимат пошла к пастуху. Пастух днем ходил в лохмотьях, а между тем зайди в дом его — в нем много всякого добра. В углу его комнаты, за дверью, стояли палка и хворостина, головки их были перевязаны платками.

День клонился к вечеру, и жена пастуха принялась хлопотать, готовиться к возвращению мужа.

«О боже! — удивляется Фатимат. — Она — жена пастуха и хлопочет, чтобы получше встретить того, кто ходит в лохмотьях!»

Наступил вечер. Пастух, сгорбившись, распустил сопли свои и в таком виде заявился домой.

— Вот кто к ней явился! — удивляется Фатимат.

А жена пастуха была необыкновенной красавицей. Днем же, приблизительно после обеда, она вышла во двор в одной сорочке и долго сидела под дождем.

Фатимат спрашивает ее:

— Почему ты в таком виде сидишь под дождем?

— Потому я так сижу,— отвечает она,— что сейчас дождь идет и на моего мужа, и, когда дождевая вода намочит ему спину, я буду лучше понимать, как ему трудно.

Как только пастух прибыл домой, жена быстро вынесла ему шубу на меху из курпеев и пакинула ее ему на плечи; живо подала ему башмаки; стала кормить его лучшими кушаньями, ласково обходиться с ним; под изголовье его она положила пуховую подушку.

Прошло немного времени, и кто-то закричал ему в ворота, что скотина его не вернулась с пастбища, пропала.

— Да будет твоему отцу, твоей матери так и так,— заворчал пастух,— я снова теперь должен одеться!

Схватил он палку (платок потому и был привязан к ней) и принялся избивать жену, а та сама подставила ему спину свою. Он вышел, быстро вернулся обратно и сказал:

— Скотину я нашел! Да постигнет их горе, я и тебя еще побил без вины!

И с этими словами он лег спать.

Фатимат на ночь осталась в его доме. Наступило утро. Пастух снова оделся в лохмотья и отправился пасти свое стадо.

— Раз ты своему мужу-пастуху,— сказала Фатимат его жене,— оказываешь такую честь и внимание, то я — большая преступница: ведь Уасгерги летает между небом и землей, а я его ни во что не ставлю. Научи меня, как мне быть.

— Я тебя научу, как искупить свою вину перед ним,— говорит ей жена пастуха.— Надень под верхнюю одежду какие-нибудь лохмотья, пройдись мимо нихаса, и люди скажут: «Вот жена Уасгерги Фатимат опять сбежала к пастуху, прелюбодействовала с ним и забеременела!». Это тебе во что-нибудь зачтется. Сама же ты сокрушайся и почитай его!

Она прошлась мимо нихаса — и один сказал, и другой:

— Вон жена Уасгерги опять сбежала к пастуху, погуляла с ним и забеременела!

Уасгерги уехал продолжать дело служения богу. Фатимат вернулась домой. Если до сих пор она даже полов не подметала, то теперь принялась за уборку и навела необыкновенную чистоту в доме, превратила его в солнце и луну.

Вечером Уасгерги прибыл домой. Фатимат выбежала, улыбаясь, ему навстречу и говорит:

— Прибыл, любимец божий! Ты много потрудился!

Он же, сказывают, когда приближался к дому своему, то ехал бывало с опущенной головой и поднятыми плечами, охваченный печалью. А теперь он поднял голову высоко и сказал:

— Благодарение богу! Хорошо, что я дождался улыбки Фатимат, она показала мне свои зубы!

Ночью она ласкала его, и Уасгерги сказал:

— Если бы я нашел рычаг вселенной, то ухватился бы за него и перевернул вселенную!

И только тогда, только один раз бог остался недоволен им.

Однажды после этого едет Уасгерги по дороге и видит: валяется рукоятка кнута. Уасгерги сказал: «Вот какая хорошая рукоятка от кнута!» — и протянул к ней руку, чтобы, не сходя с коня, поднять ее, но напрасно; еще раз — и напрасно, а в третий раз конь его пошатнулся.

— Неужели это больше чем рукоятка кнута?!

Он сошел с коня и хотел было схватить ее, но по колена увяз в земле.

— Боже, ты недоволен мной,— сказал Уасгерги.— Прости меня! Я ошибся перед тобой так, как мне не следовало!

Едет он по дороге дальше и видит большое, красивое грузинское яблоко. Он сказал:

— Жажда мучает меня! Кто мог потерять яблоко? — и протянул руку, чтобы поднять его.

Поднял его, разрезал, и из яблока повыскочили все мерзости мира: змеи, лягушки и прочее. Он швырнул его со словами:

— Боже мой, боже мой! О единый бог, как крепко ты дал мне знать свое недовольство! Прости меня!

Едет он дальше и видит: на дороге стоит стоймя красивый кумган.

— Боже мой, боже мой, мне бы смыть с рук своих следы от яблока!

Соскочил он с коня и стал мыть руки, но из кумгана вместе с водой выпали еще большие мерзости, чем раньше, и он заплакал.

— О боже! — сказал он. — Каким большим врагом твоим я стал! До сих пор ведь ты меня очень любил!

А потом пришло ему слово от бога:

— Да будет прощено тебе, потому что ты раскаялся.

И он возобновил свою работу.

115. Шашка Уасгерги

Когда Уасгерги расставался с миром, то свою шашку он вручил своему сыну и приказал ему:

— Иди забрось мою шашку в море!

Но тот унес ее и спрятал в лесу, говоря сам себе:

— Когда его не станет, то я буду ее носить.

Он вернулся, и Уасгерги спрашивает его:

— Куда девалась шашка?

— Забросил ее в море.

— Нет, ты спрятал ее в лесу. Если она останется на земле, то люди истребят ею друг друга. Иди и закинь ее в море!

Сын опять вернулся, и Уасгерги снова ему сказал:

— Нет, ты ее спрятал в горе! Нельзя не закинуть ее в море!

У сына Уасгерги не оставалось другого выхода, — он закинул шашку в море. Она прошлась в море по всем рыбьим породам: потому-то за ушами у них имеется разрез и полезны они людям потому же.

116. Уасгерги и Татартуп

Уасгерги и Татартуп ехали верхом по Алагирскому ущелью, и им навстречу попадалось множество людей.

— Это множество людей поклоняется мне, — сказал Уасгерги Татартупу.

Татартуп в ответ еле заметно улыбнулся.

Они выехали в Сирау *, где было множество чабанов — кударцев и туальцев. Уасгерги опять говорит Татартупу:

— Все эти чабаны поклоняются мне!

Опять Татартуп еле заметно улыбнулся в ответ и сказал ему:

— В таком случае попроси у них для нас косарттаг.

Завернули они к одному чабану и приветствовали его:

— Да умножится скотина твоя, добрый чабан!

— Да будет дело ваше правое! Здравствуйте, добрые гости!

— Мы в пути, далеко от дома; дай нам косарттаг, добрый чабан.

Чабан рассмеялся в ответ на такую их просьбу и сказал им:

— Какие вы сумасбродные люди! Если я каждому встречному буду давать по косарттагу, то что я пригоню домой!

Уасгерги и Татартуп повернули своих коней и поехали в Муртазату *. Там старик и маленький мальчик заняли под кутаны большое пространство, но в кутанах у них был лишь хромой козленок да кривой годовалый ягненок.

— Заедем и к этому чабану,— предложил Татартуп.— Уже вечер; может быть, он даст нам приют.

Уасгерги и Татартуп заехали к старику и приветствовали его:

— Да умножится скотина твоя, старик!

— Да будет дело ваше правое, и да даст бог и вам, гости, скотину! — ответил им старик.

— Не приютишь ли ты нас, старик? — спросили они его.— Мы — гости.

— Конечно! Гость — божий гость, если вы не брезгуете мной!

Он завел их к себе, принял как гостей и коней их тоже убрал. Затем он послал мальчика, тот приволок единственного годовалого кривого ягненка, и старик заколол его для своих гостей, предварительно посвятив его богу.

Уасгерги и Татартуп ночь провели у старика, а когда ночи на смену пришел день, они сказали ему:

— Мы уезжаем!

— Я не отпущу вас без завтрака, повремените немножко! Иди принеси нашего козленка! — говорит он своему маленькому мальчику.

Мальчик-бедняга пошел, но не смог в больших кутанах найти козленка.

— Что он ищет? — спросил старика Татартуп, да будет ему табу.

— У нас есть еще один козленок,— ответил старик-бедняк,— но он его не может найти и горюет.

— Не горюй,— сказал ему Татартуп.— Но что это у тебя, старик, кутаны обширные, а скотины нет?

— Пока богу угодно было, скотина была, а теперь уже нет милости божьей,— ответил старик.

— В таком случае не печалься,— сказали ему Уасгерги и Татартуп.

Они обратились за него с молитвой к богу и выпросили у него, чтобы через год кутаны его были полны скотины, как это было раньше. Поблагодарили старика за приют и уехали.

117. Бог, Уасгерги и Никкола

Бог, Уасгерги и Никкола вместе были в балце, и одна девушка перерезала им дорогу *.

— Да достанешься ты разумному мужу! — пожелал ей бог.

Уасгерги и Никкола были удивлены этим. Они доехали до края села, и какая-то женщина уступила им дорогу, тогда бог пожелал ей:

— Да достанешься ты дурному мужу!

Уасгерги и Никкола еще больше удивились и сказали:

— Что за диво?! Хороший муж той, которая перерезала дорогу, а плохой муж той, которая дала нам дорогу!

Выехав в степь, они спешились, сели, и бог пригласил их закусить. Но Уасгерги и Никкола сказали ему:

— Мы не примемся за еду до тех пор, пока не узнаем, почему ты пожелал хорошего мужа той, которая перерезала нашу дорогу, а плохого мужа той, которая дала нам дорогу. Скажи нам, не скрой от нас, почему ты так поступил.

Бог им ответил:

— Если у дурной девушки будет разумный муж, то жизнь их будет протекать ладно. Если же у разумной девушки будет дурной муж, то и их жизнь тоже будет протекать ладно.

Уасгерги и Никкола переглянулись между собой и сказали:

— Богу самому все лучше известно.

118. Дар Фалвара дигорцам

В течение всей своей долгой жизни Коголкин Когалук * оставался бездетным, а под старость у него родился медвежонок. Коголкин долго горевал, но из-за жалости к медвежонку ухаживал

за ним. Медвежонок подрос и сидел в яме, больше он ничего не делал.

Через некоторое время он заговорил с одним юношей и стал просить его:

— Возьми меня с собой в набег!

Он был в набеге с молодыми людьми, и ему одному удалось сделать то, что было под силу целой группе.

После этого набега медвежонок попросил своего товарища:

— Скажи моему отцу, чтобы он женил меня.

Тот пошел к бравому Когалуку Коголкину и передал ему желание сына. Отец взволновался:

— Бог меня проклял! Как я могу женить медвежонка? Чью же девушку он желает засватать?

Товарищ передал ему, что тот желает, чтобы за него засватали дочь Атажуко Атажукина *.

— Выхода нет,— сказал отец,— надо сватать ее за него.

Сваты сели на коней и поехали сватать дочь Атажуко Атажукина. Жених-медвежонок тоже поехал с ними. Доехали до Атажуко Атажукина, жених спешился с коня около кунацкой, зашел в кунацкую и как зять стал в углу. Товарищ его, сват, заявил Атажукиным:

— Вот это — сын бравого Когалука Коголкина; он сватает вашу девушку.

Те навзрыд заплакали из жалости к нему, а затем подослали к девушке, спросить ее согласие.

— Если ты хочешь,— сказали ей,— то выдадим тебя; если же не хочешь, то ты вольна отказаться.

Девушка ответила:

— Меня бог предназначил ему, и я согласна выйти за него замуж.

Атажукины выдали ее за медвежонка; он взял ее в свои объятия и унес.

Жители села Атажукина были ошеломлены:

— Вот Атажукины выдали свою девушку за медведя!

На ночь девушку поместили в какую-то турлучную комнату, опасаясь, что он может ее съесть. Когда люди легли спать, медвежонок украсил турлучную комнату алмазами невиданной красоты, а сам снял с себя медвежью шкуру и оказался юношей, которому не было равного ни по стройности, ни по красоте. Он был рожден дыханием пророка, хотя был лишен человеческого облика.

Когда наступило утро, послали к девушке людей, сказав им:

— Идите выбросьте ее кости!

А девушка оказалась еще более красивой, чем была; она была в восторге, что нашла такого мужа.

Атажукины, а с ними и другие решили, что тут кроется какая-то тайна. На другой вечер поставили там человека, чтобы он подкараулил их и узнал тайну. Как только медвежонок сбросил с себя медвежью шкуру, подосланный караульщик схватил ее и бросил в костер. Как только шкура начала дымиться, так и молодой человек превратился в пеструю птичку. Птичка выпорхнула и улетела. Дым от шкуры осел на дерево у верхнего края села. Ночью это дерево давало одно яблоко, а днем его поедала пестрая птичка; у нее была только эта повинность.

Каждый, кто видел птичку на дереве, потом рассказывал другим, что на дереве сидит такая-то птичка. Однажды и жена медвежонка пришла под дерево и посмотрела на нее вверх. Птичка и женщина заплакали, и птичка проговорила ей:

— От меня тебе больше нет пользы. Я был дар моему отцу от Фалвара. А теперь заставь это множество людей заготовить сена столько, сколько ты можешь.

Она выполнила его совет и заготовила сена столько, сколько можно было заготовить.

Затем птичка дала ей и другой совет:

— Пока мне не возвратят облик человеческий, до тех пор не продавай ни стога сена никому! Сделать же дурную весну я в силах.

И серая птичка сделала так, что в марте месяце выпал снег. Люди оказались на краю гибели, скотину нечем было кормить, и тогда они обратились за сеном к жене медвежонка. Они предлагали ей за сено земли без границ, но она всем отказала.

Когда люди попали в такое гибельное положение, то сам Фалвара, покровитель домашних животных, пришел к ней с просьбой. Птичка же заранее наказала женщине:

— Как только Фалвара явится к тебе, ты приведи его ко мне!

Фалвара обращается к женщине:

— Почему ты никому не продаешь сена, ведь люди погибают? Продай хоть мне!

Стал он ее умолять, а она ему ответила:

— Я продаю сено на таких условиях: во-первых, пусть серая птичка примет прежний облик и с таким же даром испрошения,

каким она обладала в прежнем своем облике; во-вторых, прошу тебя, дай мне две кобылицы породы Саулох и к ним двух производителей той же породы, затем двух черных баранов и пару овец, пару коз, двух козлов. В обмен на все это я дам тебе сена.

Фалвара имел дар испрошения от бога, и пестрая птичка превратилась в то, чем она была; тот же Фалвара дал ей сполна все, что она просила у него из домашних животных.

Вот с того времени у дигорцев остались овца и конь саулохской породы.

В тот же день муж дочери Атажуко Атажукина обратился с молитвой к богу, свет солнца засиял над миром, и сена уже больше никому не понадобилось. А дочь Атажуко Атажукина и муж ее, сын бравого Когалука Коголкина, и до сих пор живут и поживают.

119. Жена кумияка

А.

Жил-был хан, и был у него молодой кумияк. Однажды хан заставил кумияка взнуздать коня и оседлать его.

Кумияк просит хана:

— Разреши проджигитовать мимо тебя на коне!

Он быстро вскочил на коня, проджигитовал мимо хана в одну, в другую сторону, а затем стрелой пролетел над башней.

— Что ты делаешь? — кричит ему вдогонку хан.

— Что я делаю? — отвечает ему кумияк.— До сих пор я очень много работал на тебя, и пусть мой труд пойдет тебе на пользу, а я отправляюсь испытать свое мужество.

Кумияк уехал и поселился в безлюдной стране. Он уходил в набег и каждый раз возвращался с девушкой и юношей; таким путем он основал село в сто дворов. Жители села избрали его ханом над собой.

Однажды жители села предложили ему:

— Женись, засватай себе жену!

Он послал сватов к одному хану, и хан выдал за него свою дочь. Они прожили в согласии значительное время, и однажды жена ему говорит:

— Ты никуда больше не выезжаешь. Отправься куда-ни-

будь, а я даю тебе слово именем своего бога: если только меня коснется рука постороннего мужчины, то я пронжу себе сердце своими стальными ножницами.

Он отправился проведать свою сестру за горами, а жена осталась дома.

Тогда бог — да будет ему табу! — подумал: «Неужели против нее нет никакого средства? Не нарушит ли она своего слова?»

И он приказывает Уасгерги:

— Превратись в стройного молодого человека, отправляйся к той женщине и прояви свое мужество и ловкость.

Уасгерги — да будет ему табу! — превратился в молодого человека в белой черкеске, в белой папахе и через дымовую трубу заскочил к женщине, жене кумияка,— разве ему это трудно сделать?! Женщина вскочила со своего места. Около нее было семь девушек, и Уасгерги их усыпил.

— Вот тебе два мешочка золота,— говорит он ей,— и сделай так, чтобы я побыл с тобой наедине.

Жена кумияка отвечает:

— Я дала клятву именем своего бога: как только меня коснется чужой мужчина, я вонжу свои булатные ножницы в сердце.

Он ничего от нее не добился. Вернулся к богу и доложил ему:

— Она решительно отказала мне. Я не нашел никакого средства, чтобы склонить ее нарушить свое слово.

— Попытайся второй раз! — приказал ему бог.

Уасгерги принял другой вид и тем же путем неожиданно предстал пред женщиной, но она все-таки не сдалась.

А затем предстал перед ней сам бог, но и его домогательства она отвергла.

— Я дала клятву именем своего бога,— заявила она ему.— Как только ты прикоснешься ко мне, я своими булатными ножницами пронжу свое сердце.

— В таком случае бог — я сам,— сказал он ей.

— А как бог может снизойти до подобных мне?

— Если не веришь, скажи мне, какого благодеяния ты хочешь?

Жена кумияка сказала:

— В таком случае пусть это село кругом будет заключено в железную ограду, а посередине пусть появится семиэтажная башня, внутри же башни пусть бьет источник, оживляющий

мертвых, в комнатах же пусть будет такое зеркало, смотря в которое я могла бы видеть все, что происходит на свете.

— Тогда посмотри в левую сторону! — сказал ей бог.— А теперь посмотри направо!

Она сперва посмотрела налево, затем направо, и стало так, как она желала.

Сестра ее мужа была вещая. Она во сне увидела жену брата и сказала брату своему за три дня до срока его возвращения:

— Ты тут сидишь, а жена твоя на деньги построила замок и железную ограду вокруг него.

Брат даже не притронулся к пище, вскочил на коня и поспешно выехал.

Жена смотрит в зеркало и удивляется:

— Муж выехал в бешенстве по наущению сестры своей. Просо не может быть пшеницей, а овес — просом: он дурного происхождения и может натворить что-нибудь.

Он прибыл домой, и жена ему говорит:

— Клянусь богом, что тут, кроме божьего дара, ничего другого нет.

— А вот это тебе божий дар! — и с этими словами он вонзил ей кинжал в сердце.

Жена его умерла, а муж вскочил на коня и отправился странствовать.

Село после него впало в бедность.

Б.

В село прибыл однажды армянин-торговец с материей и поселился в этой башне. Он увидел там покойницу и был поражен ее красотой.

У армянина было двое слуг, и одного из них он послал с рыбой:

— Иди вымой ее в источнике!

Тот пошел с рыбой к источнику, и только он опустил рыбу в воду, как она вырвалась из его рук. Он вернулся обратно и сказал своему хозяину:

— Как только я опустил рыбу в источник, она ожила и вырвалась из моих рук.

— Вырвалась она у тебя! — сказал армянин и отрубил ему голову.

— Иди ты! — приказывает он другому слуге.

— Как же, чтобы и меня ты убил! — отвечает слуга.

Все-таки он его послал, и с ним случилось то же, что и с первым слугой. Он вернулся и сказал хозяину:

— И у меня она вырвалась, прошу прощения! Пойди сам с рыбой и попробуй обмыть ее в источнике!

Армянин пошел с рыбой к источнику. Как только он опустил ее в воду, рыба ожила. Тогда он подумал про себя: «Попробую, может быть, и слуга мой оживет».

Он подтащил тело своего слуги к источнику и искупал его. Слуга приподнялся и сказал:

— Оф, оф, как долго я спал!

«О боже,— думает армянин,— как бы оживить еще и женщину!»

Он взял тело женщины, окунул его в источник; жена кумияка ожила и сказала:

— Оф, оф, как долго я спала!

— Ты не спала, ты была мертва, и я тебя вернул к жизни. А теперь ты будешь принадлежать мне.

— Бог судил меня тебе, но я умерла от плохой болезни, и, пока я не выкупаюсь, до тех пор не прикасайся ко мне!

Армянин ночь провел мучительно, а утром он вместе с женщиной направился к реке, чтобы искупаться в ней.

— У нас не принято, чтобы женщина раздевалась при мужчине,— сказала ему жена кумияка.— Если хочешь купаться, то отойди отсюда подальше к камышу.

Армянин отошел в сторону, а жена кумияка сорвала с головы волосинку и обратилась к богу с молитвой:

— О боже! До сих пор ты оказал мне много благодеяний; преврати вот эту волосинку в мост через реку, а когда я дойду до другого берега, то разрушь его!

Она перешла по мосту на другой берег реки и пустилась бежать. Бежит она, и повстречался ей табунщик.

— Вот какая женщина досталась мне! — обрадовался он.

Она сказала ему:

— Я больна плохой болезнью и сначала должна искупаться, а затем я в твоей воле.

Так она избавилась и от табунщика. Идет она дальше по дороге, и встречается ей чабан. Она и его обманула таким же образом, а затем подумала про себя: «Так я никуда не доберусь!» Переоделась она в одежду молодого человека, а свою одежду спрятала в хурджины.

Идет она, идет по своей дороге дальше и попала в одно село. Она поселилась там. Все считали ее молодым человеком, а вскорости она стала управлять селом, сделалась алдаром. Сельчане решили женить своего алдара, и тогда он им сказал:

— Если вы признаете меня, то сделайте из дерева статую, похожую на меня, оденьте ее в ту одежду, которая хранится в моих хурджинах, и в таком виде выставьте ее на развилке семи дорог. И того, кто при виде статуи будет плакать, приведите ко мне. Около статуи выкопайте яму для охраны, и пусть статую сторожат по два человека!

Сельчане так и сделали. Первым по дороге, еле дыша, появился армянин. Он дошел до статуи и обращается к ней со словами:

— Ну что же, все-таки я догнал тебя!

И он обнял статую, но увидев, что это дерево, ударил ее кинжалом со словами:

— А портрет свой она для чего еще оставила здесь? — и удалился.

После него показался табунщик, бросивший на произвол свой табун; он нанес статуе удары и последовал дальше.

За ним показался чабан, бросивший на произвол отару белых овец; с ружьем за плечом он топает по дороге. И он поступил так же, как и другие до него.

Наконец показался всадник в лохмотьях. Чем ближе он подъезжает, тем сильнее плачет. Подъехал он к статуе и продолжает плакать. Плакал он долго, а потом перестал.

Оба караульщика вышли к нему из ямы и спрашивают его:

— О чем ты плачешь?

Он им сказал:

— У меня была такая жена, и я ее убил. Теперь я увидел ее образ в статуе, и сердце мое охватила печаль. Вот почему я плачу.

— В таком случае поедем с нами к нашему алдару,— сказали они и отвели его к своему алдару.

Алдар остался с ним наедине и спрашивает его:

— Ну, низкородный, много ли трудностей ты перенес?

А он все-таки не узнает свою жену. Тогда она говорит ему:

— Я — твоя супруга; ты меня убил, а бог все-таки снова возвратил меня к жизни.

Молодой человек, кумияк, остался там со своей женой. Она открылась и перед своим народом.

Через некоторое время она объявила народу:

— Теперь я должна вернуться на свою родину!

Сельчане были опечалены и всем селом двинулись с ней в дорогу, на ее родину.

Кумияк и его жена прибыли на родину и стали там жить да поживать.

И ты проживи без болезней до их возвращения!

120. Искатель жизни

Жил-был бедный человек, дурень. Он жил долго и скитался по чужим задворкам; он бывал то сыт, то голоден как волк. Так он проводил свою жизнь.

Наконец он устал от такой жизни и надумал отправиться к самому богу, чтобы потребовать от него каких-либо средств к существованию. Направился он к богу. Сколько времени он шел — кто это может знать? Повстречался ему по дороге волк, и он приветствует его:

— Да будет, волк, путь твой прямой!

А волк ему отвечает:

— Дорога-то моя очень прямая, но я не знаю, окажется ли дело твое прямым, потому что ненасытный мой желудок опять забурчал и не дает мне ни минуты покоя.

Человек испугался и говорит ему:

— Сегодня бог и ангелы заседают на судилище, и вчера они прислали мне приглашение явиться туда. Сегодня я должен быть там, другого выхода нет.

Волк был ошеломлен тем, что он собрался съесть такого человека, и он сам начал просить его:

— Да будет мне милость твоя! Спроси и от моего имени бога и доставь мне определенный ответ. Скажи ему так: «Удивляюсь я одному делу: человек убивает сразу четыре-пять овец и из их шкур шьет себе шубу, а я пожрал множество овец и все-таки остаюсь тощим и голодным. Почему это так?»

— Ладно,— сказал человек,— за это я тебе ручаюсь.

Держит он свой путь дальше, и встречается ему некий царь.

— Подожди-ка,— обращается он к нему,— куда это ты идешь, человек? Мне ведь нужны воины. А ну-ка, быстро, без оглядки отправляйся на поле битвы!

А тот отвечает ему:

— Сегодня бог и его ангелы заседают на судилище и меня вызывают туда; поэтому я сейчас направляюсь туда.

Царь ничего не смог возразить, но только испуганно ему говорит:

— В таком случае извини меня, что я тебя оскорбил, но узнай у бога определенно об одном деле. Скажи ему от моего имени: «Удивительно, среди царей нет богаче и сильнее меня, а между тем, когда самый слабый из них затевает со мной войну, то он громит меня».

— Ладно,— отвечает человек и держит свой путь дальше.

Идет он, идет и доходит до большой реки, через которую ему надо было перейти. Вместо моста через реку, по воле бога, стоял человек. Когда путник дошел до него, тот его спрашивает:

— Подожди-ка, добрый человек! Заплати что-нибудь за переход через мост!

Путник дал ему понять, куда и зачем он идет, и тогда тот, кто стоял вместо моста, стал просить его:

— Да будет на мне милость твоя! Узнай у бога: будет ли мне смерть от этой работы, а если нет, то до каких пор я буду здесь?

— Ладно,— отвечает ему он и держит свой путь дальше.

Он дошел до другого человека, который на двенадцати парах быков возил навоз, а на двенадцати парах пахал.

Путник дошел до него, поздоровался с ним, сам стал рассказывать о своих дорожных встречах, но не сказал ему о том, куда он направляется.

Тогда пахарь ему говорит так:

— Все это хорошо, но мне нужны погонщики быков. Как бы тебе понравилось, если бы ты погонял моих быков?

Путник подумал-подумал и говорит ему:

— Это было бы хорошо, но сегодня бог и ангелы заседают на судилище, и я иду туда.

— В таком случае иди,— сказал ему пахарь.— Но только, да будет на мне милость твоя, узнай у бога определенно об одном деле: я пашу на двенадцати парах быков и на двенадцати парах привожу навоз на свою пашню, а урожая все-таки не собираю.

— А как же иначе? — сказал он и держит свой путь дальше.

Бог знает, сколько ему надо было еще идти, но все-таки через какое-то время он дошел туда, где бог и ангелы его заседали на судилище.

Он встал поодаль и стоит печально, как будто в доме у него покойник. Некоторое время члены судилища не обращали на него внимания; затем старший из них заметил его и спрашивает:

— За каким делом ты-то попал сюда, горец?

Тот сказал:

— Я мучаюсь между небом и землей; помогите мне, если только вы можете! Вот для чего я пришел сюда.

Члены судилища зашушукались между собой и говорят ему так:

— Иди домой, не стой здесь больше! До твоего прихода все, что необходимо тебе для жизни, будет в твоем доме.

Бедняк удивился про себя: «В своем доме я не оставил ничего, кроме стен; не знаю, что я там застану». Но возразить он ничего не смог и собрался было уходить обратно, но вспомнил о поручениях, которые были ему даны, и обратился к членам судилища с просьбой:

— Да будет ко мне милость ваша; мне даны поручения, дайте мне заодно ответы и на них.

— Скажи, о чем ты забыл?

— Ладно,— сказал он.— Прежде всего волк поручил мне узнать от его имени вот что: «Удивительно: когда человек зарежет четыре-пять овец, он справляет себе все с ног до головы; а я извел овечий род, и то пользы мне нет».

— Послушай,— сказали ему члены судилища,— ты вот как скажи волку: «Пока ты не съешь дурня, до тех пор пользы тебе от овец не будет».

— Давали мне еще поручения царь, пахарь и человек, который поставлен через реку вместо моста.

— Расскажи,— сказали ему,— о чем они просили, чего они требовали.

— Царь просил меня спросить: «Не понимаю вот чего: я сильнее и богаче всех царей; а между тем даже самый слабый царь, когда затевает со мной войну, громит меня. Почему это так?»

— Дальше.

— Тот, который стоит через реку вместо моста, просил меня узнать: случится ли его смерть там, а если нет, то до каких пор он будет в таком положении?

— Дальше.

— Дальше просил меня земледелец спросить вас от его име-

ни так: «Удивительно, удивительно, удивительнее человек ничего не увидит: ежегодно на двенадцати парах быков я разбрасываю на своей пашне навоз, но все-таки урожая не получаю. Отчего это?»

Члены судилища поговорили между собой и сказали ему так:

— Послушай-ка, горец. Прежде всего царю передай так: «Ты — женщина, поэтому каждый мужчина берет верх над тобой; передай свои права мужчине, и он защитит тебя от врага». Человеку, который стоит через реку вместо моста, ты передай так: «Ты — сильнее всех; когда-нибудь возьми какого-нибудь человека и поставь его вместо себя, а сам уходи и живи себе». А пахарю передай так: «На земле твоей потому ничего не родится, что в ней есть золото, и, до тех пор пока ты его не выкопаешь, земля твоя ничего не будет родить».

— Ладно,— сказал он и направился обратно к себе домой. Он дошел до моста и, когда перешел через него, передал человеку ответ:

— Ты, мол, дурень, иначе бы ты смог поставить вместо себя другого человека, а сам удалиться.

— Жаль, что ты вырвался у меня,— проворчал тот и остался расстроенный.

Дошел человек до царя и передал ему такой ответ:

— До тех пор, пока ты не уступишь власть мужчине, все будут тебя побеждать.

— Прошу тебя, оставайся тут и будь царем, а я стану твоей женой, но так, чтобы этого никто не знал.

Человек перепугался и бежал по своей дороге. Идет он, идет и дошел до волка. Волк спрашивает его:

— Ну, будь милостив, какой ответ ты мне принес?

— Ты спрашиваешь об ответе, но меня просили узнать о своих делах, кроме тебя, еще царь и пахарь. Царь оказался женщиной; она просила меня стать ее мужем, но я отказался. У пахаря в его земле было золото, и он задерживал меня, но я его не послушался, иду домой.

— А что же бог сказал тебе обо мне? — спрашивает его волк.

— А о тебе бог так сказал: «До тех пор пока он не съест дурня, никогда не будет в теле!».

Волк подумал и спрашивает его:

— Вот теперь ты мне скажи, где я еще найду дурнее тебя:

ты не захотел быть царем, ты отказался и от золота. Дурнее тебя я не найду никого.

Подмял волк человека под себя и сожрал его.

До его возвращения проживите в добре и в здравии!

121. Бедняк и Барастур загробного мира

По одну сторону моря жил хан, а по другую — бедняк. У него была мать и вороной масти мерин. Вечером он садился на своего мерина, перелетал над морем на ханскую сторону и похищал из ханского села девушку и юношу. Девушку он выдавал замуж за юношу и таким путем создавал себе село.

А у этого хана была дочь-красавица, которую он держал в медной башне. Он решил выдать ее за того, кто сможет проджигитовать перед башней и гарцуя подняться на нее. Тому, кто не мог подняться на башню, отрубали голову.

Однажды вечером бедняк на своем мерине перелетел через море и спешился у ворот молодого человека, который обслуживал ханскую дочь. Его самого дома не было, и гостя приняла его мать.

— Есть ли у тебя сын? — спросил он у нее.

Она ответила, что у нее один-единственный сын.

— В таком случае я — твой старший сын,— сказал гость и коснулся ртом ее груди *.

После этого он попросил ее, чтобы она послала за его братом. Она послала за своим сыном. Он пришел, и каждый из них взял себе в рот по соску материнской груди, и они назвались побратимами.

Молодой человек, обслуживавший ханскую дочь, спросил своего побратима:

— С какой просьбой ты приехал ко мне, брат мой?

А он ему сказал:

— Я не приехал к тебе с какой-либо просьбой. Я решил испытать свое счастье и жениться на ханской дочери. И ты скажи ей об этом!

— Почему ты так поступил, мой брат? — ответил ему тот.— Лучше было бы, если бы ты не назвался мне братом!

— Ничего! — сказал бедняк.— Испытать счастье хорошо! Но нужно, чтобы она была готова!

Молодой человек, обслуживавший ханскую дочь, сказал своему брату:

— Не только ты, а и ангелоподобные молодцы пытались получить ее руку, но никто этого не смог. Лучше покажи мне, каков твой конь!

— Я тебе его покажу,— сказал бедняк и повел его к своему коню.

Молодой человек сказал:

— Лучше было бы, если бы ты не назвался мне братом! Этот конь не сможет даже пройти мимо башни! Да не коснется меня грех твой, завтра хан отрубит тебе голову!

— Ничего! — ответил тот.— Там, где валяется столько голов и тел, будет валяться еще и моя голова да мое тело!

— В таком случае я сейчас иду к девушке,— сказал ему молодой человек,— а завтра ты обязательно явись!

Утром бедняк встал, поухаживал за своим конем, приемная мать приготовила ему завтрак; он позавтракал, затем вышел, сел на своего коня и обращается к названой матери:

— Кажется, моя мать, конь мой выдержит испытание?

— Хорошо было бы, если бы он выдержал испытание,— сказала она ему в ответ,— но он ни по внешности своей, ни по росту не внушает доверия.

— А ну, в таком случае смотри,— сказал бедняк и проджигитовал на нем. Маленький конь прошелся по двору, и от его копыт осталась канава.

Затем он попрощался с ней и сказал:

— А теперь, нана, пока до свидания, я направляюсь к башне ханской дочери.

Подъехав к башне, он увидел, что площадь перед ней заполнили всадники — один лучше другого. Когда всадники на отборных конях увидели бедняка на его мерине, они подняли его на смех, говоря:

— Неужели и этот имеет надежду на обладание ханской дочерью? Хан ему отрубит голову!

Бедняк направился к ним, прося их:

— Дайте мне дорогу!

Но они продолжали над ним издеваться. Бедняк вскипел, разгорячил своего коня и, заехав в середину толпы, говорит им:

— Дорогу мне дайте, чтобы я проджигитовал перед башней!

Он проджигитовал мимо одной стороны башни, а по другой гарцуя легко взлетел на вершину башни.

Увидев это, ханская дочь сказала:

— Что это за осленок, что это за щенок, почему он не оставляет мою башню в покое?

Когда бедняк на своем мерине взлетел на башню, то ханская дочь вторично сказала своему прислужнику:

— Что это за осленок, что это за щенок? Он годен быть моим господином! Веди его ко мне!

Прислужник ханской дочери завел к ней бедняка, и она сказала ему:

— С этого дня — ты мой муж. Но хан, который сильнее моего отца, собирается меня похитить. Я даю тебе вот эту плеть, ты ее держи на вешалке: когда явится хан, чтобы похитить меня, она упадет с вешалки.

Она дала ему плеть; он же, сняв с руки своей кольцо, сказал ей:

— Мужчина — любитель странствовать. Я могу оказаться убитым случайно или же могу утонуть в реке, а ты не спуская глаз наблюдай за кольцом, и, если кольцо исчезнет с руки твоей,— ты свободна и заботься о себе.

Они поблагодарили друг друга и расстались.

Вечером бедняк опять похитил из села этого хана девушку и юношу и доставил их на своем коне к себе. Девушку он отдал юноше в жены. Он оставался дома в течение двух дней, а на третий день плеть упала с вешалки. Матери он ничего не сказал, а про себя подумал, что тот хан явился за его невестой и уже увозит ее. Он быстро вскочил на коня и поскакал по берегу моря в погоню за похитителем своей невесты.

На морском берегу с бедняком повстречались три всадника.

— Куда ты едешь, когда мы направляемся к тебе с ночевкой в гости и ты — наш фусун? — сказали они ему.

Озадаченный бедняк сказал про себя:

— Я не отдам предпочтения невесте, не сделаю ее старшей, а гостей — младшими.

Он вернулся с ними домой, принял их как гостей, а рано утром отправил их с почетом, как этого требует обычай гостеприимства.

Когда он их отправил, то плеть упала уже на середину пола, и он сам себе сказал:

— Она на что-то решилась, и надо мне спешить! Кого бы я ни повстречал, ни за что не поверну обратно домой!

— А те три всадника, приняв другой вид, опять повстреча-

лись с ним и объявили ему, что едут к нему на ночь в качестве гостей, что он их фусуп. Он их опять принял с почетом как гостей, а утром отправил их.

В полдень плеть оказалась за дверью, и тогда он сам себе сказал:

— Вот теперь ни за что уже не вернусь обратно!

Поехал он поспешно по дороге своей, а эти три всадника, приняв другой вид, опять встретились ему, вернули его обратно, и он принял их как гостей, уложил спать, а сам оседлал своего коня, сел на него и в полночное время поскакал за своей невестой. На рассвете он доехал до большой равнины и увидел труп красивой белой борзой собаки.

«Грешно будет, если эту борзую собаку съедят волки!» — подумал про себя бедняк и спрятал труп собаки под валежником.

Проехал немного дальше и увидел труп черной борзой собаки; она была красивее белой. Он отнес ее и закопал рядом с первой.

Проехал он дальше по дороге, и перед ним оказался труп коня саулохской породы вместе с седлом и уздечкой. Он похоронил коня в кургане, оказавшемся перед ним, вместе с седлом и уздечкой.

Когда он отъехал немножко дальше по дороге, он наткнулся на труп человека; и его он отнес к кургану и похоронил в полном снаряжении.

После этого бедняк вскочил на коня, но, отъехав немножко дальше, нашел труп вепря. Он изрубил его мечом своим, говоря:

— Гяур, гяур, это ты так расправился с ними!

В тот же час он повернул обратно домой, чтобы проведать своих гостей. Прибыл поспешно домой и спрашивает мать свою:

— Куда девались наши гости?

Мать ответила ему, что она отправила их с почетом, как требует обычай.

— В таком случае, мать моя,— сказал он,— я иду на охоту.

Он выехал из дому и пустил коня своего вскачь. Доехал до того кургана, в котором он похоронил человека и коня, но сам забыл об этом; он спешился, прилег на этом кургане и произнес:

— Оф, оф, как я устал!

Из кургана к нему выскочил человек, которого он похоронил, и спрашивает его:

33 Заказ 2079

— Что с тобой, мой гость? Что тебя тревожит?

— Ничего особенного не тревожит меня,— сказал ему бедняк,— но хан увозит мою невесту, и я спешу за ним в погоню.

— Не падай духом и не бойся! — говорит ему человек.— Подожди меня тут немножко!

Он зашел обратно в курган и оседлал того коня, вместе с которым бедняк его похоронил. Вышел к нему обратно во всем своем снаряжении: с мечом, с ружьем, вскочил на коня и сказал бедняку:

— Едем, и я тебе — товарищ!

Едут они, едут, и застал их в степи неурочный час. Они смотрят вперед и видят вдали свет. Тот человек говорит бедняку:

— Что это за свет? Мы гонимся за ним, а он удаляется от нас. Если твой конь не лишен удали, то гони-ка его, и, может быть, мы его нагоним.

Бедняк погнался за этим светом на своем коне и догнал его. Оказалось, что это был тот хан, который похитил его невесту и увозил ее в арбе. Хан на этом месте устроил ночлег, задержал там и войска свои, и скотину.

Бедняк спешился и занял место несколько ниже хана. Тем временем нагнал его товарищ и спрашивает бедняка:

— Кто они такие, что за люди?

— Это тот самый хан, который похитил у меня мою невесту,— объяснил ему бедняк.— Он захватил с собой и скотину жителей села хана, отца моей невесты, гонит ее с собой.

Товарищ его сказал ему:

— Иди и обратись к хану так: «Ты везешь себе жену, и я буду тебе благодарен, если ты подаришь мне козленка или годовалого барашка».

Хан в ответ приказал своим войскам:

— Ведите их сюда, и я прикажу отрубить им головы!

Бедняк вернулся обратно, и товарищ его спросил:

— Что хан тебе ответил?

— Хан приказал своим войскам: «Ведите их, и я прикажу отрубить им головы».

Товарищ опять посылает его к хану:

— Иди и передай ему: «Ты не дал нам ни козленка, ни годовалого барашка, но мы будем благодарны, если ты нам дашь быка и буйвола».

Когда бедняк вернулся от хана, то товарищ его спросил:

— Какой ответ тебе дал хан?

Бедняк ему ответил:

— Он не дает ни быка, ни буйвола; он приказал своим войскам: «Ведите их ко мне, и я велю отрубить им головы».

Товарищ еще раз посылает бедняка к хану сказать:

— Ни быка, ни буйвола ты не даешь, поэтому мы испытаем на тебе свое счастье; нас два человека.

Хан им ответил:

— Если вы намереваетесь сразиться со мной, то я готов хоть сейчас!

Бедняк вернулся обратно и передал ответ хана своему товарищу. Тот сказал ему:

— Ложись пока спать, а завтра с рассветом увидимся друг с другом.

Бедняк и его товарищ на ночь легли спать. Когда рассвело, товарищ бедняка вскочил и оседлал своего коня. Хан в тот же час построил свои войска в ряды. А бедняк еще не проснулся, продолжал спать. Товарищ его ударил своего коня плетью; от свиста этой плети бедняк испуганно вскочил и сразу же схватил свое ружье.

— Не стреляй, не стреляй в меня! — говорит ему его товарищ.— Это я. Я хотел испытать тебя, узнать, с каким намерением ты выехал, и поэтому напугал тебя. А теперь,— сказал он,— хан построил свои войска в боевом порядке; следи за мной: как я буду играть, так будешь играть и ты!

Товарищ бедняка пустил своего коня между двумя рядами; он проехал вниз, кося один ряд, а другой ряд скосил, проехав вверх. После этого он обращается к бедняку:

— Ну, теперь действуй ты, как сможешь, моя рука уже устала!

— В таком случае следи и за мной! — сказал бедняк и тоже проехал по одной улице вниз, кося ее, а другую скосил, проехав вверх.

Они перебили войска хана, и остался в живых только сам хан. Товарищ бедняка говорит ему:

— Освободи девушку, чтобы твоя душа осталась живой!

Хан не захотел отпустить девушку, и тогда они зарезали его на том же месте.

После этого бедняк и его товарищ повернули обратно к себе, захватив коней и доспехи убитого хана и его войска, скотину са-

мого хана, а также скотину, захваченную им у жителей села отца невесты.

Когда они доехали до кургана, в котором бедняк похоронил своего товарища, то они сошли с коней, и товарищ сказал бедняку:

— Езжай прямо по этой дороге, не сворачивай с нее нигде в сторону, иначе тебя ожидает гибель.

Они поблагодарили друг друга. Бедняк направился со своей невестой в село своего тестя вместе со скотиной и прочим имуществом, а товарищ его скрылся в кургане.

Несколько отдалившись от кургана, бедняк остановил скотину, которую гнал с собой, и сам себе сказал:

— Как это я не спросил имени у того, кто оказал мне такую помощь, кто вместе со своим конем перенес из-за меня столько трудностей? Кто он такой?

На своем коне бедняк собрал свою скотину в одно место, и конь окружил ее железной оградой, затем бедняк повернул обратно к кургану, в котором скрылся его товарищ, и там сошел с коня:

— Оф, оф,— сказал он, и товарищ быстро выскочил из кургана. Тогда бедняк говорит ему:

— Да не будет тебе неприятно, но я возвратился обратно к тебе, который вместе с конем перенес из-за меня столько трудностей и оказал мне такую большую помощь. Однако я не знаю кто ты?

А тот ему ответил:

— Не я тебе помог, а ты мне. Меня убил проклятый вепрь; он убил и коня моего, и борзых собак, а ты похоронил нас с честью. Я — Барастур, владыка загробного мира. А теперь уезжай к себе. Ты предупрежден, что не должен сворачивать с дороги. Но если ты где-нибудь все-таки свернешь в сторону, то мои борзые спасут тебя от одной беды. Когда же ты успокоишься от своих дел, то поезжай в мой дом и моим маленьким ножиком с черной рукояткой, который засунут с тыльной стороны моего кинжала, заколи рыжего барана, которого я откармливал семь лет, предварительно посвятив его мне. А после этого посвяти мне мою жену и зарежь ее этим же ножиком. Красивее моей жены нет женщины на свете, и ты возьмешь на себя грех, если возжелаешь ее.

Бедняк уехал от него. Выпустил он свою скотину и гонит ее, гонит впереди себя по дороге.

Он доехал до смежной дороги, и до слуха его донесся надрывный плач ребенка.

— Хотя я и предупрежден, что нельзя сворачивать,— сказал бедняк,— но все-таки я не могу не узнать, что это за плач такой.

И он опять собрал свою скотину в один круг, а конь его заключил ее в железную ограду. Затем он верхом направился туда, откуда слышался надрывный плач. Он увидел, что ребенок зашел в складку между двумя горами и плакал там. Бедняк решил, что не может оставить ребенка, спешился и полез туда, а гора замкнулась за ним, как на замок. Ребенок, который надрывно плакал, превратился в женщину, и она сказала бедняку:

— Я умираю с голоду, а теперь я насыщу себя!

— Бравая женщина, не ешь меня,— говорит ей бедняк.— Я как гость твой нахожусь под твоим покровительством.

Они схватились, и, когда бедняку стало невмоготу, он вспомнил о борзых собаках и говорит:

— Я надеялся, что в трудный час вы выручите меня, потому я и трудился, когда убирал ваши трупы.

Две борзые собаки оказались там и принялись грызть гору своими зубами, но не смогли ее прогрызть.

Бедняка охватил страх за свою жизнь, он говорит:

— Конь саулохской породы, я надеялся на твою помощь в трудный час, потому я и потрудился, предал земле твой труп!

Конь-саулох в один миг очутился там; он стал бить гору своими булатными копытами и проделал в горе две маленькие дырочки. Две борзые собаки заскочили в эти дырочки и набросились на женщину, стали рвать ей пятки. Они перегрызли сухожилия ее пяток, и она присела. Тогда бедняк зарезал ее. Затем он вскочил на своего коня и поехал дальше, а конь саулохской породы и борзые собаки вернулись обратно в курган.

Пригнал бедняк свою скотину и добычу в село хана, отца своей невесты, и, когда рассвело, приказал сказать ему:

— Ничего больше не бойся! Вот я пригнал обратно и твою скотину, и добычу, доставшуюся от разбитого хана; все это находится у тебя во дворе!

Хан и бедняк поблагодарили друг друга, и бедняк увел ханскую дочь к себе, на ту сторону моря, в жены. Стали они жить вместе.

Прошло около месяца, и бедняк сказал:

34 Заказ 2079

— Поеду проведаю своего товарища и исполню его поручение.

Он заехал в дом своего товарища в неурочное время; видит: и дом, и двор, и сарай наполнились светом. Он привязал коня своего к коновязи, подошел к дому, посмотрел в окно и видит: передняя часть шеи жены его товарища раскрылась, и свет, исходящий от шеи, освещает всю комнату.

Он зашел в комнату. Жена товарища готовила чурек, и бедняк ей сказал:

— Приготовь четыре чурека, как это положено по покойницкому обычаю.

Она испекла четыре чурека.

— Муж твой был моим приятелем,— сказал бедняк жене своего товарища,— и я должен посвятить ему вашего рыжего барана. Вынеси мне его маленький ножик с черной рукояткой, который воткнут с тыльной стороны его большого кинжала.

Она вынесла ножик, и он посвятил своему товарищу Барастуру и рыжего барана, и чуреки.

Сколько смогли съесть гость и сама хозяйка?

Жена Барастура постелила бедняку в хадзаре, а сама легла спать в своей спальне.

Когда жена Барастура заснула, то передняя часть ее шеи опять раскрылась, и от нее заструился свет. Бедняк встал, подошел к ней с ножиком, положил его на ее горло и сказал:

— Да будешь ты посвящена Барастуру!

Он не сдержался, поцеловал ее и быстро перерезал ей горло.

То место, где он коснулся ее губами, почернело, как бок котла от сажи. Сам же бедняк немедленно выехал обратно к себе.

Когда он приехал домой, то заснул и во сне видел Барастура загробного мира.

Утром он рассказал про свой сон жене, сказав ей:

— Я совершил большой грех, который зачтется мне ко дню страшного суда.

— Чем ты согрешил? — спрашивает его жена.

Он ей ответил:

— Я зарезал жену Барастура по его просьбе, но не сдержался, и там, где я коснулся ее губами, губы ее почернели, и он не допустил ее к себе. До тех пор пока не сойдет чернота с ее губ, Барастур велел ей быть в аду!

122. Безрукая девушка

В нартском селе жили бедные старик и старуха. Старик занимался охотой, и они существовали и счастливо жили на то, что он добывал охотой и приносил домой.

Однажды старик со своей кремневкой за плечами направился на охоту по улице нартского села. Нартская необузданная молодежь, не посчитавшись со старостью охотника, стала издеваться над ним: они сорвали кремневку с его плеч и принялись бить ее о камни. Старик-охотник вернулся обратно домой, проливая слезы, и говорит своей жене:

— Нам нельзя больше жить среди необузданной нартской молодежи. Собери наши вещи и уедем куда-нибудь на погибель своей головы.

Старуха собрала вещи, старик вскинул на плечи свою кремневку, засунул за пояс топор, и они вышли в путь-дорогу. Сколько времени они шли, кто знает, и заметили они вдали на берегу моря необычайно большое дерево. Это дерево стояло над обрывом, наклонившись к морю. Они подошли к нему; старик-охотник вытащил из-за пояса топор и стал рубить дерево. Дерево стало трещать. Когда старик значительно подрубил его, оно наклонилось к морю и повисло над высоким обрывом, окунув свои большие ветви в морскую воду.

— Теперь полезай на дерево, чтобы найти свою гибель в море! — говорит старик-охотник своей жене.

Старуха полезла на дерево вместе со своими вещами; полез на него и старик-охотник, неся за плечами свою кремневку. Он обрубил топором остатки корней, которыми дерево еще держалось, и они вместе с деревом упали в море. Море отнесло большое дерево далеко-далеко от берега; так их застигла ночь. А в полночь поднялась буря. Она носила их до рассвета по морю, затем их выбросило на какой-то остров.

Старик и старуха спустились с дерева на остров, побродили по нему, чтобы выяснить, в какую местность они попали. Они обошли остров и не нашли на нем жителей, а дичи там было в изобилии. Они решили, что остров пригоден для жизни и что они смогут прокормиться мясом даже одной дичи. Они построили себе шалаш и обосновались на острове.

— Приготовь-ка три лепешки, а я помолюсь богу. Молитва моя доходчива,— говорит однажды жене старик охотник.

Она приготовила три лепешки и поставила их перед ним. Старик-охотник приступил к молению:

— О бог богов, бог мой! Мы — старики, и не лиши нас потомства, не погуби нашего имени!

Старик охотился, и они кормились дичиной. А тем временем родились у них мальчик и девочка. Старик и старуха радовались, что кто-то продолжит их род, будет носить их имя, что они избежали произвола нартской необузданной молодежи. Они кормили и детей своих дичиной, и дети быстро подросли.

Тем временем старик заболел; он призвал к себе сына и сказал ему:

— Я прошу тебя об одном: не женись до тех пор, пока не выдашь сестру свою замуж. Если же ты задумаешь во что бы то ни стало жениться, то не женись на синеглазой и рыжей девушке.

Старик умер, а затем заболела и мать-старуха; она призвала к себе дочь свою и сказала ей:

— Поручаю тебе одно дело, не забудь его, ты должна исполнить мое завещание: пока ты не выйдешь замуж, не разрешай брату своему жениться; если же в конце концов не останется иного выхода, то не разрешай ему жениться на синеглазой и рыжей девушке.

И мать их умерла. Сын и дочь погоревали, а затем сын, молодой человек, взял кремневку своего отца и отправился на охоту.

Он побродил некоторое время и пригнал впереди себя домой дикого жеребенка, волка и медведя. Сестра выбежала к нему навстречу и радовалась, что теперь они с братом достаточно обеспечены дичиной и будут жить без нужды.

Однажды брат говорит сестре:

— Я хочу проведать родину своего отца.

Сестра была против намерения брата; она вспомнила завещание своей матери, испугалась, что с ним случится то, о чем мать ее предупреждала. Но сердце сестры уступчиво в отношении брата.

— Отправляйся,— сказала она ему,— а за меня не беспокойся!

Молодой человек быстро оседлал своего дикого жеребенка, вскинул на плечо кремневку своего отца, вскочил на коня, разгорячил его. Тот одним скачком бросился в море и тотчас выпрыгнул на другом берегу.

Ехал он, ехал и прибыл в нартское село, на родину своего отца. Красуясь на своем коне, он проезжал по улицам нартского села. Нартская молодежь выскочила ему навстречу. Завели его в дом, где была свадьба. Там были большие танцы, и, когда принялись за общий танец, сердце молодого человека екнуло при виде одной синеглазой, рыжей девушки. Он взялся за ее руку, чтобы пройтись с ней в общем танце. Девушке молодой человек тоже понравился, и таким образом они почувствовали душевное расположение друг к другу. Нартская молодежь пообещала ему, что девушка будет его, но он вспомнил завещание отца, и его охватила печаль.

Когда танцы окончились, молодой человек вскочил на своего коня и отправился домой. Сестра поджидала его, сидя на третьем этаже дома своего, и, когда заметила, что брат возвращается печальный, с поднятыми плечами и поникшей головой, она поняла, что с ним случилась какая-то беда, что в нартском селе, наверное, ему понравилась какая-то девушка. Она с улыбкой выбежала к нему навстречу во двор и говорит ему:

— Что с тобой, брат мой? Кто-нибудь оскорбил тебя? Если тебе в нартском селе понравилась какая-либо девушка, то я беру на себя грех нарушить завещания отца и матери наших, а ты поступай по своему желанию!

На сердце молодого человека стало светлее.

Прошло некоторое время, а затем молодой человек снарядился, подготовил коня своего и отправился в нартское село сватать себе невесту. Он красовался на своем диком жеребце, так что нартская молодежь со всех сторон сбегалась любоваться им. Он заехал в дом той девушки, которая ему понравилась. Сейчас же его окружила нартская молодежь. Он ей открыл свое намерение. Предложение его было принято, девушка была просватана за него. Молодой человек доставил ее к себе домой. Сестра опять радостно выбежала навстречу, и, когда увидела вместе с ним синеглазую, рыжую девушку, она вспомнила завещания матери и отца и сказала про себя:

— Этого-то я как раз и боялась!

Но сердце сестры уступчиво в отношении брата, и она радостно встретила их.

Стали они жить и поживать. Молодой человек охотился и вдоволь кормил их дичиной.

Прошло значительное время, и невестка стала злиться на золовку, сестру своего мужа. Она решила погубить ее и начала

натравливать мужа на нее. А тем временем у них родился мальчик.

Однажды она, чтобы сильнее натравить брата на сестру, перед возвращением мужа с охоты задушила веревкой его ручного медведя. Молодой человек вернулся вечером домой с охоты и спрашивает жену:

— Что случилось с моим медведем?

А она ему ответила:

— Его задушила вон твоя дорогая сестра!

Молодой человек нисколько не изменил отношения к своей сестре. Он был с ней приветлив, как будто бы ничего и не случилось. Когда он отправился на охоту второй раз, жена задушила веревкой ручного его волка. Молодой человек вернулся с охоты, застал своего волка мертвым и опять спрашивает свою жену:

— Что случилось с моим волком?

— Вон твоя сестра задушила его,— ответила та.

И на этот раз молодой человек не рассердился на сестру, был даже еще более приветлив с ней.

Когда молодой человек отправился на охоту в третий раз, то жена до его возвращения задушила веревкой его любимого дикого жеребенка. Вернувшись с охоты и увидев своего жеребенка мертвым, он опечалился и опять спрашивает жену:

— Что случилось с моим жеребенком?

— Его задушила вон твоя дорогая сестра,— ответила та.

Молодой человек и на этот раз не изменил своего отношения к сестре, стал с ней приветлив больше прежнего.

Жена не знала, какое еще средство найти для того, чтобы сильнее натравить мужа на сестру. Когда муж отправился в четвертый раз на охоту, то синеглазая, рыжая его жена веревкой задушила в люльке единственного своего сына; лицо у ребенка посинело.

— Неужели он и теперь не озлобится на сестру,— говорила она про себя,— и я не смогу натравить его на нее?

Муж вернулся с охоты и застал единственного своего ребенка мертвым, с почерневшим лицом. Он заплакал крупными слезами и, обращаясь к жене, спрашивает:

— Что случилось с единственным моим ребенком?

— Его убила вон твоя дорогая сестра,— ответила она ему.

До этого времени он не верил своей жене, а на этот раз по-

верил. Теперь он был убежден, что сестра питает к нему в сердце своем ненависть. Он приказал своему работнику:

— Завтра я отправляюсь на охоту в дремучий лес...— (он указал ему определенное место).— Отвези туда мою сестру. Если к этому времени я покажусь, то хорошо, а не то — отрежь ей руки до плеча, и затем прикончишь ее в лесу.

Утром он ушел на охоту, а работник передал девушке приказ брата.

— Я согласна,— сказала она,— раз брат мой находит это необходимым, достойным себя.

Работник отвез девушку в дремучий лес, туда, куда ему указал хозяин, и, так как тот не показался к указанному времени, он отрезал девушке руки до плеч и в таком положении бросил ее там.

Девушка долго с плачем бродила по лесу, а затем нашла дуплистое дерево и залезла в дупло. Днем она собирала ежевику и этим питалась, а на ночь залезала в дупло дерева.

Сколько прошло времени, кто знает, а затем ее раны зажили, и она стала жить в лесу. Дупло дерева было ее домом, а ежевика — ее пищей.

Однажды сын хана со своим отрядом выступил из нартского села в дремучий лес на охоту. Он забрался со своим отрядом в глубину леса; охотничьи собаки окружили дерево, в дупле которого скрылась девушка, и подняли лай.

Сын хана приказывает своему отряду:

— Обложите дерево кругом, в этом дупле кто-то скрылся, неспроста собаки окружили его.

А девушка из дупла говорит им:

— Я — не зверь и не шайтан, я — богом созданный человек.

Когда безрукая девушка невиданной красоты и стройности вылезла из дупла, сын хана пришел в восторг. Он послал домой за одеждой для нее; когда ее одели, то она оказалась еще стройнее и прекраснее.

От восторга сын хана не стал продолжать охоту, а вернулся домой вместе с безрукой девушкой. Она стала жить в доме хана.

Сколько времени прошло, кому это ведомо, и хан решил женить своего сына. Когда ему это стало известно, он заявил своему отцу:

— Если ты хочешь меня женить, то мне никого не надо, кроме безрукой девушки, которую я сам нашел.

Хан этого не хотел, но другого выхода не было, и он согла-

сился. Подослали к девушке сватать ее, но она не давала согласия.

— Как это так? — говорила она.— Как это возможно? Ведь я его считаю своим братом, а хана и его жену — отцом и матерью.

Сын хана сам подослал к безрукой девушке сватов. Девушка долго размышляла и дала согласие. Он женился на ней.

Через какое-то время девушка почувствовала себя в положении.

Тем временем в страну хана вторглись войска некоего царя, и ханский сын со своими войсками отправился на войну. Когда он уехал, у безрукой его жены родился мальчик. Радости хана и его жены не было границ; они быстро снарядили вестника и послали его к сыну. На ночлег бог привел вестника в дом брата безрукой.

Синеглазая, рыжая жена брата безрукой порасспросила вестника обо всем и догадалась, что речь идет о сестре мужа; узнала она и о том, с какой вестью едет вестник. Она быстро приготовила еду и питье, изрядно его угостила и, когда он заснул, взяла его письмо. Она узнала, кому было письмо и что в нем сообщалось; спрятала это письмо, а сама от имени хана написала другое: «У твоей безрукой жены родилась змея. Что с ней делать?» Письмо она положила в карман вестника.

Рано утром вестник встал и направился по своей дороге. Сколько времени он ехал, неведомо; наконец доехал он до ханского сына и отдал ему письмо.

Тот быстро прочитал письмо и отправил отцу и матери такой ответ: «Кто бы ни родился у меня, сохраните его до моего возвращения!».

Вестник с этим письмом выехал обратно к хану. По дороге он опять заночевал в доме брата безрукой. Жена брата опять напоила вестника и, когда он заснул, прочитала ответное письмо. Она спрятала его, а на его место положила другое письмо такого содержания: «Сделайте так, чтобы я больше не видел дома свою безрукую жену. Она привыкла жить в дремучем лесу; отправьте ее туда и бросьте там!»

Вестник прибыл обратно к хану и подал ему и жене это письмо. Прочитав письмо, хан с женой стали плакать. Безрукая услышала их плач, подумала, что что-то случилось с их сыном, и вбежала к ним. Письмо это огорчило хана и его жену, потому что безрукая была хорошая женщина и им не хотелось расста-

ваться с ней; но не выполнить того, что написал сын, они не могли. Безрукая увидела письмо на столе, взяла его самовольно, быстро прочитала, а потом сказала хану и его жене:

— Не сокрушайтесь и не убивайтесь! Я была жалкая и буду жалкой. Раз сын ваш написал вам, что я ему больше не нужна, отошлите меня в дремучий лес, и я буду там проводить свои тяжкие дни.

Хан и его жена приказали одному из своих слуг запрячь арбу и отвезти ее с сыном в дремучий лес. Слуга завез ее в самую чащу, и она осталась там с сыном плача и рыдая.

Наступила первая ночь. В полночь прошел такой проливной дождь, что реки потекли по ущельям с грохотом и шумом. Разлившаяся вода дошла до безрукой матери и унесла у нее ребенка. Она побежала было за ним, но у нее не было рук, и она не знала, чем ей схватить сына. Она бросилась за ним, чтобы схватить его зубами, но не смогла его поймать; бросилась еще раз, но опять не смогла за него ухватиться. Так она промучилась долго, намокла и измазалась вся; затем она поднялась на берег и стала плакать навзрыд. От плача ее волки разбегались в разные стороны, а дремучий лес дрожал.

В это время явился к ней какой-то всадник и спрашивает ее:

— Добрая женщина, вода ведь уносит твоего ребенка, почему же ты его не ловишь?

— Я поймала бы его,— отвечает она,— но у меня нет рук.

— Беги,— говорит ей Уасгерги,— попробуй еще раз, может быть, и поймаешь его.

Безрукая опять побежала за ребенком, и, когда она добежала до него, у нее оказались руки; она поймала ребенка и вытащила его из воды. В восторге она не знала, как и благодарить Уасгерги.

А Уасгерги говорит ей:

— Эти испытания назначены тебе богом за то, что ты не исполнила завещания своих родителей, за то, что ты сказала своему брату, чтобы он удовлетворил свое желание, а грех нарушения завещания родителей ты взяла на себя. Село твоего брата разрослось, стало таким, как нартское село. Иди туда; пройдешь по улицам и будешь кричать, предлагая себя в работницы, а дальше будет то, что угодно богу.

Она поступила, как ей наказал Уасгерги. Со своим ребенком на руках она явилась в село брата и закричала:

— Кто меня наймет?

Синеглазая, рыжая жена брата позвала ее и сказала ей:
— Мы наймем тебя.

Она поступила к ним. Жена брата ее не узнала. Как она могла узнать ее? Она знала ее как безрукую; кроме того, она выглядела сейчас лучше прежнего.

Она делала работу по дому, а ребенка своего держала в яслях. Так она растила его. А в комнаты его не допускали.

Сколько времени прошло, кто это знает; наконец война закончилась, и сын хана вместе со своими войсками стал возвращаться обратно к себе. Случилось ему заночевать со своими войсками в этом селе.

Он увидел работницу и про себя подумал: «Она похожа на мою жену, но та была безрукая, а у этой есть руки».

Та тоже не показывала ему своего лица, но сновала мимо него то в одну, то в другую сторону.

Сын хана изрядно пообедал вместе со своими войсками, а затем говорит своим товарищам:

— Кто может рассказать мне новое сказание?

Все молчали. Тогда безрукая говорит:

— Я вам расскажу новую удивительную историю.

Синеглазая, рыжая женщина ей говорит:

— Почему ты не знаешь своего места? Ты работница — и работай, а здесь тебе никакого дела нет.

Она тоже замолчала, ничего больше не сказала.

Но сердце ханского сына было встревожено, и он сказал:

— Выслушаем ее, что за новую историю она нам расскажет.

Синеглазая, рыжая не стала возражать, и та начала:

— В таком случае послушайте меня. Я и брат мой после смерти родителей остались сиротами,— и дальше она рассказала о том, как отец и мать оставили завещание, как они его не выполнили, как она разрешила брату жениться, как ее самоё отвезли в дремучий лес, как отрезали у нее руки, как нашел ее сын хана и как он женился на ней, как он ушел на войну, как у нее родился сын; так она все рассказала с самого начала и до этого дня.

А перед тем как рассказывать сказание, она велела поставить перед ними накрытый стол и взяла с них такое слово:

— Кто скажет: «Не так было»,— тот должен положить на стол тысячу рублей деньгами.

Синеглазая, рыжая женщина то и дело перебивала ее словами: «Не так было»,— и каждый раз клала на стол тысячу

рублей. Когда девушка рассказала о том, как хан и жена его написали своему сыну, что у него родился сын, и как тот ответил, чтобы жену его с ребенком отвезли в лес и бросили там, то сын хана не смог сдержаться и сказал: «Не так было». И он тоже положил на стол тысячу рублей.

Она окончила свое повествование и сказала:

— А теперь вот он — мой брат, а вот она — та, синеглазая, рыжая жена моего брата, которую мы боялись, ты, сын хана, мой муж, а вот в яслях находится твой мальчик.

Сын хана, а затем брат девушки в один голос воскликнули:

— Приведите быстро неука и привяжите ее к его хвосту!

Привели неука, привязали синеглазую, рыжую женщину к его хвосту, и неук разнес ее по камням и лесам на мелкие куски. А сын хана с женой и сыном вернулся в дом отца своего, и до сегодняшнего дня они живут благополучно.

123. Сын восточного алдара

Жили-были два алдара. Они были ардхуардами. Один жил в восточной стороне, а другой — в западной. У восточного алдара детей не было. Наконец жена его понесла. В это время западный алдар оказался у него, и они оба порадовались, что жена восточного алдара в положении. Гость провел у восточного алдара несколько дней и, уезжая домой, просил своего названого брата, чтобы тот поставил его в известность, кто у него родится.

Жене восточного алдара наступило время разрешиться от бремени, и она родила медвежонка.

— Сообщи названому брату, что у тебя родился медвежонок, ведь он просил об этом,— напоминали алдару его ближние.

А алдар отвечал им:

— Лучше убейте меня, чем я сообщу ему, что у меня родился медвежонок.

Но ближние восточного алдара все-таки настояли на своем, и он известил западного алдара, что у него родился медвежонок. Тот не замедлил прибыть к нему и поздравить его:

— Да живет твой новорожденный долго! — сказал он.

А восточный алдар сказал:

— Лучше бы мне умереть, чем пережить молву о том, что у меня родился медвежонок!

— Почему так говоришь? — говорит ему западный алдар.— Все хорошо, что бог дает. Пойду-ка посмотрю твоего новорожденного.

Он зашел к нему в комнату, и медвежонок приветствует его:

— Здравствуй, ардхуард моего отца!

А потом он прошептал западному алдару на ухо:

— Хотелось бы сказать тебе одно слово: я хочу жениться.

Удивленный алдар говорит про себя:

— Боже, хвала тебе! Все хорошо, что угодно богу!

А затем он ответил медвежонку:

— Ладно!

Он вышел из комнаты, подошел к восточному алдару, и тот спрашивает его:

— Ну, как ты на это смотришь?

Западный алдар говорит ему:

— Все обстоит хорошо, но только скажу тебе одну вещь: необходимо женить его.

Восточный алдар очень оскорбился и сказал ему:

— Ты хочешь обесславить меня в глазах всего народа!

— Непременно надо это сделать,— говорит ему западный алдар.

— Ладно,— сказал восточный алдар,— поступай, как хочешь; я тебе уже не советчик.

Западный алдар оседлал своего коня, приказал оседлать коня и для медвежонка. Когда западный алдар садился на коня, медвежонок подскочил, подержал его стремя, подсадил его и сам тоже одним прыжком сел на своего коня. Они посоветовались между собой и направились к одному богатому алдару, у которого была дочь-красавица. За нее сватались многие, но отец ни за кого ее не выдавал. Они прибыли к этому алдару и спешились около его коновязи. Привязали своих коней. Алдар вышел к ним и пригласил войти в кунацкую. Они зашли туда. По приказу алдара им вынесли угощение ни финге. Западный алдар не притрагивается к пище; медвежонок же стоит в стороне от них.

Алдар спрашивает западного алдара:

— Почему ты не притрагиваешься к угощению?

— Я притронусь к угощению только в том случае, если вы решите дело, ради которого я приехал,— отвечает западный алдар.— Вот этот медвежонок, который приехал со мной,— сын равного нам алдара, и я приехал сватать за него невесту. Если

вы ответите мне согласием, то я притронусь к угощению, ведь мы сюда приехали не ради угощения.

Алдар отвечает своим гостям:

— Ее сватали многие, но ни за кого я ее не выдал. Если теперь эта весть дойдет до моей дочери, то она покончит с собой.

Он отказал им, не выдал свою дочь за медвежонка.

А в другом месте у семи братьев была сестра-красавица. Отец их был тоже алдаром. Западный алдар и медвежонок направились к ним. Приехали, привязали своих коней к коновязи. К ним вышел один из братьев, приглашает в кунацкую, а западный алдар ему говорит:

— В кунацкую мы войдем, если вы нам дадите то, что мы просим.

Один из семи братьев, хозяин дома, отвечает им:

— Зайдем в кунацкую и там поговорим.

Он завел их в кунацкую. Пока они вели разговор, приготовили угощение, поставили его перед ними на столике; но сват-алдар к угощению не притрагивается. А медвежонок соблюдает обычай и прислуживает им.

— Вот он,— сказал западный алдар,— хотя и медвежонок, но он — сын алдара. Я прибыл к вам за невестой. Если вы выдадите за него свою сестру, я притронусь к еде; мы сюда приехали не за угощением.

А в это время девушка стоит за дверью и прислушивается к их разговору.

Фусун отвечает своему гостю:

— Если о нас пройдет молва, что семь братьев выдали свою единственную сестру за медвежонка, то нам нельзя будет больше показаться на людях.

А тем временем подошли и другие братья, и они тоже не дали согласия.

Девушка вызвала своих братьев из кунацкой и говорит им:

— Пусть меня унесет река, это будет лучше, чем если о вас пойдет молва, что гость ваш даже не притронулся к вашему угощению. Сочтите лучше меня за покойную, но отказ не достоин вас. Я согласна, чтобы вы меня выдали.

Братья в удивлении переглянулись между собой, посовещались друг с другом и сказали:

— Если она сама этого хочет, то и грех на ней самой. Наверное, ей не суждено было лучшего счастья.

Там же состоялся сговор. Тогда западный алдар притронул-

ся и к угощению; семь братьев очень хорошо угостили алдара-свата и медвежонка, своего нового зятя. Они сидели за фингом столько, сколько полагалось по обычаю. Решено было, чтобы свадьба состоялась теперь же.

Западный алдар посадил медвежонка на коня и наказал ему:

— Езжай домой и сообщи, что невеста сосватана и свадьба назначена теперь же. Соберите киндзхонов и сопровождающих невесту женщин и приезжайте в полной готовности!

Медвежонок выехал, нанес удары своему коню и прибыл домой. Его спросили, как его дела, и он сказал:

— За меня выдали единственную сестру семи братьев, сговор состоялся, и ардхуард моего отца прислал меня, чтобы я быстро вернулся обратно в дом семи братьев вместе с киндзхонами и сопровождающими невесту женщинами. Сам он дожидается меня там.

Снарядили четырехколесные повозки. Киндзхоны и сопровождающие невесту женщины выехали и прибыли в дом семи братьев. Там уже приготовили яства и напитки. Они сошли с повозок. Посадили их за столы, угощали три дня и три ночи, а после этого отправили их в путь-дорогу. Прибыли они к себе. Там вышли им навстречу, радостно приветствовали их; невесту завели в ее комнату, и киндзхоны разошлись.

Наступил вечер. Люди легли спать. Медвежонок зашел в комнату к своей невесте.

Как только рассвело, девушки, соревнуясь друг с другом, сбежались к комнате, где находились жених и невеста. Они были уверены, что медвежонок съел девушку, но застали ее веселой.

Наступил второй вечер. Медвежонок зашел в комнату, а утром опять удалился оттуда. Девушки снова сбежались туда, чтобы узнать, что случилось с невестой, и застали ее еще более веселой.

В хадзаре девушек спросили:

— Ну как она? Как обстоит дело?

Девушки говорят:

— Мы ничего чудеснее этого не видели! Невеста расцвела, выглядит веселой.

Так стали жить медвежонок и единственная сестра семи братьев.

А однажды некая женщина спросила знахарку:

— Что это за диво? Девушка живет с медвежонком и расцветает, все больше и больше наливается телом!

— Э, добрая женщина! — говорит ей знахарка.— Он не медвежонок, это бог в наказание дал ему личину медведя, а так он — златокудрый молодой человек.

— А нельзя ли как-нибудь украсть его медвежью шкуру? — спрашивает ее женщина.

А знахарка говорит ей:

— Если ты похитишь его медвежью шкуру, он погибнет. Он снимает эту шкуру, ложась спать. Ты спрячься в их комнате, подожди, пока они заснут, выкради у него медвежью личину и сожги ее в печке.

Женщина так и поступила: бросила его медвежью личину в печь и сожгла ее.

Молодой человек тотчас проснулся и закричал:

— Кто-то сжег волосы на моей голове!

Стало рассветать, и он говорит своей жене:

— Сегодня я разлучаюсь с тобой, но, может быть, когда-нибудь ты получишь обо мне известие. Я ухожу на небо и превращусь в золотую птичку, и в таком виде через какое-то время я вернусь.

Это случилось в жаркий день. Пастух загнал своих овец в тень под деревом; смотрит вверх и видит на вершине очень красивую золотую птичку.

— Ах, если бы убить эту птичку! — проговорил он и принялся швырять в нее вверх камнями.

А птичка наблюдает за ним. Он не оставлял ее в покое, и она своим клювом ударила грушу; груша упала, попала пастуху в глаз, и он окривел. Пастух, держась пальцем за глаз, прибежал в село и распространил по селу весть:

— Я еще не видел такого дива! На вершине дерева сидела птичка такая красивая, что нет ей подобной. Я захотел ее убить и стал швырять в нее камнями. Тогда она клювом ударила грушу, груша попала мне в глаз, и я окривел.

Люди тогда стали ездить туда, чтобы посмотреть на птичку. Жена медвежонка тоже дала понять, что она хотела бы ее видеть.

— Если у тебя есть такое желание, то почему ты не идешь? — сказали ей.

И она поехала с подругами посмотреть на необыкновенную птичку. Они застали там много людей. Сошли со своих повозок.

Жена медвежонка отошла немного в сторону, будто она одна прогуливается взад и вперед.

Птичка слетела с дерева, села ей на плечо и говорит ей:

— Я нахожусь на небе в руках Фалвара, покровителя домашних животных, и если ты еще хочешь, чтобы я попал в твои руки, то сделай так, как я тебя научу. Заставь накосить очень много сена, столько, сколько только можно. Осень будет очень длинная и теплая, люди подумают, что сена им больше не понадобится, а ты скупи его столько, сколько будешь в состоянии. Затем наступит очень холодная зима. Скотина будет близка к падежу. Тогда Фалвара, покровитель домашних животных, явится к тебе и станет просить тебя, чтобы ты продала ему свое сено. Он будет давать тебе все, что ты захочешь: табуны коней, стада быков; но ты ничего от него не бери, а скажи ему: «У меня некому смотреть за моей собственной скотиной. Пусть твои табуны коней и стада быков остаются тебе на здоровье; лучше отдай мне одного из своих работников, больше мне от тебя ничего не нужно». А он тебе ответит: «Даю тебе того, кого ты пожелаешь». У него много работников, и он выстроит нас в ряд. Среди нас будут и очень нарядные, а я буду стоять у края с левой стороны в нищенском одеянии. Может быть, тебя прельстит кто-либо другой, но тогда ты ошибешься. Если же ты выберешь крайнего с левой стороны, то это буду я, и вот тогда ты меня заполучишь.

Фалвара, покровитель животных, назначил ей срок, сказав:

— Вот в такой-то день приходи!

До ее прихода он выстроил своих рабочих в ряд и сказал ей:

— Вот теперь выбери из них того, кого ты хочешь.

Жена медвежонка осмотрела рабочих, как будто она не знала своего мужа, и сказала Фалвара, покровителю животных:

— Этих добрых молодых людей жаль брать для ухода за скотиной, но,— она ухватилась за руку того, кто стоял с левой стороны крайний,— вот этого дай мне, и пусть все сено будет твоим.

Фалвара, покровитель животных, говорит ей:

— Да не будет бог доволен тобой! Все другие не стоят его одного!

Так муж и жена вернулись вдвоем к себе домой. Его медвежья личина-шкура с тех пор исчезла, и он стал златокудрым молодым человеком.

Восточный алдар устроил большой пир. Он послал приглаше-

ние западному алдару, и тот тоже приехал. Они попировали и стали жить да поживать; так они живут да поживают и сегодня.

Как мы из всего этого ничего не видели, так да не посетят нас ни напасти, ни болезни!

124. Страна бессмертия

В давнишние времена в одном селе горной Дигории, у подножия горы, жил некий человек. Он провел свою жизнь очень хорошо, ни в чем не испытывал никакого недостатка. Когда же жизнь его повернулась к старости, то ему не захотелось умирать; его взяло раздумье, и он решил про себя, что обязательно должен найти страну бессмертия.

Он снарядился в путь, как это положено страннику, и выступил в дорогу. Но он не знал, где находится эта страна бессмертия и какой дорогой туда можно попасть.

Идет он, идет и через какое-то время доходит до берега Черного моря. Остановился на берегу моря и говорит сам себе:

— Я и сам не знаю, куда мне нужно идти, не знаю и того, по какой дороге мне необходимо идти в страну бессмертия; а теперь еще дорогу мне преградило это море. Как я преодолею его, когда через него нет моста?!

В этот момент перед ним предстал незнакомый человек и говорит ему:

— Мост через море я для тебя переброшу, и ты перейдешь по нему на другой берег.

Действительно, через море оказался переброшен мост, и он очутился на другом берегу. Идет опять своей дорогой; идет и идет. Сколько он прошел, бог ведает, а потом вдали он заметил, что откуда-то льется свет. Он направился в сторону этого света и после долгого пути достиг его. Оказалось, что свет исходил из большого замка. Из замка к нему вышла девушка и приветствовала его:

— Да будет путь твой прямой, добрый человек!

— В какую сторону прямой путь,— отвечает он ей,— когда и сам я не знаю, куда мне нужно идти?

— Что же ты все-таки ищешь? — спрашивает его девушка.

— Что ищу? Страну бессмертия, и если ты знаешь, где она находится, то укажи мне ее, помоги мне!

— Заходи пока в замок, отдохни,— говорит ему девушка,— пусть пройдет твоя усталость, а затем и об этом посоветуемся.

Он зашел за девушкой в замок. Девушка приняла его очень хорошо; она превратила его в молодого человека; после этого они нашли общий язык и стали мужем и женой.

Не старея он дожил до столетнего возраста. Когда он прожил еще сто лет, то стал тосковать по родине и родному народу.

Девушка сказала ему:

— Не уходи никуда, оставайся здесь! Из тех, по ком ты тоскуешь, уже никого нет в живых.

Он прожил с девушкой еще сто лет и стал опять волноваться, вспоминать родину, родное село, родной народ. Девушка и на этот раз смогла удержать его. Прошло еще сто лет, а он оставался молодым, не старел.

Наконец он настойчиво заявил девушке, что обязательно должен вернуться на родину, в родное село, к родному народу:

— Я постоянно тоскую по ним,— сказал он девушке,— и жизнь моя меня уже не согревает.

Девушка долго-долго его убеждала, но не смогла его сломить. Когда она убедилась в том, что он уже не останется с нею, она дала ему два яблока и сказала:

— Никто того не знает, но, может быть, жизнь тебя доймет: вот тогда ты съешь одно из этих яблок. Когда же тебе станет еще труднее, то съешь и второе яблоко.

Он покинул девушку и направился обратно в родимую страну, к родному народу, в родное село. Сколько времени он был в пути, неведомо; наконец дошел он до родного села. Смотрит: нет ни села, ни жителей. Его охватило сильное волнение. Тогда он съел одно яблоко и в тот же миг превратился в старика, седая борода его доходила ему до колен. В родном его селе оставалась в живых одна старуха; он нашел ее, подошел к ней и спрашивает ее о жителях села.

— Ей, ей! — ответила она ему.— Здесь давно уже нет жителей!

Его опять охватило волнение, он съел второе яблоко и умер.

Вот тебе страна бессмертия: в мире ничего бессмертного нет!

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ, СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

Алдар — дворянин, господин, князь (в редких случаях).

Аллон-биллонский дух — в осетинских сказках выражение, подобное русскому «русский дух». Аланы — древние предки осетин.

Альчик — баранья подколенная косточка, бабка; игра в альчики — обычная игра мальчиков на льду.

Аманат — заложник. Царское правительство при завоевании Кавказа брало в качестве аманатов детей феодально-родовой верхушки народов Северного Кавказа.

Ана́ — мама, мать. Так обращались к матери или к другой женщине, чтобы снискать ее расположение.

Араби (яраби) — восклицание, выражающее просьбу, недоумение, удивление, возмущение (ср. русск. «О, боже мой!»).

Ардхуард (дигорское), ардхорд (иронское) — побратим.

Афсорк (диг.), афсург (ирон.) — особая порода сказочных коней.

Ахсарфамбал — кусок легкого или печени животного (мелкого или крупного рогатого), обернутый в сальник и поджаренный на вертеле. Ахсарфамбалы подаются в самом начале торжественных кувдов старшему за столом — в левую руку, в правую ему подают чашу пива или стакан араки, и произносит первый тост-моление.

Баба́ — дед, отец.

Балц (ирон.), балци (диг.) — отлучка из дому по какому-либо случаю. В прежнее время, например, только что женившийся молодой человек обязан был по адату после первой брачной ночи отправиться в годичный балц (отлучку, странствие). Слово «балц», кроме того, имеет значение «набег, поход, путешествие».

Барастур (диг.), Барастыр (ирон.) — по мифологическим представлениям осетинского народа, божество загробного, потустороннего мира.

Берекет (диг.), барагет (ирон.) — изобилие, материальный достаток.

Бодзо, бодзол (диг.), бодз (ирон.) — козел — вожак в отаре овец.

Бонганд (диг.) — пашня, вспахиваемая двумя быками за день.

Гогойна (диг.), гогон (ирон.) — большой медный кувшин для носки воды с длинным, узким горлышком.

Гул, зугул (диг.) — пирог овальной формы разной величины.
Дада́ — отец, дед.
Дала-фандур (диг.) — осетинский примитивный музыкальный инструмент с двумя струнами. На таком самодельном музыкальном инструменте играл народный певец-сказитель Д. Гатуев.
Далимон (ирон.), далуймон (диг.) — злой дух, обитатель подземного мира.
Дигория — западная часть СОАССР, охватывающая Дигорский и Ирафский р-ны, где сплошной массой проживают дигорцы, говорящие на осетино-дигорском языке. Кроме Дигории, или, как ее иногда называют, Западной Осетии, дигорцы проживают отдельными населенными пунктами в Моздокском р-не СОАССР и в Кабардино-Балкарской АССР.
Донбедтир (диг.) — по осетинской мифологии, владыка подводного мира.
Дзигло (ирон.), дзили (диг.) — название горной птички. В сказках великаны (уаиги) называют так попавшего к ним человека.
Дзыгка (ирон.), дзигка (диг.) — национальное блюдо, приготовляемое особым способом из свежего сыра и муки.
Залиаг калм (диг.), Зайраг калм (ирон.) — дракон, залийский или залиагский змий.
Зеу (диг.), зиу (ирон.) — совместная помощь кому-либо из членов крестьянского общества.
Казикумыки — одна из тюркоязычных народностей Дагестана.
Каис (ирон.), каййес (диг.) — дом или семейство жены, фамилия в целом, из которой происходит жена, свойственники, свойственник.
Кан (ирон.) — воспитанник в чужой семье.
Канты — древние предки вейнахов, т. е. чеченцев и ингушей.
Кардзин (диг.), кардзын (ирон.) — хлеб из кукурузной муки.
Киндзхон (диг.), чындзхассаг (ирон.) — поезжанин, вместе с другими приводящий с пением свадебных песен невесту из родительского дома в дом жениха.
Киндзахсавар (диг.), чындзахсав (ирон.) — пир в честь молодой в доме жениха.
Косарт, косарттаг (диг.), кусарт, кусарттаг (ирон.) — домашнее животное из мелкого или крупного рогатого скота, назначенное для заклания в торжественных случаях, а также в честь гостя или гостей.
Крымское ружье — кремневое оружие, пользовавшееся большой популярностью в старину.
Кувд — пир, пиршество по какому-либо случаю в частной или общественной жизни осетин. На кувдах садились и сейчас садятся по старшинству, как этого требует народный обычай. Старший за столом в то же время является тамадой и произносит тосты. Поведение человека, сидящего за осетинским столом, строго определено адатом.
Кударцы — южные осетины, проживающие в Кударском ущелье ЮОАО, входящей в состав ГССР.
Кулибадагус (ирон.), колибадагоса, касибадагоса (диг.) — знахарка, колдунья, ведунья; в сказках чаще всего выступает в образе одинокой бедной вдовы, старухи. В осетинских сказках она наделена мудростью и даром провидения. Она является то доброй,

то злой феей, но чаще всего творит добро и проявляет человечность в отношении героя, попавшего в беду, выручает его из затруднительного положения.

К у м г а н — кавказский медный кувшин, рукомойник с узким горлышком и носиком.

К у м и я к (диг.) — холоп, человек, рожденный наложницей феодала. В дигорской социальной лестнице занимал одно из низших мест. В иронском обществе ему соответствует кавдасард (букв. «рожденный в яслях»).

К у н а ц к а я — отдельное помещение для гостей. В прошлом кунацкая строилась у ворот или же в глубине двора, далеко от жилого дома. Кунацкая обычно состояла из одной комнаты с земляным полом, с нарами, покрытыми циновками и коврами, постельными принадлежностями; на одной из стен, кроме оружия, висел фандур.

К у р д а л а г о н — небесный кузнец. В осетинской мифологии он занимает видное место. На русский язык имя Курдалагон переводится «кузнец, разжигатель огня». Есть и другие объяснения происхождения этого имени.

К у т у, к у р т у — сплетенная из прутьев корзина различного размера и формы, в основном для хранения кукурузы в початках; зернохранилище.

М а ц у т а — местность и поселок в Дигорском ущелье (СОАССР).

Н а л у а ю г (диг.) — букв. «самец великан». Имя героя сказки, происходящего из фамилии Кантдзиевых.

Н а м а з — совокупность молитв и ритуальных действий, пятикратно совершаемых в течение дня. Намаз является обязанностью каждого верующего мусульманина.

Н а р т ы — легендарный народ, считаемый осетинами и адыгскими народами (адыгейцы, кабардинцы и черкесы) за своих предков. Нартский героический эпос известен у многих народов Северного Кавказа.

Н и в о н д (диг.), **н ы в о н д** (ирон.) — жертвенное животное, предназначенное к закланию во имя какого-либо представителя осетинского Олимпа или в честь какого-либо знаменательного семейного или общественного события.

Н и к к о л а (диг.) — по народным представлениям, христианский святой Никкола (Николай) является божеством. Почитается наряду с Уасгерги (Уастырджи).

Н и х а с (диг.), **н ы х а с** (ирон.) — место, где мужчины проводили свободное время, обсуждали и решали общественные и частные дела, слушали народных певцов и сказителей, проводили состязания в метании камней и т. д. В настоящее время нихас отошел в прошлое, уступив место клубу.

Р о н г (ирон.) — осетинское пиво особого приготовления. По преданиям, напиток нартов.

Р у й м о н (диг.) — дракон. С ним связан ряд народных поверий и сказаний о затмении луны.

С а й г и с г а р д (диг.) — букв. «посещение больного». По осетинскому обычаю, родственники и близкие должны были навещать больного (особенно тяжелобольного или болеющего длительное время); при-

35 Заказ 2079

чем, при первом посещении женщины приносили пироги, пиво или араку, вареную курицу или индейку.

Салам алейкум — букв. «Мир вам». Мусульманское приветствие, имеющее широкое хождение у народов Востока. Ответное приветствие «Алейкум салам» — «И вам мир». Коротко слово «салам» означает привет, пожелание мира.

Саулаг (диг.), саулаг (ирон.) — букв. «черный человек». Собственное имя. Слово имеет и другое значение: осетинские феодалы называли черным человеком всякого, кто был ниже их по происхождению.

Сих — шейх, старейшина, глава рода, религиозной общины; в осетинской сказке отшельник, праведник.

Стафыр аллах — букв. «Боже упаси!; Не дай бог!»; мусульманское выражение несогласия с чем-нибудь.

Табу — хвала, слава (богу, божествам).

Тамга — тавро, клеймо, выжигаемое на шкуре лошадей и говорящее о принадлежности их определенному владельцу.

Татартуп — одно из осетинских божеств; покровитель степей.

Тоба — зарок, клятвенное обещание не делать чего-нибудь.

Туалец — житель Туалетии (часть горной территории СОАССР и ЮОАО).

Туман — персидская золотая монета.

Уаиг (ирон.), уаюг (диг.) — великан, исполин. Главные враги героев осетинских сказок.

Уаллахи, биллахи, таллахи — одна из мусульманских клятв именем Аллаха.

Уарди (ирон.) — неизвестный цветок.

Уасгерги (диг.), Уастырджи (ирон.) — св. Георгий. В осетинской мифологии божество, покровитель бедняков, странников, мужчин. В большинстве случаев он выступает как благожелатель трудового человека, приходит ему на помощь в тяжелые минуты жизни и выручает его. Осетинка, по народному обычаю, не имела права произносить его имя, как покровителя мужчин, и называла его описательно «ангел (покровитель) мужчин».

Уацамонга — чудесная чаша (а иногда и котел), над которой герои нарты перечисляют свои подвиги. По нартскому эпосу, если нарт говорил правду, то Уацамонга изливалась из своих краев, в противном же случае — нет.

Уацелла, Хуари-Уацелла, Елиа (диг.), Уацилла, Хоры-Уацилла (ирон.) — в осетинской мифологии божество плодородия, урожая, грома.

Ундуг (диг.), андыг (ирон.) — плетень над очагом (в старом осетинском хадзаре), на котором коптили мясо, сушили солод.

Учкур — шнурок, продернутый в верхней части штанов, чтобы стягивать и завязывать их.

Фалвара — в осетинской мифологии божество, покровитель мелкого домашнего рогатого скота.

Фарсаглаг — букв. «сторонний (свободный) человек». Лично свободный крестьянин в осетинско-иронских дореволюционных обществах (до присоединения Кавказа к России). В дигорском обществе ему соответствует «адамихат» — букв. «подобие человека».

Фидгун (диг.), **фыдджин** (ирон.) — национальный пирог с мясной особо приготовленной начинкой.

Фидиуаг (ирон.), **федеуаг** (диг.) — глашатай, вестник.

Финга (диг.), **фынг** (ирон.) — осетинский круглый стол на трех ножках; до революции им пользовались в семье, на нем подавалось угощение гостям. При новом быте он уступил место столу с четырьмя ножками.

Фурд (ирон.), **форд** (диг.) — большая судоходная река, море.

Фусун (диг.), **фысым** (ирон.) — пристанище, приют, место временного пребывания в гостях, хозяин этого дома.

Хаджи — почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину — центры мусульманства.

Хадзар (ирон.), **хадзара** (диг.) — дом, общее помещение семьи, где в прежнее время находился очаг с надочажной цепью, священной в глазах осетин. Ею клялись, как самой сильной в глазах осетина клятвой; снятие надочажной цепи означало гибель дома, семьи. В хадзаре обычно спали старики — родители.

Халин (диг.), **халын** (ирон.) — тонкая кожа, перепонка, торба из телячьей или козьей кожи. Переносное значение слова — «невидимый, тайный».

Хатиагский, хатский язык — тайный язык, на котором говорили между собой герои осетинского нартского эпоса, а также сказок. В науке пока нет единого мнения о происхождении этого языка.

Хист — поминки, тризна.

Хурджин — переметная сума.

Церк (диг.), **цирык, цирк** (ирон.) — легендарный меч героев осетинского нартского и сказочного эпосов.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 20 Муртазатинская (Муртазатская) низина — плодородная равнина в Кабардино-Балкарской АССР на границе с Ирафским р-ном СОАССР.

К стр. 47 Алдаровы — в данном случае употребляется, как фамилия для обозначения дома и семейства алдара.

Далбылта — букв. «ниже краев».

К стр. 48 Астаунараг Гурвидауц — букв. «с узкой талией».

Бынсарфт — букв. «начисто выметенный».

К стр. 53 По древнему осетинскому обычаю, жених не должен был присутствовать на свадебном пиру, происходившем в доме тестя, и обычно оставался за дверью. За столом сидели гости со стороны жениха и один из старших рода невесты.

К стр. 62 Ардаглаг — букв. «полчеловека».

К стр. 65 Мальчик-с-Пальчик — по-иронски Цахгарма-Дисн-Даргмап-Уылынг.

К стр. 70 Праздник по случаю Первого мая — имеется в виду современный праздник. Здесь явный анахронизм.

К стр. 78 По обычаю, считается предосудительным проливать кровь молочных братьев. Этим пользуются кровники: убийца, коснувшись губами груди матери убитого, становится как бы ее сыном и таким образом избегает кровной мести. В настоящей сказке герой также прибегает к этому обычаю, чтобы сохранить жизнь.

К стр. 79 По другому варианту, старик-великан прячет Домбая в одну из своих ноговиц и приносит домой.

К стр. 85 Залиаг калм (диг.) — залиагский змий, дракон.

К стр. 87 Хатаг-Бараг — букв. «странствующий (бывалый) всадник». Популярный герой осетинских сказок.

К стр. 94 Мой владыка (ма-сари-хецау) — так обращалась к мужу осетинка, не имевшая в старину права произносить его имя.

К стр. 96 Здесь скачок, нередкий в осетинских сказках. Совет коня оказывается уже выполненным.

К стр. 98 Владыка мой — см. прим. к стр. 94.

К стр. 100 «Чужой навоз к заду не пристает» — осетинская пословица. Здесь употребляется в смысле: «Чужой ребенок не может заменить родного».

К стр. 104 Сирдон — один из героев нартского эпоса. В сказке он замещает другого героя, обычно Уасгерги. Эпизод этот имеется и в нартском эпосе. Сказку условно можно отнести и к нартскому эпосу.

К стр. 108 Фунуктиз (диг.) — букв. «сидящий в золе». Имя героя сказки.

К стр. 127 Уаридада — непереводимый припев осетинской свадебной песни.

Сказка записывалась в исправительно-трудовой колонии. Отсюда пожелание сказителя освобождения всем слушавшим сказку.

К стр. 134 См. прим. к стр. 127.

К стр. 159 Курдалагоновы — в данном случае употребляется как фамилия. Мн. ч. от Курдалагон.

К стр. 160 Далимоновы — в данном случае употребл. как мн. ч. от Далимон (см.). Злые духи.

К стр. 177 Халин-Бараг — букв. «невидимый всадник». Популярный герой осетинских сказок.

К стр. 193 Сказитель Т. Агудзаров болел желтухой.

К стр. 243 Уацирохс-Зардирохс (диг.) — букв. «благой свет — сердечный свет». Имя героини сказки.

К стр. 244 Сестричич — старое русское слово, точно соответствующее осетинскому хуарифурт (диг.), харафырт (ирон.). Означает «сын или дочь сестры».

К стр. 247 Кантдзити Налуаюг — букв. «великан-самец из Кантдзиевых».

К стр. 254 Тотур — в осетинской мифологии божество домашних животных. Три дня Тотура отмечаются в январе.

К стр. 256 Франкским называли любое оружие западноеврепейского происхождения.

К стр. 257 По представлению осетин, существует семь подземных миров. (Имеется проклятие: «Провались в седьмой подземный мир».)

К стр. 261 Авзонг-Цауайнов — букв. «Молодой охотник». Имя героя сказки.

К стр. 310 Донбедтировы — собирательное название рода Донбедтира.

К стр. 311 Ойдт — непереводимое восклицание.

К стр. 323 Уарп — гора (предположительно Эльбрус).

Кумская равнина расположена в р-не Пятигорья (Ставропольский край).

К стр. 324 Борхуарский — букв. «Просяной».

К стр. 331 Гунтасий — букв. «обросший волосами», «волосатый». Имя героя сказки, носящее несколько презрительный характер.

К стр. 333 Донбедтировы — см. прим. к стр. 310.

К стр. 340 Отуг — имя владельца быка.

Баксанское ущелье находится в Балкарии (Кабардино-Балкарская АССР).

Небесное (Дарьяльское) ущелье составляет часть Военно-грузинской дороги, проходящей по территории ГССР и СОАССР.

Кумская равнина — см. прим. к стр. 323.

К стр. 344 Уарп — см. прим. к стр. 323.

Уаза — гора в Дигорском ущелье СОАССР.

Кариу (Кариухох) — гора в СОАССР.

К стр. 390 По народному обычаю, молодые в первые дни после свадьбы не должны были показываться старшим.

К стр. 404 Адирики, модирики, фсерики — набор ничего не обозначающих слов.

К стр. 406 Тост-моление — на кувде (см.) произносился первым во имя бога. Затем следовали обычные тосты, также строго обусловленные правилами кувда.

К стр. 416 Дедената — местность в начале Дигорского ущелья.

К стр. 417 Г. Нальчик (совр. столица Кабардино-Балкарской АССР), по преданиям, располагался прежде в другом месте.

К стр. 418 Ахсарисар — местность и село в Ирафском р-не СОАССР.

Донмайта — местность в Горной Дигории СОАССР.

К стр. 419 Мизур — поселок в Алагирском ущелье (СОАССР).

Коголкино — старое название одного из кабардинских сел, пограничного с Ирафским р-ном СОАССР.

Уредонская равнина находится на территории Дигорского р-на СОАССР.

Хорхуарбун — местность в Дигории (СОАССР).

Дзанкалицевская поляна расположена в лесной полосе на территории Кабардино-Балкарской АССР.

К стр. 420 Человекозверь (диг. лагсирд) — сказочное существо, «лесной человек». По народным поверьям, у него на груди имеется топор, которым он рассекает своих врагов.

Таракомское ущелье расположено в Дигории (СОАССР).

К стр. 421 Кабак (ирон.; диг. Кабаг) — село, деревня, аул.

Кабардинская десятина — мера земли, принятая в Кабарде до 1917 г. Была значительно больше обычной десятины.

К стр. 422 Такой бокал и долю (обычно овечье бедро) подносят на пирах и посылают в различных случаях, строго определенных обычаем.

К стр. 423 Булатная шашка и булатные ножницы — символ того, что между мужчиной и женщиной не должно быть интимных связей.

К стр. 424 Караногайцы — небольшая народность в Ставропольском крае.

К стр. 426 Кубачинский пистолет — пистолет, изготовленный в дагестанском ауле Кубачи, славившемся своими мастерами — оружейниками и ювелирами.

К стр. 445 Тост-моление — см. прим. к стр. 406.

К стр. 450 Уодесаг (диг.), букв. «отниматель души» — в осетин-

ской мифологии ангел смерти. Его представляли, как скелет с косой.

К стр. 458 Кударское ущелье расположено в Юго-Осетинской автономной области.

К стр. 464 Уарп — см. прим. к стр. 323.

К стр. 481 По другим вариантам, к дому Афсати.

Гадсар-Гадараснаг — по дигорской мифологии, владыка леса.

К стр. 483 В разговоре рассказчик добавил: «Жизнью нельзя насладиться, но смерть в свой час никого не спрашивает о согласии».

К стр. 493 Шашка Сарфакал — название шашки Уасгерги (Уастырджи). В осетинский яз. проникло из арабского (зульфакар; так назывался меч Али, одного из первых последователей Мохаммада).

К стр. 496 Сирау (диг.) — местность, а также приток Урсдона (СОАССР).

К стр. 497 Муртазата — см. прим. к стр. 20.

К стр. 498 По осетинскому обычному праву, женщины (за исключением глубоких старух) при встрече с мужчиной должны были уступить ему дорогу.

Коголкин Когалук — один из кабардинских алдаров-феодалов.

К стр. 499 Атажуко Атажукин — один из кабардинских князей-феодалов.

К стр. 510 Обряд усыновления и молочного братства по адату горских народов Кавказа.

ИСТОЧНИКИ

№ 1. Зап. по-дигорски в 1956 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Габеева, 77 лет, уроженца одной из дигорских казачьих станиц Моздокского р-на СОАССР.

№ 2. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Д. Агнаева, 63 лет.

№ 3. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Д. Агнаева, 63 лет.

№ 4. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от уроженца г. Дигора СОАССР Б. Б. Туаева, 65 лет.

№ 5. Зап. по-дигорски в 1938 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Чикола Ирафского р-на СОАССР Д. С. Дзагурова, 67 лет.

№ 6. Зап. по-дигорски в 1928 г. в с. Лескен Ирафского р-на СОАССР от Д. С. Дзагурова.

№ 7. Зап. в 1924 г. по-дигорски от жителя с. Лескен Ирафского р-на СОАССР К. Уодаева, 80 лет, народного сказителя и знатока дигорского обычного права.

№ 8. Зап. по-дигорски в 1924 г. от жителя с. Лескен Ирафского р-на СОАССР К. Уодаева. В оригинале опубликована в монографии М. И. Исаева «Дигорский диалект осетинского языка» (М., 1966, стр. 165—166).

№ 9. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Христианском Терской обл. (совр. г. Дигора СОАССР) от певца и сказителя Б. С. Медоева, 55 лет.

№ 10. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от уроженца г. Дигора СОАССР Б. Б. Туаева, 65 лет.

№ 11. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева, 65 лет.

№ 12. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева, 65 лет.

№ 13. Зап. по-дигорски в 1947 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева, 65 лет.

№ 14. Зап. по-дигорски в 1916 г. в с. Христианском Терской обл. (совр. г. Дигора СОАССР) от слепого сказителя Д. Саулаева.

№ 15. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от неизвестного лица.

№ 16. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от А. Дзгоева.

№ 17. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 18. Зап. по-ирански учителем К. К. Дулаевым в 1934 г. в с. Нарт СОАССР от неизвестного лица.
№ 19. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова, 35 лет.
№ 20. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова, 35 лет.
№ 21. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от К. Д. Качмазова.
№ 22. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от К. Д. Качмазова.
№ 23. Зап. по-ирански в 1935 г. студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та. Сказку он снабдил в конце такой припиской: «Сказку эту я слышал от колхозника, 63 лет, жителя с. Дзуарикау». Есть основание полагать, что эта сказка из русского фольклора через школу проникла в осетинский фольклор; это возможно потому, что языком преподавания в осетинской начальной школе до 1917 г. был русский.
№ 24. Зап. по-ирански в 1935 г. студенткой Северо-Осетинского Педагогического ин-та В. Челдиевой от неизвестного лица.
№ 25. Зап. известным осетинским поэтом и журналистом Г. М. Цаголовым в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от Г. Авзурагова. Опубл. в газете «Терские ведомости», 8. XI. 1890.
№ 26. Зап. по-ирански студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та А. Ардасеновым в 1935 г. в с. Кадгарон СОАССР от неизвестного лица.
№ 27. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от С. Б. Агаева, 68 лет, жителя с. Заманкул, Правобережного р-на СОАССР.
№ 28. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Батакаюрт Правобережного р-на СОАССР Н. Б. Кубалова, 42 лет. По его словам, сказку он слышал в 1932 г. от жителя с. Кадгарон СОАССР Х. Беликова.
№ 29. Зап. по-ирански в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от сказочника Д. Г. Абаева, 55 лет, уроженца с. Абайтикау. Сказку он слышал, по его словам, в детстве от 90-летнего сказочника Е. Уосиева.
№ 30. Зап. осетинским поэтом и журналистом Г. М. Цаголовым от жителя с. Стур-Дигора С. Бязатова. Опубл. в газете «Терские ведомости», 8. XI. 1890.
№ 31. Зап. Г. М. Цаголовым от жителя с. Христианского (совр. г. Дигора СОАССР) М. Цаголова. Опубл. в газете «Терские ведомости», 30. XII. 1890.
№ 32. Зап. учителем А. Дзиовым от неизвестного лица. Опубл. в газете «Терские ведомости», № 11, 12, 16, 19, 21 за 1898 г.
№ 33. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от уроженца г. Дигора СОАССР Б. Б. Туаева, 65 лет.
№ 34. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.

№ 35. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 36. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 37. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 38. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 39. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 40. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 41. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева.
№ 42. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова. Сказки, по его словам, он воспринял в детстве от своего дяди, народного певца И. Агузарова.
№ 43. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 44. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 45. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 46. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 47. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 48. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.
№ 49. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от К. Ханиевой, жительницы с. Ахсарисар, Ирафского р-на СОАССР.
№ 50. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева, 65 лет.
№ 51. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от Б. Ц. Саухалова, 75 лет.
№ 52. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от Б. Ц. Саухалова.
№ 53. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от Б. Ц. Саухалова.
№ 54. Зап. по-дигорски в 1938 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Чикола, Ирафского р-на СОАССР, Д. С. Дзагурова. Сказку, по его словам, он слышал от слепого народного певца и сказителя А. Афсанова, жителя с. Стур-Дигора СОАССР.
№ 55. Зап. по-дигорски в 1928 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Чикола, Ирафского р-на СОАССР Д. С. Дзагурова. Сказку эту он воспринял, по его словам, от известного дигорского народного певца и сказителя Д. Бесаева, участника революционных событий 1905 г. в Северной Осетии, приговоренного к каторжным работам.
№ 56. Зап. по-дигорски в г. Орджоникидзе СОАССР в 1963 г. от Д. Дедекаева, 80 лет, уроженца с. Чикола, Ирафского р-на СОАССР. Сказку он передавал как сказание. По его словам, нет разницы

между сказанием и сказкой, они взаимосвязаны и заменяют друг друга.

№ 57. Зап. по-дигорски в 1966 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Д. У. Дедекаева.

№ 58. Зап. по-дигорски в 1912 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от Г. Дзагуровой, 55 лет.

№ 59. Зап. по-иронски в 1935 г. студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та А. Ардасеновым в с. Кадгарон СОАССР.

№ 60. Зап. по-иронски в 1935 г. студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та Б. Баевым от Ф. Аликовой, жительницы с. Ольгинского, Правобережного р-на СОАССР.

№ 61. Зап. по-иронски в октябре 1935 г. студентом Северо-Осетинского Педагогического ин та Т. Накусовым от неизвестного лица.

№ 62. Зап. по-дигорски в 1938 г. неизвестным лицом в с. Сурх-Дигора СОАССР от неизвестного лица.

№ 63. Зап. по-дигорски в 1938 г. в с. Донифарс СОАССР от К. Какоевой, 105 лет.

№ 64. Зап. по-дигорски в 1938 г. в с. Донифарс СОАССР от К. Какоевой, 105 лет.

№ 65. Зап. по-дигорски в 1936 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР).

№ 66. Зап. по-дигорски в 1927 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР).

№ 67. Зап. по-дигорски в 1938 г. неизвестным лицом в с. Сурх-Дигора СОАССР.

№ 68. Зап. по-дигорски в 1938 г. неизвестным лицом в с. Сурх-Дигора СОАССР.

№ 69. Зап. по-дигорски в 1938 г. в с. Сурх-Дигора СОАССР от Д. Бурнацева, 52 лет.

№ 70. Зап. по-дигорски неизвестным лицом в 1938 г. в с. Сурх-Дигора СОАССР от неизвестного лица.

№ 71. Зап. по-дигорски неизвестным лицом в 1937 г. в с. Ахсау СОАССР от неизвестного лица.

№ 72. Зап. по-дигорски неизвестным лицом в 1937 г. в с. Ахсау СОАССР от неизвестного лица.

№ 73. Зап. по-дигорски в 1959 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жительницы г. Дигора СОАССР Н. К. Акоевой, 89 лет.

№ 74. Зап. по-дигорски в 1905 г. в с. Христианском Терской обл. (совр. г. Дигора СОАССР) от С. Барсагова, 29 лет.

№ 75. Зап. по-дигорски в 1911 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора) от С. М. Цаголова, 55 лет.

№ 76. Зап. по-юго-иронски в 1921 г. в г. Владикавказе Терской обл. (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного сказителя Г. Сланова, 80 лет.

№ 77. Зап. по-юго-иронски Г. Гуриевым в 1921 г. в г. Владикавказе Терской обл. (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного сказителя Г. Сланова, 80 лет.

№ 78. Зап. по-юго-иронски в 1921 г. в г. Владикавказе Терской обл. (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от сказителя Г. Сланова, 80 лет.

№ 79. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Заманкул, Правобережного р-на СОАССР С. Б. Агаева.

№ 80. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от К. М. Бокиева. Сказку он воспринял, по его словам, от жителя с. Дарг-Кох Правобережного р-на СОАССР Х. Боликова.

№ 81. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Ч. Канукова; по его словам, он слышал сказку в 1940 г. от М. Туганова.

№ 82. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от К.-М. Канукова.

№ 83. Зап. по-дигорски в 1924 г. в г. Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от дигорского народного сказителя К. Уодаева, 80 лет.

№ 84. Зап. по-дигорски в 1930 г. в г. Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного певца и сказителя Д. А. Гатуева, 60 лет.

№ 85. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от жителя с. Заманкул Правобережного р-на СОАССР С. Б. Агаева.

№ 86. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 87. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 88. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 89. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 90. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 91. Зап. по-иронски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Т. Агузарова.

№ 92. Зап. по-иронски в 1935 г. неизвестным студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та.

№ 93. Зап. по-иронски в 1935 г. неизвестным студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та.

№ 94. Зап. по-дигорски в 1936 г. неизвестным лицом в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от неизвестного лица.

№ 95. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Ахсау СОАССР.

№ 96. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Ахсау СОАССР.

№ 97. Зап. по-дигорски Б. Хадаевым в 1927 г. в с. Уакац СОАССР.

№ 98. Зап. по-дигорски в 1927 г. в с. Уакац СОАССР.

№ 99. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Кора Терской обл. (совр. Дигорский р-н СОАССР) от М. Салказанова, 70 лет.

№ 100. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Кора Терской обл. (совр. Дигорский р-н СОАССР) от М. Салказанова, 70 лет.

№ 101. Зап. по-дигорски в 1924 г. во Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного певца Д. А. Гатуева, 60 лет.

№ 102. Зап. по-дигорски в 1924 г. во Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного певца Д. А. Гатуева, 60 лет.

№ 103. Зап. произведена по-юго-иронски в 1921 г. во Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного певца Г. Сланова.

№ 104. Зап. по-юго-иронски в 1921 г. во Владикавказе (совр. г. Орджоникидзе СОАССР) от народного певца Г. Сланова.

№ 105. Зап. по-дигорски в 1963 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Д. У. Дедекаева.
№ 106. Зап. по-дигорски в 1963 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Д. У. Дедекаева.
№ 107. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от народного певца и сказителя С. Медоева.
№ 108. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от певца и сказителя С. Медоева.
№ 109. Зап. по-дигорски в 1911 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от С. М. Цаголова.
№ 110. Зап. по-дигорски в 1965 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от уроженца г. Дигора СОАССР Г. Дзотцоева, 70 лет.
№ 111. Зап. по-дигорски в 1963 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от уроженца г. Дигора СОАССР М. Авсарагова, 75 лет.
№ 112. Зап. в 1965 г. от осетинского писателя К. Дзесова, 60 лет, который слышал ее от горца из Куртатинского ущелья.
№ 113. Зап. по-дигорски в 1910 г. в с. Задалеск, Терской обл. (совр. Ирафский р-н СОАССР) от народного сказителя О. Калицова.
№ 114. Зап. по-дигорски в 1910 г. в с. Задалеск СОАССР от народного сказителя О. Калицова.
№ 115. Зап. по дигорски в 1910 г. в с. Задалеск СОАССР от народного сказителя О. Калицова.
№ 116. Зап. по дигорски в 1910 г. в с. Задалеск СОАССР от певца И. Базиева, 55 лет.
№ 117. Зап. по-дигорски в 1937 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от уроженца того же села Б. Ц. Саухалова.
№ 118. Зап. по-дигорски в 1910 г. в с. Одола СОАССР от Ц. Хамицаева, 55 лет.
№ 119. Зап. по-дигорски в 1910 г. в с. Задалеск СОАССР от народного сказителя О. Калицова.
№ 120. Зап. по-иронски в 1936 г. студентом Северо-Осетинского Педагогического ин-та С. Добаевым.
№ 121. Зап. по-дигорски в 1909 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от сказителя С. Оразова-Халинова.
№ 122. Зап. по-дигорски в 1927 г. в с. Христианском (совр. г. Дигора СОАССР) от жителя того же села Г. Тихилова.
№ 123. Зап. по-дигорски в 1942 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Б. Б. Туаева, 65 лет.
№ 124. Зап. по-дигорски в 1965 г. в г. Орджоникидзе СОАССР от Г. Дзотцоева.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Основная задача анализа опубликованных здесь сказок — это идентификация сюжетов по международным каталогам и значительным сборникам, главным образом кавказским.

Самое соотнесение сюжета с повествовательным типом, имеющим естественно свою географию и историю, уже определяет место и своеобразие осетинского текста, варианта в региональном и, далее, в мировом сказочном репертуаре.

Ссылки на параллели и специальные разыскания предельно ограничены — и не только издательскими возможностями, но подчас и чрезвычайной сложностью предмета или состоянием его изученности.

Если определенный повествовательный тип отражен в публикуемом рассказе лишь частично, то номер по каталогу заключен в круглые скобки. Если соответствие выражено недостаточно четко, то номеру предшествует слово «сравни» (ср.). Знак плюс (+) между формулами показывает контаминацию разных типов в одном рассказе, а знак равенства (=) между ними обозначает равнозначность определения по разным каталогам. Нулем (0) помечены редкие эпизоды, не зарегистрированные в известных нам каталогах или не имеющие, по нашим сведениям, ясных параллелей генетического свойства.

Народность и значение сюжета в данном сборнике и в известной мере состав и характер осетинского репертуара отражаются преимущественно в частоте типа по прилагаемому сводному регистру в конце книги.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АаАп — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.

Абх 1959 — Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бгажба, Сухуми, 1959.

Абх Ш — Абхазские сказки. Составил К. С. Шакрыл [ркп.].

Абх Н — Приключения нарта Сакрыквы и его девяноста девяти братьев, М., 1962 [народность сюжетов сомнительна].

Ав — **Аварские народные сказки.** Составитель и автор примеч. Д. М. Атаев. Автор предисловия и типологического анализа сюжетов Исидор Левин, М., 1972.
Азерб — Азербайджанские сказки. Составитель А. Ахундов, Баку, 1955.
АС — **Адыгейские сказки.** Перевод с адыгейского Т. Керашева, лит. обр. П. Максимова, Майкоп, 1957 [научного значения публикация не имеет].
АФ — **Армянский фольклор.** Составитель Г. О. Карапетян, М., 1967.
АфАн — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. I—III, М., 1936—1940.
АфПр — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. I—III. Подготовка текста и примечания В. Я. Проппа, М., 1957.
балк — балкарский
Дол — **Грузинские народные сказки** (Сто сказок). Сборник составлен и переведен Н. К. Долидзе, Тбилиси, 1956.
Дол ВС — Волшебные сказки. Сборник составила и перевела с грузинского Нино Долидзе, Тбилиси, 1960 [№ 2, 13, 19, 22, 23, 25, 29, 30, 32, 34, 40, 46 перепечатаны из предыдущего сборника Долидзе].
ЖС 1916 — «Живая Старина», 1916 [материалы Г. Н. Потанина]. То же: Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Отв. редактор Н. С. Смирнова, Алма-Ата, 1972.
имерет — имеретинский
каб — кабардинский
Каб Н — Нарты. Кабардинский эпос. Перевод В. Звягинцевой и др., М., 1957 [в основном литературные произведения, отчасти на основе карачаево-балкарских и осетинских обскурных и гетерогенных материалов].
Калм М — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Перевод, составление и примечания М. Ватагина, М., 1964.
Калм С — Калмыцкие сказки. Перевод с калмыцкого, под ред. Е. Дружининой, М., 1962.
КиД — Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, изд. 2, М., 1957.
кирг — киргизский
лак — лакский
Левченко — Микола Левченко, Казкі та оповідання з Поділля в записах 1850—1860 рр., вып. I—II, Київ, 1928.
Марр, Вардан — Н. М а р р, Сборник притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы, ч. I, Исследование, СПб., 1899; ч. II, Текст, СПб., 1894; ч. III, Приложения, СПб., 1894.
Микава — Сказки и легенды гор. Собрал и обработал Н. Микава, М., 1957 [текстуальную критику см. Абх III].
Миллер ДС — Вс. М и л л е р, Дигорские сказания, М., 1902 («Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков»).
Миллер ОС — В. Ф. М и л л е р, Осетинские сказки, М., 1885 («Сборник Материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом Музее», I).
Миллер ОЭ — Вс. М и л л е р, Осетинские этюды, «Ученые записки Имп.

Московского университета. Отдел историко-филологический», вып. I (М., 1881), II (М., 1882), VIII (М., 1887).
Миллер Т — В. Ф. Миллер, Материалы для изучения еврейско татского языка, СПб., 1892.
Ос 1951 — Осетинские народные сказки. Составили С. Бритаев и К. Казбеков, М., 1951.
Ос 1959 — Осетинские народные сказки. Составители С. Бритаев и Г. Калоев, М., 1959.
Ос 1960 — Осетинские народные сказки. Составитель А. Х. Бязыров, Сталинир, 1960.
Ос НС — Сказания о нартских богатырях. Осетинский эпос. Перевод и литературная обработка Ю. Либединского, М., 1960 [существенно отличается от издания 1949 г. и содержит около 30% недокументируемого литераторского творчества].
Ос НЮ — Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и А. Калоев, М., 1957 [по записям Миллер ОЭ, Schiefner O и др. источникам; изложение стихотворное — неаутентичное].
Свод Тадж — Свод таджикского фольклора, том I. Басни и сказки о животных [в печати].
СМ — Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 1—44, Тифлис, 1881—1915 [учтены тома 1, 7, 12, 16, 20, 21, 23, 27, 40].
СНД — Сказки народов Дагестана. Составитель Х. Халилов, М., 1965 [многие тексты подверглись стилизации в духе ислама; сохранность сюжетов и состояние текстов не всегда удовлетворительны].
СНСК — Сказки народов Северного Кавказа, Ростов, 1959.
СС — Сборник сведений о Кавказских горцах, т. I—X, Тифлис, 1868—1881 [учтены тома II—V, VII, IX, X].
ССО — Сулхан-Саба Орбелиани, Мудрость вымысла. Перевод с грузинского Е. Гогоберидзе под ред. Г. Н. Леонидзе и Е. Г. Лундберга, Тбилиси, 1959.
ТНС — Турецкие народные сказки. Ред., вст. ст. и комментарии Н. К. Дмитриева, изд. 2, М., 1967.
Туркм — Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сост. пер. с туркменского, вст. ст. и прим. И. Стеблевой, М., 1969.
Хаханов — А. С. Хаханов, Очерки по истории грузинской словесности, I—IV, М., 1895—1906.
чеч — чеченский
Чеч 1963 — Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1963 [содержит мало новых текстов по сравнению со сборником Чеч(инг)].
Чеч(инг) — Чечено-ингушский фольклор, М., 1940.
ЯСКиД — Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований, т. 2, М.— Л., 1949.

AaTh — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S Thompson, Helsinki 1961 (= FFC 184).
Ae — B. E. Perry, Aesopica... vol. I, Urbana, 1952.

At — L. Frobenius, Atlantis. Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas, Jena, 1921ff.
Ba — R. Basset, Mille et un contes, récits et légendes arabes, vol. 1–3, Paris, 1924–1926.
Basile — G. Basile, Il Pentamerone, Napoli, 1634—1636 [ср. BP 4, 184 сл.].
Benzel — U. Benzel, Kaukasische Märchen aufgezeichnet bei dem ossetischen Hirten Mussar Omar, Regensburg, 1963. [ср. рец. K. Ranke — «Fabula», 7, 236].
Bergé — Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volks von A. Bergé, Leipzig, 1866.
Bh — J. Bar-Hebraeus, The Laughable Stories, ed. E. A. Wallis Budge, London, 1897.
Boggs — R. S. Boggs, Index of Spanish Folktales, Helsinki, 1930 (= FFC 90).
BØdker — L. BØdker, Indian animal tales, Helsinki, 1957 (= FFC 170).
BP — J. Bolte, G. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd 1—5, Leipzig, 1913—1931.
Chauvin — V. Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes I—XII, Liège, 1892—1922.
Christensen — Textes ossètes... A. Christensen, KØbenhavn, 1921—1922 («Historisk-filologiske Meddelelser», 6. Bind).
Ce — Mewlana Celaleddin er-Rumi, Mesnewi.
Cr — C. M. Crews, Recherches sur le judéo-espagnol dans les pays balkaniques, Paris, 1935.
Da — R. M. Dawkins, Modern Greek in Asia Minor, Cambridge, 1916.
Decamerone — G. Boccaccio, Decamerone, Firenze, 1348—1353.
Df — R. M. Dawkins, Modern Greek Folktales, Oxford, 1953.
Dr — Kaukasische Märchen. Ausgewählt und übersetzt von A. Dirr, Jena, 1920.
Dy — Yusuf Ziya Demircioğlu, Yürükler ve Köylülerde hikâyeler, masallar, İstanbul, 1934.
EbBo — Typen türkischer Volksmärchen von Wolfram Eberhard und Pertev Naili Boratav, Wiesbaden, 1953.
Ernst — P. Ernst, Tausendundein Tag. Orientalische Erzählungen, I—II, Leipzig, 1962.
«Fabula» — «Fabula Zeitschrift für Erzählforschung», hrsg. von K. Ranke, Berlin, 1957ff.
FFC — «FF Communications Edited for the Folklore Fellows», 1910ff [серия].
Gozzi — C. Gozzi (1720—1806), Le fiabe I—II, Bologna, 1884.
Grimm KHM — Kinder und Haus-Märchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm, Bd I, Berlin, 1812; Bd 2, Berlin, 1815.
Gq — F. Giese, Materialien zur Kenntnis des anatolischen Türkisch, T. I, Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah, Halle Saale, 1907.
Ha — J. G. von Hahn, Griechische und albanesische Märchen, Bd 1—2, München — Berlin, 1918.
Hahn — Aus dem Kaukasus von C. Hahn, Leipzig, 1892.
Henning — Tausend und eine Nacht. Aus dem Arabischen übertragen von M. Henning, Bd 1—8, Leipzig (Reclam).
IFA — Israel Folktale Archives at the Haifa Municipality Ethnological Museum [ср. D. Noy — «Fabula» 4 (1961), стр. 99—110; D. Noy —

36 Заказ 2079

«Journal of American Folklore», vol. 75 (1962), стр. 23—28: H. Jason — «Fabula» 7 (1965), стр. 115—224].
Ja — G. Jacob, Vorträge türkischer Meddâhs, Berlin, 1904.
Jason — H. Jason, Types of Jewish-Oriental Oral Tales — «Fabula», 7 (1965), стр. 115—224.
Ju — Märchen aus Turkestan und Tibet. Ausgewählt und übersetzt von Gustav Jungbauer, Jena, 1923 (= MdW) [тексты 1—15 из сб.: Н. П. Остроумов, Сказки Сартов, Ташкент, 1906].
Kh — I. Khatchatrianz. Armenian Folk Tales. Translated N. W. Orloff, Philadelphia, 1946.
Kt — Tarih-i Kırk Vezir, İstanbul, 1303.
Kp — I. Kunos, Mundarten der Osmanen, SPb., 1899 (= W. Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme, Bd. VIII).
Kr — P. Kretschmer, Neugriechische Märchen, Jena, 1917.
Kt — I. Kunos, Türkische Volksmärchen aus Stambul, Leiden, 1905.
Lb — E. Laoust, Contes berbères du Maroc, I—II, Paris, 1949.
Le — A. Leskien, Balkanmärchen aus Albanien, Bulgarien, Serbien und Kroatien, Jena, 1925 (= MdW).
Lidzbarski — Geschichten und Lieder aus den neu-aramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Von M. Lidzbarski, Weimar, 1896.
Li — E. Littmann, Die Erzählungen aus den tausendundein Nächten, Bd 1—6, Leipzig, 1924.
Liungman — W. Liungman, Die schwedischen Volksmärchen, Berlin, 1961.
Lm — E. Littmann, Arabische Märchen, Leipzig.
Ma — A. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale, Paris, 1923
MA — «Mélanges Asiatiques tiré du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg».
MdW — «Märchen der Weltliteratur» [серия].
Me — B. Meissner, Neuarabische Geschichten aus dem Iraq, Leipzig, 1903.
Medne — A. Medne, Latviešu dzīvnieku pasakas, Rīgā, 1940.
Megas MdW — Griechische Volksmärchen. Gesammelt und herausgegeben von Georgios A. Megas, Düsseldorft-Köln, 1965 (= MdW).
Miller — Stackelberg — W. Miller und R. v. Stackelberg, Fünf ossetische Erzählungen in digorischen Dialect, SPb., 1891.
Munkácsi — B. Munkácsi, Blüten der ossetischen Volksdichtung — «Keleti Szemle», Bd 20, 1927, стр. 1—88; Bd 21, 1928, стр. 1—158.
Na — Es war einmal, neugriechische Volksmärchen. Deutsch von I. Naumann — Mavrogordato, Istanbul, 1942.
Ne — Ahmed b. Hemdem Süheyli, Acaibülmeasir ve garaibünnevadir (Nevadir-i Süheyli), İstanbul, 1256.
Pröhle B.— Balkarische Studien von W. Pröhle — «Keleti Szemle», XVI, 1915 - 1916, стр. 104—204 [всего 9 текстов].
Pröhle K.- Karatschaische Studien von W. Pröhle — «Keleti Szemle», X, 1909, стр. 255—304 [всего 10 текстов].
Ra — W. Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibiriens, SPb., 1866ff.

Ramstedt — G. J. Ramstedt, Kalmückische Märchen, Helsinki, 1909 («Mémoires de la Société finno-ougrienne», 27, 1—154).
Sc — H. Schmidt und P. Kahle, Volkserzählungen aus Palästina, I—II, Göttingen, 1918, 1930.
Schiefner A — A. Schiefner, Awarische Texte, SPb., 1873.
Schiefner O — Ossetische Texte herausgegeben von A. Schiefner SPb., 1868, стр. 1—40, 155—206, 673—720 (= MA V, 1861—1868).
Schwarzbaum — H. Schwarzbaum, Studies in Jewish and World Folklore, Berlin, 1968.
Si — M. b. 'Ali az-Zahiri as-Samarqandī, Sindbād-nāme. Ed. Ahmed Ates, Istanbul, 1948.
Sp — G. Spitta-Bey, Contes arabes modernes, Paris, 1883.
Straparola — G. F. Straparola, Le piacevoli notti, ed. G. Rua, t. I—II, Bologna, 1899—1908 (ср. BP 4, 178ff).
Stumme — Tunisische Märchen und Gedichte... von Dr. H. Stumme, Bd I—II, Leipzig, 1893.
Su — Subhi, Efsānehā, I—II, Tahran, 1324—1325.
ThMot — S. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, I—VI, Copenhagen — Bloomington, 1955—1958 [кавказский материал освоен слабо].
Tietze — A. Tietze, Rez. EbBo — «Oriens» 7 (1954), стр. 141 сл.
Tk — N. Tezel, Keloğlan, Istanbul, 1945.
TV — Türkische Volksmärchen. Hrsg. von Pertev Naili Boratav, Berlin, 1968.
Vidin — J. Németh, Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion, Budapest, 1965 («Bibliotheca Orientalis Hungarica», X).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

№ 1. **Тип: ?**

Варианты:

№ 2. Тип: AaTh 154 (I), II—III = (EbBo 39) + (EbBo 40) + (EbBo 48 — IV, 4).

Варианты: Миллер ОЭ I, 2 № 1 (окончание отличается); Чеч 1963 (кум) 333—334; ср. СНД № 33 (лезг); Ав № 26; Свод Тадж; (Da 334—336; Da 428—432 = Tietze); Megas MdW 5.

Исследования: K. Krohn, Mann und Fuchs, Helsingfors, 1891; S. Thompson, The Folktale, N. Y., 1946, стр. 226.

Публикуемый пересказ широко известного в Евразии, мусульманской Африке и Латинской Америке сюжета не содержит вступительного эпизода (крестьянин проклинает свою скотину, которой пашет) и завершающего эпизода (АаАн * 154 — I: лиса разговаривает с частями своего тела). Плохая сохранность сюжета и подробное изложение обособившегося среднего эпизода характерны для Кавказа и России. Ареалы трех составных эпизодов сюжета существенно отличаются, что затрудняет установление места и времени возникновения рассказа в целом. Ранние литературные свидетельства некоторых частей сюжета содержатся в «Романе о Лисе» и у Петра Альфонси (начало XII в.) в виде басни о приключениях лисы. Рассказ продолжает бытовать в светской и церковной европейской письменности, он содержится

в пасхальной проповеди монаха капуцина Гериберта Салурнского (середина XVII в.). Библиографию см. E. Moser-Rath, Predigtmärlein der Barockzeit, Berlin, 1964, № 30. Литературная традиция безусловно способствовала стабилизации сюжета в католическом мире, однако ей предшествовало, сопутствовало и следовало длительное и отчасти независимое устное бытование. Предварительный анализ имеющихся изустных и литературных сведений об этом произведении словесности позволяют считать родиной сюжета Северную Африку (Магриб) доисламского периода (середина I тыс. н. э.).

№ 3. Тип: ThMot J1945; J120; J1530; X905.
Вариант: Ос 1960, № 40.

№ 4. Тип: (AaTh 122E) + ср. (AaTh 126).
Вариант: Ос 1959, стр. 21—24 (начало!).

Смысл рассказа: каждая коза уговаривает волка съесть следующую, а последняя спасается (по типу AaTh 126), явно не понят рассказчиком.

№ 5. Тип: AaTh 1626; Medne *86 (= Boggs *80); AaAн *2100.

Варианты: для AaTh 1626: Ос 1960, № 42; СНД № 15, № 3; АС 204—206, 302; Ав № 13; Schwarzbaum, стр. 189, 359, 472; Н. Курганов, Письмовник, [б. м.] 1818, стр. 158, № 225; А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, вып. II, Пг., 1917, стр. 571, № 206; Татарские народные сказки, сост. М. Ярмухаметов, Казань, 1957, стр. 145; ср. Узбекские народные сказки, сост. М. Шевердин, т. 2, Ташкент, 1961, № 117, 141; Каракалпакские народные сказки, сост. А. Волков, Нукус, 1959, стр. 81.

Исследования: A. Wesselski, Der Hodscha Nasreddin, Bd II, Weimar, 1911, стр. 243, № 540; A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, стр. 254, № 62; H. Schwarzbaum, International folklore motifs in Petrus Alphonsi's «Disciplina clericalis»,— «Sefarad», XXII, 1962, стр. 21. № 19; Exemplum de Duobus Burgensibus et Rustico.

Ареал сюжета в настоящее время глобален, он широко известен в Евразии, начиная с Испании и кончая Китаем и Японией, а также в Африке, преимущественно мусульманской, и в Америке, в особенности Латинской, как по литературным, так и по изустным источникам. По действующим лицам, персонажам, обозримые варианты образуют две группы: в одной принимают участие легендарные персонажи (Иисус и Иуда, другие апостолы и т. д.) или люди — представители разных религий или народов, а в другой — басенные звери. Именно к этой, более редкой группе принадлежит публикуемый вариант. Ареалы обеих групп совпадают на Кавказе, в Средней Азии и неожиданно в устной традиции европейских евреев: Гросс № 501 (волк, лиса и верблюд!). Исконными в сюжете, судя по ареалу, следует считать людские персонажи, которые, соревнуясь в «лучшем сне», стараются хитростью добыть оставшийся хлеб. Многократное появление животных вместо людей в рамках этого сюжета вполне возможно.

Легендарный характер действующих лиц является второстепенным мотивом, шире и чаще в рассказе встречаются безымян-

ные представители антагонистических социальных групп, народов.

Литературная история знаменитого сюжета начинается у Петра Альфонси, который, вероятно, воспринял рассказ из устного, арабского или еврейского, источника, изложив его по латыни в целях развлечения. Сюжет вошел под № 106 в сб. «Gesta Romanorum», составленный в начале XIV в. (ed. H. Oesterley, Berlin, 1872). Книга известна в более чем ста средневековых рукописях, на основе которых были изданы печатные сборники, полностью или частично переведенные на многие языки, в том числе и на польский, а с него — и на русский под названием «Римские деяния». Как полагает чешский рассказовед K. Horálek («Fabula», 10, 1969, стр. 156), сюжет мог попасть в повествовательный репертуар славянских народов как из литературного, так и из устного источника. Наш рассказ ученый склонен возвести к арабскому источнику, как это предполагал еще ранее B. Heller (HWBdM, I, 95, № 6), ср. Chauvin IX, 28, № 17. Этому выводу не перечит и Шварцбаум, который подверг анализу еврейскую литературную традицию. В этой связи он обращает особое внимание на вариант Гросса, опубликованный на языке идиш (Майселех ун мешолим, Нью-Йорк, 1955, № 501), который в персонажах совпадает с нашим осетинским текстом. Этот еврейский вариант, очевидно, заимствован из устного галицийского источника, несмотря на его библейский колорит в окончании.

Особое место в литературной традиции сюжета на Востоке занимает свидетельство Джалал ад-Дина Руми, которое в свете устных таджикско-персидских вариантов, с одной стороны, и возможных китайских, более древних памятников, содержащих этот сюжет, ныне широко бытующий в устном репертуаре на Дальнем Востоке (Япония, Китай, Корея), с другой стороны, может изменить наше представление о месте и времени возникновения этого сюжета.

№ 6. Тип: AaTh 113B = ThMot K815.13 + K2285; ср. AaTh 61.

Варианты: Чеч 1963, 237—238; АС 278—280; Абх III 109—110; Ав № 20. Megas MdW № 9. Свод Тадж (комментарий Левина к сюжету).

Исследования: E. Brunner-Traut (Altägyptische Tiergeschichte und Fabel Gestalt und Strahlkraft = «Saeculum», X, Ht 2, 1959, стр. 148) подвергает анализу множество басен о вражде мышей и котов, указывая, в частности, на вариант, весьма близкий к публикуемому здесь осетинскому, а именно на эпизод из животного эпоса Убайда Закани (XIV в.). Этот сюжет засвидетельствован в Индии, как в древней литературе, так и в современном фольклоре, он пользуется популярностью в таджикско-персидском репертуаре, а также в античной письменности и современном репертуаре на греческом языке. Родиной сюжета Бруннер-Траут на основе памятников изобразительного искусства считает древний Египет [см. E. Brunner-Traut, Altägyptische Märchen, Düsseldorf — Köln, 1965, стр. 66 (MdW)].

Если бы публикуемый текст подкреплялся другими осетинскими вариантами, он имел бы большую ценность для рассказо-

ведения, так как в нем, в отличие от современной европейской нормальной версии, речь идет не о лисе, прикидывающейся святой (AaTh 61), а о коте, пожирающем мышей, поверивших его святости. Генетическая связь с ираноязычными литературными источниками весьма вероятна.

№ 7. Тип: (ThMot N122; J216. 2; J217. 1).

№ 8. Тип: AaTh 157.

Варианты: Ср. A. Riza, Cenupta Türkmen oymaklarι, II, Ankara, 1933, стр. 78; O. Mann, Die Tâjîk-Mundarten der Provinz Fârs, Berlin, 1909; Свод Тадж.

Исследования: Schwarzbaum — «Fabula», 6, 1963, стр. 191; Liungman, стр. 25сл. Оба исследователя возводят сказку к басне Ae № 340, Wienert ET № 316, Anm. 2, ST. № 312.

Публикуемый вариант не содержит нормального окончания, где зверь выказывает непонимание оружия человека.

№ 9. Тип: AaTh 223 I—III + AaTh 61A + AaTh 122 + (AaTh 20D*); ThMot K815. 13 + ThMot K2285; BØdker 407 + 409 + 410.

Варианты: Ос 1959, 13—14 (только AaTh 223 + AaTh 6 = = AaTh 61A); CC III, 2:3—4 (= AaTh 6); Чеч(инг) 163—164; Абх III 106—108 (AaTh 6 + AaTh 223 — I — II — III + AaTh 154 — IV); Дол № 92; AC 297—299 = Микава 90—93. Для AaTh 6: СНД № 7; Калм М 258—259; Туркм № 14; Орбели, Басни средневековой Армении, М.— Л., 1956, № 86; Для мотива «лис-паломник-исповедник»: АаАн 61 I (см. также примечания к АфПр = = AaTh 20D*); Свод Тадж.

№ 10. Тип: EbBo 15 = (AaTh 103) + ThMot K751. 1. 1.

Варианты: СНД № 9; ср. Чеч 1963, 235—237; CC III, 2:4 — 5 = Dr № 44 (осет); Dr № 32 (мингр); Ав № 16; Свод Тадж; EbBo Anlage C — 2; Schwarzbaum — «Fabula» 6, 1963, стр. 187; Megas — «Laografia», 1966, стр. 508.

Широко известный в Северной и Восточной Европе сюжет, на Кавказе встречается редко. Единичные турецкие варианты особенно близки к кавказским.

№ 11. Тип: (AaTh 2030).

Варианты: ср. здесь № 14; Ос 1959, 34—36;

Всемирно известный сюжет изложен здесь с нарушением кумуляции, последовательности звеньев и персонажей.

Исследование: J. R. Perkal — «Fabula», 3, 1960, стр. 254; 5, 1962, стр. 228.

№ 12. Тип: (ThMot K2055; K813.13; K2285) + ср. (AaTh 20D*) + + AaTh 122 (АаАн *61).

Варианты: ср. здесь № 6; Ос 1959, 15—16; Дол № 86. Свод Тадж.

№ 13. Тип: Medne *275 + Medne *88.

Варианты: ср. AC 311—312.

№ 14. Тип: (AaTh 2030).

Варианты: ср. здесь № 11; Schiefner O 197—200; Pröhle K № 1; Дол № 99.

№ 15. Тип: Medne *68, *126.

Варианты: Свод Тадж.

Анекдот введен в международный каталог на основе латыш-

ского справочника Medne: звери «встретятся» у меховщика. Публикуемый текст совпадает также с армянскими вариантами.

№ 16. Тип:

Варианты: (Ав № 49).

Пословицы этого содержания см. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, М., 1968, стр. 300.

№ 17. Тип: AaTh 50A; Ae № 142.

Варианты: Туркм № 13 (также волк, в отличие от льва или тигра в нормальной версии сюжета).

Древнейшие литературные источники этой басни см.: Schwarzbaum — «Fabula», 6, 1963, стр. 185; Schwarzbaum, 298, 363, 364, 480.

№ 18. Тип: AaTh 155 = EbBo 48.

Варианты: СНД № 26; Чеч 185 — персонажи - волк, лошадь, собака, лиса; Ос 1959, 25—27 и СНД № 85 — неблагодарная змея; Азерб 298—301; ССО № 110; Абх III 229 231; Туркм № 41; Чеч 141—142; Свод Тадж; Азербайджанские тюркские сказки. Перевод, статьи и комментарии А. Багрия и Х. Зейналлы, М.—Л. 1935, стр. 514—518, примечания стр. 646 [дальнейшие кавказские варианты]. А. Коптелов, Сказки народов Сибири, Новосибирск, 1956, стр. 242; Греческие варианты см. Megas MdW 5, 310; H. Paasonen, Mischärtatarische Volksdichtung, Helsinki, 1953, стр. 110—114, № 20; H. Paasonen, Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen, Helsinki, 1949, стр. 121—124, № 4. Ср. № 31; D. Noy, Sefet Schwili, № 6 eizählt, Berlin, 19.., Suppl. Fabula; E. Moser-Rath, Predigtmärlein der Barockzeit, Berlin, 1964, № 126 (дана большая библиография к литературной истории сюжета в Европе). Дополнительно: Schwarzbaum — «Fabula», 6, 1963, стр. 190 (со ссылками на его собственные исследования).

В настоящее время известно около тысячи вариантов (литературных и изустных) этого сюжета из Евразии, Африки и Америки, генетическая связь которых несомненна, однако исчерпывающего исследования всей истории этого знаменитого рассказа пока нет.

Относительно места и времени возникновения сюжета мнения ученых расходились: Th. Benfey (Pantschatantra, I, Leipzig, 1859, стр. 113—120) возводил все известные ему литературные и изустные свидетельства сюжета к античному, греческому источнику начала нашей эры, хотя эпизод обращения к судьям с просьбой разрешить спор о том, следует ли платить за добро злом, ученому казался типично индийским, и он располагал значительными материалами, которые могли бы сделать вероятным (согласно его общей теории) индийское, более раннее происхождение сюжета. K. Krohn первоначально на основе ограниченного материала считал родиной сюжета Египет конца I тыс. н. э., но позже склонен был принять аргументацию филолога Mc Kenzie в пользу индийского происхождения сюжета. W. Liungman видит родину рассказа (в виде сказки) в Малой Азии, примыкая к мнению Бенфея, однако Юнгман склонен датировать сказку, возникшую по его мнению, вероятно, из басни, гораздо более поздним временем (от 300 до 1000 г. н. э.), как это делал и Крон. Чтобы внести ясность в географию и историю сюжета, необходимо под-

вернуть анализу всю совокупность имеющихся сведений, которых все еще слишком мало. Особое значение имеют записи Средней Азии, в частности ираноязычные, к которым относятся и осетинские. Их специфика определяется сочетанием известных мотивов, принадлежностью или тяготением к определенным сложившимся версиям.

Сюжет представлен ныне в трех версиях, ареал которых отчасти перекрывается: 1) человек отогревает замерзшую змею, а она его кусает; 2) человек воскрешает умершего льва, а лев хочет его убить; 3) человек спасает змею из огня, а она угрожает спасителю. В каждой группе вариантов имеются свои специфические мотивы: особенно характерны «судьи», к справедливости которых взывает человек, последним судьей являются обычно лиса, шакал и другой «хитрый» басенный зверь, например в Африке — паук (ср. Сказки мампруси. Собрала и записала Г. Аппеткова-Шарова, М., 1966, № 22).

В третьей версии судьями являются: лошадь (бык), собака и лиса. Ареал этих мотивов и в этой последовательности включает Грецию, всю зону расселения славянских народов и частично Среднюю Азию и Индию. Публикуемый здесь вариант отражает персидскую версию, в которой нередко в качестве несправедливого спасенного зверя встречается не змея, а волк. Эта версия засвидетельствована в памятнике литературы XV в. («Anvar-i Suhaili», ed. Eastwick, Hertford, 1854, стр. 264, III, 3 = Liungman, стр. 355.)

Вторая версия (неблагодарный лев) также сложилась на индо-персидской почве, но ее ареал и значение ограничены. Вся остальная традиция сюжета может быть отнесена к первой версии, которая хорошо засвидетельствована также и в литературе, начиная с баснописца Фэдра (I в. н. э.). Видное место в литературной истории сюжета занимает труд Петра Альфонси «Disciplina clericalis»: Exemplum de homine et serpente, а также сборник «Gesta Romanorum». Сюда же восходит обработка сюжета в «Романе о Лисе». Независимо от латинской и предшествовавшей ей восточной, в особенности еврейско-арабской, традиции сюжет распространялся устно, достигнув Латинской Америки, Сибири, Дальнего Востока, Океании и глубинных районов Африки. Несмотря на глобальный ареал и длительную, весьма сложную историю, сюжет еще в настоящее время сохранил большую устойчивость, хотя рано сложившиеся версии делают возможным множество калейдоскопических сочетаний мотивов. Между тем каждый вариант, записываемый ныне, отчетливо обнаруживает свою зависимость от известных версий, а эта соотносимость объясняется культурно-исторически, отражая взаимоотношения регионов культуры. Именно путем тщательного сравнения всемирно известных сюжетов становится возможным выявление местной специфики культуры носителей вековой фольклорной традиции.

№ 19. Тип:

В рассказах этого рода исследователей привлекает явная связь между двумя жанрами: повестушкой и пословицей. Этому вопросу, уже обсуждавшемуся в фольклористике, посвятил книгу

Г. Л. Пермяков (От поговорки до сказки, М., 1971), где предлагается логическая классификация сюжетов.

Публикуемый здесь рассказ представляется вторичным явлением, объясняющим уже ранее бытующую поговорку. Аналогично «народной этимологии», поясняющей, например, непонятные названия местностей, можно выделить в словесности и сферу «народной паремиологии», когда создаются рассказы, долженствующие образно пояснить содержание пословиц и поговорок. Иногда эти виды фольклора проникают в научно-популярную литературу. С другой стороны, надо иметь в виду тенденцию разговорчивых людей завершить или просто свести рассказ непременно к пословице, придавая своим словам авторитет «народной мудрости». Цитируемые пословицы оказываются во многих случаях фикциями с точки зрения традиции, но это не исключает возможности их распространения в народе в дальнейшем.

К вопросу о пословицах в сказках о животных см.: D. Loukatos, Le proverbe dans le conte,— «Laographia», XXII, 1965, стр. 229—233 (IV International Congress for Folk Narrative Research in Athens 1. 9 — 6. 9. 1964).

В публикуемом тексте обращает на себя внимание то, что сова изображается глупой. В Западной Европе она считается символом мудрости.

№ 20. Тип: AaTh 15 + (AaTh 37: ThMot K931 + ThMot K621); ср. (AaTh 73) + 0 + AaTh 8A + 00 + EbBo Anlage C — 1.

Варианты: Подобные контаминации известных сюжетов рассказывались осетинами и раньше: Schiefner 0 201—205 (= AaTh 15 + AaTh 37; AaTh 73) + 0 + 00; весьма близок вариант Ос 1960, № 41, в котором отсутствует AaTh 15. Марр, Вардан I, 175. Свод Тадж.

Для AaTh 15: Дол № 94; CM XXIII, 3, № 9; Ав № 2; EbBo 6—1. 1 + 2; Tietze: Ha № 89; Ce VI 2457—2464; Bh № 372.

Для эпизода 0 из некаталогизированного типа (мотив зашивания зернопрохода, чтобы меньше есть): Schiefner 0 201—205; Ос 1960, № 41.

Для эпизода 00 (заманивание волка в корзину): Schiefner 0 201—205; Ос 1960, № 41; Дол № 94; СНД № 4 (окончание); Ср. АС 306—307.

Сюжет о лисе-повитухе и двусмысленных именах новорожденных ныне всемирно известен. Своеобразие проявляется лишь в составе персонажей и пище. Публикуемый текст принадлежит к европейской версии по персонажам, отличаясь от нее по пище (вместо меда здесь масло). Имена новорожденных по смыслу весьма стабильны во всех языках. Осетинские имена здесь ближе к тюркским.

Бенфей возводил рассказ к басне, литературные свидетельства которой содержатся в арабских и последовательно европейских памятниках средневековья. На основе преимущественно изустных записей K. Krohn [Bär, (Wolf) und Fuchs,— «Journal de la Société Finno-ougrienne», VI, стр. 74—81] считал родиной рассказа Северную Европу, где сюжет многократно записывался у немцев, скандинавских и балтийско-финских народов в хорошей сохран-

ности. Восточные литературные свидетельства восходят, по его мнению, к устным европейским источникам. Больте и Поливка (BP I № 2), а также Юнгман (Liungman, стр. 8), учитывая дополнительные варианты других регионов, оставляют вопрос о месте и времени возникновения рассказа открытым. Выявленные в последние годы таджикские варианты и публикуемый здесь осетинский существенно восполняют ареал сюжета и делают гипотезу восточного (или даже иранского) происхождения рассказа весьма вероятной.

№ 21. Тип: (AaTh 247)

Варианты: Ос 1960, № 47 (вторая часть); ср. Миллер ОЭ II, 184; ср L. Schischmanoff, Légendes religieuses Bulgares, Paris, 1896, № 52.

№ 22. Тип: AaTh 81 = AaTh 1238 = АаАн 72 **.

Варианты: ср. Чеч 1963, 132 (о человеке); Ае № 449.

№ 23. Тип: AaTh 212 + (AaTh 130 A).

Варианты: для AaTh 130A — Свод Тадж.

Исследования: для AaTh 212 — A. Fischer, Bajka o kozie obdartej,— «Lud», 16, 1910, стр. 347—357; АфАн I № 62.

Для AaTh 130 — Liungman, стр. 130.

Публикуемый текст отражает русскую традицию всемирно известного сюжета.

№ 24. Тип: AaTh 545B(I) + IIcd + IIIc + EbBo 34 + (EbBo 36 — IV, 12).

Варианты: Munkácsi II, 18—23; Dr 12, Ав № 88 (= CC II, 5): 45 — 48 = Schiefner A № VI; СНД № 25; Дол ВС № 15; ближайший — Ос 1959, 95—98 (окончание расходится); Tietze: Gq 17—21; Da 454—456; Ha II, 340—342; Lb 123 At III № 26; Ra IV 358; АфАн № 163—164.

Исследования: BP I № 33a; P. Saintyves, Les contes de Perrault, Paris, 1923.

Древнейшие литературные свидетельства сюжета (Кот в сапогах) на европейской почве дошли до нас на итальянском языке в сб. Страпаролы (середина XVI в.) и Базиле (начало XVII в.), а в России (сказка «О лисице и дураке») — в сб. «Деревенская забавная старушка, по вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки» (М., 1804) и «Москвитянин» (I, 1844, стр. 122). Итальянская литературная версия была воспринята во Франции Ш. Перро (конец XVII в.), откуда она перешла в Германию.

Ранние русские обработки (соответственно АфПр № 163) восходят к восточному источнику, где вместо кота героем является лиса. Эта версия сюжета отражена и в данном тексте.

№ 25. Тип: AaTh 2031C.

Варианты: Ос 1959, 28—33; СНСК (Осет) 107—112; СНД № 1; ср. Ав № 12; ср. СМ XXVII, 3: 49—50; ср. КиД 1957, 175—176; Schwarzbaum 320; Chauvin 2, 97.

Публикуемый текст восходит к индийской версии сюжета, где встречается более полная цепь: солнце, облако, ветер, гора (здесь нет!). Дополнительные звенья — вол, плуг, корень — встречаются и в варианте, записанном в Бирме (K. Ziem, Einen Bräutigam für Fräulein Maus, Berlin 1959, стр. 5—7; Maung Htin Aung,

Burmese Folk-Tales, Oxford — Calcutta, 1959, стр. 55–56). В сочетании и последовательности мотивов кроются общность и своеобразие кавказских записей этого древнего, восточного сюжета.

№ 26. Тип: AaTh 155 + (ThMot B422 + B784. 2) + (AaTh 285 B*); ср. (AaTh 182; AaTh 507).

Варианты и заметки: Schiefner — «Mélanges asiatiques», VIII, 1881, стр. 507; Игра Веталы с человеком, М., 1969, № 21 = Волшебный мертвец, пер. Б. Я. Владимирцова, М., 1958, стр. 138–141.

К типу AaTh 155 — см. прим. к № 18.

Публикуемый текст представляет собою конгломерат разных мотивов, сымпровизированный рассказчиком. Эпизод спасения змеи из огня взят из третьей, индо-иранской версии сюжета.

№ 27. Тип: (ThMot J21 + AaTh 1543 D*) + (AaTh 840; AaTh 470–II; AaTh 471–III); ThMot F171. 6; (EbBo 86—IV, 5 d, m, t; 86—V) + + EbBo Anlage C — 13.

Варианты:

Как рассказ о путешествии на тот свет публикуемый текст и подобные кавказские варианты должны найти себе место в повествовательном типе AaTh 465. Эпизод «чудеса и пророчества» весьма распространен в иудейской, христианской и мусульманской традиции: «три котла» и «лающие щенята в утробе суки» — EbBo Anlage C — 13; Hahn 96 (= CM VII, 2, 5); Ос НС 151; Каб Н137; Миллер ОЭ I, 2, № 10; CC V, 2, 36; Ос НС 150; Ос НЮ 264.

Образ судей в подобном сочетании встречается как продолжение типа AaTh 449: Miller — Stackelberg № 5 (стр. 30).

На Кавказе, в особенности у осетин, перечисленные эпизоды закрепились в нартских сказаниях. Эти же символические видения и пророчества, по данным Tietze, встречаются в турецком памятнике XIV в. «Ferec ba'd eş-şidde», XXXI.

Ареал рассказа, его основных элементов, простирается на Алтай, что позволяет считать их «шаманистскими». Слабые христианско-мусульманские рудименты в этом тексте не могут быть истолкованы как доказательство архаизма, глубокой древности сюжета в целом. Даже в турецких вариантах, очевидно в силу светского, развлекательного характера сказочного жанра, богословские мотивы выражены слабо.

№ 28. Тип: AaTh 650B.

Варианты: ср. здесь № 31, № 33, № 42, № 75; Miller — Stackelberg № 5; Хаханов I, 108; ср. Хаханов I, 272; Долидзе 409, № 96; W. E b e r h a r d, Volksmärchen aus Südost — China, Helsinki, 1941, стр. 219–221, № 129; J. A m a d e s, Folklore de Catalunya, I. Rondallística, Barcelona, 1950, стр. 1496–1498, № 2092.

Исследование: поскольку сюжет вошел в эстонский эпос «Калевипоэг», см. A. A n n i, F. R. Kreutzwaldi, Kalevipoeg, I–II, Tartu, 1934–1936.

Публикуемый текст представляется сильно социализированным вариантом популярного на Кавказе всемирно известного сюжета.

№ 29. Тип: ThMot. F535. 1 + (L112. 2); S301; L114. 3; S143; N776 (ср. AaTh 530 Ia); F350; EbBo 96, 3. 4; EbBo 284.4; (AaTh 304 IIe) ThMot D1208; D1338; D1523. 1.

Варианты: ср. здесь № 34, № 46, № 53. Ос 1959, 39—47; СНД № 43: Долидзе № 18; Азерб 188—207; ср. СМ XXVII, 4, 35—60.

Публикуемый текст является конгломератом сказочных мотивов на следующую тему: герой расправляется с тремя нечеловеческими сестрами и женится на них, затем получает и сестру великанов. Осетинской чертой рассказа можно считать мотив: одряхлевший отец становится пастухом (гусей или свиней), его чудесный сын должен омолодить отца и добыть для него молодую красавицу.

№ 30. Тип: AaTh 915A.

Варианты: те же советы — Ernst I, 718—723; второй совет — Чеч 133; ср. Каб Н 423.

В каталоге зарегистрированы всего 8 литовских и 3 индийских варианта. Публикуемый текст и недавно записанный еврейско-сирийский вариант [H. Jason, Types of Jewish — Oriental Oral Tales,— «Fabula», 7, 1965, стр. 180 (IFA 2716)] существенно восполняют ареал и подтверждают относительную древность сюжета.

№ 31. Тип: AaTh 650 B.

Варианты: ср. здесь № 28 (33), № 42, № 75. СМ X, 2, 326; СМ X, 3, 32—35; Pröhle K № 6; Чеч(инг) 271—273; Ос НС 78—81; СНД № 61. Рассказ на Кавказе столь популярен, что вошел в нартские сказания: Абх 1959, 59—60; Абх Н 201—206. Сюжет, хотя и не отмечен в каталоге EbBo, записывался русскими учеными на тюркских языках: ЖС 1916, № 18 (казах), № 59 (алтай), Schiefner — MA III, 381—382 (VI); 386—388 (XI); у калмыков — Калм М 194—197 = Ramstedt I, № 12. Наиболее ранняя кавказская литературная обработка (конец XVII в.) — ССО.

Для отдельных мотивов: великана принимают за гору — Сербские народные сказки, М., 1956, стр. 9—15, также в перечисленных мингрельском, лакском, чечено-ингушском вариантах; выпивание всей проданной воды — минг., карач. и чеч-инг. варианты; мотивы Полифема — ЖС 1916, № 18; Калм М 194—197; Чеч 1963, 12—13.

Публикуемый текст близок к кавказской нормальной версии.

№ 32. Тип: (ThMot S375; M301. 2. 1); (ThMot T50. 1; T381); (ThMot R11. 1; H1385. 1); AaTh 550—II + AaTh 552 A(I) + II(ab); (Th Mot B505. 1) + Th Mot T11. 2 + (AaTh 406) + (AaTh 570—III; AaTh 850—I; Th Mot C312. 2; H331. 6. 1. 1; T24. 2) + Th Mot C611; C951 + Th Mot E761. 1; B512 + AaTh 554—I + Th Mot B181; B211. 3; B401; D1734.

Варианты: ср. здесь № 45, № 48, № 53.

Этот довольно складный рассказ не типизируется по имеющимся каталогам. Его эпизоды встречаются в типах EbBo 108, 212, 213, 215 и 218. Сюжет содержит основной мотив: «герой освобождает великана, который крадет его жену» = EbBo 215—IIIз, что не поддается типизации при помощи индекса мотивов Томпсона (так как G671 : AaTh 502—Ia противоположно по смыслу, но также бытует и на Кавказе).

Вместо AaTh 554—I может встретиться мотив из AaTh 552 A—IIIb (звероподобные родственники героя добывают сверхбыстрого коня). В такой композиции рассказ соответствовал бы

АаАн 400 А. Ближайшие параллели: К. А. Четкарев, Марийские народные сказки, Йошкар-Ола, 1956, № 8 (определено как АаАн 552А + 400А); см. АфПр I, № 159.

Публикуемый текст отличается от нормальной версии в следующем: звериные братья сестры тождественны братьям великана, поэтому их сестра оказывается «своевольной красавицей» (AaTh 406, 519, 566); далее — сестры героя уже на выдаче, когда герой рождается, но выходят они замуж только через двадцать лет; «полулюди» присутствуют на богослужении; герой скачет на слоне, поглотившем коня (AaTh 550—II); отца-великана, стеной лежавшего вокруг замка дочери, никто из детей не оплакивает; главного великана зовут Хатаг Бараг, следовательно он всего лишь рыцарь-грабитель, который никак не может по рангу внушать страх. Непоследовательность рассказа является, быть может, следствием литературной обработки переводчика. Текст заимствован из редчайшего издания «Терских ведомостей», реконструкция подлинника невозможна. Сюжет явно традиционен и хорошей сохранности (ср. отчасти Schiefner — MA III, 386—388 (XI) окончание).

№ 33. Тип: AaTh (516 A—Ic: 369—I); (ThMot H1381. 2; M411; R154. 2) + AaTh 650D * (ThMot E30) + (ThMot K525. 1) + AaTh 300 A + ср. (AaTh 312 D) + ThMot D1553 + (ThMot M301. 2. 1; M411. 5; S375) + AaTh 480—IVc + (ThMot D1209. 1; D1442. 1) + + AaTh 550—IIIc + (ThMot D1155) + (AaTh 550—IV) + (ThMot E80; B512; D925) + (ThMot D1208; E64. 10).

Варианты:

Рассказ в основном соответствует типам AaTh 312D + AaTh 550, являясь их довольно свободной композицией, насыщенной посторонними, плохо сочетающимися мотивами. Поэтому точных параллелей найти невозможно, ср.: Миллер ДС № 3; Ос 1960, № 11, Ос НС 249—257. Начальный мотив — героя подстрекают искать потерянного или униженного отца — см. Ос НС 24—26; Ос НЮ 206; Каб Н 244; АС 9. В нашем тексте за это указание благодарят, см. Миллер ДС № 3; СМ XII, 2: 52 (каб.); ЖС 1916, 90.

Тип AaTh 650 D * отличается: «великан оживает из скелета (затем снова умирает или его убивают)», ср. Миллер ОЭ I, 1, № 12; Миллер ОЭ I, з, № 1; СМ VII, 2, № 4 — Hahn 104—106; Ос НС 297—300; СМ XXVII, 4, 60—62; Чеч 1963, 33—34; Долидзе ВС № 50 (окончание).

№ 34. Тип: (AaTh 650A).

Варианты: Miller — Stackelberg № 1 (начало); Ос 1951, 87—92; Ос 1960, № 16 (см. Ос 1959, 84—87 — спутано!) АС 153—164; СНД № 34; Микава 14—19; ЯСКиД 2, 1949, 114; Dr № 58; Чеч 1963, 123—129; СМ XXI, 2; Ав № 85 (= Schiefner A № 2 = СС II, 2, 16—24); ср. здесь № 43, № 45.

Рассказ нередко на Кавказе контаминирован с типом AaTh 301—I, отличаясь также от нормальной версии AaTh 650A, которая, впрочем, композиционно довольно рыхлая.

Ребенка похищает медведь (а не великан): Ос 1960 № 16; АС 153—164. Публикуемый текст плохо передает сюжет, вводя необоснованные мотивы: здесь родители пошли в лес за цве-

тами — в вариантах Миллера — Штакельберга, Ос 1951 и АС они идут за материалом для колыбели: мотив чудесной плети не обоснован, как и в текстах Миллера — Штакельберга и Ос 1951. Слабое знакомство с сюжетом рассказчик или перевод компенсируют не свойственной сказкам психологической мотивацией и диалогами.

№ 35. Тип: (AaTh 860 A * = AaTh 530—II) + (AaTh 530—III = AaTh 314 V—VI; = AaTh 300 VI—VII).

Варианты: ср. здесь № 107. Начало рассказа — это сказание о нартах. В имени собственном «Верахан» наблюдается вариативность: Ос НС 126—133 — «Ведуха»; Ос НС 1949 — и Ос НЮ 251—258 — «Бедуха»; СМ XII, 2, 5 — «Бэдыху». Кажущийся анахронизм — мальчика выстреливают на башню из пушки — содержится уже в ранних записях: Schiefner O стр. 27; Миллер ОЭ I, 1, № 3 (22—23); № 8 (44—45); ОЭ I, з: № 11 (147); СС IX, 2, 20; СМ I, 2, 1—6; при помощи стрелы или балки — Ос НС 246—247, 274, 351, Абх 1959, 59; Абх Н 225—226, 230 (отличаются персонажи).

Для мотива оживления несением и для обмана Сирдона: Миллер ОЭ I, 1, № 8; СС V, 2, 8; Ос НС 126—133 — эти тексты, являются также ближайшими вариантами; см. Dr № 59, Hahn № 4.

Вторая часть плохо увязывается с предыдущей: см. здесь текст № 46 (знак обручения); это весьма популярный на Кавказе эпизод, однако сказочник, очевидно, забыл, что герой еще младенец, а по ходу рассказа Верахан вообще не давала ему кольца.

№ 36. Тип: AaTh 530 Iad, II(a)bf, IIIabc (кольцо!); EbBo 73.

Варианты: ср. здесь № 35, № 37; Абх 1959, 136—145 (+ AaTh 314); Dr № 30 (арм. вариант из школьного учебника); Азербайджанские тюркские сказки, М., 1935, стр. 222—226, дальнейшие варианты стр. 637; черкес. и друз. варианты: Jason — «Fabula» 7, 1965, стр. 153; Узбекские народные сказки, сост. М. Шевердин, т. 2, Ташкент, 1961, № 72, № 78; Казахские народные сказки, сост. М. Сидельников, М., 1952. № 44; Tietze — Le № 3; ср. Na 46—52; Lm 183—203; Sp 152—161; Lb № 113; Su II, 49—64. Дополнительный список вариантов на славянских языках: АфАн № 179 и АфПр тип 530.

Исследования: I. M. Boberg — «Danske Studier», 1928, стр. 16 сл.; Liungman 144—147; K. Ranke, Schleswig — Holsteinische Volksmärchen II, Kiel, 1958, стр. 146 сл., где дан анализ немецких вариантов; этнологическое толкование сюжета см. Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958, стр. 64сл.

Датская германистка Буберг относит сюжет к древнейшему «арийскому» наследию. Исключительно древним признает этот сюжет и Е. Мелетинский. К. Крон считал этот повествовательный тип относительно поздним европейским заимствованием из Малой Азии, куда он попал, вероятно, из Индии (FFC 96, 99).

Несколько неожиданно в методическом отношении Юнгман в поисках места и времени возникновения сюжета (в немецкой номенклатуре «Стеклянная гора», а по-русски «Сивко-Бурко») придает чрезмерное значение мотиву «стеклянной горы» и соответственно производству стекла и истории коневодства. Между

тем в вариантах кавказских горцев и в других восточных свидетельствах именно этот «реалистический» мотив, как и в публикуемом осетинском тексте, вовсе отсутствует. Что же касается красавицы в башне, то этот мотив, кажущийся этнологам более поздним, нежели мотив скользкой недоступной горы, засвидетельствован уже в египетском папирусе не позже I тыс. до н. э. Таким образом историческое разыскание упоминаемых в западноевропейских вариантах сюжета реалий дает столь же мало оснований для датировки и локализации этого широкоизвестного сюжета, как и стадиальное истолкование другого мотива, а именно образа невзрачного младшего сына, как отражения гипотетического для данного ареала левирата, права младшего сына наследовать своему отцу. В публикуемом тексте, как и в четырех турецких вариантах EbBo 73, нет намека на то, что сыновья охраняют могилу отца, куда повадился конь, тогда как этот, предположительно весьма «архаический», мотив в указанном азербайджанском варианте представляется весьма поздним, мусульманским наслоением, что вполне возможно и в других вариантах.

Замену «стеклянной горы» просто высокой башней или даже домом Буберг считала русской чертой, которая сказалась на традиции сюжета у северных и южных соседних народов. Ареал этой детали и вместе с тем всего типа в настоящее время благодаря восточным публикациям определился иначе, чем это казалось во времена Буберг и Крона. Версия с башней сложилась не в России, а гораздо южнее, в частности на Кавказе. Вместе с тем эта версия, вероятно под русским влиянием, передалась на Север, где она столкнулась (в Финляндии) с версией «стеклянной горы», которая, хотя и засвидетельствована в скандинавской эпической поэзии (XIII—XVI вв.), является все же более поздней, да и исконный ее ареал значительно уже.

Публикуемый текст, выдержанный в бытовом тоне, закрепляет северо-западную границу ареала исконной версии сюжета на Кавказе. На основе других деталей, отчасти содержащихся и в осетинском варианте, Юнгман относит возникновение рассказа в целом к средневековью, что подтверждается, кстати, и сравнительным анализом русских записей сказки.

№ 37. Тип: AaTh 550—Ia [= AaTh 301—IId(c)] = AaTh 400—Id = = AaTh 530—I (ac): ThMot G346; H1210. 1; H1471 кража ло- шади + 0 + ThMot R11; H1385 мать! + R.154.1 + AaTh 550—IV (ThMot W154. 12. 3; D1381. 3. 1; K1931; S162; S164; S165; N886) + + (AaTh 709 A—I) добывание сестры: ThMot J1146; G262. 1; F613.

Варианты: ср. здесь № 45 (AaTh 550—IV: здесь № 32, № 33, № 60, № 66, № 113).

Для удобства анализа параллели предлагаются по группам. Нетипическая вставка 0 является личным добавлением сказочника.

1) Памятники народного творчества осетин, IV, 1930, стр. 85—93; Ju № 7 (№ 8 только начало); Дол ВС № 6 (отличается началом AaTh 312D; AaTh 550—IV; спутники AaTh 513; добывание жен AaTh 301).

2) Миллер ДС № 3 = Ос 1960 № 11; Калм М 106—114 = Ramstedt I, № 11; Калм С 31—45; Туркм № 20.

3) Ос 1959, 211—218; Ос 1960, № 2; СНД № 62.

4) Ос 1951, 166—177 = СНСК 226—245; Ос 1959, 118—131; СМ XXVII, 2, 129—141 (имерет); ср. СНД № 58 (конец).

5) Ав № 87 = Schiefner A, I = СС II, 15 : 9 — 16; Дол ВС № 43; АФ 123—128.

6) Ос 1960, № 15 (в составе конгломерата); Дол № 2.

Хотя сюжет по вариантам 1-й группы изложен обстоятельнее, он не обязательно должен считаться исконным. Как в библейском предании о Иосифе, братья оставляют героя в яме на произвол судьбы; его спасают проезжие купцы. В конгломерате Калм М 39—60 вместо братьев действуют мужья сестер жены (AaTh 314).

Варианты 1-й и 3-й группы (где не упоминаются излеченные спутники-калеки) продолжаются той версией AaTh 301, где нет речи о спасении красавицы, так как женитьба происходит до того, как герой лишился ног.

Во 2-й группе выделяется версия, по которой младший брат (до эпизода AaTh 550—IV не добывал жен братьям и себе) соответственно женится (после эпизода F613 названною сестрою), тогда как освобождается здесь мать (ср. здесь № 66; Дол № 2; Дол ВС № 35, № 43; СНД № 58; ср. похищение коня Ос 1960, № 11!). Подобное развитие сюжета AaTh 550—IV не зарегистрировано в каталогах. Соответствующие мотивы приписаны к типу AaTh 519 в качестве особой версии, хотя это весьма произвольная комбинация мотивов.

Варианты 4, 5, 6-й групп не содержат эпизода со спутниками-калеками и путешествия в подземное царство. Обезноженный, ослепленный, заживо похороненный и разрубленный младший брат сам себя излечивает (или это делают конь, животные, птица: его вытягивают из ямы; оживляют водой и т. п.).

Взаимоотношение версий, география и история сюжета в целом неясны. Связи осетинских вариантов с записями у соседних народов проявляется в деталях, комбинация которых носит, вероятно, специфический характер.

№ 38. Тип: AaTh 510—Ia + IIe (ThMot B115. 1 + D1470. 2. 3).

Варианты: ср. здесь № 64; Dr № 29, ср. АС 227—237; СНД № 46; АФ 146—157; ЯСКиД 2, 1949, 170.

Исследование: A. B. Rooth, The Cinderella Cycle, Lund, 1951.

Редкий на Кавказе повествовательный тип Золушки плохо изложен в предлагаемом тексте, который отличается от прочих записей этого региона. Позднее книжное заимствование, которое EbBo 60—V отрицают для Турции, вполне вероятно для осетинского рассказчика.

№ 39. Тип: (AaAн 936 *) + (AaTh 461—IV abc) + AaTh 301—Vcd.

Варианты: рассказ составлен из плохо усвоенных рассказчиком отдельных мотивов и эпизодов, а в целом не является типическим.

Полет с орлом в туше — известный и на Кавказе мотив: Миллер ОЭ I, 1 № 12; ОЭ I, з, № 10; Туркм № 38; EbBo 198; АфАн 243.

№ 40. Тип: AaTh 313(I) II bc IIIb.

Варианты: ср. здесь № 43.

Нетипическое изложение плохо увязанных эпизодов всемирно известного сюжета. Новейшие кавказские записи: Ос 1959, 88—94 (начало AaTh 537); Дол № 31 (начало AaTh 537); Дол ВС № 21; Абх 1959, 163—173; СНД № 41.

Исследование типа: A. Aarne, Die magische Flucht, Helsinki, 1930 (= FFC 92).

№ 41. Тип: (AaTh 550—II: ThMot N772) + AaTh 613—IIa IIIe + + ThMot L13 + AaTh 550—IV.

Своевольная комбинация «облагороженных» эпизодов двух повествовательных типов. Индивидуальные особенности рассказа наглядны на фоне Дол № 22, где сюжет AaTh 613 изложен последовательно. Далее ТНС № 12, АС 52. Предлагаемый текст является образцом разложения сказочной традиции под влиянием литературы и фольклористики на сознание рассказчика. Перевод, очевидно, в точности передает несовершенство оригинала. Подобные записи (см. предыдущие со слов Б. Б. Туаева), благодаря их недостаткам, свидетельствуют о современном состоянии жанра.

№ 42. Тип: AaTh 650 B.

Варианты: ср. здесь № 28, № 30, № 75.

В публикуемом тексте, в отличие от нормальной версии, герою указывает на более сильных супротивников его же жена. Также в записях: здесь № 75; ССО, Чеч 271—273; СНД № 51. В тексте № 31 жена, наоборот, возвеличивает силу мужа. Мать запрещает герою хвастаться силой: Абх 1959, Абх Н.

По этим деталям можно судить о взаимосвязях вариантов сюжета.

Мотив: вода уносит искателя супротивника популярен на Кавказе: ССО № 103; Дол ВС № 50; Абх 1959, 59; вода разлита великаншей только в тексте Абх 1959, 59.

№ 43. Тип: (AaTh 301—IIf) + AaTh 314—II (= AaTh 502—IIac; ThMot C611 + C911) + ThMot D1612 + AaTh 313—IIId (ThMot D466. 3) + ThMot D49 (AaTh 650 A).

Варианты: ср. здесь № 34, № 40.

Необычное сочетание эпизодов из разных повествовательных типов глобального ареала.

№ 44. Тип: конгломерат отдельных мотивов из (AaTh 312) + (AaTh 302) + AaTh 306—II, III + AaTh 300—II + AaTh 301—VIb + AaTh 650A.

Варианты: некоторые тексты называют героя именем Джамбола, что характерно для кавказско-турецкой традиции EbBo 213—V; в нашем тексте имя другое. Параллели см.: Памятники устного народного творчества осетин, т. IV, Владикавказ, 1930, стр. 137—142.

Несмотря на наличие в рассказе некоторых более или менее редких, известных на Кавказе мотивов и вопреки примечанию, что сказка в этом виде воспринята в детстве от дяди, текст представляет собою нетрадиционную, сугубо индивидуальную импровизацию, которая может служить лишь документом разложения жанра у рассказчика, явно стремящегося к не свойственной хорошим сказочникам оригинальности.

37 Заказ 2079

№ 45. Тип: AaTh 303—Id (ср. AaTh 567 — зарезать черного петуха) (ThMot T589. 7. 1) + (AaTh 577) + ThMot C611; C951; R11. 1; E64. 10 + AaTh 513—II (ThMot F621; F681; F633) (= AaTh 301—IIa) + AaTh 301—IIc + AaTh 302—IIa(bcd) + AaTh 301—IVb Va + 0 + ThMot F67 (= EbBo 72, 7—9) + AaTh 300—II—III + + 00 + AaTh 301—Vcd VI df + 000 + (AaTh 516—III—V) + (ThMot D1208; E64. 10).

Варианты: ср. здесь № 32, № 37, № 48, № 55, № 56.

В публикуемом рассказе соединены эпизод о муже сестры великанов (см. № 55) с восточной версией AaTh 301 (= EbBo72), а через особую вставку 000 — также и фрагмент AaTh 516 III—V. Это возможно по смыслу, когда спутник героя сильнее. Здесь несомненно остаток сюжета AaTh 516 III—V, что явствует из параллелей: Ос 1960, № 13; ср. СС—IV, 2: 15—20 (чеч); Дол № 35, Азерб 207—216; ЖС 1916, № 31.

Вследствие того, что сюжет AaTh 301 является популярнейшим в Евразии, трудно без специального исследования установить наличие в осетинском тексте какого-то своеобразия.

Для вставок ср.:

0 = Мать великанов говорит о черном и белом барашках: EbBo 72—III, 7i; Ос 1960, № 1 (стр. 14—16) (не тождественны!);

00 = Подземный царь посылает животных на водопой, чтоб убедиться в смерти дракона: ср. здесь № 55 (но не № 56); Ос 1959, 211—218; Ос 1960, № 1; Дол № 3.

Мотив «войлочная плеть оживляет» E64. 10 встречается в кавказском повествовательном репертуаре часто не к месту (по нормальной версии орел непосредственно обладает чудесной силой), иногда вместо плети встречается шелковый платочек: Ос 1959, 79—83; Ос 1959, 211—218; Ос 1960, № 1.

В качестве параллелей, где у жениха более сильный спутник (AaTh 303; AaTh 516) ср.: Ос 1960, № 1 (7—25); Ос 1960 № 13 (162—180); ср. Ос 1959, 76—83; Munkácsi II, 12—34; Дол (№ 35) и № 45; АС 131—141; Азерб 207—216.

В целом: ср. EbBo 214, 1—2 + (EbBo 215; 213, 4—8) + EbBo 72, 5—14 (18).

Варианты типа AaTh 301 здесь не следует привлекать, так как этот сюжет в публикуемом рассказе используется лишь для восполнения пробелов фабулы в памяти рассказчика.

№ 46. Тип: AaTh 303—I(c)f [см. AaTh 314—I(ab)c; AaTh 502—Ic] [ThMot T511. 1. 1; S211; F577. 2; E761; T589. 3] + (AaTh 314—Ic; Th Mot G461) + Th Mot E366. 1 + AaTh 327—IIf (ThMot G526; G512. 3. 2) + ThMot B184. 1; B401 + (ThMot K1288 ср. здесь № 29, № 34) + AaTh 314—Vacd VI + AaTh 303—IIIad + IV abc (ThMot E366. 1) bc Va + (ThMot D1208; E64. 10) + AaTh 303—Vb + (ThMot D1208; E64. 10) + ThMot D1338 + (ThMot D1173 + D1131. 1).

Варианты: ср. здесь № 61.

Сюжет осложнен тем, что здесь три брата вместо одного героя. Своеобразие финала в том, что лиса превращается в красавицу, когда младший брат ее покоряет; ср. AaTh 406 и здесь № 56 и дальнейшее, как здесь № 54; ср. Ос 1960, № 4; Туркм № 24.

Ближайшие варианты: Ос 1960 № 4 (45–68); Ос 1959, 282—289 (в обоих текстах нет AaTh 303—Vb!); Dr № 11; Ав № 91; Туркм № 24; СМ XXIV, 2: 152.

Близкие тексты (без AaTh 303—III—V): Jungbauer № 10; Pröhle B № 3.

AaTh 321 подчас продолжается как AaTh 314.

EbBo 220 (108—IV) не содержит из типа AaTh 303 больше, нежели EbBo 220—III, 2—3-е,— их варианты связаны с публикуемым здесь рассказом, но EbBo 220 не может служить достаточным определением сюжета.

№ 47. **Тип: EbBo 162, 1 + (AaTh 1061) + AaTh 1060 + (ThMot K70) + + AaTh 1115 + 0 + AaTh 1149.**

Варианты: Christensen № 8; Ос 1959, 132—135; Ав (Schiefner A № XI = CC II, 2 : 71—75); Чеч (Dr № 29 – СМ XXII, з, 9—13); балк (СМ XXIII, з, № 3); Каб II 434–442; СМ XII, 1: 137—142 (каб); АС 248—254; Дол № 67 (= Dr № 2); Абх 1959, 179—183 окончание); Калм С 57—60; Туркм № 36.

Наряду с популярными эпизодами из вышеуказанных типов рассказ содержит редкие мотивы: AaTh 1061: трус сыплет пепел, чтобы доказать, что он ел камни (АС упоминает муку); ThMot K70: укол шилом, чтобы показать свою тяжесть, также АС (ср. здесь № 10 — кошка, также в отношении медведя).

Вставка 0: лепешка из всего мучного запаса великанов и т. д. **Дол стр. 329.**

Дальнейшие варианты: Ос 1959, 135; EbBo 162—IV e, w, aj вместо лисы (AaTh 1149) поп, это существенно, т. к. иначе EbBo 162 не принадлежит к типу AaTh 1149. Большинство турецких вариантов EbBo 162 записано в Карсе и в районах, примыкающих к Кавказу. Tietze: Kp 207—212; Kt 56; Da 550—554; (Kh 43—51); На № 23; (Kr № 33); Дол 369—372, № 80; М. А. Васильев. Памятники татарской народной словесности, Казань, 1924, № 43, 45.

№ 48. Тип: AaTh 552 A—I(a)c + (ThMot R11. 1 + H1385. 1) + AaTh 554—I + AaTh 552—IIab IIIb + (ThMot B181; B211. 3; B401); ср. EbBo 213—III. 9j, l, m, w, x; 108—III, 6ag; ThMot E30.

Варианты: ср. здесь № 32, № 53. Ос 1959, 64—75 (своеобразное окончание); Ав Schiefner № IV = CC II, 5, 30—39); Ав № 95; Чеч (инг) 167—174; АС 53—63; ср. Каб II 69—77; Дол № 5 и № 40; Ос 1959, 76—83 (см. здесь № 45, где AaTh 552 продолжается как AaTh 301); Ос 1959, 76—82 (AaTh 552 + AaTh 301 + AaTh 300, контаминация необычная!).

Ближайшими параллелями являются тексты АС и Чеч, где также содержится тип AaTh 554—I; мотив: волшебного коня помогают добыть звериные мужья сестер -- см. CC II, 5.

№ 49. Тип: 0 + AaTh 707(I)IIa(b)c III bcd IV abc.

Варианты: 0 — Для необычного в этом сюжете начала (заклинание жены и заманивание дочерей в яму) см. EbBo 164, 3—4; (Ос 1959, 193—204; Ос 1960 № 18; (Munkácsi 72—88); Pröhle B № 9; СМ XXIII, з, № 6; АС 210—226; СИД № 86); Микава 55–66; Дол № 27 (= Dr № 9); Дол ВС № 27. Без этого начала ближайшие кавказские варианты: Ав (Schiefner XII = CC II, 5, 39—45);

Чеч 117—127 (плохое изложение этого текста: Чеч 1963, 154—161). Русские материалы — АфАн и АфПр № 283—289. Дальнейшие параллели, дополнительно к ВР 2, № 96, в особенности восточные, а также обзор исследований см. Левин — ТНС стр. 466 № 43. Новейшие записи ср. в регистрах «Fabula»; запись на диалекте пария: I. M. Oranskij — «East and West» (New Series, Vol. 20,— № 1—2, 1970, стр. 169—178).

Исследования (дополнительно): Fr. von der Leyen, Das deutsche Märchen und die Brüder Grimm, Düsseldorf, 1964, стр. 321—324; S. Hoogasian — Villa, 100 armenian tales, Detroit, 1966, стр. 491—495. K. Horálek, Zur slawischen Überlieferung des Typus AT 707,— «Volksüberlieferung, Festschrift für Kurt Ranke...», Göttingen, 1968, стр. 107—114.

Русскому читателю сюжет знаком по сказке А. С. Пушкина «О царе Салтане», оставившей глубокий след в устной традиции народов СССР. В Западной Европе сюжет закрепился в литературе благодаря обработке в сб. G. Straparola, Le piacevoli notti IV—3, [1550], а также изложению в сб. Mme d'Aulnoy, Contes de fées, Paris, 1698 («La princesse Belle Etoile»), а позже в театральной рефлективной записи К. Гоцци «Зеленая птичка» (см. одноименный сборник в переводе М. Лозинского, под ред. Я. Н. Блоха и др., Пг., 1922) и в многочисленных изданиях сказок братьев Гримм (КНМ № 96) и их переводах.

Восточная литературная традиция, оказавшая немалое влияние и в Европе, включая Россию, связана со сб. «1001 ночи» (Li 5, 159—228) по французскому переводу Галлана (Chauvin VII, 95 № 375) «Завистливые сестры».

Литературной истории сюжета предшествовала, сопутствовала и следовала — все в зависимости от места, времени и социальной среды — устная традиция рассказа. Юнгман видит родину этой ныне всемирно известной сказки в Малой Азии (III в. до н. э.— не позже III в. н. э.). Фон дер Лейен, впрочем, без достаточных оснований, опираясь на отдельные мотивы, записанные на древнеегипетских папирусах, склонен видеть родину сюжета югозападнее и датировать его более отдаленным временем. Учитывая персидский источник арабской книги «1001 ночи» и достаточно исконное знакомство с сюжетом в Средней Азии, а также наличие существенных эпизодов в индийской письменности, можно считать, что родина рассказа находилась, вероятно, много восточнее, в индо-иранском мире. О многократном, независимом возникновении сюжета в разное время и разных местах мира не может быть и речи в силу чрезвычайной устойчивости сочетаний ряда мотивов.

Публикуемый текст принадлежит к исконной версии сюжета, в ареал которой прочно входит Кавказ.

№ 50. Рассказ представляет собою псевдофольклорное произведение отражающее чаяния рассказчика, а также его эстетические представления о фольклоре (множество пирожков, покорность и терпеливость молодых влюбленных), как, впрочем, и желание угодить «фольклористике» («бедность» героев в заглавии сказки, хотя по

ходу повествования изображаются они весьма зажиточными). В этом смысле текст имеет и научную ценность.

№ 51. Тип: AaTh (910 + 911 *) (ThMot J21. 22; J21, 27; J21. 28).
Варианты: ср. здесь № 27.

Рассказы о трех мудрых советах, причем самых разных, и их пародии всемирно известны. Генетическая связь вариаций на эту тему обнаруживается в сочетаниях конкретных советов, образующих основные версии этого остроумного сюжета.

Первый совет публикуемого текста «не воспитывать сирот в доме» соответствует дигорской пословице: «У воспитывающего сироту — кровь во рту, у воспитывающего поросят рот в масле» (Миллер ОЭ II, стр. 187); аналогии зарегистрированы в литовском каталоге. Варианты по ThMot J21. 27.

Второй совет не каталогизован; по смыслу ThMot J21. 49 (.1).

Третий совет, самый популярный, соответствует ThMot J21. 22; в сочетании с первым советом засвидетельствован в Литве [см. J. Balys, Lietuvių Pasakojamosios Tautosakos Motyvų Katalogas, Kaunas, 1936, sub 911 *. Чеч(инг) 1940, 150—152].

Для целого: Хаханов I, 266—268; Дол № 11 и № 63; Левченко стр. 174, № 242; 175, № 243; перечень греческих вариантов = Megas MdW, стр. 323, № 58. Турецкие варианты под EbBo 204—III; 256—III; 307—IV; 313; 175—III; 215—III; 315; 350—III; в особенности — EbBo 308.

Литературная история сюжета разбирается в книге А. Весельского (A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, стр. 219—220, sub № 32), где рассказ возводится к индийскому источнику («Шукасаптати»), к которому, вероятно, восходят и ранние еврейские свидетельства (по крайней мере та версия, где мудрые советы дает охотнику маленькая птичка): Bin Gorion, Der Born Judas, Wiesbaden, 1959, стр. 430, № 171; также Mmkwr Jsr'l, T.-A., стр. 430, 431, № 741. Восточная библиография: Chauvin VIII, 138, № 116; 140, № 139. Сборники Straparola I, 1; Sacchetti («Unerhörte Begebenheiten», hg. W. Richter, Berlin, стр. 12—16, 412—424) содержат ранние для Западной Европы свидетельства рассказа.

№ 52. Тип: AaTh 910 + AaTh 986 + 0 + ThMot J21. 2.
Варианты: для AaTh 910 см. выше № 51.

Рассказ начинается также как Абх 1959, 294—296; Туркм № 35, в соответствии с турецкими записями EbBo 308—III, 1. Первый совет — Дол № 11; Ав № 98. Третий совет в сочетании с первым — Абх 1959 294—296; Туркм № 41 (поведение мудреца); в обоих вариантах дочь изображается условно некрасивой, тогда как в публикуемом тексте она и на самом деле некрасива.

Знакомство с разными версиями (шестью разными советами) в репертуаре одного рассказчика (Саухалов Бидзеу) показывает все же стабильность сочетаний мотивов, даже когда ареал их частично совпадает, что объясняется традиционностью версий (литерных подтипов AaTh) и сюжета в целом.

№ 53. Тип: AaTh 552 A—Ic + AaTh 530—Ib(c)d + (ThMot C735. 2;

C951) + AaTh 552A—IIab (ThMot E30) + AaTh 301—Vcd; [EbBo 213—III, 9j, l, m, w, x; (EbBo 108—III, 6ag)] + (AaTh 301—VIf).

Варианты: ср. здесь № 32, № 48.

Публикуемый текст является своеобразной конфабуляцией популярных мотивов, взятых из перечисленных выше повествовательных типов. Наблюдаются следующие особенности рассказа: орел, он же муж сестры, везет героя за конем: AaTh 301—Vcd, что на Кавказе появляется также в типах AaTh 449, AaTh 465 и др.; звери-помощники отсутствуют как в Ос 1959, 64—75 и Ав (Schiefner A № IV = CC II, 5: 30—39). Необычен мотив, по которому сторожа кобылы сами же пожирают жеребенка, тогда как по Калм М 14 это делает змий, а по Чеч(инг) № 171 какие-то орлы. Похищение жеребенка упоминается здесь в № 37 (потому и надо сторожить). Необоснованна жеребьевка стрелой (обычно в AaTh 550—IV, AaTh 301—VI в конце) и правоучение в окончании. Герои наделены именами, что необычно для изложенных здесь сюжетов.

№ 54. Тип: (AaTh 537) + AaTh 465—II. III (+ AaTh 531—IV); (EbBo 99).

Эпизод с человеком-волком: Schiefner — MA III, 1859, № XIV (стр. 392—394) (Bürüchan); Тувинские народные сказки, М., 1971, стр. 36—52. В целом см. Игра Веталы..., № 12 = Волшебный мертвец, 145—150.

Варианты продолжения AaTh 537 = AaTh 313: Ос 1959, 88—94, где орел пожирает куриц; а в продолжении с AaTh 563 — AC 265—268, где аист съедает просо, в тексте Дол № 26 ворона склевывает пшеницу.

Мотив: жена выдает себя рукоделием — ЖС 1916, № 32.

В целом: ср. здесь № 113.

№ 55. Тип: (AaTh 408: ThMot S375; M301. 2. 1) + (AaTh 577) + + ThMot C611; C951; R11. 1; H1385 + AaTh 513 (= AaTh 301—IIa) (ThMot F681; F621; F641. 2) + AaTh 301—IIf + AaTh 302—II—III + + AaTh 301—IVb — Va + ThMot F67 (= EbBo 72, 7—9) + AaTh 300—II—III. IVe. VII + AaTh 301—Vcd + ThMot D834 + AaTh 301—VIf + 0.

Варианты: ср. здесь № 45, № 56.

Для ThMot D834: Schiefner 0 713; Ос 1959, 347; Ос 1960 № 36; Ав № 100.

№ 56. Тип: ThMot N774 + (AaTh 577: ThMot H1023; K771; K71) + + ThMot C611; C951; R11. 1; H1385 + (ThMot D1208; E64. 10) + + (AaTh 513) + AaTh 301—II(a)c + AaTh 302—IIa(bcd)III + AaTh 301—IVb Va + ThMot F67 (= EbBo 72, 7—9) + AaTh 300—II. III + + AaTh 301—Vcd VI(df). EbBo 211.

Варианты: ср. здесь № 45, № 55, № 113. Ос 1960 № 3; ср. Ос ПС 144—162 (начало); Ос ИО 259—261; Ju № 10.

На Кавказе, как и в Турции, этот сюжет записывался в виде конфабуляций, осложненных всевозможными плохо увязанными между собой мотивами.

№ 57. Тип: (AaTh 480—IIe: ThMot S143; S301) + ср. (AaTh 881 AIIIb); (EbBo 186—I, 4—6).

От основного типа AaTh 480 сохранилась лишь общая тема.

Рассказ изложен в современных бытовых тонах, без сказочной фантастики. Публикуемый текст ценен, как ни странно, низким художественным уровнем, свидетельствующим о литературном влиянии на устную традицию.

№ 58. Тип: AaTh 875—Ib (ThMot H631. 2 + H632 + H636 + H641. 1).
Варианты: ССО № 43; Дол № 6; Чеч 155—157; Калм М 235—238.
Публикуемый рассказ представляет собою обособившийся эпизод из знаменитого сюжета.

Специальное исследование: A. W e s s e l s k i, Der Knabenkönig und das kluge Mädchen, Prag, 1929; W. A n d e r s o n.— Hessische Blätter für Volkskunde, 28, 1929, стр. 206—214. [Там же библиография предшествующих разысканий.]

№ 59. Тип: (AaTh 506—I) + AaTh 507 B II—III) + (AaTh 470—I); ср. (EbBo 110—I, 1) + (EbBo 62—IV, 7h) + EbBo 63.

Варианты: для эпизода «мертвец-помощник» — Абх 1959, 197—199; ЯСКиД II, 171—174 (туркм); СМ XXI, 2, 51—56 (азерб); Dr № 17; Ав № 84.

В нормальной версии задача: разговорить красавицу, а не «усыпить», как в публикуемом весьма фрагментарном тексте. Ср. здесь № 113, 121.

№ 60. Тип: AaTh 303—Id (ср. AaTh 314—Iac; AaTh 502—Ic) + + (AaTh 321; ThMot C610; L13) + AaTh 550—I(bc) + AaTh 560—Ic + AaTh 736 + (AaTh 575/516 A) + (AaTh 710; ThMot G261).

Варианты: в основном AaTh 321, расширенный посторонними мотивами,— Ос 1960 № 12 (только начало!); Ос 1951, 166—177 = = СНСК 226—245; Памятники народного творчества осетин, IV, 1930, стр. 85—93; СМ XXI, 2: 225—243 (каб); Р. Ш а у м я н, Агульский язык, стр. 133; Миллер Т № 2; СМ VII, 2, 206—213 (вместе с AaTh 303 A); Дол ВС № 17; Абх 1959, 73—78; ср. Чеч 117—127; Ос НС 226—228, а также здесь № 45, № 113.

№ 61. Тип: (EbBo 220) = (AaTh 303—IIa, IIId, IV a, Va).
Варианты: ср. здесь № 46; Ос 1959, 99—106; Абх Н 154—159.
Специальное исследование сюжета: K. Horálek.— «Folklorica Pragensia», I, Prague, 1969, стр. 47 сл.; K. R a n k e, Die zwei Brüder, Helsinki, 1934 (FFC 114).
Публикуемый текст весьма фрагментарен.

№ 62. Тип: (AaTh 812: ThMot H543 + H602. 1 + H572).
Варианты: для первой части вопросов о символике чисел: (ThMot H602) СС IV, I, 2: 48—50 (лак); V. W l i s l o c k i, Volksdichtung der Zigeuner, 1890, стр. 308; для второй части вопросов («а может быть...?»): Абх 1959, 347—348; Калм 120—124; для целого: СМ VII, 2, № 7; Ос 1959, 380—382; Ос 1960, № 39. F. K a r l i n g e r, Inselmärchen des Mittelmeeres, Düsseldorf, 1960 (= MdW) стр. 59, № 14; M. C a m p b e l l, Tales from the Cloud Walking Country, Bloomington, 1958, стр. 246; M. B o š k o v i ć-S t u l l i, Istarske narodne priče, Zagreb, 1959, стр. 247; «Begegnung der Völker im Märchen», Bd 1. Frankreich/Deutschland, Münster, 1961, стр. 98—100, № 17; F. K a r l i n g e r und B. M y k y t i u k, Legendenmärchen aus Europa, Düsseldorft, 1967, № 6. (Mdw); G. A. M e g a s, Griechische Volksmärchen, Düsseldorf, 1965, № 33

[там же библиография греческих вариантов]. Украинские и русские варианты см. ВР 3, 15 примечание.

Исследование: А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, СПб., 1879—1891, вып. 6—10, стр. 79—82, 430. Кавказские варианты рассматриваются также в «Archivio per lo studio delle tradizioni popolari», Palermo, 1882ff, t. 2, 230. Liungman (sub GS 2036) считает тип цифровых вопросов и их символическое толкование по происхождению семитским, древневосточным. На европейской почве в средневековой, еврейской и христианской, традиции сюжета загадочные числа обозначают библейские реалии. Многочисленные современные устные записи в Северо-Восточной Европе и на Кавказе носят светский характер, что свойственно в особенности второй части публикуемого текста.

№ 63. Тип: (AaTh 409 A; EbBo 85) + AaTh 510—IVa (ср. AaTh 516 B—Ib) + AaTh 533 (ThMot K1911. 1. 1 + K1934 + S165 + E781. 2).

Варианты: для начала Дол № 54 (= Dr № 10); ср. здесь № 76; для AaTh 533 — Дол № 46; Азерб 230—240; Калм М 241—245, Tietze ad EbBo 85: Cr 149—152; Su I 98—110.

№ 64. Тип: (AaTh 570) + AaTh 510—IIef + (ThMot G11. 5; K1614). Вариант: ср. здесь № 34.

Публикуемый текст фрагментарен, окончание рассказа импровизовано. По ходу повествования — весьма короткого — родители уже умерли, следовательно «отделяться от отца» излишне.

№ 65. Тип: (AaTh 1650) + AaTh 552 A—Ic + AaTh 560—I (ThMot M815. 2) II. III(ab)c + AaTh 552—IIIb + (AaTh 560—IVc).

Варианты: редкая контаминация двух сюжетов AaTh 552 + + 560; ср. здесь № 102. В несчастьях виновна жена: Миллер Т № 8 (29—50); Калм С 68—72; 108—112 (= Волшебный мертвец, 81—88 = = Игра Веталы, № 8); Ju № 3. Жена невиновна по записям: Дол ВС № 14; АФ 151—154; Туркм № 35 — в начале последнего варианта также содержится AaTh 1650. Публикуемый текст по изложению эпизодов близок к Калм М 70—77, да и в целом восходит, по-видимому, к калмыцкой версии сюжета.

№ 66. Тип: (ThMot T64; C842; C951; G440; R11) + (ThMot M 301. 2. 1; M411. 5; S375) + (ThMot R154. 1) + (ThMot F531. 1. 5. 1; N825. 3; H1233. 1. 1; H1235) + (ThMot H1114) + (ThMot D1208; D1402; D1338) + AaTh 550—IV (ThMot K2211; K1931; B542. 1. 1).

Варианты: для мотива T64 — хан женится по настоянию народа — ср. здесь № 119, № 121; Pröhle В № 1; для мотива «мать похищена»: ср. здесь № 37; Дол № 2; Дол ВС № 35; № 43; СНД № 58; в целом близкие записи: Дол № 1; Дол ВС № 9; СНД № 58.

Публикуемый рассказ осложнен побочными, трудно сочетаемыми мотивами и эпизодами, поэтому приключения оказываются недостаточно мотивированными.

№ 67. Тип: AaTh 875 D—IIb (ThMot H586. 3) + (H586. 5) (+ AaTh 891B *) + (EbBo 366—III; EbBo 262).

Варианты: Schiefner O 701—8; Памятники народного творчества осетин, IV, 1930, стр. 63—66 (= Ос 1959, 389—393), ср. Ос 1959, 343—345 и 386—388; Чеч 133—136; АС 123—126; Дол № 66; Ав № 39.

Вопрос о длинной или краткой дороге встречается в этом сюжете реже других: Б. Левнер, Кол агадот йсраэл, Варшава,

т. 5, № 139 (еврейский вариант). Наведение моста см. ЖС 1916, № 9. АфАн 327. Для EbBo 262 — Tietze: Si 50—51; Decamerone I № 5, Ba II № 13; Mf № 74. Загадочные вопросы задает отец, чтобы проверить догадливость сына и снохи — Памятники народного творчества осетин, III, 1928, стр. 40—47 = Ос 1959, 348—358; Ос НС 65—70; Ос НЮ 325—330; Каб II 369—373; [418—422]; Абх 1959 237—244; подробности см. EbBo 235—III, 1 bp III, 3 bp.

№ 68. Тип: AaTh 875—III + (AaTh 875 B_4 (E)) + AaTh 875—IV.

Варианты: Christensen № 9; Ос 1960 № 63 [только для AaTh 875 B_4 (E)]: для AaTh 875—IV: Ос НС 39—40; Каб II 424—426; Чеч 155—157; СНД № 75; Абх 1959 287—289; Калм М 235—238. Мотив: рыбы потравили просо (абсурд!) — Ос 1960 № 63; Christensen, № 9; At I № 50.

Русские параллели: АфАн 328—329 (комментарий!); АфПр 328—329. Левченко II 562 № 617, № 618, № 619 (учтены в монографии Де Фриза); Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, 5. СПб., 1896, 2, 75—77.

Эпизод: жена забирает с собою самое драгоценное (мужа) (в библиографическом анализе BP № 94 E), известный по «Декамерону», засвидетельствован гораздо раньше в еврейской письменности в «Мидраш Шир-га-ширим» (изд. Вюнше, 1880, стр. 28) и «Песикта» (изд. Бубер, л. 147а).

Исследование: J. de Vries, Die Märchen von klugen Rätsellösern. Helsinki, 1928 (= FFC 73); Liungman 288 сл.; Schwarzbaum sub AaTh 875.

Публикуемый текст восходит к восточной версии этого всемирно известного и в течение двухтысячелетней истории усложнившегося сюжета.

№ 69. Тип: AaTh 881 = EbBo 195.

Варианты: ср. здесь № 119; Ос 1959, 394—399; СНД № 40 (избрание царя, портрет); Азербайджанские тюркские сказки, М., 1935, № 46, 47; Азерб 178—187 (окончание), 64—76 (окончание); ср. АфАн тип 883, а также Левченко № 547; Дол № 64. Lidzbarski 93—108; Tietze: Ne 325—330; Kp № 25; ср. Kr № 42; Le № 56; R. Tauscher, Volksmärchen aus dem Jeyporeland, Berlin, 1959, № 13; Узбекские народные сказки, Ташкент, 1961, т. 2, стр. 20; Казахские народные сказки, М., 1952, стр. 242.

Эпизод с портретом см. K. Horálek,— «Fabula», 7, 1964, стр. 13 (Anm. 28); H. Paasonen, E. Karahka, Mischärtatrische Volksdichtung, Helsinki, 1953, № 94.

Публикуемый текст представляет собой сокращенное изложение широкоизвестного в народной литературе сюжета, особенно популярного на Ближнем Востоке (Chauvin V, 94). На фоне турецких вариантов EbBo 195, отличающихся от нормальной версии, сформулированной AaTh 881, и индийского варианта Таушера, некоторые отрывочные мотивы нашего текста (например, мнимая болезнь оклеветанной невесты) приобретают логически обоснованный смысл. Вне этого контекста изложение рассказа кажется нагромождением разных эпизодов.

№ 70. Тип: (AaTh 655) = EbBo 348—I, 5 (ThMot J1661. 2 + F647. 5. 1).

Варианты: СМ XII, 1, 97—100 (каб); Дол ВС № 1; Калм М

216—222; Туркм № 56; Хаханов I, 110—112; Азерб. 280—288; M. Gaster, Exempla of the Rabbis, London, 1924, № 51.

Исследования: Megas — «Laografia», 1956; Schwarzbaum sub AaTh 655.

Сюжет всемирно известен. Своеобразие публикуемого текста в том, что умные братья ищут свою, а не чужую пропажу. От нормальной, древнейшей версии этот осетинский рассказ отличается тем, что вкус мертвечины оказался в хлебе (обычно в вине, из нескольких виноградин с кладбища). Этой деталью подтверждается генетическая связь осетинского варианта с турецкими, в которых, однако, как и в нормальной версии, как незаконнорожденный и т. п. разоблачается судья или царь. Публикуемый текст в этом отношении весьма близок к литературному варианту на арамейско-еврейском языке, опубликованному и прокомментированному М. Гастером. К литературной истории см. Chauvin VII 159, № 438, 162, № 439; VIII 92, № 63; A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, № 37.

№ 71. Тип: (ThMot K412: EbBo 351—III, 1k) + AaTh 1535—II (ThMot K121) + AaTh 1535—IVa (ThMot K941. 1) + AaTh 1655—II (ThMot K2152; K1383) + (ThMot K944) + AaTh 1535—Vab (ThMot K711; K842) + (ThMot K1081. 1; K1883. 6); ср. EbBo 351, I — 1, 5, 6.

Варианты: ср. здесь 97 Munkácsi II 64—69; Ос 1959, 383—385; Ос 1960 № 25; ср. Миллер ОС № 1 (окончание); Чеч 1963, 219—221; СС V, 2, 42—46 (чеч); СС VII, 2 № 4 (дарг); Дол № 61. E. Bleichsteiner, Gurier (Caucasica I) № 1; Ad EbBo 351 — Tietze: Tk 35—53; Da 518—520; Kh 13—18; Ha № 42; Kr № 22; Ma № 25; At I № 39; см. Левин: ТНС № 66.

Исследования: Suchier, Der Schwank von der viermal getöteten Leiche, Halle, 1922; J. Müller, Das Märchen vom Unibos, Jena, 1934; W. Anderson,— «Hess. Bll. für Vkde», 34, 1935, стр. 156—162; M. de Meyer, Vlaamsche Sprookjesthema's etc, Leuven, 1942; Liungman 304 сл.; Schwarzbaum sub AaTh 1535.

Самое раннее свидетельство этого всемирно известного сюжета содержится в китайской «Трипитаке», переведенной с санскрита (начало нашей эры). В X—XI вв. эпизоды этого сюжета были версифицированы по-латыни. В прозе рассказ известен по арабским источникам «1001 ночи». Библиографию см. Chauvin V, 247, № 147.

Своеобразной чертой публикуемого текста можно считать мотив «человеческих следов у быка», а также и окончание типа AaTh 1577. Сочетание проделок принадлежит к древнейшей, восточной версии рассказа.

№ 72. Тип. (AaTh 1691 + (AaTh 1685 A—Ib)).

Вариант: ср. Калм М 230—235.

Этот повествовательный тип зарегистрирован каталогом AaTh в Германии, Литве, Южной Европе, Китае, Индии и в Америке, преимущественно Латинской. На Ближнем Востоке сюжет редко встречается в публикациях (единичная запись в Палестине: Jason — «Fabula», 7, 218). Публикуемый текст уточняет ареал; по-видимому, это русское, украинское заимствование.

№ 73. Тип: (AaTh 433: ThMot D191) + AaTh 425—Ib(c) IIb + ThMot D154. 1 + (AaTh 425—IV) + 0.

Варианты: ср. здесь № 109, 118, 123; Левин — ТНС № 34.

Исследования: J.-Ö. Swahn, The Tales of Cupid and Psyche, Lund, 1955; W. Anderson,— «Hess. Bll. für Vkde», 46, 1956, стр. 118 сл.; G. A. Megas, Das Märchen von Amor und Psyche in der griechischen Volksüberlieferung, Athen 1971; «Amor und Psyche», hrsg. G. Binder und R. Merkelbach, Darmstadt, 1968.

Публикуемый текст является вариантом широко известного по античному роману Апулея сюжета об Амуре и Психее. Swahn подверг детальному анализу 1042 варианта этого знаменитого рассказа, среди которых был один-единственный с Кавказа. Андерсон и Мегас почти удвоили число текстов. Осетинская запись содержит следующие мотивы по описи Swahn — Megas: I, з — бездетная рожает змея-юношу; II, з — жених в облике змея; IV, з — нарушение запрета уничтожать оболочку жениха (или еще: IV, 1 — освещать ночью мужа? ср. «затоплю печь»!; V, 6а — дорогу к исчезнувшему мужу указывает старуха. Остальные мотивы недостаточно четко выражены; очевидно, рассказчик очень плохо знал сюжет: так, остается неясным, почему невеста выходит за змееобразного жениха? откуда она знает, что под змеиной чешуей юноша? почему жена пролила так много слез («до щиколотки»)? зачем нужна снедь для собак? что кроется за фразой «по дороге испытали много трудностей», каких именно? Далее может вызвать недоумение читателя полное отсутствие «счастливого конца», что так несвойственно сказкам вообще. Ответ на эти вопросы прямо вытекает из реконструированной нормальной версии сюжета и после сличения нашего текста с вариантами соответствующей версии (подтипа!). Выявленные в данном тексте мотивы и их непонятые рассказчиком остатки позволяют с большой достоверностью отнести осетинский вариант к версии А, т. е. к основной и древнейшей композиции этого рассказа. Тем самым ближайшими источниками осетинской традиции — если данный текст отражает ее полностью — оказываются греческие, что чрезвычайно важно в культурно-историческом отношении как показатель других подобных связей. И именно в этом тяготении пересказов хорошо известных сюжетов к определенным версиям, типам, имеющим свою географию, ареал и историю, а также, впрочем, в интенсивности традиции, в степени знакомства с сюжетом и проявляется местная специфика. На этом примере читатель может себе уяснить научное значение собирания, публикации и подробнейшего изучения, казалось бы, избитых и даже сбивчиво рассказанных сюжетов. Двух тысяч вариантов, записанных в течение свыше двух тысяч лет на разных языках в разных местах земного шара, и двух капитальных исследований, потребовавших от ученых не менее двух десятилетий упорного труда, оказалось еще слишком мало, чтобы ответить на два основных вопроса: где и когда возник этот рассказ, продолжающий занимать мысли и чувства людей разных культур и эпох.

№ 74. Тип: (ThMot P251) + AaTh 1137 + ThMot N774 + (ThMot E32; E161; E168) + AaTh 1088 + (ThMot F913).

Варианты: ср. здесь № 113; для AaTh 1137 — СС VII, 2, 9 (осет) = Dr № 66; Ос НС 35—39; Ос НЮ 305—306; СС V, 2 = Dr № 65; Pröhle K № 5 (ср. здесь № 75); Чеч(инг) 271—273 (продолжение AaTh 650B); Чеч 1963, 12—13 (продолжение AaTh 650B: Калм M 194—197); ЖС 1916, № 18; Каб Н 191—197 = CM XII, 1; 80—86.

№ 75. Тип: AaTh 1960 + AaTh 650B.

Варианты: ср. здесь № 28, 31, 42.

Это весьма редкое сочетание сюжетов опирается на местную традицию: ССО № 103. Однако публикуемый текст, как, впрочем, и параллели Ос 1959, 417—419 и Pröhle K № 6 (самый логический вариант!), ср. Чеч(инг) 271—273, непосредственно не связаны с Орбелиани и его возможным источником, так как нигде нет начала, подобного № 75, из «Синдбад-наме» и эпизода с любовником тещи. Не совпадает и параллель Миллер ОЭ I, 2, № 3.

По нормальной версии первой части, самым большим существом является козел (который отсутствует в варианте СС III, 2, 14—15 [осет]). В некоторых вариантах между быком и орлом упоминается рыба: Ос 1959, 179—180; АС 271—272; ЯСКиД 2, 1949, 65.

Для второй части: Миллер ОЭ I, 2, № 3 (и здесь сильнее всех тесть). Мотив: в черепе лисы находят ночлег 40 возниц с повозками соли — CM XII, 1, 93—96 (каб). Поведение девушки, как в тексте «Сербские народные сказки», М., 1956, 9—15 (окончание).

Для целого: Памятники народного творчества осетин, III, 1938, стр. 47—53 = Ос 1959, 178—183 (в рассказе молчаливой царевны); как отдельный рассказ Ос 1959, 417—418; СС III, 2, 14—15 (осет); ЯСКиД 2, 1949, 65; АС 271—272; ср. CM XII, 1, 93—96; Дол № 96; Абх Н 148—150; ЖС 1916, № 36; как вопрос людоеду — CM VII, 2, № 9 (осет) = Hahn № 8; СС V, 2 (каб) = Каб Н 450—452; Pröhle K № 5 (AaTh 1137); Чеч 1963, 25—26.

Своеобразием публикуемого текста и кавказских вариантов AaTh 1960 о больших предметах или животных и великанах является их «достоверность», они не подаются слушателю как небылицы, что характерно для Востока. В этой связи надо рассматривать сюжет и в составе сказаний о нартах. Фабула в разных жанрах, в сказке и предании, остается неизменной. Жанровая принадлежность ни в коей мере здесь не определяет древность сюжета и его исконность у осетин.

№ 76. Тип: AaTh 567 A IIa + AaTh 567 IIId (ThMot H171) + + (AaTh 566 IIa + AaTh 567 II) + AaTh 518 + (AaTh 613 IIb) + + AaTh 567 III + AaTh 207 C + AaTh 567 A V + ThMot D1454. 4; D1454. 2. 1 + AaTh 533 (ср. AaTh 403 IIbc; AaTh 450 IVac) = (EbBo 174).

Варианты: ср. здесь № 78; Дол № 13; № 17, № 46; Дол ВС № 14 (см. здесь № 65); Дол ВС № 37; СМ XXIII, з: № 7 (балк); CM XXI, 2: 68 (кирг); Туркм № 32; Lidzbarski 253—257; Awroman (Meyer — Benedictsen and Christensen № 4); At III, № 54.

Этот сложный рассказ восходит, по-видимому, к народной книге («Тути-наме»?). Учитывая наличие в тексте AaTh 207C (ослица звонком подает жалобу царю),— засвидетельствованного в средневековой литературе повествовательного типа, ближай-

шими вариантами наряду с Дол № 13 являются: Ju № 2; Stumme № 6. В отличие от прочих типов, составляющих публикуемый здесь рассказ, сюжет AaTh 207C на Кавказе встречается редко; в последние годы он был записан у выходцев из Ирана и Афганистана: Jason — «Fabula», 7, 1965, стр. 143 sub 207 C («Israel Folktale Archiv», 4100, 2684, 2685, 3991); Z. Baharav, Sixty Folktales, Haifa, 1964, № 23.

Для AaTh 533: ср. здесь № 63.

№ 77. Тип: AaTh 554—Ib IIg (= AaTh 329—Iab (зеркало) с IIb IIIa).

Варианты: Памятники народного творчества осетин, IV, 1930, стр. 93—97 = Ос 1959, 173—177; СНСК 10—15 (осет); Ос 1959, 261—269 (продолжение AaTh 875 D I + 945—II + 916 II cd + + 875 D III); Ав № 97 — см. Schiefner № VII = СС II, 5: 48—52; Чеч 1963, 336—339 (кум); СМ XII, 1: 117—122 (каб); Дол № 53; Dr № 1; Абх Н 169—178; Калм М 175—178.

Освобождение рыбы (вероятно, из AaTh 506?): ОСС 1959, 261; Дол № 53; Dr № 1; СМ XXI, 2: 51—56 (азерб); Dr № 18; ЯСКиД 2, 1949, 171—174 (туркм); Дол ВС № 7; Ав № 97.

Обычно последним помощником является лиса, но в тексте Калм М 178 лиса превращается в женщину, которая прячет юношу в руке, подсовывая руку девушке под мышку. Наш рассказчик, видимо, смягчил пикантную ситуацию. По Ос 1959, 177, вместо лисы, старая женщина превращает юношу в кошку, которую прячет за зеркалом. Наконец, юноша оказывается спрятанным под ложем, но в виде блохи: Чеч 1963, 339 (кум); Калм М 178; Ав № 97.

Мотив: полет героя на орле может быть отнесен к AaTh 301 Vc, ср. еще Калм М 175—178 и Ав № 97.

Liungman (стр. 161) считал возможным соотнести сюжет о благодарных животных с шумеро-вавилонским преданием об Этане и, опираясь на мотив полета героя на орле — весьма несущественный в публикуемом контексте,— приурочить рассказ по крайней мере к III тыс. до н. э. Тщательное изучение клинописных и других свидетельств предания об Этане (AaAn 222B + + AaTh 537) не дает оснований для такого определения сюжета (I. Levin, Etana — «Fabula», 8, 1966, стр. 1—63).

№ 78. Тип: ThMot F211; F721. 2 + D1601. 10; D1523 + (C31; Q338; Q263; C961. 2; D231) + AaTh 566—I(a)b IIa III—IVa(b) = EbBo 174 + EbBo 175.

Варианты: ср. здесь № 76. Специально для EbBo 175: Tietze — Le № 53; Ju № 2.

Исследования: A. Aarne,— «Mémoire de la Société Finno-Ougrienne», XXV, 1908, стр. 83—142; Liungman, стр. 172 (Fortunatus).

Этот рассказ засвидетельствован в Западной Европе в народных книгах начиная с начала XVI в. Аарне в свое время пришел к выводу, что соответствующая сказка сложилась в Европе относительно поздно и предположительно на основе восточных мотивов. Выявленные в Малой Азии и на Кавказе варианты позволяют отнести сюжет к более раннему периоду и искать его родину значительно восточнее. Публикуемый текст, очевидно, восходит не к турецкой традиции, а к северной, поволжской.

№ 79. Тип: (AaTh 881 + AaTh 712); ср. ThMot N352 = (EbBo 209—III, 1e + EbBo 209).

Фабула этого рассказа содержит популярные в восточных персидско-турецких народных книгах эпизоды: полумертвый на кладбище (и частично другие приключения) — EbBo 307—I, 2—5 (в особенности вариант c); Ernst I, 27—35; прятание драгоценностей в пище (и другие приключения) — EbBo 209—I, 4—5 (ср. AaTh 745 A).

Сюжет публикуемого текста плохо мотивирован; он недостаточно ясен и по другим турецким изустным вариантам. Но художественно слабый осетинский пересказ какой-то лубочной народной книги (вероятно, персидской!) и его, очевидно, совершенно адекватный перевод представляет для советских фольклористов особый интерес. Текст изобилует бытовыми деталями и фразами, отражающими обстановку военных лет (соображения «об улучшении питания», квартиры снимаются у «съемщика», «рубли», нелегальное лечение раненого, отрицательная характеристика богатого жениха, железная дорога, проездной билет и др.). Морализующая концовка никак не увязана с содержанием рассказа, но зато отражает представления рассказчика о значении словесности. Действительность, как хорошо заметно на этом примере, окружающая рассказчика, находит выражение лишь в поверхностных деталях, сюжет же остается таким, как он был воспринят ранее.

О персидском происхождении повествовательного типа AaTh 881 см. K. H o r á l e k, Aus dem persischen Märchenschatz,— «Ethnologia Europaea», vol. II—III, 1968—1969, стр. 184 сл.

№ 80. Тип: (AaTh 923 B IIa. III) = EbBo 256—III, 1 b, c, e, n.

Варианты: Vidin № 2 (AaTh 923 B + 986); Vidin № 11.

Сюжет в турецкой традиции имеет две версии, по-разному мотивирующие союз умной девушки с глупым, никчемным юношей: в силу веры в судьбу, или же для доказательства, что только женщина может сделать из дурака настоящего человека (есть и другие, менее популярные доводы).

Публикуемый текст представляет собой своеобразно обособившуюся часть сюжета.

№ 81. Тип: (AaTh 507 B II) + ThMot D1472. 1. 8 + AaTh 513 (ThMot F601) + ThMot M241. 1 (= AaTh 507 B III) + ThMot B11. 2. 8. 1; B401; R11. 1; H1385. 1 + AaTh 302—II. III (ThMot F601. 1; H970); ср. AaTh 552 A.

Варианты: ср. здесь № 45, № 55.

Публикуемый текст является весьма своеобразной композицией широко известных мотивов. Герои, их способности необычны. Непонятно их поведение в свете нормальной версии соответствующих повествовательных типов.

Для обряда побратимства: CC IV, 2, 15 (чеч).

№ 82. Тип: (AaTh 409 B*: ThMot T11. 1) + ThMot D361. 1; K1335 + + AaTh 400—IIIi VId (ThMot H94).

Варианты:

Рассказ сильно и, пожалуй, насильно исламизирован (имя суженой красавицы ищут в Коране!). Ближайшие параллели для

начала: Чеч(инг) 167—174. Для мотива T11. 1 — СНД № 71 (где имя юноши звучит похоже, Чигалп). В близком по теме сюжете EbBo 212—I, 1—2 — имя искомой красавицы Алданмаз. В ингушском варианте она названа Джинагаз. Так как в Коране, вопреки убеждению рассказчика, имени Чиглаз нет, то надо полагать, что имя красавицы попало вместе с сюжетом фольклорным путем.

Своеобразием публикуемого текста является представление, что личная судьба и вообще любые сведения записаны в Коране.

№ 83. Тип: (AaTh 925).

№ 84. Тип: AaTh 910 (ThMot J163. 4 + J21 + (J21. 21) + J21. 20) + + AaTh 425 (ThMot J21. 3 + J21. 2) = EbBo 308—III, 2.

Варианты: для начала — Чеч 150—152. Для мотива: юноша в виде жабы; чтобы его расколдовать, необходимо стойкому мужчине нагрубить соблазняющей его женщине — СМ XXI, 2, 175—181; АС 165—176 (окончание). Мотив: похищение мальчиков ради наживы — становится в этом сюжете более мотивированным в свете варианта Asral, Suat Salih: Öz Türk Masallari, Mersin, 1935, стр. 42—43. Публикуемый текст вообще близок к турецким вариантам EbBo 308, где встречаются те же советы и приключения, в том же сочетании.

№ 85. Тип: Li IV, 327—329 (тематически близко к EbBo 269).

Варианты: в арабских источниках этот анекдот рассказывается о писателе Джахизе (Ernst II, 623—625); Stumme, 132—133.

Сюжет не каталогизирован, но известен уже по «Синдбад-наме» и «1001 ночи». Публикуемый текст — важное свидетельство устного бытования анекдота на Кавказе.

№ 86. Тип: AaTh 875 B4; ср. здесь № 68.

№ 87. Тип: ср. AaTh 1842 (схема); Raudsep, Antiklerikale estnische Schwänke, Tallinn, 1969, № 234.

№ 88. Тип: (AaTh 1831).

Вариант: ср. Калм С 165.

№ 89. Тип: (AaTh 1831).

№ 90. Тип: AaTh 1730 = (EbBo 268).

Варианты: Туркм № 67; ср. Чеч 213—215; Dr № 75 (чеч). АфАн приложение III, № 6 и 7 (= «Русские заветные сказки», № XIV).

Исследования: Bédier, Les Fabliaux, Paris, 1893, стр. 454.

Публикуемый текст отличается от нормальной версии этого древнеиндийского сюжета и его ближайших турецких вариантов краткостью приключений (один любовник вместо трех) и отсутствием мотива сундука, в котором прячется застигнутый врасплох. В осетинском изложении начальная сцена у реки кажется излишней, простым отражением бытовых деталей, однако если сравнить осетинский вариант с русским (АфАн прил. II, № 6) и некоторыми другими этого ареала, проясняется драматическая необходимость сцены с конем и водопоем, ибо здесь поп ржет, как жеребец, каждый раз, когда приглянувшаяся женщина проходит мимо, а она (по наущению мужа) однажды отвечает ему кобыльим ржанием в знак согласия. Муж отправляется в дорогу, взяв коня у попа. Таким образом вступительный эпизод осетинского варианта становится понятным не как бытовая деталь, которая может возникнуть случайно как отражение окружающей действительности,

а как рудимент генетической зависимости от определенной версии, вероятно русской. С турецкой записью из Анкары, в отличие от вариантов АфАн 6 и 7, наш осетинский, весьма сжатый пересказ также обнаруживает генетическую общность в другом мотиве, по которому муж мстит попу тем, что совращает попадью. Промежуточное размещение эпизодов осетинского варианта между русскими и восточными составляет своеобразие кавказской традиции всемирно известных сюжетов, сложившихся наподобие анализируемому там, где еще не было ни православных, ни мусульманских священников. На этом примере пытливый читатель может прийти к пониманию силы и живучести нехитрого произведения словесности, где-то когда-то кем-то пущенного в литературный оборот. Хотя приключения, вроде описанных здесь, могли бы иметь место чуть ли ни в любом месте нашего мира ежедневно на протяжении последних тысячелетий и, следовательно, о подобных проделках могли бы рассказать участники или очевидцы, тем не менее здесь и во многих других сборниках предлагаются более или менее искусные пересказы о д н о г о произведения, записи которых обнаруживают генетическое, а не иное сходство. Выявление и изучение этого сходства является нелегким уделом филологов-рассказоведов, стремящихся понять своеобразие и значение каждого текста.

№ 91. Тип: AaTh 1696 (ThMot J2129. 4 + (J2461. 1. 5) + J2132. 1 + + J2461. 1. 1).

Варианты: обычно дурень кладет иглу в сено — этим мотивом начинается и Ramstedt № 1; Калм С 161; Абх 1959, 315—317 — следовательно, ближайшие параллели.

Исследование: M. H a a v i o, Kettenmärchenstudien, I, Helsinki, 1929 (= FFC 88), стр. 86 сл.

Публикуемый текст представляет собою сокращенное сочетание эпизодов этого сюжета, редкого на Кавказе.

№ 92. Тип: AaTh 1430 A + AaTh 1384 + AaTh 1287 + 0; EbBo 331—III, 1, c, g.

Варианты: Kr № 21; Df № 66; At I № 41; Sc № 97; Dy № 12—14; Kh 52—56. Pröhle B № 7; AC 255—257; ср. Чеч 1963, 217—218 — порядок эпизодов неодинаков! Начальный эпизод (сестры оплакивают неродившегося сына, «упавшего» с дерева) дважды записан в Турции. В публикуемом тексте ожидаемая печаль доведена до реальных поминок. В варианте Прёле (балкарском) воображаемая смерть мальчика, отданного в солдаты и «погибшего» от рук врага, побуждает родню пойти войной на мнимых убийц! Этот рекорд глупости и, пожалуй, эпизод со всадниками весьма оригинальны. Эпизод 0 с нивой и ветром выражен неясно.

Генетические специальные связи осетинского варианта этого древнего, хорошо известного в европейской средневековой литературе индоиранского сюжета могут быть установлены лишь монографическим исследованием указанных типов.

№ 93. Тип: AaTh 1698 A = EbBo 320.

Варианты: Миллер ДС; Ос 1960 № 59; Tietze: Ja 67—76; Kr № 17; Sc № 95; Lb № 35.

Исследование: A. Aarne, Schwänke über schwerhörige Menschen, Helsinki, 1914 (= FFC 20).

Своеобразие публикуемого варианта заключается в том, что здесь землепашец убивает скотовода-пастуха, а не наоборот, как это напрашивается по нормальной версии и турецким записям EbBo 320, 1—4. Сюжет индоиранского происхождения.

№ 94. Тип: AaTh 1534 + 0 + (ThMot K420) + AaTh 1681.

Варианты: Азерб 328—331 (только AaTh 1534!); Туркм № 42 (в обоих вариантах содержится и AaTh 1735); СНД № 81 (AaTh 890 + AaTh 1534 — см. там развернутые примечания); Lidzbarski 258—263; At III № 54.

Исследование: Z. Sofer, Das Urteil des Schemjaka, Gottingen, 1965 [Diss.].

Своеобразие публикуемого варианта в том, что пострадавшие не подают иска в суд.

Мотив 0: один выдает себя за четверых.

№ 95. Тип: AaTh 1006 * + AaTh 1009 + AaTh 1653A + B + 0 = EbBo 330 + EbBo 324.

Варианты: Ос 1959, 369—372; Lorimer, Persian tales, London, 1919, стр. 70—78, № 12 (ср. стр. 124—134, № 21); Tietze: Ba I № 180; Pröhle K № 3 (угроза вступить в драку, если тарелку сдвинут с места).

Эпизод «охраны дверей» (AaTh 1653A) широко бытует во всей Европе. Любопытно, какими языковыми средствами передается «недоразумение». В данном тексте понятия «закрыть» и «снять» дверь обозначаются одним словом. В русских текстах дураку велят хорошенько сторожить дверь, он снимает ее с петель. Естественность недоразумения вследствие двусмысленности языка (например, осетинского) не может служить показателем места возникновения эпизода, что методологически весьма поучительно (ср. библиографию эпизода F = BP I № 59). Древнейшее свидетельство эпизода мы находим в китайском переводе санскритского сборника «Трипитака» (середина I тыс. н. э.). Спустя полтысячелетия эпизод засвидетельствован в индийской книге «Катаритсагара».

№ 96. Тип: AaTh 1525D(a) = ThMot K341. 6; + AaTh $1525H_2$.

Варианты: Ос 1959, 373—379; ср. здесь № 98; Дол № 69. Для AaTh 1525Da: СМ XII, 1: 130—136 (каб); A. Christensen, Contes persans en langue populaire, København, 1918, стр. 65—67, № 9; ЖС 1916, стр. 116, № 26 (кирг).

№ 97. Тип: AaTh 1551 + AaTh 1539 (ThMot K111. 2 + K131. 1) + 0; = = EbBo 351—I, 3; EbBo 351—III, aa, ad.

Варианты: Для AaTh 1551 — Чеч(инг) 216—217; АФ 190—194. Для ThMot K 111. 2 — Дол № 29. Для ThMot K131. 1: — АФ 190—194.

В целом: Munkácsi, II, 64—69.

Не характерен для сюжета мотив мнимой смерти и омоложения хитреца — эпизод 0.

№ 98. Тип: 0 + AaTh 950 Icd IIb + 00 + (AaTh 950 IIIa); = (EbBo 342).

Варианты: для эпизода 0 — в какой башне деньги — Ос 1959,

38 Заказ 2079

373—379; для эпизода 00 — поиск вора при помощи животных — Ос 1959, 373—379; Ав № 36; Дол № 69; Lidzbarski 241—248.

Оба мотива отсутствуют в EbBo 342.

В целом: СС VII, 2: 16—19 (осет); Dr № 74 (имерет); Ав № 36; Дол № 69; Чеч 227—230; Lidzbarski 241—248; здесь № 96.

Исследование: библиографию см. Левин — ТИС, стр. 475—476, № 77.

Сюжет в целом и многие эпизоды данного варианта засвидетельствованы у Эйгаммона из Кирены (Северная Африка), затем у Геродота на греческом языке (V в. до н. э.) как рассказ о ловком воре, похитившем сокровища египетского царя Рампсинита. Этот один из древнейших повествовательных типов широко распространен в устном репертуаре Евразии и Африки, он хорошо известен в древнеиндийской, китайской и средневековой европейской литературе. Сравнительный анализ источников показывает, что устная традиция предшествует и сопутствует письменной традиции сюжета, которые в зависимости от места и времени, а также социальной среды по-разному переплетаются.

Публикуемый текст хорошо отражает восточную версию. Генетические кавказские связи обнаруживаются в наличии мотивов 0 и 00.

№ 99. Тип: AaTh 449 = (EbBo 204); АаАн *449А; ср. здесь № 33, № 74.

Варианты: Миллер ОС № 2; Ос 1959, 234—240; АС 188—193; СС IV, 2, 21—26 (чеч); Абх С 202—205; СМ XII, 1, 78—80. Особую группу образуют: Миллер ОЭ I, № 11, Ос НС 59—63; Ос НЮ 105—112; также близки СС IX, 2, 22—34 (осет). К EbBo 204, 3abcd примыкают кавказские записи Miller — Stackelberg № 5 = Миллер ОС № 3 (здесь № 28); Ra VII, 46—49, № 1.

Более исконным является вариант: СС IV, 2: 8—15 (чеч); тогда как текст Ос 1959, 234—240 примыкает к сюжету «1001 ночи» (Li VI, 268—282), т. е. к АаАн *449В и русским вариантам.

В свое время В. Андерсон на основе всех доступных тогда вариантов выявил две версии сюжета: русскую и кавказскую, которые восходят к восточному, вероятно арабскому, источнику с богатой литературной историей.

Публикуемый текст, значительно отличаясь от турецких вариантов EbBo 204, довольно близко подходит к опубликованным у Афанасьева без указания источников русским текстам (II, № 254 и в особенности № 255). Данная осетинская запись лишена многих признаков, характерных для выделенной «кавказской версии».

Необычная для сказок этого сборника форма повествования в первом лице соответствует EbBo 204 (без рамочного рассказа).

Завершающий эпизод осетинского варианта совпадает в некоторых специфических мотивах с армянской записью: А. Т. Ганаланян, Армянские народные сказки, Ереван, 1965, стр. 229—230 [впервые опубликована в Константинополе 1884 г. в сб. «Хамов — хотов» Г. Сврандзтяна].

Исследование: В. Андерсон, Роман Апулея и народная сказка, I, Казань, 1914.

№ 100. Тип: (AaTh 672 D) + AaTh 1115. Ср. здесь № 47.

№ 101. Тип: ср. (AaTh 303 IV).

Варианты: Миллер ДС № 4, где, наоборот, красавец Антонико, а заключительный эпизод отсутствует. Об обычае выдать себя на смерть врагу см. Миллер ОЭ I, 3 № 14. Мотив: муж оставляет у чужой жены какой-нибудь предмет, нарочно или случайно — см. Миллер ОЭ I. 1 № 11. (AaTh 449) ср. здесь № 99.

Bergé (86—88) излагает рассказ как эпизод истории черкесов периода 1640—1648 гг. (Антико и Канбулат: последнего обвиняют в сношениях с девушкой Антико; Канбулата убивают, а девушку продают в рабство). Подтверждение историчности можно узреть в том обстоятельстве, что в 1723 г. известны кабардинские князья-братья Асланбей и Камболат-оглю по фамилии Гонболат оглю (СМ XVII, 1, 180).

В контексте сюжета о двух братьях встречается мотив: меч между названными братом и сестрой, как в данном осетинском тексте, уже у Saxo, Gesta Dan. Lib II (1200 г.).

Исследование: K. Ranke, Die Zwei Brüder, Helsinki, 1934, (FFC 114) (на основе 770 вариантов). Ученым учтены 11 кавказских вариантов этого повествовательного типа (AaTh 303), среди которых один осетинский из СМ XXXIII, 3, 24.

Мотив ревности братьев представляется К. Ранке неисконным в сюжете (стр. 305), однако в этом контексте мотив засвидетельствован уже в Италии не позже 1634 г. Он достаточно характерен именно для восточных вариантов. Для этого ареала показательно и то, что только один брат уезжает, тогда как второй остается дома.

Публикуемый текст по жанру относится не к сказкам, а к восточным приключенческо-романтическим новеллам (дастанам), что в известной мере обусловлено личным вкусом и поэтическим опытом рассказчика — народного певца Д. Гатуева. На этом ценном примере видна условность жанровых классификаций и роль сказителя в передаче всемирно известного сюжета.

№ 102. Тип: AaTh 560 I(b)c + (AaTh 563) + AaTh 560 II—III bc. IVac; = EbBo 58.

Варианты: Ср. здесь № 65. Tietze: Ki 221—228; Da 328—330; Da 456—464; Kh 63—67; Df № 9; Lb № 100; Ra I 88; W. Eberhard, Folktales of China, Chicago, 1965, № 62.

Публикуемый текст широко известного сюжета гораздо длиннее других обозримых вариантов. Это объясняется индивидуальной манерой народного певца Д. Гатуева, весьма склонного, судя по другим, не вошедшим в сборник записям, к свободным, пространным композициям. Объем рассказов, даже независимо от сюжетов, меняется в зависимости от места и времени, но еще больше — от обстановки и поэтического опыта рассказчика. Народные певцы обычно очень своевольно, т. е. плохо рассказывают сказки, даже когда они их неплохо знают.

№ 103. Тип: AaTh 828 = AaTh 173.

Исследование: Schwarzbaum 313.

В античной эзоповской традиции в басне фигурируют конь, бык, собака и человек, которых создает Зевс (ср. Басни Эзопа. Перевод статьи и комментарий М. Л. Гаспарова, М., 1968, стр. 94,

№ 105). Публикуемый осетинский текст отражает нормальную версию сюжета, в которой упоминаются последовательно человек, осел, собака и обезьяна. В продолжительности периодов имеются расхождения. (Подробности, по которым можно установить генетическую зависимость многочисленных устных и литературных вариантов см. BP III, стр. 292 к сказке Grimm KHM 176, где, кстати, животные сами одаряют человека за гостеприимство годами их жизни; бог здесь не упоминается.)

№ 104. Тип: ср. (AaTh 531—IV; ср. AaTh 449).

Варианты: СС III, 2, 19—23 (осет); Ос НС 316—324; ср. Памятники народного творчества осетин, IV, 1930, стр. 115—121 = = Ос 1959, 227—233; СНД № 36 (лак); (ср. Дол ВС № 5).

№ 105. Тип: ThMot J486 + AaTh 332 IIac; ср. ThMot H1281; + AaTh 332B *; = EbBo 112.

Варианты: СМ XIX, 2, 145 № 3; СНД № 107.

Сюжет всемирно известен. Мотив: смерть справедливее бога — особенно широко распространен в этом сюжете в католической Западной Европе и редок в мусульманском мире, где рассказ завершается тем, как мнимый врач одурачивает ангела смерти Азраила.

Публикуемый осетинский вариант излагает сюжет серьезно, как сказку о счастье, привалившем честнейшему бедняку. Ради этой тенденции рассказчик пожертвовал традиционным финалом, в котором бедняк предстает хитрым плутом (AaTh 332 III + IV).

№ 106. Тип: (AaTh 750 B); ThMot K1811; ThMot Q1. 1; Q292. 1; Q45; ср. здесь № 116.

Варианты: Этнографические материалы, собранные в Волынской и соседних с ней губерниях, т. II, Житомир, 1911, стр. 85—91, № 86; (Хаханов 274).

№ 107. Тип: (AaTh 530 IIb) + AaTh 900 II + (AaTh 310); ср. AaTh 850 I. Ср. здесь № 35 (37).

Скорее своевольный, нежели своеобразный конгломерат противоречивых мотивов. Красавица сначала добровольно уединилась в башне, но позже выясняется, что она в плену у женщины-чудовища. Елиа-Илья как громовник, упоминание ангелов и т. п. легендарные черты никакой роли в сюжете не играют. Образ своевольной смуглой красавицы часто встречается в осетинском репертуаре: Ос НС 105—108; 116—126; 249—257; 314; 337—342.

Публикуемый текст имеет научное значение как относительно раннее свидетельство конгломератов, разложения сказочного жанра. Запись произведена в начале века!

№ 108, № 109. Тип: (AaTh 846 *) + (ThMot C53; Q263) + (AaTh 550A: ThMot S268) + ср. (AaTh 934D [1]) + AaTh 1155.

Оба публикуемых текста записаны в одном месте и почти в одно время, но от разных лиц, индивидуальность которых сказалась уже в объеме изложения несомненно одного сюжета. Поскольку нет оснований считать первый вариант (со слов С. Медоева) источником второго варианта, постольку неправомерно в научном отношении сравнивать эти тексты между собой вне совокупности всех прочих вариантов сюжета, где бы, когда бы, кем бы и от кого бы они ни были записаны. Каждый вариант по-своему

отражает свой источник, в конечном счете нормальную версию, являющуюся стержневой для большой совокупности вариантов. Без реконструкции этой нормальной версии и в дальнейшем архетипа, исходной версии, отдельные варианты оказываются, в сущности, несличимыми, несравнимыми. Тем не менее оба наши варианта существенно отличаются в ряде деталей. И эти отличия не представляются локальными, так как тексты записаны в одном месте, они не являются и эпохальными, так как они записаны в одно время, они не являются и социологически или индивидуально-психологически значимыми. Не может быть здесь и речи о «национальной специфике». Отличия текстов могут быть осмыслены преимущественно как культурно-исторические. Тщательный анализ текстов, проведенный специалистом в этой области У. Мазингом, выявил идеологический, а именно религиозный характер многочисленных отличий.

Темой сюжета служит следующее: святой (Уасгерги) может помочь верному почитателю своему даже тогда, когда другие святые (или даже сам бог!) против этого почитателя.

Тема эта по смыслу политеистически-христианская (в частности, православно-католическая). Это представление, отраженное во многих легендах, учениях и культах, было воспринято и мусульманством, где подобные предания, явно несовместимые со строгим монотеизмом и другими догматами ислама, подверглись сознательной или несознательной (а потому еще более действенной) цензуре. Следы такой обработки («редакции») отчетливо видны во всем дагестанском репертуаре, особенно же в Осетии и Грузии, на стыке двух миров — христианства и мусульманства:

1. В мусульманском варианте бедняк клянется не именем святого Уасгерги, а именем бога.

2. Уасгерги все же появляется и в мусульманском варианте, но не по своей воле, а как пророк по велению бога (который вопреки полагающемуся «всеведению») не знает тайных замыслов бедняка: посланник должен проверить бедняка!

3. В христианском варианте Уасгерги наставляет бедняка, как избежать потерь урожая от града. Поэтому Хуари-Уацелла снова жалуется богу, который наущает его проклятию: «дневная молотьба — кожаный мешок!» В мусульманском изложении поле бедняка просто остается нетронутым градом. Потом приходит черт и произносит непонятное здесь проклятие: «тьфу, да не простит тебе Аллах! Он погубил посевы всех людей из-за одного человека. Пусть по воле бога...» и т. д. Шайтан выведен здесь как правоверный мусульманин, покровительствующий людям. При этом не то сам Аллах, не то кто другой вредит благоденствию людей!

4. В мусульманском варианте последовательность событий спутана: появляется Уасгерги, который разъясняет бедняку, что бог (!) сохранил урожай, но черт проклял его, потому надо перехитрить черта так-то... Получается, что черт все-таки действовал вопреки воле бога! (Это несовместимо со строгим исламом.) В христианском изложении (как и в нор-

мальной версии сюжета) Уасгерги научил верного ему бедняка избежать вреда от проклятий как самого бога, так и Хуари-Уацеллы. Для мусульманина это недопустимое святотатство и оскорбительная для монотеизма ересь!

Как видно из этих сопоставлений, исламизация сюжета, как это часто наблюдается на Кавказе, да и в аналогичных ситуациях, привела к нарушениям логики, противоречиям и многим несуразностям, которые, очевидно, не помешали рассказчику, его слушателям, а может быть, и нашим читателям.

Публикация двух вариантов этого сюжета весьма целесообразна. На этом примере читатель поймет значение понятия «вариант», трудности сравнения пересказов одного сюжета и восстановления «нормальной версии», т. е. правильной последовательности эпизодов и мотивов, смысл научных усилий по выявлению отличий вариантов и объяснения причин, в данном случае культурно-исторических, религиозных, и стало быть идеологических, факторов, нарушающих механическое воспроизведение широко известного сюжета.

№ 110. Тип: (AaTh 460B + ср. AaTh 735); ср. ThMot N127. 0. 1.

Варианты: Ср. Миллер ОС № 2 (начало); СМ XXVII, 3, 63—66 (ос) Абх 1959 23—24.

Исследование: Schwarzbaum, стр. 260, 264, 272, 273.

№ 111. Тип: (AaTh 1199; ср. AaTh 330; AaTh 1184).

Вариант: СНД № 107 — для мотива «после третьего раза».

Несуразность текста: крещение Магомета!

№ 112. Тип: ? ср. ThMot 610 сл.

№ 113. Тип: (ThMot H1471; G346; B11. 2. 8. 1) + (ThMot S211; T615; F611. 3. 2) + (ThMot G461); + (ThMot N774); D531; ThMot D721; T22; T55 + ThMot C610 + AaTh 1137 (ThMot D1612. 4; E64. 10) + + ThMot F1041. 11 (ср. AaTh 301 IV) + ThMot D1174. 1 + (AaTh 531 IIb ср. AaTh 550 IIIb ср. AaTh 707 III) = AaTh 465 II. III. Ср. здесь № 40, № 45, № 54, № 56.

Произвольная композиция широко известных на Кавказе типов, эпизодов и мотивов (см. тексты в данном сборнике!). Ср. Миллер ОЭ I, 1, № 11; Ос НС 144—162; Ос НЮ 259—270.

Мотив голой женщины: Дол ВС № 5. Завершающий эпизод: превращение родителей в свиней противоречит основной теме преданности детей: СНД № 49 (кум); Pröhle K № 2 (царь — свинья, а народ — собаки: в конце AaTh 514/531). Дол № 4 = Дол ВС № 30 (царь — заяц, а министры — волки). Из потустороннего мира приносят вещь: Дол № 43; Дол ВС № 8, № 36. Любопытно, что ближайшая параллель публикуемого текста, а именно СНД № 49 (кум), начинается по кавказской версии типа AaTh 303A [СНД № 51 (лак); Дол ВС № 14; № 20 и др.], что противостоит типу AaTh 321 (см. также AaTh 531 IIb III).

Подобные конгломераты характерны для народных певцов, когда они переходят по просьбе собирателей к прозе. Можно предположить влияние лубочного, вероятно персидского, источника.

№ 114. Тип: (AaTh 905 A *) + ThMot C450; C770; Q331; (Q501. 2).

Для мотива сомнительной нравственности жены святого:

Миллер ОЭ I, № 11 (Ос НС 59—63); ср. также СС IX, 2: 22—34 (осет). Мотив: тяжелое кнутовище — см; Ос НС 152, 274—275; ср. Абай Гэсер Хубун I, Улан-Удэ, 1961, 93. Яблоко, полное мерзостей, см. здесь № 27.

В публикуемом тексте сочетаются христианские элементы с мусульманскими персонажами (даже буквально понятый «рычаг Архимеда»). Утопически и анахронически рассказанные «легенды» показывают полное отсутствие историзма у рассказчиков, что недоучитывается исследователями из «исторической школы», одним из родоначальников которых был и Миллер, введший в оборот науки осетинские материалы.

№ 115. Тип: (ThMot D1081; F833).

Вариант: СС IX, 2: 21 (осет; вместо Уасгерги здесь Батраз).

Этиологическое окончание: почему у рыб за ушами разрез (относящееся к группе Sinninghe FFC 132, стр. 50 № 119с *) не зарегистрировано в каталогах. Предания о рыбах на Востоке вообще, и на Кавказе в частности, очень редки.

№ 116. Тип: ср. АаАн 750 В. Ср. здесь № 106.

№ 117. Тип: АаАн 770 * = (AaTh 822).

Нормальная версия этого анекдота повествует о сочетании прилежной девушки с ленивцем. Действующие лица: Иисус и Петр, апостолы. Ранним свидетельством А. Весельски считает еврейско-христианскую книгу «Толдот Йешу» = Historia Jeschuae Nazareni, ed. Huldrico, Leyden, 1705, стр. 48 сл. (См. A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, № 22).

№ 118. Тип: AaTh 425 I(a)b(cd) + (IIb) + ThMot D154. 1 + AaTh 425 (IV. V). Ср. здесь № 73, № 123.

Исследования: J.-Ö. Swahn, The Tale of Cupid and Psyche, Lund, 1955; G. A. Megas, Das Märchen von Amor und Psyche, Athen, 1971.

Среди исследованных Swahn 1137 вариантов, только одна запись (имеретинская) с Кавказа, она помещена в его подгруппе X, которая не имеет достаточно выраженных признаков. Медвежонок в качестве сына встречается в этом сюжете (AaTh 425) крайне редко: см. Megas, вариант 194 (одна запись из почти 500 изученных им греческих вариантов!). Этот вариант принадлежит по классификации Swahn — Megas к подтипу: D. Между тем наш фрагмент сюжета лишен других признаков этого, кстати малоазиатского, подтипа. Ввиду этого появления «медвежонка» — вероятно, случайность, возникшая под влиянием других сюжетов или по неизвестным индивидуальным причинам.

№ 119. Тип: AaTh 881 [ThMot (D1338. 1. 1); E80] = (EbBo 195).

Варианты: Ср. здесь № 69. G. Dumézil, Contes Lazes, Paris, 1937, стр. 58—77; Tietze: Ne 325—330; Кр № 25; (Kr № 42); Le № 56; THC № 46.

Эпизод совращения верной жены святым и богом (AaTh 882A *, AaTh 712, ThMot K2112) известен и по нартским сказаниям: Миллер ОЭ I, 1, № 9; Ос НС 29—30; Ос НЮ 86—89. Женщина считает себя недостойной любви бога, за это исполняется ее желание. Мотив: муж низкого рода награбил богатство, его вынуждают жениться на благородной девице — см. здесь № 121, также

Pröhle B № 1. Мотив: оживление вяленой рыбы — известен по многочисленным пересказам «Романа об Александре». Мотив: мост из волоса и чудесное бегство — относится к типу AaTh 313 IIId и необычен в контексте AaTh 881.

№ 120. Тип: AaTh 460AB + AaTh 461A; Вопросы: ThMot H1292. 2; H1292. 9; = EbBo 127.

Исследования: A. Aarne, Der reiche Mann und sein Schwiegersohn, Hamina, 1916 (FFC 23); Liungman, стр. 110 сл.

Варианты: Munkácsi, II, 11—17. Dr № 3 = № 41; Хаханов I, 96; Дол № 65; Ав № 35; СНД № 83; СМ VII, 2, 125—128 (азерб); АФ 177—179; Туркм № 39; Белуджские сказки, II, М.— Л., 1949, № 2; ZDMG XXXVI (1882), 22—29; Lorimer, Persian Tales, 1919, стр. 113—117; 293—296; O. Mann, Die Tâjik-Mundarten der Provinz Fârs, Berlin, 1909, str. 110—113.

Публикуемый текст несколько спутан, вероятно неопытной записью, он примыкает к версии, хорошо известной в Малой Азии. Образ человека-моста здесь «нартизован», по другим источникам — это перевозчик, которому следовало посадить на весла другого, чтобы избавиться от труда (BP I, 293 прим. 2). Вопросов обычно три, здесь их пять. Христианский налет неисконен, сюжет известен и в Китае, где он имеет буддийский оттенок. Юнгман склонен датировать сюжет VII—III вв. до н. э.— не позже III в. н. э. Родину анекдота он видит между Эгейским и Средиземным морями.

№ 121. Тип: AaTh 530 IIb(e)f + AaTh 506 I(a)IIc + (AaTh 315A—IV) + + AaTh 470—I(b).

Задачи жениху: СМ XXIII, 3, № 3 (балк). Препятствия в пути в виде гостей: СМ XXIII, 3, № 3. Возвращение невесты при помощи благодарного мертвеца: СМ XXIII, 3, № 3. В этой параллели встречаются и другие общие мотивы, но есть и отличия вроде поучения мертвеца не ездить по ночам, а также побольше истреблять немусульман.

Окончание рассказа о просьбе мертвеца Барастура принести ему в жертву его вдову не характерно для сюжета.

В целом публикуемый текст представляется своевольной композицией.

№ 122. Тип: (ThMot T131) + AaTh 706—Id II—IIId—IV + (AaTh 1920F) = EbBo 246.

Варианты: СНД № 66 (лезг), № 72 (авар); Дол № 10.

Исследование: Liungman, стр. 194 сл.

Мотив: наказание отсечением рук — в публикуемом тексте, как и в многочисленных европейских вариантах, никак не обоснован. Зато в древнейшем восточном, арабском, источнике («1001 ночь», изд. Henning, ч. VII, ночь 348) эта жестокая кара угрожает каждому, кто будет давать милостыню бедным. Далее следует легендарный рассказ о приключениях милосердной женщины, которой чудом возвращаются руки. Из ряда европейских вариантов следует, что наказание это совершилось из мести, за отказ жениться на отце или брате. Эта мотивировка, вероятно, исконна в сюжете. Публикуемый текст, как весь сборник, лишен откровенно сексуальных деталей, может быть поэтому некоторые

мотивы оказываются вообще непонятными. В общем вариант хорошей сохранности.

Литературная история «Безручки» в Западной Европе началась в XII в. и продолжалась вплоть до XIX в., когда подобные трогательные истории широко распространились в лубочных изданиях.

Восточное происхождение рассказа, несмотря на свидетельство «1001 ночи» и проповедь милосердия в духе Корана, не доказано.

Публикуемый текст близок к описанию сюжета в EbBo 246, составленному по двум турецким вариантам. На турецком языке сюжет засвидетельствован, однако, раньше, в сб. XIV в. «Ferec ba'ad eş-şidde», XXX.— A. Tietze готовит исследование этого памятника повествовательной литературы.

Осетинский вариант едва ли восходит к тюркскому источнику, скорее наоборот: изложение носит, пожалуй, христианский характер (рыжие и голубоглазые проживают в ближайшем соседстве осетин).

№ 123. Тип: AaTh 425 Iabc IIb IIIa + ThMot D154. 1 + ThMot H161.

№ 124. Тип: AaTh 470B + AaTh 470 *; ср. АаАн 471 *.

Варианты: Дол № 28 = Дол ВС № 34 = Dr № 6. Мотив яблок встречается именно в грузинских и осетинском вариантах, что сводит их к общей версии сюжета.

Рассказ широко распространен в средневековой литературе, которая восходит к более древним ближневосточным источникам. В еврейской талмудической традиции легенда связана с именем Хони (трактат «Та'анит», 23). Дополнительные данные Schwarzbaum, стр. 86, 459; Грессман возводил рассказ даже к поэме о Гильгамеше [BP IV 269: H. Gressmann, Gilgameš, 1911, стр. 198].

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

АаАн (*61): 12.— 72**: 22.— *449A: 99.— 471*: 124.— 750B: 116.— 770*: 117.— (936*) : 39.— *2100: 5.

AaTh (FFG 184) 8A: 20.— 15: 20.— (20D*): 9, 12.— (37): 20.— 50A: 17.— (61): 6.— 61A: 9.— (73): 20.— 81: 22.— (103): 10.— 113B: 6.— 122: 9. 12.— (122E): 4.— (126): 4.— (130A): 23.— (154): 2.— 155: 18, 26.— 157: 8.— 173: 103.— (182): 26.— 207C: 76.— 212: 23.— (223): 9.— (247): 21.— (285B*): 26.— (300): 35, 44, 45, 55, 56.— 300A: 33.— (301): 37, 39, 43, 44, 45, 53, 55, 56, 113.— (302): 44, 45, 55, 56, 81.— (303): 45, 46, 60, 61, 101.— (304—IIe): 29.— 306—II. III: 44.— (310): 107.— (312): 44.— (312D): 33.— (313): 40, 43.— (314—I): 46, 60.— 314—II: 43.— (314V—VI): 35, 46.— (315A—IV): 121.— (321): 60.— 327—IIf: 46.— (329): 77.— (330): 111.— 332 IIac: 105.— 332B*: 105.— (369—I): 33.— 400—Id: 37.— 400—IIIi VId: 82.— (403—IIbc): 76.— (406): 32.— (408): 55.— (409A): 63.— (409B*): 82.— (425): 73. 84, 118, 123.— (433): 73.— 449: 99—104.— (450 IVac): 76.— 460A: 120. (460B): 110, 120.— (461—IVabc): 39.— 461A: 120.— 465 II—III: 54, 113.— 470—I: 59, 121.— (470—II): 27.— 470B: 124.— 470*: 124.— (471—III):

27.— (480—IIe): 57.— 480—IVc: 33.— 502—Ic: 46, 60.— (502— IIac): 43.— (506): 59, 121.— (507): 26.— (507B): 59, 81.— (510): 38, 63, 64.— (513): 45, 55, 56, 81.— (516—III—V): 45.— (516A—Ic): 33, 60.— (516B—Ib): 63.— 518: 76.— (530—Ia): 29, 36, 37, 53.— 530 IIb(e)f: 35, 36, 107, 121.— (530—III): 35, 36.— (531 IIb): 113.— (531—IV): 54, 104.—533: 63, 76.— (537): 54.— (545B): 24.— (550)—I: 37, 60.— 550—II: 32, 41.— (550—III): 33, 113.— (550—IV): 33, 37, 41, 66.— (550A): 109.— (552—IIab, IIIb): 48, 65.— (552A): 32, 48, 53, 65, 81.— (554—I): 32, 48, 77.— 554; 77.— (560): 60, 65, 102.— (563): 102.— (566): 76, 78.— (567): 45, 76.— (567A): 76.— (570): 32, 64.— (575/516A): 60.— (577): 45, 55, 56.— (613—II. III): 41, 76.— (650A): 34, 43, 44.— 650B: 28, 31, 42, 75.— 650D*: 33.— (655): 70.— (672D): 100.— (706): 122.— (707): 49, 113.— (709 A—I): 37.— (710): 60.— (712): 79.— (735): 110.— 736: 60.— (750B): 106.— (812): 62.— (822): 117.— 828: 103.— (840): 27.— (846*): 109.— (850 I): 32, 107.— (860A*): 35.— (875): 58, 68.— ($875B_4$): 68, 86.— 875D—IIb: 67.— (881): 69, 79, 119.— (881A): 57.— 900—II: 107.— (905A*): 114.— 910: 51, 52, 84.— (911*): 51.— 915A: 30.— (923B—IIa, III): 80.— (925): 83.— (934D [1]): 109.— (950): 98.— 986: 52, 80.— 1006: 95.— 1009: 95.— 1060: 47.— (1061): 47.— 1088: 74.— 1115: 47, 100.— 1137: 74, 113.— 1149: 47.— 1155: 109.— 1184: 111.— (1199): 111.— 1238: 22.— 1287: 92.— 1384: 92.— 1430A: 92.— 1525D(a): 96.— $1525H_2$: 96.— 1534: 94.— (1535): 71.— 1539: 97.— (1543D*): 27.— 1551: 97.— 1626: 5.— (1650): 65.— 1653AB: 95.— 1655—II: 71.— 1681: 94.— 1685A—Ib: 72.— (1691): 72.— 1696: 91.— 1698A: 93.— 1730: 90.— (1831): 88, 89.— (1842): 87.— (1920F): 122.— 1960: 75.— (2030): 11, 14.— 2031C: 25.

Boggs (FFC 90) (=*80): 5.

Bødker (FFC 170) 407: 9.— 409: 9.— 410: 9.

EbBo 15: 10.— 34: 24.— (36—IV, 12): 24.— (39): 2.— (40): 2.— 48: 18.— (48—IV, 4): 2.— 58: 102.— (62—IV, 7h): 59.— 63: 59.— (72, 7—9): 45, 55, 56.— 73: 36.— (85): 63.— (86—IV, 5—V): 27.— 96, 3.4: 29.— (99): 54.— 108—III, 6ag: 48, 53.— (110—I,1): 59.— 112: 105.— 127: 120.— 162,1: 47.— (174): 76, 78.— 175: 78.— (186—I, 4—6): 57.— (195): 69, 119.— (204): 99.— (209): 79.— 211: 56.— (213—III, 9): 48, 53.— (220): 61.— 246: 122.— (256—III,1): 80.— (262): 67.— (268): 90.— 269: 85.— 284,4: 29.— 308—III,2: 84.— 320: 93.— 324: 95.— 330: 95.— 331—IIIc, g—1: 92.— (342): 98.— 348—I,5: 70.— (351): 71, 97.— (366—III): 67.— Anlage C—1: 20.— Anlage C—13: 27.—

Medne *68: 15.— *86 (Boggs *80): 5.— *88: 13.— *126: 15.— *275: 13.—

Littmann IV, 327—329: 85.

Ae 142: 17.— 449: 22.

ThMot B11.2.8.1: 81, 113.— B115.1: 38.— B181: 32, 48.— B184.1: 46.— B211.3: 32, 48.— B401: 32, 46, 48, 81.— B422: 26.— B505.1: 32.— B512: 32, 33.— B542.1.1: 66.— B785.2: 26.— C31: 78.— C53: 109.— C312.2: 32.— C450: 114.— C610: 60, 113.— C611: 32, 43, 45, 55, 56.— C735.2: 53.— C770: 114.— C842: 66.— C911: 43.— C951: 32, 45, 53, 55, 56, 66.— C961.2: 78.— D49: 43.— D154.1: 73, 118, 123.— D191: 73.— D231: 78.— D361.1: 82.— D466.3: 43.— D531: 113.— D721: 113.— D834: 55.— D925: 33.— D1081: 115.— D1131.1: 46.— D1155: 33.— D1173: 46.— D1174.1: 113.— D1208: 29, 33, 45, 46, 56, 66.— D1209.1: 33.— D1338: 29, 46, 66.— D1338.1.1: 119.—D1381,23.1: 37.— D1402: 66.— D1442.1: 33.— D1454.2.1: 76.— D1454.4: 76.— D1470.2.3: 38.— D1472.1.8: 81.— D1523: 78.— D1523.1: 29.— D1553: 33.— D1601.10: 78.— D1612: 43.— D1612.4: 113.— D1734: 32.— E30: 33, 48, 53.— E32: 74.— E64.10: 33, 45, 46, 56, 113.— E80: 33, 119.— E168: 74.— E366.1: 46.— E761: 46.— E761.1: 32.—

E741.4: 63.— F67: 45, 55, 56.— F171.6: 27.— F211: 78.— F350: 29.— F531.1.5.1: 66.— F535.1: 29.— F577.2: 46.— F601: 81.— F601.1: 81.— F611.3.2: 113.— F613: 37.— F621: 45, 55.— F633: 45.— F641.2: 55.— F647.5.1: 70.— F681: 45, 55.— F721.2: 78.— F833: 115.— F913: 74.— F1041.11: 113.— G11.5: 64.— G261: 60.— G262.1: 37.— G346: 37, 113.— G440: 66.— G461: 46, 113.— G512.3.2: 46.— G526: 46.— H12: 66.— H94: 82.— H161: 123.— H171: 76.— H331.6.1.1: 32.— H543: 62.— H572: 62.— H586.3: 67.— H586.5: 67.— H602.1: 62.— H631.2: 58.— H632: 58.— H636: 58.— H641.1: 58.— H970: 81.— H1023: 56.— H1114: 66.— H1210.1: 37.— H1233.1.1: 66.— H1235: 66.— H1281: 105.— H1292.2: 120.— H1292.9: 120.— H1381.2: 33.— H1385: 37, 55, 56.— H1385.1: 32, 48, 81.— H1471: 37, 113.— J21: 27, 84.— J21.2: 52, 84.— J21.3: 84.— J21.20: 84.— J21.21: 84.— J21.22: 51.— J21.27: 51.— J21.28: 51.— J120: 3.— J163.4: 84.— J216.2: 7.— J217.1: 7.— J486: 105.— J610ff: 112.— J1146: 37.— J1530: 3.— J1661.2: 70.— J1945: 3.— J2129.4: 91.— J2132.1: 91.— J2461.1.1: 91.— J2461.1.5: 91.— K70:: 47.— K71: 56.— K111.2: 97.— K121: 71.— K131.1: 97.— K341.6: 96.— K412: 71.— K420: 94.— K525.1: 33.— K621: 20.— K751.1.1: 10.— K771: 56, 71.— K813.13: 12.— K815.13: 6, 9.— K842: 71.— K931: 20.— K941.1: 71.— K944: 71.— K1081.1: 71.— K1288: 46.— K1335: 82.— K1383: 71.— K1614: 64.— K1811: 106.— K1883.6: 71.— K1911.1.1: 63.— K1931: 37, 66.— K1934: 63.— K2055: 12.— K2152: 71.— K2211: 66.— K2285: 6, 9, 12.— L13: 41, 60.— L112.2: 29.— L114.3: 29.— M241.1: 81.— M301.2.1: 32, 33, 55, 66.— M411: 33.— M411.5: 33, 66.— M815.2: 65.— N122: 7.— N127.0.1: 110.— N352: 79.— N772: 41.— N774: 56, 74, 113.— N776: 29.— N825.3: 66.— N886: 37.— P251: 74.— Q1.1: 106.— Q45: 106.— Q263: 78, 109.— Q292.1: 106.— Q331: 114.— Q338: 78.— Q501.2: 114.— R11: 37, 66.— R11.1: 32, 45, 48, 55, 56, 81.— R154.1: 66.— R154.2: 33.— S143: 29, 57.— S161: 37.— S162: 37.— S165: 37, 63.— S211: 46, 113.— S268: 109.— S301: 29, 57.— S375: 32, 33, 55, 66.— T11.1: 82.— T11.2: 32.— T22: 113.— T24.2: 32.— T50.1: 32.— T55: 113.— T64: 66.— T131: 122.— T381: 32.— T511.1.1: 46.— T589.3: 46.— T589.7.1: 45.— T615: 113.— W154.12.3: 37.— X905: 3.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5
Предисловие 6

ОСЕТИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1. Барс, медведь и волк 17
2. Бедняк, волк и лиса 17
3. Лиса и лисенок 20
4. Волк и семь коз Газза 21
5. Медведь, волк и лиса 25
6. Состарившийся кот 26
7. Баран и заяц 28
8. Барс ищет супротивника 29
9. О лисе и перепелке 30
10. Кот, медведь, волк и лиса 33
11. Мышь, муравей и блоха 36
12. Волк и теленок 38
13. Олень, медведь и два ежа 39
14. Летучая мышь и кузнечик 41
15. Лиса и лисенок 43
16. Человек и еж 43
17. Волк и лиса 43
18. Бедняк, волк и лиса 44
19. Ворона и сова 47
20. Медведь, волк и лиса 47
21. Солнце и лягушка 50
22. Бездомная собака 50
23. Коза и заяц 50
24. Бедняк Цупара и лиса 51
25. Как мышь женилась 54
26. Благодарный человек 55
27. Бедняк и богатей 57
28. Сказка о насильнике 61
29. Мальчик-с-Пальчик, сын бедняка 65
30. Неразумный сын 75
31. Богатырь Домбай 76
32. Алдарский сын 80
33. Единственный сын бедной старухи 91

34. Сын свинопаса 99
35. Вдовий сын 103
36. Фунуктиз, младший из трех братьев 108
37. Три брата 113
38. Девушка-сирота 120
39. Бедный мальчик-батрак 127
40. Царь джиннов и бедняк 131
41. Три сына бедняка 134
42. О насильнике, искателе супротивника 142
43. Единственный сын бедных родителей 146
44. Табунщик Кой, сын алдара 150
45. Сын суки 162
46. Халин-Бараг и три брата 177
47. Бедняк и семь уаигов 193
48. Бедняк и его жена 196
49. Своевольная кривобокая девица Каскатина . . . 202
50. Единственная дочь бедных родителей 213
51. Бедняк и хан-богач 217
52. О бедняке и старике 219
53. Правдивый и в воде не тонет 223
54. Ханский сын 229
55. Матара́, сын Даууая 242
56. Авзонг-Цауайнон, сын бедного охотника 259
57. Мачеха и падчерица 284
58. Алдар и две его жены 290
59. О смуглом юноше 291
60. Алдар и его младший сын 295
61. Три брата и женщина 303
62. Батрак великана 305
63. Две невестки 307
64. Девушка-сиротка 309
65. Младший сын бедняка 311
66. О трех сыновьях хана 315
67. Хан и его батрак 322
68. Дочь вдовы-ведуньи 324
69. Единственный сын бедной женщины Аслан и его жена 325
70. Находчивые гости 330
71. Гунтасий 331
72. Гость и хозяева 334
73. Ханский сын 335
74. Бедняк и семь его сыновей 336
75. Бык Отуга 340
76. Бедняк и три его сына 347
77. Сын рыбака и девушка-затворница 359
78. Хромой солдат 363
79. Сказка о том, что на свете нет ничего лучше и сильнее любви 368
80. Кто умнее — мужчина или женщина? 379
81. Храбрый сирота Асламбек 381
82. Чиглаз 384

83. Из вопросов алдара 387
84. Три товарища 388
85. О хитростях муллы 392
86. Поп и жена алдара 395
87. Поп, жена бедняка и его дочь 396
88. Как туальский поп отпевал покойника-бедняка . . 396
89. Как туальский поп отпевал грузинского алдара 397
90. Поп и бедняк 397
91. Дурень Сонтхела и его жена 400
92. Глупая семья 401
93. Немой и глухонемой 403
94. Про мужа и жену 403
95. О дураке 405
96. О воре 407
97. Жулики и бедняк 409
98. Ногайский и грузинский воры 412
99. Баев Кази 415
100. Сохити Лох и Коголкин Пах 419
101. Антонико и Дзанболат 421
102. Одинокий, сын Одинокого 428
103. Как бог создал человека 440
104. Уастырджи и земной человек Маргуц 442
105. Бог и бедняк 447
106. Старик-кударец 458
107. Смуглая красавица, изнеженная дочь Саулага, и сын Фалвара 463
108. Бог, Хуари-Уацелла, Уасгерги и бедняк 469
109. Бедняк, Уасгерги и черт 476
110. Уасгерги и два брата 479
111. Жизнь и смерть 482
112. Уасгерги и горец-бедняк 483
113. Крым-Саухал и его сын 483
114. Уасгерги и его жена Фатимат, дочь пророка Магомета 493
115. Шашка Уасгерги 496
116. Уасгерги и Татартуп 496
117. Бог, Уасгерги и Никкола 498
118. Дар Фалвара дигорцам 498
119. Жена кумияка 501
120. Искатель жизни 506
121. Бедняк и Барастур загробного мира 510
122. Безрукая девушка 519
123. Сын восточного алдара 527
124. Страна бессмертия 533

Словарь непереводимых слов, собственных имен и терминов 535
Примечания 540
Источники 544
Типологический анализ сюжетов 550

ОСЕТИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор И. Л. Елевич
Младший редактор Р. Г. Канторович
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры
В. В. Воловик и Р. Ш. Чемерис

Сдано в набор 17/I 1973 г. Подписано к печати 27/VII 1973 г. Формат 60×84$^1/_{16}$. Бум. № 1. Печ. л. 37,5. Усл. п. л. 34,875. Уч.-изд. л. 35,88. Тираж 75 000 экз. Изд. № 2504. Зак. № 2079. Цена 2 р. 36 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

осетинские народные сказки